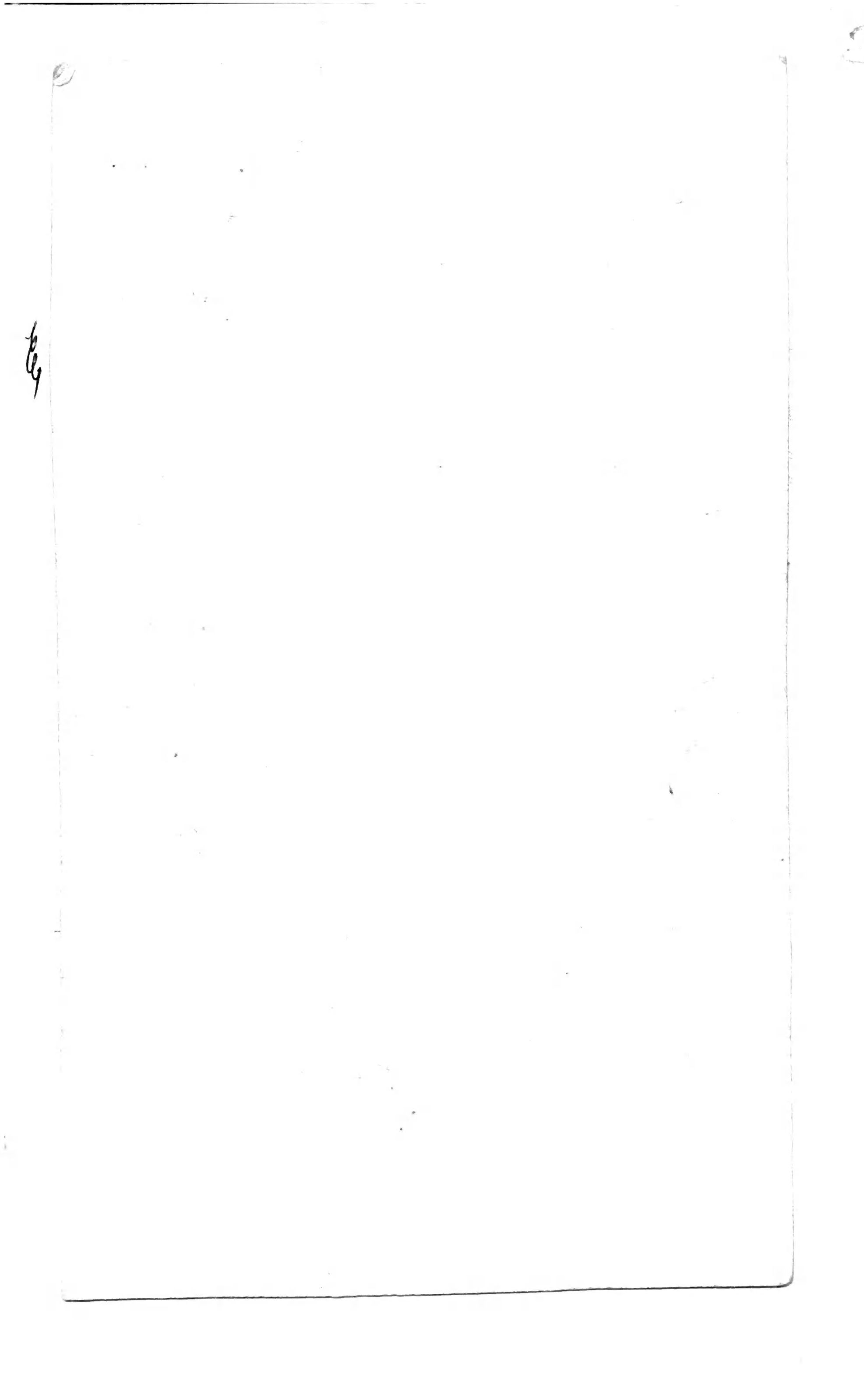

СТАЛИН. РАЗГАДКА СФИНКСА

М. АХМЕТОВ

Марат Ахметов

Сталин.
Разгадка Сфинкса

Караганда
«Учебная книга»
2006

ББК 63.3(2)
А 95

Ахметов М.М.
А 95 Сталин. Разгадка Сфинкса. - Караганда: ТОО «Учебная книга», 2006. - 584 с.

ISBN 9965-9788-4-0

Настоящее произведение казахстанского автора Марата Ахметова представляет собой историческое исследование, впервые увидевшее свет в 2002 году под названием «Слово о Сталине – последнем императоре России». На суд читателя предлагается новый вариант этой книги, значительно дополненный и исправленный. Марат Ахметов – профессиональный журналист, один из самобытных и талантливых казахстанских литераторов-исследователей; он является автором ряда исторических публикаций и миниатюр, книг и пьес. Автор искренне убежден, что давно назрело время для окончательной реабилитации одного из крупнейших государственных деятелей всех времен и народов.

В книге Генералиссимус изображается не всесильным диктатором или несусветным монстром, а правителем необычайной силы политической воли, персоной с неформальным подходом к решению любой проблемы. Читатель сможет убедиться, насколько нестандартно подается автором Иосиф Сталин и его грандиозные деяния; также интересно представлен минувший век – во всем величии и несовершенстве, трагизме и достижениях.

ББК 63.3(2)

А $\frac{0503000000}{00(05)\text{-}06}$

ISBN 9965-9788-4-0

Памяти отца Мухана (Мухамади) посвящается

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени, того периода, в котором проходила вся его жизнь»

Из высказываний Уинстона Черчилля о Сталине

«Сталин
и теперь живее
всех живых –
наше знанье,
сила и оружие»

«Как личность – Сталин для России Горец»

Авторский перифраз изречений поэта Владимира Маяковского и английского драматурга Макса Бирбома

Предисловие

Великий римский писатель-моралист Корнелий Тацит счел необходимым свои главные произведения предварить нижеследующим.

«...Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всесильны, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало – под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти... Но если лесть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде... тем, кто решил непоколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти...»

Однако, вознамерившись рассказать о временах правления императора Тиберия и его преемников «без гнева и пристрастия», вследствие личной незаинтересованности, Тацит, пожалуй, не смог избежать субъективности. Уж слишком мрачными мазками обозначен колорит его «Анналов» и «Истории».

Отсюда можно сделать вывод о том, насколько непросто бывает порою отобразить достаточно взвешенно те или иные события и персоналий, в них задействованных. Данный фактор превосходно осознавал Стендаль, безапелляционно утверждавший в свое время, что через пятьдесят лет придется заново писать биографию Наполеона Бонапарта, а также мимоходом обмолвившийся – «...одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес».

Со дня смерти Иосифа Виссарионовича Джугашвили, вошедшего во всемирную историю под псевдонимом Сталин, в году 2003 как раз миновало полвека.

За пятьдесят с лишним лет опубликовано множество его биографий. После снятия грифа секретности с части советских партийных и государственных архивов в 1991-1992 годах были выпущены также сотни книг, посвященных различным периодам

сталинской деятельности: индустриализации, коллективизации и прочая и прочая. Но данный поток большей частью не внес концептуальных корректировок в представление о «вожде всех времен и народов», сложившееся после сенсационного выступления Н.С. Хрущева в 1956 году.

Главные вопросы и ныне остаются без внятного ответа.

Кто есть Иосиф Виссарионович Сталин?

Действительно ли загадка владычества «кремлевского горца» является величайшей исторической головоломкой, как полагает американский профессор Адам Улам?

Другой же американец – Корделл Хэлл, госсекретарь США времен второй мировой войны, даже прозывал кавказца Сфинксом.

В чем заключаются истинные причины того, что обожаемый в Советском Союзе и мире, как полубог при жизни, обожествленный после смерти, Сталин столь безжалостно и бесповоротно оказался низвергнутым с пьедестала впоследствии, фактически смешан с грязью? Почему один из трех политиков, принимавших около середины минувшего века судьбоносные решения для населения всего земного шара, оказался в столь незавидном положении?

В самой России лишь в последние годы явственно обозначился откат от изображения личности Сталина исключительно как несусветного тирана, какой-то суперадской смеси Джека Потрошителя, Чикатило и Ивана Грозного в одном лице. Даже наиболее ярые антисталинисты наподобие Роя и Жореса Медведевых теперь признаются, что, оказывается, Сталин был «не только вождем, диктатором и тираном», но «за внешней оболочкой культа личности жестокого деспота» скрывался и «обычный человек, думающий, размышлявший, имевший огромную волю, большое трудолюбие и немалый интеллект».

Не составит большого труда заметить в этом показательном силлогизме не одно противоречие и несообразность. Но нельзя не согласиться с сыновьями репрессированного когда-то бригадного комиссара Красной Армии (что и предопределило их исключительно негативное отношение к кавказцу) в том, «что действительно глубокое понимание эпохи Сталина и его роли в мировой истории еще только начинается».

Возвратимся к Стендалю, объявившему также, что его жизнеописание Наполеона является произведением двухсот или трехсот

авторов, а сам писатель в качестве редактора собрал лишь те фразы, которые показались ему правильными. Автор данного труда, следуя общепризнанному французскому классику, попытался на основе известных многим документов и материалов, мемуарной и другой литературы, выстроить собственное видение персоны Сталина и его вклада в историю России и мира. Он постарался придерживаться следующих базисных принципов: точности и беспристрастности, правдивости и объективности.

Автор не ставил своей целью исследовать буквально каждый день жизни Сталина, то есть данный опус не является биографией вождя в строгом смысле данного понятия. Логику действий последнего, на его взгляд, невозможно понять в отрыве от реальностей российской и мировой истории. Поэтому их описанию автор уделяет достаточно большое внимание, стараясь органично вплести туда кавказца и, тем самым выдвинуть свои версии влияния на Сталина общеизвестных явлений и аспектов процесса социо-политического развития и наоборот (в последнюю четверть жизни).

Помимо этого автор попытался в меру своего разумения обозначить важнейшие особенности психологии вождя, а также мотивацию его и других, весьма важных исторических личностей.

Далее он стремится не просто излагать хронологию событий (датируемых новым стилем), но и объяснить, чего, в сущности, добивался своими действиями тот или иной персонаж. Ибо проще всего приклеить ярлык и объявить человека монстром, деспотом и прочая, и прочая. Одновременно автор пусть даже попутно и более чем кратко постарался затронуть родной Казахстан и надеется, что достиг определенной читабельности своего произведения. Этому обстоятельству он также уделил особое внимание и заранее благодарит за понимание вдумчивого читателя.

Пролог

Противник формализма, безответственности и лжи

Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович на основании многочисленных встреч, обусловленных войной с нацистской Германией, безапелляционно заявляет в своих мемуарах: «Мне очень нравилось в работе И.В. Сталина полное отсутствие формализма».

В этом высказывании именитого полководца помимо плохо замаскированного восхищения, на взгляд автора, заключается ключ к разгадке доминирующей черты характера Сталина. То есть в практической деятельности «отец народов» повседневно и повсеместно не руководствовался формально-бюрократическим подходом при решении какого-либо вопроса. Практически всегда он стремился не наносить ущерб существу дела соблюдением внешней формы.

Если Сталин (в периоды полной дееспособности) давал установку соответствующим инстанциям проводить работу в определенном направлении, будь то борьба с противниками государства или построение завода по изготовлению резиновых калош, то акция сия неуклонно претворялась в жизнь.

В этом принципиальное отличие генсека Сталина от его преемников, при которых на разных уровнях принимались сотнями и тысячами постановления, исписывалась тоннами бумага, превращаясь впоследствии в никчемную макулатуру.

Предшествовали же этому действу многолюдные различные заседания, совещания, съезды и тому подобное. Произносились многословные доклады и речи, вырабатывались резолюции, выражавшие какие-то, возможно даже, ценные идеи. Но эффективность их реализации была низкой, несоответственно затраченным усилиям. Формально работа как будто кипела, на самом деле очень часто дело не двигалось с места. В сталинские времена подмена понятий категорически исключалась.

Несомненно, Сталину был присущ особый дар руководителя: при минимуме использования слов и бумаг добиваться максимальной продуктивности действий.

Показательный пример неформального поведения Сталина при-

вел Бернард Шоу, причем сделал это с присущим лишь ему одному неподражаемым ехидством.

Летом 1931 года, вкупе с высокородной четой Асторов, журналистом и политическим деятелем Филиппом Керром, а также маркизом Лотианом, он удостоился Сталиным аудиенции. Уже в начале встречи эксцентричная англичанка американского происхождения леди Нэнси Астор немедленно атаковала генсека. Выпалив с ходу, что большевики не умеют воспитывать детей. Сталин был весьма обескуражен, но, оправившись, ответствовал:

- У вас, в Англии, детей бьют, - присовокупив к восклицанию соответствующее движение руки.

Но леди Астор не унималась, она посоветовала кавказцу не валять дурака (примерно таков был смысл ее слов) и послать в Англию на стажировку неглупую женщину.

Русский лидер, убежденный в том, что его страна делает все правильно в деле воспитания подрастающего поколения, сказался весьма раздосадованным. Однако темпераментная англо-американка, нисколько не смутившись, продолжала упорно гнуть свою линию.

«Пришлите ко мне в Лондон женщину с головой», якобы отдала она распоряжение Сталину, «пусть поучится, как надо обращаться с … живыми пятилетками».

Озадаченный столь бурным натиском столь пылкой особы, вождь, вероятно, решил, что в ее словах есть нечто дельное. Незамедлительно взяв конверт, Сталин попросил надписать на нем лондонский адрес леди Астор. Именитые гости были польщены столь явным признаком внимания, но отнесли его на счет вежливости хозяина, не ожидая никаких последствий. Не тут-то было. Леди Астор вела речь об одной толковой русской женщине. Но не успела непоседливая Нэнси вернуться домой, как из России прикатила целая дюжина советских женщин, и ей пришлось немало с ними повозиться при передаче своего опыта детского воспитания.

Еще один известнейший советский военачальник, маршал Василевский Александр Михайлович, детально рассказывал о том, насколько Сталин бывал нетерпим к малейшей неаккуратности при исполнении служебных заданий. В таких случаях практически не было предела его резкости и суровости. Случай с офицером Ивановым В.Д. может послужить наглядной иллюстрацией.

Это произошло в 1939 году во время монголо-японского столкновения на Халхин-Голе. Из Москвы в район боевых действий –

Монголию, был направлен командарм II ранга Штерн Г.М. Его своевременному прибытию придавалось очень большое значение. Организация перелета была возложена на Генеральный штаб, а непосредственно отслеживал маршрут передвижения красного военачальника исполняющий обязанности начальника оперативного управления Иванов. На основании его информации глава Генштаба Борис Михайлович Шапошников периодически докладывал правительству и лично Сталину. Точно в назначенный день и час Штерн прибыл в Читу. До конечного пункта назначения военачальнику оставалось лететь менее часа.

Утром следующего дня Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что командарм Штерн находится на месте. То есть продублировал сведения Иванова. Спустя некоторый период времени Шапошникову вновь позвонил разгневанный Сталин и потребовал отдать виновного в дезинформации под трибунал. Оказывается, Штерн телеграфировал в Москву и сообщил, что находится до сих пор в Чите из-за разыгравшейся непогоды.

Дело Иванова, не удостоверившегося в факте, казалось бы, пустякового перелета из Читы на территорию Монголии, в трибунал, правда, не передали, ограничившись судом офицерской чести. Но из Генштаба отчислили, а в дальнейшем назначили начальником штаба одной из дальневосточных армий.

Зимой 1941-1942 годов, когда Генштаб испытывал очень острую нужду в опытных штабных работниках, Василевский, проконсультировавшись с некоторыми членами Политбюро ЦК партии, возвратил проштрафившегося кабинетного функционера для более рационального использования. Все шло нормально. Но однажды Сталин, случайно заметивший, что Иванов возвратился и работает в Москве, потребовал незамедлительного удаления провинившегося когда-то офицера, с теплого, по мнению высшего военного иерарха, местечка. Василевскому, по его словам, пришлось затратить немало усилий, чтобы отстоять в аппарате Генштаба Иванова. Лишь мотивировка острейшего дефицита квалифицированных штабных исполнителей позволила убедить Сталина. Последний разрешил Иванову остаться с большой неохотой и с условием, чтобы тот не попадался на глаза Верховному Главнокомандующему, то есть ему.

Случай с Ивановым, допустившем непростительную оплошность, наводит на определенного рода размышления. Очень многие мемуаристы единодушно заявляют, что Сталин органически не пе-

реносил малейшего обмана. Он мог многое простить, но фальсификацию, особенно заведомо умышленную, не прощал никому и никогда. Обманувший доверие вождя человек, какие бы заслуги он не имел в прошлом, практически переставал для него существовать. Полностью реабилитироваться фактически никому не представлялось возможным, тем более, если кремлевскому горцу внушали наличие умысла. В неумолимости его жесткой, но не жестокой, натуры было что-то сверхчеловечески твердое. Свою вторую фамилию он оправдывал сполна.

Почему же Иванов, в целом, по заверению Василевского, отличный работник, заслуженно заработавший затем не одну генеральскую звезду, относительно легко отделался? То есть счастливо избежал уголовного преследования?

Видимо, смягчающим обстоятельством для Иванова послужило то, что он непосредственно дезинформировал не лично Сталина, а своего прямого начальника Шапошникова, известного своим покладистым характером и сыгравшего в данном эпизоде роль буфера. Шапошников, вне всякого сомнения, по мере своих сил и возможностей защитил провинившегося генштабиста. То есть, при наличии желания «кровожадные» намерения генсека относительно легко можно было нейтрализовать, пусть не полностью, но в довольно значительной степени.

Не будет лишним отметить, что в отличие от счастливчика Иванова, «виновнику» его служебных неприятностей – Штерну, два года спустя повезло значительно меньше. Ему инкриминировали примерно такие же деяния, а заступников у Штерна не оказалось…

I
Формирование субъекта из металла

«Гордость и достоинство стоят дороже, чем голод, жажда и холод»

Томас Джефферсон

Семинарист выбирает (Вначале был Сосо)

21 декабря лета 1879 от Рождества Христова или, как уверяют новейшие исследователи, годом и тремя днями раньше, в семье ремесленника Виссариона (Бесо) Джугашвили, в городке Гори, расположенном на востоке Грузии, родился мальчик, нареченный Иосифом. Именем примечательным со времен глубокой древности.

Однако в отличие от библейского персонажа у Иосифа Джугашвили, сына Виссариона, не было ни братьев, ни сестер.

Родины обеих Иосифов сравнительно близко расположены географически. Гори – живописный городок, раскинувшийся на берегу буйной реки Куры, у подножия высокого холма с крепостью на вершине. Он являлся тогда уездным центром Тифлисской губернии Российской империи. Не столь уж далеко от Гори располагается громада гор главного Кавказского хребта, усыпанная сияющим, никогда не тающим снегом, в обрамлении, казалось бы, недвижных белых облаков. Центральный город Грузии Тифлис также находится километрах в 60 от Гори.

С раннего детства родители звали своего единственного оставшегося в живых ребенка уменьшительно-ласкательным именем Сосо. Мать будущего вождя, Екатерина, урожденная Геладзе, происходила из семьи крепостных крестьян. Когда родился Иосиф, ей было немногим более двадцати лет и, к тому времени, она уже успела похоронить троих младенцев.

Первые годы своей жизни Сосо провел на Красногорской улице в непритязательном домике с одной единственной комнаткой. Его отец, Виссарион Джугашвили, был суровым, грубым и вспыльчивым субъектом, нередко искавшим забвения на дне бутылки. Вследствие этого между супругами неизбежно вспыхивали скандалы.

Сызмальства Сосо Джугашвили рос в гнетущей обстановке ост-

рой материальной нужды и перманентного семейного конфликта. Около 1883 года материальное положение семейства Джугашвили ухудшилось настолько, что оно начало кочевать, в буквальном смысле этого слова, по городку, перебираясь с квартиры на квартиру. Когда мальчику исполнилось пять лет, его отец отправился в Тифлис – работать на кожевенной фабрике, не порывая, впрочем, окончательно связи с семьей. Мать Сосо с трудом сводила концы с концами, работая прачкой, швеей и кухаркой у более состоятельных земляков.

Серьезнейшим разногласием между родителями было их диаметрально противоположное отношение к будущему Сосо. Мать выказывала намерение послать его в духовное училище Гори, что явилось бы первым этапом на пути к карьере священника.

В 1888 году она осуществила задуманное – мальчика зачислили в училище. Учился маленький Сосо прекрасно. Но его отец, приехавший как-то в Гори, забрал мальчика из училища и увез в Тифлис. Там он устроил Сосо работать на кожевенную фабрику, решив осуществить свое заветное желание – сделать из сына сапожных дел мастера. Истинно пролетарским занятием, однако, Сосо занимался недолго. Материнский характер оказался покруче отцовского. Екатерина была женщиной с пуританской моралью, строгой и решительной, твердой и упрямой, требовательной к себе. Эти ее качества перешли к сыну, который больше походил на нее, нежели на отца. От родителя мужского пола Сосо перенял лишь бунтарский характер. Мать привезла своего единственного ребенка обратно в Гори и вернула в училище.

Мальчику было всего лет тринадцать, когда он окончательно потерял всякую связь со своим папой. Разрыв с отцом, несомненно, повлиял на формирование мировоззрения юного Сосо. Он лишился нелюбимого родителя, однако скорее оказался в выигрыше от этой потери. Виссарион Джугашвили являлся для него отцом лишь биологическим, всякая душевная близость между ними отсутствовала. Возможно, Сосо ощутил с исчезновением отца и исчезновение существенного фактора в какой-то степени препятствовавшего реализации честолюбивых планов матери, совпадавших с его собственными устремлениями. На уровне подсознания же, у мальчика непременно должно было отложиться, что отсутствие пусть даже самого близкого родственника может означать одновременно и решение негативных вопросов, связанных персонально с этим человеком.

Вся последующая жизнь и деятельность Джугашвили происхо-

дит исключительно апостериори, то есть на основании личного опыта, без отцовского фактора. Он неизбежно очень рано начал взрослеть. Крайне живой и любознательный мальчик очень быстро стал одним из лучших учеников не только в своей группе, но и во всем училище. Уже тогда в нем проявляются лидерские качества, стремление верховодить не только в учебе, но и вне этого процесса.

Переходя из класса в класс как лучший ученик, Сосо окончил училище в 1894 году и получил аттестат с отличием, который редко выдавался учащимся из бедных и малообеспеченных семей. После успешных вступительных экзаменов его приняли в Тифлисскую духовную семинарию на **полное обеспечение.**

Одаренный, старательный и трудолюбивый сын сапожника твердо вознамерился преуспеть. Вместе с тем знаменателен тот факт, что он не питал особой почтительности к представителям администрации учебного заведения. Вместо смиренной покорности перед старшими, которую система образования стремилась привить, Сосо демонстрировал независимость своего мышления и вел себя соответственно.

Через два года после поступления Сосо в горийское училище царское правительство усилило политику русификации приграничных земель, в том числе и в Грузии. Обязательным разговорным языком в учебных заведениях стал русский, с непременным вытеснением родных наречий.

Вне стен училища Сосо с упоением читал грузинскую литературу. Особенно глубокое, надолго сохранившееся впечатление произвел на него роман грузинского писателя-романтика Александра Казбеги «Отцеубийца». В псевдоисторическом любовно-приключенческом произведении Джугашвили запала в душу фигура благородного разбойника по имени Коба. В нем, своеобразном кавказском Робин Гуде, Сосо нашел для себя одного из первых героев, достойных подражания. Имя и образ Кобы соответствовали представлениям впечатлительного мальчика о самом себе, как герое. По мере отождествления с Кобой, Сосо начал именовать сам себя данным именем. Он настаивал, чтобы сверстники именовали его только так. Лицо Сосо озарялось светом гордости и радости, когда мальчишки называли его Кобой.

Помимо ярких похождений главных героев в произведении Казбеги яркой нитью проходила тема неравенства и несправедливости общественного устройства. Косвенно оно подталкивало пылкого

читателя к необходимости борьбы с грубейшим произволом представителей структур власти. Подросток с незавидным социальным происхождением, Сосо легко мог внушить себе подобные мысли.

Произведение Казбеги подготовило почву для дальнейшей метаморфозы романтического героя в ниспровергателя устоев несправедливого общества – революционера.

В сентябре 1894 года Сосо Джугашвили переступил порог каменного 3-этажного здания Тифлисской духовной семинарии, всего за несколько недель до занятия царского престола последним российским самодержцем Николаем II.

Он оказался в мире, существенно отличавшемся от привычного – горийского. Свыше пятисот учеников практически все время находились там взаперти, на казарменном положении. Они вели жизнь, строго регламентированную церковными распорядками. Всякие духовные потребности, отличные от религиозных догматов, жестко подавлялись. Во главу угла, как и в Гори, была поставлена тотальная русификация. На занятиях не только вменялось в обязанность говорить только по-русски, но запрещалось также читать грузинскую литературу и газеты, а посещение театра считалось самым смертельным грехом.

Неудивительно, что духовная семинария издавна поставляла не только священников, но и молодых грузинских революционеров. Многие студенты, воспользовавшись знанием русского языка, изучали народническую литературу, поступавшую из России. В семинарии действовали тайные группы самообразования и дискуссионные кружки, организовывались массовые протесты.

В конце 1893 года, до того как Сосо попал в заведение, семинаристы потребовали прекратить унижающие человеческое достоинство слежки, уволить наиболее ненавистных педагогов и, наряду с русским, вести преподавание на грузинском языке. В ответ власти закрыли заведение на месяц и отчислили 87 слушателей, причем 23 из них запретили проживание в Тифлисе. В числе смутьянов был и земляк Сосо Владимир (Ладо) Кецховели, посещавший в Гори то же самое училище, что и Джугашвили.

Сосо прибыл в семинарию, когда отголоски бунта еще ощущались. Существует версия, что он будто бы с первых же дней невзлюбил это заведение. Однако первые два года Сосо достаточно преуспевал в науках с весьма приличным средним баллом по учебе и оцен-

кой отлично по поведению. Одновременно юный Джугашвили продолжает детское увлечение и успешно пишет стихи светского содержания, которые публикуются в местных печатных изданиях.

Внезапно Сосо прекращает занятия поэзией, вероятнее всего, по причине крупного конфликта с руководством семинарии. Отношение к учебе у Джугашвили также кардинальным образом изменилось. Он уже не старался быть первым по всем дисциплинам и преуспевал лишь по логике и гражданской истории. Теологические науки, иностранные языки и другие предметы мало интересуют Сосо.

Удушающая атмосфера Тифлисской семинарии еще больше способствовала быстрому возмужанию некогда столь жизнерадостного подростка. Он стал гораздо более задумчив и, казалось бы, замкнут. Присущая ему всегда любовь к играм и забавам детства моментально испарилась.

Отказываясь от развлечений, Сосо зато не расставался с книгами и, уединившись, усиленно поглощал их содержимое. Перестав стремиться к успехам в учебе, он временно перенес потребность в выражении своего «я» на другую сферу – самообразование. По мере получения необходимых познаний, Сосо обретал самоуглубленность и сдержанность, что поспособствовало его приобщению к нелегальному кружку отдельных семинаристов.

Членство в этой группировке дало Сосо первый опыт конспиративной деятельности, который становился все богаче. Сильнейшим импульсом для Сосо послужило появление после четырехлетнего отсутствия осенью 1897 года в Тифлисе Ладо Кецховели, восстановившим связь с семинаристами и взявшим на себя роль наставника кружка нелегалов. Пример Ладо Кецховели, несомненно, явился одним из факторов, повлиявших на решение Джугашвили целиком отдаться революционной деятельности.

Он дружил в семинарии с его младшим братом Вано и часто приходил на квартиру Кецховели почитать что-нибудь из запрещенной литературы. Там Джугашвили и познакомился поближе с Ладо. Последний был старше Сосо на четыре года. Горийское училище, Тифлисская духовная семинария, а затем конспиративный мир политика-революционера – таков был путь, прошедший Кецховели. Джугашвили нашел его образ убежденного и пламенного бунтовщика необычайно привлекательным и достойным для подражания. Сосо испытывал к старшему Кецховели нечто похожее на чувство благо-

говения перед таким героем-смутьяном. Это ощущение во многом предопределило судьбу Джугашвили, а некоторое время Ладо являлся его истинным кумиром.

Не столько деятельность, сколько сама личность Ладо Кецховели оказали решающее влияние на формирование характера Джугашвили. Ладо являлся живым примером человека, сделавшего революционную политику своей профессией, и подтверждением практической возможности аналогичного выбора для Сосо Джугашвили. Он постепенно определяется, и начинается этап подлинной трансформации Сосо в Кобу.

Август 1898 становится поворотным пунктом для Джугашвили: он принимается в члены грузинской социал-демократической организации «Месаме – Даси», фактически являющейся Тифлисским филиалом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (РСДРП). А в мае 1899 года Сосо-Коба окончательно ставит жирный крест на возможности преуспевания в жизни посредством работы служителем религиозного культа.

В краткой биографической хронике об этом эпизоде его жизни лаконично сообщается: «И.В. Сталин исключен из Тифлисской духовной семинарии за пропаганду марксизма». Сам вождь много позднее в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом заявил, что из «протеста против издевательского режима и иезуитских методов», которые применялись в семинарии он «готов был стать и, действительно, стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения».

Точно неизвестно, как реагировала на исключение Екатерина Джугашвили, однако догадаться не составит труда. Ее сын отказался от повторения блистательной карьеры легендарного Иосифа Прекрасного, бывшего когда-то советником самого фараона Египта. Он избрал извилистую и малоконъюнктурную дорогу нелегала-революционера со всеми присущими этой профессии тяготами и невзгодами. Чья мать одобрит такой рискованный выбор жизненного пути?

Путем максимальной самоактуализации

По мнению доктора А.В. Островского, автора новейшего и обстоятельнейшего исследования деятельности Сталина до 1917 года, «вопрос

о причинах его исключения из семинарии пока остается открытым».

Между тем, к весне 1899 года Сосо-Коба Джугашвили превратился в одного из самых недисциплинированных и неуспевающих воспитанников семинарии, что было обусловлено его принадлежностью к революционной партии и работой в качестве пропагандиста рабочих кружков для пробуждения тифлисского пролетариата к активным действиям.

Складывалась парадоксальная ситуация – семинария кормила, поила и обучала ярко выраженного бунтаря, противника устоев самовластья. И очевидно, не желая далее терпеть столь своеобразного студента, руководство богоугодного заведения поставило вопрос ребром: потребовало внести плату за обучение и содержание.

Последнее обстоятельство не могло не задеть самолюбие уроженца гор и вынудило сделать окончательный выбор: он проигнорировал очередной экзамен и был отчислен за неявку. Вместе с тем духовные отцы явно не желали бесповоротного отлучения «заблудшей овечки» от остальной паствы. Так как в свидетельстве Джугашвили об окончании 4-х классов духовной семинарии отмечается его **отличное** (*выделено мной – М.А.*) поведение при вполне сносных оценках за учебу.

Следующие записи позволяют понять, казалось бы, труднообъяснимое. В них декларировалось, что Джугашвили обязан был вернуть Тифлисской семинарии довольно приличную сумму – около 700 рублей, в случаях непоступления «на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах», иначе говоря, на служение самодержавию.

Сосо-Кобе (по причине его несомненной молодости) давался шанс, которым он не воспользовался, неуклонно намереваясь стать только Сталиным и никем иным более.

Весьма характерно, что позднее в одной из анкет он сам сформулировал более драматизированную версию своего ухода из семинарии, как якобы «вышибленного» за пропаганду марксизма, тем самым, существенно повысив свой статус непримиримого борца с самодержавием.

Само название книги профессора Островского «Кто стоял за спиной Сталина?» предполагает наличие ответа на поставленный вопрос. Обнародовав огромное количество малоизвестных подробностей и сведений, ученый «установил», что реальная биография Ста-

лина существенно отличается от той версии, которая нашла отражение в официальной литературе. Тем самым, весьма поспособствовал увеличению «тумана» в дооктябрьской жизни и деятельности «чудесного грузина» и даже высказывает предположение, что Джугашвили и Сталин могли быть разными людьми.

Не остается без внимания и набивший оскомину вопрос о якобы имевшем место тайном сотрудничестве Иосифа Джугашвили (Сталина) с Департаментом полиции и царской охранкой. Хотя совершенно очевидно, что эти слухи были распущены политическими противниками и недоброжелателями Сталина уже после того, как он стал единоличным правителем России. Цель злостных инсинуаций преследовалась однозначная – дискредитация личности вождя.

Нетрудно заметить, что жизненный путь Сталина категорически исключает даже саму вероятность его делового сотрудничества с царскими спецслужбами. Тайный правительственный агент, практически не вылезающий из узилищ и ссылок, что может быть более абсурдным – в первые 16 лет 20-го столетия Коба Джугашвили (Сталин) провел в неволе добрую их половину.

Большинство исследователей абсолютно игнорируют такое общеизвестное качество Сталина как полное отсутствие корыстолюбия, стимула сильнейшего для любителя «сладкой жизни», каковым он, кстати, не являлся.

Далее, семинария являлась идеальным местом для развития качеств тайного агента (что особенно убедительно описал Стендаль в романе «Красное и черное»), и пожелай Джугашвили выбрать данную стезю, его судьба сложилась бы совершенно по-другому. Вне всякого сомнения, неотъемлемой частью натуры Сталина являлась потребность реализовать (самоактуализовать) свою личность как можно выше. То есть, у Кобы абсолютно отсутствовала мотивация быть секретным сотрудником (сексотом) на службе самодержавию.

Помимо прочего, он был человеком далеко не робкого десятка, чтобы дать очень просто запугать себя даже самым злобным жандармам или полицейским. В то же время из трагической и нелепой смерти старшего Кецховели, застреленного в тюрьме часовым при выкрикивании им антиправительственных лозунгов, Коба Сталин извлек для себя много поучительного.

Сталин не был идеальным человеком, таковых в природе попросту не имеется. И в отношениях с жандармами, шпиками, стражниками и прочими ревнителями самодержавия проявлял, естественную

в его положении гонимого, осторожность. Разумеется, в трудных ситуациях он прибегал к компромиссным решениям в пределах разумного. Об этих эпизодах, где щепетильный в вопросах чести кавказец не проявил в полной мере рыцарских качеств, ему не хотелось, конечно, вспоминать. И только этим обстоятельством, преимущественно психологическим, можно объяснить некоторые нестыковки биографии.

Коснувшись сферы психологии, невозможно обойти тему потребности самоактуализации, которую великий мыслитель Абрахам Маслоу объясняет желанием людей реализовать себя, «а именно к склонности проявить в себе то, что в них заложено потенциально… чтобы достичь всего», на что они способны. К самоактуализировавшимся людям Маслоу, в результате своих исследований, отнес из числа государственных деятелей Авраама Линкольна, Томаса Джефферсона.

По многим параметрам Сталина можно отнести к самоактуализировавшимся людям, которые «гораздо быстрее и легче других выделяют новое, специфическое и конкретное из общего, абстрактного и схематичного. Следовательно, они в большей мере, чем окружающие, живут в реальном мире, а не в океане человеческих представлений, обобщений, ожиданий и стереотипов, которые многие ошибочно принимают за действительность».

Главное в самоактуализирующихся людях, по мнению Маслоу, что имеется и у Сталина, это интеллектуальная мощь и наличие сильной воли.

«…Следует иметь в виду, что это очень сильные люди. Они вполне могут проявить ледяную холодность, когда ситуация этого требует; обычные люди не способны на такие проявления… Некоторые из этих людей настолько быстро оправляются от утраты близкого человека, что кажутся окружающим бессердечными...».

Самоактуализирующиеся люди склонны к уединению, уверяет Маслоу, «без всякого ущерба для себя и без ощущения дискомфорта». Они «умеют сохранять достоинство и с честью выходят даже из самых сложных ситуаций». Этим людям не составляет особого труда «сохранять спокойствие и невозмутимость, поэтому жизненные невзгоды и удары судьбы не вызывают у них реакций протеста, как у обычных людей». «Их самообладание иногда воспринимается другими людьми как суровость и отчужденность».

У самоактуализирующихся людей, отмечает Маслоу, своеобразное чувство юмора, они несовершенны и им свойственны многие

человеческие слабости. В то же время «...лицемерие, хитрость, притворство, бравада, наглость, игра, попытки произвести впечатление – все это практически не свойственно таким людям...».

«Человек **должен** быть тем, чем он **может**. Люди должны сохранять верность своей природе», - убеждает Маслоу.

Отсюда следует вывод: в жизни всегда происходит то, что неизбежно должно случиться. Одним людям суждено стать Джефферсонами, Линкольнами, Сталиными, другим, соответственно, иудами, гапонами, азефами.

Сквозь невзгоды и тернии

На стыке XIX и XX веков, в момент, когда Джугашвили решительно и бесповоротно отказался от возможности служения самодержавному режиму (жизни сравнительно спокойной и благопристойной), идеи западноевропейцев Карла Маркса и Фридриха Энгельса о предпочтительности революционного преобразования общественных отношений уже успели пустить первые ростки в России. Истинными их последователями считались персоны, всецело признававшие и одобрявшие теорию классовой борьбы, пролетарской революции, диктатуры пролетариата и построения коммунистического общества – рая для всех «униженных и оскорбленных».

Позже, выступая перед тифлисскими железнодорожниками, Сталин назовет период своей жизни с 1898 по октябрь 1917 года школой «революционного ученичества». Там же вождь выскажется самокритично в том смысле, как он «впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... получил первые уроки практической работы».

Он был тогда совсем молодым человеком, начинающим революционером, чуть больше начитанным, скромно обмолвился Сталин относительно своих старших коллег и «передовых рабочих Тифлиса».

Фактически же Джугашвили поглотил к тому времени уже изрядное количество запрещенной литературы. Оставив семинарию, Коба продолжил работать пропагандистом группы самообразования рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса, в которых его еще знали как Сосо. Он перебивается еле-еле в материальном плане, давая частные уроки, а в начале 1900 года находит работу и пристанище в Тифлисской физической обсерватории.

От наблюдателя за явлениями природы требовались точность и

аккуратность в составлении метеорологических сводок. Джугашвили быстро уяснил свои нехитрые обязанности и прилежно исполнял их более года. Срока вполне достаточного, дабы приобрести определенные привычки. Трудно не согласиться с исследователем Ю.В. Емельяновым, высказавшим предположение, что в обсерватории сформировалась привычка Сталина «давать конкретную оценку различным процессам и явлениям, оперировать точными расчетами и техническими терминами» и развилась способность прогнозировать события.

Летом Сосо-Коба знакомится с видным русским социал-демократом Виктором Курнатовским, сторонником Владимира Ильича Ульянова (Ленина), звезда которого только начала восходить на революционном политическом небосклоне России. Курнатовский вносит свою лепту в дальнейшую радикализацию взглядов молодого кавказца, принимающего участие в организации массовой забастовки в Главных тифлисских железнодорожных мастерских.

Экономические требования забастовщиков не были удовлетворены, а многие участники акции протеста подверглись наказаниям. Получив расчет, часть рабочих подалась в Баку и Батум, разнося, таким образом, дух мятежа в другие регионы.

Перебирается впоследствии в эти города также Коба, полностью перешедший на нелегальное положение. Деятельность в Батуме и Баку, особенно в последнем – одном из важнейших промышленных центров державы, превратили его из малоопытного революционного пропагандиста и агитатора в стойкого бойца и «одного из практических местных руководителей».

В Батуме, в апреле 1902 года, Джугашвили впервые попадает в тюрьму, в которой содержится целый год. Затем переводится в кутаисскую тюрьму, дабы осенью 1903 года вновь попасть в зинданы Батума. Откуда он отправляется по этапу в ссылку в Восточную Сибирь.

В январе следующего года Коба совершает побег из ссылки, а летом приезжает в Баку, где и обитает преимущественно до следующего ареста и высылки в Вологодскую губернию.

В городе нефтяников зажигается первый семейный очаг Джугашвили. Он женится на Екатерине Сванидзе, обожавшей молодого подпольщика. Като была простой грузинской женщиной, для которой обязанности супруги составляли всю суть ее жизни. Она была набожна и абсолютно не разделяла революционных устремлений мужа. В течение пяти лет их совместное проживание очень часто

прерывалось и, очевидно, ночами в одиночестве Екатерина истово молилась, чтобы ее Иосиф отказался от кочевой жизни революционера и занялся чем-нибудь более основательным. Молитвы бедной женщины не осуществились, родив ребенка мужского пола, она уже в следующем, 1909 году, заболела и умерла. Несомненно, Кобе Джугашвили была нанесена серьезная психологическая травма, но он продолжал заниматься весьма хлопотной революционной политикой. Уже вдовцом приходится ему вести жизнь кочевника и переносить свою долю тягот тюремных заключений и ссылок.

Не совсем ясно, насколько значительную роль сыграл Коба Джугашвили в так называемых «экспроприациях», то есть вооруженных ограблениях закавказских банков. Из них особенно нашумело нападение на Тифлисский государственный банк летом 1907 года, которое пополнило большевистскую казну огромной суммой денег. Эту операцию осуществил сущий сорвиголова, отчаянный и бесстрашный С.А. Тер-Петросян (Камо). Существуют не совсем достоверные свидетельства того, что эти и другие «эксы» в Закавказье, с одобрения Ульянова (Ленина), закулисно организовывал Коба. К тому времени он становится одним из наиболее ярых приверженцев Ленина в этом регионе.

Когда РСДРП раскололась на так называемых большевиков и меньшевиков, Коба Джугашвили однозначно выбирает большевизм. В декабре 1905 года он едет в качестве делегата от Закавказья на первую Всероссийскую большевистскую конференцию в Таммерфорсе. Там, в Финляндии, Коба впервые встречается со своим новым кумиром – Лениным.

Сфера деятельности Кобы Джугашвили постепенно и непрерывно расширяется, он дважды совершает непродолжительные поездки на партийные съезды в Стокгольм и Лондон. Летом 1909 года он бежит из городка Сольвычегодск Вологодской губернии. Однако в марте следующего года вновь подвергается аресту в Баку и осенью высылается обратно, с запретом наместника Кавказа на право проживания в родных краях в течение пяти лет.

Со второй половины 1911 года наступает петербургский период революционной деятельности Кобы, теперь уже под окончательным псевдонимом Сталин. Он вносит свою лепту в преодоление обстановки всеобщего уныния и апатии, обусловленных поражением революционных баталий 1905-1907 годов. В январе 1912 года на Пражской конференции РСДРП, избавившись от меньшевиков, больше-

вики окончательно сформировывают самостоятельную партию. Коба Сталин в ней не участвует, однако кооптируется одним из четырех членов Русского бюро ЦК, специально созданного для руководства партией в России.

Его акции как большевистского лидера неуклонно повышаются. Осенью 1912 года Коба Сталин включился в яростный спор, происходивший между Лениным и Львом Троцким (Лейбой Давидовичем Бронштейном). Он обозвал приверженца меньшевизма Троцкого на страницах большевистской газеты «Правда» «чемпионом с фальшивыми мускулами» и «комедиантом». В конце того же года кавказец дважды выезжает в Краков на партийные совещания. Находясь за границей в январе 1913 года уже в Вене, Коба Сталин написал статью «Марксизм и национальный вопрос», высоко оцененную Лениным.

Тогда же в столице Австро-Венгрии, по-видимому, состоялась его первая личная встреча с Троцким, хотя оба присутствовали на партийном форуме в Лондоне в 1907 году. К весне Коба Сталин возвращается из зарубежья в Санкт-Петербург, где согласно указаниям Ленина вместе со Свердловым Я.М. (уже арестованным к тому времени) должен был реорганизовать редакцию большевистской газеты «Правда».

Всего неделю спустя его задерживают вследствие доноса депутата Малиновского Р.В. (секретного агента полиции) в зале Калашниковской биржи во время благотворительной акции и заключают под стражу. После почти четырехмесячного нахождения в столичной тюрьме Кобу этапируют в Туруханский край под гласный надзор полиции на четыре года.

Интересные свидетельства об эпизодах пребывания Сталина в Санкт-Петербурге оставила Татьяна Александровна Словатинская, бабушка писателя Юрия Трифонова по материнской линии, член большевистской партии с 1905 года. Жилище Словатинской служило явочной квартирой большевиков, вследствие чего она познакомилась со Сталиным.

Последний показался Словатинской сначала «слишком серьезным, замкнутым и стеснительным. Казалось, больше всего он боится чем-то затруднить и стеснить кого-то». Словатинская постоянно внушала кавказцу вести себя более непринужденно и располагаться с большим комфортом в ее квартире. Однако Коба упорно не желал обременять хозяйку с домочадцами. Он постоянно просиживал в каморке для прислуги, питался лишь хлебом и пивом и очень много писал. Словатинская была последней, с кем Сталин перебросился

несколькими словами в здании биржи и очевидцем его ареста. Бескорыстная большевичка весьма скромно оценивает свою роль в революционном движении как чисто «техническую работу». В то время как от четкости и оперативности выполнения этого весьма важного труда зависело очень многое: свобода, а иногда и жизнь подпольщиков. Словатинская, явно не придавая особого значения содеянному, упоминает, что отправляла Сталину посылки в Туруханку по поручению ЦК. Фактически же, самоотверженная женщина помогла ему очень сильно, возможно даже спасла от гибели в суровых сибирских краях.

Почему Сталин и иже с ним Молотов?

Достаточно резонно возникает вопрос, почему все же, в конечном счете, Коба Джугашвили выбрал псевдоним Сталин, а не допустим Стеклов, Стебельков или Сибирцев. История образований прозвищ большевистских лидеров требует отдельного большого и специфического исследования.

Ориентировочно в году 1910 Джугашвили взял партийную кличку Сталин, главным образом по причине идентификации себя с Лениным. Действительно, не в пример таким революционным прозвищам как Троцкий, Каменев, Зиновьев и Молотов, псевдоним Сталин созвучен конспиративной фамилии Ленин. Но дело, очевидно, не только в преклонении новоявленного адепта марксизма Джугашвили перед авторитетом революционера Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Ранее, еще не вступив на путь революционной борьбы, юный Сосо просит товарищей называть его Коба, что в переводе с тюркского означает «дерзкий», «задиристый» или «неустрашимый». Под этой кличкой он вступает на тернистую тропинку подпольщика-нелегала. Соображения конспирации вынуждают Кобу Джугашвили постоянно маскироваться и прибегать к многочисленным псевдонимам. Одно их перечисление займет довольно много места: Нижерадзе, Иванович, Салин, Селин, Стефин и другие.

Между тем, по истечении более чем 10 лет функционирования в качестве пропагандиста, агитатора и организатора, Джугашвили достигает определенной репутации в революционных кругах. Теперь Кобе крайне необходима постоянная фамилия, которая, во-первых, легко произносится и прочитывается по-русски, во-вторых, доста-

точно определенно свидетельствует о наиболее характерных особенностях его личности. Иными словами, Джугашвили внутренне решает быть уже не просто и не только Кобой, но Кобой Сталиным, то есть тем самым поднимает себя более чем на порядок выше. Не исключено, что он воображает себя тенью или заместителем Ленина. Ничего удивительного в этом нет. После гибели первого кумира Кецховели в августе 1903 года, Коба нуждается в новом наставнике, в чем он и признается позже.

Хотя первоначальное общение с Лениным «было не личное, а заочное», оно сразу произвело на малоопытного подпольщика «неизгладимое впечатление». Больше всего Кобу «впечатлили» одержимость Ленина борьбой с самодержавным режимом, фантастическая целеустремленность и его завидная способность приводить, казалось бы, железные аргументы для преодоления разного рода препятствий. Коба сразу распознал в Ленине истинно харизматического лидера, то есть деятеля, способного добиться намечаемых революционных преобразований.

В самом деле, среди множества последователей Маркса в России только Ленин представлял собой «редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя».

Существует мнение, впрочем, недостаточно обоснованное, что, взяв русский псевдоним, Коба практически отказывался от своей кавказской национальности. В РСДРП он, конечно, не был единственным уроженцем Грузии, но именно на Джугашвили Россия оказала наибольшее влияние. Оперируя современными терминами, следует отметить, что он был русскоязычным грузином, не более. Гигантские российские размеры также не могли не оказать своего воздействия на выбор псевдонима Кобой.

Но самое существенное в этом все же заключается в следующем. Партийной кличкой Сталин (стальной ипостасью), Джугашвили недвусмысленно заявляет о своих амбициях человека предельно жесткого, скроенного из твердого и прочного металла. Весьма характерным является то обстоятельство, что его претензии никем из сотоварищей не оспариваются. Во всяком случае, не имеется сколько-нибудь убедительных свидетельств этого. Очевидно, они успели оценить угловатые повадки уроженца гор, как следствие его, не слишком общительного и, пожалуй, правильнее будет сказать, недостаточно коммуникабельного характера.

Впрочем, вероятнее всего Джугашвили терзался некоторым комплексом неполноценности при общении с иными, более рафинированными и интеллигентными партийцами. Коба не мог также не испытывать некий психологический дискомфорт вследствие недостаточной теоретической «подкованности» и незнания иностранных языков. К тому же он принадлежал к так называемым инородцам, а также по своим физическим кондициям не соответствовал обычным стандартам. С самого раннего детства левая рука у него функционировала с ограничениями, вследствие травмы.

Гораздо вольготнее Коба чувствовал себя в компании с революционерами, приблизительно равными по образу мышления, а также безоговорочно признававшими его первенство.

Одним из таких деятелей являлся Вячеслав Михайлович Скрябин, впоследствии ставшим ближайшим сподвижником Сталина, его своеобразным альтер эго. Между ними явственно прослеживается некое духовное родство. Вследствие этого неудивительно, что Скрябин взял псевдоним Молотов. Сие прозвище также вызывает ассоциации с чем-то тяжеловесным, мощным и беспощадным. В то время как революционные прозвища большинства большевистских вождей не ассоциируются подобным образом.

Широко известна довольно пространная и не во всем верная характеристика, данная Молотову Черчиллем в своих мемуарах. Сэр Уинстон уверял, помимо прочего, что никогда в лице Молотова «не встречал человеческого существа, которое больше подходило бы под современное представление об автомате», некоего робота с приветливой улыбкой, отдававшей впрочем «сибирским холодом».

Действительно, в отношении полнейшей невозмутимости и хладнокровия, замечательного усердия и исполнительности, Молотова можно отнести к личностям легендарным.

Югославский литератор и общественный деятель Милован Джилас вторит именитому британцу. «У Молотова, - полагал Джилас, - нельзя было проследить ни за мыслью, ни за процессом ее зарождения. Характер его оставался также всегда замкнутым и неопределенным. Сталин же обладал живым и почти беспокойным темпераментом». Отсюда, кавказец, практически не уступавший россиянину в жесткости характера, отличался от него большей гибкостью мышления.

Будущий наперсник вождя родился 9 марта 1890 года в слободе Кукарка Вятской губернии в семье достаточно обеспеченного меща-

нина Михаила Скрябина. Вячеслав окончил в Казани реальное училище и получил даже начальное музыкальное образование. В казанском университете учился в свое время Ленин. В сем городе на Волге большая часть молодежи всегда отличалась радикализмом. Под влиянием весьма богатенького молодого купчика Виктора Тихомирнова юный Скрябин приобщается к марксизму. В 1909 году Вячеслав подвергается аресту и ссылается в Вологду. Вскоре пути Сталина и Молотова пересекаются. По-видимому, их первая встреча состоялась в Вологде или городке Сольвычегодск одноименной губернии, в которых Коба обитал с перерывами некоторый период времени. Начиная с 1912 года, в Санкт-Петербурге начала выходить газета «Правда», в числе первых редакторов которой был Сталин. В том же году Молотов приехал в столицу и поступил в Политехнический институт, а также стал одним из функционеров большевистского издания.

О том, что их сотрудничество станет весьма тесным и довольно продолжительным, а также займет столь заметное место в истории России, никому тогда, естественно, не могло присниться в самом провидческом сне.

Туруханский анахорет

Последнюю ссылку Сталина американский профессор Роберт Такер неоправданно насмешливо обозвал «сибирской интермедией». Между тем она явилась для будущего кремлевского долгожителя достаточно серьезным испытанием на прочность характера и во многом повлияла на его последующую деятельность.

Путешествие по железной дороге из Санкт-Петербурга в Красноярск заняло чуть больше недели. Затем Кобу Сталина отправили пароходом вниз по могучему Енисею в село Монастырское – административный центр Туруханского края.

Чем дальше на север продвигалось судно, тем меньше у Кобы должно было оставаться иллюзий на скорое освобождение и помощь извне. Первозданная природа тех мест могла очаровать своей дикой красотой, а могла и погубить неосторожного странника. Попытаться бежать оттуда, без основательнейшей подготовки, значило найти верную смерть.

В глухих чащах по берегам Енисея, других рек и речушек разбросаны были таежные хутора, станки, один от одного на неделю, а

то и на три недели пути. В них поодиночке, парами, тройками были раскиданы поселенцы-революционеры. На сотни верст вокруг простирались бесконечные леса, труднопроходимые болота, далеко не безобидные звери помимо самого хозяина тайги, медведя. Выдержать Туруханку с ее леденяще промозглым климатом, частыми пургами зимой, надоедливой мошкарой в сырой и короткий летний период могли только люди физически очень крепкие. А белые, изнуряющие душу, ночи, ощущение таежной пустоты и трагической отдаленности от всего остального мира предполагало и наличие отменного психологического здоровья. Иные ломались, они уставали ждать, надеяться.

Таковым, видимо, оказался большевик Иосиф Дубровинский, весьма почитавшийся Кобой Сталиным и погибший при неясных обстоятельствах незадолго до его прибытия в место ссылки. В память о безвременно усопшем друге Коба унаследовал несколько позже его библиотечку, на которую успели положить глаз другие ссыльные. Данное обстоятельство послужило поводом для небольшой склоки, которые довольно часто случались между революционерами в этом медвежьем краю.

Сам Коба Сталин, родившийся в прекрасной субтропической местности, живописнейшем уголке Грузии, стойко перенес все невзгоды, хотя первоначально ему пришлось весьма и весьма нелегко.

После 25-дневного дрейфа по Енисею, на исходе календарного лета он прибыл в Монастырское почти налегке и не слишком обремененный финансами. Между тем обещанная помощь запаздывала, хотя Ленин лично отправил ему из заграницы некоторое количество денег, причем еще до того как на совещании ЦК партии было решено организовать побег Сталину и Свердлову и соответствующим образом профинансировать.

Наступала осень, вот-вот закружатся в полную силу белые мухи и Коба вынужденно пишет на имя Кибирова И.И., туруханского полицейского пристава, прошение о назначении положенному ему небольшого правительственного денежного пособия. Попутно Коба Сталин наводит справки и ищет среди собратьев по профессии хороших и, главное, более состоятельных, чем он, знакомых.

Он встречается с Голощекиным Ф.И. (Филиппом), а у Свердлова, отбывавшего наказание неподалеку, гостит неделю. Реальной помощи Коба от коллег не получает, в довершение всего он заболевает и буквально бомбардирует, живущую в столице, Словатинскую просьбами о помощи. «Татьяна Александровна, как-то

«совестно писать, но что поделаешь – нужда заставляет. У меня нет ни гроша. – Невесело констатирует Коба и продолжает - ... все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока еще доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу не знаю… Нельзя ли будет растормошить знакомых…».

Целая гамма, обуревавших кавказца, разнообразных чувств (от признательности до стыдливости) содержится в следующем послании. «Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у Вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем, жаль, денег у Вас очень мало. Я не знаю, как оплатить Вам, **дорогая, милая – милая**» (*выделено мной – М.А.*).

И, наконец, Коба фактически обращается к Словатинской с воплем отчаяния.

«Милая. Нужда моя растет по часам, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но… деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграммой. Нет мочи ждать больше…».

В письме, адресованном «сдавшему» его Малиновскому, кавказец больше сдерживает эмоции, но тоже сетует на бедственное положение и просит организовать немедленную помощь.

«Понимаю, что вам всем, а тебе особенно – некогда, нет времени, но, черт меня подери, не к кому больше обращаться. А околеть здесь, не написав даже одного письма тебе – не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше – значит голодать, а я и так истощен и болен… Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года?..».

«Твой Иосиф», заканчивает письмо Коба, не имея ни малейшего понятия о том, что «его Малиновский» уже сообщил полиции о решении ЦК партии организовать побег Сталину и Свердлову и высылке им денег. Последний, между тем, получил адресованные ему лично, но фактически предназначавшиеся для обоих членов Русского бюро ЦК, 100 рублей, но не поделился со Сталиным. И все же помощь ему подоспела, когда окончательно закончилась распутица и установился санный путь, начали поступать первые деньги.

Зима была еще в полном разгаре, когда власти окончательно решили в целях более надежного воспрепятствования побегу двух большевистских лидеров отправить их еще дальше на север, «где нет

других ссыльных, и специально для наблюдения за ними приставить двух надзирателей». В марте месяце Кобу-Сталина и Свердлова перевозят в Курейку, ближе к Полярному кругу.

Свое название станок Курейка получил от одноименной быстрой речушки, впадавшей в полноводный Енисей. Неподалеку от этого места разбросано было несколько деревянных домишек, располагавшихся на некотором отдалении друг от друга.

Некоторое время ссыльные проживали вместе, однако затем обособились и практически перестали общаться. Достоверно неизвестно, что именно повлияло на конфронтацию. Одним из факторов, возможно, был финансовый вопрос. Вторым – явная психологическая несовместимость двух большевистских вожаков. И, наконец, еще одним обстоятельством, вероятно, послужила женщина.

По недостаточно достоверным сведениям, кавказец якобы сожительствовал с местной крестьянкой и даже заимел от нее ребенка. Версия довольно правдоподобная, во всяком случае, заслуживающая внимания. Надо полагать, у Кобы было тогда достаточно сил для общепринятого способа извержения избыточного количества сексуальной энергии.

Что характерно, Сталин не затаил злобы на будущего председателя ВЦИК, о чем наглядно свидетельствует его поздняя достаточно прочувственная публикация. В то же время, отнюдь не случайно, кавказец в статье, посвященной персонально Свердлову, поставил рядом с ним по деловым качествам Дубровинского, погибшего в туруханской ссылке. Тем самым он давал понять, что останься он жив, то работал он ничем не хуже Свердлова, а возможно, и много лучше.

Некоторые исследователи полагают, что Коба Сталин проживавший у самого Енисея на небольшой возвышенности под персональным жандармским надзором, якобы часто имел неприятности с местными жителями. Однако подобная версия опровергается более достоверными свидетельствами, а также самим фактом его длительного проживания в Курейке. Тот же Свердлов, кстати, не скрывавший своей неприязни к местным, осенью напросился обратно, и его ходатайство было удовлетворено, а Коба остался один.

Он вполне лояльно относился к аборигенам и большую часть своего времени занимался рыбалкой и другими видами промысла, лишь эпизодически общаясь с другими ссыльными. Коба не слишком страдал от одиночества и тоски, от которой слабовольный чело-

век впадал в мозговую спячку, переходившую в состояние анабиоза. После года пребывания в Туруханском краю он достаточно сносно адаптировался, финансовое положение ссыльного также определенно стабилизировалось.

В одном из посланий Коба, с присущим ему неподражаемым скрытым юмором, с оттенком сарказма, пишет, в том числе: «Дорогой друг! Наконец-то получил ваше письмо. Думал, было, что совсем забыли раба божьего – нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии серьезных книг?... **Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незавидно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что же, валяйте. Клянусь собакой, это было бы, как нельзя более кстати** (*выделено мной – М.А.*). Адрес для денег тот же, т.е. на Спандаряна».

Последний, к слову, большевик Сурен Спандарян, приговоренный к вечному поселению, вкупе с Верой Швейцер являлись доверенными лицами и друзьями Кобы Сталина в Туруханке. Вследствие одного из наиболее крупных конфликтов между ссыльными Спандарян тяжело заболел и вынужден был обратиться к властям с ходатайством о переселении в «климатически лучшие условия». Его просьба была удовлетворена, однако не спасла от смерти, произошедшей в Красноярске осенью 1916 года.

О том, в какой степени тяготился Сталин ссылкой, красноречиво говорит одно из писем приятелям – семье Аллилуевых. Коба сердечно благодарил за полученную накануне посылку и просил не тратить на него так нужные им самим средства. Он просил лишь прислать только почтовые открытки с разными видами природы. Свою просьбу ссыльный аргументировал тем, что до глупого истосковался по другим пейзажам и ландшафтам. Суровая и скудная обстановка сибирского края оказывала, несомненно, давление на его психику. От географических и климатических условий родного Гори до Курейки была «дистанция огромного размера».

В то же время, Туруханская ссылка явилась одним из важнейших этапов жизни Сталина, закаливших его волю и способствовавших углублению знаний о несметных богатствах природы огромной страны, гигантского потенциала народа.

Много позже получил распространение нижеследующий анек-

дот, весьма похожий на правду. Актер Геловани, изображавший Сталина на экране, якобы в целях «вживания» в образ вождя, просился некоторый период времени пожить в его резиденции для отдыха на озере Рица. Когда Генералиссимусу стало известно о скромных намерениях Геловани, он, говорят, ответствовал следующим образом: «В таком случае, пускай начинает с Туруханки».

В собрании сочинений Сталина нет ни одного произведения, которое относилось бы к периоду с марта 1913 года по февраль 1917. Следовательно, он не писал тогда, хотя умудрялся достаточно много читать и следить за всеми общественно-политическими веяниями, скептически оценивая порою поведение своих коллег. Когда Спандарян посетил как-то земляка-отшельника в Курейке, он увидел, что стол ссыльного завален газетами, журналами и книгами.

Сталин явно не имел склонности к малопродуктивному прогнозированию и бумагомарательству. Для него писать, одновременно означало действовать. То есть мысль, выраженная словом, у Кобы непременно должна была подкрепиться делом. Поэтому, он предельно иронично обозвал одну из чисто теоретических, и, следовательно, бесплодных, заграничных перепалок «бурей в стакане воды». Поскольку кавказец был ограничен в действиях, то он как бы временно «заморозил» возможности своего интеллекта.

Общаясь с суровой природой севера Сибири, он временами анализирует поведение людей в экстремальных ситуациях. Впоследствии в несколько иносказательной форме, став генсеком, Сталин неоднократно поделится своими наблюдениями с коллегами на разного рода форумах. Естественно, никто не может с достаточной долей вероятности поведать о том, какого направления мысли преобладали в черепной коробке бывшего семинариста, а в тот период времени, одного из лидеров одной из радикальнейших революционных партий, за время самой тяжелой ссылки.

Насколько завидовал он своим собратьям-революционерам, обитателям более цивилизованных уголков планеты? Правда в одном из них продолжалась беспрецедентная по масштабам кровопролития бойня. Но гипотетически Сталин не может не мечтать о более достойной участи в грядущем будущем.

Коба прочитал достаточно много разного рода сочинений, чтобы не запомнить заключительные строки сочинения известнейшего французского романиста. Ждать и надеяться – в этом теперь заключался смысл его существования. Терпение – вот наивысшая

человеческая добродетель, оно не может не вознаградить питавшийся им гордый дух.

Резюме раздела. Согласно древнегреческому мифу титан Прометей был прикован несокрушимыми цепями у отрогов кавказских гор. Там легендарный герой, ради счастливой жизни людей на земле терпел неслыханные мучения.

Кавказ – родина многих гордых и своенравных наций и народностей. В последней четверти века XIX там появился на свет божий Иосиф (Сосо) Джугашвили, сын буйного Виссариона и стойкой Екатерины. Родительские гены и трудное детство предопределили выбор Сосо жизненного пути. Подобно большинству романтически настроенных подростков он намеревается бороться со всеми несправедливостями мироздания. Еще будучи совсем юным, Сосо ассоциирует себя с одним из героических персонажей мелодраматического произведения грузинского писателя Казбеги – Кобой.

По мере созревания духовного и физического, он перемещается из патриархального Гори в неспокойный Тифлис. Там, в духовной семинарии, наш герой постигает азы конспиративно-революционной деятельности. Просуществовав в этом религиозном заведении без малого пять лет, он решительно отказывается от стабильно-размеренной карьеры священника. Ему претит фарисейски показная благочестивость православия, одного из столпов самодержавия в России. Коба Джугашвили окончательно и бесповоротно избирает нелегкую и опасную работу в качестве политика-революционера.

Приблизившись к возрасту основоположника христианского вероучения Иисуса Христа, бывший семинарист Сосо Джугашвили – Коба, принимает революционный псевдоним Сталин. Он подчеркивает тем самым свою неординарность не просто человека из плоти и крови, а суть персоны металлической. Его намерения достаточно амбициозны. Под прозвищем Сталин он намеревается войти в историю, подобно церковному реформатору средневековья Мартину Лютеру.

В связи с нелепой гибелью своего первого реального кумира Ладо Кецховели, молодой Коба незамедлительно находит нового. Ему импонируют целеустремленность и агрессивные манеры большевистского вожака Владимира Ульянова (Ленина). В представлении Кобы-Джугашвили он настоящий лидер, под водительством которого можно совершить головокружительные подвиги и сделать блестящую карьеру.

Коба, обладающий от природы твердым и бунтарским нравом, без колебаний становится в ряды сторонников Ленина. При этом он достаточно осмотрителен, не в пример своим непомерно пылким соплеменникам, темпераментным кавказцам. Уже в ранние годы в характере Сталине видны контуры определенной основательности и стремления к конкретизированию решения поставленных задач.

II
Неотвратимость революционного цунами

«Пусть сильнее грянет буря!»
Максим Горький «Песня о буревестнике»

Пророчества Витте и Гапона

Его сиятельство граф Сергей Юльевич Витте принадлежит к числу виднейших государственных деятелей России конца XIX – начала XX века. Высокородный вельможа оставил интереснейшие мемуары, опубликованные уже после его смерти. Собственно литературное наследство Витте нельзя назвать лишь единственно воспоминаниями о довольно бурной прожитой жизни, с неизбежно стремительными карьерными взлетами и падениями. В нем очень много мыслей и суждений, не утративших значения до сего времени.

Два важнейших аспекта, из многочисленных актуальнейших проблем буквально раздиравших Россию того времени на части, необходимо выделить в откровениях чиновника, занимавшего высшие имперские посты. Витте достаточно пространно рассуждал об аграрном, точнее, крестьянском вопросе. Он совершенно справедливо считает, что при императоре Александре II реформы были совершены лишь наполовину. Крестьян освободили от крепостной зависимости и при этом наделили землей, но лишь формально. Только у дворянства, надлежащим образом оформленная, была частная собственность на землю, так сказать, и де-юре и де-факто. Значительная часть земли, выделенная крестьянству, находилась в общинном коллективном владении, что исключало возможность интенсивной культуры обработки. Подворное хозяйство крестьян также находилось в неопределенном положении, вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности. Количество крестьян, имев-

ших акты собственности на землю, было ничтожно, относительно основного конгломерата. Следовательно, огромная масса крестьянства была экономически совершенно зависима от разного рода обстоятельств. Кроме этого оно находилось вне сферы действия гражданских и других законов империи. Для крестьянства была образована особая юрисдикция, способствовавшая дикому произволу чиновничества. Витте не ограничивается лишь анализом крестьянского вопроса. Он предлагал и пути решения его.

Однако ему не суждено было воплотиться свои идеи в жизнь. К вящему неудовольствию Витте, их, слегка видоизменив, начал осуществлять еще один виднейший государственный деятель России начала XX века Петр Аркадьевич Столыпин.

Другим важнейшим моментом, концентрировавшим внимание Витте, являлось рациональное решение национального вопроса, здесь вернее будет выразиться, еврейского. По его мнению, пренебрежительное, даже дискриминационное, отношение к евреям, усилившееся во времена правления Николая II, не должно было привести ни к чему хорошему.

Антиеврейские погромы бывали нередки в царской России. При этом правящие круги не принимали действенных мер для их предотвращения и эффективной ликвидации, очевидно полагая, что они (погромы) время от времени необходимы для разрядки психологического напряжения перманентно недовольных масс народа. Особенным безобразием отличился дикий и жестокий погром в Кишиневе. На протяжении двух дней, 19 и 20 апреля 1903 года, целенаправленно руководимые толпы погромщиков беспрепятственно разрушали еврейские дома, грабили магазины, насиловали женщин, убивали, не щадя ни возраста, ни пола. Правительственные войска и полиция фактически бездействовали. Жуткие погромы не могли не способствовать крайнему революционизированию еврейского народа, и ,в особенности, молодежи. В кратчайшие сроки из, казалось бы, кроткого от природы народа, явились личности, жертвующие своей жизнью для революции, сделавшиеся отчаянными бомбометателями, безоглядными убийцами.

Ни одна национальность, считает Витте, не дала в России такого процента революционеров, как еврейская. Громадное количество евреев пристало к самым крайним партиям. В результате, конечно, явилась сильнейшая ответная реакция, очень многие, сочувствовавшие евреям или индиферентные к ним, стали ярыми антисемитами.

О позиции самого графа свидетельствует небезынтересный разговор, если только он не является вымыслом, произошедший между Витте и императором Александром III, отцом Николая II. На запрос самодержца о его (то есть Витте) благосклонности якобы к еврейству, Витте будто бы рискнул ответить довольно дерзким выпадом. А именно, располагает ли император желанием и возможностями потопить всех российских евреев в Черном море. Если ответ отрицательный, то надо дать евреям жить по-человечески, а это будет возможно, в первую очередь, лишь при условии постепенного уничтожения дискриминационных законов.

Очень важно здесь отметить, что российский антисемитизм произрастал на религиозной почве. Так называемая печально известная «Черная сотня» разработала концепцию жидомасонства, то есть еврейско-масонского заговора против России на основе православия.

Как и практически все мемуаристы, Витте достаточно субъективен, превознося самого себя и принижая других. Потомственный дворянин, аристократ, человек благородного происхождения господин Витте не гнушался и не стеснялся в применении площадных и бранных слов для выражения неудовольствия, и даже отвращения к неугодным ему персонам. Он, ничтоже сумняшеся, рассказал о том, как фактически умыл руки и не удосужился ударить пальцем о палец для предотвращения действий правительственных войск в день 22 января 1905 года, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье».

Накануне вечером к нему явилась представительная депутация (выражение самого Витте), чтобы переговорить по делу чрезвычайной важности. Среди прочих он признал почетного академика Арсеньева, писателей Анненского и Максима Горького. Они стали горячо убеждать Витте, во избежание великого несчастья, принять действенные меры для того, чтобы адресованная царю петиция рабочего люда, с недостаточно корректно изложенными насущнейшими пожеланиями и просьбами, была непременно принята посредством мирного волеизъявления.

Витте ответствовал почтенным согражданам, что дела этого совсем не знает (здесь он явно солгал) и потому вмешиваться в него не желает, и вообще это не входит в его компетенцию. Делегация ушла крайне недовольная поведением Витте, приведшего в обстановке назревающего острейшего внутриполитического кризиса формальные доводы для уклонения от сути дела.

Утром 22 января, охваченный острым любопытством, Витте лицезрел с балкона своего дома на то, что отчасти было и делом его рук. Десяткам тысяч относительно миролюбиво настроенных рабочих с их женами и детьми, под водительством корыстолюбивого и злосчастного честолюбца священника попа Гапона, царскими войсками был оказан воистину «горячий» прием – губительные залпы сотен винтовок. Число раненых и погибших исчислялось сотнями и тысячами.

Столь неадекватная реакция на преимущественно мирную инициативу трудового люда была одной из крупнейших политических ошибок царского режима. Им самим была окончательно подорвана вера в доброту царя и его окружения.

Сиятельный граф, несомненно, достоин порицания за не принятие действенных мер для предотвращения сего ужасного действа. Довольно кощунственным выглядит следующий поразительный момент в воспоминаниях Витте. После полной негодования тирады о грядущих неизбежных последствиях, позорного для огромной царской России военного столкновения с маленькой Японией в 1904-1905 годах, он вещает, уподобившись древнему оракулу: « … Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай бог, чтобы сие не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов…».

Последнее желание Витте осуществилось. Он навеки успокоился в феврале 1915 года. Однако еще при жизни Витте великие европейские державы, не разрешив политическими методами своих разногласий, решились на крайние меры. В разразившейся в августе 1914 года первой мировой войне, совершенно не подготовленная Россия выступила на стороне англо-французского альянса (Антанты).

Нет никакого сомнения в том, что Витте умирал с осознанием неотвратимости своего пророчества в самое ближайшее время. Но кто, в какие времена и в каких странах слушал своих пророков?

Помимо разрешения проблем межнациональных и участи большинства крестьянства, в начале XX века довольно быстро созревал и вопрос улучшения жизненного положения российского рабочего класса. Бурный промышленный рост на основе иностранного капитала способствовал, в преимущественно аграрной державе, концентрации в крупных городах пролетариата, ставку на ускоренное рево-

люционизирование которого сделали отдельные экстремистские партии и их вожди.

В целях нейтрализации их влияния власть имущие попытались принять меры по овладению рабочим движением посредством внедрения так называемого «полицейского социализма», в просторечии именуемом «зубатовщиной». Методами экономических уступок видные ревнители самодержавия Д.Ф. Трепов и С.В Зубатов старались отстранить революционные партии от руководства рабочими массами, вследствие чего и всплыл на авансцену пресловутый Георгий Гапон. В биографии последнего имеются моменты, сближающие его со Сталиным. Россиянин лишь немногим старше кавказца, он закончил Полтавское духовное училище и поступил в семинарию.

Этим сходство, однако, не исчерпывается. Гапон закончил семинарию (не без проблем) и после некоторой паузы стал таки служителем церкви. После скоропостижной смерти жены (со Сталиным произошло аналогичное) он решается поступить в духовную академию в Санкт-Петербурге, посредством протекции влиятельных персон Полтавы.

Возможно, Гапон первоначально, в некоторой степени, был искренен в своем стремлении тесного сближения с беднейшими слоями населения, особенно работоспособного, с целью улучшения условий его жизни. В то же время червь тщеславия уже подтачивал его.

Гапон сделал правильные расчеты, в качестве священника он имел преимущество легального общения с народом в отличие от революционеров. Ему было очевидно: «Настоящие революционеры имели мало влияния на народные массы потому, что могли действовать только тайно и в ограниченных кругах рабочих, так как остальная масса была им недоступна».

Пропорционально тому, как возрастало влияние Гапона в пролетарской среде и у властей, росли и амбиции священника. Голова у него начинает кружиться. Гапон начинает представлять себя новым мессией и дерзает на вступление в конфронтацию с властями.

Формальным поводом к обострению отношений с правительством послужило увольнение четырех рабочих в декабре 1904 года с крупнейшего военного завода – Путиловского. В самом начале года следующего было получено известие о сдаче японцам Порт-Артура, вызвавшее в народе большое негодование. Решимости действовать у Гапона прибавилось вследствие спекуляции на чувствах патриотизма. Он собрал наиболее влиятельных рабочих завода и предложил остановить станки (изготавливавшие важные военные заказы),

на что те ответили согласием. В назначенный час 13 тысяч рабочих Путиловского завода прекратили работу. Спустя сутки забастовали Франко-русский судостроительный и Семянниковские заводы, также выполнявшие «весьма серьезные заказы для нужд войны». 20 января забастовкой были охвачены уже «375 заведений с 105000 чел.».

Гапон побаивался, но окончательно решился предъявить ультиматум, непосредственно адресованный царю, с политическими требованиями, отчетливо осознавая, что в буквальном смысле играет с огнем. Инициировав кровавую бойню, поп незамедлительно обратился в паническое бегство за рубежи империи, где встретил в определенных кругах восторженный прием.

Постепенно Гапон успокаивается и буквально купается в лучах европейской известности. В числе его знакомых появляются Анатоль Франс, Г.В. Плеханов, Ленин, Жорес. Спешно публикуется биография Гапона на английском и французском языках. Вслед за популярностью приходят деньги, вследствие избытка которых развивается страсть к богемной жизни. Близится час окончательного морального и физического падения Гапона.

Вследствие октябрьского Манифеста он возвращается в Россию и вновь пытается играть свою игру – нечистоплотную и рискованную. Здесь малограмотного и беспринципного авантюриста ожидает закономерный финал. Весной 1906 года, в одном из домов пригорода Санкт-Петербурга, всецело преданный некогда священнослужителю эсер П.М. Рутенберг, вместе с несколькими рабочими, осуществляет казнь Гапона через повешение.

В гапоновской «Истории моей жизни» явственно ощущается неискренность и даже лживость. И представляется весьма сомнительным, чтобы именно Гапону принадлежали нижеследующие примечательные строки: «… Николай II готовит себе судьбу одного из английских королей или французского короля недавних времен, что те из его династии, которые избегнут ужасов революции, в недалеком будущем будут искать себе убежище на Западе»…

Об истоках экстремизма в России

Право удостоиться пальмы первенства, чести более чем сомнительной, в деле политического терроризма в России принадлежит члену Северного общества П.Г. Каховскому, смертельно ранившему в декабре 1825 года генерал-губернатора Петербурга, графа Мило-

радовича М.А. Зимним студеным днем был создан прецедент открытого, сравнительно массового, выступления против, казалось бы, незыблемой российской самодержавной власти.

Полностью оторванное от стабильной в целом политической ситуации в империи оно не могло не закончиться неудачно. Наперекор тому, что около шестисот участников декабрьского восстания подверглось различного рода репрессиям, начало революционно-террористическому процессу было положено.

Самодержец всероссийский Николай I до конца своих дней не простил декабристов, даже представителей самых родовитых фамилий государства. Ничто не смогло побудить императора осуществить кардинальные политические реформы. Правительство Николая I пошло по пути мелких, частичных полуреформ, пытаясь отгородиться от решения проблем остроактуальных и сохранить в незыблемости основные начала самодержавно-крепостнической монархии.

Сравнительно свежие вопиющие примеры умерщвления его коронованных собратьев, их же верноподданными, в гораздо более цивилизованной части континента не послужили российскому императору примером. Ему не могло не быть известно, что в конце XVIII века французская королевская чета лишилась своих голов на гильотине. Ранее, в середине века XVII, король Англии Карл I Стюарт окончил свою жизнь на эшафоте. Общественный резонанс, вызванный широким распространением сочинения французского роялиста маркиза Астольфа де Кюстина, красноречиво описавшего николаевскую Россию образца 1839 года, также не возымел никакого воздействия.

Известный путешественник и литератор де Кюстин, отправившись в Россию ревностным сторонником монархического образа правления, вернулся на родину убежденным либералом. Нашумевшее в Европе произведение было посчитано самодержцем российским гнуснейшим пасквилем.

Вскоре разразилась Крымская кампания, оказавшая сильнейшее влияние на внутриполитическую обстановку в России. Поражение в войне спровоцировало кризисные ситуации во многих сферах культурной, общественной и экономической жизни империи, показало необходимость немедленных реформ. Массовое брожение охватило все слои населения. В общественно-политическую борьбу особенно оказались вовлеченными студенчество, интеллигенция, военные.

Лишь на смертном одре Николай I вынужден был взять слово с наследника, будущего императора Александра II, что тот разрешит

коренной вопрос всей российской жизни, а именно крестьянский.

Александр II вступил на престол уже сложившимся человеком, почти сорока лет от роду. Он выказал многие качества великого монарха и был достоин лучшей участи в бурлящей страстями российской обстановке последней трети века...

В ноябре 1869 года, в Москве в Петровском парке, группой молодых лиц произведено было зверское убийство студента, некоего Иванова. Это беспримерное злодеяние явилось одним из заметных событий жизни российского общества второй половины XIX века и получило впоследствии наименования движения под названием нечаевщины. По имени главного исполнителя убийства – С. Г. Нечаева, временно ускользнувшего от суда в Европу. Спустя год состоялся процесс, на котором выяснилось, что Иванов был убит, по существу совершенно безвинно, по пустому подозрению в предательстве, выдуманному Сергеем Нечаевым.

Здравомыслящая Россия содрогнулась, а великий Федор Михайлович Достоевский использовал криминальную фабулу для написания романа «Бесы» и обессмертил тем самым жертву и убийц, в первую очередь Нечаева. Последнему приписывается мрачное сочинение под примечательным заголовком «Катехизис революционера», проповедующее антигуманные методы и цели.

В фигуре Нечаева есть нечто сверхестественное. Некоторый период времени он играл видную роль в радикальных кругах студенческого движения. В Европе он довольно близко сошелся с виднейшими российскими революционерами, однако процесс сильно повредил его репутации. В 1872 году швейцарское правительство выдало России Нечаева как заурядного уголовного преступника. Его предали анафеме и постарались забыть. Однако Нечаев оказался не просто жалким обманщиком и бесчестным негодяем, а единственным в своем роде фанатичным террористом-организатором. Два года его держали в цепях в казематах Петропавловской крепости, но узник стоически вынес это испытание. Спустя много лет Нечаев, благодаря своей фантастической воле и огромной силе внушения сумел склонить охрану крепости на свою сторону и едва не устроил грандиозную мистификацию с побегом. Заговор раскрылся, многие стражники и солдаты поехали в Сибирь, а Нечаев погиб в крепости, ровно тринадцать лет спустя после своей жертвы, студента Иванова.

Российские террористы, народовольцы, открыто осуждавшие и даже проклинавшие Нечаева, в сущности, не столь уж далеко ушли

от него. Они не принесли ничего своей стране, кроме новых бедствий. Насилие лишь порождало ответное насилие, получался замкнутый круг. В мировой истории нередки случаи применения методов борьбы совершенно не соразмерных с оценкой личности монарха и его деяний. 14 марта 1881 года в Петербурге, на Екатерининском канале, бомбами, брошенными Рысаковым Н.И. и Гриневицким И.И., был разорван в клочья царь русский и император всероссийский Александр II.

Был убит самодержец, стяжавший славу великого реформатора. При сохранении своих атрибутов власти и главенствующего положения дворянства, Александр II отменил крепостное право, а также произвел серию реформ, долженствующих привести в соответствии с новыми порядками весь государственный строй России. В числе таких реформ была и судебная, произведенная в 1864 году. Организаторов и участников злодейского убийства императора-реформатора власти подвергли умерщвлению.

Этому громкому покушению, в числе прочих, предшествовало множество других, довольно шумных террористических актов с различными результатами и совершенно неадекватными мерами наказания, что и предопределило участь императора.

Во второй половине дня 17 апреля 1866 года столица Российской империи была взбудоражена необычайным происшествием. В центре Санкт-Петербурга, у решетки Летнего сада, из толпы зевак, неизвестный молодой человек стрелял в Александра II, но промахнулся. Покушавшийся на жизнь августейшей особы был немедленно схвачен. Отвечая на вопросы монарха, стрелявший мотивировал преступление тем, что царь, обещав вольность крестьянам, обманул их. Террористом оказался бывший студент Московского университета Дмитрий Владимирович Каракозов, происходивший из мелкопоместных дворян Саратовской губернии.

Самодержец совершенно не пострадал и отделался лишь испугом, тем не менее, Верховным уголовным судом империи террориста приговорили к повешению, что и было исполнено в сентябре, на Смоленском поле, в Петербурге. Тем самым, властями была совершена серьезнейшая политическая ошибка. Несомненно, покушавшийся должен был понести строгое наказание, но лишать его жизни при данных обстоятельствах не следовало.

Формально судьи были правы. Первая статья основного закона империи гласила: «Император всероссийский есть монарх самодер-

жавный и неограниченный. – Повиноваться верховной его власти, не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Исходя из буквального смысла данного закона, Каракозов заслуживал смертного приговора. Однако соответственно духу времени, а также по соображениям гуманности, его следовало помиловать. Ибо погибший в ореоле славы мученика Каракозов не мог не служить экзальтированной части молодежи образцом для подражания.

Русско-турецкая война 1877-1878 годов внесла свою лепту в дальнейший рост террористических выступлений против высших должностных лиц империи.

5 февраля 1878 года, в 10 часов утра, 28-летняя Вера Ивановна Засулич выстрелом из револьвера открыла новый, еще более трагический период российской истории. Она нанесла тяжелое ранение петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту Ф.Ф.Трепову. Террористка демонстративно бросила оружие на пол приемной и не пыталась скрыться. Спустя два месяца, на процессе, привлекшем огромное внимание разных слоев российского общества, Засулич объявила, что не ставила целью убийство Трепова. Она лишь хотела таким экстраординарным способом наказать одного из высших чиновников империи за грубость и самодурство. Из показаний подсудимой также выяснилось, что она в свое время имела некоторые отношения с Нечаевым. Это знакомство обошлось Засулич, одной из дочерей отставного капитана, почти два года тяжелого одиночного тюремного заключения. Затем ее отпустили, так и не предав суду, а по истечении нескольких недель отправили в административную ссылку в разные города империи. В конце 1873 года Засулич получает разрешение поселиться под надзором полиции в Харькове. Прожив там почти два года, она решается перейти на нелегальное положение…

Судом присяжных заседателей, под председательством видного российского юриста А.Ф.Кони, Вера Засулич была признана невиновной. Данный вердикт нельзя не признать вопиющим фактом юридического нонсенса. По всем канонам юриспруденции террористка должна была понести наказание, пусть даже символическое. Однако эмоции возобладали над разумом. Засулич незамедлительно была освобождена от стражников. Огромная толпа вынесла героиню на руках, посадила в карету и принялась ее сопровождать. Шествие вылилось в стихийную демонстрацию и большие беспорядки с применением огнестрельного оружия. Власти, пришедшие в себя после

шока от такого решения суда, предприняли меры к задержанию Засулич. Но безуспешно. Были предпринята и вялая попытка пересмотра дела, которая также оказалась безрезультатной. Засулич так и осталась безнаказанной, что явно послужило вдохновляющим фактором для любителей революционных эксцессов.

Безусловно, правы те, кто утверждает, что правосудие не должно быть ни слишком суровым, ни чрезмерно либеральным. Правосудие должно быть справедливым и беспристрастным при любых обстоятельствах, а наказание должно быть соразмерным содеянному фактически. Скандальный процесс по делу Веры Засулич получил огромный резонанс в России и за рубежом. Некоторый период времени о нем писала вся мировая пресса.

Спустя ровно год, на утренней прогулке вокруг Зимнего дворца императора пытался застрелить 30-летний Александр Соловьев, учитель по профессии. И на этот раз Александру II удалось избежать смерти, вновь отделавшись лишь испугом, а также простреленной полой шинели. И вновь террорист, подобно Каракозову, был казнен.

Вследствие этого, исполнительным комитетом революционной организации «Народной воли» в августе 1879 царю был вынесен смертный приговор. Александр II становится главной мишенью террористов, обложивших его как зверя.

18 февраля 1880 года в 6 часов 30 минут вечера в Санкт-Петербурге раздался ужасный грохот, густые клубы дыма поднялись над Зимним дворцом. Подорванной динамитом оказалась столовая царского дворца. Император чудом остался жив. Жертвами взрыва стали десятки солдат Финляндского полка, дислоцировавшихся в помещении под столовой. Это новое громкое выступление террористов вызвало в правящих кругах империи чувства смятения, ужаса и недоумения.

Неделю спустя император официально наделил генерал-адъютанта графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова практически неограниченными полномочиями для реформирования самодержавной власти в сочетании с принципами либерализма. Хитроумный и храбрый Лорис-Меликов, происходивший из рода армянских князей Меликовых, видел лишь одно средство для спасения державы. Оно заключалось в безотлагательном даровании российскому народу всех свобод, совместимых с абсолютной властью, чтобы постепенно преобразовать эту власть в конституционно-монархическую. Это была необыкновенно трудная задача. Для ее решения требовалось прило-

жить много усилий, времени и терпения. В первую очередь необходимо было убедить императора, чего Лорис-Меликов практически добился.

В первые весенние дни 1881 года Александр II окончательно решился на самоограничение своей власти. Но, увы! Таковы гримасы судьбы, он лишается жизни при столь трагических обстоятельствах.

После преждевременной гибели императора Александра II, российский трон занял тезка, его второй ребенок мужского пола. Александр III вступил на престол, обагренный кровью отца. Несомненно, данное обстоятельство воздействовало на психологию молодого императора. Первым побуждением правопреемника было уважение политической воли покойного отца. Без колебаний император устно санкционировал вступление на путь, ведущий к ограничению самодержавия народным представительством.

Однако сторонники жесткой линии, в числе которых выделялся его учитель Победоносцев К.П., резко выступили против. В итоге почти двухмесячной борьбы они одержали победу. В начале мая Александр III, в отличие от своего родителя, обладавший менее гибким нравом, подписал подготовленный Победоносцевым манифест. В нем торжественно декларировалось о непоколебимом намерении укрепления самодержавия, ответственного единственно лишь перед Создателем. Тем самым, обозначался конец политики уступок либералам.

Уже на следующий день Лорис-Меликов подал прошение об отставке, которая была принята. Российская империя вернулась на старые традиционные пути, означавшие когда-то славу и благоденствие. Пути, которые 35 лет спустя приведут империю к гибели.

Александр III, несмотря на богатырское телосложение, процарствовал лишь 13 лет и умер из-за болезни почек. Он также не избежал покушения на свою жизнь в марте 1887 года. Главные организаторы террористического акта, и в их числе старший брат будущего основоположника марксизма-ленинизма, Александр Ильич Ульянов, были казнены в мае месяце того же года. Владимиру Ульянову (Ленину) к тому времени еще не исполнилось семнадцать лет. Трагическая кончина старшего брата не могла не пробудить в нем чувства злобы и ненависти к режиму царской власти и династии Романовых.

Меж тем в конце XIX века в России наступил период относительной внутриполитической стабилизации. Этому способствовали бурное экономическое развитие, а также воцарение сына Александ-

ра III, Николая II Романова. С приходом нового правителя чисто психологически человеку свойственно ожидать перемен к лучшему. Тем паче, в основной массе населения, террористические акты, направленные против священной, на ее взгляд, персоны самодержца всея Руси были мало популярны. Во всех своих бедах народ винил, в первую очередь, высшие аристократические и чиновничьи круги империи. Особенно твердой верой в доброту «царя-батюшки» отличались широчайшие слои крестьянства. Однако Николай II не сумел использовать кредит доверия основной части народа и тот факт, что до начала 20 века он практически не был вовлечен в политическую борьбу.

Наступивший новый век очень скоро дал царю прекрасные возможности показать свой истинный облик мужа, априори и де-факто радеющего за нужды всех, без исключения, детей своих.

Своеобразным барометром усиливающегося народного недовольства служили участившиеся выходки экстремистов. Один за другим начались террористические акты, империя оказалась совершенно незащищенной от этих эффектных ударов.

В феврале 1901 года 26-летним Карповичем П.В. был смертельно ранен министр народного просвещения Боголепов Н.П. 15 апреля 1902 года молодой киевский студент Балмашев С.В. двумя выстрелами из револьвера в министерской приемной убил главу внутренних дел империи Сипягина Д.С. Казнь Балмашева, через повешение, последовавшая 16 мая в Шлиссельбургской крепости, не охладила пыла экстремистов.

Убийством Сипягина открылась новая глава в истории террористической борьбы с российским аналогом абсолютизма. С этого момента начался отсчет деятельности Боевой организации партии социалистов-революционеров (эсеров). Маховик смертоносного для высших чинов царской администрации механизма пришел в действие.

Высочайшим указом царь вместо безвременно усопшего добродушного Сипягина посадил на ключевой в империи пост жесткого ретрограда В.К.Плеве. Вскоре за скальпом новоявленного министра внутренних дел началась форменная охота. Партия социалистов-революционеров, в руководящем ядре которой преобладали лица еврейской национальности – М.Р.Гоц, Г.А.Гершуни, а также Евно Азеф, приговорила ревнителя самодержавия Плеве к смерти. Не последнюю роль здесь сыграло и то обстоятельство, что на этого царского сатрапа возлагалась главная ответственность за еврейский погром в Кишиневе, ошеломивший мировую общественность.

Прекрасный солнечный день 28 июля 1904 года стал последним в жизни В.К.Плеве. Как обычно министр ехал на доклад к царю по Измайловскому проспекту. Четыре исполнителя-бомбометателя с равномерным интервалом двигались ему навстречу. Основной бомбардир, 25-летний Созонов Е.С., шел вторым. Выбрав благоприятный момент, Созонов бросил увесистый снаряд в карету Плеве. Раздался оглушительный взрыв, еще один министр внутренних дел окончил земное существование.

Убийство Плеве произвело огромное впечатление на все слои российского общества. Даже самыми ярыми противниками терроризма признавалось, что тем самым был нанесен чувствительнейший удар по той системе, живым воплощением которой в тот период был министр Плеве. Социалисты-революционеры торжествовали. Праздник был на их улице, авторитет «главного организатора победы» Азефа поднялся на небывалую высоту.

Тем горше было узнать 4 года спустя соратникам Евно, что их «несгибаемый предводитель» долгое время весьма прибыльно сотрудничал с Департаментом полиции и Петербургским Охранным отделением. Пятнадцать лет Азеф балансировал по лезвию бритвы, стремясь угодить и революционерам и полицейским. Случай уникальный во многих отношениях. Потрясены предательским поведением Азефа были не только революционеры, но и полицейские. Скандал получился вселенского масштаба.

Очевидно, безжалостным убийством В.К. Плеве революционеры посеяли в души высших иерархов империи страх и недоверие к любой народной инициативе. Единственно этим можно объяснить расстрел делегации рабочих и членов их семей 22 января 1905 года. Эта кровавая акция привела к всеобщему возмущению и всероссийской стачке. Трон царя зашатался, и он был вынужден пойти на определенные уступки, что было расценено общественностью как проявление слабости режима.

Октябрьским Манифестом 1905 года царем были дарованы политические свободы и провозглашены выборы в Государственную Думу, то есть декларировалась возможность участия народных представителей в управлении государством. Но и эти полумеры уже не помогли. В декабре разразилось восстание, которое удалось подавить ценой немалого кровопролития пока еще преданными царю войсками.

1906 год ознаменовался стремительным взлетом Столыпина на авансцену российского политического Олимпа. Судьбой ему отме-

рено было немногим более пяти лет проводить жесткий курс усмирения революционных проявлений с одновременным запуском некоторых экономических преобразований, в частности аграрной реформы. Первое удалось ему, пожалуй, лучше, чем второе. Но и то, что Столыпину удалось что-то сделать, учитывая мощные силы противодействия, достойно уважения.

Малодушный самодержец при первых признаках проявления ясности на политическом небосклоне России не замедлил отвернуться от своего храброго вассала. В начале сентябре 1911 года Столыпин был тяжело ранен в здании Киевского театра во время антракта неким Д.Г.Богровым. После непродолжительной агонии он скончался в частной клинике Маковского. Мотивы покушения 24-летнего Богрова, успевшего побывать, несмотря на свою молодость, и анархистом, и агентом Охранки, до сих пор не выяснены досконально. Недолгое расследование велось некачественно и сумбурно. И сам факт поспешной казни Богрова наводит на определенные размышления о наличии неких могущественных заинтересованных сил. Еще один российский деятель, обладавший политической волей и незаурядным личным мужеством, преждевременно выбыл из строя. Император Николай II, в силу ряда причин не ценивший самых одаренных своих сотрудников, семимильными шагами двигался навстречу своей лично и подвластной ему империи гибели.

Власть продолжает совершать грубейшие ошибки, которые, по выражению Талейрана, означают «больше, чем преступление». 17 апреля 1912 года царские войска расстреляли рабочих, бастовавших в Сибири на золотых приисках реки Лены. Пострадало свыше 500 человек. Это была самая чудовищная расправа такого рода со времен январьских событий 1905 года, и она привела к сильнейшей вспышке беспорядков и волнений на промышленных предприятиях. Революционные партии резко усилили свою активность в рабочей среде. В Российской империи в течение последующих двух лет напряженность в обществе перманентно возрастала.

Победоносное участие в военных действиях гипотетически могло существенно ее понизить. Однако в реальности происходило обратное, хотя первоначально национально-шовинистический угар охватил все слои этнических славян России. Вследствие войны в громадной империи наметилась стойкая тенденция к ухудшению обеспечения не только продовольствием, но и товарами бытового назначения первой необходимости. Ввиду их дороговизны либо полного отсут-

ствия повсеместно как в европейской части державы (городах Петроград, Киев, Баку и других), так и в азиатской (городах Ташкент, Семипалатинск, Красноярск и других), прокатились массовые стихийные народные волнения, беспорядки и погромы. «Продовольственные выступления» в Баку 14-16 февраля 1916 года спровоцировали весьма напряженную обстановку в обеспечении нефтепродуктами в центре и многих промышленных регионах. Все больший размах приобретало стачечное движение. По данным одного источника, «в России в 1915 г. было 1946 стачек с 897 тыс. участников, в 1916 г. – 2306 стачек с 1784 тыс. и в январе-феврале 1917 г. – 751 стачка с 640 тыс. участников».

Широкомасштабное антиправительственное и антивоенное выступление некогда безропотных инородцев, вошедшее в историю как восстание Амангельды Иманова в Казахстане, сотрясло одну из, казалось бы, безмятежных окраин империи и также явилось одним из предвестников ее неминуемого распада.

Начало Великой смуты

После неполных 23-х лет правления Николая II Романова случилось неизбежное. Любители великих потрясений, которых столь нещадно бичевал Столыпин, а не сторонники Великой России, одержали верх. Малозавидное положение державы вследствие империалистической войны одним махом превратилось в бедственное.

В сущности, страны германского блока мало угрожали национальным интересам монархической России, помимо затрагивания аспектов чисто эмоциональных. В первую очередь, под ударом оказывалась республиканская Франция и, отнюдь не случайно, один из высших ее представителей Раймон Пуанкаре в течение небольшого временного отрезка дважды посещал Россию. Его последний визит в качестве президента совместно с председателем совета министров Франции Вивиани состоялся в самый канун войны. Волевой Пуанкаре в определенной степени повлиял на недостаточно продуманное решение царя о преждевременной мобилизации русской армии.

Тем самым, помогая братьям-славянам сербам и французам, самодержец жертвовал жизнями подданных и лично своей. Справедливости ради следует отметить, что царь весьма и весьма сомневался в правильности объявления полной мобилизации до того, как это сделают главные оппоненты – Франция и Германия. Но под давле-

нием своего армейского руководства и, уму непостижимо, дипломатического тоже (министра иностранных дел С.Д. Сазонова), Николай II сдался. Одним словом, пока Коба Сталин томился в Сибири, стремительно приблизился час самоликвидации самодержавной власти в России.

Для плохо оснащенной практически по всем позициям русской армии ход военных действий складывался крайне неудачно. На редкость бездарное руководство войсками, коррумпированность генералитета, казнокрадство штатских чиновников сказались самым пагубным образом. Затянувшаяся, надоевшая многим война окончательно выявила неспособность царского режима решать насущнейшие нужды большинства населения. Экономическое положение страны резко ухудшилось, людские потери были огромны. Недовольство практически всего народа, всех слоев общества достигло критической точки. Правительственные войска, некогда беспрекословно стрелявшие по безоружным подданным, стремительно разлагались. Антагонизм между властью, богатство имущими и обездоленнейшими кругами народа, стал нестерпимым. В то время как одни пухли с голоду или кормили вшей в окопах, другие продолжали благоденствовать, как и в мирные времена.

В третьей декаде февраля 1917 года, в столице империи, переименованной в Петроград в угоду национал-патриотам, начались беспорядки, которые затем приняли характер форменной революции. Из Ставки царь послал депешу с повелением немедленно прекратить беспорядки, «недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Засим он не сумел пробиться в Петроград, и, убедившись в отказе генералитета от поддержки, когда смута в столице практически уже пошла на убыль, самодержец решился.

15 марта в 15 часов император всероссийский Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Однако у последнего также не доставало гражданского мужества и стремления взвалить на себя в такой серьезнейший момент ответственность руководства огромной державой. Это показывает всю глубину кризиса, постигшего династию Романовых. Из целого сонма, так называемых великих князей, не нашлось ни одного, кто отважился бы стать во главе государства. Монархия умерла окончательно и бесповоротно.

Правда, отказ Михаила от власти был сформулирован в определенной степени условно: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля вели-

кого народа нашего, выраженная Учредительным собранием». Однако в то весьма беспокойное время было не до юридических тонкостей, поэтому в некогда могущественной империи легитимная до сего времени власть прекратила существование. В одночасье Россия превратилась в самую свободную страну мира. Все механизмы и шестеренки старого механизма уклада жизнедеятельности со стоном и скрежетом рассыпались.

Первая, получившая наименование Февральской, революция 1917 года, низвергнувшая династию Романовых, явилась следствием стихийного взрыва народных масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных благ. Она была встречена восторженно и использована, в первую очередь, высшей буржуазией, а также чиновничеством, окончательно потерявшими веру в систему самодержавного управления и, особенно, в самого царя и его приближенных. Первое Временное правительство состояло именно из представителей этой элитной части населения.

Революционные партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали ее и вначале были весьма поражены фактом молниеносной ломки царского режима. Петроградский Совет рабочих депутатов образовался в момент народного буйства группой рабочих стихийно, без центрального руководства. Это было возрождение Петербургского Совета, отличившегося в революции 1905 года. В отличие от Временного правительства, ставшего официальным преемником царского и признанного таковым за рубежом, Совет формально не обладал властью. Однако предписания Совета постепенно признавались все большим числом рабочих и солдат, тем самым наделявшими его властными полномочиями. По примеру Петрограда Советы создавались в Москве и других крупных городах, а несколько позже и в сельских районах.

Почти случайно возникла практическая основа так называемого двоевластия, установившегося в результате Февральской революции. Ситуация складывалась весьма сумбурная и запутанная, реально положением в государстве никто не владел.

На плечи представителей Временного буржуазного правительства, начавшего функционировать в обстановке всеобщей эйфории и развала старого мира, нежданно-негаданно свалилась гигантская ноша управления огромной страной. Она оказалась для них непомерно тяжелой. Многие попросту растерялись и, как обычно в Рос-

сии, задались вопросом: «Что делать?». Спасительным выходом казалась мысль о спешном формировании Учредительного собрания в качестве наиболее легитимного органа народного представительства.

Прослышав о самоликвидации самодержавного режима, с разных частей света в Россию ринулись, помимо бескорыстных идеалистов-партийцев, революционные предводители разных калибров.

В середине апреля из Швейцарии в Петроград приехал Ленин. В результате непростых переговоров с германскими властями большевистский лидер вместе с группой своих сподвижников и представителей других партий добился разрешения проехать через Германию и Швецию в железнодорожном вагоне на правах экстерриториальности. Ленин немедленно развил бурную деятельность, отмеченную французским дипломатом Морисом Палеологом следующим образом: «Авторитет Ленина, кажется, наоборот очень вырос в последнее время. Что не подлежит сомнению, так это то, что он собрал вокруг себя и под своим началом всех сумасбродов революции; уже теперь он оказывается опасным вождем».

Еще не ступив на башню броневика у Финляндского вокзала в Петербурге, Ленин бескомпромиссно и недвусмысленно заявляет о претензиях партии большевиков и своих лично на всю полноту власти на то, что в реальности тогда представляла Матушка-Русь. То есть на необъятные пространства земель, полей, лесов, рек, озер, морей и прочая и прочая. Ибо величайшая некогда держава мира в тот период времени без Царя-Батюшки, являлась лишь понятием сугубо географическим.

Первым из числа революционных сумасбродов, причем наиболее оголтелым, следует назвать Троцкого. Последний приехал из Соединенных Штатов в Петроград месяцем позже Ленина, по причине пятинедельной задержки британскими властями. Троцкий понимал, что несколько запоздал с прибытием, и альянс с большевистским вождем сулит ему выгоды. Сторонним наблюдателям стало понятно, что они вскорости договорятся.

Политическая обстановка в Петрограде летом оставалась далекой от стабильности вследствие ухудшающегося материального положения народа. Непрерывно проводятся разные конференции и съезды. В середине июня состоялся Первый Всероссийский съезд Советов с ничтожно малым числом большевистских делегатов. Тем не менее, Ленин безапелляционно выразил на нем готовность взять власть в свои руки, что было равносильно объявлению войны его

партией Временному правительству; благородного до неразумности в решимости продолжать войну до победного конца. Ленин, в отличие от лидеров других партий, последовательно отстаивает решение наиболее злободневного вопроса – немедленного прекращения военных действий.

Его лозунги пользуются все большей популярностью. Во время демонстрации 30 июня десятки тысяч человек несут большевистские призывы. В середине июля провоцируются еще более серьезные антиправительственные выступления. Противники большевиков вполне резонно обвиняют Ленина в подготовке государственного переворота. Рупор большевиков – газета «Правда» – запрещается и выписываются ордера на арест наиболее заметных вожаков партии. Л.Б. Каменев (Розенфельд) дает себя арестовать, а Ленин и Г.Е.Зиновьев (Радомысльский) малодушно скрываются, дабы затем уехать в Финляндию.

Когда инициированное властями наступление в Галиции провалилось с большими потерями в живой силе, разразился очередной правительственный кризис. Взамен подавшего в отставку князя Г.Е. Львова на пост премьер-министра заступил А.Ф. Керенский. Троцкий и его приверженцы, наконец, присоединяются к большевикам, и следует новая волна арестов. Вкупе с Троцким, под стражей оказываются также истая большевичка А.М. Коллонтай и бывший «межрайонец» А.В. Луначарский.

Затем, когда Ленин и другие главари все еще скрываются или находятся за решеткой, в Петрограде под умелым руководством Сталина проходит VI съезд РСДРП (первый после форума в Лондоне).

В самом начале осени выступил генерал Лавр Корнилов дабы «призвать всех русских людей к спасению умирающей родины». Колонны его войск, ведомые боевым генералом А.М. Крымовым, казалось, взяли Петроград в клещи, и Керенский впал в отчаяние. Тем не менее, путч провалился, а Крымов пустил себе пулю в сердце.

Вследствие полного фиаско Корнилова позиции большевиков значительно укрепились. Троцкий, выпущенный из тюрьмы в конце сентября, избирается председателем Петроградского Совета, ставшего главным воинствующим центром большевиков. Ленин перебирается из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть поближе к месту событий. Вождь заклинает своих соратников: «Кризис назрел» – пора брать власть в свои руки. Однако в самый канун решительных действий, которые должны были стать критическим испытанием, верхушка партии оказалась пораженной серьезным внутренним конф-

ликтом. Инициаторами его были Зиновьев и Каменев, открыто выступавшие против вооруженного восстания.

Наконец, предельно обеспокоенный Ильич, сильно изменив внешность, прибывает в Петроград. 23 октября там состоялось заседание ЦК партии большевиков, которому суждено было навсегда войти в историю. Ленин категорически настаивает на немедленной подготовке к вооруженному выступлению и склоняет чашу весов в пользу своего предложения. Большинством в восемь голосов ЦК принимает решение о перевороте.

В вопросе стратегическом, захвате власти под лозунгом подлинно пролетарской революции, Ленин и Троцкий действовали в унисон. Главным образом, именно этот дуумвират определился с окончательным сроком низвержения последнего состава Временного правительства. Причем, если Ильич до последнего момента был законспирирован и давал указания, в сущности, из подполья, то Троцкий действовал открыто.

К началу ноября Временное правительство продолжало функционировать на коалиционной основе. Обладателями основных министерских портфелей в правительстве были представители партий меньшевиком и эсеров.

Наконец наступил момент истины: было решено нанести главные удары перед самым началом II Всероссийского съезда Советов, намечаемого на 7 ноября. Поздней ночью 6 ноября в Смольный дворец благополучно прибыл Ленин в целях предосторожности продолжавший маскироваться до неузнаваемости. С его приходом действия Петроградского Военно-революционного комитета стали гораздо более агрессивными, однако четкости не прибавилось.

В отличие почти от всех других большевистских руководителей Ленин придавал решающее значение свержению Временного правительства, проявлявшего беспомощность, в преддверии съезда. Ночью вооруженные большевистские силы начали действия по занятию ключевых объектов энергоснабжения, связи и транспорта, а также аресту членов легитимного правительства. Но лишь утром, часов в одиннадцать, в Смольном наметили «в грубых чертах «оперативный план».

Предвосхищая развязку, днем на заседании Петроградского Совета Ленин торжествующе объявил о победе «рабочей и крестьянской революции». В связи с чем, малейшее промедление с захватом Зимнего дворца, к окружению которого реально приступили около 4

часов дня и где обосновались практически полностью изолированные от внешнего мира министры, приводило лидера большевиков в состояние бешенства.

Открытие съезда Советов между тем было запланировано на два часа дня. Поздно вечером стало окончательно ясно, что откладывать больше нельзя, как бы ни хотел того Ленин. В 23 часа 40 минут 7 ноября меньшевистский лидер Федор Дан (Гурвич) объявил съезд открытым. Вооруженные отряды большевиков стремились в это время любой ценой завладеть Зимним дворцом.

На представительском форуме развернулись ожесточенные дебаты вокруг факта организации военного заговора, без согласования с другими политическими партиями, группами и фракциями. В знак протеста делегаты от меньшевиков и эсеров (социалистов-революционеров) опрометчиво покинули зал заседания, совершив тем самым грубейшую ошибку. Вместо того чтобы бороться на съезде за сохранение властных полномочий, они ушли, оставив большевиков и представителей некоторых других партий полными хозяевами положения.

Около 3 часов 30 минут ночи фактически уже 8 ноября на съезд поступило сообщение об аресте большинства министров-социалистов, встреченное овацией. Временное правительство громогласно объявлялось низложенным, невзирая на то, что его председатель Александр Керенский оставался еще на свободе и пытался организовать отпор действиям узурпаторов. Мало кто в России сознавал тогда, что в истории страны и всего мира наступила новая эра.

На главный вопрос о том, почему именно большевики победили в борьбе за власть в Петрограде в 1917 году невозможно дать однозначный ответ. Имеется целый ряд причин обусловивших феноменальный, казалось бы, успех марксистско-ленинской партии, доселе малоизвестной практически всем слоям предельно разобщенного российского электората. Собственно не только лишь их партия столь громогласно продекларировала захват власти. У большевиков были союзники, но воспользовались впоследствии плодами Октября лишь они одни. Поэтому создалось мнение о большевиках как единоличных победителях.

Далее, фатальное стремление демократического, в своей сути, Временного правительства продолжать совершенно опостылевшую войну до победного конца, сказалось самым роковым образом. Под любым «гарниром» необходимо было добиваться выхода России из войны. В полной мере это сознавал лишь один Ленин. В сложив-

шейся к тому времени ситуации немаловажным источником роста авторитета большевиков явились выдвинутые ими чрезвычайно притягательные популистские лозунги типа «Вся власть Советам». Вследствие реализации которого непременно исполнятся все пожелания и чаяния страждущих, то есть люди получат Мира, Земли, Хлеба вдосталь. Весьма важным фактором, полностью использованном в 1917 году вождями пролетариата, была нетерпеливость радикально настроенных народных масс, стремившихся к кардинальному улучшению своего незавидного положения.

Огромную работу большевистская партия проводила, чтобы заручиться поддержкой солдат в неспокойном тылу и на разваливающемся фронте. Причем теперь большевистские агитаторы работали с открытым забралом, из глубоко законспирированной когорты, в одночасье превратившись в организацию массовую и общедоступную.

Одновременно дерзкое, решительное и весьма гибкое предводительство Ленина отнюдь не исключало сравнительно демократическую, «толерантную и децентрализованную структуру и методы руководства». Более того, исключительно Ильичу, необходимо признать, принадлежит прерогатива такой установки. Он открыто приглашал всех, кто пожелает, к сотрудничеству, из соображений тактических, а также полного пренебрежения нормам этики и морали. Ленин ради достижения намеченной цели, а именно обретения вожделенного политического первенства, был готов на все что угодно, даже на союз с самыми темными силами.

Не следует обольщаться тем фактом, что первое, кстати, также временное, постфевральское правительство, то есть орган исполнительный, состояло исключительно из большевиков с официальным названием Совет Народных комиссаров под председательством В.И. Ульянова (Ленина).

Новый Центральный Исполнительный Комитет съезда Советов рабочих, солдатских и частично крестьянских депутатов, то есть орган преимущественно законодательной ветви власти состоял из 62 большевиков, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов и 4 представителей прочих малозначительных левых группировок. Колоритнейший ареопаг, невзирая на председательство номинального большевика Льва Каменева, был суть коалиционным.

Второй «Всероссийский» съезд Советов, завершившийся утром 9 ноября, принял, помимо разрешения вопросов организационного характера, так называемые «Декреты о мире и земле».

Декрет о мире практически целиком был ленинским изобретением, которым во всеуслышание провозглашались инициативы о проведении незамедлительных переговоров всеми заинтересованными сторонами, с целью скорейшего заключения справедливого мира, без аннексий и контрибуций.

В другом декрете, основанном на аграрной программе левых эсеров, также декларировались принципы разделения земель крестьянам по справедливости.

Одним из первых постановлений Совета Народных Комиссаров, в котором Коба-Сталин занял кресло разрешителя вопросов межнациональных, было подтверждение проведения выборов в Учредительное собрание, долженствовавшее стать высшим российским представительским учреждением, на 25 ноября 1917 года.

Противники большевистской инициативы, возмущенные наглой и непристойной, на их взгляд, попыткой узурпации власти, до созыва Учредительного собрания с самого начала попытались оказать жесткое сопротивление.

Застрельщиками в этом деле были представители партий эсеров и меньшевиков. Образовав организацию с громким названием «Комитет спасения родины и революции», они объединили под его знаменем и представителей некоторых специализированных ведомств. Однако их попытка вооруженным путем «разобраться» с большевиками была быстро отбита.

Председатель объявленного низложенным Временного правительства Керенский, опираясь на не слишком многочисленные силы казаков генерала П.Н. Краснова, попытался 12 ноября войти в Петроград. Однако наспех собранные отряды рабочих, солдат и матросов преградили им путь на Пулковских высотах. Сумбурное и кровопролитное столкновение, в конечном счете, завершилось поражением красновцев. Керенский едва успел скрыться от неминуемой расправы, переодевшись и видоизменив свою внешность.

«Триумфальное» шествие советской власти начало свой кровавый путь по городам и весям необъятной российской земли.

Отражение прямой и непосредственной угрозы существованию новому режиму в Петрограде не могло не воодушевить Ленина и его сподвижников, из числа наиболее радикальных. Вождь в ультимативной форме потребовал от умеренной части руководства большевистской партии прекратить иллюзорные надежды на реальное сотрудничество с другими политическими силами. Тем самым, веро-

ятность действенности работы будущего Учредительного собрания уже тогда оценивалась трезвомыслящими политиками как весьма сомнительная.

В знак протеста пятерка умеренных во главе с Каменевым и Зиновьевым вышла из ЦК партии. Кроме выхода из ЦК, А.И. Рыков, В.П. Ногин и В.П. Милютин и присоединившийся к ним И.А. Теодорович покинули правительственные посты. Разразился первый сильнейший кризис свежеиспеченной руководящей верхушки Страны Совдепии. Он был инициирован демократичным Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожников (Викжель).

Группа оппозиционеров очень скоро увеличилась. К ним присоединились нарком труда А.Г. Шляпников, Ю. Ларин (М. А. Лурье) и другие. Вследствие этого позже министерские портфели получили некоторые представители левых эсеров. Развязка конфликта была скорой, как и многое в те лихорадочные дни. Зиновьев капитулировал первым, забрав назад свое заявление об уходе с партийных постов и обязываясь подчиниться партийной дисциплине. С Каменева были сняты полномочия председателя ЦИК и на его место назначили Свердлова.

В такой обстановке, не имевшее никакого управленческого опыта, большевистское правительство принялось выпускать декрет за декретом, отчаянно пытаясь завладеть контролем над обстановкой, складывающейся на Руси.

Коба-Сталин и семнадцатый год

6 ноября 20 года на торжественном заседании Бакинского Совета Сталин довольно бесхитростно зачитал, в том числе, нижеследующие абзацы из своего доклада: «Три года тому назад, 25 октября (или 7 ноября по новому стилю) 1917 года – маленькая кучка большевиков, деятелей Петроградского Совета, собралась и решила окружить дворец Керенского, взять его войска, уже разложившиеся, в плен и передать власть собравшемуся тогда II съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В тот момент многие на нас смотрели, в лучшем случае, как на чудаков, в худшем – как на «агентов германского империализма».

Сделанное им признание довольно много значит. Судя по всему, осторожный Коба в глубине души весьма и весьма сомневался в реальности осуществления задуманного своими оголтелыми коллега-

ми переворота. О том, что семнадцатый год столь круто переменит его судьбу, он видимо задумывался мало...

Коба-Сталин встречал его в пути, направляясь из северной части Центральной Сибири вверх по Енисею на собачьих и оленьих упряжках, а порою и просто пешком.

В Европе продолжал бушевать пожар первого всемирного вооруженного конфликта. Невиданных масштабов бойне требовалось, во все возрастающих количествах, пушечное мясо. Кобе предоставлялась реальная возможность отправиться на Восточный фронт, сражаться с австро-венграми или германцами. Однако революционера с Кавказа на военную службу не взяли, по причине плохого функционирования левого локтевого сустава, а также, очевидно, из-за неизменности его репутации смутьяна. Медицинское освидетельствование производилось в начале февраля в Красноярске. Срок четырехгодичной ссылки истекал летом, поэтому власти не сочли необходимым отправлять Сталина обратно в Курейку, путь неблизкий и хлопотный. Ему разрешили временно поселиться в Ачинске, захудалом городишке на транссибирской железнодорожной магистрали.

Не будет преувеличением отметить, что Коба несколько одичал в Курейке. Непродолжительное пребывание в захолустном Ачинске в некоторой степени помогло его ускоренной адаптации в миру.

Среди ссыльных, проживавших в то время в Ачинске, находился Лев Каменев с женой Ольгой (сестрой Троцкого). Помимо других гостей, Коба все вечера проводит в их доме. Он почти не участвует в беседах, лишь изредка вступая в разговор. На правах хозяина дома Каменев задает тон в политических посиделках, безапелляционно высказывая тот или иной прогноз. Внешне Коба с почтением внимает ему, сосредоточенно посасывая трубку. Он предусмотрителен и предпочитает, преимущественно, выслушивать мнения других, нежели говорить самому. Не полностью владея ситуацией, горец избегает скоропалительных суждений, во избежание попадания в глупое положение.

В конце марта, столь неожиданно преждевременно освободившийся, Коба-Сталин, вместе с другими ссыльными курьерским поездом прибывает в столицу. По приезду в Петроград Коба-Сталин сразу же разыскал семью Аллилуевых, проживавших на окраине города и оказавших ему восторженный прием. Воодушевленный горячей встречей, кавказец, в мало свойственной ему манере, до мельчайших деталей, в лицах, повествует обо всех красочных перипети-

ях обратного путешествия из Сибири. Его рассказ довольно живописен и свидетельствует не только и не столько о бурном состоянии водоворота российского общества, но и духовного подъема самого Кобы-Сталина. Условившись с Аллилуевыми о возможности дальнейшего у них расквартирования, Коба отправляется в партийную штаб-квартиру – особняк бывшей балерины Кшесинской, любимицы отрекшегося от престола царя.

Вместе с Каменевым и М.К. Мурановым он без особых проблем входит в редакционную коллегию газеты «Правда», печатного органа Русского бюро ЦК. Триумвират, с подачи Каменева начинает проводить умеренную политику по отношению к Временному правительству. Когда же Ленин вернулся в Петроград и призвал к немедленной социалистической революции, то даже многие из видных большевиков не приняли всерьез его высказывания. Все еще повсеместно властвовали чувства эйфории, наступившей после Февральской революции.

Но вскоре, не в пример, допустим, Каменеву, Коба начинает поддерживать Ленина практически по всем позициям. После некоторого периода сомнений и колебаний (в чем Сталин чистосердечно признается спустя десять лет), он бесповоротно становится под знамена ленинских идей.

Разность жизненных условий в последние годы, несомненно, внесла коррективы в его отношение к Ленину. Ореол вождя, по мере окончательного возмужания в сибирской глуши, некогда пылкого южанина, не мог не утратить первозданного ослепительного блеска. Тем не менее личность Ленина сохранила огромную притягательность для Кобы-Сталина. Постепенно он становится одним из ближайших сотрудников вождя большевиков. Коба вплотную следует в кильватере воплощения ленинских замыслов, стремясь не отстать, и в отличие от других большевистских лидеров почти не имеет с ним расхождений в тактических вопросах.

В ходе предоктябрьских событий Сталин берет на себя роль специального помощника Ленина по особым поручениям. Его изворотливость, мастерство конспиратора и абсолютная надежность находят широкое применение. Горец не старается выказать качеств записного оратора или оригинала-мыслителя, коим было несть числа в те смутные времена, но он является человеком, которому можно было поручить любую работу и быть при этом уверенным, что он с ней справится. Поручения, доверенные Кобе в мае и июне,

подтверждают правоту ленинского представлений о нем.

Он почти не пишет статей для «Правды», не участвует в длительных переговорах, в результате которых Ленин сумел договориться с Троцким и его сторонниками. Однако в этот период всеобщей напряженности и неразберихи, Коба-Сталин активно проводит на заднем плане плодотворную работу организационного характера, включавшую и налаживание связей с противостоявшими друг другу социальными группировками. Одним из важнейших заданий Сталина являлась организация пропаганды и агитации солдат и рабочих против продолжения войны с Германией. Большевики неистово призывают народ прекратить империалистическую войну и переключиться на пролетарскую революцию. Коба был одним из главных действующих лиц многолюдной демонстрации, которая была задумана в поддержку Советов, а заодно и временного правительства. На деле же 90% лозунгов ее оказались большевистскими.

В самой середине года Коба-Сталин находится в эпицентре событий и оказывает Ленину личную услугу. Он убеждает руководство Петроградского Совета не поддерживать кампанию против вождя большевиков, инициированную Временным правительством и объявлявшую Ленина и прочих германскими агентами. Едва Временное правительство издает приказ об аресте Ленина, вездесущий кавказец приходит к нему на помощь. Сначала он прячет вождя на квартире у Аллилуевых, а затем тайно переправляет в безопасное место в Финляндии. У Аллилуевых Ленин занимал ту самую комнату, которую хозяева забронировали по просьбе Кобы и которой он доселе не воспользовался. После переправки Ленина Сталин проводит больше времени у Аллилуевых и становится кем-то вроде члена семьи. Весьма вероятно, что именно тогда горец начинает с особым вниманием относиться к Надежде – младшей из сестер Аллилуевых. В момент, когда Ленин и Зиновьев вынуждены скрываться, а Троцкий и Каменев вместе с некоторыми другими находятся в тюрьме, Коба-Сталин выдвигается на передний план.

Возникает вопрос, почему он не подвергся в то время преследованию? Здесь может быть следующее объяснение. Коба ведет себя спокойно, то есть вполне благоразумно, с ним можно вести конструктивный диалог, в отличие от иных большевистских вожаков, с пеной у рта алчущих власти. Вследствие этого его, вполне резонно, власти не считают чрезмерно опасным. К тому же Сталин практически сразу по приезду в Питер был делегирован от большевиков «в

состав исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Вместо «Правды», закрытой правительством, выпускается газета «Рабочий путь», и Коба входит в ее редакцию.

Когда в начале августа 1917 года 267 большевистских делегатов собрались на проводившийся в полулегальных условиях VI съезд партии, с Отчетным докладом ЦК (прерогативой Ленина) выступил Сталин, сделавший сообщение также о политическом положении. Коба, несмотря на определенное противодействие, довольно смело провозгласил на съезде о тщетности надежд на свержение Временного правительства мирным путем, а также объявил, что: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». В то же время было сделано предупреждение о том, что не следует дать себя вовлечь в «преждевременный бой». В целом же, в условиях, когда главные партийные руководители были вне «закона», а сама партия в любой момент могла быть подвергнута официальным гонениям, съезд ограничился лишь оценкой обстановки.

Бурные дискуссии развернулись в ЦК партии по вопросу участия партии в так называемом Демократическом совещании, Коба-Сталин был в числе лидеров, требовавших бойкота. В конце концов было принято решение о принятии участия в нем, что подверглось суровому ленинскому осуждению.

В критические ноябрьские дни Коба не был склонен безоглядно поддерживать ленинский план переворота, ибо это означало «поставить все на карту». Он не разделял уверенности Ленина в успехе, но в отличие от Каменева и Зиновьева, был готов выполнять самые рискованные поручения. Коба-Сталин достаточно уверенно голосует за предложение Ленина по вопросу о вооруженном восстании.

Для осуществления этого решения формируется Политическое бюро, состоящего из семи членов, в их числе и Коба. Весьма характерно, что в бюро, как ни в чем не бывало, попадают двое категорически несогласных с решением о вооруженном выступлении. Через несколько дней вновь разгорелись ожесточенные дебаты, на которых Сталин, в частности, говорит: «Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский совет уже встал на путь восстания, отказавшись санкционировать вывод войск». В заключение состоялось закрытое заседание Центрального Комитета, на котором был избран Военно-

революционный центр в составе Я.М. Свердлова, И.В. Сталина, А.С. Бубнова, М.С. Урицкого и Ф.Э. Дзержинского.

Центр от партии большевиков влился в Петроградский Военно-революционный комитет (ПВРК), который мыслился как беспартийный (надпартийный) орган, состоящий из представителей различных партий, группировок и соответствующим образом руководимый.

Категорическое требование Ленина об исключении оппортунистов из партии, озвученное 2 ноября на заседании ЦК, выполнено не было. Страсти в отсутствие самого Ленина, по-прежнему находившегося на нелегальном положении, основательно разгорелись. Масла в огонь распрей подлил Троцкий, бурно протестовавший не только против публичного заявления Зиновьева с Каменевым, но и примиренческой позиции Кобы-Сталина. Последний демонстративно объявил о своем выходе из редакции партийной газеты «Рабочий путь». ЦК благоразумно решил не обсуждать этот вопрос и не принимать отставки Сталина, засим перешел к обсуждению других вопросов. Впервые два будущих главных оппонента столкнулись открыто.

1917 год явился важной вехой на пути Сталина к вершинам власти, невзирая на то, что он производил порою, как выразился некто Суханов Н. (Гиммер Н.Н.), «впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно».

Существует устойчивое мнение о том, что Сталин остался на периферии решающих Октябрьских событий. Во всяком случае, он не красуется на переднем плане тех сумбурных дней во весь рост, что впоследствии было поставлено недоброжелателями ему в пику. Тем самым, по-видимому, именно их ядовитые замечания вдохновили впоследствии сталинских апологетов, самыми «наглядными примерами» исправить столь вопиющую «несправедливость».

Суть дела здесь, однако, заключается в следующем. Сталин, как известно, был оратором не слишком сильным. В обстановке, когда бушевали митинговые страсти, он не мог быть на виду, в том числе, и по причинам чисто психологическим. Усмирять и вести за собой разгоряченные скопления людей, преимущественно сумбурно мыслящих, не относилось к числу его козырей. Коба вполне резонно полагал: нехай те, кто больше всех кричат о захвате власти, свои рискованные планы в первую очередь и осуществляют.

В деятельности Сталина во все времена присутствовали элементы методичности и конкретности, логики и рационализма. Осторожный и предпочитающий действовать неспешно, Коба и в лихорадоч-

ные часы и минуты 7 и 8 ноября, не мог изменить естества своей натуры. То есть, честь суетиться и мельтешить он предпочитал предоставлять другим, благо добровольцев было предостаточно. Вероятно, даже и в эти критические для большевистского дела дни и ночи, Сталин почивал достаточно безмятежно, по причине крепости нервной системы.

И не проспал ли он попросту утреннее заседание ЦК, на котором был принят окончательный план переворота? А, может быть, Кобу уже тогда настолько поразили стрелы Амура, что он временно забыл о революционных делах? Никто и никогда не дознается этого с наибольшей долей вероятности.

Резюме раздела. Даже бегло брошенный ретроспективный взгляд позволяет с уверенностью заключить, что уроки истории действительно ничему не учат.

Выстрел Каховского в декабре 1825 года ознаменовал начало решительного наступления на многовековые устои самодержавной власти в России. Бунтовщиками были объявлены тогда меньше тысячи человек.

Менее чем 100 лет спустя таковыми оказались тысячи тысяч. Власть имущие с преступным небрежением игнорировали и последующие громкие сигналы, грозящие режиму катастрофическими последствиями.

Полное отсутствие понимания сложных процессов общественного развития, явный недостаток политической воли, сословные предрассудки царей рода Романовых, особенно обоих Николаев, основные причины сокрушительного ниспровержения их династии, а также сопутствовавших этому катаклизмов в России.

Их социально-политическая близорукость способствовала появлению в государстве во все возрастающих количествах самых опасных смутьянов и сумасбродов, подобных пресловутому Нечаеву. Неудачно складывающийся ход военных действий во время мировой войны многократно увеличил процесс революционного брожения в стране. Лидеры наиболее радикальной революционной партии Ульянов (Ленин) и Бронштейн (Троцкий) немедленно и с максимальной продуктивностью использовали факт отречения Николая II. Они не пожелали довольствоваться ролями второстепенных политиков в буржуазно-демократическом обществе.

Хорошо «отдохнувший» в Туруханке Коба-Сталин по мере сво-

их возможностей содействовал захвату большевиками власти. Находившийся в бурные месяцы 1917 года несколько в тени Коба в определенной степени учится у Ленина искусству воплощения стратегического замысла, посредством применения комбинированных тактических действий. Своеобразной оценкой Лениным достоинств Кобы-Сталина, становится назначение его на пост одним из немногих членов правительства. Это свидетельство его значимости как одного из первых большевистских лидеров.

Именно в судьбоносном 1917 году начинается заключительный этап превращения Кобы в Сталина. Очень скоро он окончательно и бесповоротно становится только Сталиным.

III
Время торжества Зверя

«В наш век слепцам безумцы вожаки...»
Вильям Шекспир «Король Лир»
(в переводе Бориса Пастернака)

«Из нас, как из древа, – и дубина, и икона»
Самохарактеристика народа

Сотворение «нового» мира
(Участие в первых управленческих импровизациях)

Инициатором Октябрьского переворота в Петрограде явилась большевистская партия во главе с Лениным и Троцким. Без реальной поддержки других партий она осуществила его практически бескровно. Высшую стратегию захвата власти определял персонально Ленин. Исключительно благодаря его фанатической целенаправленности горстка партийцев в кратчайшие сроки достигла первого важнейшего рубежа – политического первенства в России.

Однако власть большевиков скорее была обозначена лишь номинально, чем являлась реальностью. В первые несколько дней после переворота, полномочия большевистского правительства не распространялись за пределы Петрограда. Контроль над другими территориями могли производить какие угодно политические силы. Помимо прочих, на большевиков и их малочисленных союзников в одно-

часье свалилась задача основная – создание принципиально другого общества.

В неукротимом стремлении Ленина немедленно разрушить до основания все атрибуты ненавистного ему самодержавного режима и построить новый, нельзя не заметить нечто маниакальное. Это роднит его с нацистским вождем Адольфом Гитлером, некоторое время спустя с такой же бесцеремонной свирепостью, насаждавшим новый порядок.

Узурпировавшие власть большевики не имели четкой, продуманной в деталях и реально осуществимой программы преобразования страны. В их сердцах лишь бились жгучие желания улучшить жизнь народа и надежды на немедленное взаимодействие с мировым пролетариатом. В этом заключался авантюризм Ленина, полагавшему подобно Наполеону, что важно только ввязаться в битву, а там будет видно. Сам вождь достаточно смутно представлял будущее России. Целью внутренней политики он предполагал создание справедливого советского сообщества, государства-коммуны, на первых порах во главе с демократически избранными властными структурами, действующими в интересах пролетариата, а также беднейшего крестьянства и соответственно опирающихся на них.

В экономических вопросах обстановка соответствовала «Туманности Андромеды». В будущей коммуне краеугольным камнем народного хозяйства мыслился запрет крупной частной собственности, с последующим тотальным обобществлением всех составляющих этого порочнейшего, на взгляд ортодоксов большевизма, института.

Во внешней политике помимо скорейшего выхода из войны империалистической, декларировались враждебность к буржуазным странам и поддержка антикапиталистических революций. Своими громогласными заявлениями большевики усилили обстановку всеобщего хаоса и развала. Их скороспелые действия вызвали сильнейшее раздражение союзников России – стран Антанты.

Особенную опасность представляло провозглашение права наций на самоопределение, спровоцировавшее стремительные центробежные тенденции практически всех регионов. Польша давно была потеряна. Объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии – Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь.

Однако в намерения большевистского руководства отнюдь не входило (если не считать Финляндии) безоглядное расформирова-

ние бывшей Российской империи, в чем скоро убедятся самые отсталые окраины.

В самом начале 1918 года большевики разогнали Учредительное собрание, большинство членов которого оказались представителями противоборствующих партий. Тем самым была на порядок увеличена политическая нестабильность.

В условиях блокирования и бойкотирования чиновниками разных уровней и практически всех ведомств начинаний большевиков, последние, дабы ускорить восстановление управляемости, лихорадочно начинают создавать свой – «пролетарский» аппарат. Еще в начале декабря 1917 года при Совнаркоме создается Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, под председательством Феликса Дзержинского.

Примерно в то же время был одобрен разработанный Н.И. Бухариным проект образования Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), также рабочего органа совнаркома. Этой структуре, в условиях разрыва и без того хрупких экономических связей, придается наиболее важное значение. Одними идеями сыт не будешь, а лозунги и декларации не годятся в качестве одежды и обуви.

Большое внимание уделяют новые власти контролю за сферой кредитно-денежного обращения. Одним из первоочередных правительственных декретов национализируются банки.

23 января 1918 года в Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов, своевольный наследник Учредительного собрания. На нем, когда закончились малопродуктивные дискуссии, была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая впоследствии была включена в качестве преамбулы в будущую Конституцию РСФСР. Россия объявлялась там Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежала власть в центре и на местах.

Государственно-правовые контуры страны начали приобретать определенный вид, большую роль в формировании которых сыграл Сталин. А слово «временное», до этого официально прибавлявшееся к названию рабоче-крестьянского правительства, исчезло.

Помимо антагонистических противоречий с враждебными им политическими силами, шаткость большевистских позиций усугублялась серьезнейшими разногласиями среди членов партийной верхушки. Еще до начала обретения власти она переживала один кризис за другим, принимала в ожесточеннейших дебатах временные

тактические зигзагообразные решения, нередко отступая от стратегии, которая также не была достаточно ясной. Очередной сильнейший кризис разразился по поводу окончательного выхода из военных действий.

Состояние войны со странами Четверного блока (Германской и Австро-Венгерской империями, Турцией и Болгарией) сильно мешало упрочению власти большевиков. Решение Ленина положить конец участию России в войне путем подписания мирного договора, пусть даже суть сепаратного и обременительного, вызвало бурю различного рода чувств и не одно истолкование.

Российско-германские переговоры начались 22 декабря в здании офицерского собрания в Брест-Литовске. Первый этап закончился безрезультатно, по причине абсолютного неприятия простодушной большевистской концепции всеобщего мира «без аннексий и контрибуций», странами Антанты, союзниками России. Германские представители же, посмеиваясь в душе, внешне охотно присоединились к предложениям советской стороны.

9 января 1918 года переговоры возобновились. К тому моменту состав советской делегации был несколько изменен, помимо прочих членов в нее дополнительно вошел в качестве председателя Троцкий. Положение обоих сторон обязывало ускорить подписание мира. В Германии и Австро-Венгрии, истощенных войной, все чаще возникали беспорядки, предвестники социальных бурь. Каждый день отсрочки все больше разлагал их армии. Но немцы, вошедшие в роли победителей, пытались диктовать условия. 18 января представитель германской стороны, генерал Макс Гофман ознакомил на карте противоположную сторону с требованиями, впоследствии возымевшими силу ультиматума. Согласно им, от владений бывшей Российской империи отпадала территория свыше 150 тыс.кв.км. Германия и Австро-Венгрия занимали Польшу, Литву, части Белоруссии, Украины, Эстонии, Литвы, Моонзундские острова.

Лидером движения противников мирных переговоров и за объявление империалистам бескомпромиссной революционной войны, выступил Бухарин. Троцкий, по-своему, также противодействовал заключению мира. Наперекор прямой директивы Ленина, выдвинув лозунг «ни войны, ни мира», он объявил 10 февраля, что войну Советская Россия прекращает, армию демобилизовывает, но мира не подписывает.

18 февраля австро-германские войска, вопреки прогнозам буха-

ринцев, начали продвижение по всему Восточному фронту от Балтийского до Черного морей. Небоеспособная старая русская армия отступала. Группа войск под командованием генерала Эйхгорна быстро продвигалась на Псковско-Нарвском направлении. Над Петроградом нависла угроза захвата, вследствие чего правительство Ленина спешно перебазировалось в Москву.

Издав вопль «Социалистическое Отечество в опасности» большевики начали организацию отпора немцам. Наступление оккупантов едва удалось приостановить в районах Нарвы и Пскова. Мирный договор с приложениями и дополнениями между Россией с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией и их союзниками с другой стороны, был подписан 3 марта 1918 года. Его условия оказались теперь значительно кабальнее прежних. Спустя несколько дней в экстренном порядке был созван VII съезд большевистской партии, на котором она обзавелась новым названием Российская Коммунистическая Партия (большевиков) – РКП(б). После жестоких споров возобладала позиция Ленина. 15 марта 1918 года IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор. Советская Россия получила необходимую для спасения передышку. Идея Бухарина о пролетарской войне, которая якобы положит конец войне империалистической, окончательно потерпела крушение.

Более чем месяцем раньше, 10 февраля, в одностороннем порядке большевиками был опубликован Декрет об аннуляции внешних долгов царского и Временного правительств, а также национализации предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. Государственные и частные долги лишь царской России Антанте составляли 5695 миллионов золотых рублей, а иностранные инвестиции в русскую промышленность достигли почти 3 миллиардов. Это не могло не оказать шокирующего воздействия на персон, в этих громадных деньгах заинтересованных.

В последующие несколько месяцев, разногласия большевистских лидеров сконцентрировались на внутренних вопросах, преимущественно экономических. В последних, социальная защищенность и идеологическая выдержанность превалировали над целесообразностью. Был издан закон о восьмичасовом рабочем дне, легализована национализация предприятий, на них и, оставшихся частными, производствах установлен режим рабочего контроля. Эти мероприятия способствовали обострению экономического хаоса и разрухи, вызванных почти четырехлетним участием в войне и революциях, и

еще более подорвали промышленное производство России.

Поэтому Ленин твердо заявил в начале апреля 1918 года о своем решении скорректировать курс. Стремление лидера большевиков оздоровить экономику базировалось на восстановлении материальных стимулов. Его план предусматривал тенденцию «замораживания» экспроприации и национализации. Новый экономический порядок должен был не исключать столь категорически участие крупного частного капитала. Советское государство должно было управлять частным сектором посредством финансового и политического давления. Ленин назвал задуманный им гибрид «государственным капитализмом».

Бухарин, слишком серьезно относившийся к ленинской утопической идее революционного государства-коммуны – государства «без полиции, без бюрократии, без постоянной армии», возмутился. Тон его высказываний необычайно, даже издевательски резок: « Государственный капитализм при диктатуре пролетариата – это абсурд, сапоги всмятку…».

В конце весны 1918 года, однако, споры по экономическим вопросам прекратились. Был вынужденно принят сверхрадикальный курс, ставший известным как «военный коммунизм». Чтобы выжить, большевикам пришлось поставить все наличные ресурсы под партийный и государственный контроль. Была осуществлена тотальная национализация всей промышленности. Продукты и предметы первой необходимости выдавались, согласно утвержденных властями, жестких норм и по категориям населения. Вводилась всеобщая трудовая повинность, затронувшая в первую очередь лиц непролетарского происхождения и умственного труда. Частная торговля официально запрещалась. Правящая партия, стремясь овладеть всеми рычагами управления, усиленно создавала бюрократический государственный аппарат. Во все сферы жизни проник жестокий дух авторитаризма и милитаризации. Галопирующая гиперинфляция сделала совершенно никчемной систему денежного обращения. Развал в промышленности уничтожил нормальный товарообмен между городом и деревней. Государство ввело закон о продразверстке, согласно которому уполномоченный орган определял потребное количество хлеба и фуража, которое разверстывалось между губерниями-производителями. Там выполнение продразверстки осуществлялось путем изъятия у крестьян излишков хлеба по твердым ценам. В мае 1918 года декретами ВЦИК и Совнаркома, с целью предотвращения

угрозы голода, в стране вводилась «продовольственная диктатура». Была создана специальная продовольственная армия из гипотетически самых выдержанных и стойких, незапятнанных бойцов. На местах власти образовали так называемые «комбеды» – комитеты бедноты, которые должны были помочь организовать изъять у кулаков и других лиц, подозреваемых в укрытии излишков зерна. Деревня, таким образом, превращалась в арену кровопролитнейшей классовой борьбы.

В этот период, самый тяжелый для младенчески юного пролетарского государства, Коба-Сталин был поставлен во главе заготовок продовольствия на юге России, что, казалось бы, являлось свидетельством исключительного доверия Лениным.

Действительно, с самого начала колоссального труда по построению нового общества, помимо работы в Наркомнаце, Сталин довольно часто взаимодействует с вождем пролетариата и по другим неотложным делам. Исследователь Емельянов, утверждавший, что «Сталин стал поистине рабочей лошадкой» Советского государства, в определенной степени прав.

Помимо непосредственной его работы в наркомате по делам национальностей, Коба не гнушается исполнять множество разнообразнейших поручений. Спустя четыре дня после захвата власти свежеиспеченный нарком «выступает на заседании ВРК с сообщением о положении на фронте». Еще через сутки Кобой, совместно с Лениным, подписывается «Декларация прав народов России», основывающаяся преимущественно на его принципах самоопределения наций. Конкретные действия Сталина по «самоопределению» Финляндии и предоставлению независимости Украине, не могли не внести коррективы в первоначальные большевистские замыслы и попытки остановить распад великой державы.

На заседании 12 декабря 1917 года Центральный Комитет партии предоставляет четверке (Ленину, Троцкому, Сталину, Свердлову) право решать «все экстренные дела» с условием, что в этом будут непременно участвовать другие члены ЦК, в тот момент находящиеся в Смольном. В дебатах с Викжелем Коба участвовал в последнем совещании, на которое явились большевики. На следующее заседание согласительной комиссии они не пошли.

В начале 1918 года, за время кратковременного отпуска Ленина, Коба исполняет обязанности Предсовнаркома.

Вместе с тем, Сталин чрезвычайно не любит многословных и

малоконструктивных дискуссий, на которые были столь горазды новоявленные правители России. В подобных случаях, как засвидетельствовал его заместитель по наркомнацу С.С. Пестковский (бывший одно время председателем Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем) Коба, извинившись, попросту исчезал с заседаний.

Он был одним из немногих членов ЦК партии, ответственно воспринявших угрозу возобновления германского наступления. Позиция Сталина отличалась в этом вопросе изрядной реалистичностью. В разгар дебатов Коба, в частности, заявил, что революционного движения на Западе не существует, «нет фактов, а есть только потенция», с которой не следует считаться. Отказ от ленинского предложения, означавшего выигрыш времени, по его мысли, «усилит у нас контрреволюцию». Жаркие дискуссии с интервалами продолжались довольно значительный период времени. Кобе определенно было нелегко смириться с кабальными условиями, но, в конце концов, он согласился с необходимостью подписания договора, признав безвыходность позиции Советов.

Сразу после решающего голосования, на котором Ленину удалось с огромным трудом добиться нужного решения, Ф.Э Дзержинский, А.А. Иоффе, и Н.Н. Крестинский огласили письменное заявление об их особой позиции. Н.И. Бухарин, М.С. Урицкий и другие члены и кандидаты в члены ЦК пошли еще дальше – объявили, что слагают полномочия со «всех ответственных партийных и советских постов». Засим в позу встал Л.Д. Троцкий с требованием немедленной отставки. В связи с этими демаршами, Сталин несколько раз берет слово и, даже по сухим строчкам записей чувствуется, насколько он был взволнован и обескуражен поведением коллег, открыто бойкотировавших уже принятое решение.

24 февраля бесстрастными протоколистами ЦК РСДРП(б) зафиксировано: «Тов. Сталин ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам. Его поражает быстрота и натиск их, когда они прекрасно знают, что их некем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают…».

На III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сталин выступил с весьма важным докладом по национальному вопросу. Предложенная им резолюция о федеральных учреждениях Российской Республики, то есть обустройстве России по принципам федерализма и высших орга-

нах власти, были приняты огромным большинством голосов.

На следующем, Чрезвычайном съезде Советов, Сталин избирается членом ВЦИК и очень скоро входит (единственный нарком) в комиссию «по выработке проекта первой Конституции Российской Советской Республики». Он назначается полномочным представителем для ведения переговоров с Украинской центральной радой о заключении мирного договора и входит в делегацию, которая дислоцируется в Курске. Затем Коба руководит совещанием по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской Республики. И, наконец, 4 июня 1918 года Сталин выезжает из Москвы в Царицын.

Назначение координатором добычи продовольствия на юге России не снимало с Кобы других весьма обременительных обязанностей. Однако ему не могло прийти в голову и тени мысли отказаться от миссии в Царицын вследствие перегруженности.

Сталин прекрасно понимал, какую серьезную задачу ему предстоит решить – спасти от неминуемого голода городское население центральной части России.

Конь рыжий, вороной, бледный…

Октябрьский переворот вывел Россию из числа действующих субъектов мировой войны. Поставил ее в совершенно новые взаимоотношения с великими мировыми державами. Он же определил и новые цели каждой из них по отношению к новой России – Советской.

«Похабный» Брестский мир подтвердил всю величайшую военную слабость России. Всемерно ратуя за его подписание, Ильич, что весьма для него характерно, одновременно не отказывался категорически от помощи оружием и продовольствием от стран Антанты. При этом он отнюдь не собирался воевать в «пользу разбойников англо-французского империализма». Которые, в силу географических условий и общей стратегической обстановки, могли проявлять свое реальное влияние, в тот период, только на ограниченной в пространстве и отдаленной периферии.

Четверному союзу во главе с Германией принадлежала тогда роль важнейшего внешнеполитического фактора, преимущественно неблагоприятного.

Внешние обстоятельства, тем не менее, временно перестали оказывать существенное воздействие на Россию и вследствие деструк-

тивных действий Ленина и Троцкого, огромная страна все больше погружалась в пучину сильнейшей гражданской междоусобицы. Отсюда, в первую же постоктябрьскую весну, большевики начали пожинать плоды, многократно увеличенной ими политической дестабилизации. Центральная власть нигде никем не признавалась, вернее сказать, Центра как такового практически не существовало.

Повсеместно, особенно на Северном Кавказе, начали орудовать шайки анархистов, кадетов, сборищ разных бродяг, именовавших себя повстанцами. Они мотались по городам и весям, горам и лесам, степям и железным дорогам. Дрались отчаянно под разными знаменами: красными – большевистскими, белыми – монархистскими, черными – стягами анархии, зелеными или вообще какими-нибудь серо-буро-малиновыми. Сражались с иноземными войсками, затем поворачивали оружие против Советов или просто грабили, кого попало, убивали и умирали в пьяном угаре, неизвестно за что.

Во всей этой кроваво-сумбурной сутолоке, во всех лагерях были честолюбцы, одержимые манией величия, авантюристы, преследовавшие своекорыстные интересы, калифы на час. В это время стремительно возникали и лопались, как мыльные пузыри, бутафорские государства.

«Тихий» Дон стал центром притяжения не только враждебного Советам казачества, но и Белого движения, формировавшего Добровольческую армию. На Южном Урале концентрировались антикоммунистические войска атамана А.И. Дутова. Старого морского волка, адмирала А.В. Колчака британцы сначала инструктировали, а затем инвестировали для противоборства большевикам со стороны Дальнего Востока и Сибири.

Германская армия, помимо земель, отторгнутых от Советов по условиям Брестского мира, поглотила Украину и продвигалась на юг России. Войска собирали и отправляли в голодающий фатерлянд все съестное, какое только встречали на своем пути. На юге Румыния не преминула воспользоваться хаосом в России. На севере, в марте месяце, в районе Мурманска, начал высадку ограниченный контингент англо-французских войск. Тогда лишь германское наступление на Западном фронте частично помешало планам Антанты. В июне экспедиционная армия существенно пополнилась. На северо-западе угрожающие телодвижения делали недавно «самоопределившиеся» финны. На Дальнем Востоке, в апреле, высадился сначала

японский отряд, а затем и английские, и американские войсковые соединения.

В ночь на 25 мая, повинуясь приказу лидеров Антанты, командование 50-тысячного чехословацкого корпуса распорядилось поднять восстание против владычества большевиков. Войска, растянувшиеся от Пензы до Владивостока, стали хозяевами положения по всей линии железнодорожного сообщения Транссиба. Вместо борьбы с Германией они начали серьезно угрожать Совдепии, оказавшейся в кольце врагов.

Положение большевиков резко ухудшилось в самый разгар лета 1918 года, когда они лишились последних союзников. 6 июля левые эсеры, недовольные заключением мира с Германией решились на вооруженный переворот. В Москве ими был убит германский посланник Мирбах, а на Украине генерал Эйхгорн. Однако спровоцировать крупный конфликт террористам не удалось: у немцев просто не было на это сил. Несмотря на захват левыми эсерами Московского почтамта и некоторых других пунктов, мятеж был вскоре подавлен. Также провалилась попытка свергнуть «Советскую» власть командующего Восточным фронтом левого эсера М.А. Муравьева.

Негодование приверженцев монархии и всех богобоязненных россиян вызвало сообщение о трагической гибели последнего царя династии Романовых – Николая II. Это неслыханное злодейство ощутимо повысило градус страстей человеческих в его бывшей вотчине и без того предельно раскаленный. Официальное сообщение большевистских властей гласило: «Ввиду опасности приближения чехословацких банд к Екатеринбургу, президиум Уральского облсовета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16 июля. Жена и дети царя отправлены в надежное место».

25 июля 1918 года в Екатеринбург действительно вошли части сибирской армии белых и чехословаков. 30 июля началось судебное расследование. В начале февраля 1919 года по инициативе адмирала Колчака следствию был дан новый толчок, благодаря чему мир узнал документально подтвержденную истину о трагических событиях, произошедших в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в доме купца Ипатьева.

Дело об убийстве царской семьи расследовал квалифицированный юрист, благороднейший человек, следователь Николай Алексеевич Соколов. Последний, в результате кропотливейшей работы, де-

тально реконструировал картину преступления. Соколов дознался, что в подвале дома купца Ипатьева были безжалостно расстреляны не только бывший царь, но и вся его семья и близкие им лица – всего 11 человек. Все следы, в первую очередь, трупы жертв, убийцы попытались тщательно сокрыть. Но без особого успеха.

Следователь Соколов, до самой преждевременной кончины, наступившей 23 ноября 1924 года во Франции, был убежден, что судьба императорской семьи решилась в Москве. Он возложил главную ответственность за содеянное в Екатеринбурге на председателя ВЦИК Свердлова и Голощекина, орудовавшего в то время на Урале. Однако были и другие лица, решавшие вместе с ними в Москве судьбу царской семьи. Но «я их не знаю» горестно заверял Соколов.

Судя по всему, решение о физическом уничтожении семьи Романовых принимали Ленин, Свердлов, Голощекин, возможно, Троцкий и другие видные большевики. Они же (в первую очередь Ленин) дали рекомендации о необходимости возможно более лучшего сокрытия малейших улик. А также ликвидировать в Алапаевске, близ Екатеринбурга, других близких родственников царя.

Сохранилось любопытное свидетельство члена большевистского правительства Милютина о заседании Совнаркома, на котором Свердлов сообщил о расстреле Николая Романова на Урале. Этим внеочередным сообщением он прервал доклад наркома Н.А. Семашко о проекте новой системы здравоохранения. После краткой информации Свердлова «на минуту воцарилось молчание».

Затем, чтобы размазать впечатление, Ленин предложил перейти к постатейному чтению проекта. Есть все основания полагать, что с Кобой-Сталиным, окопавшимся в Царицыне, не советовались относительно участи четы бывших венценосцев с домочадцами. Таким образом, он не несет прямой ответственности за злодеяния на Урале.

Находившийся в то время в Царицыне, Коба бомбардирует Ленина депешами о состоянии дел на фронте, а также откровенно намекает на недостаток чисто воинских полномочий. В письме от 10 июля 1918 года, адресованном Ленину, помимо требований орудий, самолетов и бронетехники, Сталин открыто «наезжает» на Троцкого и бесцеремонно шантажирует вождя.

Очень скоро отношения Троцкого и Сталина на почве распределения полномочий перешли в стадию острой конфронтации. Не последнюю роль сыграла психологическая несовместимость двух наркомов. Впрочем, нешуточные распри и склоки буквально разъе-

дали сверху донизу большевистскую верхушку. Поводом могло послужить что угодно, и лишь удивительная способность Ленина умиротворять своих нукеров часто гасила конфликты в зародыше, хотя напряженность оставалась всегда.

Данный аспект Роберт Такер либо игнорирует, либо заблуждается, полагая, что в «лице Ленина советское руководство имело сильного, но не деспотического лидера, которого окружала целая плеяда прославленных революционных деятелей рангом пониже: Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Николай Бухарин, Карл Радек и другие». И относительно всех вышеназванных персон – сущих агнцев, Сталин якобы единственный выглядит не только посредственностью, но гнусным козлищем.

Политика использования старых офицерских кадров, широко практиковавшаяся тогдашним наивысшим военным большевистским иерархом Троцким, натолкнулась на сильное сопротивление ряда партизански настроенных командиров типа К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, с недоверием относившимся к «военспецам». Сталин, отчасти, солидаризовался со своеобразной «военной оппозицией», но впоследствии отрицал подобное.

Более того, на VIII съезде партии (состоялся с 18 по 23 марта 1919 г.), в самый разгар бурных дебатов по военспецам Сталин категорически высказался за создание «в России строго дисциплинированной армии», регулярного воинства, неукоснительно подчиняющегося Центру. Чем ярче разгорался костер гражданской войны, тем ожесточеннее действовали противоборствующие стороны.

20 июня в Петрограде правым эсером Сергеевым был убит известный большевик В. Володарский (М.М. Гольдштейн), «разбитной, наглый парень из портных», по характеристике А.Д Нагловского.

30 августа, также эсерами, было совершено убийство председателя Петроградского ЧК Моисея Урицкого.

В тот же день после выступления на заводе Михельсона на Ленина было совершено покушение. Вождь получил серьезные пулевые ранения от выстрелов из револьвера, произведенных якобы террористкой Ф. Каплан, в девичестве Ройдман. Нападавшая (по официальной версии властей) была схвачена и 3 сентября, согласно постановлению ВЧК, расстреляна.

Большевики в ответ на вылазки экстремистов официально объявили о своем терроре. Начались массовые расстрелы ни в чем не повинных людей, оказавшихся заложниками междоусобной войны.

5 сентября Совнарком принял специальное постановление «О красном терроре». Страна окончательно превратилась в военный лагерь. Ожесточение стало повсеместным и безмерным, а кровопролитие многократно возросло. 2 сентября ВЦИК принял вердикт об учреждении Революционного Военного Совета Республики (РВСР) в качестве высшего коллективного органа управления Красной Армией и Флотом. РВСР долженствовал руководствоваться в своей практической деятельности директивами ЦК партии, ВЦИК и Советского правительства. Председателем был избран Троцкий. В эту своеобразную Ставку Верховного Командования, одним из членов вошел Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики И.И. Вацетис. Впоследствии под эгидой РВСР был образован Военно-революционный трибунал, возглавивший все армейские судебно-следственные учреждения.

Несколько позже был образован из представителей всех властных структур Советской республики (СНК, ВЦИК, ЦК партии, РВС и т.д.) Совет Рабочей и Крестьянской Обороны (СРКО) или говоря проще Совет Обороны (СО), впоследствии переименованный в Совет Труда и Обороны (СТО). В новоиспеченном Совете Обороны, возглавлявшемся Лениным, скоординировались все усилия фронта и тыла по отражению контрреволюционных и иностранных войск. Процесс сосредоточения всей полноты властных полномочий в одном органе на период гражданской войны завершился.

Осень же 1918 года ознаменовалась существенными переменами в международной обстановке. Первая мировая война практически закончилась. Германия и ее союзники потерпели поражение. Начались мирные переговоры, закончившиеся летом следующего года подписанием Версальского мира, ставшего основной частью комплекса договоров (Версальской системы). Страны Антанты получили реальную возможность усилить борьбу против страны Советов.

Атаман Краснов (конфликтовавший с Деникиным) с юга, атаман Дутов А.И. с юго-востока, а адмирал Колчак вкупе с белочехами на северо-востоке не смогли добиться решающего успеха. Хотя с занятием Перми армия Колчака получала реальный шанс соединиться с войсками интервентов, наступавшими с севера, по берегам Северной Двины, на Котлас и Вятку. Свою роль сыграли недостаточно согласованные действия колчаковцев и чехословаков. Последние вместо прямого продвижения на слабо защищенную Москву стремились исключительно на север, чтобы быстрее покинуть пределы России.

Но наряду с негативными моментами для Совдепии произошли и позитивные изменения. В ноябре в Германии и Австро-Венгрии произошли революции. Распались еще две империи. Монархии там были свергнуты и в этих странах образовались республики. Советское правительство аннулировало кабальный Брестский договор, заключенный с кайзеровской Германией. Правда, приличную часть контрибуции золотом Ленин успел отдать немцам.

Получив существенную помощь от англо-американцев и французов, весной 1919 года белые генералы активизировались и возобновили наступление со всех сторон, практически взяв большевиков в кольцо. Однако вновь неудачно. Сначала генералы Родзянко М.В. и Юденич Н.Н. были отбиты вместе с их союзниками от Петрограда, причем весомую лепту в победу красных внес Сталин. При этом ЦК партии выразил «полное удовлетворение его деятельностью в Петрограде и на Западном фронте».

Затем настала очередь адмирала Колчака. Он был окончательно отброшен за Урал, в Сибирь, а затем уже полностью разбит.

Столп Белого движения генерал А.И. Деникин между тем приближался к Москве. Он, при посредничестве Антанты, требует от Юзефа Пилсудского, одним из прозвищ которого было пан Комендант, возобновления польского наступления. Однако лидер Польши, «самоопределенной» Германией, не желает поддерживать белых генералов ни Деникина, ни Юденича. Невмешательство Пилсудского облегчило большевикам разгром этих генералов. Причем Юденич во второй раз попытал счастья осенью, вновь двигаясь на Петроград со стороны Прибалтики и снова неудачно. Потерпел фиаско также генерал Деникин и, отдав оставшиеся войска под водительство генерала барона П. Н. Врангеля, уехал на Запад.

После участия в разгроме Деникина в конце мая 1920 года Сталин вновь направляется на Юго-Западный фронт в связи с более тщательно подготовленным нападением Польши на Советскую республику. К тому моменту надежды большевистских лидеров на развитие мировой пролетарской революции становились все более эфемерными. Попытки коммунистов образовать весной и летом 1919 года в Центральной Европе советские республики (Венгерские, Баварские, Словацкие) с треском провалились, но ничему не научили Ленина и его присных. Польские товарищи-братья также не только не свергали буржуазный режим Пилсудского, но и позволили ему открыто напасть на молодое социалистическое государство.

Вельможного пана Пилсудского не устраивают условия Версальского договора, особенно касающиеся восточных границ Польши. Движимый великодержавными амбициями, он нападает на совершенно обессиленную, по его мнению, Советскую Россию. Пилсудский намеревается отторгнуть от большевиков территории Украины и Белоруссии.

Первоначально войска пана Коменданта добиваются большого успеха, но по мере продвижения вперед наступательный пыл поляков постепенно иссякает. Тем временем, большевики собирают с необъятной территории свои недостаточно боеспособные, в определенной степени, части. На признанный главным Западный фронт с Кавказа направляется молодой честолюбец Михаил Тухачевский, в кровопролитном сражении под Березиной не сумевший отбросить поляков, но замедливший их продвижение. Он просит подкреплений и, особенно, Первую Конную армию с предгорий Кавказа. Было много споров и ругани, дрязг и склок относительно применения кавалерии на конкретном участке фронта. Но предводители красной конницы Клим Ворошилов с Семеном Буденным предпочли присоединиться к Сталину, мотивируя тем, что двигались маршем, отмахав с Кубани более тысячи верст.

Итак, с южного направления начинают противодействовать полякам соединения красных войск под командованием Сталина и А.И. Егорова. Красная кавалерия, к которой польская армия безосновательно питала абсолютное пренебрежение, неудержимой лавиной ринулась вперед.

5 июня Первая Конная армия Буденного, зарубив несколько тысяч неприятельских солдат, прорвала фронт южнее Киева и вышла в тыл польских войск. Весь южный фланг польского фронта попятился назад. Через неделю последние отряды сильно потрепанной 3-й польской армии Эдварда Рыдз-Смиглы спешно покинули Киев. Началось практически общее и все более спешное отступление. «Фронт был еще далеко от исконно польских земель, когда стало ясно, что вначале армия, а за ней государство, надломились, прежде всего, в моральном плане», - отмечал польский публицист Збигнев Залуский.

4 июля в наступление перешли главные силы красных – Западный фронт Тухачевского. И перед большевиками появилась заманчивая перспектива с шашками наголо проскакать по Европе.

В бельгийском Спа тогдашний польский премьер Владислав Грабский, стоя по стойке смирно, просит помощи у британского лидера

Дэвида Ллойд-Джорджа. Видный английский политик, не щадя ядовитых эпитетов за авантюрные действия Польши, требовал от них существенных уступок. Отступление поляков на так называемую линию Керзона на востоке, а также подвижек в сторону Германии. Лишь после этого он обещал оказать определенную помощь Польше, а также посредничество в мирных переговорах с советским правительством.

Следствием этих переговоров явилась нота от 11 июля, отвергнутая Лениным. А на основе его предложений-указаний пленум ЦК партии вынес решение о продолжении наступления на польском фронте. После ставших привычными дебатов, 23 июля Ставка Красной Армии выпустила приказы для Западного и Юго-Западного фронтов, предусматривавших в первоочередном порядке наступления на Варшаву и Львов. Причем Ставка Красной Армии, очевидно, не без влияния самонадеянного Тухачевского, отказалась от первоначальной идеи согласованного наступления обоих фронтов по сходящимся направлениям на польскую столицу. Перед командующим Западным фронтом ставится задача ускорить наступление, дабы не позднее 12 августа овладеть Варшавой.

К осуществлению операции, долженствовавшей в случае успеха принести мировую славу, Тухачевский приступает с огромным энтузиазмом. Голова у него неминуемо кружится, «стратег» слишком поздно обращается за помощью. Хотя руководство Юго-Западного фронта согласно в интересах дела выделить часть своих войск из-под Львова и сконцентрироваться преимущественно на Врангеле, активизировавшемся в Крыму.

На исходе первой декады августа у ворот столицы Польши оказывается авангард армий Тухачевского. Еще одно усилие и Варшава будет взята, тем самым будет взломано первое звено Версальской мирной системы, а затем начнется, по замыслам ленинцев, и всеевропейская революция. Штаб новоявленного Бонапарта находится в Минске, далеко от линии фронта, там Тухачевский намеревается диктовать условия мира, казалось бы, сломленным полякам. Главком С.С. Каменев довольно нерешительно координирует действия двух фронтов. Лишь когда ситуация практически вышла из-под контроля, его требование Сталину и Егорову выделить часть войск обрело конкретные очертания. Между тем, вследствие взрыва патриотических чувств и некоторой помощи лидеров Антанты, поляки беспрерывно наращивают свои силы.

А Ленин почти до самого конца второй декады августа продолжал пребывать в заблуждении. Он относился отрицательно к буржуям-посредникам и не воспринимал проволочку поляками мирных переговоров как плохой знак. 11 августа он, в частности, собственноручно написал Сталину, что «наша победа большая и будет самая полная, если добьем Врангеля»… Поляки тянут и не приехали в срок. Для нас это архивыгодно…».

Видимо Ленин находился под впечатлением от второго конгресса III Коминтерна, делегаты коего хором твердили, что в их странах революции вот-вот разразятся. Также из Лондона Ленин получал искаженную информацию от Каменева, можно даже сказать умышленную дезинформацию, о намерениях Англии в решении польского вопроса. Из самой Польши Дзержинский, И.Т. Смилга, Ю.Ю. Мархлевский слали сообщения как будто слишком короткие, не позволявшие высветить реальные политические перспективы. В Москве наркоминдел Г.В. Чичерин был плохим советчиком Ленину и, в свою очередь, дезориентировал К.Х. Данишевского, назначенного главой переговорного процесса в Минске с поляками с советской стороны.

17 августа в Минске Тухачевский издает приказ об отступлении, но было уже поздно. По центру фронта Тухачевского уже был нанесен контрудар 5-й польской армии генерала Владислава Сикорского, а затем развернулось контрнаступление главной польской группы войск, возглавляемой лично Пилсудским. Польские войска наносят сокрушительные удары, и значительная часть советских войск разбита, а 4-я армия и 3-й конный корпус Г.Д. Гая (Бжижкяна) оттеснены в район Восточной Пруссии. В течение менее чем месяца практически весь фронт Тухачевского повержен. Чему немало способствовало решение Политбюро от 19 августа, решившее сконцентрироваться исключительно на Врангеле.

В знак протеста против ошибочной стратегии Центра (Ленина вкупе с Троцким) и болезненного состояния Сталин практически отказывается дальше участвовать в военных операциях, понимая, что случилась огромная катастрофа: военная и, вследствие ее, политическая. Действительно, беспорядочно сдаваясь в плен, бросая обозы, орудия, раненых, советские войска повсеместно обращались в бегство. Лишь конный корпус Гая попытался прорубиться сквозь неприятельское кольцо. Изрубить его стало делом польской чести. Уланы, драгуны, шеволежеры кинулись на калмыцко-кавказскую и казацкую конницу Гая. Но он с остатками своих «храбцов» (армянин

Гай плохо выговаривал слово храбрецы) пересек границу Германии, где и был интернирован вместе с другими частями.

В ноябре 1920 года в Крыму Красной Армией был низвергнут последний белогвардейский бастион. В связи с разгромом армии генерала Врангеля, широкомасштабные военные действия практически на всей территории России завершились. Однако в дальнейшем продолжали иметь место с разной степенью интенсивности и в разных регионах страны, но достаточно кровавые междоусобные военные «разборки». Оставшиеся же последствия иностранной военной интервенции были окончательно ликвидированы в России лишь в конце 1922 года, после освобождения Владивостока.

Гражданская война в России собрала более чем обильную «жатву» лишений и смертей. Согласно официозной советской «Истории гражданской войны в СССР» – число людей, непосредственно пострадавших от интервентов и белогвардейцев, составило около 8 миллионов. Здесь имеются в виду убитые на фронтах, а также умершие от голода, холода и эпидемий со стороны большевиков. Если приблизительно столько же соответствующим образом пострадало с противоположной стороны, а также обратилось в паническое бегство за рубеж по всей линии демаркации границ, то общее число потерпевших возрастет в два, а то и в три раза выше.

Страна была разорена дотла и находилась практически в полной дипломатической изоляции. Во многих городах остались лишь руины от некогда добротных зданий и сооружений. Промышленность, кроме милитаризованных отраслей, дышала на ладан. Повсеместно свирепствовали болезни и эпидемии. Суммарная цифра заболевших только сыпным тифом в 1918-1922 годах равна примерно 25 миллионам. Многие из них умерли.

На почве непрерывных лишений, голода и холода, накопившейся усталости, недовольство проявляли самые закаленные представители диктатуры пролетариата. Возмущение крестьянства грабительскими реквизициями и отсутствием товаров возрастало. Антиправительственные выступления крестьян принимали все более массовый и повсеместный характер. Их восстания громогласным эхом отзывались в городах.

К январю 1921 года было официально признано, что экономическая разруха в Советской России достигла катастрофической степени. Как на дрожжах рос лишь бюрократический аппарат. В это время угрозы полного коллапса ЦК партии резко разделился на фрак-

ции по вопросу о роли профсоюзов в период после окончания войны. В высшей степени запутанную и открытую дискуссию развязал Троцкий. Она лишь частично задевала реальный кризис в стране и наглядно свидетельствовала о смятении, нерешительности и распрях, охвативших партийную верхушку. За фасадом же дискуссии скрывались личное соперничество и, далекие от простых, взаимоотношения Зиновьева, Сталина, Бухарина, Троцкого. Лишь на съезде внутрипартийный конфликт внешне благополучно разрешился, Троцкий со своим союзником Бухариным признали поражение.

В начале марта 1921 года, в самый канун открытия X съезда РКП(б), в Кронштадте, считавшемся когда-то оплотом большевиков, вспыхнуло открытое антиправительственное выступление. Перед властями возникла перспектива возникновения агрессивного рабоче-крестьянского блока, направленного против партийно-советского бюрократического аппарата. Зиновьев как всегда запаниковал и просил подкреплений из числа делегатов съезда в лице «либо рядовых боевиков», либо одиночек-предводителей «вроде Ворошилова».

Медлить с решениями больше было нельзя. Эпоха «военного коммунизма» окончательно отошла в небытие. В конце работы съезда, когда часть делегатов брала штурмом «контрреволюционный» Кронштадт, Ленин объявил о введении в стране новой экономической политики.

Провозгласив в стране экономическую свободу, вождь сохранял политический диктат. Видимо тогда мало кто отчетливо представлял, что это решение быстро приведет к совершенно другой экономической системе – реставрации частного капитала, денежному рыночному обращению, денационализации многих предприятий, а, таким образом, существенному сужению, подобно шагреневой коже, социалистического или государственного сектора экономики.

Подробности карьеры в «окаянные дни»

Назначение Кобы главным добытчиком продовольствия на юге «расхристанной» державы произошло при довольно примечательных обстоятельствах. С одной стороны, свидетельствовавших о катастрофической нехватке в среде большевистской верхушки умелых и дельных руководителей, а также просто лиц, обладавших пробивными и организаторскими способностями. С другой – явно недоста-

точной подготовленности Ленина выполнять функции главы правительства.

28 мая Ильич написал послание А.Г. Шляпникову с настоятельной просьбой «поехать на Кубань, чтобы помочь выкачать оттуда хлеб». Он мотивировал его командировку, с оставлением в должности наркома труда, довольно вескими аргументами: «ЦК постановил переправить м а к с и м у м партийных сил в продовольствие. Ибо мы явно погибнем и погубим всю революцию, если не победим голода в ближайшие месяцы». В тот же день нарком продовольствия А.Д. Цюрупа обменялся записками с Лениным по решению вопроса «об использовании армии для борьбы для взятия хлеба». Предсовнаркома ответил, в том числе, что отписал «Шляпникову, чтобы он ехал на Кубань». Полагая вопрос с ним решенным, Ленин также рекомендовал немедленно назначить Шляпникова главным представителем «от СНК».

У Цюрупы, ранее переговорившего с Кобой, как нарком с наркомом, по-свойски, оказалось другое мнение: «Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия. С ним и Шляпникову будет хорошо». На контрпредложение Цюрупы Ленин отреагировал мгновенно и резюмировал: «Я согласен вполне. Проводите обоих сегодня».

Однако Ильич излишне торопился. На такое ответственнейшее мероприятию нельзя было ехать, не подготовившись должным образом. Что Коба и сделал, выехав ровно через неделю раньше его «хорошего знакомого» Шляпникова.

Пути их уже пересеклись однажды в марте 17 года, когда Коба вытеснил Шляпникова, как более молодого, с формального поста главного партийного руководителя в Петрограде, в отсутствие Ленина. Шляпникову представилась прекрасная возможность взять реванш у Сталина в деле заготовок продовольствия и не только в нем одном. Шанс, которым он не сумел воспользоваться и не хотел, очевидно. Так как Сталин уже в полную мощь орудовал в Царицыне, а Шляпников все еще медлил с выездом. Он не торопился не зря, поскольку затем надолго застрял в Астрахани и, несмотря на всевозможные ухищрения, не мог оттуда выбраться.

6 июня Сталин прибыл в Царицын специальным поездом в сопровождении отряда красноармейцев. Только оттуда можно было организовать доставку хлеба с Северного Кавказа, единственной в

то время житницы Советов. Сталин прибыл, имея на руках мандат общего руководителя продовольственного дела на юге России с чрезвычайными правами. Все должностные лица, прямо или косвенно имевшие отношение к обеспечению успеха поставленной перед ним миссии, обязывались исполнять приказы Сталина.

Распоряжался свежеиспеченный начпрод юга республики со свойственной ему целенаправленностью и результативностью. 7 июня Сталин телеграфирует Ленину об экстренных мерах, принятых им для ускорения отправки хлеба в Москву и Петроград, изысканию и налаживанию транспорта, наведению «революционного порядка в Царицыне». В конце июня он докладывает Ленину об отправке на север большого количества хлеба. Попутно Коба уделяет большое внимание положению Царицына – важнейшего стратегического форпоста юга России. Он отлично понимает, насколько важное значение имеет в данное время город в качестве ключевого узла транспорта и коммуникаций. Сталин быстро оценивает ситуацию, сложившуюся не только близ Царицына, но далеко южнее и восточнее, вплоть до Кавказа и Туркестана.

Со стороны Придонья возникла реальная опасность захвата Царицына казачьими войсками под руководством Краснова, нарушившего устное обязательство не выступать против большевиков. Для отражения неминуемого нападения в городе спешно формировались вооруженные силы преимущественно из партизанских соединений. Костяк 10-й красной армии составила группировка войск, приведенная с Украины старым знакомым Сталина, Ворошиловым, переквалифицировавшимся из слесаря в командармы.

Организация обороны Царицына, совместно с пришлым К.Е. Ворошиловым и местным С.К. Мининым – первый немаловажный этап участия Сталина в гражданской войне. Участия не только и не столько под аккомпанемент орудийных выстрелов и ружейных залпов, сколько ожесточенных схваток со своими коллегами. Борьба с ними шла с переменным успехом, но в целом окончилась за явным преимуществом Сталина. При этом он первоначально, не имевший специальных воинских полномочий, весьма дерзко домогался их, мотивируя интересами дела.

19 июля его поползновения увенчались успехом: созданием Военного совета Северо-Кавказского военного округа во главе со Сталиным. На этом назначении, возможно, настоял Ленин, которому Сталин перед этим телеграфировал о результатах своей поездки по Ца-

рицынскому фронту. И тут же, буквально следом, доложил по прямому проводу об отправке в Москву, с 12 по 16 июля, пяти эшелонов с продовольствием.

В августе 1918 года на Царицынском фронте создалось очень тяжелое положение, однако Сталину и Ворошилову удалось организовать отпор Донскому воинству Краснова посредством введения осадного положения и мобилизации всех средств, вплоть до рытья окопов буржуазными «элементами».

А осенью конфликт Троцкого со Сталиным принял характер открытого противостояния. 11 сентября РВСР был образован Южный фронт, командующим которого с большими полномочиями был назначен бывший царский генерал П.П. Сытин.

12 сентября Сталин выезжает в Москву проведать выздоравливавшего Ленина и доложить о ситуации под Царицыным. Помимо сообщения о положении на фронте Сталин, естественно, доказывает Ленину и Свердлову неправоту Троцкого, всецело опиравшегося на военных специалистов.

17 сентября он назначается председателем вновь образованного Военно-революционного совета Южного фронта, с недостаточно очерченным кругом полномочий. Сытин же был наделен в оперативных делах полной самостоятельностью, правом постановки стратегических задач и, в связи с этим, выбора местонахождения штаба.

Намерение Сытина и РВСР дислоцировать штаб фронта в Козлове, вблизи Тамбова и на значительном удалении от Царицына вызвало негодование Сталина, Минина и, особенно, Ворошилова. Чьи интересы, ввиду назначения помощником нового командующего фронтом, оказались ущемленными прямо.

Троица настаивает на оставлении штаба в Царицыне. На фронте фактически сложилось двоевластие. Сытин не был допущен к исполнению директив главкома и РВСР. Проигнорированными оказались распоряжения «главного командования» выехать Сталину (22 сентября покинувшему Москву) в Козлов для совместной работы с командующим фронтом. Свежеиспеченный реввоенсовет заявил, что признает только коллегиальное решение всех оперативных вопросов управления фронтом.

29 сентября Сытин и Механошин К.А. (представитель Военной инспекции РВСР) приехали в Царицын из городка Балашов – штаба 9-й армии красных. Они тщетно попытались договориться на встрече с царицынцами о дальнейших конструктивных действиях. Но

Сталин, сначала отменивший приказы Сытина, затем и вовсе отстранил его от командования.

Вернувшись в Балашов, Мехоношин сообщил результаты поездки в Москву и Тамбов – Троцкому. Конфликт все разгорался. Троцкий немедленно толкает осторожничавшего Мехоношина на безрассудные действия: «... войти в РВС Южного фронта и обеспечить единство командования». Одновременно надменно приказывая Сталину обеспечить невмешательство «комиссаров в оперативные дела, штаб поместив в Козлове». А также грозя за неисполнение «в течение 24 часов этого предписания» самыми суровыми мерами.

Сталин, в свою очередь, совместно с Ворошиловым апеллируют к еще не оправившемуся от ранения Ленину. 3 октября они посылают телеграмму с требованием обсудить в ЦК вопрос о действиях Троцкого, угрожающих развалить Южный фронт. В ответ Троцкий 4 октября телеграфирует Ленину: категорически настаиваю на отзыве Сталина, Ворошилов способен командовать лишь полком. У нас полное превосходство сил, но в верхах полная анархия. Я могу покончить с этим в 24 часа, если буду иметь твердую и ясную поддержку.

Ленин оказался в весьма щекотливом положении, однако принял соломоново решение, то есть постарался никого не обидеть. Он отправляет Свердлова для организации встречи между оппонентами. Но желание вождя примирить противоборствующие стороны не осуществилось, главным образом, по причине непомерной заносчивости Троцкого.

6 октября Сталин вновь выезжает в Москву и постановлением Совнаркома назначается членом РВС Республики, вероятно, для успокоения его самолюбия.

11 октября он возвращается из Москвы в Царицын, дабы сдать дела вновь организованному РВС Южного фронта. При этом Сталин, вкупе с Ворошиловым и Мининым, преодолев неприязнь, попытался примириться с Троцким. Однако ничего не вышло, о чем было сообщено во ВЦИК и ЦК партии: «Разговор с Троцким был очень краток, намеренно оскорбителен, по логическому содержанию – непонятен. Разговор был оборван Троцким...».

Очень скоро Сталин телеграфирует Ленину о победе красных войск над красновской армией и незамедлительно покидает Царицын. Некоторый период времени он не участвует в организационной военной деятельности. Видимо по причине того, что не совсем здоровый Ленин попросту устал от непримиримой враждебности Троц-

кого. К тому же в Москве также был непочатый край работы.

По возвращении Сталин подтвердил Ленину и Свердлову готовность примирения с Троцким и налаживании дальнейшего сотрудничества. Но даже посредничество самого Ленина, письменно сообщившего Троцкому о миролюбивости позиции Сталина сотоварищи, не возымело действия...

Не суть важно, насколько отличился Сталин под Царицыным в качестве военачальника. Естественно, не владевший даже азами специального воинского образования, он допускал ошибки. Однако не допустил стратегически важной – взятия Царицына, так как утвердившись в нем «южные» белые реально получали возможность тесного взаимодействия с уральским казачеством, а через него и с белогвардейским восточным фронтом.

Владея Царицыным, большевики господствовали на нижней Волге и благодаря этому взаимодействовали с Астраханью и южнокавказским театром военных действий.

Уже тогда Сталин зарекомендовал себя на фронте сильным лидером, способным быстро оценить сложную ситуацию и предпринять решительные действия для перелома в благоприятную сторону.

Любопытно, что в начале ноября Сытин был все же смещен и, не успев сдать командование фронтом, даже арестован. Но, очевидно, ему помог Троцкий, так как вскоре он отправился в Москву и занял должность начальника военно-административного отдела управления делами РВСР.

Занятие добычей продовольствия и организацией обороны Царицына, не снимало со Сталина ответственности за работу наркомата по национальным делам и другой текущей работы. Помимо этого у него появляется еще масса других обязанностей.

13 ноября Сталина избирают членом Президиума ВЦИК. В конце того же месяца он назначается заместителем Ленина в Совете Обороны, членом которого стал и Троцкий.

В самом начале 1919 года Сталина и Дзержинского отправляют на Восточный фронт для выяснения причин сдачи 3-й армией города Пермь и принятия неотложных мер по улучшению ситуации. Примечательно, что Ленин предупредительно запрашивал Троцкого, не возражает ли тот, против кандидатуры Сталина. Троцкий не возражал, однако 10 января, то есть буквально сразу же, телеграфировал Свердлову о категорическом несогласии с действиями Сталина и Ворошилова в Царицыне, почти три месяца спустя как они покину-

ли Южный фронт. Мотивируя недопущением подобного на Украине, куда был направлен Ворошилов. На другой день Троцкий, ссылаясь на доклад своего ставленника А.И. Окулова, сообщал из Балашова уже лично Ленину о деморализации частей под Царицыным по вине якобы Сталина и Ворошилова.

Выбор ревизоров по расследованию обстоятельств пермского фиаско был не случаен. Дзержинский фанатично предан партии и революции. Помимо руководства ВЧК он также выполняет огромный объем работы, не чурается исполнять массу других разнообразных дел и поручений. Сталин, уже приобретший некоторый военный опыт, также не боится перегрузок.

Партийно-следственный дуумвират действует слаженно и в конце января, сразу по приезду с Восточного фронта, представляет Ленину отчет от имени ЦК партии и Совета Обороны. В обстоятельном отчете не только анализировались причины пермской катастрофы, но предлагались неотложные меры, необходимые для выправления положения, а также содержались выводы, касавшиеся всего процесса советского государственного управления. Затем по поручению ЦК комиссия в составе Дзержинского, Каменева и Сталина разработала проект положения о чрезвычайных органах и ревтрибуналах.

Весь оставшийся период братоубийственной междоусобицы звезда Сталина неуклонно двигалась по восходящей линии. Он находит также время для устройства своей личной жизни, женившись вторично на младшей дочери Сергея Аллилуева, молоденькой Надежде. Казалось бы, для уроженца Кавказа, Сталина, делавшего карьеру в высших партийных кругах, выбор супруги не мог быть более удачным.

В конце марта 1919 года он утверждается еще и главой Народного Комиссариата Государственного Контроля, впоследствии переименованном в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию (РабКРИН).

А во второй половине мая того же года, Сталина отправляют в Петроград для координации мер по отражению весенне-летнего наступления белых генералов.

Еще в начале месяца глава Питера Зиновьев сотоварищи впал в паническое состояние ввиду возникновения угрозы наступления генералов Родзянко и Юденича. И без согласия Центра решил эвакуировать некоторые заводы оборонного значения и потопить Балтийский флот.

17 мая, дабы подбодрить Зиновьева и разобраться в ситуации Сталина, в качестве чрезвычайного уполномоченного Совета Обо-

роны, отправляют в Питер. Практически одновременно с ним туда прибывает А.И. Окулов, назначенный членом Реввоенсовета Западного фронта.

В считанные часы Сталин оценил обстановку и передал по прямому проводу две записки Ленину о положении под Петроградом и мерах, необходимых для укрепления фронта. При этом дипломатично не стал обсуждать паническое поведение Зиновьева. 20 мая Ленин ответил, что договорился с заместителем Троцкого Эфраимом Склянским «о неослабном надзоре за исполнением» неотложных мер по укреплению фронта. Через несколько дней Сталин подверг критике Главкома и своеобразную Ставку – Полевой штаб, за не владение ситуацией на фронтах и неспособность организовать высылку боеспособных подкреплений. Тем самым, он почти прямо ставил Ленину под сомнение способность РВС республики контролировать положение на фронтах.

Окулов, меж тем, в свои инстанции (РВСР) трактовал сложившееся положение совсем по-другому. Возмущенные деструктивными действиями Окулова, Сталин и Зиновьев бурно протестуют и нападают на него. Настаивая перед ЦК, вплоть до созыва специального пленума «для обсуждения военных вопросов и, в частности, вопроса о военспецах». Разгорается жаркий конфликт, который при всем желании Ленина затушить не удалось. Окулов был отозван из Питера и направлен «в распоряжение товарища Троцкого».

И вскоре Сталин праздновал весьма заметный успех. Умело скоординированными действиями соединений Красной Армии и Балтийского флота снял непосредственную угрозу Петрограду.

Воодушевленный успехом на вверенном ему участке фронта Сталин направляет Ленину телеграмму, объясняя быстрое взятие стратегически важных фортов «самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела». Вождя не может не покоробить столь неприкрытое бахвальство, но он проглатывает пилюлю.

Не имевший официальных воинских полномочий, Сталин попутно выиграл сражение с Окуловым, за которым маячил Троцкий. При этом он одновременно, как всегда, не замыкался в узкие рамки отведенной ему роли. Из его аналитических выкладок следовало, что Колчак гораздо более существенная угроза, нежели Юденич.

После успеха под Петроградом клещи, в которые белые армии взяли было большевиков, существенно ослабли. К тому же 27 июня

войска Западного фронта захватили близ селения Видлица на восточном берегу Ладожского озера большие запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия и обмундирования, в которых была отчаянная нужда. Шансы отбросить армию Колчака за Урал намного увеличились.

3 июля Коба вернулся в Москву и принял участие в очередном пленуме партии, на котором разгорелись горячие дебаты по военным вопросам. Троцкий подвергся сокрушительной критике за стиль руководства войсками и обращение с людьми. Однако его отставку не приняли (в основном благодаря позиции Ленина), ограничившись реорганизацией Реввоенсовета и заменой главкома. Число членов РВСР сократилось до шести человек, а новым главнокомандующим красных назначался обладатель великолепнейших усов – С.С. Каменев. Ставка, то есть Полевой штаб, из Серпухова была передислоцирована в Москву.

Сразу после партийного форума Сталин, заручившись мандатом члена РВС Западного фронта (но не РВСР), отправляется в Смоленск для организации отпора противодействия зашевелившимся полякам. Спустя неделю, в обход Реввоенсовету республики, он телеграфирует непосредственно Ленину исчерпывающий доклад о положении фронта, поражающий четкостью формулировок и широтой кругозора.

Ситуация на вверенном ему участке стабилизировалась (Пилсудский не пожелал поддерживать белых генералов), и 7 сентября Сталин напоминает о себе Ленину тем, что ЦК лишь временно направлял его на военную работу. Что он чрезвычайно переутомлен и может оставаться на фронте «еще неделю, не более». Кобе была предоставлена передышка, но весьма незначительная.

К Москве приближался генерал Деникин, и Сталин в конце сентября оказался на Южном фронте. Казалось бы неудержимое продвижение войск Деникина на север и, особенно рейд кавалерийского корпуса генерала К.К. Мамонтова по тылам плохо сколоченного Южного фронта, вызвали переполох в среде политического и военного руководства большевиков.

Известно письмо видного большевика В.А. Трифонова, написанное старому партийцу А.А. Сольцу, характеризующее положение на Южном фронте того периода времени. Там, в частности, имеются следующие строки: «...На юге творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать

на площади... Южный фронт – это детище Троцкого и является плотью от плоти этого... бездарнейшего организатора... Там, где Троцкий пытался работать, там сейчас же начиналась величайшая путаница...».

Но Трифонов лишь поделился своими соображениями с Сольцем и просил у него совета о передаче их Ленину.

Позже более прямой и открытый Г.К. Орджоникидзе (Серго) столь же резко и нелицеприятно напишет непосредственно Ильичу о ситуации в штабах Южного фронта. Однако безрезультатно. Если не считать того, что у самого Серго возникнут проблемы с РВСР.

Сумятица многократно усилилась в конце августа, когда конница Мамонтова захватила Тамбов и Козлов – недавнее пристанище штаба Южного фронта. А горячий красный казак Ф.К. Миронов, возмущенный волокитой с формированием особого Донского кавалерийского корпуса, самочинно выступил из Саранска с имевшимися у него силами против Деникина.

Троцкий и его присные немедленно восприняли демарш Миронова исключительно как измену и отрядили на его поимку Буденного. Остывший после того как почти все его воинство рассеялось, бунтарь покорно дал себя арестовать. Миронов подвергся суду Ревтрибунала и вместе со своими командирами был приговорен к расстрелу. Но на первый раз помилован.

РВС Южного фронта в составе М.М. Лашевича, Л.П. Серебрякова, Т.И. Смилги представлял собою лебедя, рака и щуку. О чем последний откровенно письменно признавался Ленину, заверяя, что «теперешний состав Реввоенсовета неработоспособен».

В середине сентября по итогам сводки Склянского, Ленин свирепо констатировал, что вопреки словесным уверениям «на деле у нас застой – почти развал. На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и «успокоились». Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСР, если не будут приняты э н е р г и ч н ы е меры. Выпускать из рук победу – позор...».

Разногласия по поводу осуществления оперативных планов на Южном фронте между новым главкомом и Троцким, поддержанным комюжфронта В.Е. Егорьевым и членами РВС Серебряковым и Лашевичем, достигли своего апогея, когда Деникин овладел Курском. Его кавалерия хозяйничала в районе Воронежа и, угрожая Орлу и Туле, нацеливалась на Москву. Тульской губернии, объявленной с

ее военными заводами на осадном положении, ставилась задача «во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь отбить наступление Деникина...».

В данной ситуации ЦК партии принял кардинальные решения по укреплению юго-восточных подступов к Белокаменной новыми силами, в том числе, в среде руководства. Особая группа войск Южного фронта была преобразована в самостоятельный Юго-Восточный фронт под командованием В.И. Шорина (члены РВС: Смилга, Трифонов, С.И. Гусев (Драбкин). В числе прочих перемещений конный корпус Буденного оказывался в оперативном подчинении 8-й армии. Новым командующим Южного фронта назначался А.И. Егоров, а Сталин, соответственно, членом РВС Южного фронта. Он внес весьма весомую лепту в организацию разгрома деникинских войск.

Наивысшей точкой наступления Деникина на Москву стало взятие белыми Орла. Однако они уже выдыхались. К тому же, казачья вольница, удовлетворенная награбленным добром, предпочла вернуться в свои станицы.

В третьей декаде октября красные сумели нанести белым решающие поражения под Орлом, Кромами и Воронежем. Войска Деникина начали откатываться обратно – на юг.

В стане большевиков вновь разгорелись дебаты по поводу дальнейших действий, ярким образчиком которых служит письмо Сталина Ленину с Южного фронта, опубликованное позже с ошибочной датой 15-е октября. За два дня до того, члены РВС Южного фронта Сталин и Л.П. Серебряков официально обвинили Ставку и Реввоенсовет Республики и, в частности, одного из ее членов Гусева в пренебрежении к нуждам их войск. О степени распрей ярко свидетельствует тональность депеш, доходящая до прямых оскорблений. Гусева, к примеру, Сталин презрительно обозвал «стратегическим петушком».

Настаивая перед Ильичом на принятии своего варианта окончательного разгрома Деникина, Сталин в завершение в ультимативной форме написал: «Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте».

Кавказец принял также самое деятельное участие в усилении красной конницы (преобразованию корпуса Буденного в конную

армию), равно прославившейся как лихостью и удалью в схватках с неприятелями, так грабежами и погромами мирных обывателей.

Ускоренной реорганизации благоприятствовали дерзкие до нахальства в условиях сильнейшей пурги действия конников Буденного при захвате важнейшего опорного пункта белых – станции Касторной. Красные овладели там огромными трофеями, а весь деникинский фронт окончательно надломился. Решительная поддержка Сталиным инициатив Буденного способствовала ликвидации огромного перевеса белых в кавалерийских частях.

После взятия Ростова и выхода красных к нижнему Дону произошла новая реорганизация фронтов на юге. 10 января 1920 года на базе Южного возник Юго-Западный фронт, а Юго-Восточный 15 января был преобразован в Кавказский и усилен включением в его состав 8-й армии и Первой конной.

Спустя непродолжительный период времени исполняющим обязанности командующего Кавказским фронтом был назначен М.Н. Тухачевский, вместо Шорина. Так как Ворошилов и Буденный неоднократно апеллировали во все возможные инстанции (Сталину, РВСР и Ленину) ввиду неправильного применения последним, по их мнению, кавалерии.

Шорин при очной встрече с «бунтовщиками», проигнорировал не только их демарш, но и письменные рекомендации главкома, вынудив Буденного написать пространное послание Ленину. Через день он связался со Сталиным, к тому времени возвратившемуся после непродолжительного пребывания в Москве в Курск. Сталин сообщил Буденному, заодно и Ворошилову, что еще раньше добился таки отставки Шорина, но приехать в Ростов ввиду перегруженности делами не может. К ним направлен Орджоникидзе и новый комфронта, то есть Тухачевский.

В тот период времени Сталин достаточно близко соприкасается с Тухачевским, который, несмотря на оказанные ему недавно в Москве громкие почести, временно оказался не у дел. Истинной причиной казуса, видимо, случилась проводимая реорганизация фронтов. Как бы то ни было, деятельный Тухачевский в самом конце 1919 года не вступил в командование 13-й армией Южного фронта. Более того, свежеиспеченный сокрушитель остатков колчаковских войск около трех недель просидел в штабе сталинского фронта.

О письменной апелляции «забытого» военачальника в РВСР стало известно Ленину, вследствие чего Тухачевский получил вожде-

ленное назначение «временно исполнять обязанности командующего войсками Кавказского фронта».

Не снимая со Сталина ответственности за операции Юго-Западного фронта и другие участки, на него дополнительно полностью взваливают организацию работ по восстановлению экономики региона. 20 января Сталин утверждается СНК председателем Украинского совета трудовой армии и часть подконтрольных ему войск входит в состав этого контингента. Его ставка и штаб фронта находятся в Курске, в то время как для пользы дела необходимо находиться на Украине. Возможно, данное обстоятельство становится поводом для очередных козней, направленных против Сталина, которого буквально разрывают на части.

Он вынужден обратиться с просьбой в бюро ЦК отменить «постановление о введении его в состав Всеукраинского ревкома». А на одном из заседаний высшей партийной инстанции председатель Башкирского ревкома А.З. Валидов выдвинул предложение отозвать Сталина в Москву «для непосредственного руководства национальным строительством на Востоке».

Свежеиспеченный глава башкиров (Валидов) беспокоился не напрасно, поскольку очень скоро в Башкирии вспыхнул мятеж под националистическими лозунгами, подавленный Центром с немалым трудом. Впрочем, возможно, он сам и инспирировал бунт, ибо в том же году бежал в Туркестан, а затем осел в Турции.

Но, вероятнее всего, Троцкий и члены его РВС не желали работать бок о бок с Орджоникидзе на юге. Поскольку жгучее желание Серго осуществилось – образовался Кавказский фронт, он становился одним из членов РВС фронта, дислоцирующемся на юге России, в Ростове. Отсюда, интриганы и недоброжелатели намереваются присовокупить к Орджоникидзе его земляка. То есть, намереваются отправить Сталина в Ростов и умышленно навалить на него совершенно немыслимый объем работы.

3 февраля «за подписью Ленина посылается телеграмма члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта И.В. Сталину о необходимости немедленно выехать на правое крыло Кавказского фронта, принять экстренные меры к переброске на Кавказский фронт подкреплений и работников с Юго-Западного фронта; с сообщением **о введении Сталина в состав Реввоенсовета Кавказского фронта с оставлением его в составе Реввоенсовета Юго-Западного фронта**…» (*выделено мной – М.А.*).

Ленин, которого намеренно подставили, создал курьезную ситуацию подобно Фигаро тут, Фигаро там. Несколько ранее он подписал члену РВС республики Смилге мандат, наделявший его полномочиями председателя Совета Кавказской трудовой армии. Соответственно именно он должен был получить должность члена РВС Кавказского фронта.

Очень скоро Ленин понял допущенную ошибку, но не придал по своему обыкновению значения элементарной подставе и сделал задний ход, покуражившись для сохранения лица.

4 февраля из Курска Сталин протестует против подобной постановки вопроса, мотивируя тем, что «не вполне здоров» и просит ЦК не настаивать на поездке. Однако якобы ЦК настаивал и изрядно разъяренный Сталин ответил: «Распоряжению Цека, несмотря на его дикость и на состояние здоровья, подчиняюсь» и поставил условие, что командировка в Ростов будет кратковременная.

Также 4 февраля Ленин телеграфировал Сталину: «Цека не настаивает на вашей поездке при условии, что в течение ближайших недель Вы все внимание и всю энергию сосредоточите на обслуживании Кавказского фронта, подчиняя ему интересы Юго-Запфронта…».

Вопрос переезда Сталина на юг оставался открытым еще некоторый период времени. И не разрешился окончательно на заседании Политбюро ЦК, произошедшем 6 февраля. В числе вопросов коего были: о составе РВС Кавказского фронта, заявление Шляпникова о предоставлении ему отпуска для лечения и прочие. Последний не оставлял своих попыток под разными предлогами «сачкануть», вплоть до организации трехмесячной давности «просьбы Бюро Исполкома Коминтерна рассмотреть вопрос об отправке А.Г. Шляпникова за границу».

Спустя три дня после заседания ЦК Ленин телеграфировал Сталину уже в Харьков, куда Сталин переехал вслед за РВС и штабом Юго-Западного фронта. «Я не теряю надежд, что после ваших переговоров с Тухачевским и удаления Сокольникова, все дело наладится без Вашего перемещения, поэтому пока не извещаем Смилгу…».

В этом инициированном приверженцами Троцкого инциденте с Лениным Сталин сохранил статус-кво, хотя переговоры с Тухачевским, видимо, были для него малоприятными. Смилга был окончательно утвержден членом РВС Кавказского фронта и председателем Ревсовтрударма Юго-Востока России.

Правда, командарма-8 Г.Я.Сокольникова (Бриллианта), обвиняв-

шего конармейцев в чрезмерном насилии и грабежах, Сталину с поддержавшим его Лениным, сместить не удалось. Более того, убийство при загадочных обстоятельствах комиссара В.Н. Микеладзе послужило Троцкому поводом для организации расправы над командиром Сводного конного корпуса Б.М. Думенко.

Последний, нанесший по одной из версий личное оскорбление Троцкому, был подвергнут суду Ревтрибунала и в мае месяце расстрелян вместе со всем своим штабом. Причем не последнюю роль в их гибели сыграли Смилга, а также, весьма вероятно, недавние сослуживцы Думенко Буденный и Д.П. Жлоба.

20 февраля Сталин получает телеграмму за подписью вождя, где вновь настойчиво проповедуется суть директива по всемерной поддержке Кавказского фронта. Сталин понимает, что за ленинским воззванием стоят его недоброжелатели и резонно вопрошает: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится, прежде всего, на меня...».

По мнению Сталина, члены РВС республики в отличие от него вполне здоровы и не перегружены работой. Он немедленно получает довольно сердитый ленинский ответ и вынужден смириться. Хотя Ильич, подзуживаемый доброхотами из РВСР, допустил очередную серьезную ошибку.

Задача овладения Крымом, где дислоцировалась группа войск деникинского генерала Я.А. Слащева, была поставлена 13-й армии Юго-Западного фронта. Выделенных сил было явно недостаточно, в то время как на Кавказе их было в избытке. Поэтому весь первый квартал красные безуспешно пытались завладеть полуостровом. В то время как войска Кавказского фронта пытались сокрушить войска Деникина. Причем Тухачевский принимал решения довольно рискованные, не сказать авантюрные, вызвавшие изрядное беспокойство в Москве.

Частичному успеху красных весьма способствовали разногласия в стане белых генералов. Отношения Деникина с бароном Врангелем были далеки от взаимопонимания. В свою очередь, у барона позже будут крупные нестыковки с генералом Слащевым, по прозвищу Крымский.

Кульминационным моментом сражений на Северном Кавказе стала решительная виктория под станцией Егорлыкская, в основном одержанная Первой Конной. Причем Буденный существенно скорректировал изначальный замысел Тухачевского. После самого крупного в гражданской войне столкновения военизированных конных масс, деникинская кавалерия практически перестала существовать.

Но Добровольческому корпусу и нескольким частям Донской армии под прикрытием военных судов Антанты удалось эвакуироваться в Крым, оставив незатушенным очаг сопротивления большевикам.

Что весьма характерно для Ленина, он 15 марта отписал заместителю Троцкого Склянскому: «Обратить сугубое внимание на явно допущенную **ошибку** с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)». Словно забыв, что совсем недавно самолично неистово призывал сосредоточить все войска в предгорьях Кавказа.

Сталин весьма активно работает на Украине. Его апелляция Ленину о необходимости отзыва из Харькова председателя Харьковского губкома партии троцкиста Л.С. Сосновского ввиду создавшихся трений между ним и СНК Украины становится предметом разбирательств в Политбюро. Равно как и спор с Дзержинским по поводу «невыполнения И.В. Сталиным постановления Политбюро ЦК РКП(б) об откомандировании В.С. Корнева в Москву на работу в войска внутренней охраны Республики». Причем Сталин письменно мотивировал просьбу оставить Корнева в Харькове. Кроме того, он отстаивает свое видение положения на фронтах (не всегда успешно) перед Главкомом и Ставкой.

Демарши и апелляции никак не сказываются на его карьере, ввиду их разумности, и еще больше укрепляют его репутацию виднейшего деятеля партии. 6 апреля на заседании очередного пленума ЦК Сталин вновь избирается членом Политбюро и Оргбюро.

Тем временем, пока большевистская верхушка, не исключая Сталина, отмечала юбилей Ленина, Пилсудский начал свое продвижение на восток.

28 апреля Политбюро в общих чертах одобрило план борьбы, намеченный Ставкой. В связи с чем, решением СТО кавказец назначается председателем комиссии по обеспечению войск Западного фронта обмундированием, а затем и снабжению всей армии средствами вооружений.

На заседании Политбюро от 15 мая обсуждается (помимо прочих) вопрос поездки Сталина на Юго-Западный и Западные фронты. Вне всякого сомнения, он не в восторге от подобного подхода к делу и не склонен впадать в панику от первоначально успешных продвижений поляков.

В тот же день Политбюро постановило «командировать т. Сталина на Юго-Западный фронт и Западные фронты с тем, чтобы в 1-ю очередь он выехал в Конную Армию и принял все необходимые меры

для обеспечения боеспособности Конной Армии».

Очевидно, в ЦК имели представление о трудностях с управлением ватаг всадников, с громким названием 1-я Конная армия. Тем не менее Сталин резонно требует конкретизировать его полномочия и круг поставленных задач. Как наладивший в короткие сроки расстроенную тыловую работу, на заседании Политбюро ЦК от 18 мая, Сталин вновь включается в состав РВС республики. И ему поручается формирование РВС Юго-Западного фронта.

25 и 26 мая, до отъезда Сталина в войска, «Правда» печатает его статью «Новый поход Антанты на Россию». Расценивая наступление Польши как очередную инициативу англо-французского блока, кавказец ошибался: Пилсудский действовал самочинно, однако он был прав, уверяя, что «шансов на поражение России в 1920 году меньше, гораздо меньше, чем в 1919 году». Чем дальше будут продвигаться на восток польские войска, отмечал также Сталин, тем больше они «будут встречать противодействие со стороны украинского, русского, белорусского мужика...».

Он готовится к поездке на фронт как никогда основательно и не выезжает пока не получает собственноручно написанного Лениным удостоверения на право пользования персональным бронепоездом, как член ЦК, ВЦИК, СТО и РВС республики.

Почти сразу по прибытию в Харьков – в штаб Юго-Западного фронта – Сталин предложил Ленину следующий план действий. Временно заключить перемирие с генералом Врангелем, окопавшимся на юге (тем более, совсем недавно Политбюро решило приостановить на него наступление) и получить возможность высвободить часть сил с Крымского участка фронта. Либо разгромить Врангеля и полностью сконцентрироваться на поляках.

При всей несомненной рискованности предложенной кампании, общий замысел был великолепен и сулил блестящие перспективы. Однако Ленин телеграмму Сталина «отфутболил» Троцкому с надписью: «Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить, уложим тьму наших солдат, надо десять раз обдумать и примерить...»

На следующий день, снова из Кременчуга (ближе к линии фронта), кавказец телеграфирует вождю о намерениях Врангеля перейти в наступление в поддержку полякам. И вновь Ильич переадресовал его депешу Троцкому...

Поскольку перед его войсками ставится задача, в первую оче-

редь, бить поляков, Сталин, скрепя сердце, вынужденно отдает предпочтение западному участку фронта. Он подписывает директиву, ставящую целью разгром киевской группировки противника, одновременно постоянно оглядываясь назад, на Врангеля, который немедленно активизировался.

Но лишь два месяца спустя после сталинских инициатив в Кремле осознали всю опасность врангелевских поползновений. Хотя Сталин в течение всего одного месяца дважды выступает в печати, где косвенно выступает против принимаемых центром решений. Он авторитетно заявляет, в том числе: «Но было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено. Ведь мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой, мобилизовавшей» ресурсы половины Европы. «Поэтому, - сурово говорит Сталин, - я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей… В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями», к тому наступление Врангеля уже успело принять «угрожающие размеры».

Довольно смешно, заверяет Сталин, «говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована… ПОМНИТЕ О ВРАНГЕЛЕ». Призыв Сталина оказался гласом вопиющего в пустыне.

Лишь 2 августа 1920 года вождь сообщает шифровкой, что Политбюро провело разделение фронтов и рекомендует Сталину заняться исключительно Врангелем. Который, по подсказке Запада, дерзнул отправить десант на Кубань (в поддержку восставшим казакам), грозя отсечь от красных наиболее богатые хлебом южные провинции и Кавказ.

Сталин возмущен, он давно предупреждал об опасности самообольщения успехами, а теперь его инициативы явно умышленно оборачивают против него же.

Горец резко телеграфирует Ленину: «…Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя…».

Ленин ответил неадекватно, проигнорировав нелицеприятные выпады и заметив, что «от Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические заключения».

И Сталин, перестав куражиться, стал вновь отвечать сугубо де-

ловито. Сообщив, что в районе Броды поляки бросили против Первой Конной армии литовскую, луцкую и галицкую группы войск для воспрепятствования ее пропуска к Львову и вынудили перейти к обороне конников Ворошилова и Буденного.

4 августа Сталин телеграфировал о согласии раздробить Юго-Западный фронт, «передав Западному фронту войска 12-й, 1-й Конной и 14-й армий с тем, чтобы остальные силы Юго-Западного фронта были направлены против Врангеля». На другой день пленум ЦК утвердил его «вариант, принимаемый РВСР». Во всяком случае, так записано в протоколе заседания ЦК от 5 августа.

Но, надо полагать, в Реввоенсовете инициативы Сталина встретили без особого воодушевления, в том числе вследствие их трудной осуществимости, поскольку войска фронта успели завязнуть в боях.

Одновременно кавказец предлагал штаб и РВС Юго-Западного фронта не уничтожать, а автоматически преобразовать в Ставку Южного фронта, что и было принято сходу. Однако осуществлено не скоро.

Между тем Тухачевский, введя последние фронтовые резервы, не сумел разбить поляков, лишь оттеснив их к предместьям Варшавы. Он начинает настойчивее просить подкрепления, но вплоть до 11 августа главком Каменев не видел особой необходимости в привлечении войск Юго-Западного фронта для участия в Варшавской операции.

Почти неделю Каменев вел переговоры и переписку с командованием Юго-Западного фронта об организационной стороне передачи армий. Так было утеряно драгоценное время, поскольку войска Сталина все более затруднительно было вывести из-под сражений под Львовом.

Одновременно Сталин не упускал из виду возможность мирных переговоров с поляками, запрашивая согласие ЦК партии на участие в них представителя Галицийского ревкома. Но поскольку был весьма измучен физически и утомлен психологически, сделав необходимые организационные передвижки, он 17 августа возвратился в Москву.

Кавказец хорошо понимал свою правоту и ошибочность позиций Ленина в польском вопросе, но тактично избегал огласки. Последний, в свою очередь, осознавал данный факт и моральное право Сталина устраниться от еще не законченного военного противоборства.

По докладам Троцкого и Сталина Политбюро решило признать врангелевский фронт главным, фактически бросив на произвол судь-

бы Западный. О чем свидетельствует бесцеремонная телеграмма Ленина Смилге: «Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой, дали Вам пополнение в тройном и четверном количестве».

Меж тем руководители Западного фронта Тухачевский и Смилга совершенно неадекватно воспринимали исключительно неблагоприятно складывающуюся ситуацию. Они издали приказ за № 1847 от 20 августа 1920 года, в котором заявлялось, что польская делегация (только прибывшая на переговоры) сплошь состоит из шпионов и контрреволюционеров, и что мир может быть заключен только «на развалинах белой Польши»...

В ЦК выступление Сталина выслушали с особым вниманием и ему же поручили разработать проект принятия специальных мер «при возможных отступлениях на врангелевском фронте».

25 августа кавказец написал записку в Политбюро ЦК в виде тезисов «О создании боевых резервов республики». На этой почве он незамедлительно столкнулся с Троцким. Однако Политбюро поддержало Сталина и приняло к сведению «сообщение т. Троцкого о том, что военным ведомством принимаются меры в духе предложений т. Сталина».

20 сентября пленум ЦК постановил послать Сталина в длительную командировку на Кавказ с широкими полномочиями, решив «отставки т. Сталина из Р.В.С.Р. не принимать и предложить ему на Кавказе действовать в качестве члена Реввоенсовета Республики».

Вскоре после приезда Сталина в Москву среди большевистской верхушки начинается выяснение причин и поиск виновников польской катастрофы. Троцкий обвинял Сталина в неоказании помощи Тухачевскому. Последнего винил во всем Егоров, как чрезмерно зарвавшегося юнца. Ворошилов обвинял главкома Каменева, по причине недостаточно уверенной координации войск. Тухачевский обвиняет всех своих оппонентов, особенно военачальников.

Сталин вполне успешно в письменном виде обороняется от интриганов: «Ввиду распространяющихся среди партийных кругов слухов обо мне, как о человеке, затормозившем дело передачи 1-й Конной армии... заявляю, что директива главкома» о передислокации войск в тот же день была исполнена.

В очередной раз Ленин вынужден сглаживать сильнейшую склоку. А также он отправляет Сталина в краткосрочный отпуск, благо-

даря чему кавказец, впервые за 40 месяцев напряженной работы, получает возможность более менее сносно отдохнуть. В середине октября он отправляется на Северный Кавказ и Азербайджан, где находится в течение месяца и избегает военных вопросов.

На основе доклада Сталина о положении на Кавказе, Политбюро постановило «принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, то есть направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны». Хотя ранее Ленин был настроен весьма агрессивно в отношении меньшевистской Грузии, рискуя при этом порвать едва затеплившиеся отношения с Великобританией и начать новую войну.

Участие Сталина в гражданской войне, несомненно, было не самое блистательное, но весьма и весьма впечатляющее. Сталин явно не зарекомендовал себя оголтелым милитаристом. Тем более не предлагал явно сумасбродных планов раздувания пожара мировой революции, чем особенно отличался Троцкий.

Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков рассказал о том, насколько дотошно и обстоятельно относился еще тогда Сталин к делам. При встрече с группой молодых штабистов, направленных против поляков, в числе которых был и Мерецков, он долго и обстоятельно беседовал с ними. Сталин выспрашивал о том, какое они имеют представление о задачах Первой Конной армии и о многом другом. Спрашивал молодых военных, вплоть до того, что такое лошадь, с какой стороны на нее влезать и «как пахнет лошадь».

Подоплекой данного обстоятельства являлось то, что опытные наездники практически третировали неумелых всадников, им по сути нечего было делать в кавалерии.

Уже тогда ярко высветились особенности сталинского характера: неуемная жажда не столько славы, сколько стремления немедленно исправить допущенные, на его взгляд, ошибки. Преклонения перед мастерами своего дела, будь то умение хорошо ездить на лошади или грамотно водительствовать войсками.

Не было никаких сомнений относительности приверженности Сталина делу пролетариата, наличия у него природного таланта руководителя, сочетавшегося с проницательным умом и огромной работоспособностью.

Зигзаги карательно-репрессивной политики и ее отдельные представители (1)

Отношение русских революционеров к смертной казни отмечено печатью глубокого антагонизма. В России со времен самодержавия глубоко укоренилось предубеждение против вынесения судом смертного приговора. Оно имело религиозное происхождение, от принципа «не убий». Когда в империи в 60-е годы XIX века была создана система судопроизводства посредством присяжных заседателей, то они особенно неохотно принимали решения, влекущие за собой смертный приговор.

Русские террористические группы, вплоть до (и включая) эсеров, категорически осуждали смертную казнь как судебное установление. В качестве адекватной меры они вынужденно применяли убийство, как эффективный способ политической борьбы. То есть экстремисты действовали сообразно принципу: «око за око, зуб за зуб».

Большевики первоначально решительно отвергали эту концепцию. Они были убежденными противниками политических убийств. Тем не менее, на II съезде РСДРП в 1903 году предложение включить в партийную Программу отмену смертной казни было отклонено значительным большинством голосов.

Российская Февральская революция была проникнута западными либеральными и социал-демократическими идеями, и протест против смертной казни оказался главным пунктом ее программы. Демонстративное восстановление этой одиозной процедуры на фронте летом 1917 года стоило Керенскому поста председателя Временного правительства. Между тем, он вовсе не собирался применять эту крайнюю меру. Во избежание полной потери управления Керенский пытался методом устрашения овладеть ситуацией в стране.

Практически бескровно произошедший Октябрьский переворот ввел большевиков в заблуждение. Они легкомысленно уверовали, что их действительно поддерживает громадное большинство населения.

В первые дни после революции большевики исключительно благодушествовали. В припадке милосердия они освободили юнкеров, захваченных в плен в Зимнем дворце, после того как те обещали больше не «подымать оружие против народа». Казачий генерал Краснов, безуспешно помогавший Керенскому организовывать кон-

трнаступление из Гатчины и захваченный в плен, также был отпущен под честное слово. Очень скоро он нарушил обязательство, приняв активное участие в антибольшевистских военных действиях на юге. Члены Временного правительства, арестованные и помещенные в Петропавловскую крепость, были вскоре освобождены. За ними был установлен чисто номинальный надзор, не помешавший их конспиративной деятельности, направленной против нового строя.

В городах и по всей стране было много случаев совершения толпой зверств и актов жестокого насилия стихийного характера. Однако в первые три месяца существования нового строя не имеется достоверных свидетельств совершения властями систематических казней ни по ускоренным приговорам, ни в ходе обычного судебного разбирательства.

Самыми воинственными заявлениями первых недель отличился Троцкий, чья роль в Военно-революционном комитете и воинской организации переворота придает его высказываниям особое значение. По словам Троцкого, Ленин также был возмущен, когда II Всероссийский съезд Советов по предложению Каменева поспешил отменить смертную казнь на фронте. Вероятно, именно Троцкий больше всех прочих большевистских вожаков воздействовал на Ленина в плане ужесточения карательно-репрессивной политики нового государственного образования.

По мере столкновения с все возраставшими случаями открытого сопротивления и акциями пассивного противодействия новым властям, большевистские иллюзии развеивались как дым. Как бывает довольно часто, их простосердечное милосердие незамедлительно превратилось в полную противоположность.

Через несколько дней после образования ВЧК был подписан декрет о создании революционного трибунала для суда и назначения наказания в соответствии с «обстоятельствами дела и велениями революционной совести».

Первые шаги ВЧК были направлены преимущественно против трех злоупотреблений: саботажа буржуазных чиновников, погромов пьяных толп и бандитизма «под флагом анархизма». В то же время Ленин подвергал жесточайшей анафеме «спекулянтов и вредителей», орудовавших на экономической ниве.

Развитие ВЧК шло постепенно и в значительной мере непредсказуемо. Ее роль росла под влиянием экстраординарных обстоятельств. Как простодушно признавался Дзержинский, вначале было

«дано только общее указание беспощадной борьбы», что с организационной точки зрения привело к неимоверному расширению ВЧК, вплоть до образования уездных чрезвычайных комиссий. Когда немцы перешли в наступление, СНК издал декрет «Социалистическое отечество в опасности», определявший, в том числе и «правовое» положение ВЧК и ее местных органов. Пункт 8 декрета разрешал расстреливать на месте преступления «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов». 22 февраля 18 года ВЧК объявила об этом ее «праве» всему населению.

С переездом правительства из Петрограда в Москву она обретает черты большого и автономного учреждения. Дзержинский организовал там штаб, причем не в Кремле, а в помещении крупной страховой компании на Лубянской площади. «Железный Феликс» создал там «внутреннюю тюрьму» для потенциально опасных элементов. У оснащенной таким образом ВЧК работы стало непочатый край.

Сообщения о карательных мерах ВЧК, и особенно ревтрибуналов, почти всегда отрывочны и ненадежны. Но существует кое-какая достоверная информация о репрессиях, которыми сопровождалось подавление множества восстаний летом 1918 года.

Кровожадный клич бросил Ленин еще до покушения на него самого. Он весьма возмущался намерениям отдельных представителей питерской верхушки воспрепятствовать рабочим в их стремлении ответить на убийство Володарского массовым террором.

«Протестую решительно! Мы компрометируем себя... Это не - воз - мож - но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное». Собственноручно отписал Ильич депешу Зиновьеву и членам его команды в Петроград.

В его записке, адресованной лично Сталину в Царицын, говорилось: «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюции... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». Немедленно, то есть 7 июля, Сталин отвечает сообразно моменту: «Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука». И она не дрогнула...

В городе Ярославле повстанцы продержались две недели, и, когда город был, наконец, взят, 350 из них расстреляли. В Муроме, Нижнем Новгороде, Вятке, Пензе и других городах происходили аналогичные эксцессы. В телеграмме, датированной 22 августа 1918 года и адресованной некоему Пайкесу А.К., Ленин настоятельно рекомен-

довал: «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Страдали и иностранные подданные. Вскоре после покушения Каплан на Ленина ВЧК арестовала британского представителя в Москве Брюса Локкарта по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре. А во время нападения на посольство Великобритании в Петрограде был убит британский морской атташе.

Об общем числе пострадавших от красного террора осенью 1918 года достоверных данных нет. Из отдельно взятых казней, которые были совершены после объявления террора, самой крупной расправой явился одномоментный расстрел в Петрограде 512 заложников.

Среди многочисленных сообщений с мест наиболее, вероятно, откровенное пришло из Казани. Вслед за подтверждением того, что по всем уездам успешно прошли карательные экспедиции, в нем также извиняющимся тоном чистосердечно констатировалось: «В самой Казани Трибуналом **пока** расстреляно **всего** 7-8 человек. Объясняется это тем, что **вся буржуазия**, отчасти даже мелкая, почти все попы и монахи **разбежались** (*выделено мной – М.А.*). Половина квартир в городе покинута. Конфискуется имущество бежавших в пользу пострадавшей городской бедноты».

Красный террор носил ярко выраженный классовый характер. Он отбирал своих жертв не на основе каких-то преступлений, а на основе принадлежности к определенному сословию. Согласно высказыванию белоэмигрантского писателя Романа Гуля «жизнь человека не стоила ничего, убивали за интеллигентную наружность, за крепкие башмаки, за «тонкие пальчики».

Антибольшевистские силы также не стеснялись в средствах при применении террористических действий. «Отправить в республику Иртыш» – на жаргоне колчаковцев, к примеру, означало немедленный расстрел на берегу реки.

Очень важным элементом большевистской системы карательно-репрессивных отношений того времени являлись военные трибуналы. Вне всякого сомнения, прерогатива в деле их образования принадлежит Троцкому.

Приказом РВСР от 14 октября 1918 года председателем Военно-революционного трибунала был назначен К.Х. Данишевский. Он трактовал роль трибунала следующим образом: «Трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карательные органы, созданные в процессе

напряженнейшей революционной борьбы, которые выносят свои приговоры, руководствуясь исключительно принципами политической целесообразности и правосознания коммунистов».

Данишевский подчинялся непосредственно Троцкому, не терпевшему малейших возражений. Троцкий, при поддержке Ленина, инициировал массовые расстрелы красноармейцев и командиров. Первый такой случай имел место 29 августа 1918 года под Свияжском. Тогда было расстреляно 20 человек, по принципу так называемой децимации, то есть казни каждого десятого. Военно-революционный трибунал безжалостно расстреливал дезертиров, порою в огромных количествах сбегавших с фронта, а также так называемых заложников.

Официально институт заложничества был введен наркомом внутренних дел Петровским Г.И. в постановлении о красном терроре в качестве одной из составляющих этой жуткой системы. Троцкий поставил на широкий поток привлечение офицеров на службу в Красной Армии с октября 1918 года. При этом во избежание перехода офицеров на сторону белых заложниками становились их семьи.

В третьей декаде января 1919 года, ЦК партии (без участия Сталина) принял циркулярное письмо об отношении к казакам, в котором признавал «единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления», без всяких компромиссов и половинчатости. Однако спустя почти два месяца подобное отношение к казакам было признано неверным.

Вскоре после тесного общения со старшим по рангу Сталиным, через три недели после их совместной поездки на Восточный фронт, Дзержинский представил ВЦИК экстренные меры по реорганизации чрезвычайных комиссий и ревтрибуналов. К тому времени «уездные чрезвычайные комиссии, в общем, были распущены», - доложился глава ВЧК.

Несомненно, Сталин оказал на него определенное влияние по ликвидации жуткого диссонанса в действиях ВЧК и ревтрибуналов. Устранялся параллелизм этих двух органов, проводилось «разделение труда и взаимное дополнение».

Гражданская война близилась к завершению, и Ленин несколько умеряет свой пыл по борьбе с контрреволюционерами. Менее чем через год, в середине января 1920 года, со страниц «Правды» Дзержинский торжественно объявил о прекращении применения «высшей меры наказания (расстрел) по приговорам ВЧК и всех ее местных органов»...

Первым большевистским наркомом внутренних дел был А.И. Рыков, пробывший на этом посту всего 9 дней и подписавший лишь декрет об учреждении рабочей милиции. Когда Рыков и другие наркомы сложили с себя «звания» народных комиссаров, французский социалист Жак Садуль записал высказывания их коллеги Александры Коллонтай. Она оценила поступки отставников, как дезертирские. «Что до нее лично, - заявила мужественная женщина, – то она останется на своем посту (*наркома государственного призрения – М.А.*), хотя у нее вызывают опасение взбалмошность, импульсивность, нервозность Троцкого и слишком теоретические тенденции Ленина».

Как очевидно, в революционной горячке способность критически мыслить не была утеряна некоторыми большевиками. Не случайно Коллонтай достаточно успешно продолжила свою карьеру советского чиновника.

После демонстративного ухода Рыкова нежданно-негаданно наркомом внутренних дел становится уроженец Украины, бывший слесарь Петровский. Петровский по мере способностей организует деятельность милиции. Он был в числе тех, кто подписал смертный приговор Каплан и постановление СНК о красном терроре.

Начиная же с марта 1919 года, должности наркома внутренних дел и руководителя ВЧК совмещает Дзержинский. С этого же времени начинается карьера в ВЧК близкого родственника Свердлова Генриха Ягоды (Еноха Иегуды).

Первым фиктивным наркомом, только юстиции, был также Г.И. Оппоков (литературный псевдоним – Ломов), отпрыск высокопоставленного саратовского банкира. Подобно некоторым другим «наркомам» он становится объектом ленинского метода подбора членов правительства. Когда большевистский переворот осуществился, вождь, поймав в коридоре Смольного кого-нибудь из хорошо знакомых ему подпольщиков, не выпускал «жертву», пока не добивался от нее согласия занять пост наркома. В день утверждения его наркомом юстиции Оппоков ретировался в Москву под предлогом заочного избрания в состав Московского ВРК.

Всю работу по организации комиссариата юстиции практически с пустого места пришлось начинать бывшему адвокату П.И. Стучке. Последнему первоначально довелось заниматься этим менее месяца.

Постановлением ВЦИК от 13 декабря наркомом юстиции утверждался бывший помощник присяжного поверенного левый эсер И.З.

Штейнберг. Сильный полемист, Штейнберг многократно и безуспешно пытается поставить под контроль своего наркомата действия ВЧК. Он тщетно добивался также, чтобы царское законодательство служило основой для пролетарского суда.

После Брестского мира главным законником Совдепии временно вновь становится Стучка. Последний – застрельщик судопроизводства, базирующегося на весьма сомнительных с юридической точки зрения принципах «революционной совести и революционного правосознания». Им был заложен фундамент советской исправительно-трудовой политики, важнейшим фактором перевоспитания в которой являлся физический труд. Находившийся в конце 20-х годов на посту председателя Верховного суда РСФСР, Стучка выступил оппонентом Крыленко, ратовавшим за отмену коллегиального рассмотрения дел, состязательность сторон и право обвиняемого на защиту. Одновременно Стучка считал усиление революционной законности, то есть мер репрессивного характера, правомерным.

Летом 1918 года наркомат юстиции возглавил Д.И. Курский по образованию юрист. Он в числе первых допрашивает экстремистку Каплан, а также вместе с Петровским и В.Д. Бонч-Бруевичем подписывает постановление СНК о красном терроре. Помимо поста наркома юстиции Курский занимает место члена РВС Республики. Все крупнейшие и важнейшие законы и нормативные акты тех лет разрабатываются при непосредственном участии Курского. Наркомом юстиции, а с мая 1922 года прокурором РСФСР, он пробыл до начала 1928 года.

22 ноября 1917 года российские газеты ошеломили читателей неслыханной новостью: большевики назначили Верховным главнокомандующим вооруженных сил никому доселе неизвестного прапорщика Н.В. Крыленко, военная карьера коего оказалась весьма скоротечной. Спустя десять дней после назначения Крыленко, в его присутствии толпа растерзала в Могилеве генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина, исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего. Жестокий самосуд послужил печальным прецедентом. В годы гражданской войны имела место циничная, своего рода поговорка: «Отправить в штаб Духонина», то есть немедленно казнить.

Однако, не ужасная смерть Духонина послужила причиной устранения Крыленко. Вскоре после Брестского кризиса Ленин склоняется с подачи Троцкого к широкому привлечению к военным делам бывших царских генералов. Бывший прапорщик возмущается до

предела и отказывается от сотрудничества, вследствие чего должность Главковерха ликвидируют.

Юридическое образование, полученное Крыленко в свое время, предопределило его дальнейшую судьбу. Октябрьский переворот полностью разрушил всю старую правовую систему. Крыленко, назначенному в ведомство юстиции, предназначено было стать одним из главных творцов «советской юриспруденции», основанной на антагонизме классов. В июне 1918 года он становится председателем Верховного революционного трибунала. Очень скоро Крыленко представилась возможность отличиться. По приказу Троцкого арестовывается командующий Балтийским флотом Щастный А.М. Когда трибунал впервые объявил смертный приговор контр-адмиралу – левые эсеры запротестовали. Но не по соображениям гуманности. Они мотивировали протест вынесения смертного приговора в процессе **государственного судопроизводства**. Крыленко дал тогда изуверски-изощренно сформулированный ответ: адмирала не «приговорили к смерти», **а просто** приказали расстрелять...

Резюме раздела. Наперекор апостолу пролетарского интернационализма и коммунистическому пророку Карлу Марксу, социалистическая революция как будто произошла в России. Очень многие из большевистской верхушки сомневались, что она состоится в полной мере, без перерастания во всемирную пролетарскую революцию. Однако к их вящему изумлению глобальное пожарище, непонятно почему задерживалось.

Абсолютно не владевшие опытом государственного строительства большевики выпускали один радикальный декрет за другим. И дестабилизировали и без того неспокойную политическую ситуацию в стране до предела. Таким образом, главную ответственность за разгоревшуюся вскоре ожесточеннейшую гражданскую междоусобицу следует возложить на них. В одностороннем порядке, прекратив военные действия и безрассудно аннулировав долги царского и Временного правительств, новые власти спровоцировали и иностранную интервенцию. Злодейским убийством царской семьи, массовыми расстрелами невинных заложников они восстановили против себя практически весь цивилизованный мир.

Однако не только крутыми репрессивными мерами обязаны большевики своей победе в войне, обескровившей нацию. Несмотря на непрерывные распри среди наиболее выдающихся вождей, Ленину

удалось мобилизовать все, не слишком обильные, ресурсы и наносить противникам концентрированные удары. Он, несомненно, обладал некоторым стратегическим дарованием.

К тому же Ленин максимально использовал поддержку большой массы рабочих и крестьян, преимущественно невежественной, своими вызывающе популистскими лозунгами. Кроме того, понятия морали и чести, порядочности и благопристойности были заменены революционной целесообразностью, что послужило одним из факторов победы.

Силы противников большевизма оказались также недостаточно консолидированными. Более того, наиболее мощные в военном отношении сторонники восстановления самодержавия в лице Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля оказались плохими политиками.

Они не только плохо взаимодействовали друг с другом, но помимо большевиков истребляли и всех своих потенциальных союзников из противоборствующих большевикам партий.

Также бывшие царские военачальники безрассудно жестоким обращением с крестьянством, наиболее многочисленным российским сословием, обрекли себя на неминуемое поражение.

Сталин активно участвует в организации отпора войск белогвардейских и иностранных интервентов. При этом он одновременно занимается партийными и государственными делами. Свалившийся в одночасье колоссальный объем работы не пугает его, а в определенной степени помогает ему. Подобно ссохшейся губке, его рационально устроенный мозг впитывает все полезное для себя, одновременно отбрасывая ненужное.

Сталин единственный, кто совмещает в одном лице высокие партийные, правительственные, советские, военные посты. Поэтому его последующий взлет абсолютно закономерен.

IV
Флаг Ильича опускается

«Знание – великая вещь… не абстрактное знание… не теории, которые соблазняют вас видимостью благородства и возвышенной добродетели, а подробное страстное повседневное знание человеческой жизни»

Грэм Грин «Ведомство страха»

Замена «диктатуры пролетариата» диктатом партаппарата

Первым документом, претендовавшим на конституционный акт, которым коалиционное, пока, правительство объявило о новом названии государства, была Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Она объявляла Россию Республикой Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в ней также провозглашалось, что «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».

Данной формулировкой акцентировался интернациональный дух нового режима. Октябрьский переворот являлся сугубо интернациональным по своей сути, он заключал в себе идею замены войны между соперничавшими державами войной классов. Однако суровая реальность развеяла беспочвенные иллюзии и, в первую очередь, в этом пришлось убедиться первому наркому по иностранным делам Троцкому. Последний ничтоже сумняшеся заявил, что выпустит «несколько революционных прокламаций, обращенных к народам мира». А потом якобы закроет свою лавочку, то есть наркоминдел, за полной ненадобностью.

Обращение большевиков к воюющим государствам с предложениями о мире без «аннексий и контрибуций» не возымело должного эффекта. Пролетарии этих стран также и не подумали взбунтоваться. Неизбежно начал складываться стереотип, впоследствии прочно закрепившийся в мышлении многих, о существовании антагонистических миров, непримиримо противостоящих друг против друга, мира капитала и мира пролетариата, предназначенных уничтожить

друг друга. Свою лепту в формирование стереотипа внесло и столь вызывающее название как диктатура пролетариата.

В то же время, как совершенно справедливо отметил крупнейший западный советолог Эдвард Хьюлетт Карр, сам термин «диктатура пролетариата», использованный большевиками для названия режима, устанавливаемого ими в период гражданской войны, не содержал каких-либо конституционных характеристик. Он определял лишь господствующий класс, а не форму правления, посредством которой этот класс намеревался претворять властные полномочия. Партия же, как было разъяснено впоследствии, являлась авангардом, передовым отрядом, помогавшим осуществлять полновластное господство пролетариата, то есть рабочего класса – представителей, преимущественно, промышленных предприятий.

В провозглашенной в июле 1918 года Конституции РСФСР правом участвовать в выборах наделялись лишь те, кто «зарабатывает на жизнь, создавая материальные ценности, или занятые социально-полезным трудом», а также солдаты и инвалиды. Тем самым, фактически власть в стране как будто принадлежала трудящемуся люду или пролетариату.

Сразу после Октябрьских событий основной задачей в стране считалось установление диктатуры городского и сельского пролетариата, а также беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти. Ее целью было полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворения социализма. Признавалось необходимым всю власть в центре и на местах сконцентрировать в руках Советов, которые должны были обеспечить подлинный революционный порядок.

Это сугубо идеализированное представление о власти не выдержало испытания действительностью. Стихийность движения, создавшая Советы на заводах и в деревнях по всей стране, означала, что их независимые действия никем не регулируются, не координируются и деструктивны с точки зрения нормального управления.

Партия левых эсеров, пользовавшаяся поддержкой крестьянства, была окончательно подвергнута остракизму и фактически объявлена вне закона в июле 1918 года.

Государство формируется затем на однопартийной системе, одновременно с разгоравшимся все сильнее пожаром гражданской междоусобицы. Идиллические и оптимистические настроения о светлом братстве коммуны вступили в разрыв с суровой практической реальностью.

По мере превращения из оппозиционной партии в правящую, то есть перехода от задач разрушительных к управленческим, в ней автоматически начинают цениться соблюдение закона и порядка.

Постепенно большевистская партия становится руководящим ядром правительственной и административной машины государства, вследствие ее монопольного положения.

Значимость ее лидера Владимира Ленина основывалась на исключительно моральном авторитете, а не на внешних проявлениях власти. Он слыл неформальным главой партии и руководителем страны. Вследствие этого невозможно отделить Ленина – руководителя партии, от Ленина – лидера государства.

«Государство – это мы», многозначительно объявил Ленин в заключительном слове по политическому отчету ЦК на XI съезде партии. Подразумевая под «мы» горстку партийцев. Причем представлял подобную ситуацию мерой временной и в некотором смысле вынужденной. Поскольку считал государство лишь аппаратом насилия и принуждения, а также был убежден в его непременном и скором отмирании.

Олицетворение же партии с государством привело к тому, что распри в руководстве партии дестабилизировали управление и грозили перейти каждый раз в общегосударственный кризис. Ярчайшим примером тому служит дискуссия о роли профсоюзов, сотрясавшая страну зимой 1920 года.

Весь январь месяц следующего года газета «Правда» печатала полемические статьи, в которых главные руководители партии высказывали диаметрально противоположные взгляды. Троцкий, впервые после Брест-Литовска публично выступивший против Ленина, потребовал непосредственного подчинения профсоюзов государству. Партия выпустила два номера специального «дискуссионного листка», чтобы способствовать более обстоятельному обмену мнений. Ленин забеспокоился, в брошюре «Кризис партии» он выступил с анализом лихорадки, сотрясавшей партийный организм, и в очередной раз предупреждал, что внутренние разногласия в партии будут использованы внешними врагами. Кронштадское выступление – серьезнейшая внутренняя угроза режиму, подтвердило резонность опасений Ленина и его категорических требований тесно сомкнуть партийные ряды.

В первые месяцы после Октября большевики были правящей, но все еще одной из нескольких партий. После лета 1918 года другие

политические партии существовали как бы из милости. Их положение становилось все более рискованным, а, начиная с 1921 года, они практически исчезли. Уход или исключение из единственной оставшейся партии, естественно, означал, по меньшей мере, отстранение от всякой легальной политической деятельности. Поэтому впоследствии внутри партии неизбежно должны были усилиться разногласия, особенно острые из-за того, что не было другого канала, через который можно было бы выразить несогласие.

Съезд, формально высший партийный форум, собиравшийся ежегодно, стал слишком громоздким. Его значение неминуемо начало падать, вслед за упадком параллельного государственного органа – Всероссийского съезда Советов. Даже когда обсуждения происходили на съездах, настоящие решения готовились и принимались не там, а в более компактных партийных структурах.

Первоначально в Центральном Комитете, а затем в трех новых его органах. Политбюро, Оргбюро и Секретариат разделили его функции между собой и узурпировали все, кроме внешних атрибутов власти.

X съезд партии явился поворотной вехой на пути роста могущества партийного аппарата. Новые принципы партийной дисциплины требовали, чтобы член партии, и особенно член ЦК, лояльно подчинялся решениям партии, как только они приняты, в противном случае он подлежал высшему наказанию в виде исключения из ее рядов.

Впервые на съезде с достаточной степенью вероятности в назначениях на решающие партийные посты можно увидеть растущее влияние Сталина. Двое из членов нового Секретариата станут впоследствии его самыми преданными сторонниками (В.М. Молотов и Е.М. Ярославский), а изгнанное трио (Крестинский, Преображенский, Серебряков), соответственно, противниками. Эти сторонники Троцкого лишились мест не только в Секретариате, но и вообще не были избраны в ЦК.

Сталин с марта 1919 года, являвшийся одновременно членом Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) не был главным действующим лицом в споре и извлек из дискуссии наибольшую выгоду, показав себя искусным политиком. После избрания его затем генеральным секретарем Сталин инициировал необходимость расширения так называемого Учетно-Распределительного Отдела (Учраспреда), ведавшего кадровыми перемещениями. Учраспред стал малоприметным,

но могущественным центром контроля партии над государственными органами, политическими и экономическими.

Следовательно, еще до смерти Ленина была повсеместно признана и провозглашена власть партии над всеми сторонами политики, над всеми компонентами системы управления в России. И что характерно, подобное обстоятельство не нашло своего отражения в первых конституциях. То есть де-факто, но не де-юре, Российская коммунистическая партия (большевиков) давала жизнь, направление, движущую энергию любой форме социальной деятельности в стране, и ее вердикты были обязательны для любой общественной и полуобщественной организации. Любая значительная борьба за власть происходила уже в недрах партии. На высшем же уровне главная роль партии при окончательном определении политики была обеспечена верховной властью Политбюро.

Уничтожение организованной оппозиции большевизму после гражданской войны совпало с формированием наиболее значительной со времени Брест-Литовска оппозиции внутри партии. Острые разногласия продолжили свое существование, но они теперь сосредоточились внутри компартии. Одна партия вобрала в себя всю политическую жизнь страны, и с тех пор ее внутренние дела представляли собой важнейшую часть истории страны.

Одновременно же, в однопартийном государстве принципы партийного единства и дисциплины приобрели определяющий и, как оказалось впоследствии, трудно предсказуемый характер. Постепенно становилось легко и привычно расценивать другое мнение как выражение несогласия и нелояльности. От этого было рукой подать до объявления врагом народа.

Периодически партию начинают сотрясать разного рода «зачистки». Цифровые результаты чистки рядов РКП(б) 1921-1922 годов были впечатляющими. Исключили 24% партийцев и численность партии составила менее полумиллиона.

Строгие резолюции X съезда в марте 1921 года о партийной дисциплине, тем не менее, не переубедили внутрипартийную оппозицию, и смута не была устранена.

На следующем съезде было принято новое положение о партийных контрольных комиссиях и подразумевалось, что чистки из отдельного мероприятия должны превратиться в постоянный процесс.

На XII съезде партии было объявлено о расширении функций Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК). Дела о членах партии,

попавших в качестве подследственных в судебные органы и ГПУ, проводил специальный следователь с полномочиями от ЦКК. Партиец до поры до времени оказывался еще вне юрисдикции обычного судопроизводства.

В то же время ЦКК, члены коего избирались съездом, равно как и члены ЦК, фактически ставился в условия ему конкурентные. Так выполнение воли больного Ленина по уменьшению риска раскола партии напротив увеличивали шансы на размежевание.

О НЭПе, как средстве преодоления всеобщей разрухи

Осенью 1920 года большевистскую Россию посетил великий английский писатель и общественный деятель Герберт Спенсер Уэллс. Собственно, он побывал лишь в Петрограде и Москве и не мог увидеть всей гнетущей панорамы колоссального упадка, постигшего некогда могучую империю. Однако Уэллсу, приезжавшему в царскую Россию перед самой войной, представилась хорошая возможность сопоставления с картинами былого. Все увиденное в двух большевистских столицах, а также дорожные неурядицы, позволили доброжелательно настроенному в целом писателю-провидцу с полным основанием выразить свои впечатления в литературном труде, с весьма красноречивым заголовком – «Россия во мгле».

Когда Уэллс встречался с Лениным, у вождя пролетариата еще сохранялись иллюзии на скорую мировую революцию. Незадолго до этого в Москве завершился II конгресс III Коммунистического Интернационала (Коминтерна). На международном форуме присутствовало 217 делегатов из разных стран. На нем делегатами, сторонниками большевиков-коммунистов торжественно провозглашалось, что повсеместно существует революционная ситуация.

Поэтому Уэллс, повествуя о встрече, отмечает, что через весь их разговор проходили две основные темы. Одну линию вел сам писатель. Ее суть заключалась в следующем: Как Ленин представляет себе будущую Россию? Какое государство он стремится построить?

Другую линию настойчиво проводил Ленин: Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему не уничтожается капитализм и не создается коммунистическое государство? Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Герберт Уэллс как бы скептически вопрошал: Что дала социальная революция? На-

сколько она успешна? Ленин страстно отвечал: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»

Уэллс откровенно признал впоследствии, что в споре ему пришлось очень трудно, вследствие изумившей англичанина ленинской эрудиции. Ленин показался писателю истым профессором, во всяком случае, он беседовал с ним «быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые».

Во время диспута, касавшегося множества вопросов, оппоненты не пришли к единому мнению. Отнюдь не случайно, отметив наличие в России сил созидательного характера, Уэллс прозвал Ленина кремлевским мечтателем. Он был твердо убежден, что без действенной помощи извне в большевистской России произойдет окончательное крушение последних остатков современной цивилизации. Но в целом Ленин произвел сильное впечатление на Уэллса, не в пример своему визави. Ильич в частном порядке пренебрежительно назвал писателя всего лишь заурядным филистером.

Он поведал, в частности, Уэллсу, невзирая на призыв присутствовавшего при встрече коммуниста Ротштейна к дипломатической сдержанности, о намерениях некоторых американских деловых кругов приобрести концессионные права на эксплуатацию природных ресурсов Дальнего Востока.

Переговоры русских с американцами велись посредством инженера Вашингтона Б. Вандерлипа, прибывшего в Москву через Копенгаген. С последним Уэллс уже познакомился. Они вместе проживали в Москве в особняке для гостей правительства. Где Вандерлип обосновался задолго до него. Суть миссии американца Уэллс толком не уяснил. Вандерлип же не обсуждал с ним свои дела и лишь раза два осторожно заметил, что они носят строго финансовый, экономический и отнюдь не политический характер.

В отличие от американца, Ленин ставил во главу угла политический интерес, что и предопределило их провал. В конце октября Вандерлип уехал на родину с проектом договора, не получившем поддержки ни со стороны своего правительсва, ни влиятельных финансовых групп США.

Весной 21 года он вновь приехал в Москву, мотивируя сменой президентов. В Америке очередным главой Белого дома стал журналист Уоррен Гардинг. На этот раз Ленин, однако, не принял незадачливого предпринимателя, сославшись на усталость и недомогание.

Вандерлип преувеличил заинтересованность Гардинга в торговле с Россией, что очень скоро обнаружилось. Но Ленин не оставил попыток сближения с американцами, а также явно утопичных намерений стравить на почве бизнеса империалистов. О чем откровенно отписал Чичерину: «Разъяснено ли Вандерлипу, что мы могли бы сдать американцам в концессию громадные нефтяные площади (Баку, Грозный, Эмба, Ухта) и этим бы Америка побила Англию?)».

Вопреки незадачливому Вандерлипу, его более молодому соотечественнику Арманду Хаммеру повезло в России значительно больше. Он приехал туда почти следом за ним и также яркими красками, подобно Уэллсу, живописует в своих мемуарах предельно неприглядную обстановку того времени. Будучи не в восторге от русской неделовитости, Хаммер не отказался, тем не менее, от представившейся ему возможности съездить на Урал.

По прибытии туда, предпринимателю особенно рельефно высветилась вся чудовищная нелепость положения. На Урале земля хранила величайшие сокровища мира – платину, изумруды, асбест, медь и почти все известные минералы. Однако люди не могли воспользоваться ими даже для того, чтобы спастись от голодной смерти.

Республику Советов, далекую от преодоления последствий многолетних непрерывных войн и смут, летом 21 года настиг сильнейший продовольственный кризис, в определенной степени инспирированный властями. Огромная часть населения страны была охвачена голодом, буквально опустошившим районы Поволжья и Казахстана. Число нуждавшихся в спасении от голодной смерти и болезней исчислялось десятками миллионов человек. В Башкирии голодало 92 % населения, только за один месяц (февраль 22 года) там умерло от голода 47 778 человек, сообщалось в Бюллетене наркомздрава РСФСР.

Отчаявшиеся крестьяне во многих местах брались за оружие. Особенно большого масштаба приобрело восстание на Тамбовщине под предводительством А.С. Антонова. На усмирение взбунтовавшихся мужиков Троцкий отправил наиболее боеспособные красные соединения под командованием Тухачевского. К тому времени знаменитый анархист батько Нестор Махно был уже разбит на Украине и подался за границу. Участь Антонова оказалась гораздо печальнее…

Между тем, Ленин, помимо подавления крестьянских восстаний железной рукой, не только прямо поспособствовал голоду, но и не принял действенных и оперативных мер по его ликвидации. В фев-

рале 20 года он одобрял действия Сталина по уменьшению продразверстки на Украине. Но спустя год, вождь слал телеграммы за телеграммой во все концы с категорическими требованиями немедленной отгрузки хлеба, «в целях хотя бы некоторого смягчения продовольственного кризиса в центре».

Тем самым, «в порядке боевого приказа напряжением всех сил», продукты были выкачаны с периферии. Ленина поддержала вся верхушка партии, за исключением Сталина. Он единственный написал письменный отказ на намерении Ленина еще более усилить нажим на сибирских крестьян в преддверие X съезда партии. Дзержинский, Каменев, Молотов и Троцкий лишь расписались на ленинском предложении.

Ленин не дал возможности Американской администрации помощи (АРА), а также знаменитому полярнику Фритьофу Нансену, главному уполномоченному Красного Креста, оказать экстренную помощь умиравшим россиянам. Во всех западных инициативах он усматривал, прежде всего, лишь козни капиталистов.

Предложения Нансена, в одном из писем Сталину, он окрестил «наглейшими», а Молотову, в частности, собственноручно писал 11 августа 21 года: «Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, публично дать ему пощечины, чтобы весь мир видел, и Совету Лиги наций тоже… P. S. Нужны тонкие маневры. Ряд мер, особо строгих. Гувер и Браун наглецы и лгуны. Условия поставить архистрогие: за малейшее вмешательство во внутренние дела – высылка и арест».

При малейшем упоминании о каких-либо подвижках в сторону либерализации политического режима Ленин приходил в неистовство, обрекая на голодную смерть сотни тысяч соотечественников. Параллельно он хватался за любую сомнительную и рискованную возможность приобретения продовольствия. Как в случае апелляции к рыбакам Аральского моря ввиду удачного, по слухам, промыслового сезона.

А также истории с юным американцем Хаммером, который сполна использовал представившийся шанс завязать деловые отношения с загадочными и ненавистными большинству капиталистов большевиками. Он заключил бартерный контракт с Екатеринбургским Советом. Хаммер обязался незамедлительно поставить зерно в обмен на кожи, меха и другие товары.

На этот факт немедленно обратил внимание Ленин и по возвра-

щении пригласил его к себе. При чем неизвестно почему он считал миллионера Юлиуса Хаммера якобы отца и компаньона Арманда Хаммера родственным по духу - коммунистом. Американец возвратился из поездки на Урал, в Москву, на исходе октября и был поражен произошедшими в ней разительными переменами. В открывшихся повсеместно магазинах появились добротные товары, люди буквально оживились и стали, соответственно, более деятельными.

Начинала действовать новая экономическая политика, регламентированная декретом Совнаркома от 9 августа 1921 года. Повстречавшийся вскоре после приезда с Лениным, Хаммер был очарован вождем мирового пролетариата. Он уверяет, что Ленин обладал замечательной способностью предельно концентрироваться на предмете разговора. Вождь пролетариата вызывал у собеседника ощущение, что его мнение имеет огромную ценность. Однако предприниматель упускает из виду то обстоятельство, что Ленин нуждался в Хаммере больше, чем последний в нем. Для лидера, находившегося на грани катастрофы страны, это был вопрос жизни или смерти. Хаммер же рисковал лишь своим кошельком, и то не сверх всякой меры. Вследствие тогдашнего мирового экономического кризиса цена пшеницы на биржах Америки упала до рекордно низких отметок.

Ленин не только одобрил сделку Хаммера с Екатеринбургским Советом, но и обещал всемерное содействие, а также, в сущности, навязал ему асбестовую концессию на Урале. Инвестиции в это дело не сулили мгновенную прибыль. Ленин же руководствовался своими соображениями. Члену президиума ВСНХ Л.К. Мартенсу вождь-очковтиратель отписал: «Пусть фиктивная, но концессия… Нам важно показать и напечатать…, что американцы пошли на концессию. Политически важно».

На другой же день после встречи с Лениным, молодого американского бизнесмена перевезли в комфортабельнейший особняк для гостей правительства, расположенный напротив Кремля, на другом берегу Москвы-реки. В свое время там размещали Герберта Уэллса и мистера Вандерлипа. Отныне крысы и прочая живность предыдущего московского жилища Хаммера, гостиницы с громким названием «Савой», могли присниться ему лишь в кошмарном сне.

Один из пионеров американский предпринимательства в Советской России провернул за девять лет довольно крупные сделки. При этом существует мнение, что Хаммер хорошо пограбил Россию. Он не без юмора повествует о том, как в 1922 году в Новороссийский

порт прибыли из Америки первые пятьдесят тракторов. Сорганизовавшись, колонна железных коней во главе с Хаммером отправилась в Новороссийск. Их появление, якобы, вызвало панику, живописует удачливый бизнесмен. Население приняло трактора за танки и ударило в набат. Но вскоре все прояснилось, и приготовлениям самообороны был дан отбой.

В 1925 году положение кардинальнейшим образом начало меняться. Довольно выгодным экспортно-импортным операциям Хаммера был положен конец. Нарком внешней торговли Л.Б. Красин предложил ему найти другую прибыльную область деятельности. Что Хаммер осуществил незамедлительно, наладив оперативно выпуск карандашей и перьев. К концу 1929 года помимо карандашной фабрики у Хаммера было еще четыре предприятия.

Однако Хаммеру пришлось принять предложение русских о выкупе государством его концессионных прав, до истечения срока их действия. Цена была назначена справедливая, признается предприниматель. Но высокоприбыльного бизнеса, единственной причины его пребывания в СССР, он лишился. Хаммер резонно винит в этом Сталина и, естественно, в отличие от Ленина, не страдает избытком к нему чувств.

Находившееся практически в безвыходном положении большевистское руководство во главе с Лениным вынужденно сформировало новую концепцию перехода к социалистическому обществу. Внедряя НЭП, они замышляли лишь временное тактическое отступление от своей стратегической цели. От ленинского категорического утверждения о том, что в недалеком будущем в общественных нужниках будут стоять унитазы, изготовленные из чистого золота, пришлось отказаться.

В новой экономической политике денежная система была признана необходимой. Для ее стабилизации была нужна твердая валюта. Таковым в качестве стандарта долженствовал стать советский червонец, на основе презираемого большевистскими ортодоксами желтого металла. Для стимуляции деятельности крестьянства вводился продовольственный налог на сельзохпродукты, впоследствии ставший денежным. Ускорить снятие товарного голода, естественно, можно было лишь разрешив, с определенными ограничениями, частную собственность, а также передав на правах концессии иностранному капиталу советских промышленных объектов.

Вместе с тем большевики усиливали рычаги государственного регулирования товарно-денежных отношений. Сохранялась правительственная монополия на внешнюю торговлю. Учреждались инструментарии долгосрочного планирования наподобие Госплана и ГоЭлРо.

В недалеком будущем противоестественное сочетание социалистических (планово-государственных) и капиталистических (рыночных или частнособственнических) подходов в экономике неизбежно должны были сказаться.

В преддверии смены премьера

На X съезде РКП(б) Сталин выступал с докладом «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», выступлением, казалось бы, не самым остроактуальным.

В его сообщении, а также заключительном слове явственно прослеживается, по меньшей мере, два императива: многочисленности наций, народностей и настоятельного требования «считаться с особенностями быта» их чиновничеству Советской страны.

Сталин акцентировал внимание на том, что существовать отдельно «без государственного союза советских республик, без их сплочения в единую военно-хозяйственную силу, невозможно устоять против соединенных сил мирового империализма ни на военных, ни на хозяйственных фронтах». Отсюда, кавказец, невзирая на неполадки со здоровьем, разного рода склоки и интриги, последовательно действует в направлении создания сильного союза республик, попутно высказываясь по другим вопросам.

23 августа 1921 года «Правда» публикует статью Сталина «Партия до и после взятия власти» – конкретную программу действий «партии в нынешний период ее развития». «Из партии переворота внутри России, - констатировал Сталин - РКП превратилась в партию мирного строительства. Именно поэтому она исключила из арсенала пролетариата ставшие теперь уже ненужными в России такие формы борьбы, как забастовку, восстание. Раньше можно было обойтись без знатоков военного и хозяйственного дела, ибо работа партии была по преимуществу критическая, а критиковать легко...», многозначительно присовокупил кавказец. «Теперь партия не может обойтись без знатоков дела, - категорично высказался Сталин, имея в виду разного рода специалистов, -...Без этого строить нельзя».

Он весьма четко и доходчиво обрисовал задачи партии в облас-

тях внутренней и внешней политики в тот период времени, а также неотложных мер по укреплению экономики государства.

Политическое поражение Троцкого на съезде партии в марте 1921 года, на которое он обрек себя сам, значительно усилило позиции Сталина в ЦК. В следующем году, в апреле, состоялся XI партийный форум с неизбежными пертурбациями в верхушке. Сталина выбрали на нем членом Секретариата и в знак признания старшинства в новом секретарском трио (остальными членами были Молотов и В.В. Куйбышев) присвоили ему титул Генерального.

Центральной партийной машины сам Сталин непосредственно не создавал. Когда он вступил в должность генсека, то оказался во главе обширного, хорошо функционировавшего аппарата ЦК, сформированного за пять лет усилиями Свердлова, Крестинского, Молотова.

С момента избрания его генсеком, кавказец, очевидно, окончательно ощутил в себе силы стать единоличным лидером. В то же время нет веских оснований полагать, будто у него случился конфликт с терявшим физические силы Лениным. Разногласия с ним были чуть ли не обыденным делом в среде большевистских вожаков разных калибров. Стало чуть ли не модой оппонировать Ленину по самым разным вопросам, а также писать ему длинные исповедальные письма с выражениями всех своих сомнений и колебаний, а также претензий и упреков.

Ильич, что являлось одной из отличительных черт характера, никогда не гнушался столь же пространно ответить и подбодрить упавшего духом сотрудника либо союзника, которых он считал ценными. Даже на весьма существенные попреки, чуть ли не обвинения, Ленин не обижался и протягивал в ответ руку, объясняя их единственно состоянием «большого нервного раздражения и переутомления». Подобным образом он оценил состояние дипломата Иоффе (в конечном счете, сошедшего с ума) в период подавления восстания в Кронштадте и в качестве образчика стойкости назвал Сталина.

Последний, довольно часто навещавший больного Ленина, опубликовал в сентябре 22 года в «Правде» заметки о пребывании вождя на отдыхе. Лаконичные строчки буквально искрятся доброжелательностью в отношении серьезно хворавшего Ленина. Одновременно, Сталин с фотографической точностью запечатлел хаос мыслей, скрывавшихся за черепной коробкой вождя, о чем более подробно ниже.

Однако было от чего закружиться голове даже у более опытного и искушенного правителя. Финансовая система, суть кровеносная

для любого хозяйственного организма, продолжала пребывать в расстроенном состоянии. Острая нехватка твердой валюты исключала шансы на быстрый подъем промышленности.

Правда, уцелевшее от голода крестьянство, начало подавать признаки жизни и, ввиду благоприятных погодных условий, страна вроде бы была обеспечена хлебом.

Незавидное положение государства усугубляла монополия на внешнюю торговлю, установленная декретом СНК от 22 апреля 1918 года и неоднократно подтверждавшаяся постановлениями правительства. Переход к НЭПу и некоторое увеличение торговых связей с заграницей диктовали необходимость внесения изменений в законодательство по внешней торговле.

Дебаты в большевистском руководстве по данному вопросу начались в конце 21 года и продолжались целый год. Против позиции Ленина – сохранения статус-кво, выступили Сокольников, Бухарин, Пятаков. За ослабление монополии внешней торговли высказывались Сталин, Зиновьев, Каменев…

Самым важным итогом 22 года, помимо окончательной утраты Лениным дееспособности, явилось образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – государственно-правовой консолидации России без остова самодержавия. И вновь не обошлось без жарких дискуссий, вылившихся в крупный скандал, отягощенным рукоприкладством, когда темпераментный Орджоникидзе ударил по лицу своего земляка А.А. Кобахидзе. Справедливости ради надо отметить, что Кобахидзе спровоцировал вспыльчивого Серго оскорбительным выражением и обвинением в коррупции.

Узаконить отношения РСФСР с как будто независимыми национальными республиками было поручено комиссии во главе со Сталиным. Комиссия разработала проект резолюции, которым предусматривалось вступление Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии в Российскую федерацию на правах автономных республик. Против чего яро выступил лишь ЦК КП Грузии, ратуя за непременное сохранение «всех атрибутов независимости».

Ленин немедленно поддержал позицию грузин, выступив против идеи об автономизации национальных республик и объявив войну великодержавному шовинизму. На состоявшемся 5-6 октября пленуме ЦК мнение Ильича (не присутствовавшего на форуме партии) по этому вопросу возобладало. Но в отношении ослабления монополии внешней торговли были сделаны определенные подвижки. При-

звав на помощь Троцкого, слабеющий Ильич все же одержал вверх в затянувшейся борьбе вокруг монополии внешней торговли.

12 декабря Ленин выслушал Дзержинского, доложившего о результатах расследования грузинской склоки. На следующий день он провел двухчасовую беседу со Сталиным, которая оказалась последней. Приступ болезни, последовавший 16 декабря, явился началом периода окончательного ограничения активности. Принимать непосредственного участия в политических делах, невзирая на все усилия, он больше никогда не сможет.

21 декабря Ленин как будто с разрешения профессора О. Ферстера продиктовал Н.К. Крупской небольшое письмо Троцкому с выражениями удовлетворенности исходом борьбы за сохранение монополии внешней торговли и пожеланием «продолжать наступление». На следующий день Каменев прислал Сталину записку, в которой сообщал, что ему ночью звонил Троцкий и проинформировал о послании Ленина. Генсек откликнулся мгновенно, посоветовав Каменеву не суетиться и выразив недоумение организацией переписки с Троцким «при абсолютном запрещении Ферстера». Одновременно, Сталин позвонил супруге вождя Крупской. Он невежливо обошелся с ней и грозил санкциями партийной контрольной инстанции. Причем по свидетельству сестры Ленина «Н.К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и пр.». Оправившись, 23 декабря Крупская апеллировала к Каменеву и Зиновьеву в связи с тем, что «Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку». Общими усилиями неприятный для всех действующих лиц инцидент был вроде бы заглажен. При этом Ленину, вероятно, стало о нем известно тотчас же.

Спустя несколько дней принимается декларация об образовании СССР, решающий вклад в формирование которого внес Сталин. Явными признаками признания его заслуг явилось право выступления на последнем Всероссийском съезде Советов, об объединении Советских Республик. И предоставленного ему сразу же на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 года права зачтения торжественного доклада «Об образовании Союза Советских Социалистических республик». Советский Союз образовали РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская СФСР (включала Грузию, Армению, Азербайджан).

Но в начале марта 1923 года случай, с якобы незаслуженно грубым обращением генсека с Крупской, видимо, по инициативе последней неожиданно получил свое продолжение. Ленин продиктовал

дежурному секретарю короткую записку Сталину, помеченную грифами «Строго секретно» и «Лично», но посланную в копии Каменеву и Зиновьеву. В записке Ленин ставил Сталина перед выбором. Представить исчерпывающие извинения за грубость в отношении Крупской, или порвать между ними отношения. Когда до Сталина довели ленинский ультиматум, он незамедлительно предпочел первый вариант, не дошедший до адресата.

Одновременно с запиской генсеку Ленин черкнул Троцкому послание, где просил его взять под защиту грузинское дела в ЦК, утратившего свою актуальность. Он апеллирует безуспешно, а также настаивает на отправке в Грузию телеграммы (в преддверие тамошнего второго съезда ЦК партии) с осуждением грубости Орджоникидзе и «потачками Сталина и Дзержинского». Судя по недоуменному тону текста записки Сталина, он явно успел подзабыть о стычке с женой Ленина и своим «старым партийным товарищем».

«Я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть». Впрочем, резюмировал генсек, если для сохранения отношений необходимо взять назад какие-то якобы обидные выражения, «я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят».

На очередном форуме партии (на котором так и осталось неосуществленным намерение Ленина, как уверяла Крупская, разгромить Сталина политически), кавказец выступал с организационным отчетом и тезисами «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», одобренными ЦК. Они вызвали изрядные многодневные споры на секции съезда по национальному вопросу.

Тем не менее, позиция Сталина, спокойно и взвешенно приводившего свои аргументы возобладала. В частности, он несколько утрированно и категорично объявил об определенном столкновении наций и народностей. Однако «из-за того, что одна культура выше другой, нельзя принижать значение местной культуры, наоборот, ее надо развивать и поднимать». Относительно меньших народов Сталин веско заявил: «научно национальными меньшинствами признаются такие группы, которые не имеют своей территории», которые вкраплены в другие территории. «Если вы думаете сюда причислить узбеков, ошибаетесь, у них есть своя территория. Если вы думаете причислить сюда киргизов (генсек имел в виду преимущественно

казахов), ошибаетесь, у них есть своя территория. Надо иначе формулировать...»

Наступило лето, и большинство высокопоставленных цэкистов уехало на юг отдыхать и лечиться, оставив Сталина буквально разгребать авгиевы конюшни текущих дел. Одновременно, предъявляя ему претензии за проявление как будто бы своеволия при решении самых пустяковых вопросов. На что потерявший терпение, в конце концов, Сталин несколько меланхолично приписал в одном из писем Бухарину и Зиновьеву. «P.S. Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тут тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь «виноватым». Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои».

Полная недееспособность Ленина увеличила раздоры среди руководителей государства. Троцкий и другие вновь и вновь возвращаются к совершенно иллюзорным перспективам экспорта революции.

Кризисная ситуация в Германии летом 1923 года превратно истолковывалась как исключительно предреволюционная. Разрабатывался даже план мобилизации частей Красной Армии, если будет необходимость, для оказания военной помощи как будто восстававшему германскому пролетариату. Более чем подавляющее большинство из числа высшего руководства вместо решения насущнейших проблем страны озабочено, в первую очередь, личными амбициями и выступлением с малоконструктивными инициативами.

По приезду из Кисловодска Троцкий незамедлительно выступил с шумными демаршами. Скандал разразился на первом же пленуме ЦК партии. Протестуя против расширения состава РВСР за счет членов ЦК (в том числе Сталина), Троцкий демонстративно покинул зал заседания. За ним следом была послана целая делегация, однако смутьян проигнорировал уговорщиков и не вернулся на пленум. После чего настрочил членам ЦК и ЦКК длинную петицию с претензиями спекулятивного содержания.

Подчиненные следуют примеру своих вождей, невзирая на строгие запреты о недопустимости применения методов фракционной борьбы. 46 далеко не рядовых партийцев направляют в Политбюро ЦК письмо, ставшее программой оппозиции. Подпись Троцкого отсутствует, но вдохновителем так называемой платформы 46-ти был именно последний. Поднялся изрядный переполох, вынудивший большинство членов Политбюро прибегнуть к контрмерам.

Троцкий официально был признан «центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии». Тут уж пошла «писать и гулять губерния» в полную мощь.

А Президиум ЦКК счел необходимым созвать в кратчайший срок объединенный пленум, «на котором должны быть поставлены возбужденные Троцким вопросы». На пленуме виднейшие члены партии и представители 10-ти крупнейших парторганизаций практически единодушно осудили Троцкого и его сторонников. Но последние отнюдь не успокоились. И вновь среди партийных функционеров разгорелась жаркая дискуссия, в которой Сталин не остался в стороне.

Выступая от себя лично 2 декабря на расширенном собрании Краснопресненского райкома РКП(б) города Москвы, он авторитетно заявил, что «дискуссия – признак силы партии». Далее выступавший обстоятельно проанализировал причины споров о внутрипартийной политике. Сталин предупредил собравшихся о неотъемлемом наличии некоторых внутренних элементов, разъедающих партию, и о том, что «с другой стороны нас обволакивает новая атмосфера зарождающейся и растущей буржуазии, которая еще не так сильна, но которая уже сумела побить некоторые наши кооперативы и торговые органы в деле внутренней торговли».

В завершение генсек вновь предостерег партийцев от крайностей: «...обсуждение вопросов необходимо, дискуссия нужна, но нужны и пределы дискуссии», предохраняющие от «вырождения в дискуссионный клуб».

На очередной конференции РКП(б), состоявшейся в конце второй декады января нового года, ярые дискуссионеры потерпели сокрушительное политическое поражение.

А спустя нескольких дней поступило известие о физической кончине Ленина, которое явилось сильным стимулом для соискателей вакантного кресла главы государства.

Секреты болезни и смерти

По общераспространенному мнению Ленин умер вследствие перенесения трех инсультов, нанесших сильные удары его мозговому кровообращению и, в конечном счете, приведших к летальному исходу.

В конце мая 1922 года случился «первый приступ болезни Ленина, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и

расстройству речи». К середине июня наметилось улучшение в состоянии здоровья вождя пролетариата. Осенью он вернулся к работе, хотя было совершенно очевидно, что силы Ильича серьезно подорваны. Но консилиум в составе профессоров О. Ферстера, В.В. Крамера и Ф.А. Готье разрешил Ленину приступить к работе с 1 октября. В конце ноября эскулапы «предписывают Ленину неделю абсолютного отдыха». 7 декабря он вынужден покинуть заседание Политбюро ЦК, а затем уехать в загородную резиденцию Горки. Откуда через четыре дня возвращается в московскую квартиру.

13 декабря отмечаются два приступа болезни. «С большим трудом, - записано в истории болезни Ленина, - удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич, в конце концов, на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела».

16 декабря наступает «резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина». А в ночь с 22 на 23 декабря наблюдается «дальнейшее ухудшение в состоянии здоровья Ленина: наступает паралич правой руки и правой ноги». Однако Ленин в тот же день просит врачей разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут один якобы необычайно важный вопрос. А затем требует, дабы ему было дано право ежедневно, хотя бы в течение короткого времени подобного общения с дежурными секретарями.

4 февраля 23 года у Ленина побывал немецкий профессор Ферстер, «который наговорил ему много приятных вещей, разрешил гимнастику, прибавил часы для диктовки статей», чем Ильич остался весьма доволен.

Неделей спустя тот же Ферстер сильно расстроил больного, категорическими запретами на газеты, свидания и любую политическую информацию. (Очевидно, ему досталось от Сталина за чрезмерно оптимистическую оценку состояния Ленина).

25 февраля доктор А.М. Кожевников записал, что Ленин утром «читал и разговаривал о делах... Вечером читал и диктовал больше часа».

На исходе первой декады марта произошел новый приступ болезни вождя, приведший к усилению паралича правой части тела и потере речи. В «Известиях» печатается сообщение об этом факте, а также о том, что правительство признало необходимым начать «публикацию медицинских бюллетеней о ходе болезни Ленина»...

Таков краткий, весьма поверхностный и далекий от полноты анамнез – история заболевания Ленина, недуг которого был обусловлен, несомненно, психогенными причинами.

Ключом к его разгадке служат патетические слова Крупской на траурном заседании съезда Советов: «**Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным** (*выделено мной – М.А.*). Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту».

То есть исключительная ленинская целенаправленность на одной проблеме, которой так восхищался Карр, была суть идеей-фикс.

Борьба со всеми мыслимыми и немыслимыми поработителями трудового люда все больше и больше овладевала сознанием Ленина, превратившись, в конечном счете, во всепоглощающую манию. Еще в молодости он изрядно настрадался от болей в области желудочного тракта. Обратившись однажды за консультацией к одному крупному швейцарскому специалисту, Ленин был поражен его диагнозом. В вашем болезненном состоянии повинен ваш мозг, то бишь нервы, безапелляционно объявил врач. Следовательно, напряженная умственная деятельность усугубляла физические недомогания и была ему практически противопоказана.

Ильич намеренно чуждался больших и малых человеческих хобби и увлечений, коими так полон мир людской и которые так расцвечивают порою жизнь. В школьные годы ему очень нравилось кататься на коньках, но он слишком уставал – хотелось спать после этого. Посему юный Володя Ульянов забросил коньки. После возвращения из Сибири он перестал играть в шахматы – игра слишком увлекала и отнимала много времени. Однажды Ильич загорелся изучением латинского языка и вновь бросил. Так как равно как и в других случаях, увлечение латынью мешало другим, основным занятиям.

После октябрьского переворота он признавался Горькому, что не может часто слушать классическую музыку: «...действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по голове никого нельзя – руку откусят, и **надобно бить по головкам, бить бесжалостно, хотя, мы в идеале, против всякого насилия над людьми**...» (*выделено мной – М.А.*).

Следовательно, Ленину мир представлялся исключительно негативными красками – черными, в лучшем случае, темно-коричневыми. Вероятнее всего он бессознательно воображал себя своего рода

мессией. Всадником апокалипсиса на белом коне, призванном сражаться со злом, именуемом эксплуатация пролетариата, до победного конца.

Внешне смехотворным, но если вникнуть довольно жутковатым выглядит настоятельное намерение Ильича воспрепятствовать, в марте 18 года «в телеграфном ведомстве» такому распределению «рабочего времени: 24 часа дежурства и затем три дня отдыха». Он грозно вопрошает: «Какие меры, когда и кем приняты для прекращения такого явно неправильного и недопустимого распределения работы». Ленин явно усмотрел в подобной практике нещадную эксплуатацию трудящихся.

В конечном счете, после непрестанного напряжения не выдержала психика вождя, вследствие чего нарушилось мозговое кровообращение, что исключительно пагубно сказалось на физическом состоянии, а затем уже произошел полный распад личности.

Чем больше времени проходило с тех пор, как Ленин взвалил на себя неподъемную для него ношу – управление огромным государством, тем сильнее истощался его, в общем-то, крепкий организм.

Видный партиец Н.А. Угланов оставил свидетельские показания о состоянии Ленина спустя без малого месяц после октябрьского переворота. «Он был страшно измучен, еле держался на ногах, в истоптанных щиблетах и измятом пиджачке», тем не менее, выступил с зажигательной речью на заседании рабочей секции Петроградского Совета.

В декабре 17 года Крупская пожаловалась Коллонтай, что Ильич плохо спит и явно переутомлен физически. Он все больше напоминал испорченные часы, механизм которых исправно тикал, но стрелки разбегались в разные стороны. Вскоре Ленин уже сам все чаще сетует на физическое изнеможение и потерю сна. Как ни странным донельзя может показаться, но ранения, нанесенные террористкой Каплан, очевидно в какой-то степени помогли ему отдохнуть психически.

8 ноября 1919 года «Ленин читает приглашение сотрудников и членов ЦК РКП(б) прийти на вечер, посвященный второй годовщине Великой октябрьской социалистической революции; пишет ответную записку с благодарностью и извинениями за то, что не может прийти в связи с заседанием Совета Обороны и **переутомлением**».

В биографической хронике за 1920 год отмечается: «Февраль, между 10 и 16. Ленин болен и по настоянию врачей находится на постельном режиме». Но это не означает, что он наслаждался ничегонеделаньем. Здоровье Ильича заметно ухудшалось с каждым прожитым месяцем, неделей, днем. В письме иностранцу Вандерлипу

Ленин открыто жалуется, что прошедший съезд партии «отнял у меня так много времени и сил, что я теперь очень устал и болен».

Через 9 месяцев, 6 декабря 1921 года, он в прямом смысле начеркал, в частности, такие строки Горькому: «Очень извиняюсь, что пишу наскоро. **Устал дьявольски. Бессонница**. Еду лечиться». В тот же день он написал Молотову: «Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, **бессонница чертовски усилилась** (*выделено мной – М.А.*). Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов».

Сильное нарушение сна – весьма грозный симптом серьезного истощения нервной системы. Однако, хотя с 6 декабря по 13 января 22 года Ленину положено отдыхать в Горках, он весьма активно занимается трудом, если можно назвать таким термином его деятельность. Лечащий врач обязывает Ильича обратиться в Политбюро ЦК партии с просьбой о продлении отпуска на две недели. Он формально дисциплинированно подчиняется требованию медика, но продолжает упорно гнуть свою линию.

31 декабря ввиду состояния вождя на заседании Политбюро в очном порядке принимается решение: «Предоставить В.И. Ленину 6-недельный отпуск с 1 января 1922 года **с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения Секретариата ЦК** (*выделено мной – М.А.*). С обязательством назначить определенный один час в день для переговоров по телефону по наиболее важным вопросам».

Ленин вынужден уехать в некий совхоз около подмосковной деревни Костино. А затем отправляется в Корзинкино близ села Троицко-Лыково Московского уезда, в котором живет до 25 марта. Он плохо уживается в московской глубинке (по причине неких «анекдотов») и строит планы лечения и отдыха своей семьи на Кавказе.

Намерение так и не осуществилось, ибо Ленин как будто опасался, что из дальней поездки не вышло одно утомление, «ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов». «Найдите человека внимательного к мелочам, - заключал свое послание Ильич Орджоникидзе – и пусть он сделает поаккуратнее». О каких мелочах растолковывал придирчивый вождь кавказцу, что он подразумевал под «анекдотами», осталось неясным.

Возможно, Ленин добивался сходных с европейскими, наподобие швейцарских, условий бытового комфорта. «Зацикленный» на борьбе с капиталистами Ильич с преступно-легкомысленным небре-

жением относился к своему здоровью. Когда специально приехавший в Москву из Петрограда, не позднее 12 сентября 1918 года, Горький впервые повстречался с Лениным в России, он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей. На выражения сочувствия литератора вождь пренебрежительно махнул здоровой рукой: мол, на войне как на войне.

Удивительно, но он так и не удосужился извлечь все пули, засевшие в теле вследствие покушения. Один из кусочков свинца был извлечен в больнице 23 апреля 1922 года. В связи с чем Ленин какбудто припозднился с ответом на замечания по поводу работы заместителей по СНК. «Я извиняюсь за опоздание моего ответа, вызванное возней с извлечением пули», - непринужденно объявил Ильич Сталину, в преамбуле своего послания.

Весьма характерными для умственно неполноценного человека, каковым с некоторого времени был Ленин, является чрезмерная забота о благе близких ему лиц и ближайших сотрудников. Весьма многочисленные депеши выражают его неподдельную озабоченность их здоровьем.

В начале июля 1921 года Ленин категорически не одобрил стремление Орджоникидзе оторвать Сталина от отдыха. А спустя две недели он осведомлялся у него о состоянии здоровья Сталина и заключения врачей об этом. И лишь затем уже переходил к делам. Судя по всему, Ленин заботился о здоровье своих сотрудников не от избытка человеколюбия, а из соображений преимущественно утилитарных. Они нужны были ему в качестве орудий для претворения в реальность его сумасбродных планов. Нередко Ильич вполне конкретно давал об этом знать своим сотрудникам письменно, называя их организмы «казенным имуществом».

24.06.22 года Ильич после врачебной консультации задержал наркома здравоохранения Семашко и, в частности, настоятельно просил передать членам ЦК: «Обязать через Политбюро т. Сталина один день в неделю, кроме воскресенья, целиком проводить на даче за городом». Любопытно, что 13 июля, во исполнение его воли, Политбюро обязало Сталина «проводить 3 дня в неделю за городом».

Одновременно, Ленин плохо осознавал, что его собственный организм все больше выходит из строя, хотя осведомлялся у невропатолога профессора Л.О. Даркшевича, не сходит ли он с ума. Последний успокоил больного, заверив, что у него ничего нет, кроме «простого переутомления мозга».

В то время как к декабрю 1922 года в нем произошли уже необратимые изменения, ибо улетучились последние остатки душевного равновесия. Ленин вновь и вновь порывается работать и работать, не воспринимая никаких аргументов. С большим трудом его выдворяют из Москвы в Горки, но он не унимается и очень скоро возвращается.

Подобно заезженной пластинке, Ленин постоянно обращается к вопросам предстоящего пленума ЦК, съезда Советов и другим делам. В их числе распределение работы между заместителями председателя СНК и СТО, а также набившая оскомину монополия внешней торговли.

По свидетельству М.И. Ульяновой – родной сестры Ленина, 16 декабря с вождем случился сильнейший истерический припадок: он разразился горькими рыданиями. Постоянно находясь в крайне угнетенном, депрессивном состоянии больной все чаще подумывает о суицидальном уходе из жизни. Он просит самых близких к нему лиц, в том числе Сталина, оказать ему услугу в обеспечении сильнодействующим ядом.

18 декабря пленум принимает решение, на котором настаивал Ленин по вопросу о государственной монополии на внешнюю торговлю. На нем также решено сообщить вождю, по согласованию с медиками, текст резолюции. Специальным постановлением пленум возлагает на Сталина «персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами».

Через два дня Крупская, нарушая строгий врачебный и партийный запрет, записывает излияния своего мужа, адресованные Троцкому, по потерявшему актуальность вопросу о монополии внешней торговли. Сталин, разъяренный безответственным поведением Крупской, обрушивается на нее с площадной руганью. Он понимает, что Ленину в его состоянии необходим абсолютный покой, только в подобном случае шансы на спасение оставались. И очень скоро у Ленина случился второй инсульт…

Как известно, любая болезнь практически неизлечима, если психика человека функционирует ненормально (все болезни от нервов). В клиническом случае с Лениным врачами явно была выбрана неверная тактика лечения. Пациенту, в первую очередь, необходимо было постараться обеспечить как можно более полный покой на ранней стадии и отрешить от дел. То есть попытаться подправить психику больного, а затем уже приниматься за его физическое состоя-

ние. Впрочем, вероятнее всего, они стремились к подобному, но недостаточно настойчиво. Ограничились полумерами, что никогда ни к чему хорошему не приводило. Мало кто из эскулапов понимал истинный характер заболевания Ленина. Иначе они не давали бы столь смелые прогнозы, как, например, 21 марта 1923 года. В тот день у Ленина случился как никогда многочисленный консилиум с участием вновь приглашенных заграничных профессоров.

После всестороннего обследования и подробного обсуждения истории болезни европейские медицинские светила дали заключение, которое в свете последующих событий выглядит форменным издевательством.

«...Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья. В настоящее время проявления болезни постепенно уменьшаются...»

Свою лепту в ухудшение здоровья Ленина внесла его супруга, не предприняв действенных мер по «отключению» мужа от повседневной текучки. Крупская явно не понимала всей тяжести состояния Ильича.

16 декабря 22 года, когда Ленину стало заметно хуже, она сообщила по телефону секретарю Л.А. Фотиевой, что выступать на съезде Советов он не будет. На вопрос Фотиевой о самочувствии Владимира Ильича, Крупская ответила: **«Средне, по внешности ничего, а там сказать трудно»** (*выделено мной – М.А.*).

В начале следующего 1923 года она не предприняла действенных мер, дабы воспрепятствовать супругу в умственной деятельности, создав дополнительные проблемы коллегам по партии. Особенно характерен пример с материалом «Как нам реорганизовать Рабкрин», публикация которого разрешилась исключительно партийным ареопагом.

А через день после того, как в «Правде» была напечатана статья Ленина, 11 «наличных членов» Политбюро и Оргбюро ЦК РКП, в том числе Сталин, отправили секретное письмо губкомам и обкомам, с предельно деликатным разъяснением некоторых ее положений. По прошествии более чем восьмидесяти лет после опубликования, многосложные дебаты по данному материалу кажутся смехотворными. Однако, вслед за сломанными копьями, сиречь перьями, вскоре полетели головы дебатеров...

Исключительно по недомыслию Крупская сообщила полуживому Ильичу о грубости, допущенной в отношении к ней Сталиным. А также проинформировала Ленина о предстоящем втором съезде компартии Грузии. Засим она попыталась воспрепятствовать М.А. Володичевой в передаче записки оскорбленного вождя адресату с требованиями сатисфакции. Сталин догадывался, что мозгом Ленина все больше овладевает мрак, поэтому он иносказательно выразился об этом Володичевой. Это говорит не Ленин, это глаголет его болезнь, сказал кавказец, прочитав адресованную ему записку вождя претензионного характера. Надо полагать, Володичева прекрасно поняла потаенный смысл дипломатичной фразы Сталина.

В середине марта Крупская напомнила Сталину о его обещании достать цианистый калий в качестве крайнего средства для ухода из жизни мучившегося вождя. Об этом 21 марта генсек письменно проинформировал членов Политбюро и заявил, что у него не хватит духа выполнить просьбу Ленина...

Сохранилось письменное свидетельство видного партийца Е.А. Преображенского, адресованного Бухарину, о стороннем восприятии доживавшего последние месяцы вождя пролетариата. Руководствуясь невесть какими соображениями, Преображенский летом 1923 года неоднократно посещал Горки.

«Старик (*то есть Ленин – М.А.*) находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др., глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Н.К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И все-таки к нему ходила».

То ли из праздного любопытства Преображенский вновь потащился в Горки, на сей раз с Пятаковым, «не зная точно, как себя держать» и кого он, в сущности, увидит. То, что он увидел, весьма потрясло Преображенского. Ему «стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку». Вождь, именем которого пугали взрослых закаленных мужчин, представлял собой ужасающее и вместе жалкое зрелище. Поскольку его возили на каталке, и он не мог говорить, лишь издавая порою мало понятные звуки.

«В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время». От вида Ильича застывала кровь в жилах у самого мужественного субъекта.

Ленин знал и ценил кавказца, как «человека твердого, стального,

чуждого всякой сентиментальности». Однако и у Сталина был свой предел прочности. Догадываясь об истинном состоянии Ильича, он не рисковал, вследствие этого, показываться ему на глаза...

Террорист-теоретик в мантии демиурга

Смерть Владимира Ульянова (Ленина) произошла 21 января 1924 года, за несколько дней до открытия II Всесоюзного съезда Советов. Ильич прожил неполные 54 года – последние шесть с небольшим из которых он считается правителем России.

В ее историю и всего остального мира Ленин вошел, как один из самых безжалостных разрушителей всех атрибутов российского самодержавного режима и яростных ниспровергателей буржуазно-демократического образа жизни. В его бытность на россиян обрушились неслыханных масштабов страдания и бедствия: голод и холод, болезни и смерти. Тем не менее, до сего времени можно найти немало неистовых поклонников «самого человечного» из людей.

Преподобный Ильич являлся в высшей степени специфическим доктринером и своеобразным демагогом. В его мышлении всегда присутствовали элементы иррационально абстрактные. Одним из незыблемых ленинских постулатов было категорическое отрицание полезности крупного частного капитала для широких народных масс. Он был также твердо убежден, что все зло в этом «лучшем из миров» творится из-за безжалостного угнетения чиновниками и богачами трудового люда, как будто бы абсолютно лишенного возможности присоединиться к этим сливкам общества.

Вне всякого сомнения, Ленин был деспотом, тираном и диктатором, но весьма необычным. Он облачался в тогу ученого, от владычества которого предостерегал столп анархизма Михаил Бакунин.

«Дайте ему управление, - заявлял Бакунин, - и он сделается самым несносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой. Быть рабами педантов – что за судьба для человечества. Дайте им полную свободу, **они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие, ради пользы науки, делают теперь над кроликами, кошками и собаками»** (*выделено мной – М.А.*).

Как отметил многозначительно итальянский философ и писатель Умберто Эко, надо весьма опасаться подобного рода пророков и деятелей, расположенных «отдать жизнь за истину» или за какую-то

пусть внешне самую заманчивую идею. «Обычно они вместе со своей отдают жизни многих других. Иногда – еще до того, как отдать свою. А иногда – вместо того чтоб отдать свою», - заключил мысль именитый ученый.

Ленин был в первую очередь теоретик, то есть мыслил весьма часто отвлеченными категориями, в отрыве от реальной действительности. Так, получив в 1917 году в Швейцарии весть о падении царизма, он вбил себе в голову, что у народа буржуины якобы украли победу, лишив власти. В то время как нормальным людям в сущности все равно кто взялся за бразды правления, лишь бы им жилось максимально комфортно.

Заполняя после Октябрьского переворота биографическую анкету, Ильич в графе «профессия» лаконично сообщил – литератор. До 1917 года он более всего действительно занимался публичными теоретическими изысканиями. В сущности, Ленин своими литературными опусами в тот период времени занимался интеллектуальным терроризмом. Всех тех же, кто попадал в сферу его непосредственного общения, вождь пытался методом убеждения подчинить свой воле. То есть предпринимал агрессивную мозговую атаку или производил своеобразное зомбирование личности. Только очень волевой и многоискушенный человек мог устоять перед знаменитым ленинским обаянием и не поддаться, тем самым, его пагубному влиянию.

Ленин был субъектом без общепринятых человеческих моральных принципов и обладал к тому же огромным даром внушения на ум, восприимчивый к его аргументам. Естественно, он буквально пленял своего визави кажущейся простотой общения и силой аргументов.

Несомненно, в юношестве на Ленина очень сильно повлияла казнь старшего брата Александра. То есть в борьбе против ненавистного ему российского самодержавия присутствовали личные мотивы. Печальная участь брата послужила будущему вождю пролетариата также предостережением. Акты экстремизма были небезопасны для жизней самих организаторов и исполнителей террора. Поэтому Ленин отказался от них как от якобы малоэффективных способов революционной борьбы.

Весьма характерен простодушный рассказ Крупской об оценке, данной Лениным отдельным произведениям американского писателя Джека Лондона. Она читала как-то больному вождю некоторые рассказы Лондона. Ленину весьма понравилась новелла последнего

– «Любовь к жизни», повествующая о яростной борьбе человека за выживание в экстремальной ситуации. В этом «триллере» двуногое существо одерживает вверх в драматичной схватке над четвероногим хищником – волком. Но другой рассказ Ильичу не понравился, как якобы насквозь пропитанный капиталистической моралью. Он засмеялся и махнул рукой в знак неодобрения.

Честь, порядочность и верность своим обязательствам – эти понятия были для него буржуазными, то есть неприемлемыми.

П.Д. Мальков, некоторый период времени возглавлявший комендатуру Смольного и Кремля, отмечал в своих мемуарах, что Ленин лишь казался простым и добреньким. Фактически «Ильич умел, когда надо, быть властным и суровым. Он мог, как мало кто другой, одернуть и поставить на место любого».

«Из всех людей, которых я знал, - прибавлял Мальков, - вряд ли кто другой мог так спокойно, не повышая голоса, одной-двумя фразами, скупым жестом осадить кого угодно, подчинить своей стальной, несокрушимой воле».

Считается, что Ленин являлся чуть ли не записным демократом, так как он предпочитал решать практически все вопросы коллегиально, причем с непременным письменным оформлением. На самом деле, будучи дипломированным юристом, вождь пролетариата всегда, на всякий случай, желал иметь под рукой документ для подстраховки. Помимо этого здесь проявлялся бюрократизм и излишняя склонность к бумаготворчеству Ильича.

Все ссылки на демократизм и коллективизм принятия решений при Ленине и тому подобное, более чем несостоятельны. В его бытность велась всего лишь извращенная игра в плюрализм мнений. При тотальном господстве одной правящей партии с марксистской идеологией не может идти и речи о демократическом централизме. Под этим словоблудием или казуистической фразеологией маскировался самый изощренный деспотизм. Правда, в своем стремлении постоянно опираться на мнение коллектива, к примеру, ЦК партии, Ленин был искренен, что и подкупало многих. Но, с другой стороны, оно же порождало огромное количество совершенно ненужных проблем и приводило к неоправданной волоките и проволочкам.

Решение сугубо технических либо незначительных вопросов занимало у Ленина порою львиную долю времени. Даже беглое прочтение многочисленных ленинских распоряжений позволяют сделать вывод, что он был весьма и весьма посредственным организа-

тором и администратором. Ильич слишком «разбрасывался», пытаясь «объять необъятное». То есть в практической деятельности старался отреагировать на любое самое малосущественное обращение, адресованное ему лично.

Жестокие сражения еще не закончились, безнадежно исковерканы судьбы многих, обоюдное кровопролитие достигает своего апогея, однако Ленин озабочен претензией некоего Рыбкина на реквизицию ЧК велосипеда. Он находит время собственноручно начертать в три адреса строгие телеграммы. Мало того, менее чем месяц спустя Ильич возвращается к этому вопросу. Он достаточно сурово вопрошает гомельского предгубисполкома: «Если велосипед Рыбкина был взят на время восстания, то почему он не возвращен после? Предупреждаю, что за отписку без достижения делового результата и без исправления ошибки буду привлекать к ответственности».

В силу его характера (отзывчивости ко всем и всем, якобы нуждавшимся в помощи), у Ленина начисто отсутствовала способность отрешиться от повседневной текучки и сконцентрироваться на решении важнейших вопросов. Уже к концу 20 года бедолага почти совсем зарапортовался и фактически расписывается порою в своем бессилии. То есть неспособности осмысленно и грамотно владеть управленческими рычагами в огромной стране. Он пишет управделами СНК Н.П. Горбунову: «Нашел у себя на столе прилагаемую бумагу. **Не знаю от кого**. Делом этим я очень интересуюсь. **Чувствую себя совсем больным от бессонницы** и прошу Вас поэтому понаблюсти за этим делом...» (***выделено мной – М.А.***).

Ленин частенько поругивал своих ближайших помощников, того же Горбунова, Малькова и секретарей и даже снисходил до постовых комендатуры, но это также свидетельствует о его неумении организовать работу.

Тотальная электрификация стала одним из «пунктиков» вождя. В том же декабре месяце двадцатого года он пишет две хаотичные записки Г.М. Кржижановскому, где уверяет, что «надо теперь же выработать план освещения электричеством **каждого** дома в РСФСР». Посредством применения электричества Ленин намеревался также решить проблему крестьянства с тягловой силой при пахотьбе. Он непрестанно муссировал в СТО вопрос изготовления неких электропахотных орудий (электроплугов) и явно неохотно отказался от этой абсурдной затеи. На которую ушло почти два года и было затрачено много средств и материалов.

Любознательный диктатор интересовался всем, вплоть до конкурсов на изготовление термосов, от полуведерных до 5-ведерных и вполне серьезно занимался вопросом изготовления из древесных опилок сахара.

О слабости Ленина в делах хозяйственных, помимо военных, ярче всего свидетельствует история с увеличением продуктивности Эмбинского нефтяного района. Данный проект постройки нефтепровода и железной дороги Александров Гай – Эмба получил сокращенное название Алгемба.

Признав малоэффективной перевозку остродефицитного топлива в бурдюках и прочих емкостях на лошадях, ишаках, верблюдах сквозь барханы пустынь Западного Казахстана, Ленин санкционировал строительство ударными темпами силами частей Туркестанского фронта под командованием М.В. Фрунзе и местного населения. 17 января 20 года Ильич лично телеграфировал Фрунзе, дабы он в соответствии с указаниями Троцкого развил «революционную энергию для максимального ускорения постройки дороги и вывоза нефти». Прожект постоянно находился под ленинским контролем, о ходе работ главным ответственным лицам предписывалось докладывать каждые две недели. Ленин призывал не жалеть на него средств – «не стеснять формальностями в отпуске денег и закупках Главкомгосора для Алгембы».

Город Грозный был освобожден красными 25 марта 1920 года одновременно с Майкопом. Нефтяные промыслы были целы и находились в полном порядке. Прошло еще два месяца с тех пор как Орджоникидзе вкупе с С.М. Кировым (Костриковым) и А.И. Микояном въехал на бронепоезде в нефтеносную столицу России – Баку, а Ленин продолжал слать депеши к быстрейшему завершению Алгембы.

В последующий период он несколько угомонился, но лишь еще через десять месяцев было принято решение СТО о прекращении строительства нефтепровода, а строительство железной дороги с ударного темпа переведено на обыкновенный. Итог бессмысленной эпопеи под названием Алгемба характерен для некоторых глобальных большевистских строек: колоссальный расход трудовых и сырьевых ресурсов без конечного результата. Не был построен не только нефтепровод, но и нужная во многих отношениях железная дорога.

Правда, в тот период времени главные железнодорожные магистрали страны находились в таком запущенном состоянии, что до локальных не было никакого дела. В правительстве даже официаль-

но ставились вопросы о закрытии некоторых из них. Впрочем, возможно, для Ленина какой-либо результат в проекте Алгемба не был суть важен. В первую очередь, он предполагал занять конкретным трудом высвобождавшихся красноармейцев. Именно в самом начале 20 года в СНК и Политбюро ЦК дозрело решение «об использовании воинских частей на хозяйственном фронте», так как конец ожесточенной гражданской междоусобицы был не за горами и кормить массу вооруженных людей даром большевистские вожаки не собирались. Совершенно невозможно представить, что случилось бы в обозримом будущем, не умри Ленин сразу же после внедрения новой экономической политики.

На XI партийном съезде в 1922 году он произвел определенную сенсацию своими сверхжесткими заявлениями. В основном докладе вождь сказал, что НЭП – отступление, трудная военная операция, требующая особой строгости дисциплины. Объяснив, что жестокость необходима не только против внешних врагов, но и «по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам», Ленин, в сущности, угрожал внутрипартийной оппозиции пулеметным огнем, тем самым, признаваясь в своей неспособности руководить кроме применения методов исключительно репрессивного характера. К благу для России его песенка была уже спета, и на авансцену выдвинулся Сталин.

Противопоставление: Ленин и Сталин. Взаимоотношения Сталина с Лениным имели место в течение почти двадцати лет. Срок достаточно большой и, естественно, в отдельные периоды они были разными. Сокрушительный бег времени постепенно улетучивал пылкую юношескую восторженность кавказца. По мере того, как он набирался жизненного опыта, а также конспиративно-революционной деятельности, отношение к Ленину не могло не претерпеть эволюционных изменений.

И все же, несмотря на отдельные эпизодические разногласия, временами довольно значительные, Владимир Ульянов (Ленин) навсегда остался для Сталина подобием эталона политика. До конца жизни он называл себя учеником великого Ленина. Хотя, безусловно, Сталин, имевший другой психологический тип характера, в корне от него этим отличался. Очевидно, над кавказцем довлел ленинский успех 1917 года.

По мнению Сталина, Ленин совершил тогда замечательный подвиг – пришел к власти на Матушке-Руси. Причем не только захватил политическое первенство, но и сумел удержаться на троне в огром-

ной стране, изобиловавшей доморощенными наполеонами. Его всеобъемлющая преданность идее вместе с личным бескорыстием и неприхотливостью, являлись образцом для подражания Сталину.

Что и побудило сомневающегося и более благоразумного Сталина возобновить в 1917 году фактически прерванное сотрудничество. Прерванного до такой степени, что Ленин успел забыть настоящую фамилию Сталина, что было ошибочно посчитано как свидетельство малой значимости кавказца. Фактически же, лыко в строку необходимо поставить Ленину, ввиду его невнимательного, до пренебрежения, отношения к ценнейшему сотруднику. Сталин не озлобился на Ленина и коллег на то, что, взяв обязательство всемерно содействовать организации побега, его оставили прозябать в такой глуши. А сами вполне беззаботно проживали в гораздо более цивильной части света.

Вопреки общераспространенному мнению, он не отличался мстительностью и злопамятностью, но и серьезных обид не забывал.

По многим параметрам Ленин и Сталин существенно разнились. Последний, в отличие от Ленина, не питал склонности к чрезмерному теоретизированию и не парил высоко в облаках, а был вполне земным человеком, знавшим жизнь не по книгам и понаслышке.

Как проницательно отметил в 1937 году немецкий писатель Лион Фейхтвангер, Сталин близко знаком с нуждами крестьян и рабочих и «действительно является плотью от плоти народа».

Еще одним обстоятельством существенно отличается Сталин от Ленина. Он не боялся взять лично на себя ответственность за принятие какого-либо решения. Главным образом поэтому на Сталина приклеили ярлык тирана.

В многочисленных излияниях Ленина он весьма часто искал рациональное зерно при принятии решений. В меру своего разумения, Сталин использовал порою некоторые не вполне отчетливо продуманные ленинские высказывания.

Поскольку кавказец был преимущественно человеком практических действий, ему пришлось конкретизировать теоретическое наследие Ленина в соответствии со своими убеждениями.

Относительно последних, несомненно, у Ленина они практически отсутствовали. Главным принципом Ленина было отсутствие каких-либо убеждений, кроме жгучей ненависти к «эксплуататорам».

Он не был аскетом в строгом соответствии со значением этого определения, но к своей частной жизни Ленин относился с полным

пренебрежением. Фигура Сталина выглядит в этом отношении более человечной. Однако не только в отношении отказа от небольших житейских удовольствий Сталин не следовал ленинскому примеру. Главным отличием между ними являлось то, что Сталин в отстаивании национальных интересов России действовал намного более последовательно и принципиально, чем достопочтимый интернационалист Ильич.

Исследователи, уверяющие, что Сталин не преминул бы покуситься в будущем и на Ленина, довольно близки к истине. Их пути все больше и больше расходились, поскольку Сталин в первую очередь думал о благе России и своих соотечественников.

Ленин же не уставал печься преимущественно о нуждах пролетариев всех стран, а также знакомых ему лиц, которых не обязательно считал полезными. Характерный для него случай произошел в бытность относительной дееспособности.

Прослышав о болезненном состоянии эмигранта Мартова, Ленин попросил Сталина послать ему некую толику валюты. Кавказец практически оскорбился и довольно невежливо воскликнул: «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря».

Сестра Ленина узнала о данном эпизоде со слов других, но сомневаться в нем не приходится. Как и в том, что Ильич был крайне обескуражен. Однако виноват он сам, поскольку неудачно выбрал неподходящий объект для пересылки денежной помощи.

Та же Мария Ильинична вполне категорически (публично и конфиденциально) отвергла утверждения оппозиции о полном «разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В.И.»

Во время наиболее острой фазы кризиса с Крупской, Сталин «имел очень расстроенный и огорченный вид» и просил Ульянову при случае заверить Ильича в своем неизменном расположении.

Как ни бывал Ленин раздражен поведением Сталина, он был вынужден мириться с отдельными замашками и привычками, как-то табакокурение, которое Ильич не переносил.

В сентябре 1921 года, разногласия, имевшие место в среде руководства Петроградской парторганизации, достигли наивысшей точки. Как всегда, главным миротворцем оказался Ленин. Основных спорщиков вызвали в ЦК и до официального разбирательства была осуществлена приватная встреча с оппонентами Зиновьева на квартире Сталина.

«Во время нашей беседы, - записано у Угланова, тогдашнего секретаря Петроградского губкома партии, - т. Сталин ходил по комнате и курил все время трубку. Владимир Ильич, посмотрев на т. Сталина, сказал: **вот азиатище – только сосет!** Тов. Сталин выколотил трубку…».

Резюме раздела. Еще не успело затихнуть эхо от сражений в Крыму, как страну постигло очередное ужасное бедствие: от голода умерло не менее 5 миллионов россиян.

Из числа высшего руководства лишь один Сталин предпринимал упреждающие его реальные акции.

В условиях полной разрухи НЭП представлялся частью большевиков панацеей от всех бед. Избрание кавказца генсеком партии симптоматично. К тому времени ЦК РКП(б) полностью доминировал над другими главными властными структурами –ВЦИК, СНК, включая их гибрид СТО.

Председатель последних – Ленин, по причине перманентно ослабевавшего здоровья, а также все более обнаруживавшейся неспособности четкого руководства, постепенно терял бразды правления. Он все больше становился фигурой скорее номинальной, но достаточно влиятельной, чтобы провести угодные ему решения.

Не назначив официально правопреемника, Ленин не столько оставлял вакантным пост лидера страны, сколько вынуждал своих ближайших сотрудников биться над проблемой поиска курса, предназначенного радикально улучшить положение страны.

V
Определение дальнейшего пути

«Диктатура пролетариата не есть самоцель. Диктатура есть средство, путь к социализму»

И. Сталин

Зарождение мифологии и кульбиты преемственности

С физической кончиной Ленина на большевистском Олимпе образовался не просто определенный вакуум своеобразных авторитетных властных полномочий. Некоторых из коммунистических и

советских лидеров, а также рядовых партийцев, помимо неподдельной скорби, охватили чувства растерянности и покаяния. Иные в одночасье ощутили себя как бы осиротевшими несмышлеными детьми. Другие оказались как бы без вины виноватыми: они продолжали свои якобы никчемные жизни, в то время как, увы, их гениальнейший пророк столь преждевременно покинул земную юдоль.

Большевистские вожаки за время полной недееспособности Ленина успели привыкнуть к его, казалось бы, незримому присутствию. На расстоянии вытянутой руки оказалось осуществление глубоко порочной идеи – сооружения мавзолея, нового Гроба Господня. Откуда, отсутствуя физически, Ленин, как некогда вознесшийся на небо Христос, как будто по-прежнему направлял и вдохновлял движение своим учением – ленинизмом. Так были заложены предпосылки к обожествлению Ильича.

Всецело поглощенные самими собой и преимущественно личными делами, «сподвижники» практически позабыли про полумертвого лидера (что, в общем-то вполне естественно, ненормальным было бы, если бы они денно и нощно думали единственно о нем одном).

О состоянии здоровья Ленина в последний год его жизни циркулировали разные слухи. Даже такие крупные партийные работники как Калинин, Киров, Ярославский и другие не имели представления об истинном положении.

О том, что Ленин, в сущности, «съехал с катушек», знал самый узкий круг: Сталин, Каменев, Зиновьев, Троцкий. Из них, в 22 году Сталин наиболее часто посещал Ленина. Хитрый Зиновьев был в Горках у Ильича лишь дважды, соответственно, 1 августа и 2 сентября. И, очевидно, первым поставил на нем крест – без стеснения примеряясь к креслу премьера. Из оставшейся неоконченной книги Зиновьева о Ленине просматривается первоначальная реакция на его смерть.

В Большом театре тогда бурлил съезд Советов РСФСР. Сталин и Зиновьев сидели рядышком в небольшом помещении, примыкавшем к основному залу. Позади них находился телефонный аппарат, специально установленный на время работы съезда. Неожиданно позвонила сестра Ленина Мария Ильинична и попросила подойти срочно Сталина и как будто Зиновьева. Естественно, к телефону подошел Сталин и услышал скорбную весть.

«Он тотчас же передал его мне (*телефонный аппарат - М.А.*), - писал Зиновьев. - Здесь провал в памяти. Не помню, что ощущал. Постояли оба сраженные. Потом решили пока собранию ничего не

объявлять. Помню, позвонили в Горки, что мы сейчас туда выедем. Затем пошли ко мне домой в Кремль...»

После некоего периода смятения первые персоны партии и государства решили «искупить вину» и воздать усопшему небывалые доселе почести.

Достоверно неизвестно, кому принадлежит прерогатива в осуществлении захоронения диктатора на Красной площади. Несомненно одно – Сталин был одним из главных действующих персонажей претворения сего действа в реальность и отличился последовательностью в поддерживании культа личности Ленина.

К тому времени (смерти тирана), на Красной площади уже существовал революционный некрополь. Вооруженные столкновения, имевшие место осенью 17 года в Москве, были более ожесточенными. Наконец, когда почти недельные бои прекратились, победители решились на создание прецедента. Так, 23 ноября, свыше 200 погибших со стороны большевиков были торжественно захоронены на Красной площади, существенно изменив ее общественное значение. Начало превращению главной площади Москвы в пантеон общенационального значения было положено.

Первое время после Октябрьского переворота все мероприятия на Красной площади носили преимущественно траурно-мемориальный характер. Но постепенно они все больше принимали форму торжественных демонстраций в честь перманентно возрастающего могущества России, львиную долю в которое внес Сталин.

Смерть Ильича прямо поставила вопрос, который давно занимал отдельных разобщенных партийных и советских руководителей. Она же временно объединила их, заставив до поры до времени тщательнее спрятать амбиции.

Особняком остался как всегда Троцкий, не удосужившийся приехать на похороны, что, несомненно, весьма негативно было воспринято большинством партийцев.

Между тем, положение, в котором оказалось большевистское руководство в период после смерти Ленина, весьма наглядно показывает, насколько трудноразрешимой может стать проблема преемственности. Преемственности, означающей легитимность властных полномочий, а не процесса, как такового продвижения претендента на Олимп.

Намеренно не обозначив преемника, Ильич в своем так называемом завещании сделал акцент на коллективном управлении. Безропотно согласившись с волей вождя, партийная верхушка первона-

чально старалась придерживаться подобной установки. В ее представлении мало кому был по плечу «кафтан» Ленина, то есть, как будто бы никто из руководителей не обладал и малой толикой ленинского авторитета.

Начинавший расцветать пышным цветом культ личности Ленина в определенной степени осложнил процесс передачи высшей власти. Ильича, даже после смерти, постановкой задачи посмертного выполнения им функций верховного вождя неизменно изображали главой большевистского движения.

Однако как бы замечательно не был набальзамирован Ильич, действовать бесконечно «по Ленину», с оглядкой на гробницу, представлялось невозможным, без наличия наилучшего толкователя ленинизма из плоти и крови. В теоретические изыски по формированию конкретного руководства к ленинскому учению немедленно бросились все большевистские лидеры и, прежде всех, Бухарин и Зиновьев.

Сталин не остался в стороне и праздновал наибольший успех. Своей работой «Об основах ленинизма» он внес не только весомый вклад в теорию большевистского движения, но и добился значительного успеха на пути к правопреемственности. Остававшийся вакантным «трон» должен был быть кем-то занят. Партия, государство не могли вечно существовать без пастыря, взваливающего на себя личную ответственность за поступательное движение вперед. Сталин оказался единственным из виднейших вожаков, кто в полной мере осознавал данный аспект. И хотя, выступая на XIV съезде партии, он во всеуслышание обмолвился, что нельзя руководить «партией вне коллегии» и глупо даже «мечтать об этом после Ильича», подспудно кавказец не забывал о многовековых устоях «немытой» России – страны монархов, государства крепостных.

С 23 по 31 мая 1924 года состоялся первый после смерти Ленина и тринадцатый по счету партийный форум. За несколько дней до открытия съезда недалекая Крупская передала в ЦК запечатанные конверты, мотивируя выполнением якобы воли усопшего вождя. Тем самым, она предала огласке ленинские нелестные характеристики ближайших сотрудников, вызвав среди них определенное замешательство. Формулировка «посмертная воля Ленина» произвела магическое впечатление, однако малоактуальное предложение усопшего вождя «обдумать способ перемещения Сталина» с поста генсека не было принято во внимание партийцами.

Щепетильный Сталин, тем не менее, был удручен досадным ин-

цидентом и без особой необходимости счел нужным все же подать в отставку. 19 августа того же года с подобного рода заявлением он вновь апеллировал к пленуму ЦК. При этом Сталин мотивировал свою отставку главным образом невозможностью в дальнейшем «честной и искренней совместной политической работы» в Политбюро с «тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина».

Однако, как и предыдущий, его демарш не возымел действия, Сталин остался на посту генерального секретаря. Должности все более и более весомой в стране, чего не осознавали в полной мере его конкуренты. Воодушевленные покладистостью Сталина большевистские вожди развернули полномасштабную борьбу за вожделенное неформальное первенство в партии и, следовательно, государстве.

Вдохновившись трениями в руководстве партии, Троцкий выступил вновь и снова неудачно. Так как ослепленный непомерным самомнением не только не думал о поиске союзников, но не щадил никого из триумвирата в составе Сталина, Каменева, Зиновьева и несколько обособленного Бухарина. В начале 1925 года Троцкий был официально устранен с поста наркомвоена и председателя РВС, однако не был исключен из партии и даже оставлен в Политбюро.

Несмотря на категорические запреты раскольнической деятельности, высшие партийные функционеры, тем не менее, всегда подразделялись на отдельные группировки. В 1924 году в Политбюро ЦК РКП(б) были представлены четыре основные фракции. Во главе одной из них стоял Сталин. Каменев и Зиновьев были равноправными лидерами фракции, опиравшейся на Ленинградскую (Петроградскую) партийную организацию, которой руководил последний. Троцкий был руководителем наиболее радикальной (левой) фракции, в которую входили такие известные революционеры, как Пятаков, Радек и другие. И наконец, существовала фракция «правых уклонистов» во главе с тройкой либеральных членов Политбюро. Это были редактор газеты «Правда», интеллектуал Бухарин; преемник Ленина на посту председателя Совнаркома, Рыков; руководитель советских профсоюзов М.П. Томский.

В западной литературе бытует мнение, что маневры, с помощью которых Сталин привел свою фракцию к окончательной победе над остальными, являются классическими образцами искусства политической стратегии. На данном примере, якобы, можно учиться. Всем

действующим лицам требовались лишь минимальные знания теории игр, и только один располагал этим минимумом. Очень поверхностное объяснение, отчего именно Сталин постепенно стал первым лицом страны Советов. Весьма сомнительно, чтобы бывший семинарист имел малейшее представление о теории игр.

Причины несомненного лидерства Сталина значительно глубже. Немаловажное значение имеет следующий фактор. Сталин был единственным из числа ведущих большевистских лидеров, который не только и не столько говорил, сколько подкреплял свои слова конкретными практическими действиями. Именно поэтому большей части партийцев импонировала его личность. Нельзя не принимать, также во внимание синдром, накопившийся повсеместно, психологической усталости. Очень многие люди просто устали от непрестанной череды бедствий и лишений. В этих условиях беспрерывные, чрезвычайно замысловатые дискуссии еще больше изматывали морально, и вследствие этого, физически. В трудоспособной части советского общества стремление просто работать, не покладая рук, от зари до зари и зарабатывать себе тем самым хлеб насущный, превалировало. Этим объясняются колоссальные созидательные успехи народа в первых пятилетках. Это были годы, наполненные неподдельным энтузиазмом масс.

Длительная внутрипартийная схватка за оптимальность выбора курса развития страны и, следовательно, за право стать официальным преемником Ильича, завершилась окончательно лишь в конце двадцатых годов. Нанеся своим политическим оппонентам сокрушительные поражения на бесчисленных партийных форумах, Сталин становится единоличным, в большей степени формальным лидером.

Страх перед Троцким и личные амбиции являлись теми магнитами, которыми притягивались Каменев и Зиновьев к нижестоящему, на их взгляд, Сталину. Последний возвышался, подобно Гималаям, среди своих ненадежных компаньонов. Когда зыбкий альянс распался, на XIV съезде партии Сталин безоговорочно одержал политическую победу над своими недавними союзниками. Троцкий злорадствовал, ведь совсем недавно Каменев и Зиновьев жестоко нападали на него, и недальновидно соблюдал нейтралитет.

Вскоре незадачливое трио объединилось, публично отказавшись от взаимных обвинений, вызвав тем самым град язвительных насмешек. Объединенная оппозиция, тем не менее, потерпела полное фи-

аско в своих претензиях на лидерство от Сталина и примкнувшего к нему Бухарина сотоварищи.

Соперники не гнушались прямых оскорблений и навешивании всевозможных ярлыков. На одном из съездов Ворошилов, завидев входящего в зал в сопровождении Радека Троцкого, воскликнул: «Вот идет Лев, а за ним его хвост». Радек не остался в долгу, быстро распространив сочиненное им четверостишие:

«У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены.
И лучше быть хвостом у льва,
Чем задницей у Сталина».

Во время дебатов оппоненты готовы были схватиться в рукопашную, обзывали друг друга дураками, канальями и пр. О накале борьбы свидетельствует также следующий красноречивый факт. Летом 1926 года проводился объединенный Пленум ЦК и ЦКК партии, переименованной во всесоюзную, на предыдущем съезде.

Главный чекист страны и по совместительству председатель ВСНХ Дзержинский рьяно выступал на нем против объединенной оппозиции. В момент его доклада Каменев бросил ехидную реплику: «Вы четыре года нарком, а я только несколько месяцев». Дзержинский под смех и одобрительные возгласы присутствовавших ответил с присущим ему косноязычием, но вполне конкретно: «А вы будете 44 года, и никуда не годны, потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, Каменев, никогда». Буквально в подтверждение своих слов, в тот же день, в 16 часов 40 минут трудоголик Феликс скоропостижно скончался. В некрологе, напечатанном газетой «Правда», Сталин одним емким словом охарактеризовал его кипучую жизнь: **ГОРЕНИЕ**.

Противоборство Сталина с объединенной оппозицией завершилось в конце 1927 года, когда около сотни самых видных оппозиционеров было исключено из партии. В начале следующего года тридцать из них, во главе с Троцким, были высланы из столиц в разные регионы страны. Троцкого отправили в Алма-Ату, ставшей незадолго до этого столицей Казахстана, а его видного сторонника Серебрякова в Семипалатинск. Причем немногочисленная толпа сторонников Троцкого пыталась устроить из его отъезда шумную и крупную акцию протеста. Однако дело ограничилось организацией хулиганс-

ких выходок и провокационных действий на вокзале. Многие из членов оппозиции очень скоро публично заявили о своей политической капитуляции и обратились с просьбой о восстановлении в партии. Это был полный разгром объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции как политического движения.

Вкратце суть расхождений сталинцев в аграрной сфере с Троцким и его ярыми сторонниками заключалась в том, что они практически предлагали полностью уничтожить деревню. Бухарин же со своими сподвижниками явственно кренился в сторону сохранения, хотя и не в полном объеме, капиталистических отношений в экономике. Данное обстоятельство вскоре явилось поводом для размежевания между двумя победившими группировками.

Бухаринская фракция не была столь уж сплоченной, как группа сторонников Сталина. Однако она была серьезной силой и сталинцы были вынуждены сотрудничать с ней в борьбе против троцкистской и объединенной оппозициями. Вскоре либералы во главе с Бухариным испугались ужесточению сталинского курса и попытались дать задний ход. Они неосмотрительно начали устанавливать контакт с лидерами разгромленной оппозиции.

В частности, Бухарин встречался с Каменевым и высказывался о создавшейся в стране ситуации. При этом он настаивал на конфиденциальности бесед. Однако Каменев, ведший краткие записи, не внял его просьбе. Вскоре этот конспект получил широкое распространение в кругах настроенных оппозиционно, в том числе и за рубежом.

Весь 1929 год либералы пытались опровергнуть курс Сталина и, следовательно, низвергнуть его самого. Однако они потерпели сокрушительное политическое поражение.

В ноябре 1929 года на пленуме ЦК партии была поставлена официально точка в этом деле. Бухарин, Рыков, Томский отреклись от своих взглядов, и текст их заявления был напечатан в «Правде» 26 ноября. Между тем на всех уровнях проводилась чистка сторонников Бухарина, также как ранее сторонников Троцкого и других видных оппозиционеров. Сам Троцкий был отправлен из Алма-Аты теперь уже за границу, в Турцию.

С более-менее организованной оппозицией было покончено, и Сталин вышел из нее победителем. Официальные торжества по случаю 50-летию Сталина ознаменовали его преемником Ленина – новым советским лидером. 22 декабря на страницах «Правды» вождь благодарил организации и всех частных лиц, приславших поздрав-

ления в связи с его юбилеем. Он также заверял: «Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей».

Последняя фраза была здесь явно излишней и немедленно вызвала иронические комментарии оппозиционеров, подобных следующему: не слишком ли вы скромничаете, товарищ Сталин, лучше отдайте всю кровь сразу.

Свидетельства Нагловского, в том числе

Необходимо признать безусловную правоту мнения американского исследователя Стивена Коэна: совершенно разные люди пришли к Октябрьской революции различными путями. В партии и, особенно, ее верхушке никогда не было монолитного единства, всегда существовали фракции, течения и тому подобное.

В свете этого тезиса немаловажным фактором является рассмотрение вопроса о морально-деловых качествах основных большевистских вожаков. Определенный интерес представляют характеристики, данные самим Лениным.

В последнюю неделю декабря 1922 года и первую декаду января 1923 года он продиктовал секретарю текст, впоследствии ставший известным как ленинское завещание или «Письмо к съезду». Вождь настоятельно рекомендовал партийцам усилить коллегиальные аспекты управляемости, вплоть до многократного количественного увеличения ЦК. Тем самым он подчеркивал свою непреходящую значимость лидера.

В кратких резюме, данных отдельным своим соратникам, Ленин объявляет, что Сталин слишком груб и капризен, и предлагает обдумать способ перемещения его с поста генсека партии. Как бы мимоходом, вождь напоминает также о небольшевизме Троцкого и предательских действиях Зиновьева и Каменева в решающие октябрьские дни 1917 года.

Теоретические воззрения Бухарина, считает Ленин, с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским по причине схоластичности. Пятаков, по мнению Ильича, слишком увлекается администраторством, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе. Данные грехи водятся и за Троцким.

В сущности, своим, так называемым, завещанием, вождь постарался аккуратно дискредитировать всех своих ближайших соратников, что дополнительно свидетельствует о его отнюдь не ангельском характере. Будучи еще, казалось бы, вполне дееспособным, Ленин неоднократно признавался в том, что плохо разбирается в людях и не понимает их истинных побуждений. Поэтому окружение вождя было весьма и весьма разношерстно – вокруг Ильича кучковались довольно длительное время весьма разные персоналии.

Его ближайших сотрудников можно подразделить на две группы: преимущественно краснобаев, интриганов, склочников и организаторов вкупе с тружениками-подвижниками. Возглавляет первую «бригаду» Троцкий. За ним по ранжиру следуют Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Рыков и прочие.

Главный во второй – Сталин. Туда же нужно отнести Дзержинского (одно время поддерживавшего Троцкого), Орджоникидзе, Фрунзе, Куйбышева, Молотова и других.

Отнюдь не случайно первые почти поголовно и фактически постоянно жили за границей, включая Ленина, и не случись катавасии 1917 года так бы там и остались. Никто из них не испытывал ностальгии по России и не порывался туда обратно до самоликвидации самодержавия. Физически и духовно диссиденты были оторваны от российских народных масс.

Фигуру Свердлова Я.М. (Яноша Мовшевича Соломона) необходимо поставить особняком и не только по причине его преждевременной и внезапной кончины, а вообще вследствие ее несомненной загадочности.

В последнее время появилась внешне кажущаяся совершенно фантастической версия о причастности Свердлова к организации покушения на Ленина на заводе Михельсона. Последний же, дознавшись якобы о неблаговидной роли председателя ВЦИК, в отместку распорядился бесшумно ликвидировать его. В пользу данного предположения говорят некоторые обстоятельства жизни и карьеры Свердлова, бросающие на него тень.

Неясно досконально, почему он всего лишь полгода пробыл вместе со Сталиным в Курейке, а затем возвратился значительно южнее, в станок Селиваниху. Где ранее Свердлов весьма «недурно устроился», как выражался бедствующий Сталин в письме Зиновьеву.

Очевидно, Свердлову посодействовал тогдашний владыка Туруханки жандармский пристав Кибиров. Ибо по показаниям прислуги

пристава, в послереволюционный период времени Свердлов оказал Кибирову существенную помощь. Факт достаточно примечательный.

Далее, представляется весьма удивительным, что после февральских событий он окопался в Екатеринбурге в качестве одного «из руководителей уральской партийной организации». Довольно быстро покинув Петроград (как будто, чего-либо опасаясь), хотя причислялся к верхушке большевистской партии.

К примеру, большевистское трио из числа Каменева, Сталина и Муранова практически немедленно ринулось в Питер и там и осталось. Причем обставило свое отбытие помпезно, отбив соответствующую телеграмму из-за Урала Ленину в Швейцарию.

Исходя из показаний Малькова, Свердлов по собственной инициативе возложил на себя множество функций и обладал огромной властью. А его супруга, Клавдия Тимофеевна, заведовала к тому же секретариатом ЦК. Свердлов не гнушался, помимо прочих дел, постоянно заниматься напрямую, минуя секретаря ВЦИК, делами комендатуры. От чего его преемник Калинин немедленно отказался.

О том, что Свердлов был способен на многое, свидетельствует расправа с царской семьей. Исключительно благодаря недоброй воле Свердлова самодержец оказался задержан в Екатеринбурге, где и был столь изуверски и скрытно умерщвлен. Главным образом, поэтому Ленин выступил с довольно многословным панегириком на экстренном заседании ВЦИК по поводу смерти Свердлова. В «этом смысле Яков Михайлович незаменим», - обронил мимоходом Ильич, имея в виду организаторские способности Свердлова, выразившиеся «в решительной, беспощадно твердой расправе с эксплуататорами и врагами трудового народа».

Настораживает, что буквально сразу же после покушения на Ленина, «через день или два» Мальков по распоряжению секретаря ВЦИК В.А. Аванесова забрал с Лубянки Каплан и посадил в кремлевский каземат. Еще спустя день-два он по постановлению коллегии ВЧК (одним из членов которой являлся Аванесов) расстрелял вместе со своими латышами несчастную полуслепую Каплан в 4 часа пополудни 3 сентября 18 года.

Как заявлял Мальков, «вернувшись в первых числах марта 1919 года из поездки на Украину, Яков Михайлович тяжело заболел». И уже спустя две недели скоропостижно помер.

По свидетельству Е.Д. Стасовой, накануне кончины Свердлова она была у Ленина и посоветовала пойти к нему, навестить и обо-

дрить больного лично. А не справляться без конца изустно и по телефону. Ильич безропотно согласился и незамедлительно отправился, невзирая на уговоры некоторых, ввиду заразности заболевания.

Ленин пришел удивительно своевременно: Свердлов угас практически на его глазах, одновременно пытаясь что-то возбужденно говорить. Любопытно знать, посещал ли раньше Ленин, так сказать, «до того», Свердлова. Но как бы то ни было, вопрос об их истинных взаимоотношениях остается тайной, покрытой мраком.

Весьма интересные письменные свидетельские показания оставил вдумчивым исследователям Нагловский, близко соприкасавшийся с некоторыми большевистскими вождями, особенно с Троцким и Зиновьевым.

Сын царского генерала, человек неординарный и образованнейший, Александр Дмитриевич Нагловский задолго до октября 1917 года вступил в большевистскую партию. После Октябрьского переворота он назначается комиссаром путей сообщения в Петрограде и работает под началом Зиновьева, а затем в Народном комиссариате путей сообщения у Троцкого.

Первый раз Нагловский увидел Зиновьева в 1917 году в Совете народных депутатов, когда он произносил речь. Среднего роста, плотный, ожирелый, с откинутой назад вьющейся восточной шевелюрой, Зиновьев не говорил, а кричал необычайно пронзительным фальцетом. Легкость речи его была удивительна, казалось, Зиновьев может так говорить часами, днями, неделями. Охваченный ораторским жаром, иногда он казался на трибуне даже эффектным. Во всяком случае производил впечатление и темпераментного, и убежденного человека.

В широких слоях партии и среди революционно настроенных рабочих Зиновьев пользовался тогда большим влиянием, и все его выступления проходили неизменно с шумным успехом. Он был демагогом черни, и отношение к нему головки питерских большевиков было неоднозначным. Говорили, что Ленин, задолго до революции приблизил к себе Зиновьева, как потенциального первоклассного оратора. После Октября Ленин оставил его первым руководителем Северной Коммуны, так претенциозно именовали тогда Петроград.

Как организатор Зиновьев был очень слаб, заседания Петросовета вел безалаберно и хаотично. Только в отношении охраны был образцовый порядок. Лишь в демагогических выступлениях и в заку-

лисных интригах он был на высоте. От природы необычайно хитрый и ловкий, Зиновьев тут возвышался до большого мастерства.

В периоды опасности (Октябрьская революция, наступление Юденича, восстание в Кронштадта) он превращался в растерянного, панического, но необыкновенно кровожадного труса. В периоды же спокойного властвования Зиновьев был неврастеничен, рассеян и в противоположность многим старым большевикам с большим удовольствием предавался всем земным радостям. Особенно любил он разыгрывать из себя вельможу и мецената.

В отношении к людям вообще в характере Зиновьева была преувеличенная подозрительность и недоверчивость. К противникам же выказывал исключительную жестокость. В отличие от Троцкого, проявлявшего жестокость для позы и жеста, в Зиновьеве преобладали элементы садизма. При всей хитрости, ловкости и мастерстве интриг что-то все-таки помешало Зиновьеву вовремя разглядеть сложный клубок внутрипартийных козней, ведшихся в Москве вокруг заболевшего, сдававшего Ленина, полагал Нагловский. Зиновьев промахнулся, недооценив силы Сталина.

Нагловскому хорошо запомнилась одна встреча этих людей, когда Сталин только приехал из Москвы в Смольный к Зиновьеву для обсуждения, в том числе вопросов, связанных с эвакуацией ввиду угрозы Петрограду. На это совещание Зиновьев вызвал Нагловского, ибо вопросы эвакуации непосредственно касались его ведомства.

Барственно и небрежно развалясь, Зиновьев сидел в массивном кресле, громко и резко говорил, страшно нервничал, то и дело откидывая со лба космы длинных волос.

Сталин ходил по кабинету своей легкой кавказской походкой, не говоря ни слова. Его желтоватое, чуть тронутое оспой лицо выражало какую-то необычайную скуку, словно этому человеку все на свете давно опротивело. Только изредка он задавал односложные вопросы, и эта односложность и неясность позиции самого Сталина в вопросе об эвакуации Петрограда, на которой настаивал Зиновьев, последнего еще больше нервировала и горячила. Но Сталин так и промолчал все заседание, закончив его односложной репликой:

- Обдумаю и скажу, - и вышел от Зиновьева.

После ухода Сталина Зиновьев пришел в совершенно необузданное бешенство. Человек неврастеничный, он ругал ЦК, который не мог прислать к нему никого другого кроме «этого ишака».

Зиновьев не предполагал, что именно этот «ишак» после смерти

Ленина окажется самым сильным человеком в партии и спустя много лет покарает его как «белогвардейца» и «контрреволюционера».

Относительно Троцкого Нагловский убежден в том, что в 1917 году в массах он был известнее Ленина. С 1917 года по 1920-й Нагловскому часто приходилось встречаться и с Троцким и с его противниками из числа правоверных ленинцев.

Очень многие из них всегда относились неприязненно к бывшему меньшевику Троцкому. Его лишь едва терпели по причине безусловной ленинской поддержки. У Троцкого было болезненное честолюбие. Он сознавал себя равным Ленину, вероятнее всего, в глубине души он даже ценил себя куда выше Ленина. В противоположность Ленину, у которого «партиец все мог понимать и все делать», Троцкий опирался на специалистов, а не на большевистских импровизаторов.

Назначению Троцкого наркомвоеном предшествовало интересное событие. В марте 1918 года, когда правительство переезжало в Москву, вождь первоначально намеревался оставить Троцкого главой Петрокоммуны, а Зиновьева взять с собой. Однако на собрании актива петербургских большевиков Троцкому было начисто отказано в кредите доверия и отдано предпочтение кандидатуре Зиновьева. Пришлось Ленину с этим согласиться. Возможно, именно с этих пор Троцкий и Зиновьев люто возненавидели друг друга.

Троцкий был очень властолюбив и тщеславен, подчас даже мелочно. В его психологии было что-то от нувориша.

Нагловский вспоминает приезд Троцкого весной 1919 года в Петроград специальным высококомфортабельным поездом, наподобие царского. По всему было видно, что этот человек упивается властью. Царский поезд, пышная свита, непомерная помпа, бессмысленные расстрелы – в Троцком очень даже теплился «стиль Бонапарта».

Но в то время как иностранцам, белой армии, обывателям Троцкий казался всемогущим, на самом деле Ленин только позволял ему резвиться. Властность Левы сына Давида наталкивалась на партийный аппарат и вглубь не шла. Правда, критические моменты гражданской войны иногда выносили Троцкого наверх, и с этого верха он презрительно тыкал сапогом Зиновьева и его товарищей.

Таким моментом для Троцкого было наступление генерала Юденича на Петроград осенью 1919 года. Красные войска были дезорганизованы. Зиновьев тогда в панике только и делал, что по прямому проводу требовал из Москвы директив по эвакуации Петрограда. На

его истошные вопли из столицы сообщили, что в Петербург выехал Троцкий. Последний приехал с огромнейшей помпой, на двух царских поездах. И тот же час приказал своим подручным, весьма похожим на патентованных палачей, расстрелять ни в чем не повинный зиновьевский штаб защиты Петрограда. А прибывшие с Троцким военные немедленно взяли бразды правления в свои руки.

Новоявленный спаситель Питера тем временем, то разыгрывал из себя «железного вождя», то превращался в добродушно посмеивающегося журналиста. В организации обороны Петрограда от деятельности Троцкого была определенная польза, считает Нагловский; однако ему отчасти помог сам... Юденич.

Сей доблестный генерал по непонятной причине три дня простоял перед практически беззащитным городом. В течение этих дней красные войска непрерывно пополнялись, что и решило исход дела. Защита Петрограда от армии Юденича была моментом большого ведомственного успеха Троцкого и поражения Зиновьева.

Однако несмотря на подобные «головокружительные успехи», отношение к Троцкому было весьма специфическое. Лишь Ленин в очередной раз дал ему возможность отличиться, назначив народным комиссаром путей сообщения вместо самоустранившегося Красина.

В мае 1920 года Нагловский был вызван Троцким по поводу назначения по железнодорожному ведомству. Разговор ничем особым замечателен не был. Но от этого визита у него осталось ощущение, что Троцкий уже на ущербе, затерт и поражен ленинцами. Популярностью на посту наркома путей сообщения он не пользовался за проведение сплошной милитаризации железной дороги, к тому же дикими террористическими методами. В этой роли Троцкий уже явно пел свою лебединую песню. Он падал медленно, но верно. Подпорка в виде больного Ленина уже слабела, а самостоятельной силы удержать власть у него не было.

В то время, когда за Лениным стояла вся партия, за Дзержинским вся ВЧК, за Сталиным – сильная часть партии, и даже за Зиновьевым в Петрограде была довольно крепкая группа лично ему преданных «зиновьевцев», за Троцким была пустота. Дара водительства у Троцкого не было, резюмирует Нагловский. В недрах большевиков он не свой, у него нет ни друзей, ни последователей. В массах, где когда-то Троцкий был популярен, он ее сам давно потопил в крови расстрелов. В партии за Троцким была лишь часть интеллигенции и одиночные военные, лично им выдвинутые, да группа чекистов.

Несмотря на просматривающиеся естественные оттенки субъективизма, свидетельства Нагловского в целом достоверны и подтверждаются другими источниками. К примеру, Герберту Уэллсу довелось поприсутствовать на одном из заседаний Петросовета, возглавляемого Зиновьевым. Писатель был поражен тогда на редкость бестолковым организационным ведением этого большевистского форума. К тому же Александр Нагловский выступает в данном аспекте фигурой нейтральной. Его трудно заподозрить в симпатиях Сталину. Порукой тому служит его дальнейшая судьба.

Как классного специалиста и человека, свободно владевшего основными европейскими языками, Нагловского во времена нэпа назначают торгпредом в Италию. В период ужесточения борьбы сталинцев с оппозиционерами ему настойчиво предлагают явиться в Москву для консультаций. Но у итальянского торгпреда, надо полагать, от романтических иллюзий молодости не осталось и следа.

В общем, Нагловский перестраховался и предпочел остаться на Западе и перейти на полулегальный образ жизни. Естественно, на родине его объявили «вне закона». Жизненный путь Нагловский завершил уже в годы второй мировой войны в Париже своей смертью.

Таким образом, главные «герои» воспоминаний Нагловского – Троцкий и Зиновьев – зарекомендовали себя превосходными ораторами и агитаторами, вдохновенно витийствовавшими на различных митингах и заседаниях. Однако они немедленно обнаружили свою полную несостоятельность как деятели государственные. И Зиновьев, и Троцкий оказались способными лишь на бесплодные интриги и деструктивные действия. Троцкий ощутимо оскандалился еще на посту наркоминдела. Весьма сомнителен его личный вклад в организацию боеспособности Красной Армии, хотя он два года судорожно колесил по всем фронтам гражданской войны, предварительно рассылая «телеграммы в 100 адресов». С должности наркома путей сообщения Троцкий уже с 14 апреля 1921 года был смещен постановлением Президиума ВЦИК.

Временно главным транспортником стал тогда Дзержинский, вкупе с прочими своими постами. За непродолжительный период времени Троцкий едва не расстроил окончательно железнодорожную систему страны. Дзержинскому вместе с его чекистами пришлось приложить массу огромных усилий для восстановления гибнущих транспортных артерий и спасения для государства находившихся там грузов.

Троцкий держался исключительно благодаря ленинской поддер-

жке. Вновь и вновь вождь давал ему возможность отличиться, однако тщетно. Журналистская суть Троцкого неизменно пересиливала. Но Ленин с непостижимым упорством постоянно защищал Троцкого, невзирая на все его самодурство и вопиющую некомпетентность. Очевидно, он в глубине души считал Леву, по меньшей мере, равным себе (пожалуй, Ильич был прав, они были – два сапога пара).

Отсюда Ленину льстило, что такой выдающийся вождь, по его мнению, как Троцкий, пусть формально, но находится под его началом. Хотя он неоднократно высокомерно отказывался от назначения на пост заместителя председателя СНК, то есть Ленина. Троцкий был способен лишь на действия политиканские. Встать в эффектную позу, произнести пламенную речь, напечатать броскую статью – вот вся его сущность.

Соответственно деловым достаточно низкими были и моральные качества Троцкого. Можно написать многотомный роман, повествующий о его амурных приключениях. Забегая вперед, хочется отметить, что весьма характерным для Троцкого является его любовная интрижка в Мексике с Фридой Кало, супругой знаменитого художника Диего Риверы.

Последний едва ли не боготворил революционера. Ривера изобразил фигуры Ленина и Троцкого на главной фреске в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, повергнув в ужас респектабельных заказчиков. Троцкий весьма своеобразно отплатил своему почитателю и благодетелю. При этом старый сатир не только оскорбил давшего приют живописца, но и нанес психологическую травму своей второй жене Наталье Седовой.

Реконструкция Старого Света

Свыше полторы тысячи дней и ночей продолжалась первая мировая война. После ее окончания взгляды держав-победительниц существенно разнятся, а по некоторым позициям оказываются диаметрально противоположными.

Франция превыше всего ставит свою безопасность и желает восстановления своего господства в Европе. Великобритания не заинтересована в чрезмерном ослаблении Германии.

Основным европейским державам следовало найти оптимальное решение для урегулирования множества территориальных, экономических и юридических вопросов, добиться осуществления общей

цели всех заинтересованных сторон – установления прочного мира на континенте.

Но условия мира, закрепленные договорами 1919, а также 1920 годов, вызывали глубокое разочарование. Они были приняты государствами-победителями без действенного участия побежденных стран, которые не могут мириться с подобным диктатом. Национально-шовинистические страсти, разгоревшиеся ярким пламенем во втором десятилетии XX века, оказываются, тем самым, лишь временно притушенными.

Версальский договор явился страшным ударом для немцев, которые считали его условия слишком тяжелыми и позорными. Согласно этому документу Германия лишалась всех своих колоний, около 15 процентов территории и одной десятой части населения. Численность ее вооруженных сил ограничивалась до 100 тысяч человек. Германия лишалась права иметь тяжелую артиллерию, танки и самолеты, а также боевые корабли и подводные лодки. В течение пятнадцати лет левый берег реки Рейн подлежал оккупации, а 50-километровая зона правого берега объявлялась полностью демилитаризованной.

Кроме того, на Германию в порядке возмещения ущерба налагались колоссальные денежные репарации. Самым несправедливым, по мнению немцев, являлось то, что они официально оказывались единственными виновниками развязывания войны. Вместе с другими побежденными странами Германия прилагает все усилия, чтобы добиться смягчения условий договора. Но победители видят в нем наилучшие гарантии для своей безопасности и мира и отказываются что-либо менять.

После большевистской революции в России, падения монархии в Германии, распада Австро-Венгерской империи, создаются или перекраиваются новые государства по национальному признаку.

В Германии провозглашается республика, получившая название Веймарской. Возрождается несколько усеченная Речь Посполитая – Польша, Румыния расширяется. Балтийские государства вкупе с Финляндией получают независимость. Австрия и Венгрия разделяются, создаются Чехословакия и Югославия.

Новый пересмотр границ соответствовал желаниям стран-победительниц в создании противовесов Германии, а также образованию «санитарного кордона» против коммунистической России. Дух национального эгоизма господствует в Европе. Разоружение фактичес-

ки не проводится в жизнь. Принцип справедливого самоопределения народов не всегда соблюдается.

В 1920 году в Женеве проект Лиги Наций, предложенный президентом США Вудро Вильсоном, обретает конкретную форму. Лига Наций стала первой международной организацией, которая была призвана объединить европейские государства, а также страны всего мира системой коллективной безопасности. Однако при отсутствии США, вскоре охладевших к своему детищу, и Советской России (СССР) ее влияние будет крайне ограниченным.

Стремление к независимости многих народов Европы породило множество запутанных проблем при демаркации границ, исходящих к тому времени, когда разные нации проживали вместе довольно компактно. Этнически родственные народы оказались рассеянными во многих регионах Центральной и Восточной Европы. Они чувствуют себя ущемленными в правах и являются постоянным источником напряжения, скрытых конфликтов, которые могут вспыхнуть при малейшем инциденте или недоразумении. К этому добавляются экономические и финансовые проблемы. Новые границы раздробили прежнее экономическое пространство. Многие страны поражены инфляцией и безработицей. Победители неумолимо заставляют побежденных платить непомерные репарации.

27 апреля 1921 года немецкому правительству был предъявлен ошеломительный счет на 132 млрд. золотых марок, явившийся мощным стимулом для официального сотрудничества с диктатурой Ленина. Имея огромный бюджетный дефицит, власти Германии пускают в ход печатный станок. Следствием этого становится фантастическая гиперинфляция. Цены растут так быстро, что официанты несколько раз вынуждены менять цены на блюда на протяжении самой непродолжительной трапезы.

11 января 1923 года, когда Германия затягивает выплату репараций, французские и бельгийские войска по инициативе Пуанкаре вступают в Рур, что вызывает возмущение и ненависть немецкого народа.

Однако в середине двадцатых годов политическая обстановка в Европе изменяется под влиянием Соединенных Штатов. Американцы не могут мириться с беспорядками в Старом Свете, где они имеют значительные экономические и финансовые интересы. Американский вице-президент генерал Чарльз Дауэс, учитывая плачевное положение Германии, предлагает новый порядок взимания с нее репараций. Очевидно, этот план возник вследствие огромного резо-

нанса, вызванного знаменитым исследованием великого Джона Мейнарда Кейнса «Экономические последствия мира» (внимательно проштудированного, между прочим, Лениным). Кейнс убедительно доказал, что процветание Европы немыслимо без экономически слабой Германии.

В результате наступает резкое улучшение в отношениях между европейскими государствами. После вывода войск из Рура кульминационным моментом разрядки является подписание заинтересованными странами с 5 по 16 октября 1925 года договоров в Локарно.

Франция и Германия признают существующие границы, Рейнская зона остается демилитаризованной. Все стороны обязуются решать возникающие разногласия мирными средствами. На следующий год Германия принимается в Лигу Наций.

Политическая разрядка 20-х годов в Европе сопровождается некоторым экономическим оживлением. Удается остановить рост инфляции и безработицы. Промышленные мощности всего мира охвачены одной мыслью: производить. Возрастающее экономическое благополучие вселяет надежды. Однако за этим радужным фасадом, социальная и политическая борьба не угасает.

В 1922 году вождь экстремистов, получивших название фашистов, Бенито Муссолини приходит к власти в Италии в результате «похода на Рим». Фашизм противопоставляет себя не только коммунизму, но и парламентской демократии, даже самой несовершенной.

8-9 ноября 1923 года в Германии Адольф Гитлер (Hitler) в Мюнхене организовывает антиправительственное выступление, подавленное властями. Впервые столь громогласно заявляет о себе одна из наиболее одиозных исторических фигур XX века. (К слову, Hitler правильнее будет произносить Хитлер, если сравнить к примеру с Геббельсом (Goebbels). Но по некоторым причинам произношение в русском языке латинских букв H и G практически идентичны.)

Власти запрещают НСДАП – партию Гитлера, а также газету «Фелькишер беобахтер», пропагандистский рупор нацистов.

11 ноября после неудачной попытки бегства Гитлера арестовывают в Уффинге на озере Штаффельзее. На состоявшемся с 26 февраля по 1 апреля 1924 года процессе Гитлера осуждают за государственную измену к 5 годам тюремного заключения и штрафу в 200 золотых марок. 20 декабря того же года его освобождают досрочно из Ландсбергской тюрьмы.

В заключение Гитлер написал свое главное произведение «Майн

кампф», пронизанное расистским духом. Примечательно, что на самом раннем этапе формирования НСДАП и нацистской идеологии, Гитлер не рассматривал коммунизм как основного врага и угрозу немецкому народу. Противоборство с марксизмом занимало третье место после борьбы с евреями и с Версальской системой договоров.

Мировоззрение Гитлера, полагает профессор Уолтер Лакер, полностью сформировалось в период между заключением Версальской системы мирных договоров и путчем в Мюнхене.

Он участвовал в качестве добровольца в первой мировой войне и дослужился до чина ефрейтора. Патриотические чувства Гитлера, предельно униженного поражением, искали объяснения первопричин случившегося национального позора. С детства он не любил евреев и испытывал традиционную для австрийского националиста антипатию к славянам. Однако если не считать этих двух идей или предрассудков, в 1919 году Гитлер был еще в определенной степени «чистым листом». К 1923 году его взгляды окончательно сформировались и с тех пор существенным образом не менялись.

Антикоммунистические идеи будущий фюрер воспринял главным образом от эммигранта из Прибалтики и российского подданного Альфреда Розенберга. Последний прибыл в Мюнхен ориентировочно зимой 1918-1919 года и, вероятно, не без его участия Рабочая партия Германии (ДАП) трансформировалась вскоре в НСДАП – национал-социалистическую. Из российской империи Розенберг приехал с убеждением, что евреи являются самим воплощением зла и на них лежит ответственность за большую часть мировых несчастий.

Один из главных тезисов Розенберга заключался также в том, что большевизм не цель, а средство, использованное еврейским финансовым капиталом для искоренения существующего порядка, разрушения национальных экономик, деморализации народов, дабы в итоге захватить мир голыми руками. Озлобленные бурными российскими событиями Розенберг и ему подобные деятели считали своим долгом предупредить немецкий народ о грозной опасности, надвигавшейся с Востока. В Гитлере и его свежеиспеченной партии они приобрели необычайно восприимчивых прозелитов.

После революции 1917 года некоторые российские белоэмигранты привезли в Германию также так называемые «Протоколы сионских мудрецов» и базировавшиеся на них черносотенные идеи. Религиозный антисемитизм русских у немцев весьма явственно перешел в антисемитизм расовый. В Германии и без того были достаточно

сильны пангерманские и антисемитские настроения. Однако именно идеи прибалтов и русских ультраправых, бежавших от большевиков, обеспечили Гитлеру идеологическое оружие. Вследствие этого возникло совершенно искаженное представление, которому вслед за Гитлером поверили многие миллионы немцев. В дальнейшем оно самым пагубным образом отразилось на нацистской политике относительно Советского Союза и на еврейском вопросе.

Даешь социализм в одной стране

Ожесточенные споры велись в 20-е годы среди большевистской верхушки по основному вопросу того периода времени – о возможности построения социалистического общества в отдельно взятой стране. Было ли это реально в условиях далеко не дружелюбного окружения стран с капиталистической ориентацией? Какими тактическими средствами можно было добиться главной или стратегической цели?

Не мудрствуя лукаво, Сталин, выступая 9 мая 1925 года перед активом Московской организации РКП(б), в частности, заявил: «...нечего было брать власть в октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным причинам, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции». Для более убедительного обоснования этой доктрины ввиду явной недостаточности своего влияния Сталин постоянно делает ссылки на авторитет Ленина.

Кавказец, несомненно, держал руку на пульсе настроения большинства населения страны. Мало-помалу Советская Россия залечивала многочисленные раны, экономическое положение страны в целом улучшалось. Поэтому Сталин, учитывая определенную крепость политической власти, постепенно укрепляется в мысли о корректировке курса.

К тому же НЭП порождал быстрый рост нуворишей. Вновь появились кричащие признаки резкого расслоения населения на вечно голодных и на взлелеянных пролетарским государством частных предпринимателей, а порою и процветавших исключительно казнокрадством мультимиллионеров. Их сытое самодовольство станови-

лось особенно оскорбительным на фоне нищеты остальных. Повсеместное распространение приняли взяточничество, протекционизм и другие атрибуты коррупции. Пышным цветом расцвели в городах криминальные, полукриминальные структуры и элементы: воровство и торговля наркотиками, проституция и игорные дома. Это оскорбляло чувства не только большевиков, но беспартийных граждан и подрастающего поколения.

Помимо наиболее сознательного взрослого населения Сталин стремится опереться на молодежь, авангардом которой им мыслился комсомол. При этом Российский Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ), или комсомол, говорил генсек, - «без крестьян, без массы крестьянской молодежи он перестанет быть рабоче-крестьянским союзом. Но дело при этом надо поставить так, чтобы руководящая роль оставалась за пролетарским элементом».

Тем самым, комсомол существенно отличался от партии, в которой крестьянство намеренно было представлено минимально, точнее вообще практически не было представлено. «**Коммунистический союз молодежи – резерв**, - возвестил Сталин в речи на совещании по вопросам работы среди молодежи при ЦК РКП(б) 3 апреля 1924 года, - **резерв из крестьян и рабочих, откуда черпается партией пополнение. Но он вместе с тем и инструмент, инструмент в руках партии, подчиняющий своему влиянию массы молодежи»** (*выделено мной – М.А.*).

В этом смысле поддержка Сталину была обеспечена. С самого начала переворота власти уделяли юной советской поросли большое внимание в отношении обучения грамотности и воспитания в духе идеологической выдержанности. В дело организации перевоспитания и возвращения в общество огромной массы беспризорных подростков, ни в чем не повинных жертв вооруженных разбирательств взрослых, сил и средств также старались не жалеть.

Новому поколению советских граждан был присущ дерзкий наступательный порыв молодости. Поэтому Сталин истово вдалбливает молодежи: «Чтобы строить, надо знать, надо овладевать наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех: и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью». В условиях мирного хозяйственного строительства, нужны, в первую очередь, знания и сноровка, помимо храбрости и удали, а лихим кавалерийским наскоком можно

лишь испортить дело строительства социализма, внушал генсек.

«**Массовый поход революционной молодежи за науку**, - вот что нам нужно теперь, товарищи», - заключил свою речь, бурно встреченную молодежью, Сталин на VIII съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ).

Доминантой большевистского понятия социалистического общества являлась полная ликвидация крупной частной собственности и, соответственно, противоборство с новоявленными советскими буржуа.

Первый решительный шаг в этом направлении был сделан в конце декабря 1925 года на XIV съезде ВКП(б). Этот форум – весьма важная веха в деятельности Сталина. На двух предыдущих съездах он обращался к делегатам преимущественно с отчетами партийно-организационного характера. Здесь же Сталин выступил с всеобъемлющим политическим докладом – постановкой и одновременно методом разрешения насущнейших задач общегосударственного масштаба. В разделе, посвященном международной обстановке, он акцентировал внимание партийцев на поразительный факт колоссального роста современных видов вооружений в странах-победительницах в первой мировой войне.

Далее Сталин с удивительной прозорливостью объявил, что стабилизация, достигнутая Европой, временная, «ибо растут и усиливаются противоречия внутри стран-победительниц, не говоря о противоречиях между странами-победительницами и странами-побежденными», помимо антагонизма со страной Советов.

С трибуны съезда Сталин бросил клич о кратчайшем превращении страны из сугубо аграрной, отсталой в индустриальную. Державу, способную производить собственными силами необходимые механизмы и оборудование, машины и станки. Этот партийный форум утвердил в качестве основной первоочередной задачи – создание современной новой промышленности и борьбу за победу социализма в отдельно взятой стране. К тому времени, построенные с грехом пополам, первенцы ленинского плана ГоЭлРо – электрификации России, уже начали работу, служа определенным примером.

Развитие тяжелой индустрии и прежде всего ее сердцевины, современного машиностроения, представляло гигантские трудности. Помимо прочего, следовало в оборонных целях максимально учесть и географию огромной страны. Необходимо было изыскать и задействовать колоссальные ресурсы. В первую, очередь финансовые и технологические, а затем уже материальные и людские. В СССР в

достаточном количестве была только малоквалифицированная рабочая сила, а также богатые полезными ископаемыми недра и условия для развития энергетики.

Всем этим Сталин намеревался воспользоваться сполна. Он, несомненно, был склонен придавать первенствующее значение политике полной автаркии страны и резкому повышению, тем самым, ее обороноспособности. Ускоренной сверхиндустриализацией всей страны Сталин преследовал цель – достижение полного экономического суверенитета. Он решил выживать в одиночку. Ни на западе, ни на востоке не оставалось никакой надежды на революцию, а, следовательно, нельзя было ожидать чьей-либо действенной поддержки.

Международная обстановка служила одним из факторов форсирования экономических преобразований. Сталин работает очень много и напряженно. 5 ноября 1927 года он проводит встречу с 80 делегатами от рабочих из разных стран мира. Беседа, длившаяся 6 часов, проходит весьма успешно. Сталин довольно обстоятельно и находчиво ответил на большинство из достаточно многочисленных вопросов. Наибольший интерес представляют его исчерпывающие объяснения французской делегации на комплекс экономических вопросов. С известными оговорками Сталин фактически признал за Советами финансовые обязательства царского правительства французским рантье. Во всяком случае, он признал наличие проблемы разрешения иностранных претензий к доктябрьской России большевистскими властями. Из информации Сталина делегатам следовало, что правительство Советов всеми средствами пытается заработать твердую валюту, вплоть до продажи своей экспортной продукции по демпинговым ценам.

«Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве, - благодушно заявил Сталин - постепенно, мерами экономическими, финансовыми и культурно-политическими». Пока мы не готовы к всеобъемлющей коллективизации крестьянства, пояснил вождь, главным образом по причине острого недостатка средств финансирования. Сталин не слишком убедительно объяснил представителям иностранного рабочего класса феномен так называемых «ножниц», то есть существенного расхождения в стране между ценами на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары.

Между тем, это был ключевой вопрос экономики того времени. Очень скоро партийному руководству предстоит окончательно определиться, по какому курсу пойдет страна дальше: сугубо социалис-

тическому или с сохранением капиталистических отношений. Основной массе крестьянства было невыгодно продавать плоды своего труда по низким ценам, следовательно, на повестку дня неизбежно возникала необходимость подконтрольности Советской власти аграрной отрасли страны.

Поэтому, подведя предварительные итоги индустриализации, уже в декабре 1927 года на XV съезде партии принимается решение о всемерном развитии коллективизации сельского хозяйства. Одновременно съездом была принята директива о составлении первого пятилетнего плана развития всего народного хозяйства страны.

Первоначально, по замыслу сталинцев, мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства необходимо было постепенно, но неуклонно и на добровольной основе объединять в крупные хозяйства. Эти хозяйства должны были стать основой современной аграрной промышленности на принципах общественной, товарищеской, коллективной обработки земли. С обязательным использованием сельскохозяйственных машин и тракторов, а также применением научных методов интенсификации земледелия.

Ускоренную индустриализацию страны проводить было относительно легче и безболезненней по причине немногочисленности объектов, по сравнению с аграрными. Большинство крестьян преимущественно были закоренелыми индивидуалистами, поэтому гипотетически должны были обобществлению поддаваться очень трудно. Это обстоятельство особенно смущало Бухарина и сторонников его линии…

Резюме раздела. Отнюдь не случайно именно Сталин становится правопреемником Ленина на посту лидера Советского Союза. По многим качествам он резко отличается от других претендентов, в том числе и по моральным. Его поддержала основная часть партийцев, отдав предпочтение кавказцу перед левым сверхрадикалом Троцким вкупе с Каменевым и Зиновьевым, а также Бухариным, наиболее видным представителем либеральных правых. Следовательно, Сталин относительно этих сил был центристом.

Он интерпретирует некоторые из хаотичных высказываний Ленина, возможно, несколько примитивно, но эффективно. Усопший вождь говорил в одном из своих выступлений, что НЭП – это лишь временное отступление. Несколько шагов отступив назад, затем необходимо разбежаться и оттолкнуться мощно вперед. Сталин пре-

творяет в жизнь этот тезис. Политическая платформа кавказца гениальна в своей простоте и доходчивости. Не только большинству партийцев, но самое главное, наиболее деятельной части народа, Сталин истово проповедует возможность построения социалистического общества в одной, отдельно взятой стране. Неустанным добросовестным трудом, призывает генсек, можно добиться желаемого. И только построив новую современную чисто государственную промышленность, преимущественно, тяжелую, а также отрасли энергетики, можно создать прочный базис обороноспособности страны. Сталин наносит своим политическим соперникам сокрушительные поражения. Наиболее видных из них наказывают, но достаточно гуманно. При этом многих из оппозиционеров, покаявшихся в своих заблуждениях, прощают с восстановлением в партии и предоставлением довольно высоких должностей в разных государственных структурах.

VI
Курс Сталина – модифицированная революция

«Дилетантство и всезнайство – теперь оковы для нас»
И. Сталин

«Самокритика есть признак силы, а не слабости нашей партии»
И. Сталин

Большевистская Россия (СССР) и остальной мир

Первым последствием Октябрьского переворота, потрясшим западный мир и вызвавшим его негодование, был выход из войны России, которая бросила своих союзников в трагический момент борьбы с Четверным союзом. Когда за этим непростительным предательством сразу же последовали отказ выплачивать долги бывшего русского правительства, экспроприация земельной собственности и промышленности, а также провозглашение революции в России лишь первым этапом, которая должна охватить Европу и весь мир, стало ясно, что это серьезная угроза всему западному капиталистическому обществу. Но к ней отнеслись первоначально достаточно легковесно. Считалось, что новый режим в России вряд ли продержится

больше нескольких недель. Лидеры большевизма сами сомневались в этом без активной помощи рабочих капиталистических стран, заключавшейся в поднятии восстаний в своих странах.

Ленин даже, по свидетельству некоторых очевидцев, чуть не принялся плясать, убедившись в том, что его режим продержался больше, нежели когда-то парижские коммунары.

Военное столкновение с Польшей в 1920 году нанесло сильнейший, хотя еще не смертельный удар по концепции «перманентной революции» Троцкого. В то же время, несмотря на Рижский мирный договор, заключенный в марте месяце 1921 года, между «панской» Польшей и «Совдепией» образовалось удручающее политико-психологическое состояние. Которого, возможно, удалось бы избежать, одобри Ленин замысел Сталина по организации поэтапного отпора противникам.

Ильич совершил тогда две непростительные ошибки: военную и дипломатическую. Если же было бы осуществлено намерение Сталина, все могло сложиться иначе. То есть, если сначала был разбит Врангель, а затем уже Пилсудский аккуратно отодвинут на линию Керзона, то вся последующая история Европы могла развиваться иначе.

Ленин опасался потерь от сталинского предложения в десятки тысяч красных воинов, но они оказались в итоге несоизмеримо большими. Ущерб только польской армии составил свыше 184 тысяч человек – «почти 20 процентов своего максимального состава». Советская Россия понесла урон в несколько раз больший, только плененными оказалось около двухсот тысяч.

Кампания оказала также огромное влияние на сознание русского и польского народов. По обеим сторонам демаркационной линии, по обеим сторонам фронта, который в силу неизбежности стал границей, утвердились стереотипы, свойственные больше состоянию войны, чем дружественного мира.

С одной стороны, были «хамские большевистские Советы», с другой – «панская Польша Пилсудского». Последняя в глазах Советской России являлась авангардом Антанты, наконечником копья глубоко враждебных социалистическому государству империалистических сил. Подобное впечатление усиливала поддержка различных антисоветских акций, осуществляемых с территории Польши: деятельность террористов Бориса Савинкова, вылазки атаманов Булаховича и Тютюника и многих других мероприятий.

Поскольку Рижским договором советско-польская граница уста-

навливалась значительно восточнее так называемой линии Керзона, к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Отсюда, в польских правящих кругах доминировали тенденции избежания какого-либо политического сближения с СССР. Подобной «линии поведения» до поры до времени придерживались многие ведущие державы мира.

Марш Тухачевского на Варшаву вызвал новый взрыв недоверия и враждебности к Советам на Западе, несколько утихший лишь после заключения мира. Пока там возмущались, южные соседи России поспешили заключить с ней мирные соглашения.

26 февраля 1921 года состоялось подписание договора с Персией (Ираном), а спустя сутки с Афганистаном. Март 1921 года вообще оказался богатым для Советов на разного рода соглашения. 16 числа в Москве был подписан договор о дружбе и братстве между Советской Россией и кемалистской Турцией. Как и ранее с Тегераном и Кабулом, Ленин пошел на весьма значительные уступки Анкаре, в том числе финансовые. Договором предусматривалось также, что вопрос о режиме проливов будет передан на обсуждение стран Черноморского побережья.

Вследствие снятия довольно существенного русского фактора, развязывавшего ему руки, Мустафа Кемаль (Ататюрк) бросил против греков все свои силы. Его войска отвоевывали оккупированную территорию и шли к проливам и Константинополю.

События на анатолийском фронте вызвали правительственный кризис в Англии. Премьер-министр Ллойд-Джордж лишился кресла, а главой Форин оффиса стал лорд Керзон. Несмотря на все его ухищрения, советское правительство удостоилось приглашения на конференцию в Лозанне.

Точкой отсчета же дипломатического прорыва для Советов стала Генуя. В начале 1922 года Россию пригласили участвовать в международной конференции, которая открывалась 10 апреля на родине Колумба. Для большевистской стороны это был первый полноправный международный дипломатический форум.

Нажим на двух изгоев мировой дипломатии, Германию и Советскую Россию, со стороны союзных держав в Генуе привел к сенсационным результатам. 16 апреля в городке Рапалло, Советская Россия и Германия подписали мирный договор, означавший для одной стороны выход из дипломатической блокады, а для другой – из политической изоляции. Особенностью германо-советских отношений

до Рапалло было сугубо секретное взаимодействие в воинских целях. Его инициировал тогдашний глава рейхсвера Ханс фон Сект и большевистское руководство пошло на сотрудничество, немедленно забыв, как в период Октября гневно осуждало любые тайные соглашения.

Завершающий этап острейшего ближневосточного кризиса (войны между Турцией и Грецией) в целом поспособствовал дальнейшему упрочению влияния России, в значительной степени омраченного убийством советского дипломата Вацлава Воровского. На международной конференции в Лозанне СССР признали «наследницей прав и интересов бывшей Российской империи», хотя вопрос о проливах разрешился для него неблагоприятно.

3 июля 1923 года состоялось подписание так называемого «хлебного договора» между СССР и Германией. Взамен поставляемых 20 миллионов пудов зерна Советский Союз обязывался закупить изделия германской промышленности. Благодаря Рапалльскому договору создалась благоприятная атмосфера по отношению к Германии не только в правительственных кругах, но и среди населения Советских республик. Чувства признательности усилились, когда высшие правительственные и дипломатические лица германского государства выразили соболезнования, опубликованные в «Известиях» в связи с кончиной Ленина.

Сразу после его смерти началась полоса дипломатического признания СССР странами капитала. На протяжении 1924-1925 годов ряд государств установил с ним относительно нормальные отношения. Среди них были такие страны, как Италия, Франция, Англия. Последние особенно значили для Советов ввиду проявлений непримиримой враждебности. Еще 16 марта 1921 года практически синхронно с Рижским и Московским договорами и ленинской декларацией о НЭПе в Лондоне состоялось подписание англо-советского торгового соглашения – важной вехи на пути режима пролетарской диктатуры установления нормальных отношений со странами Запада. Явственно начало обозначаться расхождение выразителя национальных интересов государства – наркомата по иностранным делам с поборником интернациональной политики – Коминтерном.

Результатом более чем двухлетних сложных переговоров, ощутимого противодействия определенных кругов в обеих странах стало подписание в Москве 12 октября 1925 года советско-германского экономического договора в развитие договоренностей в Рапалло. «Вышеназванный договор, - объявил газетчикам посол Германии в

России граф Брокдорф-Ранцау, - является выражением серьезной воли обеих сторон найти здоровый компромисс между экономической и правовой структурой Германии и столь различной от нее структурой СССР... несомненно, будет способствовать экономическому оздоровлению территорий с населением почти в 200 миллионов человек».

Весной следующего года между Германией и Советским Союзом был подписан уже договор о нейтралитете и ненападении, вызвавший на Западе сильнейшее раздражение, усиленный фактическим сворачиванием НЭПа. А значит и отсутствием ближайших перспектив возврата долгов царского и Временного правительств.

На протяжении нескольких последующих лет, в то время как у Советов не было с Западной Европой практически никаких отношений, их связи с Германией как военно-политические, так и культурно-экономические оставались намного более тесными и плодотворными, чем с любым другим государством.

Параллельно с опытами мирного взаимодействия с западными странами Советская Россия пытается завязать тесные связи с государствами Востока. Здесь также отмечаются элементы двойственности. С одной стороны, по линии партии большевики пытаются распространить идеи Маркса и Ленина; с другой стороны, установить нормальные межгосударственные отношения.

Государством, в которой индустрия развивалась по западному образцу, страной с многочисленным пролетариатом была Япония, и казалось, что именно там зреет революция. 1 сентября 1923 года в Японии произошло сильнейшее землетрясение, нанесшее стране Восходящего солнца огромный ущерб. СССР оказал определенную помощь в преодолении последствий стихийного бедствия, и очередное японское правительство после некоторых колебаний решилось на мирные переговоры.

Камнем преткновения являлся вопрос о Северном Сахалине. Наконец, 20 января 1925 года в Пекине была заключена советско-японская конвенция, согласно которой обе стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения друг с другом. Япония согласилась на эвакуацию войск с Северного Сахалина к 15 мая, а СССР обязался предоставить концессии японским нефтепромышленникам на своей части тихоокеанского острова. Отдельным параграфом предусматривалось, что Портсмутский мир 1905 года остается в силе. В то же время Москва предусмотрительно сделала оговорку о том, что правительство СССР не «разделяет с бывшим царс-

ким правительством политическую ответственность за заключение указанного договора». Тем самым, де-юре оставлялась лазейка для последующей постановки вопроса о возвращении южной части Сахалина и Курильских островов.

В ноябре 1921 года была провозглашена Монгольская Народная республика, тотчас же взятая под опеку Москвой, ибо она как бы обхватывала северо-восточную часть Китая (Манчжурию).

Но наиболее благотворной нивой для коммунистической пропаганды и советской дипломатии оказался Китай. В «Поднебесной империи» в конце 19-го – начале 20-го веков происходили не менее бурные события, чем в России. После японо-китайской войны и вмешательства мировых держав с целью подавления народных выступлений Китай в правление последних императоров манчжурской династии Цин попал в полуколониальную зависимость. А накануне первой мировой войны в ходе Синьхайской революции был низложен последний ее монарх – малолетний Пу И.

Весной 1923 года Сунь Ятсен, китайский революционер-демократ, вернулся к власти в Кантоне, южной части Китая. Задачи борьбы с крупнейшими державами, буквально паразитировавшими в Китае (Великобританией, Японией, США), благоприятствовали альянсу Советов с Сунем и его, по сути, мелкобуржуазной партией Гоминьданем.

Однако внимание СССР к Китаю не ограничивалось проблемами национально-революционного движения, так как территория Северного Китая непосредственно примыкала к его рубежам. Советский Союз был заинтересован в спокойствии и стабильности на дальневосточной демаркационной линии границ. Несовместимость защиты национальных интересов в предполье Манчжурии и содействие делу революции на юге и в центральной части Китая вскоре должны были проявиться.

После скоропостижной кончины Сунь Ятсена незамедлительно последовало усиление Чан Кайши, всецело отдававшегося созданию боеспособной армии вследствие немалой помощи Советов. Очень скоро Чан настолько усилился, что не нуждался уже в изрядно поднадоевшей ему советской опеке. Он организовал массовое избиение в Шанхае коммунистов и рабочих активистов, не посчитавшись с авторитетом красного военачальника В.К. Блюхера (Га-Линя) и других большевистских советников.

Летом 1927 года все они были вынуждены уехать из Китая. Не-

сколько лет значительных усилий были затрачены Советами впустую. Китай продолжал бурлить еще в течение долгого времени, но Гоминьдан в лице Чан Кайши успешно наложил на него свою железную десницу.

События в Китае, возможно, инспирированные британцами, явно их самих вдохновляли. К весне 1927 года требования консервативных кругов Англии разорвать отношения с СССР стали особенно настойчивыми. 12 мая на помещения акционерного англо-русского кооперативного общества (АРКОС), где размещались конторы советского торгового представительства, был совершен полицейский налет. Спустя полмесяца британский министр иностранных дел Невилл Чемберлен вручил советскому полномочному представителю (полпреду) ноту о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом и аннулировании торговых отношений.

Поскольку Великобритания играла ведущую роль на европейском политическом небосклоне, подобный демарш вызвал всеобщее беспокойство. Ситуацию усугубило убийство бывшим белогвардейцем Ковердой советского полпреда в Польше П.Л. Войкова. За год до подлого действа поляки наделили Пилсудского диктаторскими полномочиями.

В Москве справедливо опасались войны или, по меньшей мере, экономической и финансовой блокады. Однако ни Пилсудский, ни лидеры других стран благоразумно не вняли примеру британцев.

В течение двух лет после того как Великобритания в одностороннем порядке разорвала дипломатические отношения с СССР и прекращения советского участия в делах Китая, во внешней политике Советского Союза наступило затишье.

Самым важным для советской дипломатии постепенно становится участие в международной жизни в Женеве, на ассамблеях Лиги Наций. С ее трибуны заместитель наркома по иностранным делам Максим Литвинов (Валлах) выступает с сенсационными предложениями «о полном и всеобщем запрещении всех видов военно-морских и военно-воздушных вооружений».

Тенденция обгона, между тем, Германией и США Великобритании по наисовременнейшим промышленным технологиям из-за потери последней рынков в СССР стала обозначаться еще острее. Важным фактором советской политики индустриализации, помимо германской техники, становится опора на американские станки и оборудование. Еще более примечательным было широкое использова-

ние в СССР высококвалифицированных американских инженеров. Таковых работало в 1929 году несколько тысяч.

Самое важное событие в отношениях СССР с внешним миром произошло во второй половине 1929 года на Дальнем Востоке. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная еще царским правительством таким образом, что она проходила по китайской территории, была для обеих стран яблоком раздора и источником разных недоразумений. После многочисленных сравнительно мелких посягательств 10 июля китайская администрация захватила железную дорогу со всеми постройками, закрыла советскую торговую миссию и другие советские учреждения, находившиеся в Манчжурии, арестовала советских граждан и выслала их с китайской территории. Однако Чан Кайши грубо просчитался, полагая, что в очередной раз Советы безропотно снесут оскорбление. Мировые державы также без особого восторга восприняли посягательство китайцев на чужую собственность. Потеря железной дороги, служившей единственной связью с единственным тихоокеанским портом – Владивостоком, наносила сильнейший удар национальным интересам России.

Отчаявшись решить проблему полюбовно, мирным путем, Кремль, наконец, решился предоставить возможность Блюхеру отыграться за унижение в Центральном Китае и предпринял серьезную воинскую акцию. Предупреждение было принято к сведению слабыми в военном отношении китайцами, и переговоры начались всерьез. Почти синхронно с юбилеем Сталина, 22 декабря 1929 года, в Хабаровске был подписан документ полностью восстанавливающий прежний статус-кво.

Советский Союз убедительно продемонстрировал, что является серьезной военной и дипломатической силой на Дальнем Востоке. Кроме того, в его поведении проявились некоторые замашки, сближающие СССР с крупнейшими мировыми державами. Казалось бы, малозначительный пограничный инцидент стал заметной вехой во внешней политике Советов.

Поборник умеренности не только в делах внутренних

Как совершенно справедливо полагает Карр: «Возвышение Сталина на Западе было воспринято с некоторым удовлетворением, поскольку это говорило о закате Троцкого и Зиновьева и замене революционных смутьянов умеренным и осторожным руководителем,

который был больше всего озабочен восстановлением благополучия своей собственной страны».

Суждение вдвойне примечательно тем, что высказано оно было британцем в более поздний период. В произведении, написанном в целом в весьма неблагоприятном для Сталина стиле. Однако Карр «забыл» присовокупить к смутьянам Ленина, поскольку при всей его бесхребетности во многих отношениях, он всегда относился с исключающей малейшие компромиссы враждебностью к странам Запада.

Прерогативу раздела мира на два сугубо антагонистических блока принадлежит Ильичу. О сем прискорбном факте Ленин торжественно объявил корреспонденту «The New York Herald». «Мир разделился на два лагеря: капиталистическая заграница и коммунистическая Россия», - не без изрядного злорадства сообщил тиран американскому корреспонденту во время подавления кронштадского восстания.

Впрочем, Карр с удивительным пиететом относился к Ильичу, полагая, что «Ленин был великим – быть может, величайшим во все времена – революционером». Одновременно присовокупляя, что «в основе его гения лежало созидательное, а не разрушительное начало», и мотивируя незначительным участием Ленина и большевиков в деле свержения царизма и Временного правительств.

По мнению британца, с июля 17 года падение Временного правительства было неизбежным, ожидалось лишь появление его преемников. «То главное, чего Ленин достиг, осуществилось после бескровной победы революции в октябре 1917 г. и свидетельствует о великой созидательной роли этого государственного деятеля» – чисто риторически восклицает Карр, напрочь забывая задать самый главный вопрос. **Желало ли его прихода к власти как революционера (суть разрушителя) подавляющее большинство россиян?**

До определенного момента Ильич оказывал огромное влияние на внешнюю политику Советской России. Победа в гражданской междоусобице и подписание англо-советского торгового соглашения укрепили решимость Ленина разговаривать с бывшими союзниками России преимущественно языком ультиматумов. Он явно преувеличивал степень их заинтересованности в природных ресурсах географически огромной державы. Поэтому отказывался идти на малейшие уступки по вопросам, считавшимся им «архиважными».

Когда нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин, основательно готовившийся к конференции в Генуе едва заикнулся о внесении в Конституцию «маленького изменения», подвижек в сторону либе-

рализации режима, Ильич взорвался и счел его сумасшедшим. Он немедленно написал из московской глубинки (якобы, находясь там на отдыхе) Молотову и остальным членам Политбюро: «Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если **тотчас** и насильно не сошлем его в санаторий».

Не получив поддержки от Политбюро в отношении Чичерина, Ленин принялся строчить проект предельно жесткой, практически невыполнимой, директивы ЦК для делегации. А также проект постановления ЦК РКП(б) о задачах Советской делегации в Генуе.

- Мы идем в Геную «как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще совсем не развалились), безусловно, необходима», - безапелляционно объявил лидер, дышавшей на ладан державы на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов.

К тому времени уже состоялось Чрезвычайное заседание ВЦИК, на котором ввиду «перегрузки государственными делами и недостаточно удовлетворительного состояния здоровья» главой делегации вместо Ленина фактически назначался Чичерин.

Проект постановления, предложенный Ильичом, был принят Политбюро ЦК РКП (б) 28 февраля 1922 года с дополнениями Сталина. Дополнения были весьма существенными и практически зачеркивали весь предыдущий многословный текст. Вот они:

1. Вопрос о признании Соввласти ставить не в начале, а в конце конференции (после развертывания попыток к экономическому соглашению), и затем, не делать из него ультиматума;

2. Не выдвигать в качестве субъектов (соглашающихся) на конференции со стороны России Центросоюз, сельскохозяйственные кооперативы и пр. (как это делает Красин), а **иметь в виду лишь один субъект – государство российское**» (*выделено мной – М.А.*).

Заключительная фраза, в свете последующих деяний Сталина, звучит особенно многозначительно. Также кавказец предлагал не козырять делегации антагонизмами классов, справедливо полагая, что даже дискуссии на тему экономики вовлекают Совдепию де-факто в политическое пространство Запада.

В Генуе Чичерин, опытный дипломат закалки времен самодержавных, подвергался колоссальным перегрузкам. Помимо участия в собственно конференции и переговоров с Германией, на его долю выпала участь объясняться с членами своей делегации, к примеру, Я.Э. Рудзутаком, славшему информацию о переговорах в Центр в

собственной интерпретации. Отчего наркоминделу раз за разом приходилось отбиваться от импульсивных депеш Ленина. Последний, вдохновленный договоренностями в Рапалло, подстрекал Чичерина выйти с шумным скандалом из международного саммита в Италии. «Признаем лишь преимущественное право аренды и концессий», а реституцию и денежную компенсацию странам Антанты категорически отвергаем – вновь и вновь инструктировал Чичерина Ильич.

Между тем, на Западе явно прознали об уплате Турции, по настоянию Ленина, значительной денежной суммы и вполне резонно требовали возврата долгов царского и Временного правительств. Деликатную миссию инкогнито выполнил Фрунзе, доставив туркам натурой «миллион золотых рублей царской чеканки».

С точки зрения англо-французских деятелей и не только их одних финансовые проплаты туркам (бывшим противникам России) были явным абсурдом. Но Ленин руководствовался логикой борца с уже поверженным самодержавием – ужасным якобы поработителем наций и народностей народов Востока. Поэтому все старые царские договоры с Турцией торжественно объявлялись ликвидированными. Долги, которые она выплачивала России раньше, были объявлены аннулированными. За Турцией остались Карс, Ардаган и Артвин – административные территории, ранее принадлежавшие России.

Достаточно щедро Ленин вознаградил Иран, также простив, по-царски, его долги русским монархам.

Очевидно, Сталин неодобрительно относился к подобным постановкам вопроса, но пока не обнаружено материалов со следами его рьяных выступлений против уплаты контрибуции Турции, в отличие от протестов наркома финансов Сокольникова. Но кавказец не забыл этот эпизод и, так сказать, всю оставшуюся жизнь помнил о нем…

Конференция в Генуе в части взаимоотношений Запада с Советской Россией все больше заходила в тупик. У получившего оттуда ряд сообщений Ленина немедленно появились опасения в том, что у «Чичерина и Литвинова (не говоря о Красине)» проявляются тенденции при переговорах пойти на уступки, не предусмотренные директивами ЦК. Он всполошился и немедленно настрочил проект телеграммы с угрозами в адрес вышеуказанных членов делегации. Но Политбюро по предложению своего генсека Сталина убрало из телеграммы угрозы, а также оскорбительные выражения.

Физическая кончина Ленина, главного тормоза внешних связей Советской России, очень скоро сказалась довольно живительным

образом. Началась полоса признаний большевистского правительства западными странами, которую Сталин, естественно, не увязывал со смертью диктатора.

На январском 1925 года пленуме ЦК, на котором Троцкий был смещен с поста председателя РВС и заменен Фрунзе, Сталин выступил дважды. Всячески поддержав инициативы последнего по реформированию военного ведомства, он озвучил вместе с тем, по сути, программную политику страны во внешних делах: «Наше знамя остается по-старому знаменем **мира**. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, - нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, **гирю**, которая могла бы перевесить».

Разоренная держава отчаянно нуждалась в инвестициях, поэтому Сталин на XIV съезде партии объявил о том, что «мы не прочь бывших частных собственников удовлетворить предоставлением им концессий, но опять-таки с тем, чтобы условия концессий не были кабальными».

Платежи по царским и иным долгам хитроумно рассматривались как добавочные проценты на кредиты, получаемые большевиками для развития своей индустрии. На том же съезде Сталин очертил задачи партии «в связи с внешним положением» по двум направлениям: «**международного** революционного движения **и** затем **в** области **внешней политики** Советского Союза».

Второй вектор (национальные интересы страны) довольно скоро стал превалировать в политике Сталина. Тем самым, он категорически отказался от безрассудных замыслов разжигания мировой революции своих политических противников, чего больше всего опасались на Западе.

Некоторые аспекты Великого перелома

Сталин превосходно осознавал, что фундаментом жизнеспособности практически любого суверенного государства является как можно более развитая тяжелая промышленность, в свою очередь, немыслимая без мощнейшего топливно-энергетического комплекса. Еще в марте 1921 года кавказец отправил Ленину восторженный отзыв о «Плане электрификации России», расценив сборник, как «мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек». Не ограничившись

лишь похвалой и презрительными отзывами об инициативах Троцкого, Рыкова и иже с ними, Сталин предложил «**начать** немедленный **практический приступ** к делу» и «не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане». Далее новоявленный адепт плана ГоЭлРО развернул краткую программу действий по организации приступа, не забыв о его популяризации в печатных средствах информации и кадрового подкрепления – людьми «здорового практицизма» и без «профессорской импотентности».

В этом небольшом письме Ленину подобно лакмусовой бумажке проявляется жизненный стиль Сталина, базирующийся на целеустремленности, решительности, деловитости. Подобными качествами отличались многие североамериканцы, поэтому в Советском Союзе спокойно относились к проявлениям враждебности со стороны правящих кругов США. В Кремле невольно завидовали и восхищались великолепными достижениями американской индустрии.

Однако Сталин не поддавался всецело подобным чувствам, а предпринимал конкретные шаги для «инвестирования» в Россию лучших образчиков, в первую очередь, инженерно-конструкторской мысли США.

Летом 1926 года американский специалист Купер, построивший плотину в долине Теннеси, ознакомился со строительством большой плотины и ГЭС на могучем Днепре (Днепрострое). Гигантский размах стройки воодушевил инженера, и спустя некоторое время он согласился возглавить проект. Для успешного выполнения грандиозной задачи, за которую взялся Купер, потребовалось максимальное использование американской технологии и оборудования, а также целой армии высококвалифицированных заокеанских инженеров.

Днепрострой оказался первенцем множества дерзновенных проектов, начатых (и доведенных до конца) с первым пятилетним планом, окончательно утвержденным весной 1929 года.

Перспективному, первоначально краткосрочному, планированию экономики в Кремле уделяют все больше внимания. Ярым сторонником планирования являлся Молотов с его идеей-фикс «всеучета», о чем весьма иронично поведал Нагловский.

В марте 1926 года Госплан совершил первую робкую попытку разработки пятилетнего плана, в основном касающегося государственной промышленности и без энтузиазма встреченный «верхами». Через год был представлен проект, более тщательно проработанный и вызвавший множество замечаний других ведомственных структур.

На партийном форуме в декабре 1927 года придавалось большое значение разработке пятилетнего плана, однако его главной задачей являлся разгром оппозиции. Съезд принял единственное позитивное решение – подготовить реальный план развития экономики страны для принятия на последующих партийных и советских форумах.

На протяжении всего следующего года продолжалось соперничество Госплана и ВСНХ, пока, наконец, в марте 1929 года проект не был окончательно согласован.

Военная опасность 1927 года сыграла роль мощного катализатора и заставила составителей плана сделать акцент на развитие Востока страны. Так начали зарождаться будущие центры жизненно важных отраслей советской промышленности в регионах менее уязвимых, чем европейская часть России.

Сердцевиной пятилетнего плана была индустриализация, но он охватывал все отрасли хозяйства (пока еще не всенародного), и меньшим по масштабам быть не мог. Главным и очевидным камнем преткновения для плановиков было сельское хозяйство с огромным количеством частных товаропроизводителей, трудно поддававшихся учету и планированию, не говоря уже о прогнозировании. Без принципиального решения жизненно важного продовольственного обеспечения все индустриальное планирование оказывалось никчемным.

Поэтому постепенно Сталин склоняется к мысли о форсировании коллективизации как средству способному разрешить проблему подконтрольности аграрного сектора экономики государству.

Незыблемым базисом планов коллективизации крестьянства являлись многолетние традиции российских аграрных отношений и славянофильские доктрины о «мире» или общине. В свое время Столыпин принялся решительно уничтожать общинное владение и устанавливать мелкую земельную индивидуальную собственность у крестьян. Одновременно он старался создать новое правовое положение для них, пользовавшихся лишь ограниченными гражданскими свободами. Столыпинская аграрная реформа постепенно, но достаточно успешно рассасывала хозяйственно и психологически застойную сельскую общину. Однако насаждение хуторского землевладения имело и свои негативные последствия.

Осуществляемая военно-административными мерами переселенческая политика имела ярко выраженный экстенсивный характер. К примеру, в великих казахских степях у коренного населения колонистами были «заимствованы» несколько миллионов десятин лучших земель.

Рост межнациональной напряженности был неизбежен, но, помимо данного фактора, крестьянство также находилось во власти количественного аграрного заблуждения, всячески подогреваемого левыми эсерами. Крестьяне видели спасение от невзгод не в интенсификации хозяйств, а в расширении площади своих землевладений. Они ошибочно полагали, что в стране имеются бесконечные запасы плодородной земли, принадлежащей помещикам, поэтому с радостью внимали революционным демагогам всех мастей.

Иными словами, к периоду самоликвидации самодержавия капиталистические принципы в селах базировались на довольно зыбкой основе: большая часть крестьянства не успела забыть об относительно беспечных временах общинной формы владения и обработки земли.

С апреля 1917 года партия большевиков оказалась единственной, благословившей крестьян на осуществление насильственной экспроприации помещичьих земель. Впоследствии Декретом о земле уничтожалась вся крупная частная и церковная собственность на землю, которую надлежало распределить «по-справедливости». Мелкие землевладения крестьян и казаков конфискации не подлежали. Одновременно в означенном декрете был зафиксирован принцип коллективного ведения сельского хозяйства.

Образование правительственным вердиктом от 11 июня 1918 года печально прославившихся комитетов крестьянской бедноты (комбедов), по замыслу Ленина, означало перенос Октябрьской, то есть пролетарской революции, в деревню. Комбеды должны были помочь расколоть крестьянство (и они с этой задачей справились) и оказать содействие Советам в борьбе против кулаков – «самых зверских, самых грубых, самых диких эксплуататоров; кровопийц и пауков, пиявок и вампиров», согласно ленинскому лексикону.

Спустя полгода комбеды были ликвидированы. Роспуск их, посягнувших также на середняков, был взаимосвязан со стремлением Советской власти в обеспечении поддержки этой многочисленной «гильдии» аграриев. Общепринято было, что кулаки составляли 10% крестьянства, на долю бедняков приходилось 40%, остальные 50% являлись середняками. Лозунг крестьян, считавшихся зажиточными и плохо ориентировавшихся в политике, гласил: «За Советскую власть и большевиков, давших землю. Но против коммунистов, отрицавших индивидуальные хозяйства».

В самый отчаянный момент гражданской войны большевист-

кое руководство предприняло все меры для привлечения на свою сторону середняков. Предлагая тверского крестьянина, внешне невзрачного М.И. Калинина, на пост председателя ВЦИК, вместо усопшего Свердлова, Ленин мотивировал свой выбор следующим неотразимым аргументом: «Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним».

Следовательно, насмешливый Нагловский был прав, когда утверждал, что свою карьеру Калинин совершил не «из-за дипломатических способностей», а исключительно по причине своей «декоративной крестьянской внешности».

Параллельно с реквизициями продовольствия большевики в регионах, находившихся под контролем Советов, пытались организовать эффективные коллективистские хозяйства: товарищества, коммуны, артели и тому подобное. Эти попытки не имели особого успеха до поры до времени.

При новой экономической политике у рачительных аграриев вновь появились стимулы, способствовавшие производству продукции и, следовательно, их процветанию. В то же время совхозы и колхозы влачили бесславное и ненадежное существование. Но долго такое положение не могло иметь место. Один из антагонистических конкурентов должен был исчезнуть.

Противоборство с оппозиционерами отнимало много времени и сил, поэтому Сталин и другие руководители страны прозевали нараставший кризис хлебозаготовок: о нем ни слова не говорилось в отчетном докладе ЦК партии в декабре 1927 года.

Ситуация в стране складывалась исключительно серьезная: вновь реально замаячила угроза голода. За 1927 год было заготовлено около 300 млн. пудов зерновых культур, что было почти на 130 млн. пудов меньше, чем в 1926 году. Причина, несомненно, была чисто экономическая, а не политическая. Крестьяне не торопились сдавать зерно государству ввиду недостаточности материальных стимулов.

Неоднократные самые грозные директивы «не возымели действия», поэтому в начале 1928 года Сталин сотоварищи разъехались по городам и весям своей необъятной державы. В различных районах Сибири Сталин жестко рекомендовал нижестоящим инстанциям: «потребовать от кулака немедленной сдачи всех излишков хлеба

по государственным ценам», а в случае отказа привлечь их к судебной ответственности. Генсек достаточно ясно дал также понять, что поставить советскую индустрию «в зависимость от кулацких капризов» государство не позволит. И «для упрочения Советского строя» крайне необходимо «перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства».

Кавказец заявил также, ссылаясь на Ленина, что пока в стране имеется индивидуальное крестьянство, воспроизводящее частных собственников, будет всегда существовать опасность реставрации капитализма. Отсюда следовал вывод, что пока существует такая опасность нельзя говорить серьезно о победе социалистического строя в Советском Союзе.

Вследствие применения преимущественно методов силового давления хлеба в государственных закромах стало гораздо больше. Однако эти методы имели лишь кратковременный эффект. Любопытно, что в документе, адресованном ко всем организациям ВКП(б) от 13 февраля 1928 года, Сталин от лица ЦК подводит первые итоги заготовительной компании и дальнейших задачах партии. Там есть и такой примечательный пассаж: «НЭП есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период».

Фактически же сравнительно скоро происходит обратное. Сталин после определенного периода сомнений и колебаний, организации кампаний увещеваний и уговоров зажиточного крестьянства решается на резкий поворот в своей политике.

В первой половине апреля, выступая с докладом на собрании актива Московской организации ВКП(б), Сталин сетует, что «колхозов и совхозов пока что у нас мало, до безобразия мало… Отсюда недостаточность хлебного производства». Спустя полтора месяца в беседе со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета вождь приводит нижеследующие статистические выкладки. В 1926-1927 годах совхозами и колхозами было произведено 80 млн. пудов хлеба, кулаками – 617 млн. пудов, а середняками и бедняками, соответственно, – 4052 млн. пудов. Только в последнее время, проинформировал студентов Сталин, у государства появилась возможность серьезно финансировать колхозное движение; также приступили к организации новых крупных совхозов.

Для выхода из затруднений на «хлебном фронте» предполагалось «забросать деревню товарами и изъять оттуда побольше хлеба, для

того чтобы снабжать сельское хозяйство и, прежде всего колхозы и совхозы машинами, для того чтобы индустриализовать сельское хозяйство и поднять товарность его продукции».

Замыслы сталинцев были довольно здравыми, однако упирались в индивидуалистическое мировоззрение довольно большой части крестьянства, предпочитавшей по-старому весьма малопродуктивно надрываться за деревянной сохой, зато собственной.

Оно не слишком охотно изъявляло желание идти в колхозы, даже внутри некогда дружных крестьянских семей возникали конфликты на почве предстоящей коллективизации. О чем особенно убедительно поведала выходец из многодетной крестьянской семьи Мария Ковригина, дослужившаяся до министра здравоохранения СССР.

По информации с мест Сталин и его окружение делают вывод, что основной причиной, препятствующей массовой коллективизации, является кулачество. 22 апреля 1929 года на заседании пленума партии Сталин выступает с речью «О правом уклоне в ВКП(б)».

Обращаясь в адрес бухаринцев, он, в частности, заявил: «А известно ли им, как кулаки глумятся над нашими работниками и над Советской властью на сельских сходах, устраиваемых для усиления хлебозаготовок? Известны ли им такие факты, когда наш агитатор, например в Казахстане, два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «А ты попляши, парень, тогда я дам пуда два хлеба». Голоса (*от сидящих в зале – М.А.*): «Сволочи».

Для обоснования борьбы с кулаками использовался любой инцидент, особенно уголовной направленности, наподобие пресловутого дела Павлика Морозова. Их обвиняли в злостном препятствовании властям в деле организации совхозов и колхозов и повсеместной организации «кулацкого террора», масштабы которого непомерно преувеличивались и раздувались местными властями.

Обстановка в селах была действительно очень сложной и отличалась многообразием проблем. Успехи индустриализации в определенной степени начали приносить свои плоды: число тракторов, символов аграрной механизации, начинало исчисляться уже десятками тысяч. Малоимущие крестьяне, то есть бедняки и батраки, за неимением лучшей альтернативы в подавляющем большинстве организовывали первичные формы коллективистских предприятий или подавались в совхозы и уже начавшие работать колхозы. Середняки же преимущественно лавировали, с одной стороны, стремились ин-

дивидуально стать еще богаче, с другой – рассчитывали получить сельхозмашины и другую помощь государства.

На местах партийно-советские функционеры барахтались в поисках методов кооперации работы крестьян, о которых они сами имели довольно смутное представление. С другой стороны, им необходимо было обеспечить планы-задания хлебозаготовок и во избежание санкций сверху, низовые власти всячески притесняют состоятельных крестьян. Наиболее дальновидные из которых, во избежание осложнений с властями, сворачивают свои производства и переселяются в города или другие регионы.

Летом и осенью 1929 года решимость в Кремле форсировать темпы коллективизации, то есть сделать ее все более массовой (сплошной) и в наибольшем количестве районов, перманентно нарастала.

В июне в Москве было образовано автономное учреждение – Трактороцентр, вошедший в общую систему колхозного строительства (всесоюзный Колхозцентр), для координации и контроля работы сети государственных машинно-тракторных станций (МТС). Совершенно справедливо властями предполагалось, что с техническим обеспечением крестьян в перспективе особых затруднений не будет.

Главными проблемами коллективизации признавались, по меньшей мере, две. Одна из них заключалась в окончательном выборе наиболее оптимальной правовой формы кооперации, как неоттъемлемого условия социализации крестьянского труда: товарищества, коммуны, артели и прочая, с учетом особенностей региона, специализации аграрных отраслей и других факторов. Другая – в успешном решении вопроса нейтрализации контингента самого зажиточного крестьянства, упорно не желавшего отдавать большую часть результатов своих неустанных хлопот государству.

К очередной годовщине Октября в «Правде» вышла приуроченная к торжествам статья Сталина с примечательным названием «Год великого перелома». В ней, в частности, автор многозначительно объявил, «что **в колхозы пошел середняк**». Однако о кулаках в статье почти не упоминалось, и отсутствовал призыв к борьбе с ними.

Сталин по-прежнему колебался, не желая рисковать с принятием окончательного решения. Не рассеял его сомнения и прошедший вскоре пленум ЦК, на котором по докладу Г.И. Каминского «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» была принята резолюция, суть которой заключается в аршинном заголовке газеты: «СССР ВСТУПИЛ В ПОЛОСУ РАЗВЕРНУТОГО СОЦИАЛИСТИ-

ЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ДЕРЕВНИ И СТРОИТЕЛЬСТВА КРУПНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ».

И все же последующие месяцы оказались критическими для остававшихся богатых аграриев страны и тех, кто имел несчастье попасть в их число. Предпосылками тому явились, помимо успехов индустриализации, окончательный разгром Бухарина и его последователей на ноябрьском пленуме ЦК. А также дальнейшее упрочение международного авторитета СССР вследствие возобновления дипломатических отношений с Англией (по инициативе последней) и восстановления статус-кво на КВЖД. Кроме того, капиталистический мир оказался застигнутым в конце года сильнейшим экономическим кризисом, получившем название «Великой депрессии».

5 декабря 1929 года Политбюро назначило специальную рабочую комиссию, которой поручило через две недели представить проект постановления о темпах коллективизации в различных областях огромной страны. Дабы подвести, по мере возможности, под общий знаменатель. Ибо ситуации в них в силу разных причин весьма существенно разнились.

К примеру, в Казахстане был далек от искоренения пережиток родоплеменной розни, ставший в 1919 году одним из факторов раскола буржуазно-демократического правительства Алаш-Орда (держава Алаша), названного в честь легендарного прародителя казахов.

В одну из подкомиссий вошел Турар Рыскулов, заместитель председателя СНК РСФСР, обвиненный позже Карром и другими исследователями в чрезмерно негативном влиянии на итоги работы комиссии и принятом впоследствии «Постановление ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Рыскулов, действительно, довольно рьяно выступал с инициативами, в том числе письменными, по форсированию темпов коллективизации. При этом наибольшего внимания заслуживают его предложения «об обобществлении скота», выдвигая которые, Рыскулов, видимо, в немалой степени руководствовался прецедентами, созданными к тому времени в его родном Казахстане (Карр ошибочно посчитал его калмыком по национальности).

За период с 27 августа 1928 по 24 ноября 1929 года там, с подачи главы Казкрайкома Голощекина, была проведена кампания по конфискации имущества баев. Согласно материалам оной, сотни зажиточных хозяйств подверглись реквизициям, а большинство фигурантов были высланы за пределы мест проживания. У них было эксп-

роприировано около 150 тысяч голов (в переводе на крупный) скота и другое имущество.

Подталкиваемый более радикальными коллегами, в числе которых самым бескомпромиссным был Молотов, и сигналами с так называемой периферии осторожничавший Сталин решается.

27 декабря на конференции «аграрников-марксистов» вождь объявил: «... от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике **ликвидации** кулачества, как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике».

По мнению Сталина, дополнительно воодушевленного недавними юбилейными торжествами, тенденция в уходящем году увеличения производства и сдачи хлеба колхозами и совхозами приняла необратимый характер. Поэтому появилась настоятельная необходимость срочно «разобраться» с кулачеством – якобы последним препятствием на пути полноценного развития совхозов и колхозов.

Постановление, принятое неделю спустя, стало ключевым для форсирования коллективизации. Оно обозначило первоочередные меры для «замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов... не говоря уже о совхозах». Вопрос зажиточного крестьянства остался, тем не менее, пока открытым. Поэтому 15 января создается новая представительная комиссия для разработки политических мер и способов его нейтрализации. По поручению Политбюро ЦК ВКП(б) ее возглавил Молотов, по причине самого нетерпимого отношения к кулакам.

Комиссия работала непрерывно две недели, и в результате Политбюро приняло постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

За это время Сталин успел выступить в «Красной Звезде» с более конкретным заявлением: «Чтобы вытеснить кулачество, как класс, надо **сломить** в открытом бою сопротивление этого класса и **лишить** его производственных источников существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть **поворот** к политике ликвидации кулачества, как класса».

Однако подобная постановка решения задачи также давала простор разного рода толкованиям. Хотя, совершенно очевидно, что вождь имел в виду, в первую очередь, политическое устранение ку-

лачества, как серьезной силы, препятствовавшей подконтрольности аграрного сектора экономики, а не его физической ликвидации.

Приблизительно в таком же духе выдержана совместная секретная инструкция от 4 февраля 1930 года за подписями Председателя ЦИК СССР Калинина, главы СНК Рыкова и секретаря ЦИК Авеля Енукидзе, дополнявшая и разъяснявшая документ по борьбе с кулачеством. Главным разделом инструкции являлся первый, обозначивший количественный состав **выселяемых и расселяемых** кулацких хозяйств. Пофамильное определение отдавалось на откуп на места на «**основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний** (*выделено мной – М.А.*) и окружных исполнительных комитетов.

Изучение партийно-советских документов наводит на мысли о том, что мероприятия против кулаков означали, в первую очередь, перевоспитательный характер. «Эксплуататоров и кровопийц» необходимо было теперь самих заставить работать также рьяно, как они якобы заставляли работать свою наемную рабочую силу. В ОГПУ же, без которого никак нельзя было обойтись, во всех инстанциях и местными партийно-советскими работниками проводимую акцию трактовали излишне прямолинейно. Понимая «ликвидацию кулачества, как класса», почти в буквальном смысле, то есть чуть ли не как немедленное физическое устранение представителей этого сословия.

Отсюда, в такой широкомасштабной акции, тем более, проводимой в столь спешном порядке, не могло не обойтись без огромных перегибов и злоупотреблений. Был дан старт проявлениям самых низменных людских чувств, преимущественно нездоровому соперничеству, завистливости и мстительности, в силу большой неопределенности самого термина «кулак», происхождение которого не вполне ясно, и предположительно, формулировкой «кулак» просто обозначали крепкого хозяина-землевладельца. Фактически таковым можно было объявить любого более-менее состоятельного крестьянина.

В Казахстане, к примеру, к баям (крупным скотоводам) – аналогам кулаков, причисляли хозяев, владевших более чем сотней голов скота «в переводе на крупный скот». Одновременно приводилась существенная поправка, заключавшаяся в том, что скотоводы, имевшие «количество скота, хотя и меньше указанной выше нормы, но признанные местной властью социально-опасными, и лица, принадлежавшие ранее по своему положению к привилегированным группам, подлежат выселению вне зависимости от их имущественного положения».

Излишняя торопливость и спешка неизбежно приводили к сти-

ранию грани между убеждением и принуждением. Отправка той зимой в деревни целого десанта из 27 тысяч рабочих-партийцев для помощи колхозам и МТС во многом не оправдалась. «Десантники» вели себя порою, как колонизаторы, оказавшиеся среди туземцев. В результате из сельской местности в Москву немедленно хлынул поток жалоб, на который власти также вынуждены довольно срочно реагировать.

Из опубликованной уже 9 февраля статьи Сталина в форме ответов слушателям Коммунистического университета имени Свердлова явствует, что вождь не предполагал допуск раскулачивания в «деле коллективизации» как самостоятельного явления. Первичными для него являлись методы массовой коллективизации, из чего следовало, что все «остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу». То есть, во главу угла Сталин ставил не голое раскулачивание как таковое, а организацию коллективистских хозяйств.

Во второй половине февраля ЦК партии направил директиву о недопустимости спешки в столь важном деле, о необходимости учета особенностей в национальных республиках.

Всеобщая неразбериха, жалобные стенания, а также крестьянские волнения, поставили под угрозу весеннюю посевную кампанию, чем весьма обеспокоили Кремль.

2 марта 1930 года в центральных газетах появилась статья Сталина под названием «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ. К вопросам колхозного движения», в которой жестко критиковались некоторые «искривления, нарушения и искажения», а также «головотяпские упражнения по части «обобществления». В ней также содержался призыв к немедленному отступлению. В тот же день был опубликован переработанный Примерный устав сельскохозяйственной артели (более тщательно отработанный юридически документ) с учетом возможностей и настроений крестьян.

Небезынтересно, что в семипалатинской газете «Прииртышская правда», статья Сталина была опубликована по частям. Сначала была напечатана в номере от 4 марта первая половина. И лишь через номер было опубликовано окончание. Причем редакция объяснила инцидент задержкой передачи по телеграфу, что наводит на многие размышления.

Спустя две недели в «Правде» публикуется Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Наконец, 3 апреля Сталин разразился пространными коммен-

тариями в главной партийной газете в форме ответов «товарищам колхозникам» на причины вопиющих ошибок и недоразумений в крестьянском вопросе.

Удачные и своевременные меры в сочетании с благоприятной погодой привели к тому, что осенью 1930 года был получен рекордный урожай зерновых, явившийся сильным стимулом для возобновления ускоренной коллективизации с внесением корректировок в силу разных причин. Одной из которых являлась растущая потребность в недорогой квалифицированной рабочей силе для важнейших строек и индустриальных гигантов.

Ее завершение пришлось на годы второй пятилетки, хотя в январе 1933 года Сталин публично заявил, что «мы **уже закончили** в основном коллективизацию основных районов СССР». В ЦК и СНК, тем не менее, имелись заявки на немедленное выселение из областей и краев около 100 тысяч семей.

Поэтому за подписями Молотова, ставшего к тому времени Председателем СНК, и секретаря ЦК Сталина всем партийно-советским инстанциям 8 мая адресовалась специальная Инструкция. В ней содержались неотложные меры по выходу из создавшегося положения и снятию излишнего напряжения. Инструкцией предписывалось немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. В то же время выселения допускались только в индивидуальном и частичном порядке. Специальный раздел Инструкции был посвящен наведению порядка в производстве арестов на селе, принявших самостийный характер.

Главным итогом сталинской коллективизации явилось повсеместное внедрение в аграрном секторе экономики страны феномена колхозно-кооперативной собственности, своеобразного гибрида отчасти частной (с элементами капитализации и самостоятельности управления) и общественной собственности. Колхозная собственность первоначально создавалась за счет объединения имущества определенной части крестьян. А дополнительным источником послужил скарб и инвентарь раскулаченных крестьян, перетекший в колхозы в качестве взноса за неимущих бедняков. Земля, занимаемая колхозами, закреплялась за ними в бесплатное и бессрочное пользование навечно.

Исключительно к негативным итогам следует отнести сильное сокращение поголовья скота. Пытаясь воспрепятствовать огульному обобществлению скота, крестьяне прибегали к массовому забою

животных. Одним из следствий подобной практики, а также недостаточных урожаев злаковых культур и других факторов, зимой 1932-1933 годов в зерно производящих областях европейской части СССР и Казахстане имели место массовые проявления голода. Действительная и полная картина масштаба этого бедствия до сего дня досконально не исследована. Поэтому трудно назвать «сколько-нибудь достоверные цифры голодавших, а тем более умерших от голода».

Хотя в районах сплошной коллективизации специальным декретом от 30 июля 1930 года официально упразднялся крестьянский «мир» или община, фактически колхоз являлся его советским модифицированным аналогом. Необеспеченность колхозников паспортами, то есть существенное ограничение крестьян гражданскими правами и свободами, служит тому подтверждением. Но, возможно, главной причиной данного обстоятельства являлась колоссальная урбанизация населения – прямое следствие индустриализации.

Стабильное восстановление сельскохозяйственного производства началось лишь в 1935-1937 годы.

Подобные факты, а также невзгоды и лишения, испытанные семьями, попавшими под каток властей, дали Карру основание утверждать, что коллективизация обернулась «величайшей трагедией, которая запятнала историю Советов». Утверждение историка выглядит вполне филистерским, сравнительно с мнением философа. Гегель полагает, что нет более высокого долга у государства, чем уничтожить всеми имеющимися у него средствами, всех, кто угрожает безопасности и самому существованию государства.

Благополучному осуществлению коллективизации для укрепляющегося социалистического государства Сталин придавал огромное значение. Для него ликвидация кулачества как класса и окончательное утверждение социализации всей экономики являлись событием равнозначному Октябрьскому перевороту. Сталин считал ее «революцией сверху» пользовавшейся поддержкой «снизу».

Отнюдь не случайно впоследствии, в самый разгар тяжелых сражений с немецко-фашистскими войсками, он при упоминании о коллективизации вздрогнул, так сказать, задним числом. «Все это было очень скверно и трудно, но необходимо» для нужд государства объяснил Сталин Черчиллю. И что искоренять кулачество было невероятно сложным делом. В самом деле, Сталин очень сильно тогда рисковал. Совершенно неизвестно было, как поведет себя огромнейшая, по сути, мелкобуржуазно настроенная масса крестьянства.

Черчилль в своих мемуарах не упустил возможности попенять Сталину за уничтожение якобы многих миллионов крестьян. Британец плохо знал историю, в том числе собственной страны. Во времена средневековья английские лорды – одиночные крупные землевладельцы посредством так называемого «огораживания» (Enclosure) насильственно изгоняли крестьян с их угодий и пахотных участков, в том числе наследственных.

Тем самым, десятки тысяч британских крестьянских семей обреклись на бродяжничество и нищету, голод и вымирание. Страна обезлюдела (о чем свидетельствовали Томас Мор и Фрэнсис Бэкон), и перед нацией явственно замаячила угроза исчезновения.

Коллективизация и «огораживание» суть явления примерно одного порядка, с той лишь существенной разницей, что Сталин действовал, помимо преследования государственных целей, в интересах подавляющего большинства своих сограждан.

Химеры справедливого и благостного самоуправления

Октябрьский переворот, считает немецкий психолог Вильгельм Райх, не был в «принципе социальной революцией» и имел «преимущественно политико-идеологический характер». В его основе лежали идеи, источником которых служили политика и экономика, а не наука о человеке.

Отсюда, для Ленина «биопатическая природа народных масс», то есть, надо полагать, несовершенство человеческой натуры не имело совершенно никакой значимости. Точнее, он не придавал никакого значения тому, что «истинный пролетарий» мог быть весьма безнравственным по своей сути, а знатный помещик или высокопоставленный чиновник, то есть «злодей-эксплуататор», напротив отличаться превосходными человеческими качествами.

В 1917 году Ленин написал одну из самых знаменитых своих работ, сиречь излияний, «Государство и революция». Вслед за Марксом и Энгельсом, Ильич с упоением провозгласил, что «государство есть организация насилия для подавления какого-либо класса». Представляя государство единственно лишь орудием эксплуатации угнетаемых классов, преподобные доктринеры глубоко заблуждались.

Сам термин «государство», вне всякого сомнения, произошел от слова государь, то бишь, правитель, владыка или хозяин. Отсюда,

государство возникло на определенном этапе своего развития, в период, когда люди осознали необходимость его введения для большей и лучшей регламентации своей жизни.

Как известно, понятия государства и страны практически отождествляются. Но последняя, преимущественно, ассоциируется с географической местностью и этносом ее населяющим. В то время как государство обозначает, в первую очередь, форму правления и методы управления.

Утверждением, «когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно», Ленин декларировал своей главной целью построение справедливого самоуправляющегося общества. После узурпации власти Ильичу, полагавшему, что бюрократия есть чисто буржуазное изобретение, самому пришлось, в том числе, учиться специфической аппаратной работе. Даже для образования государства-коммуны оказались необходимыми минимум управленческих кадров и определенные трудовые ресурсы.

Очень скоро у Ленина рассеялись иллюзии в том, что любая кухарка может управлять государством. Пришлось большевикам привлечь «сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества» и работавших (по выражению Ленина) «отчасти сознательно, отчасти бессознательно» против новых хозяев страны.

В начальном периоде внедрения НЭПа доходило до полного абсурда. Князь С.Е. Трубецкой, историк-филолог по образованию, юридически числился особо опасным политическим заключенным Таганской тюрьмы. Фактически он жил в городе (до высылки за границу) и, работая в так называемом «Госсельсиндикате», получал исключительно хорошее жалование золотом или в твердой валюте. Следователем у Трубецкого был чекист Агранов, произведший на него тяжелое впечатление, как «человек восточного типа с очень бледным лицом, длинными, черными и жирными волосами и ярко горящими глазами», подобно наркоману. «Подчас забавно было видеть, - не без ехидства отмечал князь, - как некоторые коммунисты, еще вчера считавшие, что слова «хозяйственный расчет» – попахивают капитализмом, теперь с головой ушли в него...».

Практически с самого начала захвата власти, будучи совершенно неопытным правителем, никудышным аппаратным руководителем, Ленин бессознательно плодил в большом количестве разного рода новые сугубо бюрократические структуры. В его бытность прерогативой ЦК партии, подразделявшегося с 1919 года на Политбюро

и Оргбюро, являлось, преимущественно, политическое руководство. ВЦИК выполнял функции напоминавшие законодательные. На Совнарком (СНК), в который в качестве комиссии входил малый СНК, возлагалась текущая работа. Представители всех трех высших структур власти образовывали в период гражданской войны СО, а затем СТО. Над двумя первыми органами в определенной степени довлели многочисленные и многоголосые съезды. Кроме того, функционировали РВС, ВСНХ, наркоматы и бесчисленные межотраслевые комиссии и комитеты, наподобие Комитета государственных сооружений (Комгосоор). Во всех этих ведомствах происходило бессчетное количество заседаний, столь едко высмеянное Владимиром Маяковским в стихотворной форме. Что характерно для незадачливого правителя, произведение «Прозаседавшиеся» было встречено Лениным восторженно. Давно, по его признанию, не испытывавшему истинного удовольствия, «с точки зрения политической и административной». Ильич в данном случае потешался над самим собой, поскольку истинной причиной неслыханного бумаготворчества и отписок был он сам. Проблемы эффективного управления и поиска оптимальных кадров, первоочередные для любого правительства, оказались неподъемными для Ленина. Хотя он достаточно внимательно знакомился с главными принципами системы американского рационализатора трудового процесса Фредерика Уинслоу Тейлора – «потогонной системой Тейлора» или тейлоризмом.

Следовательно, перед Сталиным, помимо выбора дальнейшего пути развития страны (нещадной борьбы с оппозиционерами), в полный рост стало решение вопроса поиска грамотных специалистов, в первую очередь, управленческих. По мере ослабления деструктивных сил кавказец увеличивает число инструментариев, не отказываясь пока от иностранных спецов по качественному улучшению доморощенных кадров.

1 марта 1927 года в Москве образуется Академия по повышению квалификации административно-командного состава промышленности при ВСНХ СССР (Промакадемия), четыре года спустя развернувшаяся в сеть аналогичных самостоятельных учебных заведений по всей стране. Практически одновременно специальным постановлением ЦК перед партией ставится задача выдвижения «лучших рабочих (партийных и беспартийных) и наиболее близких к Советской власти передовых крестьян», также партийных и беспартийных в государственный аппарат.

Очевидно, Сталин обеими руками голосовал за всемерное развертывание в стране самокритики, поскольку неоднократно высказывался по этому поводу. «Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам, как воздух, как вода. - Истово говорил генсек. - Я думаю, что без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наши язвы, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно». При этом, Сталин в отсутствие оппозиции представлял самокритику, как некий ее заменитель: «…нам нужна самокритика, – не та критика, злобная и по сути дела контрреволюционная, которую проводила оппозиция, – а критика честная, открытая, большевистская самокритика».

В соответствии с чем, в государстве повсеместно имели место прецеденты самокритических высказываний, и лозунг критики «не взирая на лица», критики сверху донизу и снизу доверху» был признан одним из самых злободневных. А в статье, посвященной XII годовщине Октября, вождь особо отметил «**самокритику**», как могучее средство «борьбы с бюрократизмом, сковывающим трудовую инициативу и трудовую активность масс».

Однако «злейший бюрократизм своего государственного аппарата», «тихую сапу вредительства», весьма непросто было преодолеть, сидя за кремлевскими стенами. Тем паче, выдвигая лозунг «самокритики», который изначально предполагает наличие преимущественно доброй воли. В противном случае, грань между здоровой критикой и намеренным злопыхательством очень трудно различить.

На подобную опасность обращал внимание Максим Горький в письме, адресованном Сталину 27 ноября 1929 года. «Густо подчеркивая факты отрицательного порядка, мы даем врагам нашим огромное количество материала, которым они весьма умело пользуются против нас, компрометируя в глазах пролетариата Европы партию и порядок управления страной», в частности, отметил писатель, некоторые «факты и выводы наших собственных самообличений».

«В повседневной жизни не может быть ничего малосущественного», - предостерегал ранее Горький и Ленина в одном послании, в котором камня на камне не оставил от его глубоко порочной концепции «не обращать внимание на мелочи».

Писатель проницательно предостерегал тогда с приведением конкретных примеров приспособленчества, хорошо замаскированного делячества и хищничества, с указанием конкретных лиц о грозящей

государству опасности вследствие коррумпированности новоявленного чиновничества.

Особенно плачевно обстояло дело с организационно-кадровой деятельностью на окраинах огромной державы. И чем дальше от Москвы находился подопечный субъект, тем более смутной на местах представлялась политика высших властных структур государства.

Выступая на заседании Оргбюро по поводу убийства селькора в селе Дымовка Одесской губернии, Сталин как обычно абстрагировался от факта уголовного преступления и поставил вопрос несравненно шире и глубже. Главный вопрос не в том, что убили представителя прессы в деревне, сказал генсек, что само по себе очень плохо, но не в этом основа дела.

Суть дела в плохой постановке работы на местах и, «что на основе новых условий, при нэпе, новый Тамбов или новый Кронштадт вовсе не исключены». Особенно при наличии желания региональных властей ладить лишь с Москвой и не считаться с местными жителями. Дополнительную неразбериху и сумятицу вносили инициативы, направленные на административно-территориальное реформирование. Еще в июне 1922 года Сталин от имени ЦК обвинял партийные органы Казахстана (тогда Киргизский Крайком) в «пассивности и пессимистических настроениях», а советские структуры – в «застое, углубленном наличием мелких и ничтожных группировок».

15 июня 1925 года, в соответствии с волей трудящихся, постановлением Президиума ВЦИК Киргизская АССР была переименована в Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В том же году пресловутый Голощекин возглавил партийную организацию Казахстана, внеся свою немалую лепту в разжигание национальной розни. Помимо высших руководителей в республику в массовом количестве направлялись центром другие кадры, в большинстве своем не имевшие представления о специфике местных условий и зачастую весьма способствовавшие дезорганизации работы.

В сентябре 1928 года постановлением Всероссийского ЦИК Семипалатинская губерния упразднялась в связи с образованием округов и районов. А полгода спустя Н. Жалнин, довольно добросовестный специалист-юрист, весьма пространно докладывал наркому юстиции РСФСР Янсону результаты своей работы. Ему совместно с двумя коллегами ставилась задача: проверка в том числе правильности исполнения вышеназванного ордонанса. Объездив за полмесяца пол-Казахстана, Жалнин повсеместно столкнулся с ужасающей пра-

вовой безграмотностью практически всех слоев населения и структур власти, а также вопиющими случаями коррумпированности их и, что особенно примечательно, органов юстиции. Защита прав и интересов трудового люда – «нераспаханная новь», - грустно констатировал проверяющий. «Местная газета за вчера и сегодня (12 и 13 февраля) вышла с аншлагом: «Ударим по злостным укрывателям хлеба, по кулацким прихвостням и по головотяпам-заготовителям». «Ни на копейку промтоваров, ни медпомощи, ни одной справки из сельсовета,...Таврическому кулачеству, злостно задерживающему десятки тысяч пудов хлеба! Объявляем всеобщий бойкот!» - меланхолично извещал наркомюста Жалнин. «Уполномоченные Окрсуда и Прокуратуры тоже разъехались на места. Опытных работников нет, поехали слабые и хоть они были лично мною инструктированы, все же их работа внушает мне тревогу. Ошибок они там наделают и, хочешь не хочешь, снова придется их исправлять», - со вздохом заключал сообщение Жалнин.

Правовой беспредел на местах – иными словами невозможно охарактеризовать ситуацию, сложившуюся во многих регионах СССР. Гражданское противостояние, едва успевшее затихнуть, могло проявиться вновь в еще больших масштабах, не внеси Москва корректировок в политику противопоставления бедного крестьянства зажиточному. В Казахстане у крестьян-кочевников, бездумная конфискация и обобществление поголовья лишили очень многих единственного источника пропитания. Одни откочевали целыми аулами за пределы родины: Китай, Монголию, Иран, Турцию, а также в соседние республики. Причем не во всех случаях благополучно. Другие устремлялись в поисках средств существования, вплоть до Дальнего Востока, также не всегда успешно.

20 февраля 1932 года II сессия КазЦИК в целях «еще большего усиления конкретного руководства и улучшения связи руководящих органов края» принимает постановление об образовании в КАССР шести областей, в том числе Восточно-Казахстанской, с центром в Семипалатинске. Под его юрисдикцией оказались обширные территории, 21 район и Риддерский рабоче-поселковый совет. Однако порядка в управлении и благополучия в хозяйственных делах не стало больше.

Зимой и весной 1934 года, когда в Европейской части СССР пик голода был уже пройден, на участке «Сенташ» горнорудного предприятия системы «Алтайзолото» буквально вымерли не менее ста рабочих казахской национальности и членов их семей. С подобным

весьма трагическим по своим последствиям сообщением запоздало бил в набат в августе месяце инструктор Восточно-Казахстанского обкома ВКП(б) некто Кесслер. Гибель горняков и их близких произошла вследствие вопиющей халатности и преступной безответственности по линии рабочего снабжения руководством предприятия и области. На отдаленный участок своевременно не были завезены в достаточном количестве продукты питания, а сделать это в суровых зимних условиях было несравненно труднее.

Семипалатинская газета сообщала 26 марта, «что с 16 по 20 марта по Алтаю пронесся небывалой силы снежный буран, нанесший значительный урон рудникам «Алтайзолото»... Толщина выпавшего снега (*очевидно, местами – М.А.*) достигает 8-10 метров. Сейчас рудники отрезаны от своих продовольственных и топливных баз...». Но даже когда началась весна гибнущим от авитаминоза людям не была оказана своевременная помощь. Выпустив залпом тревожные вести, газета затем забыла о них и целиком переключилась на отслеживание акции по спасению челюскинцев далеко на севере и публикации разной другой информации.

«Кто отдан под суд за гибель этих телят?» гласил один из броских заголовков под материалом о падеже одного теленка, «10 баранчиков» и некоторого числа овец.

«Будем как челюскинцы» – называлась заметка от 22 апреля. «На всех предприятиях Семипалатинска прошли митинги, посвященные блестящему окончанию работ по спасению челюскинцев. Коллективы посылают славным героям Севера приветственные телеграммы...» - говорилось в ней.

Так одновременно переплетались в СССР того периода времени диаметрально противоположные вещи: шумная вселенская кампания по спасению челюскинцев на Севере и тихая гибель десятков простых горняков в бескрайней казахской степи. Но если на участников «чудесного» спасения экспедиции О.Ю. Шмидта Сталин пролил дождь званий и наград, то виновников смерти ни в чем не повинных людей также ожидали соответствующие «отличия»...

Зигзаги репрессивно-карательной политики и ее отдельные представители (2)

За окончанием масштабных проявлений открытых форм гражданского противоборства неизбежно последовало дальнейшее ослаб-

ление напряженности. В экономике симптомом разрядки был НЭП. Постепенно в стране складывается новая общественно-политическая обстановка, и власти реагируют на ее изменение. В правовой сфере лозунг революционной и пролетарской целесообразности сменяется девизом «революционной законности». В формировавшейся советской юриспруденции сталкиваются две трудно совместимые тенденции: за всемерное послабление наказаний и против.

6 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет, упразднявший ненавистную многими ВЧК с передачей ее полномочий Народному Комиссариату Внутренних Дел (НКВД). Там было образовано Государственное Политическое Управление (ГПУ), выполнявшее функции ВЧК и лишь номинально принадлежавшее комиссариату. В мае месяце сессией ВЦИК был принят Уголовный Кодекс РСФСР, в проект которого к предлагаемым 6 расстрельным статьям Ленин собственноручно добавил еще столько же. Не удовлетворившись сим, он присовокупил затем «право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно)», а также прибавил расстрел «за неразрешенное возвращение из-за границы». Через день после встречи с наркомом юстиции Курским Ильич отправил ему черновой набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Основная мысль, надеюсь, ясна, писал Ленин Курскому, «несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы». По ленинскому предложению: «пропаганда или агитация, или участие в организации, или содействие» якобы любым контрреволюционным структурам должны были караться высшей мерой наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

В третьей же декаде мая 1922 года, соответственно с ленинскими указаниями, ВЦИК принял Положение о прокурорском надзоре. Была учреждена государственная прокуратура РСФСР в рамках наркомата юстиции. Полтора года спустя был учрежден Верховный суд СССР, составной частью коего стала Прокуратура. После чего начали функционировать две системы, организационно не связанные между собой: названная прокуратура и прокуратуры союзных республик в системе наркоматов юстиции.

По вопросу о применении смертной казни ВЦИК принял компромиссное решение, скорее обозначив ее как высшую меру наказанию.

Максимальный срок лишения свободы устанавливался в десять лет.

С 8 июня по 7 августа 1922 года состоялся первый крупный политический процесс при большевистском строе, инициированный ГПУ, которое чуть позднее стало объединенным (ОГПУ). Верховный трибунал ВЦИК заслушал дело о руководителях партии правых эсеров, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Из 34 подсудимых несколько были оправданы, но многие приговорены к разным срокам и видам лишения свободы. 14 человек приговорили к высшей мере наказания. Двоим из них наказание было отсрочено декретом ВЦИКа, исполнение остальных приговоров отложено. Подобному решению в немалой степени способствовало обязательство, взятое Бухариным и Радеком незадолго до процесса на берлинской конференции трех социалистических Интернационалов.

Ленин был весьма раздосадован действиями своих сотрудников, но согласился с тем, что обещание не предавать смертной казни придется выполнить. Политбюро немедленно размежевалось и в итоге выработало компромисс: не умерщвлять приговоренных до тех пор, пока эсеры-подпольщики будут воздерживаться от якобы террористической деятельности.

Одним из отцов-основателей печально прославившегося впоследствии ГУЛАГа следует признать Дзержинского. Шеф ОГПУ настоятельно рекомендовал 16 августа 1923 года своему заместителю И.С. Уншлихту помимо обоснования ограничения размера применения высшей меры наказания следующее: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. **Мест и пространства у нас достаточно»** (*выделено мной – М.А.*).

Персона самого Дзержинского является исключительно важной для уяснения сущности репрессивной политики советского государства и процессов, охвативших впоследствии карательные органы. Дзержинский, по определению его единомышленника и заместителя В.Р. Менжинского, был рыцарем революции. «По натуре это был очень милый, привлекательный, с очень нежной, гордой и целомудренной душой. Но он никогда не позволял своим личным качествам брать верх над собой при решении того или иного вопроса. ... На меры репрессии он смотрел только как на средство борьбы, причем все определялось данной политической обстановкой...».

По словам Менжинского, Дзержинский был подвижником, че-

ловеком железной воли и крепких нервов, с ясной головой и кристаллической честностью. Занимаемая им должность требовала изрядной гибкости мышления, а также беспрекословной преданности и послушности партии. «Решения Центрального Комитета, указания Ленина были для Феликса Эдмундовича законом», со знанием предмета заверял комендант Кремля Мальков. Особенно необходимо прибавить, после Брест-Литовского кризиса, во время которого Дзержинский оппонировал Ильичу.

Поэтому, повинуясь их воле, «милый и привлекательный» чекист загубил десятки и сотни людей, нисколько не задумываясь, заслуживают они смерти или нет. Одновременно «железный Феликс» оказывался способным на неподдельную заботу и сострадание к проблемам конкретного человека. Он ярчайший пример беззаветного служения, казалось бы, стопроцентно правому делу.

Неприхотливый и бескорыстный в частной жизни до крайностей Дзержинский требовал от своих подчиненных такого же отношения. Однако личности, подобные ему, являются исключением. Дзержинский усиленно прививал чекистам дух революционного энтузиазма, неизбежно угасший после смерти фанатика. Немалая часть его сотрудников вступает впоследствии на скользкий путь коррупции и прямого нарушения своего долга.

Дзержинский возмущенно писал в Политбюро ЦК в декабре 1923 года о том, «что наш судебный процесс заражен неслыханной формалистикой и волокитой, а потому носит характер лотереи, где хищнику и расточителю предоставляется громадное количество шансов остаться совершенно безнаказанным» и прочая, прочая. Глава ОГПУ в одном из пунктов своего послания просил предоставить своему ведомству «права следственного производства» по делам с хозяйственными и должностными преступлениями.

Весьма красноречивые факты неоднозначного судебно-правового положения в стране привел Орджоникидзе, выступая на XV съезде ВКП(б). Из его доклада следовало, что в РСФСР за 1926 год закончено 1422776 уголовных дел. По ним привлечено 1906791 человек. Судоотправление по одной трети из всех дел прекращены, а по четверти оправданы. По одной РСФСР свыше 1 миллиона человек вызывали напрасно. «Украина не отстает от РСФСР, - заявил Орджоникидзе, - здесь, очевидно, идет соревнование. За 1925-1926 годы по уголовным делам вызвано было в УССР 438783 подсудимых, 2074470 свидетелей; по гражданским делам – 1,5 миллиона и 5869 экспертов.

Всего, таким образом, по УССР вызывалось в судебные учреждения в течение одного года 4011366 человек, или 15 % всего населения».

На основании вышеизложенного Орджоникидзе делал вывод о необычайно безалаберном состоянии дела в судопроизводстве. Рутинность, являющаяся неотъемлемым аспектом любого судопроизводства, расценивалась партийно-правительственной верхушкой как недопустимая бюрократическая волокита советских чиновников от юстиции. Партийцам важен был в первую очередь дух закона, а не его буква. Поэтому все больше торжествует понятие революционной законности, абсолютно игнорирующей принципы состязательности сторон в судопроизводстве и презумпции невиновности личности. В результате бурных дискуссий в июле 1923 года по инициативе главного прокурорского работника РСФСР Крыленко ВЦИК принял новое понятие контрреволюционного преступления, довольно сильно расширившего его толкование.

Воодушевленные смертью Ленина белоэмигрантские круги резко повышают свою деятельность. Только за 1924 год в РСФСР было осуждено 2011 человек, почти всем им были инкриминированы контрреволюционные преступления. Ссылаясь на обострение классовой борьбы в городе и деревне, ЦИК СССР 25 февраля 1927 года принял специальное Положение о преступлениях государственных. Репрессивные права и полномочия ГПУ – ОГПУ – НКВД неуклонно расширяются. Меры наказания постепенно ужесточаются с непременным возобновлением смертных казней. Первоначально расстреливают бывших белогвардейцев по обвинению в контрреволюционной деятельности. Двадцать из них во главе с князем Павлом Долгоруким казнили в 1927 году.

С 25 июля по 12 августа 1927 года в Казахстане, в городе Семипалатинске, Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза СССР рассмотрела дело генералов белой армии Б.В. Анненкова и Н.А. Денисова. Генералы, подвергнутые перед этим экстрадиции из Китая, были приговорены к расстрелу.

Широко развернувшаяся индустриализация проходит далеко не гладко, с неизбежными срывами намеченных планов. Должностным лицам, ответственным за их исполнение, легче было объяснить провалы происками врагов, нежели собственными недоработками. Аппарату ОГПУ, как наследнику «славных» традиций ВЧК, тем самым, предоставлялась возможность отличиться. По нашумевшему Шахтинскому процессу о якобы нескольких десятках вредителей в уголь-

ной промышленности смертной казни предается пять специалистов старого режима. Четверо подсудимых, в том числе три иностранца, были оправданы, девять человек приговорены к заключению на срок от одного до трех лет, еще четверо отделались условными мерами наказания. Остальные были наказаны более сурово.

В конце 1930 года завершился громкий процесс по так называемому делу «Промпартии». Основные подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. Однако Президиум ЦИК удовлетворил их ходатайства о помиловании и заменил расстрел десятью годами лишения свободы, соответственно снизив наказание остальным осужденным. Многотысячные демонстрации рабочих, требовавших смертной казни, оказались на сей раз излишними. Власть пока проявляет гибкость в вопросе лишения жизни и изобретательность по другим мерам наказания. Все больший и больший размах приобретают ссылки с организацией принудительных работ.

Впервые указание на высылку как на меру наказания можно обнаружить в инструкции Наркомюста революционным трибуналам, изданной в 1917 году. Ею предоставлялось право удалять из столиц, отдельных местностей или из пределов Советской республики «порочных элементов». Из Москвы, Ленинграда, Ростова и других городов ВЧК тысячами выселяла лиц, подпадавших под эту «категорию». В середине 1919 года Президиум ВЦИК дал несудебные полномочия органам ВЧК по заключению в концентрационные лагеря для производства принудительных работ на срок не свыше трех лет.

Хотя формально преемником Дзержинского на посту главы ОГПУ стал болезненный Менжинский, фактически всеми делами заведовали его заместители Генрих Ягода и Меир Трилиссер. Очень скоро между ними развернулась борьба за первенство, в которой вверх одержал более изворотливый Ягода. Последний является истинным архитектором ГУЛАГа, особенно отличившимся в организации массовых репрессий при осуществлении коллективизации. Уже 2 февраля 1930 года, за двое суток до получения из ЦИК и СНК секретной инструкции, то есть руководства к действию, Ягода издает «исключительно» исчерпывающий приказ за № 4421 по ОГПУ. Мероприятия в нем, в целях организации «сокрушительного удара» по кулаку, разворачивались по двум линиям: 1) **Немедленной ликвидации** контрреволюционного актива; 2) **Массового выселения** «всего кулацкого кадра» (*выделено мной – М.А.*). Следовательно, достаточно да-

леко выходили за рамки, впрочем, не слишком внятных указаний вышестоящих инстанций.

Нагнав в кратчайшие сроки в Северные края, не готовые к столь массовому наплыву, десятки тысяч крестьянских семейств, ведомство Ягоды вынуждено было заняться их размещением и обустройством.

Хотя первоначально высшими властными структурами подразумевалось, что с задачей размещения, трудоустройства и жизнеобеспечения ссыльных крестьян справятся местные власти. Инструктор наркомата земледелия (НКЗ) СССР некий Снетков докладывал, что к середине апреля 1930 года в Северный край прибыло около 375 тысяч кулаков и членов их семей. На момент проверки там еще не подготовились к размещению людей. Условия их проживания были ужасными, лишь впоследствии власти догадались образовать специальные поселки для переселенцев. На местах к раскулаченным относились неоднозначно.

В докладной записке «О состоянии дела спецпереселенцев в Восточно-Сибирском крае» проверяющие Гарин и Веверс констатировали, что в отдельных случаях советские хозяйственные органы (хозорганы) относятся к спецпереселенцам, как к животным.

В мае 1931 года верхами принимается решение «ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в их содержании хозорганами – передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам...». Так был практически завершен процесс образования печально знаменитого ГУЛАГа.

Проходит довольно много времени, прежде чем Сталин набирается решимости «окончательно решить вопрос» со своими недавними высокопоставленными коллегами по партии. Последние никак не могли смириться с тем, что презираемый ими кавказец занял лидирующее положение в партии и государстве. Разбитые в честных и длительных публичных дискуссиях виднейшие оппозиционеры, тем не менее, не унимаются. Поскольку у них имеются пусть и немногочисленные сторонники, все вместе они производят много шума, дезориентируя и мешая работать пока лишь рядовым членам партии.

Небезызвестный деятель Г.И. Сафаров назначения на дипломатическую работу в Китай, а затем в Турцию воспринимает исключительно как ссылки. Его поддерживают Троцкий, Зиновьев, Смилга и направляют петицию в Политбюро с требованием отмены «высылки». К тому же диссиденты вносят раскол в международное комму-

нистическое движение. Вместо того, чтобы объединять пролетариев всех стран, российские большевики никак не могут сплотиться сами. Помимо ярого несогласия с делами партийными оппоненты выступают с личными нападками на Сталина. Между сталинцами и их противниками разгорается яростная борьба, в том числе, за революционные биографии своих вождей. Однако Сталин по природе гораздо менее беспринципен, чем Ленин, и не собирается вечно мириться с подобными склоками.

К тому же, несомненно, к более жестким мерам его подталкивают ближайшие соратники. Они аргументированно доказывают вождю, что личности, подобные Троцкому, Зиновьеву и Каменеву совершенно неисправимы. Последние двое показали себя совершенно ненадежными партнерами еще с времен Октября. Высылка Троцкого в Алма-Ату действенных результатов не дала. Далеко от Москвы, в центре Азии, ссыльный развил еще более кипучую деятельность, хотя первоначально охотился и рыбачил до умопомрачения. Только с апреля по октябрь 1928 года Троцкий отправил из Алма-Аты 800 политических писем, многие по размерам – чуть ли не статьи, и 500 телеграмм, получил тысячу писем и 700 телеграмм, не говоря о личной переписке.

Как наиболее оголтелого и непримиримого, его высылают из страны, а впоследствии лишают гражданства и права возвращения в СССР. В отличие от Троцкого подавляющее большинство оппозиционеров пишут покаянные письма в адрес ЦК партии и лично Сталина с клятвенными обещаниями не заниматься впредь раскольнической деятельностью. Не все из диссидентов придерживаются своих публичных заявлений, поэтому их клеймят как двурушников и предателей. На Зиновьева и Каменева, как бывших лидеров партии, ориентировались и вступали с ними в контакт многие из тех, кто был не согласен с курсом Сталина и его сторонников.

В начале тридцатых годов вследствие грандиозных перемен политическая обстановка неминуемо обостряется. Материальное положение отдельных категорий населения ухудшилось. На этом фоне активизировались силы, выступавшие с резким осуждением сопутствовавших преобразованиям негативных явлений.

Особенно отличился партийный функционер средней руки Мартемьян Рютин, подготовивший проекты двух документов под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)». На основе этих документов была со-

здана организация, получившая известность как «группа Рютина» или «Союз марксистов-ленинцев», а также утверждена ее платформа. Достаточно процитировать несколько пассажей из примечательного опуса «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», чтобы стало понятно, на каком некорректном до ядовитости фундаменте она зижделась. «В теоретическом отношении Сталин показал себя за последние годы полнейшим ничтожеством, но, как интриган и политический комбинатор, он обнаружил блестящие таланты... Ограниченный и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероломный и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый и упрямый, Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро – такова идейно-политическая и духовная физиономия Сталина».

Помимо оскорбительных личных нападок на Сталина в материалах Рютина, в частности, декларировались сомнительные по ценности рекомендации, как-то – «прекращения инфляции», «возвращение к ленинской политике цен», «прекращение экспорта за бесценок продуктов сельского хозяйства и промтоваров широкого потребления».

11 октября 1932 года коллегией ОГПУ участники группы Рютина были приговорены к различным срокам заключения. Наибольший срок получил Рютин, приговоренный к 10 годам тюрьмы. Позднее он был расстрелян. Всего тогда по делу о так называемом «Союзе марксистов-ленинцев» было привлечено сначала к партийной, а затем и уголовной ответственности 30 человек.

Каменев был отправлен в ссылку на три года в сибирский городок Минусинск, а Зиновьев, также на три года, на север Казахстана, в город Кустанай. Бывшие наперсники Ленина были ознакомлены с рютинскими измышлениями. Они не поставили в известность соответствующие инстанции и, тем самым, оказались невольными пособниками деятельности «марксистов-ленинцев.

В сложной, достаточно нестабильной внутриполитической обстановке в стране ооппозиционеры неизбежно становятся первыми мишенями для карательных органов государства, неизбежно претерпевающих разительные метаморфозы.

Резюме раздела. Сталин отчасти явился продолжателем дела революции, начатой Лениным. Если последний уничтожил крупных землевладельцев-помещиков, а также акул российского капитализма, то Сталин ликвидировал кулачество и новоявленных советских буржуа – нэпманов. Он начал строить так называемую командно-

административную экономику. Ее фундаментом являлась общественная собственность практически на все материальные ресурсы и коллегиальное принятие экономических решений методом централизованного планирования. А идеологической надстройкой служило коллективистское или социалистическое общество.

Таким образом, Сталин, хотя и не в полной мере, отверг основополагающие принципы капиталистической экономики – частную собственность и свободу индивидов заниматься ими самими избранным видом экономической деятельности в качестве средства повышения своего материального благосостояния. Предприимчивость отдельной индивидуальности как новатора, берущего на себя ответственность за принятие трудных решений в процессе ведения бизнеса, соединяющего в единое целое ресурсы земли, капитала и труда для производства товара или услуги – практически исключалась сталинцами. Более того, предпринимательская способность (предприимчивость) ставилась практически вне закона.

Тем самым, Сталин объявлял серпасто-молоткастый поход против одного из существеннейших компонентов человеческого бытия – собственнического инстинкта. Добиваться определенных результатов в этом деле можно было преимущественно силовыми методами.

VII
Твердой поступью к социализму

> «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять»
>
> *И. Сталин*

Трагедия кремлевской семьи

В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года, то есть сразу после окончания празднеств, посвященных 15-летней годовщине Октября, в кремлевских апартаментах Сталина прозвучал негромкий выстрел из пистолета. Преждевременно оборвалась жизнь Надежды Сергеевны Аллилуевой, второй жены генсека. Сталин вновь в одночасье овдовел при весьма трагических и неожиданных обстоятельствах – самоубийстве супруги.

Накануне столь знаменательную дату продолжали отмечать на квартире Ворошилова довольно большой компанией. Надежда Ал-

лилуева весьма нервничала там и, в конце концов, демонстративно покинула шумное застолье. Вторая половина Молотова, Полина Жемчужина, устремилась вслед за Аллилуевой во двор Кремля. Никто из сотрапезников не обратил особого внимания на их действия – веселье продолжилось...

Со своей второй женой, младшей из сестер Аллилуевых, Сталин впервые повстречался в 1912 году в Петербурге, когда ей едва минуло десять лет. Они сошлись спустя пять лет в том же городе, еще до переезда правительства в Москву и узаконили свои брачные отношения 24 марта 1919 года.

Очевидно, в решении жениться вторично на юной Надежде Аллилуевой у Сталина превалировал практицизм. Он делал успешную карьеру в период гражданской междоусобицы, и прозорливому новоиспеченному государственному деятелю понадобилось завести семью. То есть, приобрести женщину, в первую очередь, для улучшения обустройства его так называемых бытовых условий.

Надежда была на двадцать с лишним лет моложе Сталина. Разница в возрасте существеннейшая. В решении выйти замуж за видного революционера она, в большей степени, если не целиком, руководствовалась романтическими чувствами, нежели разумом. Супружеские неурядицы, о которых стало известно благодаря рассказам доверенных лиц Ленина – Фотиевой и Володичевой, старших коллег Надежды по секретариату СНК, начались у них сразу же.

В качестве личного секретаря Надежда выезжала со Сталиным в Царицын, а с 1919 года работала в аппарате СНК и редакции журнала «Революция и культура». Тогда же она вступила в партию и, любопытный штрих, в декабре 1921 года, во время чистки, Аллилуева исключалась из рядов РКП(б). Однако она опротестовала данное решение и, благодаря личному письменному ходатайству Ленина (а не Сталина) в Центральную комиссию по очистке партии, восстановилась в качестве кандидата.

К тому времени у Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой родился первенец – сын Василий. Перед самыми родами еще один примечательный штрих: Надежда самочинно ушла из дома, и никто не знал, где она находится. Жена Сталина подарила ему мальчика в одном из родильных домов на окраине Москвы без малейшей опеки со стороны родственников.

Весной 1922 года Надежда вместе с маленьким Василием провела несколько недель в Грузии. Она лично представилась тогда мате-

ри Сталина, который черкнул своей родительнице лишь несколько многозначительных строчек: «16 апреля 1922г. Мама-моя! Здравствуй! Будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные». Эта женщина – моя жена. Постарайся не дать ее в обиду. Твой Сосо».

Более чем короткое послание как нельзя лучше характеризует суть мировоззренческой философии Иосифа Сталина – суть стоика и до некоторой степени фаталиста и антифеминиста.

Постепенно Надежда Аллилуева все больше включалась в общественную работу. Воспитанием детей, если таковое имело место, в основном занимались ее родители и обслуга.

Годы шли своим чередом и постепенно отчуждение между супругами возрастало. Надежда не единожды уходила от Сталина вместе с детьми и неоднократно объявляла о своем намерении после окончания Промакадемии переехать к родственникам либо свести счеты с жизнью. Несомненно, супруг и ее родственники не воспринимали демарши Надежды серьезно.

Между тем кремлевское семейство увеличивалось. В 1926 году у них родилась дочь, нареченная Светланой. К тому же старший сын Сталина – Яков переехал в Москву на учебу, что в некоторой степени влияло на семейный климат. Еще раньше у Сталиных стал жить на правах приемного сына осиротевший отпрыск известного большевика Ф.А. Сергеева (Артема).

Преимущества семейного очага Сталин, несомненно, очень ценил. Его семье была выделена дача, принадлежавшая до революции капиталисту Зубалову. В основном благодаря сталинским инициативам она превратилась в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток. Там было также уютное место для общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах.

После смерти Надежды Аллилуевой все это исчезло как дым. Изучение интимной переписки Сталина и Аллилуевой, опубликованной в последние годы ушедшего столетия, приводит к мысли о том, насколько они все же были разными людьми. Кавказец пишет, точнее, лишь раскованно черкает краткие записочки, но в них явственно ощущаются любовь, забота и доверие. Характерна сама манера обращения к жене, порою нарочито дурашливая. Вот некоторые образчики стиля Сталина: «1 сентября 1929г. Здравствуй Татька! ... Как

только выкроишь себе 6-7 дней свободных, катись прямо в Сочи. Как дела с экзаменом? Целую мою Татьку. И. Сталин.», «Татька! Письмо получил. Передали ли тебе деньги? Погода у нас выправилась. Думаю приехать через неделю. Целую крепко. Твой ИОСИФ. 30/IX – 29 г.».

Послания Надежды намного многословнее, гораздо суше, строже и слишком серьезны. В основном, она обращается к мужу: «Здравствуй, Иосиф!», то есть, сугубо официально. Кроме рассказов о своих личных заботах жена Сталина нередко и пространно повествовала о делах общественных и настроениях в местах публичных. При этом она довольно опрометчиво пытается порою повлиять на какую-либо ситуацию, особенно будучи убеждена в своей правоте, что отнюдь не приветствуется более осторожным супругом.

Так, к примеру, Надежда встревает в тяжбу между некими Ковалевым и Круминым – сотрудниками газеты «Правда». Причем как видно из содержания ее письма, без весомых оснований. Надежда Сталина упорно грызет гранит науки в Промакадемии. В ней «публика очень хорошая и живет дружно» – отмечает она в письме от 27 сентября 29 года. «В отношении успеваемости делают определения след(ующим) об(разом): кулак, середняк, бедняк. Смеху и споров ежедневно масса. Словом, меня уже зачислили в правые», - мимоходом сообщает Надежда Сталину. К «правым», то есть к приверженцам бухаринского видения определения курса страны.

Надежду «будто сжигала постоянная внутренняя борьба, жажда самоутверждения», обмолвился ее племянник Владимир Аллилуев. Очевидно, она принадлежала к тем предельно эмансипированным женщинам, которые стремятся не только быть равными во всем мужчинам, но и пытаются превзойти их, упорно не замечая ограниченности своих природных возможностей, в немалой степени способствовавших душевному разладу и утрату смысла жизни.

Суицидальные настроения Надежды, возможно, усиливали родительские гены. Ее мать, Ольга Евгеньевна Аллилуева, не отличалась отменным психическим здоровьем. К тому же у Надежды развивался тяжелый недуг – окостенение черепных швов, информирует Владимир Аллилуев. Болезнь прогрессировала, провоцируя приступы головной боли и состояния депрессии.

Сталин, вероятнее всего, не имел представления о масштабах заболевания супруги. Утверждать, что он являлся хорошим мужем и на редкость чадолюбивым отцом, значило бы погрешить против ис-

тины. Но это и неудивительно. Сталин был в первую очередь политиком и государственным деятелем. Большую часть его времени и помыслов занимала работа, то есть исполнение многочисленных должностных обязанностей. Он был всецело поглощен претворением в жизнь грандиозных планов переустройства страны. Отсюда, вождь вынужденно уделял мало времени семье, то есть жене и детям. Косвенно он несет некую ответственность за самоубийство супруги, но в основном Надежда виновата сама.

Крупнейший австрийский психотерапевт Виктор Франкл утверждает: «ни одно самоубийство не может быть нравственно оправдано». Как бы ни терзался самоубийца, оно «лишает возможности искупить страдания, которые он сам причинил другим». Вместо того, чтобы разобраться, как бы ни было трудно, со своими несчастьями и несправедливостями, «суицидент просто кончает с собственным «Я».

Практически каждый индивид имеет свою цель в жизни, которую гипотетически он в состоянии достичь. Утрата цели, или смысла существования (благоговения перед жизнью) толкает человека на самоубийство, но, тем самым, он поступает в крайней степени безответственно.

Ближайшие родственники также винили в произошедшем Надежду и жалели Сталина, ошеломленного до глубины души самоубийством супруги.

Через полтора года после смерти Надежды Аллилуевой, в конце более обстоятельного, чем обычно, письма своей матери у стального человека вырывается: «...После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен всегда быть мужественным». В предыдущих строчках вождь заверял также родительницу: «я свою долю выдержу».

Вне всякого сомнения, Сталину крайне необходима была жена, чисто по-человечески, как общепринято. Причем эта женщина не просто обустраивала бы его не слишком притязательные жизненные условия и воспитывала детей. Ему нужна была женщина простая и мудрая одновременно, неприхотливая и без политических амбиций. Она могла бы поддержать Сталина в какую-нибудь трудную минуту практическим советом.

Представительницы прекрасной половины человечества, хорошо дополнявшие своих мужей – глав государств, порою оказывали благотворное влияние на политику, проводимую в стране. Однако бывали и примеры прямо противоположные.

Сопоставление: Николай II и Сталин. Последний самодержец всероссийский Николай II Романов был полным антиподом Сталина, как в частной жизни, так и в делах всецело подвластной ему необъятной империи. По складу характера, а также по воспитанию и образованию, он не проявил никаких качеств, присущих истинному политическому и государственному деятелю. Несомненно, царь был русским патриотом и обладал большим личным мужеством, так как во главе своих домочадцев достойно принял мученическую смерть.

Но он не владел в полной мере тем видом мужества, которое обычно именуется гражданским. Николай II был идеальным семьянином, то есть прекрасным мужем и отцом. Сердце монарха было настолько переполнено горячей любовью к своим родным, что это чувство совершенно парализовало его волю политика и разум государственного деятеля. Царь был духовно порабощен семьей, особенно более волевой супругой и проблемами неизлечимо больного наследника.

Ярко выраженный мистицизм его венценосной супруги, императрицы Александры, вызывался причинами психологическими. Императрица слепо верила лжепророку Григорию Распутину и, чтобы не расстраивать горячо любимую супругу, Николай II был вынужден терпеть присутствие экстрасенса вблизи двора, что наносило его имиджу правителя огромный урон.

Самые грязные и невообразимо гнусные инсинуации об отношениях императрицы и Распутина разносились в разных слоях российского общества. Обладая также более твердым характером, царица оказывала большое влияние на политические решения царя и была реальным противовесом самым даровитым министрам.

А Николай II проявлял в государственных делах поразительные слабость и неосмотрительность. Летом 1905 года император опрометчиво подписывает в Бьерке без согласования с министерством иностранных дел секретный договор с германским монархом Вильгельмом II. Дезавуировать сей документ впоследствии стоило многотрудных усилий всей российской дипломатии.

Самодержец дал затем втянуть себя в войну, которая мало отвечала национальным интересам России. В самом начале наступление русской армии в Восточной Пруссии существенно помогло республиканцам-французам, зато оно стоило России колоссальных людских потерь. В ходе неблагоприятно складывавшейся военной кампании Николай II связал себя обязательствами не заключения сепарат-

ного мира и не выхода из войны без согласия стран Антанты. В конечном счете, поглощенность семьей и политическое безволие сделали свое черное дело.

В разгар мировой войны, полностью утратив управление государством, царь был вынужден отречься от престола. Сделал он это, как человек, с плеч которого свалилась огромная ноша. Именно психологическим облегчением, а не равнодушием объясняется внешне бесстрастные записи сделанные экс-царем в дневнике, сразу после отречения.

Как монарх и высокородный вельможа он выполнил свои обязанности насколько мог, до конца, а как человек порядочный и благоразумный он покорился обстоятельствам. Теперь царь вверял нести этот тяжкий крест другим.

Еще один аспект необходимо выделить в судьбах двух правителей России, царя и Сталина. Николай Романов был практически обречен стать самодержцем. При восшествии на трон его жизненный опыт был весьма невелик. Даже покушение в Японии в бытность его цесаревичем – наследником престола, не оказало предостерегающего воздействия. Между тем это был знак грядущих испытаний, ибо пролилась кровь будущего венценосца.

Путь Сталина к власти был гораздо более тернист. Он с детских лет на себе лично испытал всю долю тягот и невзгод. Поэтому его действия, как правителя, в корне отличались от легитимных по праву престолонаследства.

Последний царь повседневно и повсеместно лишь тянулся за водоворотом бурных имперских событий.

Сталин практически всегда стремился владеть ситуацией не только в стране, но и мире. Он пытался превентивными мерами обезвредить противоборствующие его замыслам силы.

В отличие от последнего самодержца России Сталин и его единомышленники не допускали роскоши быть в политике благородными и неосмотрительными. И если решали обезвредить или изолировать своих внутренних противников, то делали это основательно и надежно.

В супружеской жизни, необходимо констатировать, Сталин потерпел совершенное фиаско. Но если его первая жена просто тихо отошла в иной мир, то суицидальным уходом из жизни Надежда Аллилуева принудила ощутить Сталина весьма ущербным. Кроме

всего прочего, вождя, возможно, угнетали мысли о том, что его несчастью порадуются многочисленные политические противники. Самоубийством супруги Сталин был выведен из душевного равновесия надолго, пожалуй, навсегда. С утратой второй своей половины у Иосифа Сталина могла исчезнуть бесповоротно частица гуманности его натуры.

Краткая биографическая хроника скупо сообщает, что 11 ноября И.В. Сталин провожал гроб с телом Н.С. Аллилуевой-Сталиной на Новодевичье кладбище. Лишь спустя неделю, 18 ноября в газете «Правда» Сталин благодарит организации, учреждения, товарищей и отдельных лиц, выразивших соболезнования по поводу кончины жены.

Далее в хронике вплоть до нового года не сообщается ничего заслуживающего внимания о его практической деятельности. Между тем, 11 декабря «Правда» публикует Постановление ЦК ВКП(б), датированное днем предыдущим, о проведении чистки членов и кандидатов в члены партии в 1933 году. Удивительно, но в преамбуле документа дается ссылка на решение партконференции почти четырехлетней давности. В связи с чисткой прекращался «со дня опубликования настоящего постановления прием в кандидаты и перевод в члены партии по всему СССР как в городе, так и в деревне».

Месяц спустя на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором Сталин выступал с докладом об итогах первой пятилетки и речью «О работе в деревне», отдельной резолюцией решение о проведении чистки официально одобряется. Однако полного единодушия об организации достаточно спонтанного действа быть не могло.

Судя по всему, смерть жены обусловила проведение чистки партийных рядов. То есть личное горе вождя повлияло на дела партийные и государственные.

Не совсем ясно, оставила ли Надежда Аллилуева предсмертную записку своему мужу-обидчику. Вероятность этого достаточно велика. Помимо предъявления претензий личного характера, она могла попытаться рассчитаться с супругом и путем выдвижения политических обвинений.

Широкомасштабные изменения, происходившие повсеместно в стране, не могли проходить без накладок и извращений. Поэтому наряду с указанием на ошибки и искажения, то есть с критикой конструктивной, были и откровенные спекуляции на трудностях, а также огульное охаивание, в том числе и личности Сталина. Ряды оппозиционеров, хотя и не столь ярко выраженные как прежде, продол-

жали действовать достаточно напористо. Надежда Аллилуева могла быть знакома с материалами, подготовленными Рютиным. Весьма вероятно, Надежда Аллилуева была возмущена репрессивными мерами, примененными к ближайшим ленинским соратникам. Еще ранее Бухарин называл некоторые жесткие действия Сталина чингисхановскими. Одного из главных оппонентов ее мужа и Надежду связывали узы тесной дружбы. Недопустимые, по ее мнению, политические действия Сталина могли явиться одним из факторов, повлиявших на решение Надежды уйти из жизни.

На фоне коллапса капиталистической экономики

За годы 1-ой сталинской пятилетки (1928-1932 годы) Советский Союз совершил беспрецедентный скачок вперед по пути превращения в мощную индустриальную державу. За эти годы было введено в действие около полутора тысяч крупных предприятий разного профиля. В азиатской части страны начали функционировать Магнитогорский и Кузнецкий металлургические гиганты. Были построены тракторные заводы в Царицыне (Сталинграде), Харькове, Челябинске, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде.

С вводом в действие стратегически важной транспортной Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиба), произошло соединение Сибири с югом Казахстана и Средней Азии. Почти три четверти века красуется в Семипалатинске символ Турксиба – ажурный железнодорожный мост через реку Иртыш. Хлопок и рис с юга кратчайшим путем пошли на северо-восток взамен на сибирские хлеб, лес и металл.

В октябре 1932 года была запущена первая очередь такого энергетического гиганта, как Днепрогэс.

Особым партийным постановлением акцентируется дальнейшее развитие Караганды, как выдающейся топливной базы СССР, обеспечивающей высококачественными коксующимися углями мощные домны Магнитогорска.

В обновляющихся деревнях появлялось все больше тракторов, комбайнов, автомобилей и других мощных средств транспорта и механизации.

Ускоренная индустриализация такой огромной и вместе с тем отсталой в экономическом отношении страны, каковой являлся СССР в тот период, в исторически кратчайшие сроки, сопряженная с тяже-

лыми аграрными реформациями, представляла колоссальные трудности. По мере их преодоления страна разительно меняла свой облик. Кроме строительства гигантов тяжелой индустрии Советами уделялось и определенное внимание объектам коммунального назначения, особенно в Москве. Столицу Советского Союза в первую очередь планируют тогда сделать качественно иным городом. В ней реконструируется водопровод, асфальтируются дороги, строятся новые здания и сооружения, а также средства сообщения, то есть метро и троллейбусные ветки. Перемены в жизни людей были довольно ощутимы.

Жизненный настрой большей части населения страны был высоко оптимистичным, на что не преминул обратить внимание Бернард Шоу. Драматурга «возбуждал замах, с каким Советы расчищали страну от вековой завали. Народные фабрики и колхозы; дворцы и дома отдыха, где тысячи рабочих и представителей интеллигенции проводили свой отпуск и выходные дни; восхитительные коллекции картин, составляющие народную собственность; отделения милиции с рассудительными женщинами-милиционерами...» – всему этому Шоу поражался от всего сердца.

«Русская деревня так ужасна, - засвидетельствовал драматург, - что можно понять коммунистов, которые сжигают ее, как только уговаривают жителей вступить в колхоз и жить по человечески». И совершенно очевидно, «что Советская власть действует в интересах цивилизации», когда напористо меняет многовековой уклад сельчан.

Решительно преобразовывал страну Сталин. Об одном из примеров колоссального охвата мышления коего поведал Адмирал флота СССР И.С. Исаков – в то время (а именно - проводки первого маленького каравана военных судов через Беломорско-Балтийский канал (Беломорканал) из Балтийского моря в Белое) начинающий флотский деятель. В кают-компании миноносца, глядя в иллюминатор и как бы размышляя вслух, Сталин вдруг сказал: «Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь море, здесь окно! Здесь должен быть Большой флот, здесь. Отсюда мы сможем взять за живое, если понадобится, Англию и Америку. Больше неоткуда!».

Следовательно, еще в начале тридцатых годов Сталин неотвязно думал о путях всемерного повышения могущества государства, как экономического, так и военного. Отсюда, сооружением Беломорско-Балтийского канала не ограничивался замысел водного пути, соединявшего Северный Ледовитый океан с Атлантическим. Слишком

велики были выгоды. Ранее требовалось 17 суток, дабы обогнуть весь Скандинавский полуостров и попасть на пароходе из Ленинграда до Белого моря. С постройкой канала этот путь сокращался в три с половиной раза.

На очереди теперь стояли Волго-Балтийский и Волго-Донской каналы, посредством строительства которых Россию буквально пронизывала сеть водных трансконтинентальных артерий. А Северный Ледовитый океан также соединялся с Каспийским, Черным и Средиземным морями. Впоследствии, сооружение новых водных путей внесет свою лепту в отражение огромной внешней угрозы.

Пока Сталин стремительно менял облик России, в капиталистическом мире продолжал бушевать экономический кризис. Разрушительное воздействие его на экономику многих стран было огромно. С наибольшей силой кризис поразил самую развитую страну мира – США. Промышленное производство в охваченных «Великой депрессией» странах резко упало. Прекратили финансовые операции многие весьма крупные банки. Произошел колоссальный рост безработицы. Кризис пагубно сказался на внешнеэкономических отношениях, особенно мировой торговле. Ее объемы резко сократились. Крупнейшие монополии инициировали настоящие войны: торговые, валютные и таможенные. Напряженность в международных делах все возрастала. Изначально непрочные, версальские, а затем и вашингтонские мирные договоренности рушились. Деятельность Лиги Наций как инструмента незыблемости мира оказалась малоэффективной. Во многих европейских странах устанавливаются в тот период времени авторитарные режимы: Болгарии, Югославии, Австрии, Польше, Португалии, Румынии, Венгрии...

Кризис способствовал утверждению плановости в экономике и укреплению авторитета СССР как поборника планирования. Получило широкое распространение мнение, и не только в Советском Союзе, что сбывается предсказание марксистов о неминуемом крахе капиталистической системы. А советский пятилетний план, условия принятия и осуществления которого были недостаточно изучены и проанализированы, показался многим новаторским эталоном.

В создавшейся ситуации в мире Сталин и его ближайшее окружение вполне резонно считают, что относительно капиталистического сообщества, их государство держит правильный путь. Кризис капиталистического перепроизводства не грозит экономически достаточ-

но независимому Советскому Союзу. Количество стран, стремящихся признать СССР и завязать с ним отношения, неуклонно растет.

В первой половине 1932 года были подписаны договора о ненападении с Финляндией, Латвией, Эстонией и Польшей. В ноябре того же года состоялось подписание аналогичного советско-французского договора. Многочисленные визиты видных западных деятелей культуры и общественности в тот период времени приняли характер форменного нашествия в страну Советов.

Из тогдашних аудиенций Сталина необходимо выделить одну – данную им полковнику Реймонду Роббинсу. Последний, американский бизнесмен и общественный деятель, был весьма колоритной личностью. Заокеанская пресса дала ему примечательное прозвище: «Миллионер, который любил Ленина». Роббинс впервые прибыл в Россию в 1917 году, тогда же познакомился и неоднократно встречался с Ильичом. Возвратившись в Америку, он активно выступал за увеличение взаимовыгодных контактов между двумя странами. Вплоть до своей кончины, в возрасте 80 лет, наступившей в 1954 году, американец оставался поклонником Советской России. Полковник Робинс внес свою весомую лепту в установление дипломатических отношений между СССР и США.

Минуло полтора десятка лет и вот он вновь очутился в Кремле, но ведет уже дружескую беседу с Сталиным. Роббинс говорит Сталину, что необычайно «ярко и остро почувствовал развитие России за пятнадцать лет». На что вождь отвечает: «Кое-что за последнее время мы успели сделать. Но срок в 15 лет – это большой срок».

В подобном ключе продолжалась вся встреча. Роббинс проинформировал Сталина, что «приехал в качестве частного гражданина» и имеет главную цель в установлении перспектив сотрудничества. Он выделил три наиболее интересовавших его вопроса: созидательная способность русских рабочих, положение сельского хозяйства и народного образования, воспитания и развития детей и молодежи. «Каждый год утверждают, что Россия» вот-вот умрет от голода, – заметил Робинс, поэтому он решил своими глазами удостовериться в истинном положении дел.

Собеседники проявили полное единодушие и взаимопонимание. Относительно коллективизации Сталин сказал, что она «как и всякое большое новое дело, имеет не только друзей, но и врагов. Трудности есть, конечно, и немалые». На что Роббинс незамедлительно откликнулся: «**Всякое продвижение вперед требует известных**

издержек, и это мы принимаем во внимание и включаем в наши расчеты» (*выделено мной – М.А.*).

Одним из следствий его визита было установление полгода спустя дипломатических отношений между СССР и США, что явилось весьма важным событием в международной жизни.

Данная акция свидетельствовала о росте влияния Советского Союза на мировой арене, а также проявления гибкости и дальнозоркости Франклина Делано Рузвельта, ставшего президентом США в 1932 году. В отличие от американских, британские правящие круги, вдохновленные возвратом первенства в мировой торговле, периодически проявляют непоследовательность в отношениях с СССР.

В октябре 1932 года СССР де-факто восстановил дипломатические отношения с Великобританией – одной из крупнейших и влиятельных стран, наиболее враждебно относившихся к режиму, установленному Советами. Скандальное дело английского золотодобывающего акционерного общества «Лена голдфильдс лимитед» не способствовало улучшению отношений. Спор затянулся на долгие годы, в отличие от другого характерного инцидента, в котором также оказались втянутыми дипломатические ведомства обоих государств.

Практически вся первая половина 1933 года в советско-британских отношениях прошла под знаком конфликта, связанного с арестом в Москве служащих английской компании «Метро-Виккерс» по обвинению в участии организации выхода из строя оборудования на электростанциях системы Мосэнерго. Советско-британские отношения потеплели лишь, когда осужденным англичанам Президиум ВЦИК в порядке амнистии заменил заключение высылкой из СССР.

В начале 1934 года, в Лондоне, после долгих лет неприязненных отношений, многомесячных проволочек, состоялось подписание торгового соглашения между СССР и Великобританией. Соглашение стало необходимой базой для дальнейшей нормализации экономических отношений между странами с различными общественно-политическими ориентациями. Этот факт – крупное достижение в первую очередь в политике СССР.

Несомненным свидетельством растущего влияния Советского Союза явилось приглашение ряда стран войти в мировое сообщество – Лигу Наций. В сентябре 1934 года СССР становится ее членом, с постоянным местом в Совете. Внутреннее положение государства также представлялось руководством Советского Союза преимущественно стабильным. Еще в конце 1933 года в беседе с кор-

респондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» Дюранти вождь на последний вопрос репортера о том, что является наиболее важной проблемой внутренней политики СССР ответил следующим образом: «Развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного. Разрешение этих вопросов не так легко, но легче, чем те вопросы, которые мы уже решили, и я уверен, что мы разрешим их. Проблема промышленности решена. Проблему сельского хозяйства, крестьянско-колхозную проблему – самую трудную проблему – можно считать уже решенной. Теперь надо решить проблему товарооборота и транспорта».

В то же время, несмотря на разгром главных политических противников Сталина, внутри партии достаточно неспокойно. Между ЦК и ЦКК, двумя главнейшими партийными структурами, исподволь ведется ожесточенная борьба за первенство.

В конце апреля 1933 года принимается довольно внушительный и предельно развернутый рескрипт о чистке партийных рядов. Ее необходимость мотивируется огромным и бесконтрольным притоком за последние два с половиной года новых партийцев. Руководство чисткой возлагалось на Центральную комиссию во главе с Рудзутаком (тогдашним главой ЦКК и РКИ), Кировым и другими.

Проведение чистки декларировалось посредством бескомпромиссной большевистской самокритики («не взирая на лица») для вычищения из партии всех классово чуждых и враждебных элементов, обманным путем пробравшихся в партию; а также двурушников, перерожденцев, карьеристов, шкурников, разгильдяев, аморальных типов и прочая, прочая. Чистку намечалось начать 1 июня и закончить не позже ноября 1933 года. Периодически партия проводила перерегистрации и чистки своих рядов, однако грандиозный масштаб последней заставлял сразу же усомниться в реальности этих сроков.

Очередной, XVII по счету, съезд состоялся в начале 1934 года. На нем в отличие от предыдущих съездов, являвшихся необходимыми посылами для «развернутого наступления социализма по всему фронту», уже не было необходимости агитировать за преимущества социалистической системы хозяйствования. Поэтому он получил название «съезда победителей». Но выступая с отчетным докладом, Сталин предупреждающе обронил: «Не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться». Позже он отказался от заключительного слова, мотивируя «необычайной идейно-политической и организационной сплоченностью рядов партии». Последним утверждением

он выдавал видимое за реальное, как оказалось впоследствии.

Чистка партии была далека от завершения, хотя на съезде декларировалось намерение «возобновить прием в партию со второй половины 1934 года». Кроме того, в новой редакции Устава ВКП(б) ЦК вменялось в обязанность периодически проводить «чистки для систематического очищения партии». Что позже было признано излишним. Объединенный партийно-советский контрольный орган ЦКК-РКИ упразднялся. Вместо него создавались Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и Комиссия советского контроля при Совнаркоме СССР. Состав членов первой набирался по-прежнему съездом, второй, по сути, тоже. Двоевластие в партии, лишь видоизмененное, сохранялось.

К концу 1934 года наметилась определенная тенденция улучшения неоднозначной социально-экономической обстановки в стране. С 25 по 28 ноября в Москве состоялся Пленум ЦК ВКП (б), принявший решение об отмене с 1 января 1935 года карточной системы на хлеб, муку и крупы.

Однако внутриполитическое равновесие в стране было еще достаточно шатким. Довольно было одного неординарного эксцесса, чтобы завести механизм жесткого закручивания гаек. Таковым стал террористический акт, совершенный против одного из виднейших советских руководителей. В Ленинграде 1 декабря был убит Сергей Миронович Киров, секретарь ЦК ВКП(б) и глава Северной Пальмиры последних лет.

Начало фатальных перемен в мире

В экспансионистских планах милитаристской Японии Северо-Восточный Китай (Манчжурия) всегда занимал видное место. После захвата Кореи и некоторых других территорий на континенте островное государство не сумело в силу ряда факторов существенно увеличить свои завоевания. Притязания оставались нереализованными. Поэтому в 1927 году МИД Японии подготовил отдельный меморандум, одобренный свыше. Суть его выражалась в следующей фразе: «Манчжурию и Монголию следует рассматривать отдельно от Китая в силу специальных интересов Японии».

18 сентября 1931 года японские войска начали вторжение на северо-восток Китая и вскоре создали там марионеточное государство Манчжоу Го. Во главе его был поставлен бывший император манч-

журской династии Цин 26-летний Пу И. Закрепившись на обширных континентальных территориях, Япония создает сильный плацдарм для дальнейшей экспансии. Нерешенным оставался лишь главный вопрос – направления главного удара: на север или на юг.

С демонстративным выходом весной 1933 года страны Восходящего солнца из Лиги Наций Версальско-вашингтонская система договоров затрещала по всем швам. Напряженность между СССР и Японией на Дальнем Востоке, с одной стороны, и США и Японией на Тихом океане, с другой, непрерывно возрастает.

В Европе тем временем тлеет еще один очаг войны. Мировой экономический кризис еще больше обнажил противоречия между победителями в первой мировой войне – Англией, Францией, США, и побежденными, главным образом, Германией, а также между колониями и метрополиями. В стане стран-победительниц также существовали острейшие разногласия, преимущественно в вопросах рынков сбыта товарной продукции.

Кризис больнее всего ударил по Германии, выбросив 6 миллионов рабочих на улицу. Единственной надеждой немцев становится Гитлер, обещающий скорое и справедливое решение их проблем. На выборах 14 сентября 1930 года его партия, собравшая только 800 тысяч голосов в 1928 году, получает 6,5 миллионов голосов. Из небольшой партии она становится второй по силе в рейхстаге. Германские социал-демократы, в течение ряда лет возглавлявшие Веймарскую республику, терпят поражение за поражением. Адольф Гитлер оказывается в шаге от завоевания власти. По его словам, виновными в несчастьях немцев являются евреи, коммунисты и Версальский договор. Гитлер успешно внедряет идеологическое орудие собственного изобретения – национальную исключительность.

По его мнению, род человеческий следует подразделить на три расы: основатели культуры, носители и разрушители оной. Базисом же расовой теории немецкого фашизма лежит предположение о существовании в природе «железного закона», в соответствии с которым совокупление каждого животного должно осуществляться только с представителем или представительницей своего вида. Месть природы выражается как будто стерилизацией нарушителей закона (ублюдков) или ограничением рождаемости их поколений. При каждом «незаконном» смешивании (метизации) живых существ, стоящих на разных уровнях развития, метис неизбежно якобы занимает промежуточное положение между этими уровнями. Одновременно, при-

рода стремится к созданию высших форм жизни и посредством другого закона – естественного отбора, безжалостно уничтожает неполноценные виды.

«Единственной причиной вымирания культур было смешение кровей и, как следствие, снижение уровня развития расы. Ибо люди гибнут не в результате проигранных войн, а в результате ослабления силы сопротивления, присущей только чистой крови», утверждал Гитлер в «Майн кампф».

«При этом он был твердо убежден, - полагал Вальтер Шелленберг, - что Сталин с 1924 года в соответствии с гигантской тайной программой осуществляет систематическое расовое смешение народов Советского Союза, стремясь к преобладанию монголоидных элементов. Многочисленные разведывательные сообщения о действительном положении дел в России не могли заставить его отказаться от этой навязчивой идеи».

Гитлер находит поддержку в народе, о котором в «Майн кампф», он высказался следующим образом: «Душа народа в высшей степени проста и цельна. Для нее не существует множества оттенков. Она не признает никакой половинчатости. Для нее существует только настоящее и ненастоящее, любовь и ненависть, правильное и неправильное, правда и ложь». И что мысли и поступки народных масс определяются эмоциями и чувствами, чем доводами здравого смысла.

В соответствии с данными постулатами немецкий фашизм, с присущей всем демагогическим вероучениям беспринципностью, обещает «всем все», при условии принадлежности к «полноценной» расе. Безработным возможность трудиться, а крестьянам лучшие условия для фермерства. Желающим создать гармоничную семью декларирует ее как наивысшую добродетель. Семья «является наименьшим, но самым ценным первичным элементом всей государственной системы», - говорится в программе НСДАП во время президентских выборов в 1932 году.

Кроме ощутимой поддержки «униженными и оскорбленными» Гитлер в значительной степени опирается на средний класс Германии, которому дает обещание обуздать крупные корпорации. Одновременно, именно финансовые вливания последних помогают ему прийти к власти. Позиции Гитлера стремительно укрепляются.

В 1932 году его партия становится уже сильнейшей партией в рейхстаге, а сам он 30 января следующего года назначается главой правительства – рейхсканцлером. Президент Пауль фон Гинденбург

по причине престарелого возраста практически недееспособен, и Гитлер определяет векторы внешней и внутренней политики.

19 октября 1933 года Германия выходит из Лиги Наций. В середине июня 1934 года в Венеции впервые встречаются два фашистских лидера: итальянский – Бенито Муссолини и германский – Адольф Гитлер. Через две недели последний проводит так называемую «ночь длинных ножей». Этой акцией он ликвидирует штурмовые отряды (СА) своего недавнего соратника Эрнста Рема и с помощью государственной тайной полиции (гестапо) уничтожает многочисленных политических противников. «Охранные отряды» (СС) становятся самостоятельной организацией в рамках НСДАП.

2 августа 1934 года в результате смерти Гинденбурга Гитлер добивается совмещения должностей главы государства и правительства. Он официально становится фюрером (вождем) и рейхсканцлером Германии и открыто приступает к ликвидации Версальского договора. С 1 марта 1935 года Саарская область переходит к Германии. В марте же Германия принимает закон об организации вермахта и вводит всеобщую воинскую повинность. Год спустя она оккупирует демилитаризованную зону в Рейнской области и добивается восстановления полного военного суверенитета над этой территорией.

В Москве, Париже и Лондоне, а также столицах других стран с разной степенью настороженности наблюдали за развитием событий в Берлине. Стена отчуждения между Германией и Россией возрастала по мере прихода национал-социалистов к власти. Уже летом 1933 года Сталин сделал кардинальные выводы, отказавшись от сотрудничества Красной Армии с рейхсвером, некогда столь тесного.

26 января 1934 года состоялось подписание германо-польского пакта о ненападении, существенно уменьшившего безопасность восточных границ СССР.

Через два месяца после этого действа Сталин выступил с инициативами совместного германо-советского заявления о незыблемости суверенитета стран-лимитрофов (Прибалтийских государств), категорически отклоненного Гитлером.

Предпринятые в начале лета французским министром иностранных дел Луи Барту и поддержанные Литвиновым шаги по вовлечению Германии в многостороннюю систему Восточного пакта не увенчались успехом. Посему в конце лета года 1934 Советское правительство предприняло первые реальные шаги по обеспечению безопасности границ. Оно ввело регистрацию всех проживавших в СССР

этнических германцев и постановило выселить с 1 января 1935 года советских немцев из западных приграничных областей.

Франция более других стран была заинтересована в «нейтрализации» Германии, но ее дипломаты вели себя довольно непоследовательно. После злодейского убийства Барту в Марселе его преемником стал Пьер Лаваль. Посредством последнего 2 мая 1935 года в Париже был подписан договор о взаимопомощи между Францией и СССР. Почти сразу Лаваль, уже в качестве главы правительства, приехал в Москву и был принят Сталиным, что свидетельствует о том, насколько важное значение придавали в Москве франко-советским договоренностям. Лаваль же, признавался близким ему людям, что подписал пакт лишь с целью большего давления на Берлин. В не менее трудный и мало удовлетворительный в политическом отношении союз, Сталин был вынужден заключить и с Чехословакией.

Англия традиционно ведет политику «баланса сил». Самый молодой британский министр Энтони Иден начинает свои вояжи в Берлин и Рим. Лишь после саарского плебисцита Англия соглашается на совместное англо-французское коммюнике, в котором правительства обоих государств не признавали за Германией права односторонне отходить от Версальского договора.

С целью «умиротворения» Гитлера в Берлин отправляются оба министра иностранных дел Англии: «старший» – Джон Саймон и «младший» – Энтони Иден. Последний, отпрыск седьмого барона Идена, затем отправляется в Москву.

Британскому аристократу многое не понравилось в СССР. Все казалось ему огромным, «серым, печальным и бесконечным». Ощущения Идена весьма сходны с впечатлениями леди Астор. Для которой «благосостояние страны определялось изысканно одетыми леди и джентльменами, проплывающими в роллс-ройсах мимо сиящих витрин», забитых дорогими товарами и аксессуарами к ним.

В Кремле Идена принимали Сталин и Литвинов. Он сразу понял, что советские представители прекрасно осведомлены о делах международных и их прогнозы оказались значительно более точными. В заключительной стадии визита Идена было согласовано совместное коммюнике, точно отражавшее позицию Москвы, но совсем не соответствовавшее истинной позиции Лондона. В то же время вояж высокопоставленного посланца британской короны в СССР имел для него немалое значение, поскольку впервые чиновник капиталистического мира такого уровня официально посещал Москву.

Зарево грядущего мирового пожара между тем начинает разгораться. В начале октября 1935 года вооруженные силы фашистской Италии вторглись в Эфиопию. Началась итало-эфиопская война.

Одной из самых крупных и трагических по своим последствиям акций для мирового сообщества явился антиправительственный мятеж в Испании. На Пиренейском полуострове летом 1936 года началось выступление, возглавленное представителями испанского генералитета против легитимного республиканского правительства. Развернулась кровопролитная гражданская война.

Наспех сформированные правительством войсковые соединения терпели поражения. Генерал Баамонде Франсиско Франко бросил свои силы на Мадрид, его войска приближались к столице четырьмя колоннами. В начале октября один из наиболее видных мятежных генералов Эмилио Мола, выступил по радио. Охарактеризовав ситуацию, он добавил, что наступление на правительственный центр будет начато **пятой** колонной, которая уже находится внутри Мадрида. К тому времени столица Испании уже была наполнена слухами о повсеместном распространении предательства и измены в стране. Испанская пресса стала широко использовать термин «пятая колонна» в качестве прозвища для хорошо замаскированного противника.

События на Пиренеях явились наиболее яркой прелюдией к грядущей всемирной бойне. Словно предчувствуя ее, наиболее дальновидные представители рода человеческого всполошились и откликнулись на отчаянные воззвания слабого в военном отношении республиканского правительства о помощи ко многим странам. Муссолини и Гитлер, предполагая во Франко собрата по духу, оказывают ему действенную помощь.

Осторожный Сталин не собирался первоначально принимать активного участия в конфликте в стране на другом конце Европы, памятуя о конфузе в Китае. К тому же у СССР «не было даже дипломатических отношений с Испанской республикой, а экономические и культурные связи сводились к спорадическим контактам».

Однако он вынужден был менять свою позицию, когда окончательно стало ясно, что Германия, Италия и присоединившаяся к ним Португалия в отличие от Франции и Англии не прекращают вмешиваться во внутренние дела Испании. К тому же общественное мнение в СССР, при всей его условности, склонялось к поддержке республиканцев. Уже 3 августа 1936 года больше 100 тысяч москви-

чей пришли на Красную площадь с лозунгами в поддержку законного правительства и призывами оказать материальную помощь трудовой Испании.

Поскольку в собственной стране «хлопот был полон рот», не без сомнений и колебаний, Сталин решается помимо санкции на поддержку общественную, оказать более действенную помощь государственную. Отнюдь не безвозмездно организовывается закупка и отправка в Испанию партий оружия и военных материалов, техники и снаряжения, в том числе отечественного производства. Решено было также направить за Пиренеи весьма ограниченный контингент волонтеров-командиров в качестве военных советников и специалистов для консультаций по созданию регулярной республиканской армии. Добровольцам-консультантам категорически возбранялось вмешиваться во внутренние дела республики.

Тем самым, изначально они попадали в парадоксальную ситуацию. Так как само их присутствие там уже являлось вмешательством в дела другого государства. Не все добровольцы избежали искушения существенно превысить строго очерченные рамки своих полномочий и, главным образом, поэтому по возвращении домой были сурово наказаны. Их двусмысленное положение весьма осложняла, также ожесточенная борьба за власть между различными группировками в верхних эшелонах республиканской Испании.

Наиболее заинтересованные в скорейшем урегулировании конфликта в близкой им Испании страны – Франция и Англия, все больше склоняются к поискам компромисса с Германией и Италией. Они надеются за счет третьих государств обеспечить безопасность своих интересов. У советского руководства, соответственно, с новой силой возродились былые антианглийские и антифранцузские предубеждения. Надежды на реальное сотрудничество с западными демократиями становились все иллюзорнее.

Бездеятельность правящих кругов Англии и Франции побуждали Гитлера действовать еще более дерзко и агрессивно. Германия и Италия лихорадочно вооружались и совместными усилиями готовились вести новую мировую войну. Планы Берлина и Рима встречали полное одобрение в Токио. 25 ноября 1936 года в Берлине было подписано соглашение между Германией, Италией и Японией, вошедшее в историю под названием «Антикоминтерновский пакт». Треугольником Рим – Берлин – Токио завершилось политическое, но не военное, оформление блока агрессивных государств.

Убийство Кирова, прогнозируемость последствий

Известный литератор Константин Симонов, несмотря на то что как он сам выразился, был еще «молод и глуп», точно передал живительную атмосферу той эпохи – «мира прекрасного и яростного». «Атмосферу и единства, и общей целеустремленности, и веры в будущее страны, и свершение всех намеченных планов».

Но начинающий писатель глядел на мир преимущественно сквозь розовые очки. Хотя волей обстоятельств Симонов уже поглубже ткнулся «носом в жизнь». Его отчима-комбата, «мерила ясности и честности», незаслуженно подвергали аресту на четыре месяца. Двумя годами позже Симонов полтора месяца провалялся в больнице, превращенной в изолятор для больных брюшным тифом. Эпидемия была последствием той голодной зимы, когда в Москву приезжали и скапливались на вокзалах отчаявшиеся люди.

Для Симонова, тем не менее, «1934 год почти до самого его конца остался в памяти как год самых светлых надежд юности». Поездку на строительство Беломорканала, сооружавшегося преимущественно заключенными, он воспринимал вполне в духе «общего настроя происходящего, того, как все это подавалось». То есть, перевоспитания трудом несознательных элементов: уголовников, кулаков, вредителей и прочая.

«Тому, в чьей памяти не остался декабрь 34-го года, - вспоминал Симонов, - наверное, даже трудно представить себе, какой страшной силы и неожиданности ударом было убийство Кирова. Во всей атмосфере жизни что-то рухнуло, сломалось..». «Было что-то зловещее и в самом убийстве, и в том, что оно произошло в Смольном, и в том, что туда сорвался и поехал из Москвы Сталин, и в том, как обо всем этом писали, и как хоронили Кирова…».

Киров был убит ближе к концу рабочего дня, в коридоре Смольного дворца выстрелом сзади в голову, бывшим партийным функционером 30-летним Николаевым Л.В. С апреля 1934 года убийца оставил последнее место работы (Ленинградский институт истории ВКП(б) и слонялся, казалось бы, для непосвященных, бесцельно по городу. Озлобленный неудачно сложившейся карьерой, отягченной трудностями в личной жизни, Николаев возомнил себя кем-то наподобие террористов начала века и замышлял убийство Кирова как важную политическую акцию. В то же время у полубезумного заговорщика-одиночки как будто присутствовал личный мотив: любов-

ная связь его бывшей жены с главой Ленинграда. Разумеется, Николаев не полностью осознавал, на что и кого он посягал, спуская курок.

Киров был одним из наиболее последовательных сторонников Сталина во всех отношениях. На последнем съезде партии он был избран в числе четырех секретарей ЦК (без освобождения от должности главы Питера), вместе со Сталиным, Л.М. Кагановичем и А.А. Ждановым. Должность генсека на нем формально упразднялась, что свидетельствует о вполне определенных трениях среди партийного руководства. А Киров по расчетам некоторых высших партфункционеров был достоин более высокой должности и, предположительно, должен был ослабить влияние Молотова. Последнего, по причине излишней жесткости характера, не жаловали многие. Но Сталина покамест Молотов устраивал.

Киров же не претендовал на первые роли в высших эшелонах власти государства. Он решительно отвергал инициативы коллег, направленные на политическое усиление его позиций и непременно ставил в известность об этом Сталина. Вследствие этого Киров пользовался полным доверием вождя.

На предложение немедленного переезда в град стольный – Москву Киров дипломатично уклонился. Деятельности в Центре он предпочитал выполнять строго определенный объем работы у себя в Питере или на, так называемой, периферии. Возможно, он страшился огромной ответственности, к тому же отличался еще относительной молодостью.

Почти весь сентябрь месяц 1934 года Киров по просьбе Сталина провел в Казахстане, оказывая помощь в деле организации уборки и заготовки хлеба. Надо полагать, если бы он был убит где-нибудь подальше от Ленинграда, то последствия от его гибели не были столь глобальны для страны, но не для периферии. Застрелен, к примеру, в Семипалатинске во время торжественного посещения крупнейшего мясокомбината в левобережной части города, с символическим наименованием Алаш.

Тем более, Киров совместно с тогдашним главой Казкрайкома Левоном Мирзояном сняли все руководство ВКО области и города (секретаря обкома Стакуна и других), мотивируя плохой работой по уборке и сдаче хлеба и другими причинами.

Отношение Сталина к главе Ленинграда всегда было сугубо положительным, если не сказать больше. Согласно сталинской биографической хроники, еще 28 мая 1924 года Сталин подарил Кирову

книгу «О Ленине и ленинизме» с надписью такого содержания: «Другу моему и брату любимому, от автора. И.Сталин».

После разгрома зиновьевской оппозиции на съезде партии вождь оказал именно ему доверие возглавить весьма важную питерскую партийную организацию. Поэтому реакция Сталина на известие о гибели Кирова была весьма характерной и крайне агрессивной.

Накануне, 28 ноября, после завершения пленума партии он вместе с Кировым и Ждановым был в МХАТе на булгаковских «Турбиных». Артисты были в ударе, и коллеги стремились не отстать от «Генерального» секретаря, аплодировавшего «много в конце спектакля». Тем неожиданнее была для Сталина весть о трагической смерти Кирова спустя несколько десятков часов.

Наспех переговорив с секретарем Президиума ЦИК Енукидзе об ужесточении карательных мер за терроризм, Сталин незамедлительно отправился в Питер. 2 декабря, рано утром, он приезжает в Ленинград в сопровождении Молотова, Жданова и Ворошилова.

Едва выйдя с поезда, на перроне вокзала вождь как будто опускается до рукоприкладства в отношении руководителя местного подразделения НКВД. Затем Сталин принимает участие в допросе бывшего инструктора Ленинградского обкома партии Николаева, очевидно пытаясь лично разобраться в его мотивации, а также довольно подозрительных обстоятельствах гибели Кирова.

Как выяснилось, Николаева неоднократно видели и даже задерживали на подступах к Смольному, но каждый раз отпускали. В роковой для Кирова день он также беспрепятственно проник в его резиденцию и битый час дожидался своей жертвы. Охранник, в обязанности которого входило неотступно находиться на своем посту, куда-то буквально испарился. В общем, все условия Николаеву были созданы. Весьма подозрительным оказался и ход следственных мероприятий по делу об убийстве Кирова.

Начальник охраны Кирова Борисов, немедленно арестованный, не был доставлен на допрос, в проведении которого должен был участвовать Сталин. Утверждалось, что он погиб на пути к месту допроса в результате автомобильной катастрофы.

Неудивительно, что вождь практически ничего не выяснил, тем паче, в столь небольшой отрезок времени. Возвратившись из Ленинграда, куда он выезжал во главе комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова, Сталин пригласил главных редакторов крупнейших газет страны Бухарина и Мехлиса Л.З. В беседе с ними

Сталин высказал предположение, имевшее под собой реальную почву, о принадлежности Николаева к зиновьевской оппозиции. Ибо Николаев вступил в партию в 1924 году, то есть во время владычества в Ленинграде Зиновьева.

Столь прозрачная догадка, естественно, явилась мощным подспорьем для должностных лиц, заинтересованных в скорейшем заглаживании своей виновности, пусть даже гипотетической.

«Чтобы умело и квалифицированно руководить, надо предвидеть», - заявил Сталин 13 апреля 28 года на собрании актива московской партийной организации ВКП(б). И тут же добавил: «А предвидеть, товарищи, не всегда легко». Террористический акт на Кирова предугадать, и тем более предотвратить, не удалось, что гипотетически грозило непредсказуемыми последствиями.

Убийством Кирова был создан прецедент предельно наглого и насильственного умерщвления одного из руководителей государства. Память услужливо воскресила Сталину серию покушений, осуществленных летом 1918 года, в которой каким-то чудом уцелел лишь Ленин. Но убийство Кирова весьма обеспокоило не одного его, а всю верхушку партии. Легко просчитывалось, что следующей мишенью террористов может оказаться любой из наиболее высокопоставленных обитателей Кремля. Сталин и другие резонно полагают, что Николаев является только пешкой в чьей-то гнусной политической игре. Он лишь заурядный исполнитель, а его вдохновители (подстрекатели), несомненно, Сталину хорошо известны и даже, не исключено, находятся где-то поблизости.

После трагической кончины Кирова, Сталин, если не напуган, то, во всяком случае выказывает серьезное беспокойство за свою жизнь. Он поделился как-то своими опасениями с флотоводцем Исаковым. Причем Сталин не исключал категорически возможности явиться жертвой одного из постовых Кремля, каковыми там в большом количестве являлись офицеры НКВД.

Возможно Сталин ощутил психологический дискомфорт от вероятности того, что его противники недостаточно наказаны, а самый злейший враг – Троцкий – вообще свободно курсирует по Европе. Отплыв во второй половине июля 1933 года с Принцевых островов, Троцкий обосновался в Западной Европе. Он не унимается, продолжая в своем бюллетене поливать грязью СССР и лично Сталина, а также выдвигает лозунг: «Убрать Сталина». Впоследствии он утверждает, что данным призывом не имел виду физическое уст-

ранение Сталина посредством террористического акта, но ему никто не верит на слово. Кроме того Троцкий делал заманчивые предложения потенциальным противникам СССР – Японии и Германии – чем собственно и подписал сам себе смертный приговор.

В приватных беседах ближайшее окружение вождя не могло не обсуждать темы личной безопасности, а также государства в целом.

На Дальнем Востоке окончательно созревает очаг войны за новый передел мира. На европейском континенте Германия усиливается с каждым днем. Перед одиноким Советским Союзом реально маячит перспектива войны на два фронта с могущественными и безжалостными противниками.

Отсюда, чтобы выжить, крайне важно было навести, в первую очередь, должный порядок в стране. Для чего сил и средств режимом предполагалось не жалеть и всецело опираться на поддержку народных масс, которым, в основном, практически всегда импонирует наличие во властных структурах сильной, нежели слабой руки.

Резюме раздела. По складу характера Сталин не склонен обольщаться достигнутыми страной успехами и почивать на лаврах. Соответственно диалектическому пониманию «внутренних противоречий, борьбы между старым, отживающим и новым нарождающимся, как движущей силы развития» общества, Сталин предпринимает конкретные шаги для дальнейшего упрочения создаваемого им строя.

Утрата самых близких людей провоцирует всплеск карательно-репрессивных мер в отношении партийно-советской номенклатуры всех уровней. Первоначально задумывается и осуществляется масштабная чистка партийных рядов, способствующая определенному нагнетанию напряженности. Одним из ее следствий стало убийство Кирова, из коего прецедента Сталин и его окружение сделали предположение о переходе оппозиции к более активной и непримиримой борьбе.

Поскольку международная обстановка каждодневно накалялась они решили в самом экстренном порядке нейтрализовать всех гипотетических противников внутри страны. Таким образом, роль советских правоохранительных органов неизмеримо возрастала. И очень многое теперь зависело от деловых и нравственных качеств лиц, их возглавляющих.

VIII
Окончательное становление системы советского абсолютизма

«Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не опускались до уровня политических обывателей…, чтобы они были также мудры и осторожны при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов».

И. Сталин

Политика и творчество

Вследствие Октябрьского переворота материальные и духовные уклады всех слоев населения российского претерпели колоссальной силы встряску. Многие традиционные ценности революционные экстремисты разных мастей и оттенков отвергали начисто, буквально перевернув обыденную жизнь в стране вверх дном. Помимо прочих лозунгов провозглашаются и претворяются, к счастью, не в полном объеме и не все, культурная и сексуальная революции, раскрепощение женщин, упразднение института патриархальной семьи и прочая и прочая.

Атмосферу всеобщего хаоса усугубляло своеобразное понимание свободы большинством россиян. Как отметил в 1917 году британский дипломат Джордж Бьюкенен: «По представлению русских, свобода состоит в том, чтобы легко относиться к вещам, требовать двойной заработной платы, демонстрировать на улицах и проводить время в болтовне и голосовании резолюций на публичных митингах». Под определением «русских», Бьюкенен, надо полагать, имел в виду все нации, жизненный уклад коих отличался от западных меньшей упорядоченностью.

Большевики, придерживаясь преимущественно своей идеологической платформы, целенаправленно приступили к реализации разнообразнейших форм культурно-массового просвещения рабочих и крестьян всех возрастов, а также части интеллигенции.

Ожесточенная гражданская междоусобица неминуемо раскалы-

вает и без того разнополюсные ряды деятелей культуры, просвещения и науки. Происходит их массовый уход за границу. После окончания войны часть эмигрантов возвращается на родину.

В двадцатые годы борьба различных направлений во всех сферах культуры (от реалистических до авангардистских) неизбежно приобретает ярко выраженную классовую подоплеку. Писательская среда, к примеру, с достаточной степени условности подразделялась на беспартийных и большевиков, «неистовых ревнителей» – преимущественно рапповцев, так называемых «попутчиков» и литераторов, якобы полностью чуждых новой власти. Едва ли не каждое из течений претендует на первенство, полагая самое себя наипрогрессивнейшей и наиперспективнейшей.

Особое место среди организаций подобного толка занимала Российская Ассоциация Пролетарских Писателей (РАПП), притязавшая на безраздельное идеологическое господство и политический контроль в литературе. Ее представители – рапповцы, мнили себя адептами марксисткой якобы безукоризненности и ревнителями «непорочно девственной пролетарской чистоты».

«Свои позиции они утверждали с яростной непримиримостью, в которой воинствующий догматизм переплетался с ловким прагматизмом и беспринципностью». Руководители РАППа, определенный период времени, самочинно практически присвоили своей организации функции ячейки ЦК партии в литературе и постоянно афишировали близостью к высшим должностным лицам государства.

Вожди РАППа как новые, так и старые, еще до официального ее учреждения заметно тяготели к Троцкому и другим партийным оппозиционерам, пока они были в фаворе. Иные из них, предусмотрительно публично как будто порвавшие с троцкизмом остаются, покамест, на плаву.

В 1926 году, в Ассоциации утверждается совершенно молодой (23 лет от роду) честолюбец Авербах Л.Л. – близкий родственник Свердлова, Ягоды и зять Бонч-Бруевича. В сотрудничестве со своим погодком Киршоном В.М. и прочими, сменившими окрас экстремистами, он буквально терроризирует литераторов. Вследствие этого неудивительно, что при получении вестей об их низвержении спустя несколько лет «во многих писательских домах пили шампанское».

Евгений Громов в исследовании «Сталин: искусство и власть», полагает, что «в двадцатые годы Сталин не занимается еще проблемами литературы и искусства с той интенсивностью, с какой он бу-

дет ими заниматься впоследствии». Автор чрезмерно тенденциозного труда заявляет также, «что вопросами политики в области искусства и литературы Сталин занимался порою не меньше, чем важнейшими военными или экономическими проблемами. И занимался он этими делами не время от времени, а постоянно, систематически».

Подобного рода силлогизмы, несомненно, нуждаются в корректировке. Сталин, как истый политик, постоянно был в курсе всех художественных веяний и направлений. Но по мере укрепления лидерского авторитета кавказца и, следовательно, режима личной власти его мнение, естественно, становится все более весомым.

В делах внутрипартийных расстановку противоборствующих сил вполне определенно обозначалась как уклон в ту или иную сторону от «генеральной линии». А в такой непартийной и «несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.», что совершенно справедливо было подмечено Сталиным в ответе В.Н. Билль-Белоцерковскому, как представляется, весьма затруднительно было ориентироваться некоторым политиканствующим деятелям. В том же письме, написанном 2 февраля 1929 года, вождь явственно осудил нетерпимость чрезмерных попыток любой ценой задавить неординарных представителей культуры. Заявив, что нет никакой необходимости «преследовать и травить» их, вплоть до исхода за границу.

Примерно в том же духе Сталин высказывался спустя десять дней при встрече с украинскими писателями, прибывшими в Белокаменную. Она проходила в напряженной обстановке, с выкриками с мест и прочими малоуважительными жестами. Накал страстей заметно возрос, когда украинские литераторы потребовали объяснить, почему вредоносная, на их взгляд, пьеса Михаила Булгакова «Дни Турбиных» не снимается со сцен Москвы. Генсек с немалым трудом отбивается от литературных экстремистов крутого рапповского помола на малороссийских жерновах. При этом он практически выходит из равновесия заверением, что два писателя-небольшевика (Всеволод Иванов и Борис Лавренев) своими произведениями «принесли гораздо больше пользы, чем 10 - 20 или 100 коммунистов-писателей, которые пичкают читателей, ни черта не выходит: не умеют писать, нехудожественно». Данное высказывание характеризует Сталина лучше многих томов изысканий. Во главу угла в любом деле он ставил всегда впереди компетентность и умение, а не принадлежность к партии или какому-либо клану.

В письме Безыменскому А.И. вождь писал, что не считает себя знатоком литературы и, тем более, критиком и может свободно высказывать лишь свои личные мнения.

А адресуя Билль-Белоцерковскому свои личные соображения по некоторым вопросам театральной жизни, генсек отнюдь не собирался выдавать их за изложение его политики в искусстве, как ошибочно предположил Луначарский А.В. Именно по этой причине он предусмотрительно отказал наркому просвещения в публикации.

Сталин мыслил и оперировал категориями, недоступными многим даже своим ближайшим сотрудникам, но он не претендовал на первенство во всех отраслях знаний, хотя оказывал большое влияние в любой из них.

Между тем существует стойкий стереотип, заключающийся в том, что кавказец якобы буквально навязывал свой образ мышления всем и вся, а также как будто оказал пагубное воздействие на многие творческие личности. Особую предвзятость выказывают ярые «поклонники» того или иного «таланта». Они ошибаются, полагая, что Сталин чуть ли не лично преследовал Б.А. Пильняка (Вогау), О.Э. Мандельштама, В.Э. Мейерхольда; не оказал действенной помощи таким гордым и независимым художникам как Михаил Булгаков и Борис Пастернак и так далее, и тому подобное.

Их заблуждение заключается в том, что в качестве главы страны, вождь озабочен был первостепенно огромными проблемами своей колоссальной державы и всего населения в целом, а не отдельных индивидов, пусть даже вельми талантливых. В этом состоит сущность своеобразного утилитаризма Сталина, то есть стремления оценивать любую личность, тем более творческую, с точки зрения его полезности государству, не доведенную, впрочем, до абсурда и крайностей.

Ему были свойственны терпимость и благожелательность к завихрениям того или иного художника, но они имели свои пределы. Несмотря на мерзость, допущенную Пильняком в «Повести непогашенной луны», где он прозрачно возложил ответственность за смерть Фрунзе на Сталина, писателя продолжали печатать и даже выпускать за рубеж. Вождь лично санкционирует последнее, подчеркивая тем самым, что не затаил зла на Пильняка и продолжает оказывать доверие, которое он не оправдал. Мандельштама однажды, надо полагать, постигло вдохновение, и он декламировал на разного рода тусовках, с различными вариациями (предусмотрительно без рукописного текста), нижеследующие довольно гнусные вирши:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усищи,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подковы, кует за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

От подобного рода предельно ядовитых строчек, буквально пропитанных злобой и неприязнью, даже спустя много лет сводит оскоминой скулы.

Не без прямого одобрения генсека зловредный РАПП был ликвидирован постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года вследствие «отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».

Сталин принимал довольно деятельное участие в организации новой формы писательского сообщества страны. По меньшей мере, дважды на московской квартире Горького собирался разношерстный ареопаг литературных деятелей с участием Сталина, Молотова и других руководителей страны. На неформальных встречах, обязательно завершавшихся обильным угощением с горячительными напитками, присутствовали в обязательном порядке и бывшие законодатели мод – рапповцы. Еще длительный период времени Сталин и его окружение терпеливо их выслушивают, убеждают, пытаются увещевать, призывают образумиться. Одним словом, мечут бисер перед свиньями. Все напрасно. На заседаниях специально образованной комиссии Политбюро для подготовки учредительного съезда писателей явно зарвавшиеся рапповцы оголтело отстаивают свои позиции, неблагоразумно выступая, в том числе, и против Сталина.

Период мятежного экспериментаторства между тем, вследствие жажды стабильности в высших эшелонах власти, начинает сменяться в России определенной регламентацией интеллектуальной и культурной жизни.

Социальные права в области образования и здравоохранения также некоторым образом нормируются. Начинается возврат к традиционным российским корням, возрождение национального духа, а также явственная реабилитация времен царизма, некогда столь ненавистных. Иные абстрактные марксистко-ленинские постулаты под несомненным влиянием Сталина претерпевают непонятную для многих, даже не рядовых партийцев, трансформацию.

По мере увеличения его авторитета премьера Сталин все больше пытается совместить дух коллективизма с буквой ответственности. Преимущественно интриганов, завистников и склочников, которым обычно несть числа в среде интеллигенции, власти привлекают к уголовной ответственности. 17 мая 1937 года по этому поводу в дневнике второй супруги Булгакова, Елены Сергеевны, имеется следующая запись. «С кем ни встретишься – все об одном: теперь, в связи со всеми событиями в литературной среде, положение М.А. должно измениться к лучшему».

Весьма характерно, что в тот период времени наряду с арестами известных военных, энкавэдешников, к ответственности привлекались и их собратья по духу из других сфер. То есть, шло повсеместное очищение от скверны: репрессировались, в первую очередь, лица, имевшие стойкие репутации людей нечестных и неблагонадежных. Но хотя одни недруги М.А. Булгакова, наиболее оголтелые, очутились в «местах не столь отдаленных», положение его кардинально не изменилось к лучшему и не могло измениться. Он был для этого слишком оригинальным художником и личностью при этом политически весьма наивной, если не сказать совершенно безграмотной.

Громов повествует о якобы «остродраматической коллизии Сталин – Булгаков», привлекающей «пристальное внимание литературоведов и театроведов» и изученной довольно основательно. Никакой подобной коллизии, разумеется, не существовало и не существует, она в большей степени плод воображения излишне пылких исследователей. Можно бесконечно рассуждать лишь о личной драме весьма даровитого литератора, не сумевшего, но по-своему пытавшегося поладить с власть имущими, в первую очередь, с чиновничеством в сфере советской культуры.

Почему Михаила Булгакова, со всей его самобытностью и изрядной несовместимостью со сталинским режимом, не постигла печальная участь многих литераторов, подвергшихся преследованиям властей?

Внимательно ознакомившись с эпистолярным наследием писателя убеждаешься в одном из его существеннейших достоинств. Он был совершенно неуязвим по причине своих человеческих качеств – кристальной честности и порядочности. Именно поэтому, 4 февраля 1938 года, в самый разгар «ежовщины», Булгаков отправляет письмо Сталину с просьбой вернуть из города Калинина в Москву драматурга Н.Р. Эрдмана, отбывшего полностью трехлетний срок ссылки в городах Енисейске и Томске. Ходатайство одного опального драматурга за другого, естественно, не рассматривалось серьезно, но позиция Булгакова вызывает огромное к нему уважение, равно как и к поэту Борису Пастернаку.

Чрезмерно ранимый и эмоционально впечатлительный, Пастернак, тем не менее, достаточно благополучно существовал в страшные, в кавычках, сталинские времена. Причем он не скрывал своего неудовольствия некоторыми действиями властей и отказался подписаться в коллективном требовании Союза писателей непременно предать смертной казни военачальников группы Тухачевского. Ему, в отличие от Булгакова (намеренно чуждавшегося подобных акций), довелось выступать на политически значимых общественных мероприятиях. В августе 1934 года Пастернак озвучил свою позицию художника на Первом всесоюзном съезде советских писателей. В частности, литератор заявил: «Есть нормы поведения, облегчающие художнику его труд. Надо ими пользоваться. Вот одна из них: если кому-нибудь из нас улыбнется счастье, будем зажиточными, товарищи, но да минует нас опустошающее человека богатство. «Не отрывайтесь от масс», - говорит в таких случаях партия. У меня нет права пользоваться ее выражениями. «Не жертвуйте лицом ради положения», - скажу я совершенно в том же самом, как она, смысле. При огромном тепле, которым окружает нас народ и государство, слишком велика опасность стать социалистическим сановником. Подальше от этой ласки во имя ее прямых источников, во имя большой и дельной и плодотворной любви к родине и нынешним величайшим ее людям на деловом и отягченном делами и заботами от них расстоянии».

Когда в Советском Союзе проводилась кампания по дискредитации французского писателя Андре Жида, свою лепту на Пленуме

писателей СССР, посвященном столетию со дня смерти А.С. Пушкина, внес Пастернак.

Последний, в частности, вполне резонно заявил: «Это все ужасно. Я не знаю, зачем Андре Жиду было нужно каждому из нас смотреть в горло, щупать селезенку и т.д. Я этого не понимаю. Он не только оклеветал нас, но он усложнил наши товарищеские отношения».

Творческий путь и судьба Бориса Пастернака отчасти перекликаются с Михаилом Булгаковым. Также как Булгаков, Пастернак написал произведения, посвященные Сталину, ошибочно воспринимаемые некоторыми исследователями как сделки художников с совестью. Фактически же литераторы относились к вождю с достаточным пиететом, они просто были другими людьми, чем, к примеру, Алексей Толстой и Иван Бунин.

Последний, как известно, невзирая на огромную любовь и тоску по России, так и не вернулся на Родину, проявив огромную щепетильность весьма сходную с гордыней. Бунин никогда не примирился с тем, что в семнадцатом и последующих годах, по его мнению, Русь проявила качества более присущие варварской Чуди. Он желчно обозвал в дневниковых записях, озаглавленных «Окаянные дни», а также в воспоминаниях, Ленина несусветным животным и «косоглазым, картавым, лысым сифилитиком».

Бунин признавал за А.Н. Толстым редкую талантливость его натуры, «наделенной к тому же большим художественным даром» в сочетании с «редкой личной безнравственностью». Пожалуй, он с излишней суровостью охарактеризовал третьего Толстого, запамятовав известную заповедь о неподсудности.

Относительно Бунина, до конца своих дней не примирившегося с «Совдепией» и Толстого, вернувшегося из эмиграции и отлично вписавшегося в большевистской России, Булгаков и Пастернак занимают некое промежуточное положение. Художников, вполне лояльных властям, однако в силу их независимых характеров и творческих физиономий, а также неискушенности в политике, не преуспевавших в материальном плане.

Не случайно Сталин лишь единожды общался с Булгаковым и Пастернаком и лишь посредством телефона, а также по собственной инициативе. Первого он существенно подбодрил и поддержал в критический период его жизни и творчества. Со вторым советовался относительно Мандельштама, которого Пастернак, кстати, не слишком жаловал, равно как и Пильняка, признавая, впрочем, их несом-

ненную даровитость. Своими телефонными звонками, суть доверительными жестами, Сталин, который даже правильной постановке запятой уделял внимание, протягивал литераторам руки. Покамест, морально поощряя их на труды во благо Родины, в своем понимании политика и гражданина. Не вина Сталина в том, что его рука оказалась зависшей в воздухе...

Взгляды с Запада

«Паломничество в страну Востока» назвал крупнейший немецкий писатель и философ первой половины 20-го века Герман Гессе одно из своих произведений, явно навеянное катаклизмами в России. Он выказал свое отношение к марксистским идеям, следующим примечательным образом.

«Разница между Марксом и мной заключается единственно в масштабах реформаций и расстановке приоритетов. Маркс хочет изменить мир, я отдельного человека, он обращается к массам, я – к индивидуумам» - объявил философ-эмигрант. Сначала, полагал Гессе, подавляющее большинство людей должны научиться чувству ответственности и обрести зрелость, а затем уже приниматься за переустройство планеты. В том, что оно должно быть коммунистическим, писатель не сомневался.

«Почетный гость и приемный сын Швейцарии» писал в 1931 году, что события в России, «без сомнения самое важное, быть может, единственно важное, что происходит сегодня на белом свете». У русских «есть перед Западом одно преимущество – искренность. Россия – единственная в мире страна, у которой мы многое могли бы перенять в сфере реальной политики и материальных преобразований».

В отличие от Гессе французский писатель, политический и общественный деятель Андре Мальро присутствовал в качестве гостя на первом форуме писателей СССР и обращался к своим собратьям по ремеслу с приветственным словом. Тогда же в августе месяце 1934 года в столице СССР Мальро выступает перед советскими журналистами.

Он отмечает, в частности, «...мы все видим, что в Москве открываются библиотеки, а в Берлине их закрывают».

Относительно результатов гипотетических изысканий о некоторых реалиях советского общества Мальро говорит: «...Опубликование наиболее показательных заседаний комиссии по чистке дало бы

нам в тысячу раз более яркую картину, чем все существующие теории...».

Представляет определенный интерес высказывание французского писателя о психологической разности русского и западного человека. Психология последнего, по его мнению, определяется главным образом «поисками законов логики», в то время как у русского эмоции преимущественно превалируют над разумным началом.

Два месяца спустя в парижском Дворце Мютюалите Мальро отчитывался об участии в работе Первого съезда советских писателей. Некоторые фрагменты его выступления схожи с панегириком, однако есть и любопытные высказывания для понимания сути процессов, происходивших во время раннего периода сталинской эры. «... О советском человеке много говорили, пытались проникнуть в его психологию. Мне кажется, что теоретизировать здесь бессмысленно, есть другие пути более плодотворные. На протяжении последних лет, в ходе так называемых чисток партии, были рассмотрены тысячи человеческих судеб. Эти разбирательства показывают нам советского человека, чьи особенности еще не систематизированы и не разложены по полочкам, в действии. Вместо того чтобы строить теории по поводу нового человека, было бы куда полезнее собрать всю эту огромнейшую и зачастую волнующую документацию и сделать из нее выводы».

Не случайно Мальро вновь и вновь обращается к внутрипартийной чистке, буквально сотрясавшей в то время всю партийно-советскую номенклатуру и предвосхитившей грядущие репрессии.

«Часто, – продолжал свою мысль Мальро, - говорят о подозрительности, недоверии, с которым молодое советское общество, так часто оказывавшееся в опасности, вынуждено относиться к человеку. Будем осторожны в словах: эта подозрительность распространяется только на **отдельную личность** (*выделено мной – М.А.*). Что же касается человека вообще, то напротив, доверие, оказываемое ему Советами, быть может, самое большое за всю историю. Доверие к детям сделало из них пионеров. Женщина царской России, чье положение, было, пожалуй, самым униженным и тяжелым в Европе, превратилась, благодаря доверию к ней, в советскую женщину, проявляющую сегодня поразительную волю и сознательность. Трудом воров и убийц построен Беломорканал. Из беспризорников, которые тоже почти все были ворами, созданы коммуны по перевоспитанию, На одном из празднеств я видел, как встречали на Красной площади

делегацию бывших беспризорников. Толпа приветствовала этих ею же спасенных людей, как она не приветствовала никого другого. Наконец, герой. Уничтожив значение денег, СССР обрел тем самым и положительного героя, вечно живого героя литературы всех времен, - того, кто ставит свою жизнь на службу другим...».

Немного раньше Мальро Советский Союз вновь посетил Герберт Уэллс. Вместо ленинской «России во мгле» он увидел преображенную Россию сталинскую. Уэллс пробыл там полмесяца, и по соображениям престижа и логики был принят Сталиным. Английский писатель, до этого времени питавший антипатию к кавказцу, ушел от него совершенно очарованным, невзирая на спор, который между ними возник. Уэллс упорно втолковывал Сталину, что понятие классовой борьбы устарело и не отражает реальность. Он зондировал тем самым вероятность сближения Запада с Советами. Сталин возражал, спокойно излагая собственную точку зрения. Его аргументация выглядела убедительнее.

Вскоре после опубликования их беседы в Англии появился комментарий Бернарда Шоу, возражавшего против мнения Уэллса. Это положило начало длительной дискуссии, с ответом Шоу выступили Кейнс и сам Уэллс. Кейнс, писавший свою революционный труд по экономике, справедливо предъявил претензии Сталину и Шоу в известной узости их мировоззрения. Уэллс же просто высказал свою обиду, но на этом дискуссия не закончилась, превратившись затем в заурядную перебранку.

Из многочисленных высказываний о лидере страны Советов выделяется оценка личности кавказца американцем Роем Говардом, заявившем в Лондоне корреспонденту газеты «Дейли Экспресс», что со времен аудиенции, данной ему Ллойд Джорджем в 1916 году, беседа со Сталиным была наиболее удовлетворяющей.

«Сталин был прекрасен. Он поразил меня, как проницательный, спокойный, сведущий человек, который знает точно, чего он желает. Он отвечал на мои вопросы так же, как я отвечаю на ваши. Не было никаких уверток или дипломатической водицы».

Вне всякого сомнения, встречи и беседы Сталина и других кремлевских вождей с такими крупными деятелями культуры Запада, как Шоу, Эмиль Людвиг, Уэллс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер укрепляли в глазах широких масс и особенно интеллигенции, а также Запада, авторитет сталинской системы власти. Особое мнение высказал лишь Андре Жид.

17 июня 1936 года газета «Известия», редактируемая Бухариным, публикует материал-панегирик «Привет Андре Жиду» с горячим обращением по поводу приезда видного французского писателя, который в своих произведениях «решительно порвал с капитализмом и также решительно приветствовал страну Советов и коммунизм».

Андре Жид приехал в Советский Союз в довольно почтенном возрасте, 67 лет от роду. На другой день после его прибытия в Москву умер «буревестник революции» писатель Максим Горький. Выступая от Международной ассоциации писателей на траурной панихиде, Жид, казалось бы, искренне говорит о чувствах дружбы и любви к советской стране. Французский писатель ездил по ней в сопровождении пяти соплеменников, сыгравших определенную роль в выработке его мнения, два месяца. В Москву он вернулся накануне открытия судебного процесса по делу Зиновьева, Каменева и других. Через четыре месяца, за изданную в Париже вещь «Возвращение из СССР», Жида предают анафеме в официальном печатном органе Кремля «Правде».

Заявить, что писатель исключительно под влиянием личных впечатлений резко изменил свое представление о Советском Союзе, значит ошибиться. Ранее в Африке, во Французском Конго, Жид довольно бескомпромиссно «разбирался» с попытками властей пустить ему пыль в глаза. Он ехал в страну Советов с заведомым намерением «разоблачать», что явственно прослеживается в последующем его творении – «Поправки к моему «Возвращению из СССР» (июнь 1937)».

Француз лицемерно заявляет, что: «устроен так, что строже всего отношусь к тем, кого хотел бы любить. Немного стоит любовь, состоящая из одних похвал, и я думаю, что окажу большую услугу и самому СССР и его делу, если буду говорить о нем искренне и нелицеприятно. Мое восхищение СССР, восхищение теми успехами, которых он уже добился, позволяет мне высказывать критику по его адресу». Намерение весьма разумное, но исполнение оказалось малопригодным – критика Жида чрезмерно резка и неприятна.

Он напоминает человека, побывавшего в гостях и воспринявшего блага, а затем обругавшего дружелюбный дом; хозяев же обозвавшего негодяями и фальсификаторами. Даже наивная гордость за свои достижения жителей огромной страны воспринимается Жидом негативно. Писателю следовало приехать в Россию пятнадцать лет тому назад, тогда методом сравнения он бы многое понял. Иные пассажи Жида свидетельствуют о поверхностном понимании и поспеш-

ности выводов, как, например, следующие: «...Сталин принял много решений, и все они в последнее время продиктованы страхом, который внушает Германия...Советский рабочий превратился в загнанное существо, лишенное человеческих условий существования, затравленное, угнетенное, лишенное права на протест и даже на жалобу, высказанную вслух; удивительно ли, что этот рабочий снова обращается к Богу и ищет утешения в молитве. На что человеческое может он еще рассчитывать?..»

Даже «постепенное восстановление семьи, личной собственности, права наследования» – ценностей общечеловеческих, воспринимается Жидом неоднозначно. Порой он вообще впадает в противоречия. С одной стороны его удручает бедность, с другой – Жид не воспринимает аргументы о том, что коммунисты отрицают только эксплуатацию человека человеком. Возможность же быть сравнительно богатым при условии, что состояние заработано личным трудом не возбраняется и даже поощряется властями.

Скороспелыми аналитическими выкладками Жид как личность поступил бестактно, оскорбив радушных хозяев, как писатель он сыграл на руку политическим силам, враждебным СССР. Удивительно, что Жид не изъявил желания встретиться с кем-либо из руководящих структур государства и не попросил разъяснений по некоторым наиболее важным, на его взгляд, позициям.

«За публикацию «Возвращения из СССР» меня бранили многие»,- признается Андре Жид. Особенно писателя огорчило выступление Ромена Роллана, по причине высокой ценности его морального авторитета.

Однако в некотором роде, главным полемистом Андре Жида явился немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Еще 30 декабря 1936 года им публикуется в «Правде» статья «Эстет о Советском Союзе», развенчивающая Жида. Писатель-эмигрант находился в то время в СССР, причем под некоторой опекой наученных негативным опытом властей. Он приехал в страну в возрасте 52 лет в ореоле мировой славы. Фейхтвангеру представилась редкая возможность сравнения нацистского режима в Германии с советским авторитаризмом. Автор «Успеха», первого романа в мировой литературе, запечатлевший фашизм в качестве реальной политической силы, в целом подтвердил свою репутацию вдумчивого исследователя общественных отношений. Небольшая книжка Фейхтвангера о Советском Союзе вышла в 1937 году в Амстердаме на немецком языке и была немедленно переизда-

на в Москве. Она называлась «Москва 1937», с подзаголовком: отчет о поездке для моих друзей.

Почти через всю работу Фейхтвангера лейтмотивом проходит попытка сравнения действенности ценностей, декларируемых новым основным советским законом (сталинской Конституцией) с реалиями подлинной жизни. Писатель признается, что его суждения субъективны, так как он пустился в путь в качестве «симпатизирующего» стране Советов. Однако к его симпатиям с самого начала примешивались изрядные доли сомнения и недоверия. Вышедшая на Западе, незадолго до отъезда писателя в СССР, книжка французского писателя Андре Жида еще более укрепила его сомнения.

Тем не менее, Фейхтвангер увидел в стране Советов «больше света, чем тени». Его свидетельства очевидца довольно ценны, так как они достаточно искренни, хотя несколько наивны и односторонни. Но немецкий писатель понял главное – мотивацию поведения вождей страны Советов. Он сделал ставку на Сталина, как будущего сокрушителя нацизма и не ошибся.

В то же время Фейхтвангер не склонен был идеализировать сложную обстановку, отнюдь не случайно его произведение была быстренько изъято из обращения, в том числе и во избежание неизбежных и нежелательных ассоциаций, могущих бросить тень на вождя и страну. В сравнении с опусом Жида творение Фейхтвангера более благосклонно и снисходительно к некоторым явлениям сталинской эпохи. Жид чересчур самоуверен и безапелляционен в оценках. Ему не сравниться с Фейхтвангером в желании понять и объяснить происходящее.

Относительно повседневной жизни Фейхтвангер делал тогда следующий вывод: на данный момент уровень жизни среднего гражданина во многих странах выше, чем в СССР, но построен на зыбкой основе. Советский средний гражданин же убежден, что его жизнь неуклонно будет повышаться и гарантией тому является принятие новой Конституции.

Интересно суждение Фейхтвангера о разделении молодой истории страны Советов на две эпохи: борьбы и строительства. Гражданская война уже стала историей. Хороших борцов, то есть людей, в ней отличившихся, назначили в свое время на высокие партийные и правительственные посты. Однако они оказались негодными работниками в деле строительства мирной жизни, которых пришлось снимать с их должностей. Отсюда понятно, почему многие из них стали ярыми противниками режима. Фейхтвангер заметил также, что

население охвачено настоящим психозом повсеместного вредительства. В стране начали привыкать объяснять вредительством все, что не клеилось, в то время как значительная часть неудач должна была быть отнесена, наверное, просто за счет неумения.

Симптоматично мнение Фейхтвангера о Троцком. Он заявляет, что автобиография Троцкого, несомненно, является произведением превосходного писателя и, возможно даже, человека с трагической судьбой. Но образа крупного государственного деятеля она не отражает. Книга Троцкого полна ненависти, субъективна от первой до последней строки, страстно несправедлива: в ней неизменно мешается правда с вымыслом. Это придает книге много прелести, однако такого рода умонастроения вряд ли могут подсказать политику правильное решение. Книга Троцкого полна ненависти и язвительной насмешки по отношению лично к Сталину.

Сопоставляя Троцкого и Сталина, писатель явно отдает предпочтение последнему. Для него если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом.

Относительно общения генсека со своим народом Фейхтвангер объявил, что его речи очень обстоятельны и несколько примитивны. **«Однако в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке»,** – тут же добавил он. (*выделено мной – М.А.*).

Сталин выделяется из всех известных Фейхтвангеру людей, стоящих у власти, своей простотой. Он чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника. Фейхтвангер увиделся со Сталиным, когда готовился процесс над Пятаковым и Радеком (Собельсоном). Вождь говорил медленным, тихим, немного глуховатым голосом. Постепенно их разговор стал обоюдно откровенным. Сталин взволновался, когда они заговорили о процессах троцкистов. С особой горечью он рассказывал о Радеке – писателе, наиболее популярной личности среди участников второго троцкистского процесса. Сталин рассказывал Фейхтвангеру о своем дружеском отношении к этому человеку, оказавшемуся иудой. Главу, посвященную взаимоотношениям Сталина и Троцкого, Фейхтвангер заключает: «Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов вместо того, чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в своих интересах своего дела, есть что-то трогательное».

С процессом Зиновьева и Каменева Фейхтвангер ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека он присутствовал лично. Во время первого писатель находился в Западной Европе, во время второго – в Москве. Это дало ему уникальную возможность особенно остро ощутить ту грандиозную разницу, которая существовала между Советским Союзом и Западом. Целый ряд людей, принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. В основном, острие процессов было направлено, прежде всего, против самой крупной фигуры – отсутствовавшего обвиняемого Троцкого.

Главным возражением противников процессов являлась мнимая недостоверность, предъявляемых Троцкому обвинений. Не может быть, что один из основоположников государства, друг Ленина, превратился в злейшего врага Советской власти, считали они. Однако поведение, приписываемое Троцкому обвинителями, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него, соответствующим его внутреннему состоянию изгоя, заключает Фейхтвангер.

Относительно Пятакова, Сокольникова, Радека и других, представших перед судом во втором процессе, писатель признает, что убедился в виновности обвиняемых. Хотя логика их поведения перед судьями осталась для него не совсем ясной. Предположительно, генезис признания заключался в их обреченности перед необычным, некоего рода товарищеско-корпоративным судом. Людей, стоявших перед судьями, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своими палачами. Главными причинами громогласности процессов, считает Фейхтвангер, являлись яркая демонстрация возрастающей силы государства и монолитной сплоченности советского народа перед лицом грядущей военной угрозы. Суждения немецкого писателя грешат схематизмом и подаются порою чересчур обобщенно, однако невозможно не согласиться с последним выводом. Своими оценками процессов Фейхтвангер находился тогда далеко не в одиночестве.

Английский юрист Дадли Коллард заверял посредством газеты «Дейли Геральд», что процесс Пятакова – Радека юридически безупречен. Член английского парламента Нейл Маклин писал: «Все присутствующие на процессе иностранные корреспонденты, за исключением, конечно, японских и германских, отмечают большое впечатление, произведенное весомостью доказательств и искренностью признаний».

Фейхтвангер не склонен распространяться о некоторых немало-

важных подробностях. Так помимо Троцкого, бессильно бесновавшегося за рубежом, не менее чудовищными инсинуациями о Сталине отличались и его последователи внутри страны.

Многие из знаменитых западных путешественников были весьма озадачены и смущены процессами и казнями. Герберт Уэллс, восторгавшийся Сталиным в 1934 году, публично не скрывал своего возмущения. Ромен Роллан делился с дневником своими переживаниями. Стефан Цвейг писал ему 28 сентября 36 года: «Какой-то рок, какая-то метафизическая воля приводит людей к ослеплению. …Зиновьев, Каменев, ветераны Революции, первые соратники Ленина расстреляны, как бешеные собаки…Разве не было бы достаточно применить ссылку? Она была бы даже более суровым наказанием, чем эмиграция, которая (см. Троцкий) медленно грызет, убивает, доводит до бессилия…»

В то же время Альберт Эйнштейн отказывается от просьбы подписать протест против расстрелов в Ленинграде вследствие убийства Кирова. Великий ученый выражает огорчение расстрельными приговорами и одновременно мотивирует отказ инициаторам нижеследующими строками: «…..При таких обстоятельствах я сожалею о Вашем начинании: мне хотелось бы, чтобы Вы совершенно его оставили. Только представьте себе, что в Германии много тысяч евреев-рабочих неуклонно доводят до смерти, лишая права на работу, и это не вызывает в нееврейском мире ни малейшего движения в их защиту. Далее, согласитесь, русские доказали, что их единственная цель – реальное улучшение жизни русского народа; тут они уж могут продемонстрировать значительные успехи. Зачем, следовательно, акцентировать внимание общественного мнения других стран только **на грубых ошибках режима**? (*выделено мной – М.А.*) Разве не вводит в заблуждение подобный выбор?»

Из крупнейших западных деятелей культуры один Бернард Шоу всегда безоговорочно поддерживал Сталина. Очевидно, он исходил из мимоходом оброненной Вильямом Шекспиром сентенции: Есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам.

Вскоре после отъезда Фейхтвангера начинается новый акт великой драмы под названием сталинско-молотовская превентивно-проскрипционная политика. Тональность ему задала внезапная кончина члена Политбюро ЦК партии Орджоникидзе.

21 февраля 1937 года неистовый Мехлис в лице «Правды» выд-

вигает свою интерпретацию его смерти: Серго Орджоникидзе доконали все те же изменники-троцкисты в Наркомтяжпроме во главе с Пятаковым. Подобно тому, как свыше десяти лет тому назад они подорвали здоровье Дзержинского, вещала главная партийная газета. Параллель проводилась четкая, ибо Серго умер в самый канун очередного партийного форума. И его смерть обусловила жесточайший накал страстей, разбушевавшихся вскоре.

Усердный и сверхстарательный партиец Н.И. Ежов, сменивший Ягоду на посту главы НКВД, неумолимо повторяет восьмидесятидневной давности нападки на Бухарина. Три недели спустя он со своим заместителем Я.С. Аграновым (Сорензоном), так не понравившемуся некогда князю Трубецкому, переносят накал партийных разборок на личный состав НКВД. С 19 по 21 марта «сладкая парочка» проводит актив ГУГБ и будоражит гэбистов продолжением выяснения отношений.

Участь Ягоды и его ближайших сотрудников Прокофьева Г.Е., Молчанова Г.А. и других практически уже предрешена. А перед перессорившимися энкавэдешниками вырисовывается мрачная альтернатива: либо они перебьют друг друга, либо перенесут направление главного удара на военных, как будто организовавших гигантский заговор против руководителей государства и лично Сталина.

Неприязненные отношения между высшими представителями двух большевистских силовых структур, определенного рода конкурентов, предопределяют дальнейшее развитие событий.

Разгром военачальников-фрондеров

Упорными лозунгами о скорейшем прекращении первой мировой войны большевики сильно поспособствовали деморализации российской армии, богатой вековыми традициями и памятными датами сражений минувших лет с иноземными поработителями.

В 1917 году вооруженные силы России неминуемо раскололись. Слово «офицер» стало исключительно бранным в огромной массе рядового состава. Самые ненавистные из них подверглись самосуду. Размежевание произошло и в среде офицерства – становом хребте любой армии. Большинство покинуло свои части.

В самом конце года Ленин подписал декреты «О выборном начале и об организации власти в армии» и «Об уравнении всех военнослужащих в правах и об упразднении воинских званий и чинов и зва-

ний». Как боеспособное регулярное воинское формирование царская армия окончательно перестала существовать.

Реальная угроза германской оккупации вынудила большевиков приступить к образованию исключительно пролетарских вооруженных сил. Первоначально горе-реформаторы решили укомплектовать рабоче-крестьянскую Красную Армию (РККА) на добровольной основе. Желающих проливать свою кровь безвозмездно, естественно, нашлось слишком мало. Тогда была объявлена тотальная мобилизация рабочих и беднейших крестьян. Представители «паразитирующих классов населения» принудительно сгонялись на строительные и другие виды работ. Спешно формировался аппарат для решения важнейших вопросов военного строительства и организации боевых действий. Пришлось большевикам призвать на помощь в «рабоче-крестьянскую» Красную Армию и лиц командного состава царской армии. Последние руководили военными действиями под неусыпным надзором политических надзирателей – комиссаров, а за членами их семей зорко следил ЧК. При этом над самими комиссарами также висел революционный дамоклов меч.

«За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела», - гласило решение ЦК партии от 29 июля 1918 года.

Осенью 1918 года в якобы РККА уже служило только офицеров бывшего самодержавного Генерального штаба 526 человек, в том числе 160 генералов, 200 полковников и подполковников. Приставка «Генеральный» как архиреакционная и контрреволюционная категорически отвергается новоявленными правителями России, а свои офицеры именуются ими не иначе как «красные командиры».

Огромные масштабы приобретало бегство с фронта, за один только 1919 год у красных дезертировало 1 761 104 человека. Но ценой колоссальных усилий и всевозможных ухищрений большевики все же создали относительно боеспособную армию.

В следующем году, до окончания войны, начался перевод полностью или частично на трудовое положение соединений, непосредственно не принимавших участия в боевых операциях. Одновременно форсированными темпами проводится демобилизация, к концу 1924 года численность вооруженных сил СССР сократилась с 5,5 млн. человек до 562 тысяч.

После окончательного изгнания Троцкого с высших военных постов страны, распад армии остановился и начался период ее вос-

становления. В сентябре 1925 года ЦИК и СНК СССР был принят Закон о военной службе, закрепивший ключевые положения реформирования армии. В связи с продолжавшимся недостатком финансирования принимается компромиссное решение. Вводился территориальный метод комплектования Красной Армии в сочетании с кадровым. Практически претворяется в жизнь принцип единоначалия в армии. Роль комиссаров постепенно нивелируется в войсках, тем паче, что многие командиры были членами партии. Одновременно с единоначалием в руках многих красных военачальников концентрируется все больше власти. Некоторые из них буквально царствуют в своих территориях.

С конца 25 года военное ведомство возглавляет старый приятель Сталина Ворошилов. Последний не обладает кругозором, необходимым для решения все более усложнявшихся задач организации воинского дела. Ворошилов не пользуется авторитетом у многих своих собратьев по гражданской войне. В военной верхушке все чаще возникают разногласия практически по всем аспектам: стратегии и тактике, а также приоритетности родов войск и видов вооружений.

Сталин всецело поглощен политической борьбой, но по мере укрепления экономического положения страны, он всемерно поддерживает инициативы по коренной реконструкции вооруженных сил. Сухопутные армии непрерывно технически перевооружаются, фактически заново создается войсковая авиация, усиленно строится морской флот. Территориальные дивизии постепенно сменяются кадровыми. Деятельности по увеличению военного могущества страны, вследствие неминуемой угрозы извне, было непочатый край.

Но главную опасность для укрепления обороноспособности представляли не слабость советских военных доктрин и хроническая нехватка новейших образцов оружия. А это выглядит, на первый взгляд, парадоксально – совершенно недостаточная благонадежность многих военных из числа лиц высшего командного состава РККА, так называемых героев гражданской войны.

Сей штамп до сего времени довольно живуч, хотя с этической точки зрения истребление братьев, сестер и других близких родственников, а также друзей-соседей трудно назвать геройством. Наблюдательный барон А. Будберг брезгливо-презрительно именовал некоторых своих сотоварищей «белыми большевиками». Сим термином барон подчеркивал наличие в стане Белого воинства людей нравственно нечистоплотных и беспринципных.

Красная сторона, в определениях также не стеснявшаяся, называла противников исключительно «белобандитами». Из этих посылов можно сделать вывод, что под большевистскими лозунгами сражалось немалое число разномастных авантюристов, волею обстоятельств, либо случая, попавших под их знамена. Как и всяким искателям приключений, одним в жизни повезло меньше, другим, соответственно, больше.

Олеко Дундич, столь прославляемый много позже, как будто геройски погиб летом 1920 года в боях с «белополяками». Многие попытки исследователей прояснить происхождение и личность красного воителя оказались безуспешными. Достоверно лишь то, что он был действительно уроженцем Балкан и фамилия Дундич вроде бы его настоящая.

Видные военачальники Муравьев, В.Л. Сорокин, Думенко, Миронов и другие, воевавшие на стороне большевиков, подверглись репрессиям еще в ходе гражданской междоусобицы или сразу после ее окончания. Склянский утонул в водовороте американского озера, катаясь на лодке по озеру в 350 милях от Нью-Йорка. Легендарный башибузук Котовский Г.И. столь же безвременно погиб месяцем раньше, в ночь с 5 на 6 августа 1925 года, неподалеку от Одессы, при довольно таинственных обстоятельствах. Ян Ф. Фабрициус погиб при аварии самолета 24 августа 29 года. Троцкому, Смилге и Жлобе, главным инициаторам гибели Думенко со всем его штабом, и другим «героям гражданской войны» повезло поболее…

Военный, то есть «человек с ружьем», в отличие от человека сугубо мирной профессии, представляет для любой власти источник повышенной опасности. Если псевдоинтеллектуалы типа Авербаха и Киршона, бравируя независимостью суждений, публично унижали Сталина словесно, то военные допускали прецеденты оскорбления действием.

Утром 7 ноября 1927 года три слушателя Военной академии имени Фрунзе под руководством «героя гражданской войны» Р.П. Эйдемана были направлены на подкрепление сил поддержания порядка торжественного мероприятия. Однако вместо усиления охраны трибуны Мавзолея элитные военнослужащие учинили потасовку с кремлевской охраной, в которой досталось и Сталину. Доверенное лицо еще одного «героя», личный адъютант И.Э. Якира, умудрился отвесить генсеку сзади подзатыльник. Бесчинствовавшим воякам, покамест, все сошло с рук. Эйдеман, очевидно, грудью стал на защиту

своих подшефных. Некоего казака, из числа притязавших на исключительность, то бишь червонного, по фамилии Д. Шмидт, занимавшего должность командира бригады, весть об исключении Троцкого из партии довела до состояния исступления. Облаченный в черкеску с ослепительными газырями на груди, с высоченной папахой на голове, он отыскал Сталина где-то в перерыве между заседаниями съезда партии, непотребно выругался и, доставая воображаемую саблю, пригрозил отрезать генсеку уши. Сталину пришлось проглотить и это возмутительнейшее деяние.

Английский историк Алан Буллок и ему подобные «исследователи» полагают, что кавказец якобы не забыл инцидент и затаил в душе лютую ненависть на Шмидта. Однако для предельно мстительного и исключительно злобного субъекта, каким они имеют обыкновение его изображать, Сталин ждал слишком долго, дабы разделаться со своим оскорбителем.

В ранге командира дивизии Шмидт, большой приятель Тухачевского и Якира, подвергнется аресту почти через девять лет, летом 1936 года. Последний, к слову, рьяно хлопотал за дружка, но безуспешно. Через месяц будут арестованы уже двое из восьми подсудимых группы последователя Страдивари и Гварнери – комкоры В.М. Примаков и В.К. Путна. Маховик «зачистки» Красной Армии начал крутиться быстрее.

До того времени репрессии неоднократно сотрясали Красную Армию, но прежде они не задевали военачальников столь высокого ранга и столь большим числом. Всего в 20-х и первую половину 30-х годов было уволен из армии по отрицательным мотивам не один десяток тысяч человек, в том числе 5 тысяч бывших оппозиционеров. Были осуждены сотни командиров Красной Армии.

К середине тридцатых годов в армии начинаются новые пертурбации организационного характера. 12 сентября 1935 года в РККА и на флоте вводятся персональные воинские звания для лиц командного и начальствующего состава. Спустя десять дней образуется Генеральный штаб РККА, первым главой которого становится маршал Егоров.

Назначение Ежова главой НКВД отчасти дало новый импульс очищению высшего командного состава армии, кульминационным моментом которого стал май 1937 года.

Роль первой скрипки сыграл Молотов, заявивший на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК: было бы нелепо думать, что в армии вредительской работы меньше, чем в других отраслях хо-

зяйства. «Военное ведомство – очень большое дело и проверяться его работа несколько позже будет очень крепко», - угрожающе предупредил глава Совнаркома. Особую весомость словам Молотова придает следующее обстоятельство: очень скоро именно он станет председателем Комитета Обороны страны.

Тучи сгустились, в первую очередь, над заместителем наркома маршалом Тухачевским, с некоторых пор подозревавшимся, по меньшей мере, в нелояльности. На процессе Пятакова сотоварищи, Радек произвел определенную сенсацию заверением, причислявшим Тухачевского к ярым оппозиционерам.

В третьей декаде апреля под явно надуманным энкавэдешниками предлогом Политбюро ЦК отменил первоначальное решение о поездке маршала в Лондон, на коронацию короля Георга VI. Хотя ранее Тухачевский включался в состав советской делегации и присутствовал на церемониале похорон предпоследнего английского монарха.

Некоторым наблюдателям, присутствовавшим на Красной площади 1 мая, бросилась в глаза заметная отчужденность даже между самими военачальниками. А члены Политбюро партии как будто нервно переступали с ноги на ногу в своем месте на трибуне Мавзолея. Среди них чувствовалась напряженность, и лишь один Сталин, подобно несокрушимому монументу, стоял неподвижно, и лицо его было привычно непроницаемым, как у сфинкса. По некоторым данным, генсек на обеде у Ворошилова после парада, с ограниченным кругом военных деятелей, недвусмысленно пообещал стереть в порошок военачальников-оппозиционеров.

10 мая Политбюро с подачи Ворошилова приняло постановление о крупных кадровых рокировках в наркомате обороны и других организационных мероприятиях. В частности, Якир из Ленинграда перемещался на Украину – руководить войсками Киевского военного округа. Тухачевский освобождался от обязанностей замнаркома и назначался командующим Приволжским военным округом. Кроме того было принято решение о расширении полномочий политических работников, фактически означавшее восстановление системы двойного подчинения в армии.

Судя по всему, к 10 мая у политического руководства страны не было в тот период времени помыслов о физическом устранении Тухачевского, Якира и других. В противном случае Сталин просто не дал бы аудиенции у себя в Кремле Тухачевскому. Последнего он принял 13 мая, как это явствует из книги регистрации, очевидно, по ини-

циативе маршала. Никаких материалов о сути их разговора не осталось. Вероятнее всего, Тухачевский пытался без особого успеха убедить вождя в своей полной благонадежности. Надо полагать, Сталин ему не особенно верит, но и достаточно веских аргументов против Тухачевского, очевидно, не имелось.

Проходит всего лишь неделя и положение изменилось самым кардинальным образом. Значит за эти считанные дни в Москву поступили экстраординарные сведения либо извне, из считавшегося надежным источника, либо изнутри. Или эти данные совпали, что вызвало адекватную реакцию властей.

По версии Вальтера Шелленберга, шефа зарубежной разведки нацистской Германии последних лет ее существования, решающую роль в столь масштабной «зачистке» командного состава РККА сыграло его ведомство. Аккурат «в середине мая 1937 года», говорит Шелленберг, «специальный эмиссар Сталина» получил якобы объемистую кипу «усовершенствованную» немецкой стороной материалов о заговорщике Тухачевском. При этом он сообщает, что окончательное решение о данной акции принимал как будто лично фюрер. И, вероятно, Гитлер считал, что ослабление Красной Армии в результате «децимации» советского военного командования на определенное время обеспечит его тыл в борьбе с Западом. Либо позволительно будет предположить, что нацистские бонзы, зная о состоянии некоторой нестабильности партийно-советского руководства СССР, так сказать, подбрасывали дров в костер, рассчитывая вызвать хаос в стране. Кроме того, Гитлер явно косвенно стремился запугать собственный генералитет, в лояльности которого он также имел основания сомневаться. Не решаясь одновременно на его чистку, на чем особенно настаивал бедняга Рем.

Каковы бы ни были истинные намерения германской стороны, в итоге они оказались во благо национальных интересов России. Хотя часть людей пострадала, очевидно, совершенно безвинно. Надо полагать, Сталин и его ближайшее окружение, отнюдь не были склонны безоглядно верить документам столь любезно представленными наиболее вероятными в не столь отдаленном будущем противниками.

Но том, что в свое время отдельные красные военачальники распивали на брудершафт шнапс и водку с немецкими генералами, Сталину и его коллегам было хорошо известно. Они даже допускали возможность того, что немецкие военные по своим человеческим качествам вызывали у их советских коллег чувства приязни.

Однако наличие у германской стороны оперативных планов Генштаба РККА, а, судя по всему, таковое имело место, говорило о многом. Сталин молниеносно оценил опасность. Даже гипотетическую вероятность предательского сговора своих полководцев с немецкими генералами необходимо было немедленно устранить во избежание неисчислимых бед государству. Поэтому был дан карт-бланш НКВД и лично Ежову на ускоренное проведение всех необходимых мероприятий.

С середины мая аресты видных военачальников вследствие, и в том числе, признательных показаний Примакова, Путны и других, посыпались как из рога изобилия. Пытаясь спасти свои жизни, Корк А.И. и Фельдман Б.М. раскололись на первых же допросах и выразили полную готовность давать показания в интересах следствия.

20 мая Ежов представил Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу материалы по заговору в РККА и ставил вопрос об избрании меры пресечения в отношении остальных участников. Через три дня из чрева Политбюро вышел документ, адресованный членам и кандидатам в члены Центрального Комитета ВКП(б) для опросного голосования по лишению статуса их коллеги по партии военного Тухачевского, вкупе с высокопоставленным штатским Рудзутаком.

Положение последнего существенно пошатнулось в начале тридцатых годов. В 1931 году он был убран с кресла наркома путей сообщения, а в следующем лишился членства в Политбюро. В 1934 году Рудзутак вновь становится кандидатом в члены Политбюро, но заменяется Кагановичем на посту председателя Комиссии партийного контроля (КПК), одном из важнейших в иерархии ВКП(б).

Рудзутак был личностью склонной к неординарным решениям, даже авантюрным. Когда испытывавший немалые затруднения начинающийся авиаконструктор Яковлев обратился к нему за помощью, он предложил в качестве испытательного аэродрома заливной лужок близ своей дачи в Горках. Не удовлетворившись благополучной посадкой мало апробированного яковлевского детища, Рудзутак решился на еще более рискованное предприятие – возжелал лично полетать на нем. К счастью для летчика и изобретателя все обошлось благополучно....

Чуть позже Якир и И.П. Уборевич также были лишены партийной неприкосновенности. 30 мая Политбюро приняло решение отстранить Аронштама А.Н. и Гамарника Я.Б. от работы в наркомате обороны и исключить из состава Военного совета.

Последний, в бытность одно время первым заместителем Ворошилова, очевидно, играл среди военных особо видную роль. На следующий день приказ об увольнении из РККА Гамарнику доставили на квартиру сослуживцы. Сразу после их ухода он застрелился, поняв, что дело окончательно проиграно. Подельники Гамарника к тому времени дружно давали признательные показания, обвиняли друг друга и вовлекали в орбиту процесса все больших лиц.

С 1 по 4 июня в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов (из которых 20 человек уже было арестовано) на Военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. Предварительное ознакомление с показаниями «заговорщиков» всех участников работы Военного совета создало чрезвычайно напряженную атмосферу с первого же заседания высших военных представителей страны. Даже по выдержкам из материалов стенограммы, становится очевидным, что в командном составе РККА сложилась крайне нездоровая обстановка.

Нарком Ворошилов малодушно жаловался, что Тухачевский, Якир, Уборевич, покойный Гамарник и другие образовали оппозиционную ему группировку. Вели себя в отношении его агрессивно и даже враждебно.

2 июня на Военном совете выступил Сталин. Он высказал предположение о наличии в стране широко разветвленного военно-политического заговора против Советской власти, стимулировавшегося и финансировавшегося германским фашизмом. Руководителями этого заговора по мысли Сталина были Троцкий, Рыков, Бухарин, Ягода (следствие по трем последним к тому времени еще велось) и другие. По военной же линии главными были – Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Выступавшие в прениях по докладу Ворошилова резко осудили заговорщиков, заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству.

Заметным диссонансом выглядело выступление Мерецкова, лишь накануне прибывшего из Испании. Он начал с рассказа о значении военного опыта, приобретенного на Пиренеях. Мерецкова начали перебивать из зала, требуя высказаться о главной повестке дня. Ни для кого не было секретом, что «он долгие годы работал с Убореви-

чем бок о бок». Поняв, что не отвертится, Мерецков не побоялся вступить в полемику. Он заявил, что ему совершенно непонятны выступления товарищей, дружно высказывающих только здесь свои подозрения и недоверие. «Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали?» - сделал логичное умозаключение Мерецков. Откровенно и прямо он объявил, что Уборевичу верил и ничего дурного о нем сказать не может. Искренность Мерецкова была по достоинству оценена Сталиным и его коллегами по Политбюро, чего нельзя сказать о некоторых других военных, ибо из 42 выступивших 34 командира были также вскоре арестованы.

Для рассмотрения дела по обвинению Тухачевского и других было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, в которое были введены военачальники, занимавшие в РККА посты равнозначные теперешним арестантам. Создалась беспрецедентная ситуация, когда семеро высших военных иерархов страны осудили на смерть восьмерых своих коллег. Приговор был приведен в исполнение 12 июня. Вакханалия избиения военных кадров началась. Уже через 9 дней после суда над Тухачевским сотоварищами было арестовано около 1000 командиров и политработников. Печальная участь ждала и участников июньского судилища. Кроме Буденного и Шапошникова, все военачальники были репрессированы.

Вопрос – имел ли место полноценный заговор против руководства СССР – без подлинных материалов судебных дел, в полном объеме, без лакун и фальсификаций, рассмотреть невозможно.

Однако нет никакого сомнения в том, что Тухачевский и родственные ему по духу военачальники составляли сильнейшую оппозицию наркому Ворошилову и его окружению. Но Ворошилов был старым партийным товарищем и личным приятелем Сталина. Поэтому недовольство оппозиционеров ничтожным, на их взгляд, Ворошиловым могло распространяться на Сталина. Советские военные фрондеры понимали, что Ворошилова невозможно устранить при владычестве Сталина.

А широкомасштабного заговора, подобного тому, который был осуществлен в отношении Гитлера в 1944 году, пожалуй, все же не было. Были лишь определенные намерения, без четко разработанного плана, однако «соколам» Ежова этого было достаточно. Военачальники же упустили моменты, более благоприятные для выступления. Им надо было действовать более решительно в период наивысшего могущества Ягоды, с которым, несомненно, было легче договориться, нежели с Ежовым.

Правда, отношения военных ведомств и тайных полиций во все времена и у всех народов были всегда натянутыми. Каждое мнило свою структуру наиглавнейшей и наиважнейшей. Свою роль сыграло и то, что военные в Советской России не были столь сплоченной кастой, как, например, высшие круги генералитета в той же Германии. Красных военачальников раздирали противоречия, в том числе и личного характера. У них совершенно отсутствовал дух корпоративной солидарности.

Ежов и его присные, «разбиравшиеся» с Ягодой и его «наследством», очевидно, обеими руками ухватились за представившуюся возможность сделать «зачистку» и верхушки военной. Они был рады любому самому крошечному компромату. Материалов, исходя из нравственных физиономий отдельных персоналиев, хватало.

Одним из когорты, называемой «герои гражданской войны», числится П.Е. Дыбенко. В основном прославившийся амурными делами с годившейся ему в матери жрицей свободной любви – Коллонтай. Сей витязь весьма отличился в братоубийственной резне под Кронштадтом. На чисто воинском поприще успехами похвастаться не мог. Более того, в феврале 18 года богатырь-моряк Дыбенко вместе со своими матросиками позорно оставил позиции под Нарвой. От стыда, надо полагать, эшелон балтийских моряков прикатил аж в Самару, откуда и был возвращен не без труда Дыбенко уже в Москву.

18 марта воитель был отстранен от должности члена Комитета по военным и морским делам (суть наркомовской) и арестован, затем исключен из партии. Однако в мае месяце суд Ревтрибунала при ВЦИК признал Дыбенко оправданным, а в 1922 году он был восстановлен в партии. Очевидно, заступников у морского волка оказалось предостаточно.

Личность самого Тухачевского также до сего времени не раскрыта полностью исследователями. Достоверно известно, что у него было необычное хобби. Он чрезвычайно любил и прекрасно изготовлял столь неординарный музыкальный инструмент как скрипка. Вероятнее всего, Тухачевский хотел превзойти славу самого Страдивари.

Писатель Роман Гуль уверяет, что Тухачевский бредил мировой славой и в этом разительно схож со своим покровителем Троцким.

С детских лет юный Миша Тухачевский отличался высокомерием и необщительностью. Упорный потомок древнего дворянского рода пять раз бежал из германского плена, чтобы встать под знамена большевистской революции. Холодный, целеустремленный, често-

любивый Тухачевский отличился в годы братоубийственной бойни. Ему было все равно кого истреблять, германских солдат, бывших сослуживцев лейб-гвардейцев, польских панов, кронштадских мятежников или тамбовских крестьян.

По мнению того же Гуля жертвой жестокости Тухачевского стала его первая жена – хорошенькая Маруся Игнатьева, погибшая, по одной версии, вследствие самоубийства. По другой, соответственно, от руки самого Тухачевского.

В двадцатые годы, во времена тесного сотрудничества Красной Армии с рейхсвером он был накоротке знаком с отдельными немецкими генералами и под фамилией Тургуев в 1931 году ездил в Германию. Контакты по мере политического усиления нацистов не прекратились. Вопреки, а может быть благодаря тому, что к власти пришел Гитлер, часть германского генералитета была солидарна в неприязни красных военачальников к Сталину.

Последний со своими ближайшими сотрудниками явно был предельно обеспокоен раскрытием якобы широкомасштабного заговора военных. Они настроились решительно, с корнем и как можно быстрее вырвать заразу, грозившую гибелью стране. Армия – основа безопасности любой страны, поэтому суды были скорыми и безжалостными. Для сравнения: следствие по делу Каменева, Зиновьева и других велось свыше 7 месяцев, по делу Пятакова, Радека, Сокольникова также велось несколько месяцев. Расследование дела, начатого в марте 1937 о так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке», во главе которого якобы были Бухарин и Рыков, шло довольно неспешно.

Вследствие спешности, вне всякого сомнения, в случаях репрессий командного состава РККА были допущены существенные перегибы, главным образом из-за непомерной, а порою и сознательной ретивости чиновников НКВД. Для спасения своих должностей они готовы были перешагнуть через что угодно.

В сущности же, это была «кампанейщина», присутствовавшая во все времена существования советской командно-административной системы, наподобие хрущевской целинной эпопеи, брежневской борьбы с инакомыслием или горбачевского противостояния пьянству. Но в целом широкомасштабная чистка командного состава Красной Армии, наряду с негативными сторонами, гибелью малоповинных и, возможно, полезных в будущем людей, имела и позитивные стороны. После неизбежного депрессивного периода, резко возрос-

ла дисциплина в войсках и на места отсталых, кичившихся прошлыми заслугами воителей, пришли новые, прогрессивно мыслящие офицеры, будущие победоносные генералы и маршалы Второй мировой войны.

По направлению к Бухариным

В двадцатые годы Николай Иванович Бухарин являлся одной из наиболее почитаемых персон в ВКП(б) и Коминтерне, а также считался виднейшим теоретиком-универсалом.

Вследствие своего сокрушительного политического поражения он длительное время не имел никаких деловых контактов со Сталиным, хотя нередко встречался с его супругой – Надеждой Аллилуевой. После похорон жены вождь попросил именно Бухарина обменяться квартирами, сказав, что ему слишком тяжело жить в прежних апартаментах.

С 1933 года Бухарин постепенно все больше участвует в партийной и общественной жизни страны. Он вынужден был пройти унизительную для него процедуру чистки. Комиссия сочла Бухарина проверенным, отметив при этом, что все же он окончательно не изжил своей отчужденности от партии.

По итогам XVII съезда партии Бухарин избирается кандидатом в члены ЦК, а 17 февраля 1934 назначается ответственным редактором газеты «Известия» – второй по значению советской газеты.

Иногда он поддается на провокационные просьбы о помощи, как в случае с поэтом Мандельштамом. При желании Бухарина по-прежнему не составит труда подставить, точнее он сам легко подставляется. Вдова Мандельштама бесстыдно признается в своих мемуарах, что сознательно обманула Бухарина, существенно уменьшив уровень содеянного пиитом-склочником. Особы подобного типа озабочены единственно своим благополучием, они нисколько не помышляют о других.

Когда принималось решение об изменении Конституции СССР, Бухарина включили в состав комиссии по разработке ее проекта.

4 мая 35 года на приеме в Кремле по случаю выпуска слушателей военных академий Сталин подошел к Бухарину и предложил за него тост, одновременно предложив забыть старые распри. Это, казалось бы, разрядило обстановку, сгущавшуюся вокруг бывших лидеров «правого уклона».

Однако недоброжелателей и завистников у Бухарина, от благожелательного жеста вождя не убавилось. Тому способствовали и серьезные изменения в личной жизни Бухарина. Он женился в третий раз на девушке необыкновенной красоты – Анне Михайловне Лариной. Их платонические отношения продолжались несколько лет, «от съезда к съезду», как однажды довольно насмешливо выразилась юная красавица. У нее были поклонники среди сверстников, однако Ларина предпочла им великовозрастного Бухарина очевидно, из тщеславных соображений.

Последнего весьма смущала значительная разница в возрасте. 27 января 34 года в день своего двадцатилетия Анна Ларина переходит в наступление. «Долго будешь – говорит она Бухарину – оставлять мне свои записочки? Ты полагаешь, они меня никак не тревожат?». Лысеющий ловелас стоял возле девушки, взволнованный, покрасневший, в кожаной куртке и сапогах, пощипывая свою тогда еще ярко-рыжую бородку. «Ты хочешь, чтобы я зашел к тебе сейчас же?» - вопросил Бухарин. «Немедленно», - решительно ответила прелестница-именинница, и с того момента они не расставались вплоть до ареста вождя «правых уклонистов».

Анна Ларина была дочерью известного партийца Михаила Александровича Лурье (псевдоним Юрий Ларин), и ее с малых лет знали почти все видные деятели того времени, в том числе и Сталин. Вождь поздравил молодоженов, разница в возрасте у которых составляла четверть века. Сам Сталин не рисковал больше сочетаться браком и избегал встреч с кем-либо из большого семейства Аллилуевых.

Воспоминания Анны Лариной, опубликованные в 1989 году, важнейший источник, позволяющий во многом пролить свет на судьбу Бухарина и ее собственную. Ларина заверяет категорически, что очередной крупной тайной акцией (из тех, которые как будто ей стали известны), приумножившей обвинения против Бухарина, явилась затеянная якобы в провокационных целях командировка последнего за границу. Бухарин действительно был командирован в Париж к концу февраля 1936 года по личному поручению Сталина для покупки архивов, содержащих рукописи Маркса и Энгельса. В комиссию помимо него входили партийцы-пропагандисты Адоратский В.В и Аросев А.Я.

В чем заключалась суть провокации остается загадкой. Напротив, судя по всему, Сталин в то время еще довольно серьезно доверял Бухарину, раз отправил его в длительную командировку за границу, что было совсем непросто в то время и не только из меркан-

тильных соображений. К тому же вождь санкционировал поездку к нему находившуюся на последних месяцах беременности супругу.

Три недели чета Бухариных находилась в столице Франции вместе. В Москву они вернулись перед самым Первомаем, без документов и материалов, поездка оказалась безрезультатной. Спустя всего несколько дней после возвращения у них родился ребенок мужского пола. Супружеское счастье, обремененных первенцем, молодоженов длилось недолго. По случаю приезда Андре Жида в СССР Бухариным неосмотрительно допускается чрезмерно восторженное приветствие в «Известиях» в его адрес. Он дважды пытается затем встретиться и переговорить тет-а-тет с французским писателем, но безуспешно.

В июле 1936 года Бухарин посетил Сталина в его кремлевском кабинете, попросил отпуск и получил разрешение. Он решает реализовать давнюю задумку и отправляется на Памир. В горах Бухарин старается забраться в такие дебри, где почты и тем более телеграфной связи не существует.

Обвал случился 19 августа, когда в Москве начался процесс над Зиновьевым с Каменевым и другими лицами. Камни посыпались на Бухарина с совершенно нежданной стороны. Помимо прочих, подсудимые стали давать показания изобличающие Бухарина, Рыкова, Томского. 21 августа было опубликовано заявление прокуратуры о начале следствия по вышеназванным персонам. На следующий день появилось тревожное сообщение о самоубийстве Томского. Перепуганный Бухарин отправил телеграмму Сталину и Ягоде с просьбой отсрочить казнь, дабы добиться очной ставки с Зиновьевым и Каменевым. 25 августа (в день приведения приговора в исполнение) предельно обеспокоенный он прилетает в Москву. Сразу же по приезду Бухарин попытался связаться со Сталиным, но был извещен, что вождь отдыхает в Сочи.

Начались его мытарства на воле-неволе, продолжавшиеся ровно полгода. Все поведение Бухарина с самого возвращения в Москву из Средней Азии – сплошная череда нелепейших тактических ошибок. Сверх всякой меры эмоциональный и мятущийся Бухарин своими неразумными выходками лишь усугублял недоверие к нему постепенно переходившими в подозрение. Его оборонительная линия поведения оказалась совершенно неэффективной. В сущности, он объявлял бойкот неизвестно кому. Бухарин не использовал возможность организации защиты надлежащим образом. В его руках было мощнейшее оружие – пресса. Ибо никто не снимал Бухарина с поста

главного редактора крупнейшей газеты страны. Работая в периодике, как бы ни было ему морально тяжело, он мог реально влиять на неблагоприятно складывающуюся ситуацию и, в конечном счете, возможно, переломить ее.

Замещавший Сталина на время его отпуска Каганович устроил Бухарину очную ставку с арестованным к тому времени Сокольниковым. Во время которой демонстративно держался нейтралитета, а, оставшись наедине с Бухариным, внешне благожелательно посоветовал ему спокойно выходить на работу. Напутствием Кагановича, а также публичным извещением Прокуратуры СССР о прекращении следствия по его с Рыковым делу за отсутствием оснований, Бухарин не воспользовался. Почти два месяца он не выходил из квартиры никуда, получив одобряющие весточки лишь от Ромена Роллана и Бориса Пастернака. От последнего позже еще раз.

Только 7 ноября, получив из редакции гостевой билет, чета Бухариных решилась выйти на Красную площадь, к людям. Придя к Мавзолею, но, одновременно, не осмеливаясь даже поднять голову вверх. Пришлось, заметившему Бухарина Сталину, отправить постового с пожеланием подняться на трибуну – соответственно его статусу. При этом, завидев пробиравшегося к ним сквозь толпу часового, жена Бухарина испугалась и вообразила, что ее мужа идут арестовывать. Так Бухарин очутился на трибуне Мавзолея. Поговорить со Сталиным ему не удалось, тот стоял вдалеке и первым покинул трибуну.

После октябрьских торжеств Бухарин упорно продолжал гнуть свою глубоко ошибочную тактику. По-детски полагая, что некие добрые дяди придут к нему, погладят по головке и отведут под руки на работу. В то время как бывшие коллеги по партии, находившиеся под следствием, считали, естественно, своим долгом впутать в свои дела Бухарина. А Ежов со своим аппаратом скрупулезно собирал на него малейший компромат.

Сторонним взглядом выходило, что Бухарин ведет себя как испуганный, но еще не изобличенный преступник. Он никуда не выходил и метался у себя дома, как загнанный зверь в клетке. Бухарин ничего не понимал, в «Известиях» по-прежнему можно было прочесть его фамилию как главного редактора. Совершенно напрасно ожидал звонков Бухарин из редакции газеты или ЦК партии.

Он, разумеется, считался парией (вернее сам себя поставил в такое положение), но, собравшись с духом, Бухарин был просто обязан делать вид, что ничего не происходит. Он же делал все наоборот,

добровольно заточив себя в квартиру, где огромный стресс не позволял ничего делать, все валилось из рук.

Наконец поступило оповещение из Секретариата ЦК о созыве пленуме партии в начале декабря для окончательного согласования текста новой Конституции. Попутно решался вопрос Бухарина и Рыкова. На нем на Бухарина, Рыкова, а также Ягоду обрушился с сильнейшими нападками новоиспеченный наркомвнудел Ежов. В перерыве между заседаниями Пленума ЦК, Бухарину и Рыкову устраивались очные ставки с Пятаковым и другими. Показания которых они категорически отрицали. Не разобравшись в этой разноголосице, партийный форум принял предложение Сталина: «Считать вопрос о Бухарине и Рыкове незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку дела и отложить дело решением до последующего Пленума ЦК».

Через некоторое время, к концу месяца и года, стали поступать письменные показания Пятакова и прочих против Бухарина, Рыкова и покойного Томского. Протоколы допросов направлялись Бухарину, как кандидату в члены ЦК партии, нарочными, на квартиру. Тогда же, вероятно не умышленно, в выходившем за границей «Социалистическом вестнике», был опубликован материал под названием «Письмо старого большевика», с огульной критикой режима и нападками на Сталина и других. Инициатором публикации «Письма» с подложными инициалами было создано впечатление, что истинным автором является Бухарин.

Известие об очередном процессе и казни главных действующих лиц совершенно вывели склонного к истерике затворника из равновесия. Незадолго до пленума ЦК, на котором опять же попутно должен был рассматриваться его вопрос, Бухарин совершил еще одну грубейшую ошибку – объявил голодовку, расцененную его пока еще коллегами как попытку шантажа и противопоставления себя партии. В тот же день произошел многозначительный эпизод.

К Бухариным пришли трое с извещением о предстоящем выселении из кремлевской квартиры. Из замешательства главу семейства вывела телефонная трель. Звонил Сталин и, поинтересовавшись, что происходит, посоветовал ему выгнать вон незваных гостей. Последние, находившиеся вблизи телефонного аппарата, без лишних слов тотчас ретировались.

На февральско-мартовском пленуме Бухарин выглядел довольно плачевно, в связи с явным недостатком физических и моральных сил.

Обстановка на форуме была весьма и весьма сложной. Некоторые его участники обвиняли Бухарина и Рыкова в совершении тяжких преступлений, не скупясь на оскорбительные выражения и навешивая всевозможные ярлыки. С большой речью, фактически содокладом, содержащим политические обвинения и оценки, вслед за Ежовым выступил А.И. Микоян. По делу Бухарина и Рыкова ЦК образовал специальную представительную комиссию под председательством Микояна. Протокол от 27 февраля 1937 года бесстрастно зафиксировал мнения большинства членов комиссии. В прениях высказались двадцать человек из присутствовавших тридцати шести. Предложение Ежова было наиболее кровожадным: исключить Бухарина и Рыкова из состава ЦК ВКП(б), а также партии и предать суду Военного трибунала с применением высшей меры наказания – расстрела.

На заседании единогласно было принято предложение Сталина: исключить из состава ЦК и членства ВКП(б), суду не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД. В тот же день Пленум принял резолюцию, в которой заявлялось, в частности, что т.т. Бухарин и Рыков заслуживают помимо немедленного исключения из партии еще и преданию суду Военного трибунала. Но, исходя из того, что они в отличие от троцкистов и зиновьевцев, не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), их дело передавалось на дорасследование в НКВД.

В сущности, это решение не означало немедленной расправы, на которой настаивал Ежов. Оно говорило о том, что к подвергнувшимся партийным санкциям подследственным избрана мера пресечения для последующего уголовного разбирательства компетентным в этом инстанциям.

Практически Сталин давал возможность незамедлительно арестованным Бухарину и Рыкову еще некоторый шанс оправдаться. С другой стороны, это является свидетельством доверия вождя органам НКВД и лично Ежову. Очевидно, сравнительно с казненными к тому времени Каменевым с Зиновьевым, Пятаковым и другими оппозиционерами, у Сталина оставались сомнения в отношении Бухарина с Рыковым. Разбирательство по их делам, вкупе с другими подследственными, велось больше года и все же завершилось расстрельным приговором. 15 марта 1938 года Бухарин был казнен.

Повествовательный ритм воспоминаний вдовы Бухарина довольно сумбурен и хаотичен. Ларина признается, что мемуары не могут

не быть субъективными, но она «стремилась быть правдивой и в этом стремлении предельно откровенной». С ней все ясно, ибо она жертва государственного произвола. Но по ее же воспоминаниям представляется возможным в некотором роде проследить логику действий властей, а также реакцию населения.

Бухарин был арестован 27 февраля 1937 года, а Ларину серьезно потревожили лишь три месяца спустя, когда полным ходом шли аресты военачальников и некоторых других деятелей. Родные и близкие арестантов, естественно, достаточно бурно протестуют, поэтому власти решают подвергнуть их высылке.

Под этот накат попадает и Ларина. У нее изымают паспорт и предъявляют постановление за подписью Ежова. Там предлагается выехать в один из пяти городов на выбор: Актюбинск, Акмолинск, Астрахань, Семипалатинск, Оренбург. Перед ней также встает вскоре тяжелая нравственная дилемма категорического отказа от Бухарина, во избежание высылки.

Через несколько дней, в придачу ко всему разлученная с сыном-младенцем, Ларина сидит в общем вагоне поезда Москва - Астрахань. По пути следования к месту ссылки Ларина знакомится с семьей Тухачевского: его матерью, женой и дочерью.

Большая часть пассажиров на остановках выходит из вагонов и хватает газеты с сенсационными сообщениями. Затем достаточно бурно обсуждается прочитанное, без малейшего понятия о том, что совсем рядом буквально морально убиваются попутчики. В основной массе выражается жгучая ненависть к осужденным военачальникам.

Паровоз, бодро выпуская клубы черного дыма, неутомимо двигается на благодатный юг. Колеса мерно стучат, а среди разъяренных людей сидят окаменевшие от горя и ужаса родственники Тухачевского. Наконец появляется Астрахань, душный и пыльный город, весь в цветении белой акации. В Астрахани, ссыльные – местная сенсация. На них показывают пальцем провинциалы, удивленные и равнодушные одновременно к судьбам обладателей столь известных имен.

Репродукторы-громкоговорители вещают: «Стерты с лица земли шпионы, предатели, изменники, желавшие… и т.д.». Родные «предателей», потрясенные и полуобезумевшие, бродят по улицам, они предоставлены самим себе.

Ларина с немалым трудом (понадобилось специальное указание местного подразделения НКВД) арендует себе жилье. Рабочий пароходства, у которого она сняла комнату, разумно рассуждает следу-

ющим образом: «У них там наверху часто все меняется: сегодня они распорядились пустить вас на квартиру, а завтра они меня же обвинят в том, что у меня на квартире жила жена Бухарина».

Около трех месяцев ссыльные промаялись сравнительно свободно в Астрахани, лишь ежедекадно отмечая свое присутствие. Наконец они оказываются в Астраханской тюрьме. Власти решают изолировать изгоев всерьез и надолго, видимо и малоосновательно опасаясь их относительной свободы.

Начались скитания Лариной (Бухариной) по тюрьмам и пересыльным пунктам. Если верить Лариной, то лишь каким-то чудом она спасается однажды от расстрела и этапируется затем в Москву. Несколько раз ей объявлялся приговор, но всегда заочно, и своих «судей» она никогда не видела.

В самом конце 1938 года 24-летняя Ларина (Бухарина) в числе прочих, так называемых членов семей изменников родины (ЧСИР), прибывает в Москву. Там, на Лубянке, во внутренней тюрьме НКВД, ей довелось встретиться с вновь назначенным наркомом, а именно старым знакомым Берией Л.П.

Разговор Лариной с ним, продлившийся довольно долго, во многом определил дальнейшую судьбу красавицы-вдовы. Вызывающе-эпатажное поведение Бухариной, упрямство и порядочность, вкупе с недомыслием, явились основными причинами ее последующих длительных мытарств. Она признает, что не имела представления о происходящем в стране. Цель, ради которой Берия вел с ней беседу, была Лариной неясна, а спросить прямо она не решилась.

В сущности, от нее требовалось немного, признаться, что она ничего не смыслит в делах политических и попросить снисхождения ввиду несомненной молодости. Берия явственно дал понять Анне Лариной, что если она закроет уста на замок и не будет распространяться повсеместно о погибшем супруге, то жизнь ей, несомненно, будет сохранена. Более того, как явствует из дальнейшего рассказа Лариной, более двух лет «промариновавшейся» на Лубянке, ей, несомненно, была бы предоставлена и свобода. Но практически все попытки Берии наладить конструктивный диалог, ею встречались враждебно. Разумеется, Ларина вела себя, на ее взгляд, единственно подобающим образом. То есть честно относительно памяти безвременно усопшего супруга. При этом вдова явно упивалась своим бескомпромиссным и бесхитростным поведением.

Но не было ли в нем нечто граничащее с глупостью? В самом

деле, кто осмелился бы бросить камень в человека, попавшего в подобный переплет и схитрившего, то есть сделавшего вид, что все случившееся с ним лишь роковое стечение обстоятельств.

Дальнейшая лагерная судьба супруги Бухарина сложилась следующим образом. Ее миновала печальная участь некоторых вдов видных советских партийных и военных деятелей, расстрелянных вслед за своими мужьями. После Лубянки, она еще лет пятнадцать моталась по тюрьмам, ссылкам и поселениям. С неким Ф.Д. Фадеевым Ларина образовала новую семью. От него она произвела на свет двух детей. Лишь в году 1956 в Сибири после девятнадцатилетней разлуки Ларина встретилась вновь со своим сыном от брака с Бухариным.

По образу мыслей и действий Бухарина можно, пожалуй, назвать личностью с социал-демократической ориентацией. Поэтому он был обречен в то суровое время, к тому же у него было слишком простое сердце, а разум лишен элементарного инстинкта самосохранения.

В гибели Бухарина сыграло роковую роль и то обстоятельство, что в последней загранкомандировке он опрометчиво и слишком доверительно распространялся ненадежным собеседникам о чрезмерной деспотичности режима, якобы установленного Сталиным.

Историк Борис Николаевский использовал его излияния в материале под названием «Письмо старого большевика». В той публикации давались, в частности, нелицеприятные характеристики Кагановича и Ежова, что еще больше увеличило их ненависть к Бухарину.

По недостаточно достоверным свидетельствам Бухарин перед самым расстрелом попросил карандаш и лист бумаги, чтобы написать предсмертное письмо Сталину. Его последнее желание было удовлетворено. Короткое письмо начиналось вопросом: «Коба, зачем тебе нужна моя смерть?» Эта записка хоронилась как будто у Сталина в одном из ящиков письменного стола и была обнаружена после смерти вождя.

Судя по всему, Сталин сильно сомневался в целесообразности лишения жизни Бухарина наравне с Ягодой, но не решился воспротивиться даже на йоту запущенной им вместе с Молотовым машины карательно-репрессивной системы государства.

Из панибратского обращения Бухарина явствует, что он до последнего своего вздоха не понял смысла произошедшей со Сталиным закономерной метаморфозы. Перманентно меняющаяся ситуация в стране и мире, а также должность лидера обязывали его к тому. Ста-

лин образца 1937 года был уже не той малоприметной личностью, которую Бухарин знал лет примерно двадцать тому назад. Он не был уже ни Кобой, ни даже революционером Сталиным. Он ощущал себя неким подобием российского монарха – царем Иосифом. За идеологической, марксистко-ленинской фразеологией скрывался вполне созревший к тому времени авторитарный правитель.

Даже сама постановка вопроса в корне неверна. Смерть Бухарина не была выгодна Сталину по политическим соображениям. Какую полезность для государства представляет его жизнь, вот что следовало поставить во главу угла по отношению к опальному партийцу. За год следственных мероприятий Бухарин не сумел, очевидно, доказать ценность своей личности ни как человека, ни как политического деятеля. За довольно продолжительный период времени он написал в тюремной камере несколько произведений. Бухарин не сумел избежать многочисленных восхвалений в адрес Сталина и его политики. Тем самым он утверждал своих оппонентов в мысли о двурушничестве.

Бухарин заблуждался, полагая, что только лишь от Сталина зависит его судьба. Вождь, при всех симпатиях и желаниях помочь, не смог бы спасти его, без риска самому попасть под маховик колоссальной мощи механизма. Своими личностными качествами он мог вызывать у Сталина теплые, чисто человеческие чувства. Но как политический деятель, вождь не мог поступиться своими принципами, тем паче, что следственные инстанции предъявляли богатый материал, свидетельствовавший против Бухарина. Весьма сомнительным выглядит предположение, что Сталин издавна питал к Бухарину чувство неприязни и даже ненависти. Скорее наоборот, ибо он не представлял никакой опасности для Сталина. Бухарин был для этого слишком рафинированным интеллигентом, к тому же являлся только теоретиком. То есть лишь писал и не обладал сколько-нибудь организаторскими способностями, а также начисто был лишен качеств, присущих прожженным интриганам. Бухарин, исходя из логики сталинского мышления, являлся всего лишь одним из винтиков в очередной раз реорганизованного партийно-государственного аппарата. У него были в прошлом заслуги в партии, но у Троцкого тоже были заслуги когда-то. Последний явно пришел в полную негодность и стал сильно вредить делу Сталина. Бухарин, очевидно, тоже со временем испортился. И все же в глубине души Сталин не скоро смирился с неотвратимостью применения к нему высшей меры на-

казания. Ибо Бухарин разительно отличался от изначально лукавых и коварных Каменева с Зиновьевым, не говоря уже о Троцком. Но у него оказалось слишком много, помимо могущественных врагов среди сталинцев, и недоброжелателей среди других оппозиционных направлений. И троцкисты, и зиновьевцы, а также приверженцы самого Бухарина оказались способными опорочить его компании даже ради. А сам он не сумел защититься должным образом и погиб практически без вины виноватый.

Зигзаги репрессивно-карательной политики и ее отдельные представители (3)

Злодейское умерщвление Кирова явилось для Сталина, по меньшей мере, двойным потрясением. Он лишился преданного ближайшего сотрудника и друга. Кроме того, вождь ощутил реальную угрозу срыва планов переустройства страны и, следовательно, государственным интересам России.

Явственно обозначилась неэффективность работы всех звеньев карательно-репрессивной системы и, дабы загладить подобное впечатление перед партийно-советским руководством, они начали наносить удары по потенциальным противникам режима практически вслепую.

Сумятицей, близкой к панике, оказались охваченными все верхние эшелоны власти. Первоначально в газетах появилось довольно интригующее и не совсем внятное сообщение.

«В президиуме ЦИК Союза ССР.

Президиум ЦИК Союза ССР на заседании от первого декабря сего года принял постановление, в силу которого предлагается:

1. Следственным службам – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам – не задерживать исполнение приговоров к высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании, так как президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам наркомвнудел – приводить в исполнение приговоры к высшей мере наказания в отношении преступников, названных выше категорий, немедленно по вынесению судебных приговоров».

Лишь несколько позже было опубликовано постановление ЦИК

«О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», печально прославившееся как закон от первого декабря 34 года. Согласно ему, следствие по делам о терроре должно было проводиться в срок не более десяти дней. Обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. Дела слушались без участий сторон. Кассационное обжалование приговоров, как и подача помилования, не допускались. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по его вынесении.

Начались поиски «виновных» в убийстве Кирова по многим направлениям. Был арестован начальник управления НКВД по Ленинградской области Медведь Ф.Д. и его заместитель Фомин Ф.Т. и с ними еще шестеро ответственных работников. Незамедлительно были расстреляны в Москве, Ленинграде и Киеве около ста обвиняемых по делам так называемых «белогвардейцев-террористов» (закон от 1 декабря начал собирать свою кровавую жатву). Все происходящее напоминало террор, примененный красными после покушения на Ленина.

Одновременно, из факта убийства среди бела дня виднейшего деятеля партии и государства отставным функционером, а не бывшим белогвардейцем или кулаком, вытекало несколько посылов. Главный из них заключался в том, что оппозиционеры как будто без зазрения совести отбросили свои многочисленные клятвенные заверения в лояльности власти и встали на путь вооруженной борьбы.

За три месяца после 1 декабря 34 года только в Ленинграде органами НКВД было арестовано около 1000 человек, большинство которых подверглось высылке. Еще до нового года были казнены Николаев и другие в качестве соучастников его преступления по делу так называемого «ленинградского центра».

Но если в бывшей столице существовало «гнездо контрреволюционеров и врагов народа», то в столице нынешней – Москве и других городах, не могло не существовать, по мыслям энкавэдешников, широко разветвленной сети филиалов.

8 декабря 1934 года начались аресты бывших последователей Зиновьева с Каменевым, а неделю спустя подобная участь постигает их самих. Несколько позже будет арестован вечно всем недовольный фрондер Шляпников и ряд других бывших участников так называемой «рабочей оппозиции». Недавние «соратники» Сталина после униженных просьб об отмене ссылки всего год как были вос-

становлены в партии и получили вполне пристойные рабочие места. И хотя прямую взаимосвязь с Николаевым следствию доказать не удалось, вследствие их незавидных репутаций, Каменева с Зиновьевым осудили вновь. Последний 13 января нового года подписался под довольно длинной петицией, в которой недвусмысленно признал свою пусть не прямую, но косвенную ответственность за убийство Кирова, а также практически сознался в чувствах злорадности. Видимо подобное ощущение испытывал и Ежов, откровенно заявивший Зиновьеву, что политически он уже расстрелян.

1 февраля 1935 года на пленуме партии происходит его существенное возвышение. Ежов избирается секретарем ЦК, а затем и председателем Комитета партийного контроля (бывшей ЦКК-РКИ). Главным же вопросом, обсуждавшимся на том пленуме, являлась насущнейшая необходимость внесения изменений в Конституцию СССР в соответствиями с реалиями того времени.

Ежов превосходно осведомлен о том, чем в первую очередь обеспокоены генсек и другие его коллеги. Во время встречи с Иденом Сталин не постеснялся задать ему, в числе прочих, лобовой вопрос: «Как вы полагаете, насколько велика сейчас опасность войны относительно кануна 1914 года?» Британский министр ответил не совсем определенно, но склонился к тому, что в 1914 году опасность была больше. На что Сталин возразил: «Думаю, опасность больше сейчас. В 1914 году имелся только один очаг военной опасности – Германия, а теперь два – Германия и Япония». Подумав, Иден признал, что мнение Сталина имеет под собой серьезное основание.

Усердный Ежов усиленно старается развеять опасения вождя в отношении внутреннего положения и выявления неплохо маскирующихся врагов и недоброжелателей. Он выдвигает и развивает концепцию перехода зиновьевцев и троцкистов к террору против руководителей партии и правительства и об объединении на этой основе их контрреволюционной деятельности. Данную версию он подкрепляет в виде рукописи книги «От фракционности к открытой контрреволюции», первую часть которой посылает Сталину 17 мая 35 года.

Ежов сваливает Енукидзе, многолетнего секретаря Президиума ЦИК, нравственно растленного типа и явного коррупционера, довольно влиятельной фигуры в Кремле. «Министра двора», как именовал в шутку некоторое время своего земляка Сталин.

Енукидзе с весьма подозрительным рвением выполнил требование Сталина, сделанное им буквально на ходу, в состоянии душев-

ного смятения. В обход всех существующих правил, секретарь Президиума ЦИК провел срочную подготовительную работу по внедрению закона от 1 декабря. Выпуском акта, усугублявшего и так не столь гуманные нормы отправления социалистического судопроизводства, Енукидзе, очевидно, намеренно подставил Сталина.

Дабы отчасти дезавуировать эффект от данного постановления Сталин и Молотов 17 июня 1935 года подписали совместный документ «О порядке производства арестов». В его первом пункте провозглашалось, что «аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора». Но задуманного первыми лицами государства «противоборства» между двумя составляющими карательно-репрессивной системы в силу разных причин тогда не произошло.

Ежов доводит до логического завершения чистку партийных рядов, конца которой не было видно, чтобы возобновить прием в партию. По его инициативе проводится проверка учета и хранения партийных документов, а затем обмен в первой половине 1936 года старых партбилетов на новые. В деле наведения большевистского порядка в «собственном партийном доме» намечается большой сдвиг. Самым строжайшим образом регламентируется порядок выдачи новых документов, персональная ответственность при этом возлагалась на секретарей всех уровней.

Ежов начинает пользоваться все большим доверием Сталина, попросившего его, помимо прочего, присматривать за деятельностью НКВД и лично за Ягодой. Последний после смерти Менжинского автоматически стал председателем ОГПУ, через два месяца переставшего существовать по причине соединения с НКВД. Пересев в кресло наркома, Ягода продолжает исподволь вести свою собственную линию, хотя отнюдь не был избавлен от внимания ЦК партии.

Глава НКВД опрометчиво полагает, что его поползновения чрезмерно возвыситься не остаются незамеченными. А после присвоения ему в ноябре 35 года звания Генерального комиссара государственной безопасности, одного уровня с Маршалом Советского Союза, Ягода и вовсе теряет бдительность.

Неутомимый Ежов все больше втягивается в следственные дела НКВД, участвуя в допросах лиц, подвергшихся арестам. Возможно, ему принадлежит идея проведения повторного открытого судебного заседания над Зиновьевым и Каменевым и иже с ними. Факта весьма примечательного, поскольку бывшие наперсники Ленина совсем

недавно были приговорены к длительным срокам заключения. 16 января 35 года Зиновьев был осужден на 10 лет лишения свободы, а Каменев, соответственно, на пять. Но в июле месяце, дабы исправить несправедливость в отношении первого, Каменеву добавили еще 5 лет.

Тем не менее, не успевших отсидеть даже года оппозиционеров вытаскивают на свет божий и привлекают вновь к следственным мероприятиям, которые продолжались с 5 января по 10 августа 1936 года. Впрочем истинной причиной новых процессов, видимо, стали повсеместно распространившиеся разговоры о злоупотреблениях властей. И дабы пресечь слухи, в Кремле решили продемонстрировать всему миру несомненную виновность осужденных. Для вящей убедительности им инкриминируются довольно крутые замыслы, в чем под давлением косвенных улик подследственные имеют неосторожность сознаться. Не вполне сознавая, что тем самым сами себя обрекают на гибель, вследствие непомерной суровости закона.

Ежов стремится максимально использовать трения среди руководителей НКВД и опирается на некоторых из них, вроде заместителя Ягоды Агранова. В период последнего разбирательства с Зиновьевым и Каменевым, он в конспиративном порядке приглашает к себе на дачу Агранова и от имени Сталина передает указания на ошибки, якобы допускаемые следствием. О том, что подследственные обречены на смерть, стало ясно 15 августа, когда газетные страницы затопили кровожадные лозунги наподобие «Расстрелять убийц», «Врагам народа нет пощады» и пр. и пр. По стране прокатились массовые митинги и демонстрации с требованиями самого сурового наказания. Сильнейшее давление на суд инициировались, несомненно, секретарем ЦК партии Ежовым и редактором газеты «Правда» Мехлисом.

Спустя месяц после завершения процесса, в ходе которого всплыло еще большее число недостаточно изобличенных «контрреволюционеров», Ежов сменяет Ягоду на месте главы НКВД. При чем заканчивавшие отдых на юге Сталин и А.А. Жданов телеграфировали Кагановичу и другим членам Политбюро о необходимости срочной ротации кадров руководства НКВД. Мотивируя неспособностью лично Ягоды и его аппарата решать усложнившиеся «задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока».

После суда над Пятаковым и другими Ежову присваивается звание Генерального комиссара госбезопасности, что, несомненно, вдохновило его на дальнейшие «подвиги».

В начале апреля 1937 года из печатного сообщения населению

страны стало известно об окончательном падении Ягоды. Ежов со своими людьми пытается инкриминировать ему одну кампанию с мятежными полководцами, но Ягода категорически отрицает подобную связку.

В период разгрома военачальников-оппозиционеров Ежов награждается орденом Ленина – «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий».

«У большевиков слово не расходится с делом», так называлась передовая «Правды», текст которой практически целиком восхвалял наркома. Ежова повсеместно славословят как никакого другого деятеля СССР. Казахский акын Джамбул Джабаев именует его победоносным батыром, якобы разящим врагов блистательным клинком.

«Когда над степями поднялся восход
И плечи расправил казахский народ,
Когда чабаны против баев восстали,
Прислали Ежова нам Ленин и Сталин.
Приехал Ежов и, развеяв туман,
На битву за счастье поднял Казахстан».

Так писал престарелый акын о пребывании Ежова в Казахстане. Голова у бедняги неминуемо закружилась, огромная власть, которая навалилась на плечи Ежова, оказалась для него совершенно неподъемной. Он действует необычайно примитивно, все больше и больше нагнетая истерию мер карательного направления.

Особую опасность представляло то, что Ежов был далеко не обычным наркомом. Он оставался секретарем ЦК и председателем КПК, при этом едва не стал членом Политбюро, добравшись до уровня кандидата. Комиссия партийного контроля резко усилилась, и воодушевленные примером Ежова ее члены внесли свою немалую лепту в разгул репрессий.

В бытность Ежова наркомом, максимальные пределы наказания при лишении свободы повысились до 25 лет. Производства уголовных дел упростились до предела, а сотрудники Ежова бесчинствуют на всех уровнях вертикали НКВД. Расстрелы становятся едва не обыденным делом, нормой становится хватать и наказывать за малейшую провинность.

Народ метко окрестил беспредел, творившийся в системе органов НКВД, «ежовыми» рукавицами или «ежовщиной».

В то время, как от него требовалась филигранная хирургическая

работа скальпелем, Ежов размахивает мечом. Он отказывается понимать, что, без устали взмахивая обоюдоострым лезвием, можно поразить безвинных. А также вероятность риска самому пораниться намного больше.

Ежов – типичный пример «маленького человека», в прямом и переносном смысле, не сумевшего соответствовать большим должностям.

Сэр Буллок, со странной для истинного джентльмена некорректностью, уверяет: «никто другой в советской истории не вызывал такой ненависти и одновременно презрения, как этот злобный карлик, не более полутора метров ростом». Одновременно британец утверждает, что якобы «Сталин нашел его где-то в Казахстане», как будто лишь исключительно в бескрайних просторах оного водятся столь вредоносные особи.

Ежов действительно был в Казахстане некоторое время, но он родился в Петербурге в 1895 году и с 14 лет работал на тамошних заводах. Вступил в ВКП(б) в 1917 году и «принимал активное участие в Октябрьской революции и гражданской войне». До 1921 года Ежов комиссарил в рядах Красной Армии. С 1922 года находился на ответственной руководящей партийной работе: секретарем Семипалатинского губкома, секретарем Казкрайкома.

В 1927 году, возможно, с подачи Кагановича Ежов перебирается в Москву и становится функционером ЦК ВКП(б). В 1929 - 30 годах занимает должность заместителя наркома земледелия СССР. С 1930 по 34 годы исполняет обязанности заведующего учетно-распределительным отделом и отделом кадров ЦК. На XVII съезде партии он избирается членом ЦК и членом Комиссии партийного контроля. С того же времени Ежов член Оргбюро при ЦК, заместитель председателя Комиссии партийного контроля и заведующий промышленным отделом ЦК, член ВЦИК и ЦИК СССР, дабы чуть позже взлететь еще выше.

Его карьера претендует на сногсшибательность. Через двадцать лет после Октябрьских событий он встал в один ряд со Сталиным, Молотовым, Литвиновым, Калининым, Ворошиловым. Старыми партийцами, которых знал и примечал сам Ленин. Одним словом, было от чего закружиться голове.

В целом Ежов выполнил уготованную ему роль – подчинил партийному контролю ставший излишне самостийным НКВД и разгромил мятежных полководцев, но слишком с большими издержками. Что, в конечном счете, было ему зачтено…

Наконец, повсеместные жалобные стенания лиц, возмущавшихся несоразмерными репрессиями, достигают Сталина. Он начинает понимать, что на постах председателя КПК и наркомвнудела Ежов допускает крупные просчеты, грубо попирая недавно принятый новый основополагающий закон страны – Конституцию СССР.

Осознав сей прискорбный факт, Сталин и другие руководители, естественно, начинают подыскивать ему замену. Впоследствии вождь мотивирует конструктору А.С. Яковлеву необходимость устранения Ежова его полной моральной деградацией. Но Ежов начал спиваться после снятия с поста главы НКВД и лишения высших партийных должностей. Лишь тогда он понял, что совершил массу непоправимых глупостей и прощения ему не будет.

Необходимо было исключить совершенно риск ошибки. Положение, сложившееся в КПК и органах НКВД, очень сильно влияло на всю непростую внутреннюю обстановку в стране.

Высказывания известнейшего российского ученого академика В.И. Вернадского, запечатленные им в дневниках тех лет, являются своеобразным барометром советского общественного мнения. Если исключить из его сведений малодостоверные и естественные в его возрасте нотки старческого брюзжания (в марте 1938 года ученый отметил 75-летний юбилей), то картина тогдашней советской действительности вырисовывается не столь уж беспросветно мрачной. Однако красной нитью сквозь них проходит тема «ежовщины» и скрытого противоборства в высших эшелонах власти.

В начале века Вернадский был одним из отцов-основателей Конституционно-Демократической (кадетской) партии России, объявленной затем вне закона в 1917. Несмотря на то, что его дети практически являлись противниками советского режима и делали карьеру за рубежом, сам Вернадский вполне успешно жил и работал в сталинской России.

Итак, предоставим слово выдержкам из дневника маститого ученого, наиболее существенные извлечения из которых выделены автором.

«1938 год. 25 января, утро. Аресты продолжаются. Есть случаи возвращения арестованных. ...Фольклор Ежовский: после ареста Кремлевского доктора Левина ...лечившего Ежова, жена Левина обратилась к Ежову по телефону, говоря, что это должно быть ошибка. Ежов ответил: «НКВД не ошибается». Все больше говорят о болезни или вредительстве руководителей НКВД...

20 февраля, утро. ... Все больше слышишь о вредительстве Ежо-

ва. Опять ненужная, возмущающая кругом жестокость. Опять разговоры о сознательном вредительстве. В Петербурге террор продолжается – мне кажется, рассказы даже преувеличивают! – но жизнь идет своим чередом.

1 марта, утро. Сегодня в газетах известия о новом «процессе»... Тревога в том, в здравом ли уме сейчас власть – беспечная власть, делающая нужное и большое дело, и теперь его разрушающая. Может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а его производит сама власть.

14 марта, утро. ... В связи с только что закончившимся процессом вспоминается время Террора в Ленинграде после убийства Кирова. Все это в процессе смазано. Теперь выясняется, что Ягода знал раньше и, можно сказать, участвовал – допустил, во всяком случае, убийство. Выбор Кирова совершенно исключительный. Крупный идейный человек – после «его» смерти ни одного плохого отзыва «о нем» я не слышал, а, наоборот многое хорошее узнал. Выяснялась: крупная фигура с большим будущим. Говорили перед этим, что Сталин выдвигает его как заместителя или себя или Молотова. Я его видел один раз. ...Слух об убийстве распространился в городе (*Ленинграде – М.А.*) сейчас же... Было ясно, что двинули следствие не в ту сторону... – заметали следы... Тогда подозревали – теперь стало ясно. Очевидно, верхи отрезаны от жизни. Две власти – если не три: ЦК партии, правительство Союза и НКВД. Неизвестно, кто сильнее фактически. Цель оправдывает средства – «это» применялось вне партии, а тут «на процессе» выяснилось, что «применялось» и внутри «нее». На суде все это было замазано...

5 апреля, утро... Ежов террором разрушает «страну»...

5 ноября, утро... Разговоры об уходе Ежова. – Ненормальный? Или вредитель? Говорят, Берия уже здесь.

9 декабря. Пятница. ... Огромное впечатление – отставка Ежова. Указывают, что он совершенно расстроил и военную работу, и саму полицию. Думают, «делал это» сознательно... В ряде учреждений есть антисемитизм среди партийных. Мне кажется, сейчас на видных местах число евреев уменьшается. Всюду недовольство недостатком всего необходимого и дороговизной. Но недовольство здоровое – связывают не с принципами, а с плохим подбором лиц, воровством и вредительством.»

Главой НКВД предполагался субъект политически весьма иску-

шенный, а также хорошо знакомый с работой спецслужб. Точно невозможно установить в какой момент в поле зрения Москвы всплывает фигура Берия Л.П. – первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, бывшего чекиста.

Летом 1938 года он назначается первым заместителем наркома внутренних дел СССР, сменив, тем самым, не только место жительства, но и масштаб деятельности. В решении о замене Ежова Берией принимали определенное участие Молотов и Ворошилов, деятели, находившиеся в тот период времени с вождем в наиболее близких отношения. А после помпезного празднования 15-летия Грузинской ССР в 1936 году близко соприкоснувшиеся с ее главой.

7 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило совместное Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Этим документом категорически осуждались порочная система ежовских «принципов» организации работы НКВД, приведших к огромному числу необоснованных арестов и казней.

Спустя полмесяца трио в составе Сталина, Молотова и Ворошилова обрабатывало Ежова несколько часов кряду, дабы без особой шумихи добиться его согласия покинуть пост главы НКВД.

Берия умел производить самое благоприятное впечатление и, будучи земляком Сталина, тем не менее, не кичился данным преимуществом. К числу его недостатков нельзя отнести чрезмерную надоедливость. Берия очень отличился перед самим вождем весьма предупредительным отношением к его матери. Он окружил родительницу Сталина неусыпным и в то же время ненавязчивым вниманием. Очевидно, Берия периодически информировал вождя о состоянии Екатерины Джугашвили, здоровье которой постепенно ухудшалось.

Осенью 36 года Сталин неожиданно приезжал навестить мать. Их рандеву было непродолжительным. Берия отлично был осведомлен о занятости своего шефа и дал ему шанс не только увидеться с матерью, но заодно и фактически попрощаться с ней еще при жизни.

Мать Сталина умерла 4 июня 37 года, когда в Москве полным ходом раскручивался «заговор» красных военачальников. Естественно, Сталин не мог покинуть столицу в такой критический момент. Берия самостоятельно и превосходно организовал похороны со всеми необходимыми почестями. При этом он не допустил ни малейшей тени бестактности в этом весьма деликатном вопросе.

В системе НКВД Берия первоначально контролирует восстанов-

ленное Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) и постепенно начинает перевод своих людей на ключевые посты. Взяв полностью бразды правления в свои руки, он начинает с того, с чем не справился Ежов: чистки органов НКВД.

Только за 1939 год ротация оперативных кадров энкавэдешников составила 62%, из 6174 руководителей было сменено 3830 человек. Одновременно Берия лично разбирается с наиболее громкими фигурантами ежовских судилищ. Он отчетливо представляет, что мертвых не воскресить и, в то же время, понимает политическую пагубность для государства публичного признания факта гибели мало повинных сограждан. Беседуя с вдовой Бухарина совместно со своим сотрудником, одним из братьев Кобуловых, Берия зондировал ее позицию именно относительно данного аспекта.

В большой тени, отброшенной персонами Ежова и Берии, несколько затерялись другие достаточно важные фигуры конгломерата систем карательно-репрессивных органов.

20 июня 1933 года была учреждена Прокуратура СССР с целью дальнейшего «укрепления социалистической законности» на всей территории страны. Прокуратура Верховного Суда упразднялась, но в союзных республиках продолжали функционировать прокуратуры в составе наркоматов юстиции. На высшем уровне прокурорский надзор был отделен от судейства и наркомата юстиции, а ниже параллелизм продолжал действовать еще три с лишним года.

Лишь 20 июля 36 года совместным постановлением ЦИК и СНК был образован наркомат юстиции СССР и из системы НКЮ союзных и автономных республик были выделены органы прокуратуры и следствия. Их передали в непосредственное подчинение Прокурора СССР. Процесс централизации советской прокуратуры был завершен.

Первым главным прокурором Советского Союза был И.А. Акулов, занимавший некоторое время должность первого заместителя начальника ОГПУ и слывший конкурентом Ягоды. Прокурорство Акулова длилось не слишком долго, он занял затем кресло секретаря Президиума ЦИК и на этом его карьера закончилась, столь же бесславно как у Крыленко…

Бывший меньшевик Вышинский А.Я. сменил Акулова на посту главы Прокуратуры СССР, которая мыслилась как организация, долженствовавшая стать действенным заслоном по пути превышения инстанциями НКВД своих полномочий. Функции которого расши-

рились с учреждением 5 ноября 1934 года Особого совещания при наркомвнуделе СССР. По некоторым данным, проект совместного постановления ЦИК и СНК об особом совещании был подготовлен под опекой Кагановича и заимствован с царского законодательства.

Полномочия Особого совещания еще больше увеличились в 1936 и 1940 годах, вплоть до вынесения приговоров о заключении в лагерь на максимальный срок и высшей меры наказания – расстрела. Ни одного протеста на решения Особого совещания прокуратура не приносила, что свидетельствует о ее несомненной причастности к репрессиям. Процедура рассматриваемых дел была предельно урезана, процессуальные гарантии изъяты. Дела рассматривались без заседателей и защиты. Меру наказания предлагал следователь, с которым, как правило, совещание соглашалось.

Вышинский весьма отличился в качестве главного обвинителя на крупнейших политических процессах тридцатых годов. В том, что подсудимые вряд ли являлись «шпионами Запада», он, будучи неглупым человеком, вероятно догадывался. Во всяком случае, допускал нелепость подобного обвинения. Но как профессиональный юрист – недавний представитель партии, оппонировавшей большевикам, Вышинский принужден был витийствовать исключительно бескомпромиссно.

Подобно Ежову, претворявшему как бы волю правящей партии, в свою очередь, базирующейся якобы на общественном мнении страны, Вышинский-политик получается, одновременно, действовал в унисон с подавляющим большинством народа.

До сего времени существует устойчивое мнение, что Сталин как будто являлся вдохновителем широкомасштабных репрессий в стране, якобы весьма напоминавших террор против собственного народа. Подобное суждение не соответствует действительности.

На самом же деле, в действиях Сталина всегда присутствовала логика лидера государства с авторитарным режимом правления. Врагов или вредителей предполагалось нейтрализовать целенаправленно. Разумеется, он давал политические установки в целом, а порою и конкретизировано. Однако утверждать, подобно американскому профессору Адаму Уламу, что Сталиным специально хладнокровно уничтожались миллионы людей при молчаливом согласии великой страны, было бы более чем явным перебором.

Таковыми являются и последующие пассажи из его газетной пуб-

ликации «Гипноз Сталина», основанной преимущественно на эмоциях. «Когда западные авторы пробуют объяснить ужасающий по своей бессмысленности террор 1936-1939 годов, они, не колеблясь, применяют термин «паранойя» по отношению к его главному виновнику» Иосифу Сталину, надо полагать.

Далее профессор вещает, в частности: «Все, что мы знаем теперь, когда стали доступны сведения о тех трагических годах, подтверждает тезис, что для Сталина репрессии были существенным компонентом его искусства руководить государством. С его точки зрения, массовые репрессии самым действенным средством, чтобы добиться слепого послушания подчиненных и повиновения. **Поэтому было неважно, являлись ли действительно виновными подвергшиеся репрессиям** (*выделено мной – М.А.*)».

Чисто голословное обвинение. Вышеприведенные строки скорее подходят образу мышления и действия Ежова. Исходя из предпосылок Адама Улама и соответственно логическому умозаключению, последний на сто процентов должен был устраивать Сталина на посту руководителя главного карательного органа страны. Однако факты говорят об обратном.

Кроме того, никакими, самыми немыслимыми, террористическими действиями невозможно было запугать 160-миллионное население огромного государства. Ни одному самому изощренному тирану за всю историю человечества не удавалось добиться беспрекословного послушания единственно лишь репрессивными методами управления.

Будь Сталин деспотом или тираном, подобным Нерону или Калигуле, его неминуемо постигла бы их участь. Во все времена люди остаются одинаковыми. Понятия о добре и зле остаются неизменными в любой империи – и в Римской, и в Советской.

Еще князь Петр Алексеевич Кропоткин в своем ярком исследовании «Великая Французская революция» убедительно показал, что единственно лишь террором невозможно удержать власть. Трагическая судьба главы монтаньяров Максимилиана Робеспьера тому порукой.

Степень ответственности Сталина за несоразмерность наказаний, примененных к отдельным оппозиционерам и просто случайным лицам, попавшим в «ежовы рукавицы», достаточно велика. Но необходимо разграничить предел ее и, самое главное, уяснить мотивацию. При этом в каждой случайности нетрудно заметить элементы определенной закономерности. В то же время из фрагмента выступ-

ления генсека на XVI съезде партии явственно прослеживается его позиция в отношении репрессий.

Отвечая на призывы «некоторых товарищей» к безоглядному их ужесточению, Сталин авторитетно заявил, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но **элементом вспомогательным, а** не главным». (*выделено мной – М.А.*).

Кавказцу справедливо можно предъявить претензии в излишней доверительности Ежову и некоторым другим сподвижникам, хотя иные исследователи дружно заявляют о том, что Сталин якобы отличался патологической подозрительностью. В подобную схему не укладывается заявление, сделанное писателю Симонову маршалом И.С. Коневым в конфиденциальной обстановке весной 1965 года о чрезмерной доверчивости Сталина.

Но из сего предположения собеседники пришли затем к ошибочному мнению о своеобразности его мании величия. Вероятнее всего, Сталин по складу характера изначально был преимущественно расположен верить людям, тем более, в ситуации тет-а-тет. То есть, лицом к лицу, положения в котором, как говорится, лица не разглядеть. Лишь неоднократно обманувшись в своих ожиданиях, он стал проявлять крайнюю недоверчивость, сходную с подозрительностью. Это была защитная реакция, так же как и выработка привычки предельно маскировать свои мысли. Охотников угадать их было несть числа и Сталин, убедившись в мере подхалимажа, на который оказались способны люди, в свою очередь принял адекватные меры.

За несоразмерность мер репрессивного характера в середине тридцатых годов, помимо генсека, ответственны и другие члены сталинского Политбюро, как-то Молотов, Каганович, Жданов, Хрущев и другие. Ворошилов во многом повинен в том, что нещадное избиение Красной Армии едва не привело к ликвидации всего командного и начальствующего состава вооруженных сил.

Молотов, как глава правительства, обладал огромной властью, не уступавшей сталинской и в кое-чем даже превосходившей. Можно с полным основанием утверждать о наличии дуумвирата на властном Олимпе того времени. Глава совнаркома значительно уступал генсеку в широте взглядов и самостоятельности мышления. Сознавая свои недостатки, Молотов не претендовал на первую роль в государстве. Будучи гораздо менее гибким политиком, чем Сталин, Молотов внес более весомый вклад в кровавую жатву репрессий.

Именно Молотов внес «рацпредложение» не разбираться с каждым индивидом в отдельности, а наказывать и судить «врагов народа» целыми списками.

Джилас полагал, что Молотов «не только подстрекал Сталина на многое, но и поддерживал его, устранял его сомнения». Относительно поддержки и устранения колебаний Сталина трудно не согласиться с его мнением. В отношении же подстрекательства, то с подобным утверждением нельзя согласиться.

Скорее всего следует сказать, что более упертый и беспощадный Молотов зачастую негативно влиял на Сталина. Хрущев, довольно ярый недавний троцкист, в бытность первым секретарем МК и МГК ВКП(б) в 1935-1938 годах, а затем главой Украины также внес большой вклад в кровавую жатву репрессий.

В общем, помимо непосредственно Ежова и его аппарата, причастными к излишним карательным мерам оказалось все высшее руководство страны. Поэтому вполне сознавая степень ответственности каждого из партийно-правительственной кремлевской верхушки, в отличие, к примеру, от Ягоды, Ежова тихонечко расстреляли, вместе с наиболее запятнавшими себя сотрудниками, без публичного акцента на их виновности.

Необходимо отметить еще один важный фактор. Неотъемлемой особенностью оперативно-следственных мероприятий карательно-репрессивных органов того времени было неприменение на практике принципа презумпции невиновности. Не вследствие нежелания, а чисто из-за недостаточной правовой грамотности. Поэтому непомерно важное значение придавалось либо признанию подследственного, либо свидетельским или иным показаниям.

По причине чего некоторые граждане не сумели (или им не дали возможности) опровергнуть клеветнические измышлений и подверглись преследованиям властей. Если же подвергнуть всестороннему анализу лиц, подвергшихся репрессиям в сталинские времена, то, вне всякого сомнения, огромное большинство из их числа не являлось рядовыми гражданами.

Исследователь С. Кузьмин уверяет: «Архивные документы дают основание утверждать, что в период 1937-1938 годов основной удар карательных органов пришелся на лица еврейской национальности, начиная с высших эшелонов власти и до самых низов. Русских людей в политических процессах над пламенными революционерами очень мало. Здесь преобладал какой-то интернациональный сброд с

сильнейшим влиянием еврейства и с попыткой опереться на русские отбросы общества. Отбросов хватало. Очистительная миссия пала на Ежова, который с использованием недозволенных методов ведения следствия прошелся и по правым, и по виноватым, а заканчивал эту миссию уже Л.П.Берия».

При всей вопиющей некорректности данной цитаты немалая доля истины в ней имеется. В списках жертв встречается довольно много иностранных фамилий, многие из которых, вероятно, были людьми морально нечистоплотными.

Сам «железный нарком» Ежов в начале августа 36 года был предельно шокирован горячим желанием Пятакова собственноручно расстрелять не только Зиновьева с Каменевым и другими, но и в числе их и свою бывшую жену. Ежов даже указал Пятакову на абсурдность данного предложения, но он не унимался и настойчиво просил сообщить об этом ЦК и, естественно, Сталину, а также настаивал на публикации в печати...

Конец периода Великой смуты в России

С определенным мазохизмом, живописуя репрессии органов НКВД и якобы непереносимые мучения их жертв, отдельные авторы напрочь забывают о том, что подобное явление лишь небольшой штрих в жизни СССР середины тридцатых годов. Подавляющее большинство населения необъятной страны спокойно и уверенно занималось своими делами и заботами, а вовсе не тряслось поголовно от страха, как ошибочно полагают некоторые.

Руководство государства не было единственно озабочено подавления любой ценой своих противников. Важнейшей внутриполитической задачей считалось принятие принципиально новой Конституции страны и проведением на ее основе выборов, не имевших прецедента, а в сфере народного хозяйства дальнейшего упрочения колхозного строя и выполнения планов очередной пятилетки в промышленности.

Страна Советов, а вместе с ней и весь мир следил за ледовыми эпопеями советских ученых, другими крупными деяниями, фантастическими полетами Валерия Чкалова и многих других русских летчиков-подвижников. Многие объективно настроенные зарубежные наблюдатели увидели в достижениях СССР явления мирового значения, как-то адаптации человека к суровым условиям Севера, Сибири и Дальнего Востока. Начало же третьей сталинской пятилетки

практически совпало с окончанием самой затяжной в истории России внутриполитической дестабилизации. И если выражаться трескучим партийным сленгом: «СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму».

Принятие 5 декабря 1936 года нового основного закона страны – Конституции СССР – более существенно укрепило государственно-правовую консолидацию страны. Формально суверенным государством, в числе других республик, становится Казахстан. Работа над Конституцией продолжалась почти два года – 22 месяца. 12 июня 36 года комиссией под руководством Сталина проект был опубликован во всех газетах страны, а затем издан в виде брошюры на ста языках народов СССР. На следующем этапе он обсуждался «на 165 тысячах пленумов Советов и исполнительных комитетов, заседаниях секций и депутатских групп, на которых присутствовало 3472 тысячи человек».

Дискуссии носили бурный характер и зачастую избиратели выражали недоверие своим недавним полпредам. Только в РСФСР в этот период времени «было отозвано 15 тысяч депутатов». Что, несомненно, не способствовало уменьшению напряженности: обиженные писали кляузы и доносы в разные инстанции, в том числе, в НКВД.

Резонанс от дебатов в России был поистине вселенским: крупнейшие западные газеты на все лады комментировали проект Конституции.

Спустя год, на базе новой Конституции, справедливо названной сталинской, состоялись выборы в новый законодательный орган – Верховный Совет Союза СССР. За пять дней до выборов ЦК ВКП(б) выступило с Обращением, адресованным всем избирателям. Партия торжественно продекларировала в нем, что «не отгораживается от беспартийных» и «выступает на выборах в БЛОКЕ, в СОЮЗЕ» с ними. Из завершающих строк партийного Обращения к электорату четко прослеживаются приоритеты. На первом месте здравицы стоит Родина – СССР и лишь на шестом ВКП(б).

11 декабря 1937 года Сталин, на предвыборном собрании избирателей в Большом театре чистосердечно признался: «я не имел намерения выступать». Он мотивировал «неуважение» к собравшимся тем, что «все, что нужно было сказать перед выборами, уже сказано и пересказано в речах наших руководящих товарищей..», а также разъяснено и переразъяснено сотни раз. Тем не менее, поскольку он взобрался на трибуну, вождь акцентировал внимание аудитории на

следующих важных обстоятельствах. «Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет» и обязан вести себя сообразно этому, заявил Сталин. Он предупредил также, что «функции избирателей не кончаются выборами», и неотъемлемыми обязанностями и правами избирателей являются осуществление контроля за своими избранниками, если оные окажутся негодными депутатами.

О непременном наличии в среде депутатского корпуса таковых, Сталин высказался недвусмысленно: «Сами знаете, товарищи, семья не без урода». Звание народного депутата, объявил генсек, «возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало быть, новую, дополнительную ответственность», которую он охотно принимает.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – всегда и во всем лейтмотивом пронизывает многочисленные выступления Сталина по любому поводу и перед любой аудиторией. В идеале ответственность и свобода, разумеется, должны быть сбалансированы.

Франкл полагает, что «свобода, если ее реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает выродиться в простой произвол». Он любит повторять, «что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей Ответственности на западном побережье».

Ответственность, относительно редкое и ценное качество, Сталин пытался прививать повсеместно, нередко сознательно в ущерб свободе. Сообразно своему мировоззрению он требовал от высших и средних руководителей страны относиться к делам государственным в высшей степени добросовестно, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

Вождь подвергал нещадному публичному словесному бичеванию проштрафившихся партийных предводителей. К примеру, он весьма резко критиковал первых секретарей Казахстана и Ярославской области Мирзояна и Вайнова, а также Орджоникидзе и других за их безответственные склонности к протекционизму и «групповщине».

Народ превосходно был осведомлен о том, что генсек учиняет особый спрос в первую очередь с партийцев. Ибо еще в преамбуле памятного многим выступления по поводу смерти Ленина, Сталин объявил: «Мы – коммунисты – люди особого склада... Не всякому дано быть членом такой партии». Уже тогда он декларировал, что партиец должен шагать в первых рядах, на пути преодоления «неимоверных лишений» и прилагать героические усилия, а не паразитировать на теле народном. Быть членом партии, по Сталину, озна-

чало, в первую очередь, не щадить своих сил и здоровья ради блага Родины. А уже затем претендовать на льготы и привилегии.

Безусловно, Сталин оправдывал кредит доверия подавляющего большинства населения СССР как правитель. Неуклонно претворяя политику зажиточности всего населения страны, а не отдельных каст и группировок и нещадно карая отступников, не взирая на ранги.

Соответственно своей теории человеческой мотивации Маслоу выстроил иерархию людских потребностей. До некоторой степени условно он подразделил потребности на базовые и базовые когнитивные, а также высшие и низшие. В числе базовых потребностей, по Маслоу, физиологические: чувства утоления жажды и голода, защиты от холода, а также личной безопасности, доминируют. К базовым когнитивным потребностям он относил потребности, «относящиеся к научению», то есть желания знать и понимать, вкупе с эстетическими. Лишь после определенного удовлетворения базовых потребностей или низших можно вести речь о высших потребностях, которые «ближе к самоактуализации», то есть желаниям «в большей степени проявить присущие человеку отличительные черты».

Отсюда, основной массе народа замысловатые перипетии номенклатурных партийно-советских пертурбаций касались мало. «Хлеба и зрелищ» становилось все больше, и Сталин как бы говорил людям: Без малейшей тени сомнения спокойно работайте, товарищи. Не лгите, не воруйте, и вас никто не посмеет тронуть. Трудитесь честно, по мере своих способностей, все условия для добросовестного труда созданы. Думать же над путями развития страны в целом денно и нощно будут в Кремле.

Тактически медленно, но верно, Сталин видоизменяет стратегические акценты, заключающиеся в постепенной переориентации приоритетов. При этом вождь с максимальной эффективностью приспосабливает пролетарскую идеологию с исконными российскими ценностями.

«Краткий курс ВКП(б)», вышедший под неусыпным вниманием Сталина, является настольной книгой каждого партийца. Но самые простые постулаты марксизма-ленинизма большинству советских людей чрезмерно абстрактны и значит чужды.

Параллельно начинает всемерно поощряться ощущения национального самосознания, преимущественно, на платформе русификации. Народу, в основной его массе, больше ведомы чувства национально-державные. Испокон веков русским людям ближе старый лозунг: «За веру, царя и Отечество», нежели Коминтерновский, со-

вершенно новый: «Пролетарии всех стран объединяйтесь». Религия по-прежнему отвергается большевистскими ортодоксами, монарха не существует. Партийное учение не подменяет православия, следовательно, предстает необходимость внушения в сознание масс наличия сильной личности, некоего протоцаря, благо крепкий лидер в стране имеется.

Перефразируя известные строчки, можно выразиться следующим образом: Люди делали Сталина, Сталин делал людей. То есть, процесс был взаимообразный, Сталин влиял на народные массы и наоборот. Временами данное устремление приобретает довольно странные и уродливые формы, в виде необычайно массовых мер почитания изображения вождя.

По мере же все более ясно обозначавшихся военных угроз с востока и запада Сталин осознает малую эффективность коллективного руководства вследствие ее размытости. Один человек должен взвалить на себя колоссальную ответственность за огромную страну. Народу, в свою очередь, необходим лидер, вокруг которого он может сплотиться.

Тема патриотизма начинает превалировать в системе образования. Постепенно во всех сферах культуры и искусства революционная тематика (как этап пройденный) заменяется военно-исторической. В кинематографе, наиболее массовом в тот период времени искусстве, вместо фильмов типа «Чапаев», появляется картина «Петр Первый». Именно в этот период времени в Советском Союзе возрождается интерес к историческому прошлому и, естественно, к первым лицам некогда могучей Российской державе.

В сентябре 1937 года состоялся премьерный показ первой серии картины в Ленинграде в самом большом кинотеатре страны «Гигант». В Москве фильм демонстрировался сразу в пятнадцати крупных кинотеатрах. За первые одиннадцать дней его посмотрели миллион шестьсот тысяч зрителей. Успех был полный и безусловный. Одновременно фильм был показан и на международной выставке в Париже, где получил Гран-при. Весной следующего года в Кремле, председатель ВЦИК Калинин М.И. вручил съемочной группе «Петра Первого» высокие правительственные награды. Исполнитель роли Петра, актер Николай Симонов получил высшую награду страны – орден Ленина. Аналогичную награду ранее получил лишь актер Борис Щукин за исполнение роли Ленина в фильме «Ленин в Октябре».

Реформируя управление страной, Сталин существенно трансформировал систему власти, основанной на авторитете Ленина. После-

дний являлся создателем своеобразного гибрида коллективно-авторитарного режима управления. И здесь Сталин переменил акценты, он возобновил управление государством авторитарным методом, с элементами коллегиальности. Съезды партии окончательно стали лишь царствовать, но не править. Текущие политические решения оформляются соответствующими партийными Пленумами и заседаниями Политбюро ЦК с преобладанием соображений конфиденциальности.

Соответственно многочисленных свидетельств и документов, Сталин, разумеется, придерживался коллегиального метода, то есть внимательно выслушивал запрашиваемые мнения. При этом не всегда дискуссии, если они случались, протоколировались, вследствие чего затруднительно определить степень ответственности каждого из заинтересованных лиц. Порою важнейшие решения принимались очень узким кругом персон и лишь по степени приближенности можно рассуждать о чьем либо влиянии.

Образ жизни и стиль руководства оказывали сильнейшее воздействие, не всегда благотворное, на новую российскую (советскую) империю, условно обозначаемую некоей пирамидой. Сталин отнюдь не находился вне этого колоссального сооружения, как считают некоторые исследователи, лишь попирая сапогами огромную страну.

Как руководитель и теоретик, он являлся вершиной властных полномочий, а как личность и практик он составлял основание партийно-правительственного аппарата. Своим личным примером и идеологической целенаправленностью Сталин цементировал все составные звенья цепи этой командно-административной системы.

Данная система состояла к концу тридцатых годов из цельных блоков, по крепости подобных монолиту. Внутри пирамиды образовалась атмосфера своеобразного вакуума для лиц неадекватно мыслящих и открыто выступавших против генеральной линии партии.

Тысячи министалиных занимали разноуровневые посты партийно-правительственной машины сталинской модели управления. Время от времени их без всякой жалости меняли, как подвергшихся искушениям, вероятность коего была весьма велика. Ибо не все могли выдержать разного рода соблазны и сознательно придерживаться самоограничений, подобно самому вождю. Чувство ответственности изменяло многим, в этом одна из основных причин репрессий.

С принятием новой Конституции страны реноме СССР как демократического и правого государства претерпело коренные изме-

нения. В первых конституциях преимущественно разработаны были вопросы организации власти, вплоть до специальной главы «Об Объединенном Государственном Политическом Управлении». Для предыдущего этапа истории Советской России характерна множественность законодательных органов, ликвидированная с принятием нового закона.

В Конституции 1936 года во многих главах содержались совершенно немыслимые ранее положения. Ключевым вопросом было право собственности, официально разрешенное, хоть и на довольно мелкую, но частную. В основном же она провозглашалась социалистической или обобществленной. Которая делилась на государственную (общенародную) и колхозно-кооперативную – групповую. Законом допускалось мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, «основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда». Отсюда исходило понятие личной собственности, распространявшееся на довольно широкий круг объектов, в том числе, недвижимость и подсобное хозяйство.

Впервые в Конституции был провозглашен принцип неприкосновенности личности. В статье 127 говорилось, что «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Новшеством было введение равного и всеобщего избирательного права посредством прямого и тайного голосования. Конституция 36 года декларировала права на образование, труд и отдых, а также материальное обеспечение в старости и некоторые другие демократические права и свободы. В то же время жестко констатировалось, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Провозглашение Верховного Совета СССР высшим органом власти страны не было простой декларацией, статус представительской структуры власти (блока партийцев и беспартийных) заметно увеличился. Законодательные права принадлежали только Верховным Советам – соответственно Союза ССР, союзных или автономных республик. Данное обстоятельство поднимало авторитет закона, придавало ему более стабильный, незыблемый характер. Во всех звеньях, начиная с самого низового – сельсовета, установилась единая система Советов. Что, несомненно, делало их работу проще, более доступной и прозрачной для избирателей.

В новой Конституции впервые было зафиксировано место партии в политической структуре общества, подчеркнуто скромное, но ве-

сомое. В статье 126 прописывалось, что наиболее активные граждане имеют право добровольного объединения в ВКП(б), «являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Создались предпосылки к последовавшему затем определенному принижению роли партии в государстве, на XVIII съезде ВКП(б). На нем были внесены существенные изменения в Устав, казалось бы, окончательно отредактированный на предыдущем форуме. Производственно-отраслевые отделы ЦК, «за исключением Сельскохозяйственного отдела и Отдела школ», упразднялись. Был понижен статус Комиссии партийного контроля (КПК), избиравшийся теперь пленумом ЦК, а не съездом.

А формирование Комиссий советского контроля отнесено было к компетенции советских органов, но никак не съезда. Гипертрофированное положение которого отчасти должно было сбалансировать введение ежегодного института Всесоюзной партийной конференции «для обсуждения назревших вопросов политики партии».

Была отменена также как явно порочная метода, периодическая массовая чистка партии, ряды которой заметно поредели. За пять последних лет ее численность уменьшилась более чем на 330 тысяч членов и кандидатов или почти на 12%.

Резюме раздела. Без малого спустя пятнадцать лет после смерти Владимира Ленина Сталин окончательно утвердился в России у власти. Отнюдь не случайно по времени это совпадает с окончанием периода широкомасштабных чисток партийно-правительственного аппарата.

С уничтожением оппозиционно настроенных военачальников Красной Армии, а также наведением должного порядка в системе органов НКВД, окончательно устраняются основные источники смуты и беспорядков в огромном государстве в преддверие становящихся неизбежными военных конфликтов.

Горец допускает отдельные ощутимые промахи, но в целом весьма серьезно консолидирует вокруг себя народ, большая часть которого полностью доверяет Сталину. Между тем, усиление режима личной власти не является самоцелью последнего. Происходит логическое завершение естественного процесса концентрации властных полномочий в одних руках. Кто-то один должен был решиться

взять на себя бремя ответственности за благополучие необъятной страны. Сталин шагает к единоличному лидерству последовательно и неспешно, не форсируя события и исподволь ограничивая чрезмерное могущество партийной номенклатуры.

Он возрождает Россию в качестве великой державы в советской ипостаси в тот момент, когда над ней и всем миром сгущаются грозовые тучи небывалой доселе военной опасности.

Именно в Вожде СССР – Иосифе Виссарионовиче Сталине наиболее прозорливые политики видели фигуру, способную остановить победоносное шествие фюрера Германии – Адольфа Гитлера на пути к завоеванию мирового господства. Как оказывается несколько позже, их ставка оказывается верной...

IX
Канун величайших испытаний

«Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»

«А те, которые попытаются напасть на нашу страну, - получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород»
И. Сталин

Кремлевское толкование Мюнхена

Восстановление военного суверенитета, осуществленное Гитлером в марте 1936 года над демилитаризованной зоной в области Рейна, полностью изменило политическую ситуацию в Европе. Расторжение в одностороннем порядке договоренностей Локарно и реоккупация Германией Рейнской области по своим последствиям было самым значительным инцидентом за все годы, прошедшие после Первой мировой войны. Это действо как бы опустило железобетонный шлагбаум между Францией и ее союзниками в Центральной Европе.

В конечном счете, Германия вновь приобрела возможность производить территориальные изменения в Восточной и Центральной Европе. Эффективность противодействия немецким поползновени-

ям со стороны Франции резко понижалась. Безопасность последней, не оказавшей реального противодействия «аннексии», также существенно уменьшилась.

У французов было подавляющее преимущество в войсках, но полностью отсутствовала воля к решительным действиям. К тому же, дабы завуалировать свои намерения, Гитлер одновременно выступил с далеко идущими мирными предложениями. Своим кажущимся миролюбием нацистский фюрер ввел в заблуждение общественное мнение не только в других странах, но и в Германии.

Во второй половине 1937 года начался новый мировой экономический кризис, который вновь сильно поразил США. В пучину кризиса оказались втянутыми Англия и Франция. Менее пострадали государства агрессивного блока – Германия, Италия и Япония, ставшие на путь милитаризации производств. Политические отношения мировых сверхдержав, вслед за экономическими, стремительно ухудшались.

В первой четверти 1938 года Гитлером были даны новые свидетельства его каждодневно усиливающегося экспансионистского поведения. Он заменяет министра иностранных дел Константина фон Нейрата на Иоахима фон Риббентропа, что означало резкое усиление идеологии национал-социализма на внешнеполитическое ведомство. Фюрер увольняет также скомпрометированного скандальными слухами военного министра Вернера фон Бломберга и сам занимает его должность.

Создается главное командование вермахта под руководством Вильгельма Кейтеля. Кресло главнокомандующего сухопутными войсками вместо подвергнувшегося суду чести Вернера фон Фрича занимает Вальтер фон Браухич. Гитлером установлен прямой контроль не только над политикой, но и военной машиной государства, мощь которого все возрастала.

13 марта 1938 года объявляется о присоединении Австрии к Германскому рейху. Помимо намерения объединить все тевтонские нации в «тысячелетний рейх», столь откровенно продекларированного в «Майн кампф», у Гитлера имелись минимум две причины, побуждавшие его добиваться присоединения Австрийской республики. С аншлюсом Австрии перед Германией открывалась дверь в Чехословакию и широкие ворота для проникновения в юго-восточную Европу.

В отличие от лидеров Франции и Англии Сталин ясно понимал, что курс, взятый Гитлером, приведет к большой европейской войне, если фюрера не остановить вовремя. Ему было очевидно, что поста-

вить заслон на путях агрессии – в общих интересах, и что великим державам удастся приструнить Германию. Однако из реакции Запада на советские инициативы явствовало, что до понимания германской проблемы в том виде, в каком ее понимал Сталин, зияла изрядных размеров, преимущественно идеологической окраски, расщелина. Дополнительное поощрение нацистский вождь получил, когда узнал, что английский премьер Невилл Чемберлен и глава МИД лорд Галифакс отклонили после захвата Австрии советское предложение о совместных действиях против германской агрессии.

В результате оказавшихся впоследствии безошибочными политических расчетов Гитлер пришел к убеждению, что ни Франция, ни Англия не станут сражаться за Чехословакию. Дипломатические и иные сообщения с мест подталкивали его к более решительным действиям. На островах Британии преобладали настроения типа «нам нет дела до чехов», а если французам угодно обжечь себе пальцы, то это их проблемы. «Eclaireur de Nice», меж тем, одна из трех самых известных французских провинциальных газет того времени заявляла, что «кости одного французского солдатика стоят больше, чем все чехословаки вместе взятые».

28 мая фюрер созвал своих главных советников и отдал распоряжение о подготовке к нападению на Чехословакию. Однако смещение фон Бломберга и фон Фрича не решило вопрос снятия оппозиционности армейского командования. Наиболее видным из оппозиционеров являлся начальник Генштаба сухопутных сил генерал Людвиг Бек. Возражения последнего заключались в том, что ради присоединения Судет нет смысла рисковать всей нацией. Гитлеру пришлось приложить массу усилий, чтобы рассеять сомнения своего генералитета и все же ему не удалось это сделать в полной мере. Подобно азартному игроку, фюрер все же рискнул и выиграл.

Гитлер не ошибся в своих предположениях, «хотя представлялось невероятным, чтобы великие державы-победительницы в Первой мировой войне, обладавшие к тому же явным военным превосходством, не приняли необходимых мер, диктовавшихся не только долгом и честью, но и здравым смыслом и осторожностью. Тем не менее, немецкий лидер проигнорировал и существование России, связанной с Чехословакией узами славянства, а также мирного договора и занимавшей в то время весьма угрожающую позицию в отношении Германии».

В Судетской области Чехословакии проживало около 3 млн. эт-

нических немцев, составлявших значительную часть ее населения. Какой-либо особенной дискриминации они не подвергались, однако Гитлер заявил претензии на эти территории, как на исконно германские земли.

26 сентября он выступил в Берлинском Шпортпаласе с прямыми угрозами в адрес Чехословакии. Если к 1 октября, пригрозил фюрер, Судетская область не будет передана Германии, «я сам пойду в качестве первого немецкого солдата против Чехословакии». Неприкрытый шантаж возымел свое действие. Западные «миротворцы» не замедлили с капитуляцией.

29-30 сентября 1938 года в Мюнхене была созвана конференция четырех держав – Англии, Франции, Германии и Италии. Мистер Невилл Чемберлен, месье Эдуард Даладье, герр Адольф Гитлер и синьор Бенито Муссолини без участия чехословацкого премьера пана Бенеша и товарища Сталина решили участь Чехословакии.

Последний был преисполнен решимости оказания всемерной, вплоть до вооруженной, поддержки чехословакам, однако согласно советско-чехословацким договоренностям она обуславливалась, прежде всего, отношением другой великой державы – Франции. Для французов Мюнхен означал катастрофу и совершенно непонятно, почему этого так и не поняли в Париже. Франция окончательно утратила свои стратегические позиции в Европе.

Мюнхенское соглашение предусматривало отторжение от Чехословакии Судетской области с последующей передачей ее Германии. 1 октября Гитлер ввел войска на территорию, населенную судетскими немцами. Практически все население Германии ликовало и раздувалось от гордости. Без единого выстрела Гитлер одержал блистательную победу не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией. За считанные месяцы к «третьему рейху» прибавились обширные территории с миллионами жителей и великолепными производственными мощностями.

По единодушному признанию оставшихся впоследствии в живых немецких генералов, если бы не Мюнхенское соглашение, Гитлер напал бы 1 октября 1938 года на Чехословакию. И несмотря на колебания в Лондоне и Париже, в конечном счете, Англия и Франция, а также Россия оказались бы в войне с Германией с ничтожными шансами на успех у последней.

От участия в разделе чехословацкого «пирога» не отказались вен-

гры и поляки. Словаки, которых использовали как пешку на шахматной доске, довольствовались ненадежной автономией.

В результате расчленения Чехословакия лишилась почти 20% своей территории, около четверти населения и половину мощностей тяжелой промышленности. Впоследствии же были безвозвратно потеряны вооруженные силы, примерно равные 45 дивизиям, оснащенных сотнями танков, тысячами артиллерийских орудий и самолетов. Кроме того, в руки немцев попадали заводы знаменитой фирмы «Шкода» – второго по значению арсенала Центральной Европы.

Германия стремительно наращивала воинские бицепсы, ее усиление служило явным признаком нарушения баланса равновесия сил в Европе. Теперь это начинало становиться ясным самым недальновидным политикам. Непривлечение к переговорам в Мюнхене Чехословакии рассматривалось ими как диктат ведущих государств. Исключение же Советского Союза из числа великих держав-участниц переговоров расценивалось как оскорбление.

Между тем, к тому времени СССР из ослабленной, не способной к эффективной обороне страны, превратился в строго организованное, сильное государство, о чем мало кто на Западе имел представление.

К началу 1939 года практически все деструктивные оппозиционные силы в СССР во всех слоях общества были подавлены. Назначение Берии на должность наркома внутренних дел означало, что практически во всех ключевых государственных организациях находились устраивающие Кремль кадры. Незадолго до этого армейское командование было полностью подчинено партийному руководству и, следовательно, Сталину. Он имел теперь и сплоченные в идеологическом отношении вооруженные силы.

Огромное внутриполитическое значение для страны имел очередной XVIII съезд ВКП(б), проходивший в Москве с 10 по 21 марта 1939 года. Высший партийный форум собрался в период сильнейшего, с момента консолидации российского государства, обострения мирового кризиса. На первом же заседании съезда 10 марта Сталин выступил с Отчетным докладом ЦК партии. Дипломатические наблюдатели не могли не заметить уверенной тональности его выступления. Это касалось и аспектов внешнеполитической деятельности. Основную причину того, что государства-захватчики смогли спровоцировать ряд региональных конфликтов с последующей тенденцией перерастания в мировую войну, Сталин усмотрел в отказе большинства неагрессивных стран и прежде всего Англии и Фран-

ции, от политики коллективной безопасности и переходе их на позицию «невмешательства». Политика «нейтралитета» стран Запада означала, по мнению Сталина, «попустительство агрессии, развязывание войны», которая неизбежно превратится в мировую. Угроза войны над западными демократиями, считал Сталин, нависла не меньшая, чем для СССР. При этом он довольно саркастически высказывался о некоторых политиках и деятелях западной прессы пытающихся посредством провокационных заявлений втянуть страну Советов в военные конфликты с непредсказуемыми последствиями.

Сталинское внешнеполитическое кредо заключалось в следующем: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну военным провокаторам, привыкшим загребать жар чужими руками».

Советское руководство пристально следило за ходом событий в Европе, нараставших как снежный ком. Оккупация Чехословакии и создание Протектората Чехии и Моравии, произведенные Германией в разгар работы съезда, не застали его врасплох. По свидетельствам московских очевидцев, в Кремле не испытали того потрясения, которое ощутили западные государственные деятели. Лишь после оккупации Праги германским вермахтом эти люди прозрели, они увидели полное нежелание Гитлера считаться с Англией и Францией, а также игнорирование взятыми на себя обязательствами.

Советская сторона с удовлетворением, перемешанным со злорадством, наблюдала за тем, как разрыв Мюнхенского соглашения наконец-то вывел широкие слои английского общества вместе с ее премьер-министром Чемберленом из летаргии умиротворения. Сталин же психологически был готов к тому, что Гитлер не удовлетворится достигнутым по причине все возрастающего аппетита. Он уважал силу, поэтому в создавшейся обстановке советский лидер не мог не задумываться о возможности корректировки курса. К тому же у СССР были контракты с чехословацким правительством на поставку оружия заводами «Шкода». Судьба этих контрактов не могла не волновать Сталина.

Вокруг пакта Риббентропа – Молотова

Начало 1939 года ознаменовалось в Европе окончанием кровопролитной гражданской войны в Испании. В марте Мадрид был занят войсками мятежного генерала Франко. Правительства Англии и

Франции потребовали от легитимного республиканского правительства прекратить сопротивление и капитулировать. В Испании утвердился выгодный Италии и Германии профашистский режим.

Занимаясь проблемами за Пиренеями, Сталину пришлось учитывать несколько довольно важных обстоятельств: не допускать прямого участия России в войне на другом конце континента и тем самым возрождения пугающего образа СССР как экспортера революции. С другой стороны, было очень трудно удержаться от поддержки дела, которое сплотило прогрессивную общественность во всем мире - нужно было постараться не допустить поражения республиканского правительства.

Последнее, между тем, оказалось расколотым из-за разногласий в вопросах идеологии и политики. Антифашистские силы не смогли преодолеть свои противоречия и какой-то период времени Каталония (территория подконтрольная республиканскому правительству) пребывала в состоянии «новой гражданской войны в гражданской войне». Главным образом это обстоятельство, а также некоторая неустойчивость в высших эшелонах власти в СССР вынудила Сталина постепенно свернуть помощь Испании и отозвать советских военных советников.

По мере того как увеличивалась вероятность большой войны в Европе и на Дальнем Востоке, решение внешних проблем стало основной головной болью Сталина. Поскольку положение внутри страны представлялось ему стабильным, он, естественно, обратил свой взор на дела международные. До сего момента влияние Сталина на дипломатическое ведомство было явно недостаточным.

Еще в июле 1930 года старого германофила Чичерина официально сменил на посту НКИД Литвинов. Как дипломат он имел определенный вес и пользовался авторитетом в международных кругах. Однако как человек независимых взглядов и обладавший внутренней свободой в глазах Сталина и, особенно, его ближайшего окружения, Литвинов выглядел недостаточно надежным. К тому же он был по национальности этническим евреем и не имел склонности к компромиссам в отношении политики проводимой нацистской Германией.

Литвинов всегда пытался придерживаться курса ориентированного на сближение с британцами и французами. 17 апреля 1939 года он выдвинул официальное предложение Великобритании и Франции о создании единого фронта взаимопомощи трех держав для обуздания стран-агрессоров. Тройственный союз служил бы гарантом

безопасности неприкосновенности тем государствам Центральной и Восточной Европы, которым угрожала Германия.

Однако эти страны сами не знали, чего они больше боятся – германской агрессии или спасения с помощью Советов. Для участия в правительственном обсуждении вопроса о тройственном пакте взаимопомощи и перспективах его заключения, Литвинов вызвал в Москву советского полпреда в Англии И.М. Майского.

Кремлевское совещание советского правительства состоялось в третье декаде апреля. Оно имело исключительно большое значение. На нем, как было замечено наблюдателями, в отношениях между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и Литвиновым с другой, появилась определенная напряженность. Из информации, предоставленной Майским, членам правительства и коллегам по НКИД вырисовывалась малоутешительная картина. Из сообщения же полпреда в Германии А.Ф. Мерекалова, также участвовавшего в совещании, следовало, что немцы демонстрируют добрую волю и сигнализируют о возможности переговоров. Кроме того, Мерекалов, видимо, привез в Москву информацию о намерении Гитлера разделаться с Польшей.

Формальный глава правительства Молотов открыто обвинил Литвинова в политическом головотяпстве, а Сталин с трудом сохранял видимое спокойствие. Атмосфера на совещании крайне накалилась. Тем не менее, Сталин все же не отменил вялотекущие переговоры и продолжения приложения всех возможных усилий для убеждения англичан и французов в необходимости корректировки их позиции. Одновременно Сталин решил, что для безопасности страны требуется совершенно иная внешняя политика, не исключающая другие направления. Соответственно этому необходимо было срочно найти для нее нового выразителя. 4 мая 1939 года сообщалось, что Литвинов освобожден от должности наркома иностранных дел и его обязанности будет выполнять премьер Вячеслав Молотов. Так как Молотов был лицом наиболее близко стоящим к Сталину, это означало, что последний берет внешнюю политику под свой личный контроль.

Смещение Литвинова по существу означало, что Кремль глубоко сомневается в возможности создания эффективного альянса с западными державами. В здании наркомата иностранных дел СССР произошла экстренная передача дел. Представительная правительственная комиссия, в которую вошли Молотов, Берия, Маленков, Деканозов и Литвинов, принимала доклады руководителей отделов.

Жесткими методами, присущими всему, с чем соприкасался Молотов, была произведена большая перестановка кадрового состава наркомата. Основания для недоверия, надо полагать, у нового руководства имелись. В НКИД работали разные люди, в том числе и еврейского происхождения. От них, а также лиц, тесно связанных с курсом Литвинова, избавлялись в первую очередь.

Общеизвестно, что и Гитлер не доверял многим профессиональным германским дипломатам. В стенах германского МИДа и в его представительствах за рубежом работали люди старой выучки, не одобрявшие нацистского режима. Они опасались, что политика фюрера быстро приведет их страну к гибели. Иные из дипломатов были настроены столь решительно, что считали своим патриотическим долгом противодействовать официальной политике рейха и даже предупреждали противников Гитлера о готовности к худшему. Среди дипломатов, как и среди офицеров вермахта, встречались и такие, которые надеялись на создание условий для поражения нацистов иностранными державами. Некоторые из работников дипломатического ведомства практически сознательно работали на советскую разведслужбу. Так, впоследствии, за участие в деятельности так называемой «Красной капеллы» дипслужащие фон Шелиа и Ильза Штебе были награждены высокими советскими правительственными наградами. А среди старых дипломатов бисмарковской школы выделяется трагическая фигура благородного графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга, занимавшего пост германского посла в Москве с 1 октября 1934 года.

Граф Шуленбург был твердым сторонником тесной традиционной германо-советской дружбы. Он всеми силами искренне пытался восстановить ее. Противник нацизма в душе, фон Шуленбург внес свою посильную лепту в последующее непродолжительное германо-советское сближение. Отчаяние от сопричастности в содействии к агрессии, толкнул старого аристократа на решительные действия. В конечном счете, граф поплатился жизнью за участие в заговоре против Гитлера в июле 1944 года.

Итак, Советское правительство принимает решение не замыкаться всецело на политике коллективной безопасности, истово проповедуемой Литвиновым. Переменой руководства НКИД в момент обострения внешнеполитической ситуации оно обретало полную свободу маневра. Не отталкиваясь категорически от дальнейшего сближения с Англией и Францией, Сталин одновременно не стал исклю-

чать и дрейфа в сторону Германии. Векторы его политики не обозначаются столь рельефно как прежде. Такова логика безопасности, к тому же Гитлер в то время из тактических соображений категорически отказался от антисоветских выпадов. Немного раньше он поставил крест на намерениях использовать бутафорскую, так называемую Закарпатскую Украину в качестве пропагандистского и военного средства завоевания Советской Украины.

Аппетит нацистского предводителя все разгорается, но он до поры до времени скрывает свои непомерные вожделения. Под угрозой воздушного нападения на свою столицу 23 марта 1939 года Литва подписала соглашению, по которому Мемель, имевший статус независимого города, гарантированного международным правом, отошел к Германии.

Следующей жертвой фюрера должна была стать Польша, хотя первоначально он не имел против нее ярко выраженных агрессивных намерений. Гитлер был склонен на какое то время и на определенных условиях принять Польшу в качестве младшего партнера. Последнюю воодушевила опрометчивая гарантия правительства Англии поддержать ее против «любой акции, которая создаст угрозу независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление».

Польша, в очередной раз, уже категорически отклоняет требование Гитлера вернуть вольный город Данциг и предложение экстерриториальности транспортных путей с Восточной Пруссией. Польская пресса, вторя возмущенному общественному мнению, предупреждает немцев, что чешский вариант в Польше не пройдет. А министр иностранных дел Речи Посполитой Юзеф Бек несмотря на свой антисоветизм и далеко не лучшие отношения с Россией окончательно отказывается присоединиться к совместному германо-польскому выступлению против русских. Бек малоосновательно надеется на существенную помощь весьма отдаленной от него Англии.

Данная Польше гарантия оказалась наиболее верным способом ускорить взрыв и европейскую войну. Она содержала в себе максимум искушений с сочетании с провокацией, полагал английский историк Бэзил Лиддел Гарт.

Британская гарантия Польше лишь подхлестнула фюрера, и в начале апреля он отдал приказ готовиться к осуществлению плана «Вайс», то есть плана кампании по оккупации вермахтом польских земель. В данной ситуации первостепенное значение приобретал русский фактор. Но Чемберлен и Галифакс, относившиеся к нему

неприязненно, к тому же недооценивали его мощь и переоценивали военную силу поляков.

Гитлер отнюдь не являлся в тот период времени безоглядным авантюристом и, готовясь к военной агрессии против Польши, одновременно пытается максимально снизить риск неудачи дипломатическими средствами. После отставки Литвинова дипломатический зондаж со стороны Германии относительно сближения с Россией все более усиливался. Последняя сдержанно, но вынужденно принимает немецкие маяки.

22 мая 1939 года Германия и Италия заключают военный союз, получивший прозвище «Стальной пакт». В СССР расценивают этот военный альянс как направленный главным образом против европейских демократических стран, то есть против Англии и Франции. Хотя итальянцы, также как и немцы, двигаются в восточном направлении, месяцем ранее напав на Албанию.

На Дальнем Востоке обстановка отличалась исключительной сложностью и многообразием проблем. С увеличением масштабов японской экспансии в Китае ее интересы вступили в резкое противоречие с германскими. Лишь в 1938 году, когда Япония утвердилась в Северном, а затем и Центральном Китае, Берлин принужден был смириться и отказаться от помощи Чан Кай-Ши. Правда, японское правительство заверило, что Германия получит соответствующие компенсации. Вследствие отхода последней гоминьданевские правители начали искать и нашли поддержку в СССР.

Помимо оказания действенной помощи Китаю Сталин всемерно поддерживает дружественную Монголию, на которую также посягнула Япония. Проверка боеготовности частей Красной Армии летом 1938 года оказалась для японцев неудачной. Их войска в районе озера Хасан, в конечном счете, были разбиты, однако «самураи» не унимаются. В месяце мае 39 года в подкрепление территориальных претензий подразделения японских войск переходят границу Монголии. Советский Союз соответственно своим договорным обязательствам приходит последней на помощь и принимает участие в так и оставшейся необъявленной войне на Дальнем Востоке.

Между тем, предгрозовые тучи в европейской политической атмосфере все более заметно наливаются свинцом. Душными августовскими днями и ночами 1939 года в Кремле решалась судьба мира на планете Земля. Политические и военные переговоры СССР с

Англией и Францией практически окончательно зашли в тупик. Поляки продолжают упорствовать в нежелании приема военной помощи от русских.

С другой стороны Гитлер направляет лично Сталину в воскресенье 20 августа телеграмму, которая явилась плодом прямо-таки лихорадочных поисков Берлина последних возможностей изоляции Польши. До претворения плана «Вайс», намеченного нападения на поляков, остается всего несколько дней. Одновременно Гитлер не исключает категорически способности сговориться с Чемберленом, если Москва проявит несговорчивость.

В понедельник, исчерпав все последние возможности договориться с французами, англичанами и поляками, Сталин делает поворот русского внешнеполитического курса на 180 градусов. В связи с беспрецедентной предупредительностью текста личного послания Гитлера, он, наконец, решается действовать без промедления и приказывает прервать переговоры с Англией и Францией на неопределенный срок.

Сталин отвечает Гитлеру посланием, при этом выражается довольно солидно и лаконично. «Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении, - написал советский лидер, - создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами... Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

В 7 часов утра 23 августа за считанные часы до момента вторжения в Польшу два немецких самолета типа «Кондор» направились из Кенигсберга на Москву. На пути своего следования, исключительно по недоразумению, они были обстреляны советскими зенитчиками, однако ничто не могло поколебать их курс. Прием, оказанный русскими, довольно представительной делегации Германии во главе с фон Риббентропом, был предельно официальным и сдержанным. Над летным полем малопрезентабельного аэродрома развевались пошитые вкривь и вкось флаги со свастикой. В распоряжении делегации в количестве 37 человек с советской стороны не было предоставлено никакого помещения, и посол Германии фон Шуленбург с большим трудом разместил ее в здании бывшего австрийского посольства. Неподалеку находился великолепный отель, который был в полном распоряжении западных военных миссий во время их пребывания в Москве. Дипломатическим протоколом не предусматривалась и организация питания делегации. Для решения этой задачи фон Шуленбург срочно заказал продукты в Стокгольме и самолетом

доставил их в Москву. Молниеносный характер этого визита с целью ослепления Сталина заманчивым блеском немецких предложений были существенным элементом примененной Гитлером тактики. В течение одних суток судьба мира была решена.

Ранним утром 24 августа 1939 года в Кремле советский нарком иностранных дел Молотов и германский рейхсминистр фон Риббентроп, выполнявшие волеизъявления своих шефов, подписали пакт о ненападении и секретный протокол к нему.

Так как Риббентроп оказался единственным крупным нацистским деятелем, встречавшимся с советским лидером, любопытно его впечатление о нем. Сталин с первого же момента встречи произвел на германского министра иностранных дел сильное впечатление, как «человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву». Ход переговоров Риббентропа и бесед со Сталиным дал ему «ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-нибудь царь прежде».

Общепризнанно, что пакт вкупе с прилагаемыми документами оказали огромное влияние на дальнейшее развитие событий во всем мире. Пакт ограничивал возможность для маневра Сталину и, соответственно, развязывал руки Гитлеру в его агрессии против Польши. После шестидесяти пяти лет со дня заключения пакта не суть важно по чьей инициативе был заключен подобный альянс. Главными факторами следует признать мотивацию основных участников, а также действия других заинтересованных фигурантов.

В своем фундаментальном исследовании о возникновении немецко-советского договора немецкий историк Ингеборг Фляйшхауэр скрупулезно и методично исследует все вехи этого важнейшего события. В частности она отмечает, что Гитлер готов был сам лично лететь в Москву, чтобы добиться вожделенного временного альянса с СССР. По мнению Фляйшхауэр, Гитлер совершал ошибку, измеряя Сталина своим «собственным аршином». «Он соблазнял его новыми территориями и подвижками границ, тогда как Сталин жаждал экономического развития собственной страны и стабильности существующих границ».

Генсек добивался политической безопасности Советского Союза,

в то время как германский фюрер намеренно шел на рискованное и незаконное предприятие и предлагал присоединиться к нему. В завершение же госпожа Фляйшхауэр уверяет, что не считает себя вполне компетентной для изучения вопроса «проникновения в тайну мысли и воли Сталина».

Но существует ли по сей день сия тайна? В делах межгосударственных весьма часто политическая выгода, равно как и экономическая, превалирует над соображениями нравственными. Это звучит цинично, но, говорят же, цинизм есть суть, неприкрытая ничем истина. В свое время русский царь Николай II Романов, повинуясь якобы зову чести, двинул совершенно неподготовленную армию в наступление. Тем самым он загубил массу своих подданных, державу и самого себя.

Сталин пошел на договоренности с Гитлером, лишь скрепя сердце. Разумеется, советский лидер благодаря своей исключительной памяти, помнил о предельно невыгодном для молодой страны Советов договоре, заключенном в 1918 Лениным в Брест-Литовске также с немцами. В данном случае его преемник явно следовал ленинскому примеру.

Практически же у Сталина отсутствовали возможности для принятия другого решения. Перед ним реально маячила угроза войны на два фронта. На Дальнем Востоке, в неофициальной войне с японцами, генеральное сражение у реки Халхин-Гол только должно было начаться. И результат его для Красной Армии, естественно, был далек от ясности.

Переговоры, ведшиеся в Москве с 12 по 21 августа с Англией и Францией, оказались совершенно безрезультатными. Ни англичане, ни французы никак не могли, собственно, очевидно, они не слишком и старались, уговорить поляков допустить советские войска им же на помощь. Следовательно, договорившись с Гитлером, Сталин одновременно нейтрализовал Японию – союзницу Германии и отчасти снимал угрозу войны на Дальнем Востоке.

Если же Сталин отклонял руку, протянутую Гитлером, то его страна подвергалась риску уже в том же году быть вовлеченной в войну с Германией. Франция и Англия явно никакой действенной помощи не оказали бы СССР. На востоке японцы как союзники немцев обязаны были объявить войну русским.

Известие же о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией вкупе с поражением Квантунской армии привело в шоко-

вое состояние правящую элиту Японии. Уже спустя несколько дней японское правительство во главе с К. Хиранума было вынуждено подать в отставку. А его правопреемники очень скоро публично объявили о своем невмешательстве в дела европейские.

Существует мнение, что Гитлер якобы обманул Сталина, подкупив территориально. Тезис, более чем сомнительный. Советский руководитель, решительно отбросив идеологические догматы, в первую очередь делал ставку на национальные, то есть государственные интересы России. Помимо всех прочих соображений Сталину предоставлялся шанс рассчитаться с поляками за национальное унижение почти двадцатилетней давности. Вероятнее всего, в глубине души он понимал, что рано или поздно с Гитлером придется столкнуться. Второй вариант в данном случае устраивал больше кремлевского горца.

Он глубоко сомневался в спонтанно возникшем миролюбии нацистского фюрера. Отнюдь не случайно, Сталин при прощании с Риббентропом заявил о своем предельно серьезном отношении к договоренностям. И что он, Сталин, может под честное слово заверить, что Советский Союз не обманет партнера. Гость не ответил хозяину сопоставимым заверением, что не могло не остаться незамеченным.

Гнетущее состояние раздвоенности, в котором находилось кремлевское руководство со всей ясностью проявилось во время проводов западных военных миссий. При прощании провожавший своих коллег Ворошилов на мгновение поддался чувствам и пожаловался, что поляки создали ситуацию, при которой русским следовало стоя на коленях просить у них соизволения просить предложить им же помощь против общего врага.

Всесторонне исследуя этапы заключения пакта, главными участниками которого были Германия и СССР, не следует забывать о позициях других стран, весьма и весьма важных для сути понимания всего процесса в целом.

В архиве Герберта фон Дирксена, германского посла в Англии с 31 марта 1938 года по 3 сентября 1939 года, сохранилась служебная записка о времени его нахождения в Лондоне. Согласно извлечений из нее, вступление войск вермахта в Прагу «подействовало на английскую общественность, как гром с ясного неба». «Поспешнейшим образом был заключен тесный союз с Польшей» затем, и приняты определенные обязательства, давшие повод воодушевившимся полякам объявить о том, что они не позволят поступить с их страной

как с Чехословакией. Подобное поведение охладило летом пыл британских правителей, постепенно якобы убеждавшихся «в непрочности польского государства, в сумасбродстве его великодержавных вожделений и его неутолимой жажде в деньгах».

А «Советский Союз вызывал неудовольствие все более обременительными условиями, предъявлявшимся им в переговорах» Англии, отметил Дирксен, что следует расценить как комплимент Сталину, твердо отстаивавшему интересы своей страны. А также требовавшему заключения конкретных соглашений с целью их дальнейшей практической реализации, а не простым воспроизводством ни к чему не обязывающих документов.

Вряд ли Сталин был переполнен чувством тщеславия от осознания факта того, что центром мировой политики стала Москва. Возможность ощутимого территориального выигрыша на западе, помимо нейтрализации угрозы на востоке не ввергла его, тем не менее, в состояние эйфории.

Сознавал ли Сталин, что, санкционировав подписание пакта, тем самым он содействовал совершению некоего подобия позорного Мюнхенского соглашения? Очевидно, да, так как советское руководство являло собой полную противоположность главарям рейха, изъявлявшим бурную радость. Ибо помимо очевидных плюсов были и некоторые минусы. В Кремле понимали, что следует ожидать достаточно негативной реакции мирового общественного мнения. Кроме того, еще надо было вразумительно объяснять советским гражданам, отчего произошел столь крутой поворот во взаимоотношениях недавних заклятых врагов.

Именно поэтому, пытаясь хотя бы отчасти восстановить реноме миролюбца, Сталин, несмотря на усиленные уговоры с германской стороны, не торопился занимать земли погибающей Польши. Предлоги отсрочек высказывались разные. В том числе и сложности, якобы с переброской войск с Дальнего Востока, победоносно завершивших битву в районе реки Халхин-Гол. Гитлеру же нужно было раздавить Польшу еще до того момента, когда Франция и Англия смогут, если пожелают, развернуть активные действия на Западном фронте.

Ранним утром 1 сентября около 40 немецких дивизий, в том числе все имевшиеся механизированные и моторизованные соединения ринулись вперед. Польская авиация практически была уничтожена уже за первые несколько дней боев. Немцы завоевали господство в воздухе. За первую же неделю военных действий польская оборона

была прорвана на значительную глубину и большей частью дезорганизована. Войсковые соединения поляков понесли большие потери и имели мало возможностей для оказания эффективного противодействия.

7 сентября главнокомандующий польской армией маршал Эдвард Рыдз-Смиглы со своим штабом расположился в крепости Брест. В Варшаве с группой офицеров оставался начальник главного штаба генерал Вацлав Стахевич, не имевший устойчивой связи с войсками и полномочий для принятия ответственных решений. Польское правительство, потерявшее контроль над событиями, еще 6 сентября покинуло столицу и перебралось в Люблин, а через два дня отправилось на юг страны, в Кременец.

Управление страной было почти парализовано. Боевой дух польской армии надломился. Постепенно она утрачивала боеспособность, хотя 3 сентября Франция и Великобритания с ее доминионами объявили войну Германии. Бои местного значения продолжались до начала октября, но то была лишь затянувшаяся предсмертная агония.

Союзники же лишь сымитировали помощь Польше. 9 сентября десять французских дивизий на фронте в 32 км проникли в предполье Западного вала, так называемой линии Зигфрида, и продвинулись на глубину 3-8 км. Наступление было лишь символическое, призванное успокоить общественное мнение, а также подбодрить поляков. Германские войска, не принимая сражения, отошли на основные позиции.

Окончательный исход германо-польского военного столкновения был еще далеко не ясен, когда Сталин отдал приказ советским войскам перейти границу с Польшей. Красная Армия уже практически выступила, когда заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин пытался вручить поздно ночью послу Польши В. Гжибовскому ноту, лично выправленную вождем. Поднятый с постели амбассадор, едва не потерял дар речи. Гжибовский стал уверять Потемкина, что нельзя говорить о распаде польского государства. Основные силы армии еще целы и подготовляются к решительному отпору германским войскам. Все аргументы польского посла были тщетными. В 5 часов утра 17 сентября войска Украинского и Белорусского фронтов перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад.

Менее чем через неделю соединения Красной Армии вошли в соприкосновение с германскими войсками и начали маневрировать с целью соблюдения договоренностей о линии демаркации. Советы

заняли территории, населенные этническими украинцами и белорусами, приблизительно соответствующей черты когда-то рекомендованной в Версале. К концу сентября Красная Армия завершила свою миссию, граница СССР отодвинулась на запад на 250-300 километров. На территории площадью свыше 190 тысяч квадратных километров проживало более 12 миллионов человек.

И вновь Риббентроп вылетел в Москву для дальнейшего урегулирования вопросов советско-германских отношений. По его мнению, он нашел у «Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти сердечный прием». Однако «сердечный прием» не помешал Сталину скорректировать заключенное в августе соглашение и выдвинуть притязание на включение в сферу советских интересов Литвы. Явно не с легким сердцем Гитлер дал свое согласие.

Как и во время первого визита Риббентропа, переговоры с русской стороны вел Сталин и частично Молотов. На сей раз, правда, в Кремле был дан в честь немецкой делегации приличный банкет, на который были приглашены члены Политбюро. Обе стороны, покамест, неукоснительно соблюдали договоренности относительно Польши.

С точки зрения вынужденного эмигрировать польского правительства, отторжение СССР части территории Речи Посполитой, так же как и захват Германией другой части расценивались одинаково. Но, характерный штрих, английское правительство никогда не обещало полякам, что Великобритания будет добиваться восстановления польско-советской границы по состоянию на 1 сентября 1939 года. Следовательно, Сталин превосходно ориентировался в лабиринте западной политики и особенно британской, что сказалось и на его подходе к польским делам.

Действия Германии и России, осуществившие в сентябре 39 года очередной раздел Польши, без объявления войны соответственно буквы международного права, вроде бы равнозначны. Между тем, русские имели моральное право, фактор отнюдь не последний в политике, на возврат земель, населенных преимущественно этнически родственными народами, бесцеремонно отторгнутых Польшей в 1920 году. Поэтому как в Англии, так и во Франции достаточно спокойно отреагировали на поглощение части польской территории Советами.

Представляет определенный интерес высказывание по поводу тогдашнего германо-русского сближения Уинстона Черчилля. Британский политик заявил, что невозможно определить, кому внушал большее отвращение одиозный противоестественный акт – Гитлеру

или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. А тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, ознаменовал всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии тех лет. Советская политика если и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высшей степени реалистичной.

Последняя фраза Черчилля заключает в себя скрытую похвалу. Ее можно расшифровать примерно следующим образом: флегматичный славянский медведь, не договорившись с индифферентными галльским петухом и британским львом, лишь вынужденно согласился на альянс с агрессивным германским орлом.

Скандинавские шарады

Пророчества Гитлера, казалось, сбывались. Англичане и французы не показывали сильного стремления воевать. Они не оказали действенной помощи Польше, хотя и объявили войну Германии. Вместо бомб английская авиация сбросила над территорией Германии тонны пропагандистских листовок, обеспечив континент на долгие годы туалетной бумагой.

Почти одновременно Даладье и Чемберлен поставили перед Сталиным вопросы о Польше. Тон запроса французского премьера был категоричнее, поэтому советский ответ был дан английскому лидеру. А французам послали копию этого ответа, решив в Москве, что вопрос исчерпан. Главной целью советского правительства объявлялась защита прав и интересов украинского и белорусского населения. Также Советский Союз намеревался оставаться нейтральным в войне.

Черчилль в то же время прозорливо заявил по радио, что фактически Восточный фронт уже создан, подразумевая неминуемость германо-русского столкновения в будущем. Он в определенной степени успокоил слушателей, сказав: «Я не могу представить действия России. Эта страна – загадка, покрытая мраком неизвестности, но, возможно, существует ключ к пониманию. Этот ключ – **национальные интересы России** (*выделено мной – М.А.*). Интересы России и ее безопасности не допускают, чтобы Германия утвердилась на берегах Черного моря или опустошила и подчинила себе славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречит историческим жизненным интересам России».

С 8 по 12 октября Гитлер подписал документы о ликвидации

И.В. Сталин
Фото.

И.В. Сталин.
Фото 1894 г.

И.В. Сталин.
Фото 1900 г.

В.И. Ленин и И.В. Сталин в Горках. 1922 г.
Фото.

И.В. Сталин и С.М. Киров. Ленинград. 1926 г.
Фото.

И.В. Сталин на палубе крейсера «Червона Украина» Черноморского флота.
25 июля 1929 г. Фото.

И.В. Сталин и А.М. Горький.
Фото.

И.В. Сталин среди детей на Тушинском аэродроме. 1936 г.
Фото.

И.В. Сталин в рабочем кабинете.
Фото.

Заседание Президиума Верховного Совета СССР.
Фото.

И.В. Сталин.
Фото.

И.В. Сталин.
Рис. худ. Б. Карпова.

Генералиссимус Советского Союза И.В. Сталин
в группе маршалов, генералов и адмиралов – депутатов Верховного Совета СССР.
Фото.

Польского государства, присоединении к Германии ее западных воеводств и создании генерал-губернаторства. На суше воцарилась непонятная длительная гнетущая пауза. Французские армии не начали наступления на Германию. Завершив свою мобилизацию, они оставались в бездействии по всему фронту. Англичане ограничились отправкой небольшого контингента своих войск на материк и также не спешили открывать военные действия. Обе противоборствующие стороны окапывались, разглядывая друг друга в бинокли.

Между тем на море немцы начали активно досаждать Англии с целью подрыва ее морского могущества. Ранним утром 14 октября на защищенной стоянке Скапа-Флоу ими был нанесен особенно чувствительный удар. Немецкая подводная лодка U-47, преодолев сильные морские течения, проникла через английские оборонительные линии и потопила стоявший на якоре линкор «Ройал Оук». Погибло 786 офицеров и матросов и в их числе контр-адмирал Блэгров. Немецкая подлодка благополучно возвратилась на базу. В эти же дни пять других немецких субмарин предприняли первую в войне попытку совместной атаки конвоя. Им удалось потопить три судна, потеряв при этом две лодки.

Сталин в то время неуклонно проводит свою линию дальнейшего увеличения безопасности страны. Советско-германский пакт, а точнее прилагаемый секретный протокол к нему исключал Прибалтийские страны из сферы интересов германского рейха. Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года, СССР зафиксировал границу с Германией, примерно соответственной так называемой линии Керзона, одобренной еще Версальскими договоренностями. Заполучив свою часть Польши, Сталин начал принимать меры по обеспечению безопасности северо-западных подступов к советской территории. Между 28 сентября и 11 октября Эстония, Латвия и Литва были вынуждены подписать договоры о взаимной безопасности с СССР, которыми разрешалось размещение советских баз и военных гарнизонов на их территориях. Таким образом, южный путь на Ленинград оказывался в значительной степени обезопасенным на случай немецких поползновений. Оставались открытыми подступы только через Финляндию.

Фактически на августовских германо-советских переговорах в Москве, страну Суоми, до 1918 года входившую в состав Российской империи, решили, не спросив ее согласия, передать Советской державе. Как в свое время Наполеон санкционировал Александру I

аннексию Финляндии, Гитлер поступил подобным образом. Однако в реальности Сталин не собирался следовать примеру российского императора. Тем более, он не столь давно лично объявил «вольную» финнам.

Русские претендовали лишь на занятии стратегически важных в военном отношении островов Ханко и Аландов. Советские требования относительно передвижки границ были осуществимыми. К тому же взамен финнам предлагалась вдвое большая территория Северной Карелии. Финляндия неоднократно получала предложения об обмене территориями, так как русские испытывали сильный психологический дискомфорт от осознания факта крайней уязвимости колыбели революции – Ленинграда. Северная Пальмира находилась практически на расстоянии одного пушечного выстрела от финнов. Самому крупному советскому флоту – Балтийскому, также выйти было практически некуда. Даже его стоянка на Кронштадском рейде просматривалась с финского берега. Ситуация в случае войны выглядела безнадежной.

По иронии судьбы, Сталин теперь тщетно уговаривал финнов пойти на уступки. Лишь два влиятельных лица в Финляндии, штатский Юхо Паасикиви и военный Карл Маннергейм, выступали в пользу принятия большинства русских притязаний. Сталин искренне желал достижения мирного решения, не собираясь отказываться от основных требований. Однако правительство Финляндии все еще находилось в плену иллюзий.

Оно не обеспокоилось даже наиболее тревожным обстоятельством, то есть тем, что Германия – традиционный противовес России в районе Балтики – убеждала Финляндию принять русские предложения. Когда 9 ноября 1939 года советско-финские переговоры окончательно зашли в тупик, Сталин санкционировал другие средства, тем паче, что возможности к тому незамедлительно представились. Одновременно, всячески избегая официального объявления войны.

26 ноября близ селения Майнила с финской стороны был открыт огонь по советским пограничникам.

28 ноября Молотов денонсировал пакт о ненападении, заключенный между Финляндией и СССР.

30 ноября советские войска перешли в наступление на всем финском фронте протяженностью полторы тысячи километров. Практически одновременно были организованы дипломатические и политические акции против финнов. Срочно провозглашается создание бутафорского государства Финская Демократическая Республика во

главе с коммунистом О.В. Куусиненом, немедленно признанное Советским Союзом. Военные операции, проводимые Красной Армией, объясняются необходимостью оказания помощи новоиспеченному правительству, находившемуся в финском местечке Териоки.

По аналогии с русскими, в Финляндии высказываются идеи о создании марионеточного антисоветского правительства. В Хельсинки немедленно обращают внимание на заявление Керенского, резко осудившего поползновения Советов. В то же время выдвигается мысль о приглашении Троцкого для сформирования альтернативного российского правительства. Но эта явно абсурдная идея не получила последующего развития и практической реализации. Она, видимо, лишь самым роковым образом сказалась на судьбе Троцкого, продолжавшего оставаться вне закона. Время от времени диссидент, забаррикадировавшийся в Мексике, дает о себе знать и делом чести для Берии становится необходимость его ликвидации.

Нападение гигантской Советской державы на крохотную нацию вызвало негативную реакцию общественности во многих западных странах. 14 декабря было организовано исключение СССР из Лиги Наций. Между тем, в Советском Союзе думали иначе. Ученый Вернадский в начале декабря делает следующие записи в своем дневнике: « ...Огромное впечатление от Финляндских дел. ... Сталин действительно мировая фигура. ... В радио впервые слышал прием и голос Сталина. Удивительно, как при таких неблагоприятных посылках – голос и акцент некультурный, - и такой успех! ... Но сейчас я ярко чувствую, что сейчас у нас масса, и масса сознательно за активную политику Сталина в Финляндии и в Польше».

За два месяца до этого он выражается следующим образом: «Захват западных областей Украины и Белоруссии всеми одобряется. Политика Сталина- Молотова – реальная, и мне кажется правильной государственно-русской».

Мнение западных политиков в корне отличается. С началом русско-финской войны в Англии и Франции развернулась бешеная антисоветская кампания. В этих странах почти совсем забывают о состоянии войны с Германией и самым главным их врагом становится Сталин. Особенно бурные дискуссии разворачиваются в Великобритании. Больше всех озаботился Чемберлен: его правительство вступает на скользкий путь, который вполне может закончиться открытым военным столкновением с Советским Союзом, лишь для того чтобы, поддержать страну, которая, по всей видимости, скоро потер-

пит поражение. Почти все единодушны во мнении, что Британия имеет моральное обязательство поддержать Финляндию, и лишь немногие против этой политики, несмотря на то что ценное вооружение и материальные ресурсы выбрасывались на ветер.

Среди этих немногих был Х. Долтон, утверждавший, пусть лучше русские захватят Восточную Европу, чем немцы, ибо русские всего лишь старомодные империалисты и националисты с их царем Сталиным. Стаффорд Криппс высказывался еще резче и упорно защищал российскую политику в Финляндии в статье, опубликованной в газете «Трибюн».

Война с Финляндией не оказалась легкой прогулкой для Красной Армии. В первые недели боев советские войска силами Ленинградского военного округа успеха не имели. Финны держались стойко и одновременно бомбардировали западные страны просьбами о помощи, так как на Западном фронте по-прежнему царила зловещая тишина. Норвегия и Швеция держались нейтральной позиции, что существенно мешает западным странам в оказании действенной помощи финнам. Ближе к концу года Сталин сделал выводы из неудач на фронте.

По-настоящему военные действия начались в феврале 1940 года. После двухнедельных тяжелых боев считавшаяся неприступной линия Маннергейма была прорвана. Финны оказались в очень тяжелом положении. Англичане и французы продолжали не оказывать сколь либо ощутимую помощь финнам. У них были свои планы, преимущественно несбыточные. Черчилль высказал мнение, что война в Финляндии – прекрасный повод для нападения на Норвегию с целью перекрытия поставок железной руды в Германию. Его поддерживает начальник французского генерального штаба генерал Гамелен. Британские начальники штабов выступают против, дискуссии идут полным ходом. Кабинетным стратегам в министерствах иностранных дел больше нравится идея бомбардировок кавказских нефтяных промыслов, посредством которых намереваются поставить они русских на колени. Тогда якобы НКВД и армия утратят свою власть, народ восстанет и свергнет сталинскую диктатуру. Кроме того, составлялись прожекты посылки объединенных военно-морских сил в Черное море и вторжения на Кавказ. Англия и Франция намеревались, как будто, сломать хребет России, с которой не воевали, нежели серьезно противоборствовать Германии. В то же время они практически лишь имитировали масштабную отправку войск и техники на помощь финнам, намереваясь втянуть в войну нейтральные Швецию и Норвегию.

В конечном итоге финское правительство разгадало предельно замысловатые англо-французские маневры. 2 марта французский премьер Даладье согласился послать Финляндии 50 тысяч добровольцев и 100 самолетов. Англия решилась на посылку 50 бомбардировщиков. Но эти меры явно запаздывали.

6 марта финская делегация во главе с премьер-министром Рюти выехала в Москву. Ее предложение о немедленном прекращении огня было отклонено. На следующий день начались переговоры для обсуждения мирных условий. 11 марта западные союзники в последней попытке помешать Финляндии заключить мир, публично заявили о своем предложении прийти на помощь, однако финны им уже не верили. 12 марта они приняли русские условия, правительство Рюти-Таннера подписало мирный договор.

Советский Союз сумел-таки улучшить свое стратегическое положение на северо-западе и севере. Условия для обеспечения безопасности Ленинграда, незамерзающего Мурманского порта с его железнодорожным сообщением значительно улучшились. Оперативно-стратегическая обстановка для действий Балтийского и Северного флотов также стала гораздо лучше.

Установить, почему СССР в конечном итоге избрал подобное минимальное решение вместо полного завоевания Финляндии, невозможно. Судя по всему, Сталин предпочел данный вариант во избежание преждевременного участия в европейской войне. Для него навязывание правительства Куусинена было второстепенным действом, поэтому Вождь отказался от него вследствие трудностей с осуществлением. Хотя Карельская АССР была преобразована в союзную Карело-Финскую ССР, что гипотетически грозило стране Суоми потерей независимости.

Задуманная как небольшая операция зимняя война с Финляндией едва не вышла из-под контроля и вылилась в сравнительно крупную кампанию. Не остановись Сталин в необходимый момент, последствия могли быть совершенно непредсказуемыми. Финны также правильно оценили ситуацию, отказавшись в последний момент от необдуманных и небезопасных предложений западных союзников. Англия и Франция могли тогда оказаться в состоянии войны с Советским Союзом, равно как и с Германией.

Между тем, советско-финский вооруженный конфликт послужил Красной Армии плохой рекламой. О ней создалось глубоко неблагоприятное впечатление за рубежом, да и внутри страны. Конфуз с

финнами надо было как-то объяснять и принимать срочные меры.

У Германии в Скандинавии были свои интересы. Немцы сполна пользовались нейтралитетом некоторых государств Европы. Через порты Швеции на Балтике, а также норвежский порт Нарвик немцы беспрепятственно вывозили железную руду, столь необходимую их военной промышленности. В 1939-1940 г.г. во время экономической блокада рейха они максимально эффективно использовали Роттердам. Голландский порт оставался единственным центром, через который Германия поддерживала торговлю с другими странами.

В конце марта генерал Николас Фанкельхорст доложил Гитлеру о готовности проведения военно-десантной операции под кодовым названием «Учения на Везере». Учитывая мощь английского флота, ее успешное проведение вызывало большие сомнения. Однако Гитлер пошел на сознательный риск и 1 апреля утвердил окончательный план и назначил время вторжения – 4 часа 15 минут 9 апреля.

Вечером 5 апреля германский посол в Норвегии К. Бройер пригласил видных гостей, в том числе членов правительства, на просмотр документального кинофильма в здании дипломатической миссии. Фильм показывал завоевание Польши и заканчивался ужасными сценами бомбардировки Варшавы германской авиацией и ехидной надписью: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Подавленные апокалиптическими сценами гости разошлись после сеанса молча.

Вследствие этого, норвежское правительство больше всего было обеспокоено действиями англичан и французов. 8 апреля правительства Англии и Франции направили в столицу Норвегии – Осло, ноты. В них сообщалось, что в норвежских территориальных водах установлены минные заграждения с целью воспрепятствования перевоза железной руды в Германию. Пока норвежцы, встревоженные запоздалыми действиями союзников, составляли протесты Лондону и Парижу, в назначенный день Германия захватила Данию.

В четыре часа утра германский посол в Дании фон С. Ренте-Финк явился в датское министерство иностранных дел и заявил, что имеет инструкции просить свидания с министром в 4 часа 20 минут. Дежурный чиновник посчитал, что речь идет о времени пополудни, однако ему быстро объяснили его ошибку. В то время как немецкий посол вручал ультиматум ошеломленному датскому министру доктору П. Мунку, войска вермахта уже орудовали вовсю. 9 апреля в 9 часов утра датская государственная радиостанция Калундборга со-

общила о захвате страны немцами и капитуляции датского правительства во избежание бессмысленного кровопролития.

Норвегия узнала об этом только после того, как сама подверглась нападению. Бройер вручил депешу Риббентропа норвежскому правительству также в 4 часа 20 минут утра 9 апреля. Ему ответили, что Норвегия ультиматум отвергает и будет защищаться. Для норвежского правительства подготавливаемое немцами нападение не явилось столь неожиданным, как для датского. Однако оно слишком поздно осознало подлинную величину надвигавшейся опасности и не имело времени мобилизовать страну и подготовиться к эффективной обороне. В течение сорока восьми часов практически все главные порты Норвегии оказались в руках немцев.

Это случилось вследствие их внезапно проведенной операции, несмотря на превосходящие силы английского флота. Захваченные врасплох норвежцы, вкупе с англичанами и французами начали сумбурную военную кампанию в Скандинавии.

Однако превосходство немцев в замысле, руководстве им и энергии исполнения, было несомненным. Они неуклонно выполняли тщательно разработанный план действий. Нападение на Норвегию произвело на весь Западный мир впечатление разорвавшейся бомбы. Столица Норвегии и крупные морские порты были захвачены не только лишь силой оружия. Ими овладели с необычайной быстротой с некоторой помощью политических заговорщиков внутри страны. В Норвегии и во всем мире вскоре прониклись убеждением, что истинными причинами впечатляющих успехов немецкого вермахта явились измена и саботаж. Немецкой пятой колонне приписывали совершенно невероятные по эффективности вещи. Норвежская кампания закончилась лишь тогда, когда южнее Скандинавского полуострова, она была оттеснена на задний план более важными событиями.

Дранг нах Вестен

Поражение Финляндии весьма существенно отразилось на статусе Даладье. 21 марта во Франции было сформировано новое правительство во главе с Полем Рейно, которое обязалось вести военные действия более энергично. Бесконечное обсуждение преимущественно мелких вопросов между Англией и Францией, при отсутствии каких-либо крупных решений, возобновилось с новой силой. 28 марта французские министры приехали в Лондон на заседание

союзнического верховного военного совета. Наконец было решено расставить мины в норвежских территориальных водах и, лишь при согласии французского военного комитета, должна была начаться операция «Ройал Мэрин» – сброс с самолетов речных мин в воды Рейна и германские каналы. Было решено также, что если Германия вторгнется в Бельгию, союзные войска должны немедленно вступить на территорию этой страны, не дожидаясь официального приглашения; а если Германия вторгнется в Голландию и Бельгия не придет к ней на помощь, союзники будут считать себя вправе вступить в Бельгию в целях оказания помощи Голландии. Английское и французское правительства торжественно продекларировали, что «в течение нынешней войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора без взаимного согласия». Позднее это заявление приобрело весьма важное значение.

Нападение на Данию и Норвегию застало врасплох французов и англичан, а месяцем позже, утром 10 мая 1940 года немцы нанесли давно ожидавшийся удар по их позициям.

Бронированная лавина войск при устрашающей поддержке авиации ринулась в направлении Франции и стран Бенилюкса. Гитлер оказался в состоянии осуществить наступление силами 136 дивизий, в их числе были 10 танковых. То есть помимо других сил около двух тысяч шестисот танков обрушились, в обход пресловутой «линии Мажино», на Францию и нейтральные Голландию и Бельгию. С воздуха немцев поддерживали почти четыре тысячи самолетов.

Вечером того же дня премьер-министром Англии стал Уинстон Черчилль. Именно ему британский монарх поручил сформировать новое правительство, вместо ушедшего в отставку Чемберлена.

Немецкой армии вторжения противостояли «коалиционные» войска, примерно равные по численности и техническому оснащению. Однако за восемь месяцев бездействия боевой дух англо-французских войск сильно упал. Командным составом не было проведено эффективной подготовки к войне. Солдаты сплошь бездельничали, ели до отвала и толстели. Теперь им предстояло вступить в бой с предельно отмобилизованным противником.

11 мая 7-я французская армия под командованием генерала Анри Оноре Жиро начала продвижение со стороны Атлантики, через Бельгию, в Голландию. Английский экспедиционный корпус, 1-я и 9-я французские армии также двинулись вперед. Лучшие дивизии союзников в результате этого маневра удалились от участка фронта, где

намечался главный удар немецких войск. В течение трехнедельных сражений прославленной французской армии было нанесено тяжелое поражение, а английские войска были сброшены в море и потеряли все свое снаряжение. Основными причинами столь сокрушительного поражения являлись недостаточная военная, экономическая и дипломатическая подготовленность союзников. Это было следствием разногласий политиков, преодолимых при наличии в их действиях доброй воли. Фактор бронетехники, то есть вооруженности танками и бронеавтомобилями, следует признать второстепенным, хотя и существенным в этой войне.

Преодолев считавшийся непроходимым горно-лесистый массив Арденны, бронетанковые и моторизованные войска немцев разгромили 9-ю французскую армию генерала Андре Корапа и прорвали фронт у Седана. Уже 17 мая парижане узнали, что немецкие мотопехотные части движутся в направлении Лана и скоро войдут в Париж. Однако на следующий день поступило известие, что немцы повернули к морю. Рано утром 28 мая 500-тысячная бельгийская армия капитулировала, двумя неделями раньше это сделали голландцы.

Единственным французским портом, к тому времени не занятым немцами, оставался Дюнкерк, с прилегающим к нему клочком суши. С 27 мая по 4 июня с дюнкеркского плацдарма было вывезено в Англию около 340 тысяч солдат и офицеров, в основном британских.

Командующий английскими экспедиционными силами лорд Джон Горт отнюдь не намеревался положить своих людей на французской земле. Двигаясь якобы на немцев, он постоянно оглядывался назад – на море. Вследствие этого несложного маневра Горт успешно ретировался на острова, бросив 7 тысяч тонн боеприпасов, 90 тысяч винтовок, 2300 орудий, 120 тысяч автомашин и повозок, 8 тысяч пулеметов «Брен», 400 противотанковых ружей.

Страна оказалась практически обезоруженной, однако благополучное возвращение четверти миллиона британских солдат – «чудо Дюнкерка», вызвало в Англии чувство величайшей радости. Между тем Франция агонизировала, а ее правители были неприятно поражены тем, что англичан эвакуировалось значительно больше, чем французов.

В сущности, покинутый Великобританией премьер Рейно жалобно и безуспешно просил нейтральные США оказать поддержку, а также отправил в СССР нового посла Э. Лабонна с самыми отчаянными инструкциями.

С окончанием боевых действий под Дюнкерком завершилась и

первая фаза операций вермахта. Север Франции, вкупе с Голландией и Бельгией были под пятой Гитлера. Для продолжения наступления немцы начали осуществлять перегруппировку своих войск. Вследствие сокрушительных поражений в Бельгии и Северной Франции французское командование располагало ограниченными силами для отражения нового наступления вермахта. Правительство Франции все больше склонялось к мысли, что дальнейшее сопротивление не имеет смысла.

5 июня немцы начали осуществление второй фазы наступательных действий во Франции.

10 июня в войну против Англии и Франции «отважилась» вступить фашистская Италия.

11 июня в Бриаре состоялось заседание верховного союзнического совета. Англичане поняли, что, несмотря на их увещевания, французы капитулируют со дня на день. Утром 14 июня войска Гитлера вступили в Париж, объявленный открытым городом. С 15 июня местопребыванием французского правительства стал Бордо.

16 июня правительство Англии предприняло последнюю попытку удержать французов от капитуляции. Черчилль предложил объединить два государства в «нерасторжимый франко-британский союз». Проект Черчилля был отвергнут. В тот же день маршал Филип Петэн сформировал новое правительство вместо подавшего в отставку премьера Поля Рейно.

22 июня в Компьенском лесу состоялась церемония подписания франко-германского перемирия. Фактически Франция капитулировала перед Германией. Здесь 22 года назад 11 ноября 1918 года в белом салон-вагоне маршал Фош продиктовал условия перемирия побежденной Германии. По приказу Гитлера исторический вагон Фоша был изъят из музея и, для вящего унижения французов, поставлен на то место, где он стоял в 1918 году. На другой день французская делегация на немецких самолетах отправилась в Рим для подписания перемирия с итальянцами.

25 июня военные действия во Франции были официально прекращены, большая часть ее территории оказалась под эгидой немцев. Южная неоккупированная часть Франции также попала в полную зависимость к Германии.

Сталин игнорирует не только настойчивые сигналы французов, но и завуалированный призыв Черчилля к сотрудничеству. Он в свою

очередь осуществляет, если можно так выразиться, «ползучую» экспансию на запад. Политический курс Сталина в отношении Прибалтики варьировался в зависимости от обстановки на других краях континента. Летом 1940 года методы силового давления начинают преобладать в тактике СССР. Международные правовые нормы отодвигаются стратегическими приоритетами.

17 июня в прибалтийские государства вступают дополнительные контингенты соединений Красной Армии и Флота. Многими политиками и дипломатами расценивается этот шаг как антигерманский демарш, предпринятый с целью поставить заслон возможной немецкой экспансии в Прибалтике. Организованные левыми силами и просоветски настроенными элементами массовые акции по созданию в странах Прибалтики законодательных органов по советскому образцу привели к тому, что 14-15 июля в Латвии, Литве и Эстонии состоялись выборы. В них приняли участие широкие слои населения. Отнюдь не единодушно представительские органы власти провозглашают советскую власть и просят принять новые республики в состав СССР.

В августе вступление прибалтийских стран в Советский Союз законодательно оформляется, что вызывает негативную реакцию международного сообщества. Поскольку имеются основания считать данное действо аннексией, проявлением имперских амбиций коммунистического государства.

Между тем с установлением новой государственной границы в районе Балтийского моря, линия стратегического развертывания германских войск значительно удалилась от важнейших административно-промышленных центров Советского Союза. Если ранее сухопутная граница страны проходила к юго-западу от Ленинграда всего в 70 километрах, то теперь она отодвинулась на расстояние 670 километров. На юго-западе Сталин кардинально решил вопрос и с передачей земель некогда захваченных буржуазной Румынией. Эти земли отошли к румынам в начале 1918 года, то есть в первоначальный период установления советской власти. После обмена нотами между правительствами СССР и королевской Румынией Бессарабия и Северная Буковина были переданы Советскому Союзу. Гитлер оказал политическое давление на румын, заверив их, что в самом скором времени эти земли будут возвращены. 2 августа 1940 года сессией Верховного Совета СССР был принят закон об образовании Молдавской СССР, а также включены в состав Украины не только территории Северной Буковины, но и части земель Бессарабии, в

которых преобладало украинское население. Граница Советского государства была перенесена на запад еще на 200 километров. Сталин присовокупил к огромным пространствам еще свыше 50 тысяч квадратных километров территории с населением около 4 млн. человек.

Фактор падения Парижа

Не оказав Франции существенную помощь, Великобритания осталась одна в своем противоборстве с Германией. Более того, вчерашние союзники в одночасье становятся злейшими врагами.

Одной из статей германо-французского соглашения предусматривалось, что французский военно-морской флот должен быть сосредоточен во французских портах и разоружен под контролем Германии и Италии. Это вызывало особое беспокойство Англии. Присоединение французского флота к германскому и итальянскому, учитывая колоссальную угрозу со стороны Японии, вырисовывавшуюся на горизонте, грозило Англии смертельной опасностью и серьезно затрагивало безопасность Соединенных Штатов.

Английский премьер Черчилль принимает решение об осуществлении акции по сведению до минимума рисков, связанных с существованием французского флота как боевой единицы, что вызывает восторг Гитлера. Однако фюрер напрасно радовался морскому нападению англичан на французов, которым Черчилль наглядно продемонстрировал свою решимость сражаться. Уже 3 июля он принимает решение об осуществлении операции под кодовым названием «Катапульта» – по нейтрализации французского флота, находившегося в пределах досягаемости.

В назначенный день все находившиеся в английских гаванях Плимут и Портсмут французские военные корабли без особого труда были захвачены британцами. В портах Александрия, Дакар, а также во Французской Вест-Индии были произведены не менее эффективные действия по нейтрализации французских кораблей. Гораздо сложнее сложились дела на побережье Алжира.

Главная угроза исходила из небольшой военно-морской базы Мерс-эль-Кебир, западнее Орана. Там дислоцировались лучшие корабли французского флота «Дюнкерк» и «Страсбург», а также ряд других судов под командованием адмирала Жансуля.

К 2 июля английское правительство направило французскому морскому волку четыре альтернативных предложения. Жансуль не

оценил положение должным образом и начал стараться выиграть время. Мощная британская эскадра под командованием вице-адмирала Джеймса Сомервелла предъявила, в конечном счете, французам ультиматум, однако последние, очевидно, сомневались, что англичане от слов перейдут к делу.

3 июля в 5 часов 54 минуты Соммервелл, оттягивавший насколько возможно, развязку, отдал приказ с борта своего флагмана, линейного крейсера «Худ», открыть огонь. С расстояния в 10 миль – предел видимости – его линейные корабли выпустили 30 залпов из своих 15-дюймовых орудий. Снаряды весом в тонну каждый обрушились на французские корабли, вызвав страшные разрушения. «Дюнкерк», «Бретань», «Прованс», «Могадор», практически сразу были выведены из строя. Однако главная цель англичан – линейный корабль «Страсбург» – остался цел и невредим. Французы открыли ответный огонь, но он оказался малоэффективен. Самолеты, взлетавшие с английского авианосца «Арк Ройал», также начали ожесточенно бомбить французские корабли. Укрытые пеленой дыма, «Страсбург» и пять французских эсминцев на полной скорости вырвались из гавани, прошли сквозь неудачно расставленные английские мины и устремились в открытое море.

Как высказывались критики «Катапульты», с чисто военно-морской точки зрения операция не завершилась полным успехом. Сия акция привела французов в ярость, вызвала беспокойство в Англии и возмущение во многих странах мира. Особенно нелегко пришлось генералу Шарлю де Голлю, находившемуся в Англии и занимавшемуся набором добровольцев в армию Свободной Франции.

«Катапульта» оказала ощутимое воздействие на ход второй мировой войны. Чемберлен никогда не смог бы решиться отдать такой шаг, на который пошел Черчилль. Немцы в результате принятых им мер уже не могли в своих планах больше рассчитывать на французский флот.

В Мерс-эль-Кебире адмирал Жансуль похоронил более 1200 офицеров и матросов, из которых 210 погибло на его флагманском корабле. Отнюдь не случайно он предан глубокому забвению во Франции. Англия нанесла жестокий удар по своим лучшим вчерашним друзьям, и 5 июля правительство неоккупированной Франции официально порвало дипломатические отношения с Великобританией.

Наиболее важным последствием операции «Катапульта» было ее воздействие на Франклина Рузвельта и общественное мнение в США. Драматическое нападение на французский флот более всего убеди-

ло американского президента в решимости английского премьера и Великобритании продолжать войну.

Неизвестно доподлинно о реакции Сталина на морское нападение англичан у Орана на вчерашних союзников, однако нетрудно предположить, что оно не преисполнило русского лидера чувствами доверия к Британской империи.

К тому же, предвосхищая скорый разгром Франции, еще в середине мая месяца англичане делают разворот в сторону России. Английский посол в Советском Союзе Сидс в конце 1939 года был отозван на родину и в посольстве распоряжался де Ружетель, известный своей крайней неприязнью к любым формам социализма, имевшим хоть малейший оттенок красноватости. Дипломатические отношения двух стран были практически временно заморожены. Но в феврале месяце английский политический деятель Криппс по собственной инициативе совершил неофициальный вояж в Москву и встретился с рядом высокопоставленных лиц, включая Молотова. Эти встречи укрепили его уверенность в том, что Советский Союз действительно желает улучшения отношений с Великобританией, и что альянс с Германией был заключен скорее из соображений выгоды, нежели по убеждениям. Воодушевленные докладом Криппса, Черчилль и Галифакс предложили, чтобы он вновь отправился в Москву уже с официальной миссией для достижения всеобъемлющих экономических и политических договоренностей, однако коллеги по кабинету не разделяли их энтузиазма. Личные дипломатические усилия Криппса не произвели никакого впечатления на британское министерство иностранных дел.

Угроза немецкого вторжения вынуждает Форин офис изменить точку зрения. В первых числах июня обе стороны окончательно согласовали статус нового дипломатического посланца Англии. Им становится Криппс, он прибывает в Москву спустя две недели. Вскоре английский кабинет принимает решение о том, чтобы Криппс добивался встречи со Сталиным для передачи послания Черчилля.

Новый посол встречается со Сталиным 1 июля и передает депешу с целью официального зондажа взглядов и намерений советского правительства в свете внезапного нарушения европейского равновесия. Письмо, составленное в изысканных выражениях, содержало гамму чувств, обуревавших английского премьера признававшего и вину Англии за создавшееся ныне положение, и тем самым как бы извинявшегося за недальновидную политику своего предше-

ственника. Посредством Криппса, известного сторонника нормализации англо-советских отношений, Черчилль выражал надежду обсуждения с Советским Союзом любой из огромных проблем, возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения. Пожалуй, английский премьер не слишком тонко намекал здесь Сталину, что и Россию может постигнуть участь Франции.

Сталин, разумеется, понял намек, но никак не отреагировал. Он был уверен во все возрастающей мощи своей державы. Черчилль, очевидно, думал Сталин, теперь, когда беда нагрянула, протягивает руку с просьбой о помощи. Где же он был, когда Сталин неоднократно и недвусмысленно пытался организовать действенный заслон германской агрессии, и все его усилия оказывались напрасными.

Сталин ответил Черчиллю в самых общих чертах, не совсем искренне отрицая наличие угрозы германской гегемонии в Европе. Он заявил о незаинтересованности в восстановлении прежнего равновесия сил в Европе. Вероятнее всего, кремлевский лидер не хотел раньше времени раздражать Германию. Через несколько дней после разговора Сталина с Криппсом, Молотов передал детальное их резюме фон Шуленбургу. Советский меморандум ясно свидетельствовал о том, что Сталин отверг советско-британское сотрудничество, как направленного против Германии, и сохранил свою верность нацистско-большевистскому пакту. Особый интерес представляет ссылка в документе на недвусмысленно выраженное мнение Сталина о заинтересованности СССР в делах Балканского региона.

С июня 1940 года Советский Союз устанавливает дипломатические отношения с Югославией по инициативе последней. Правительство в Белграде по-прежнему смотрело на Советский Союз как на коммунистический режим, враждебный Югославии по своей сути. Но решилось на такой шаг перед лицом быстро нараставшей германо-итальянской угрозы, надеясь, что это поможет в известной степени избежать фашистского вторжения. Сближение носило половинчатый характер. Советская сторона, стремясь воспрепятствовать подчинению Балкан державами «оси» и установить свое влияние в регионе, тем не менее, делала это недостаточно решительно и последовательно. Вообще политические и дипломатические акции того периода СССР не отличались особой изысканностью. Советский Союз преследовал только лишь свои национальные интересы.

Единственное, чего реально опасался Сталин и его ближайшие

сотрудники, так это опасности в одиночестве бороться советской державе против коалиции всех империалистических государств.

Сталина, безусловно, весьма обеспокоило молниеносное падение Франции и занятие Германией стратегически важной позиции в Скандинавии. Его надежды на то, что идущая на западе война затянется надолго, истощая силы обеих сторон, внезапно рухнули. Ошеломляющие успехи Гитлера заставляют постоянно пересматривать вопросы обеспечения безопасности ССР и позицию Кремля в меняющейся системе международных отношений. Помимо территориального усиления Сталин не оставляет поиск союзников политическими и дипломатическими средствами.

С лета 1940 года в сознании советского руководства намечаются подвижки в отношении к польской нации и гипотетической возможности установления контакта с польским правительством в Лондоне и формирования в дальнейшем польской армии.

В результате сентябрьского наступления 1939 года несколько сот тысяч польских воинов оказались в советском плену. Большая их часть, особенно украинской и белорусской национальностей, сразу отпускается по домам. Свыше сорока тысяч человек, мобилизованных с территорий, которые оказались в зоне оккупации Германии, передаются немецким. Взамен немцы передают СССР около 14 тысяч бывших польских граждан. В начале 1940 года в лагерях и тюрьмах НКВД остаются преимущественно польские офицеры, чиновники, жандармы, полицаи и другие лица, по мнению энкавэдешников, настроенных и ведущих себя яро антисоветски, а также категорически отказывающихся работать.

К весне у Берии и его ближайших сотрудников вызревает идея физического уничтожения классовых врагов. Решением от 5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) поддерживает инициативу НКВД. Однако, как явствует из текста документа, высший партийный орган отнюдь не санкционировал немедленную и огульную расправу над польской элитой. НКВД предлагалось провести акцию хотя и без вызова арестованных и без предъявления обвиняемым постановления об окончании следствия и обвинительного заключения, но в обязательном порядке по справочным материалам из соответствующих инстанций комиссариата. Рассмотрение дел и вынесение окончательного решения возлагалось «на тройку» в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Некоторую часть наиболее враждебно настроенных к русским

знатных поляков, видимо, успели расстрелять, что и послужило впоследствии поводом для утверждения о массовой ликвидации офицеров и функционеров других государственных служб восточной части Польши в лесах Катыни.

Воспоминания Ежи Климковского, кадрового польского офицера, а также автобиографическое произведение Густава Герлинга-Грудзинского «Мир иной», также подвергшихся прессингу НКВД, вносят изрядную лепту сомнения в подобный тезис.

Последний признается, что «не вел себя на следствии образцово», соответственно строкам «из катехизиса польского мученичества». То есть он «отвечал на вопросы коротко и прямо», не строил себя героя и не слишком стремился дискутировать со следователем, что, несомненно, зачлось поляку. Герлинг-Грудзинский получил всего пять лет заключения в лагерях ГУЛАГа, побывал в них, выжил, а затем принимал участие в боевых действиях на Западном фронте в составе армии Владислава Андерса.

О том, что Париж пал, Герлинг-Грудзинский и его товарищи по несчастью – военные, узнали в камере Витебской тюрьмы. Для них «падение Парижа означало гибель последней надежды, поражение более окончательное, чем капитуляция Варшавы». Ночь неволи, казалось, беспросветной темной мглой нависла над Европой…..

Климковский, принимавший участие в боевых действиях с первого дня войны, 4 октября 39 года со своими людьми добрался до Львова. Помимо войск вермахта, свидетельствовал он, приходилось весьма опасаться местного украинского населения и только присутствию Красной Армии они «обязаны тем, что в это время не дошло до крупных погромов или массовой резни поляков».

Жизнь во Львове, почти не поврежденном от войны, в то время бурлила. Город был переполнен людьми: польскими военными и советскими войсками. Спустя 17 дней инициативный Климковский, установивший во Львове контакт с группой генералов и офицеров разгромленной польской армии, отправился в качестве курьера во Францию, к новому главе польского правительства в изгнании генералу Владиславу Сикорскому. Он пробыл там более полугода и уже как доверенное лицо Сикорского 8 июня 40 года покинул Париж и отправился окольными путями обратно во Львов. Дабы почти сразу по причине предательских действий своих соплеменников попасть в лапы НКВД. Сикорский, инструктируя Климковского, категорически возражал против каких-либо вооруженных выступлений, направ-

ленных против СССР. Уже тогда он подчеркивал многократно, что Англия практически списала Францию и очень серьезно надеется на «возможность вовлечения СССР в войну против Германии и на этом строит свои будущие военные расчеты». Когда данное действо произойдет, русские станут союзниками поляков, успешно вдалбливал Сикорский Климковскому, и что в противном случае не может быть и речи о победе и возрождении Польши. Но единомышленников среди польских военных и политиков у них явно недоставало.

Разворот Гитлера на Восток

Триумф над Францией принес Гитлеру громадную популярность в Германии. Успехи на фронте развеяли всякие опасения руководства армии по поводу военной политики фюрера и гарантировали ему неограниченную власть в делах военных и политических. Высший генералитет «тысячелетнего рейха» с упоением внимает Гитлеру. Последний раздувается от гордости: все его расчеты оказывались верными.

Сталин оставался верен своим обязательствам нейтралитета. Франция и Англия не оказали эффективного противодействия Германии, которая оказалась властелином Европы.

Фюрера не смущает упорное нежелание британцев склониться перед его волей. Убежденность Гитлера в том, что Англия запросит мира, постепенно меркнет. Его последний публичный призыв к «благоразумию» Лондона 19 июля 1940 года был скорее попыткой разделить ответственность за дальнейшие военные действия, нежели мирным предложением. Гитлер намеревался получить поддержку немецкого народа для продолжения войны. Спустя два дня британский министр иностранных дел лорд Галифакс заявил, что призыв фюрера отклоняется. Тем самым, дипломатическое и политическое урегулирование конфликта категорически исключалось.

Вторжение на остров (операция «Морской лев») казалась Гитлеру единственным эффективным путем обеспечения быстрого окончания войны с Великобританией. В то же время он полностью отдавал себе отчет в том, какую опасность представляет собой пересечение Дуврского пролива, именуемого также Английским каналом. Время года являлось весьма важным фактором для проведения эффективной военно-десантной операции, поскольку погода в Северном море и проливе Ла-Манш начинает портиться с 3 декады сентября. Другим важнейшим условием успеха вторжения на остров

было абсолютное господство в воздухе. Вследствие этого, развернулись ожесточенные воздушные бои между люфтваффе и английскими военно-воздушными силами, получившими название «Битва за Англию». Британцы воюют один на один с этнически родственным им германским племенем.

США ранее, правда, несколько помогли Англии, продав вооружение, хоть и устарелое, на сумму в 37 миллионов долларов. В августе месяце они решились передать англичанам 50 старых, но реконструированных эсминцев и другой военной техники, в обмен на 8 британских баз в Восточном полушарии. Этот шаг явился одним из первых в длинной цепи событий, приближавших США к войне.

Параллельно с замыслами в отношении британцев, в конце июля 1940 года у Гитлера вызревает решение, с большим энтузиазмом принятое его главными военными советниками. В Оберзальцберге он сообщает генералам о своем решении «окончательно» покончить с «еврейским большевизмом» весной 1941 года.

Вне всякого сомнения, все предшествовавшие военные кампании были лишь прелюдией для осуществления Гитлером главного замысла его жизни – уничтожения державной мощи России. Он не сомневается более никогда в абсолютном приоритете осуществления плана вторжения в СССР и, будучи уверен в своих силах, совершает роковой для Германии разворот на Восток.

Согласно выкладок Гитлера, США до 1942 года не смогут подготовиться к вступлению в войну. Англия покамест, главным образом, рассчитывает на Россию, если последняя будет разбита, то будет спета песенка и англосаксов. Следовательно, уже в конце июля Гитлер был готов отказаться от операции «Морской лев» – высадки десанта в Англию. К тому же программа создания мощного флота в Германии срывалась, британцы продолжали доминировать на морских просторах.

Безропотное удовлетворение Румынией территориальных притязаний СССР побуждает Венгрию потребовать у Бухареста Трансильванию. В разгорающемся румыно-венгерском конфликте арбитрами становятся Германия и Италия. Абсолютно проигнорировав Россию, державы «оси» в Вене в конце августа 1940 года ампутируют Румынию в пользу Венгрии, а также Болгарии. Нацистская Германия оказывается в чистом выигрыше от данного действа, сумев довольно ловко и прочно привязать к себе эти страны. Беззастенчиво используя румыно-венгерские противоречия для укрепле-

ния своего господства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Гитлер, делая многообещающие посулы отдельно правительствам Румынии и Венгрии на возможность приращения территорий, стремится превратить их в союзников по антисоветской войне.

Германия постепенно все больше восстанавливает свои позиции на Востоке. С третьей декады сентября возобновляется военный транзит из оккупированной Норвегии в Германию через Финляндию и обратно. Он явился абсолютной неожиданностью для всего мира и, особенно, для русских. Москва, тем не менее, еще не рассматривает Хельсинки полностью зависимыми от Берлина. 27 сентября 1940 года в Берлине состоялось подписание договора о германо-итало-японском военном союзе, который получил название Пакт трех держав (Тройственный пакт). Подписав сей документ, германское правительство сознательно поставило советское перед свершившимся фактом.

Вскоре возникает еще один повод для недовольства Сталина Гитлером. В середине октября начался ввод немецких войск в Румынию. Попытка поверенного в делах Германии в Москве Н. Типпельскирха убедить Молотова в том, что армейский контингент предназначен для отражения английских войск, не увенчалась успехом.

Опасаясь сближения СССР с Англией, в Берлине пытаются отчасти задобрить Сталина и настойчиво зазывают Молотова на переговоры для согласования долгосрочных политических целей.

С огромным внутренним неудовольствием воспринимают в Кремле Тройственный пакт и поползновения немцев на Балканах. В то же время очередная инициатива Криппса не находит у Сталина поддержки. Английский посол предлагает заключить формальное соглашение между двумя государствами. Однако согласно сущности этого предложения, отношения между Англией и СССР становились чуть ли не союзническими, чего последняя не могла себе позволить в тот период времени.

Сообразно германским визитам, в ноябре 1940 года советская представительная делегация во главе с Молотовым отправляется в Берлин. Визит происходил в исключительно помпезной обстановке. Немцы явно преследовали цель ошеломить «союзников» своей мощью, показом, в том числе, и новейших образцов вооружения. В то же время, приглашая русских на переговоры в Берлин, Гитлер замышлял крупное мероприятие по дезинформации будущего главного противника с целью притупления его бдительности. В некоторой степени это удалось нацистским руководителям.

Молотов вел переговоры в столице «тысячелетнего рейха» 12-13 ноября с Гитлером и Риббентропом под периодический аккомпанемент бомбардировок британских военно-воздушных сил. Главным пунктом немецкой программы стало предложение, сделанное самим фюрером, о присоединении СССР к Тройственному пакту. Оно сопровождалось широкомасштабными предложениями раздела сфер влияния и сулило заманчивый блеск новых территориальных приобретений.

Гитлер вдохновенно лгал, заверяя Молотова, что германо-русские интересы при этом не пересекутся. Ему подыгрывал Риббентроп. Проект соглашения четырех держав, который он зачитывал Молотову, должен был создать у того впечатление, что налицо серьезный и реальный замысел, а не политический блеф. Фюрер и его министр иностранных дел настойчиво предлагают Советам присоединиться к Пакту трех держав и подписаться под особым соглашением, согласно которого СССР брал обязательство приступить к расширению своей «сферы интересов» в южном направлении, в сторону Индийского океана. Далее, добиваться вместе с Германией и Италией присоединения Турции к Пакту, а также пересмотра Конвенции Монтре о черноморских проливах.

Нацистским главарям практически не удалось заморочить голову Молотову своими фантастическими прожектами. В то же время они уклонились от ответа на вопрос о том, что германские гарантии Румынии направлены против СССР, а настоятельное пожелание вывести германское военное присутствие из Финляндии вообще было отклонено. Естественно, трезвомыслящее советское руководство расценило немецкие предложения как неприемлемые. Оно стремилось воспрепятствовать Германии «прибрать к рукам Турцию», предпочитало решить вопрос о режиме в проливах без посредников и посчитало «неуместными» советы Германии приступить к расширению сферы влияния СССР «в сторону Персидского залива и Индии».

После возвращения Молотова в Кремле было принято решение дать понять Берлину, что в принципе СССР не против участия в дальнейших переговорах. 25 ноября Молотов озвучил фон Шуленбургу контрпредложения Сталина относительно «проекта Пакта четырех держав», с учетом советских интересов. Ответа на них из Берлина не последовало, так как фантазия у нацистских лидеров иссякла.

Итоги визита Молотова в Берлин не сняли для Сталина главный вопрос: опасности быть вовлеченным в войну на два фронта: против Германии – на Западе и против Японии – на Востоке. Весьма

важным обстоятельством являлся также ответ на вопрос, когда Германия решится на нападение на СССР: до или после завершения борьбы против Англии. Одновременно Сталин по-прежнему опасается, что Британия и Германия в любой момент договорятся и объединят свои усилия против Советского Союза.

На американском континенте Рузвельт остается президентом на очередных выборах и инициирует принятие закона об оказании помощи Англии на основе принципа аренды или передачи взаймы оружия и стратегических материалов, получившего впоследствии название закона о «ленд-лизе».

Меж тем, в бесчисленных сражениях в воздухе немцам никак не удается одержать безоговорочной победы над британцами. Гитлеру не удается полностью завоевать воздушное пространство над Англией и поставить англичан на колени. Становится ясно, что остров может держаться долго и фюрер окончательно поворачивается на восток, но в целях дезинформации повсеместно внушается обратное. В третьей декаде ноября Венгрия, Румыния и Словакия дружно присоединяются к пакту трех держав.

А менее чем месяц спустя, 18 декабря Гитлер утверждает знаменитую директиву №21 (план «Барбаросса») с основной стратегической целью – сокрушения Советской России в ходе стремительной военной операции, **еще до окончания войны против Англии** (*выделено мной – М.А.*).

Никто из нацистской верхушки и генералитета не сомневается в успехе этой крупнейшей военной кампании в мировой истории. Год назад ситуация была совсем другой. В то время в центре внимания стояло нападение на Францию. Ее начало откладывалось не менее 29 раз. Возник кризис доверия между Гитлером и верховным командованием, которое подумывало о перевороте. Никто из генералов не верил, что Париж можно взять за полтора месяца. Кроме прочих, возникал вопрос, не воспользуется ли Сталин возможностью атаковать немцев с востока, когда они будут вести военные действия на западе. Гитлер был уверен в том, что русские не нападут и лет через сто, о чем сказал партийным руководителям.

СССР рассматривался уже тогда скорее не как серьезная угроза, а как соблазнительная добыча, но аппетит некоторое время следовало попридержать. После низвержения Франции считалось, что военные действия против Сталина будут проходить в манере «учебных занятий в ящике с песком» и что вообще, при имеющихся средствах,

эта война будет еще короче и разрушительнее, чем война против западных союзников.

Если обоюдные политические инициативы после визита Молотова в Берлин постепенно все гаснут, то экономические получают новый импульс. Парадоксальное сотрудничество, проявляющееся в обмене товаров между двумя странами, продолжается. Парадокс ситуации заключался в том, что, в конечном счете, обе стороны оснащали друг друга для борьбы друг против друга.

Немцы ужаснулись в конце ноября, узнав, что в обмен на свое сырье Советский Союз хотел получить вооружение и современные машины на гигантскую сумму в 1,5 миллиарда марок. Срок действия Хозяйственного соглашения с Москвой истекал в январе 1941 года. Вследствие обоюдных уступок, новая сделка, в конечном счете, была заключена 11 февраля 1941 года.

Трудно понять, почему Гитлер согласился снабжать Советский Союз самой последней военной технологией, зная, что нападет в обозримом будущем на эту страну. Очевидно, фюрер не допускал и мысли о том, что славяне, которых он считал «недочеловеками», сумеют воспользоваться технологическим преимуществом.

Между тем, к примеру, закупки новых немецких истребителей помогли русским летчикам досконально изучить их достоинства и недостатки, а конструкторам позволили усовершенствовать собственные творения. Стремясь убедить русских, что он не планирует нападать на Советский Союз, Гитлер всякий раз отдавал распоряжения, дабы советским военным делегациям показывали все без исключения военные заводы рейха, ничего не скрывая. Параллельно хитрец стремился запугать будущих оппонентов воображаемой сверхмощью своей державы. Между тем, результаты осмотров удивляли немецкую сторону возникновением разного рода недоразумений. Советские представители упорно отказывались верить, что им показывают все самое лучшее и наисовременнейшее вооружение. Они выражали протест, считали, что приказ фюрера не выполняется, вследствие чего их обманывают. Лишь несколько позже самонадеянные тевтонцы поняли суть дела: русские уже пустили на поток качественно более высокие образцы своего оружия.

Для предельной уверенности в конечном успехе завоевания Гитлера, экономическая сторона была второстепенным фактором. Сталин придавал хозяйственному аспекту германо-российских отношений гораздо большее значение. В торговле он видел основу для со-

трудничества, главной целью которого было задержать агрессию Германии, а возможно и вообще предотвратить ее. В действиях Сталина прослеживается следующая логика: какой смысл воевать, когда можно получить недостающие товары на взаимовыгодной основе.

Последние месяцы

К началу сороковых годов Сталин как будто превратил СССР в мировую державу и заставил весь мир внимать каждому его слову и жесту. Очень скоро могущество кавказца и ведомой им России подвергнется тяжелейшим испытаниям. Но, как никакой другой лидер планеты, Сталин готовится к грядущему военному конфликту, одновременно пытаясь все же избежать его.

По существу, Советский Союз вступил во Вторую мировую войну одновременно с Германией и Польшей. 1 сентября 1939 года внеочередная сессия Верховного Совета приняла обновленный закон «О всеобщей воинской обязанности», определявший порядок призыва и мобилизации граждан Советского Союза. В тот же день было принято решение о доведении РККА до 173 дивизий, одним махом увеличившее армию на 76 стрелковых дивизий. Этим законом в стране также окончательно закреплялся переход армии и флота на кадровый принцип. Численность Вооруженных Сил страны с того времени по 21 июня 1941 года возросла более чем в 2,8 раза.

В марте 1940 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором состоялось всестороннее обсуждение итогов и уроков войны с Финляндией. Спустя некоторое время этот же вопрос был вынесен на рассмотрение расширенного заседания Главного военного совета. Он проходил в Кремле в течение трех дней – с 14 по 17 апреля 1940 года. Участники заседания, в котором принял активное участие сам Сталин, подвергли тщательному анализу опыт боев с финнами и операций вермахта в Польше. Обсуждение прошло достаточно откровенно и самокритично. Во главу угла был поставлен вопрос о значительном повышении боеспособности армии и флота в кратчайшие сроки.

В результате намеченных мероприятий началась ускоренная реорганизация всех видов вооруженных сил и родов войск. Серьезные меры были приняты для укрепления единоначалия, порядка и дисциплины в войсках. Были предприняты Сталиным и организационные выводы. С 8 мая 1940 года с поста наркома обороны был снят Ворошилов. На эту должность назначили С.К. Тимошенко, отли-

чившегося в финской кампании. Несколько позже начальником Генштаба назначили генерала Мерецкова, также отличившегося в войне против финнов.

Неустанно ведется многообразнейшая работа по совершенствованию обороноспособности страны. Период «с 1939 до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали советской стране блестящую армию и подготовили ее к обороне», со знанием дела говорит в своих мемуарах Жуков. Очевидно, он имел в виду в первую очередь сухопутные войска.

Но флот также готовился встретить противника согласованными ударами подводных и надводных кораблей, авиации и мощными орудиями береговой артиллерии. К 1941 году военно-морские силы имели около 600 боевых кораблей, включая подводные лодки. Строился также так называемый большой флот – наиболее крупные корабли.

Развитие тяжелой индустрии в предвоенные годы, по замыслам Сталина и его ближайшего окружения, изначально предполагало вероятность ведения страной тяжелой войны с внешним врагом. Поэтому к началу агрессии Советский Союз располагал ключевыми отраслями промышленности, обеспечивавшими высокую производительность, большими сырьевыми, топливными и энергетическими ресурсами.

К июню 1941 года была создана по существу новая танковая промышленность и коренным образом перестроена авиационная промышленность. К примеру, в 1924 году в России был создан первый грузовой автомобиль, а через пятнадцать лет в Советском государстве были образованы бронетанковые войска, которые численно превосходили танковые армии многих стран мира.

Были заложены прочные основы для качественного обновления артиллерии и стрелкового вооружения, достигнут перелом в производстве боеприпасов. Советский Военно-Морской Флот в значительном количестве пополнился современными боевыми кораблями. В войска во все возрастающем количестве поступали лучшие в мире танки того времени: тяжелый – КВ-1 и средний – Т-34. Сибирские заводы освоили серийное производство новейших истребителей Як-1, МиГ-1, и ЛаГГ-3, а также бомбардировщиков СБ, ДБ-3 и Пе-2. На вооружение авиационных частей начал поступать бронированный штурмовик Ил-2, по прозвищу «летающий танк». Началось производство не имеющей аналогов артиллерийской реактивной установки БМ-9(13), получившей ласко-

вое название «Катюша» и наводившей ужас на солдат противника.

С января 1939 года по январь 1941 года государственные резервы и мобилизационные запасы увеличились многократно. Лишь по цветным металлам они были явно недостаточными. Усиленно проводилась боевая и политическая подготовка личного состава армии, а также оборонно-массовая работа среди населения.

Мероприятия по организации более эффективной обороны страны постоянно видоизменялись, не всегда в лучшую сторону. Они включали в себя преимущественно два больших комплекса: планы прикрытия государственной границы, то есть оперативного развертывания больших масс войск на стратегически выгодных позициях и планы производства вооружений всех видов. В первом эшелоне армий прикрытия предполагалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Во вторые эшелоны армий прикрытия выделялись 51 дивизия (большинство из них танковые и моторизованные). 45 дивизий резерва командующих округами должны были занимать оборону в **оперативной глубине на удалении 100-150 километров от границы** (*выделено мной – М.А.*) с задачей задержать противника, если он сможет прорваться. Кроме того на территории округов находились 11 дивизий, подчиненных непосредственно Наркомату обороны. Всего, таким образом, в приграничных округах предполагалось иметь 170 дивизий.

На деле получилось несколько иначе, чем планировалось, благодаря Сталину, и это обстоятельство впоследствии сказалось в лучшую сторону. Приграничные округа получали фронты большой протяженности, на которых практически невозможно было создать везде одинаково прочную оборону и длительное время сдерживать крупные силы противника. Для них были разработаны специальные планы приведения в боевую готовность и выдвижения соединений из районов постоянной дислокации на рубежи развертывания, на Военно-Морском Флоте была отработана целая система последовательного и оперативного перехода готовностей к бою, приводимая в действие по кодированным сигналам.

В обеспечении прикрытия границы важная роль отводилась укрепленным районам (УРам), расположенным на территории приграничных округов.

Советский лидер прилагал огромные личные усилия для всемерного повышения обороноспособности страны. Особенно большое внимание вождь уделял авиации, стремясь посредством личных контактов с конструкторами, авиастроителями, летчиками достигнуть

наиболее оптимальных вариантов выпуска боевых летательных аппаратов. С несколько меньшей интенсивностью Сталин встречается с другими людьми, ответственными за состояние дел в других родах войск.

Очевидно, что после советско-финской кампании у Сталина появились глубокие сомнения в боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота. Он стал еще больше внимания уделять войскам и их перевооружению современными средствами ведения боев. Ибо на войне все может стать возможным, поэтому к ней необходимо относиться самым серьезнейшим образом.

Планом скоротечной военной кампании – «Барбаросса» предусматривался молниеносный разгром советских вооруженных сил в течение непродолжительного периода времени. Главными стратегическими объектами плана «Барбаросса» признавались города Ленинград, Москва, Киев, наиболее развитые центральные районы европейской части страны и Украина. Особое место в плане «Барбаросса» отводилось Москве.

«Конечной целью операции, - говорилось в директиве № 21, - является создание защитного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости, последний индустриальный район, оставшийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

Нападение на СССР намечалось осуществить 15 мая 1941 года. Всего немцами предполагалось использовать, с учетом войск сателлитов Германии, помимо морского флота и ВВС, 190 сухопутных дивизий разных родов войск. Колоссальной военной мощи машина должна была обрушиться на Россию.

3 февраля 1941 года на совещании в Бертхтесгадене Гитлер в присутствии Кейтеля и Иодля заслушал подробный доклад фон Браухича и Франца Гальдера о плане войны против СССР. Фюрер одобрил доклад и заверил генералов, что план будет успешно выполнен. Там же Гитлер дал указание Кейтелю срочно издать специальную директиву по всеобъемлющей дезинформации противника. В результате его политических усилий к нападению на Россию подключались Румыния, Финляндия, Венгрия и некоторые другие страны Европы. В то же время Гитлеру не удалось искоренить противоречия между основными партнерами Тройственного пакта, точнее, он и не пытался это сделать. Практически военный союз между ними не со-

стоялся, каждый думал прежде всего об осуществлении собственных внешнеполитических целей.

Международная обстановка, складывающаяся в первой половине 1941 года, говорила о неотвратимости нападения Германии на СССР. После захвата Норвегии немцами Скандинавский полуостров стал стратегическим плацдармом, содержавшим прямую угрозу не только островам Британии, но и северу страны Советов. В результате поражения Франции прочность позиций Англии в районе Средиземноморья, на Ближнем Востоке и Африке были поколеблены. Однако итальянцы в одиночку терпели поражения в Африке, также как и зимой в Греции. Обеспокоенные первым обстоятельством немцы начали активно поддерживать итальянцев в Африке. В конце марта и первой половине апреля итало-немецкие войска провели наступательную операцию в Северной Африке. Для английского командования оно оказалось неожиданным. В течение пятнадцати дней их основные части отошли из Ливии на египетскую границу, оставив в Тобруке блокированный итало-немецкими войсками гарнизон численностью до полутора дивизий. Спасло тогда Англию от потери Египта и Суэцкого канала нежелание Гитлера посылать подкрепления в Африку ввиду близости кампании с Советами.

Военный пожар охватывает все больше стран. В апреле совместно с Италией Германия оккупирует Югославию и Грецию. Прибытие из Египта к концу марта английского экспедиционного корпуса не спасло Элладу, а подписание накануне в Москве югославо-советского договора не остановило немцев. Гитлер уже явно не считался с Сталиным как с партнером, преследуя на Балканах только свои интересы, целенаправленно стремясь воплотить в жизнь «Барбароссу».

Сталин в условиях возрастающей опасности военной агрессии предпринимает адекватные меры исключительно оборонительного характера. С 23 по 31 декабря 1940 года в Москве состоялось совещание Главного Военного совета страны. В его работе приняли участие высшие военачальники Красной Армии всех направлений (родов войск), ученые и теоретики. На совещании все время присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б). Открывал и закрывал представительнейший форум, на котором было очень много выступавших, нарком обороны Тимошенко.

Сразу после встречи нового года состоялись две большие оперативно-стратегические военные игры. Первая из них состоялась со 2 по 6 января и завершилась разбором итогов. Следующая военная игра

проходила с 8 по 11 января. На общем обсуждении итогов игр присутствовал Сталин. В ходе выступлений генералитета, принявших характер острой полемики, он принимал самое активное участие.

Вслед за завершением «разбора полетов» Сталин пригласил к себе генерала Жукова, командующего Киевским особым военным округом, и сообщил, что Политбюро ЦК решило назначить его начальником Генштаба, освободив от этой должности Мерецкова. С 1 февраля 1941 года Жуков приступил к исполнению обязанностей начальника Генерального Штаба, мозга любой армии любого государства.

В феврале 1941 года был утвержден последний вариант мобилизационного плана вооруженных сил (организационно-материальные вопросы), получивший название МП-41. Его передали в округа с указанием внести коррективы не позднее 1 мая. В марте месяце Генштаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны.

В конце марта Тимошенко и Жуков добились призыва 800 тысяч приписного состава запаса для доукомплектования стрелковых дивизий, а также специалистами укрепрайонов и остальных родов войск.

По мере масштабов увеличения военной угрозы Сталин поступает соответствующим образом. Еще в начале 1941 года наркомат авиационной промышленности обязывается ежедневно письменно отчитываться перед ЦК и Совнаркомом о выпуске самолетов и моторах к ним, как ранее об испытаниях боевых летательных аппаратов. Приблизительно тогда же вождь поставил задачу перед наркоматом о выпуске новейших боевых самолетов к июню 1941 года до 50 единиц в сутки. Наркомат обязательство выполнил, а впоследствии и перевыполнил, но в ущерб качеству.

В феврале Сталин лично присутствовал на большом совещании летчиков, авиастроителей, конструкторов и руководства страны, посвященном проблемам освоения новых самолетов. Выступления были самые разные, в том числе и глубоко пессимистические, вследствие большой аварийности при полетах. Некоторые ораторы акцентировали внимание преимущественно на недостатках новых летных машин. Вождь не перебивал и не делал попыток поправить выступавших. Как обычно, он ходил за столом президиума с трубкой в руках. Казалось, что главное для него – дать указания, о мнениях летчиков Сталин был уже наслышан. Когда все наиболее заинтересованные лица высказались, он взял слово. Генсек акцентировал внимание летчиков на важности вопроса быстрого освоения новой тех-

ники, овладения новым оружием. Затем Сталин подробно остановился на основных типах боевых самолетов военно-воздушных сил Германии, Англии, Франции и США. Он говорил об их скоростях, вооружении, боевой нагрузке, скороподъемности, высотах. Все это излагалось на память, без пользования никакими записями, что чрезвычайно удивило присутствовавших на совещании специалистов и летчиков. Единственный путь одолеть противника, завершил Сталин, заключается в необходимости в совершенстве овладеть новыми самолетами, использовать в бою их преимущества перед старыми машинами в скорости и вооружении.

«Совещание как бы повернуло, - засвидетельствовал нарком авиации А.И. Шахурин, - весь командный состав, всех летчиков лицом к новой технике».

Одновременно, помимо решимости и целенаправленности действий во всемерному укреплению обороноспособности государства Сталин не упускает малейшей возможности политическими средствами исключить или, по крайней мере, существенно уменьшить риск от агрессии.

13 апреля 1941 года ему удалась исключительно важная внешнеполитическая акция – заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией, теоретически резко понижавшего вероятность войны для Советского Союза на два фронта.

После выполнения японским министром иностранных дел И. Мацуокой своей миссии, Сталин совершил беспрецедентный поступок, на который обратил внимание весь мир. Он приехал проводить японского министра на перрон. Поезд был задержан на час. Сталин с Молотовым хорошо попотчевали гостя на вокзале и чуть ли не на руках занесли его в вагон.

Однако Вождь не ограничился подобной демонстрацией дружелюбия. Он велел разыскать фон Шуленбурга и других немецких дипломатов, в частности, военного атташе полковника Ганса Кребса среди многочисленной публики и также поприветствовал их самым недвусмысленным образом.

Подписание советско-японского пакта позволяло русским высвободить часть вооруженных сил, задействованных на Дальнем Востоке. А они были весьма значительны. Только самолетный парк Дальневосточного фронта насчитывал 1737 единиц. Кроме того, там были дислоцированы мощные летательные аппараты 5-го корпуса Дальнебомбардировочной авиации.

Японцы, подписав пакт, в сущности, не только брали обязательство воздержаться от нападения на Советский Союз. Они, в первую очередь, достигали этим собственной безопасности от возможности ударов советских войск. Получив серьезный урон в предыдущих конфликтах, японцы решили подождать итога германо-советского столкновения. К тому же милитаристская Япония продолжала агрессию в Китае. Чтобы ускорить капитуляцию Поднебесной империи, она осуществила высадку своих военно-десантных сил на северную часть Индокитая. Одновременно японские генералы планировали нанести военное поражение их основному конкуренту в азиатско-тихоокеанском регионе – США.

Последние с начала 1941 года переходят к более активной поддержке Великобритании и странам-противникам Германии. 11 марта 1941 года конгресс США принял закон о ленд-лизе – «О передаче взаймы или в аренду вооружения». Первыми странами-получателями помощи по американскому ленд-лизу стали Англия и Греция. В отношении СССР у США появились тенденции к нормализации отношений. Госдепартамент объявляет о снятии эмбарго, покамест «морального», на торговлю с СССР, введенного зимой 39-40 годов. Весной 1941 года начинаются японо-американские переговоры. Вашингтон оставлял открытым вопрос об агрессии Японии в северном направлении, одновременно не признавая ее претензий на лидерство в Азии. Правящие круги Токио все больше и больше склоняются к «южному» варианту агрессии.

Перед самым Рубиконом

Одним из важнейших условий идеи успешного осуществления плана «Барбаросса» являлась необходимость не обнаружения до самого последнего момента намерений вермахта наступать. По многим параметрам задуманное было осуществлено и это одна из причин первоначального успеха немцев, но далеко не самая существенная.

Ударные группировки германских войск лишь в самый канун 22 июня были переброшены непосредственно к советской границе и приготовились к вторжению. Получив заверения своих генералов о готовности атаковать, Гитлер отдал соответствующий приказ.

Между тем, к Сталину стекается огромное количество сведений из самых разных источников. Помимо правдивых сообщений в них содержалось и немало лживых, а также целенаправленная дезинфор-

мация. Как абсолютно достоверный факт преподносится информация о том, что немецкое наступление начнется 15 мая.

В начале апреля английский премьер отправил Сталину весьма короткое и двусмысленное послание, отнюдь не случайно отсрочившим довольно сильно его передачу послом Криппсом. Впоследствии Черчилль уверял, что сделал тогда попытку откровенно предупредить Сталина о скором нападении Германии на Россию. Однако советский лидер расценивает письмо как провокацию, целью которой является втягивание в войну с Германией. Основания у него для этого имеются веские. Британия не оказала ранее эффективной военной помощи ни Польше, ни Франции. Теперь, полагает Сталин, она пытается избежать вторжения на остров за счет СССР.

Впоследствии подозрения увеличиваются в связи с упорным молчанием Лондона по поводу миссии Рудольфа Гесса. Заместитель Гитлера по партии спустился на парашюте в Шотландии в ночь с 10 на 11 мая. Результаты визита Гесса остались неясными и давали Москве простор для разного рода толкований.

5 мая 1941 года Сталин выступает на приеме перед слушателями военных академий Красной Армии в честь их выпуска. Поздравив выпускников с окончанием, он подробно остановился на больших преобразованиях, которые произошли за последнее время в армии. В своей речи Сталин дал ясно понять присутствовавшим, что наиболее вероятным противником СССР в обозримом будущем является нацистская Германия. Дабы подбодрить присутствовавших, Вождь предложил тост «за наступление в войне» и «за победу в войне», превратно истолкованный своими ближайшими военными сотрудниками.

Спустя день последовало назначение Сталина председателем Совнаркома. Впервые за годы существования Советской власти высшее партийное и государственное руководство сосредотачивалось в одних руках.

Соответственно советским разведывательным данным немцы подтягивают к границам СССР войска, Сталин отвечает адекватными мерами. 13 мая Генеральный Штаб дал директиву внутренним округам начать выдвижение войск, численностью более 28 дивизий, на запад.

Однако Сталин категорически отвергает инициативы Жукова по вопросу о нанесении упреждающего удара немцам. Начальник Генштаба получает ответ на свою докладную записку, через личного секретаря Вождя А.И. Поскребышева: «Передай Жукову, чтобы не писал мне записки для прокурора».

Вариант упреждающих атакующих действий против немецкой армии совершенно исключался. Вождь категорически не соглашался на авантюрные и безответственные предложения своего генералитета. Неоднократно уточняются Сталиным совместно с наркомом и начальником Генштаба лишь оборонительные аспекты планов военных действий. Последние не без труда убеждают генсека придерживаться намеченного графика мобилизации войск.

Подошло 15 мая, однако наступления немецких войск не произошло, так как еще 30 апреля Гитлер объявил своим самым доверенным лицам о решении перенести начало операции «Барбаросса» на 22 июня.

Разногласия между Сталиным и руководством наркомата обороны и Генштаба РККА не снимаются. Кульминацией напряженных дебатов становится целый ряд заседаний Политбюро буквально накануне немецкого вторжения.

4 июня главный партийный орган принял в политических целях решение о срочном формировании в составе Красной Армии 238-й стрелковой дивизии из лиц польской национальности, а также владеющих польским языком. В связи с началом войны дивизия эта была укомплектована только в сентябре и уже не из поляков, а казахов и русскоязычного населения Казахстана.

Чем больше летнее солнце накаляло атмосферу, тем сильнее нарастало напряжение в высших военно-политических кругах России, мало заметное стороннему глазу.

Прибывшие в конце мая эшелоны с войсками принимались западными округами в кратчайшие сроки и дислоцировались в глубине их территорий.

13 июня, свидетельствует Жуков, Тимошенко в его присутствии позвонил Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

Согласия Вождь не дал, заявив, что необходимо подумать. Возможно, вследствие этого разговора на следующий день появилось небезызвестное сообщение ТАСС, дезориентировавшее рядовых сограждан, но не высокопоставленных военных и политиков.

Примерно в то же время Тимошенко и Жуков, как будто, докладывают Сталину о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность. Вождь акцентирует внимание военачальников на том обстоятельстве, что данная акция рав-

носильна объявлению войны Германии. Осведомившись о количестве дивизий в составе западных округов, он высказывает предположение, что этих сил, в крайнем случае, хватит обуздать агрессора.

Высшее политическое руководство страны и Сталин, в частности, находилось в состоянии гнетущей раздвоенности, не исключавшей опасения неблагоприятного развития событий. По причине своих характеров (сугубо штатских) оно обязано было скептически относиться к чрезмерному оптимизму красного генералитета. В силу занимаемых должностей самоуверенно-воинственных и агрессивно-милитаристских.

Страхи до некоторой степени были сняты после демонстрации достижений новых образцов вооружений, проведенных на подмосковном полигоне в воскресенье 15 июня 1941 года. На смотре присутствовали все высшие военно-политические руководители государства, а также главы отраслей военной промышленности.

Результаты маневренных действий техники с боевой стрельбой, особенно, залпов реактивных установок не могли не произвести на присутствовавших огромного впечатления...

Тем не менее, принимались все возможные меры, дабы избежать войны. Категорически запрещалось сбивать самолеты-нарушители воздушного пространства и предпринимать другие меры, могущие вызвать осложнения. СССР до самого последнего момента неукоснительно придерживался обязательств по выполнению экономического соглашения. Глубоко символично, что последний эшелон с советскими грузами пересек границу перед самым нацистским вторжением.

В последние предвоенные месяцы советское правительство безуспешно пыталось дипломатическими средствами затруднить нападение Германии на СССР. Еще 27 марта и 21 апреля давались ноты по причине нарушения советской границы самолетами.

14 июня 1941 года было опубликовано сообщение ТАСС о незыблемости германо-советских отношений. Это был дипломатичный пробный шар с целью выведать истинные намерения Гитлера. Ответом было гробовое молчание.

20 июня МИДу Германии через советского посла Деканозова в Берлине передали текст ноты о нарушениях советской границы немецкими самолетами. В ноте отмечалось, что германское правительство так и не удосужилось ответить на аналогичные ноты. А за два последних месяца, с 19 апреля по 19 июня, германские самолеты 180 раз вторгались в воздушное пространство СССР.

Весь день 21 июня фон Риббентроп и его заместители избегали встреч с Деканозовым. Лишь в 21 час 30 минут статс-секретарь МИД Германии Эрнст фон Вайцзеккер принял его, однако уклонился от обсуждения ноты. В Москве, также в 21 час 30 минут, Молотов пригласил к себе германского посла фон Шуленбурга и ознакомил его с содержанием упомянутой советской ноты.

Советский нарком иностранных дел прямо задал графу Шуленбургу несколько наиболее существенных вопросов: Какие претензии имеет Германия к Советскому Союзу? Чем объяснить усиленное распространение слухов о близкой войне? Каковы причины массового отъезда из Москвы сотрудников германского посольства и их жен?

Фон Шуленбург, находившийся в мучительном двойственном положении, мог ответствовать лишь характерным для него жестом – воздеванием рук к небу. В ночь с 21 на 22 июня (в 00 40 минут по Московскому времени) Деканозову в Берлин была передана по телефону шифротелеграмма о содержании беседы Молотова с фон Шуленбургом и дано указание немедленно встретиться с фон Риббентропом или его заместителем и задать те же вопросы. И эти последние усилия избежать войны оказались напрасными.

Пока советские дипломаты тщетно занимались письменными и устными ламентациями неумолимому агрессору, красные генералы совместно с политическим руководством пытались принять действенные меры противодействия военного характера.

Нарком флота Н.Г. Кузнецов получает разрешение перевести боевые суда на готовность № 2, то есть предвоенную. Нарком обороны Тимошенко получает санкцию издать приказ войскам, которым 19 июня ставится задача по маскировке аэродромов, парков, баз, складов, рассредоточению самолетов.

Выполняя директиву наркомата обороны от 12 июня 1941 года, приграничные округа начали подтягивать ряд дивизий и корпусов, расположенных в глубине, ближе к государственной границе.

Одесскому военному округу разрешалось «перевести управление 9-й армии на полевой командный пункт» в г. Тирасполь.

Командующий Киевским военным округом получил приказ в строжайшей тайне «создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тернополь». Двум другим западным военным округам вменялось в обязанность вывести управление войсками на «полевые командные пункты к 23 июня 1941 года».

Так постепенно план прикрытия государственной границы и раз-

вертывания войск для ведения боевых действий претворялся в реальность.

В субботу, в последний предвоенный вечер, политическое руководство Советского Союза безвылазно сидит в кабинете у Сталина, в Кремле. Периодически к ним присоединяются Тимошенко, Кузнецов и Жуков.

Во второй половине дня 21 июня, на основе имеющейся у него информации, Сталин «признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным» в самое ближайшее время. Вечером, в период с 19 до 20 часов, Тимошенко и Кузнецов получили задание разработать упреждающие контрмеры. С этого момента счет пошел на минуты, секунды, но, естественно, красные военачальники не подозревали об оном.

Очень скоро Тимошенко, уже с Жуковым, вернулся в Кремль и представил на утверждение Сталина проект директивы войскам. Видимо многословной и путаной либо чрезмерно категоричной (что гораздо менее вероятно), поскольку на согласование текста ушло часа полтора. В тексте этого приказа явственно ощущается печать двойственных чувств, владевших Сталиным. С одной стороны, перед войсками ставилась задача не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно им вменялось в обязанность быть в полной боевой готовности и встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников во всеоружии.

Наконец, в 22 часа 20 минут Тимошенко и Жуков покинули кабинет Сталина и устремились выполнять приказ, не забыв отдать копию Кузнецову и проинструктировав соответствующим образом.

До начала «Барбароссы» оставалось пять часов. Времени было достаточно, дабы, в первую очередь, привести в полную боевую готовность противовоздушные части. А также принять действенные меры по обеспечению хотя бы сохранности самолетов на земле. Не говоря уж об организации эффективного противодействия в воздухе.

Необходимо отметить, что отправка столь судьбоносного сообщения войскам была организована на редкость медлительно, что убедительно опровергает притязания Жукова на сомнительные лавры самого прозорливого полководца Красной Армии образца июня 41 года.

Передача директивы в округа была завершена работниками генштаба в 00 часов 30 минут, то есть уже 22 июня. Руководители армий приграничных округов меж тем докладывали со слов пограничников об усиливающемся шуме с противоположной стороны грани-

цы. Это говорило о том, что немецкие войска направляются все ближе и ближе к рубежам СССР. Тимошенко и Жуков доложили Сталину в 00 часов 30 минут о своих предположениях. Однако вождь отреагировал неадекватно их тревожному состоянию. Согласно утверждению Жукова, он лишь осведомился о достоверности передачи директивы в округа.

Невзирая на многозначительные сигналы дипломатов и тревожные сообщения военных, Сталин безмятежно устроился почивать, благо час был поздний. Очевидно, Вождь полагал, что все возможные меры в тот период времени были приняты, и если немцы все же рискнут выступить, то их ожидает достойный отпор.

В то же самое время, на другом конце Европы, Черчилль, в предвкушении неминуемого крутого поворота в войне, отдал распоряжение своему личному секретарю не будить его ни в коем разе, за единственным исключением – германским нападением на Англию. Подопечные английского премьера неукоснительно выполнили приказ и не потревожили его сладкого сна. Чего нельзя сказать о Сталине. Он был очень скоро разбужен самым бесцеремонным образом – сообщением о военном нападении на территорию Советского Союза.

Началось величайшее, не имеющее аналогов в истории, германо-русское вооруженное столкновение, стоившее обеим странам неслыханных жертв и огромных материальных потерь, а также ставшее впоследствии поводом для множества инсинуаций, спекуляций и обвинений самого разного вида.

Одна из них заключается в тезисе о том, что, якобы, практически зная точную дату немецкого нападения, руководство страны, а точнее лично Сталин, допустило, «чтобы Красная Армия была застигнута врасплох одним из самых предсказуемых в истории современности актов агрессии».

Вне всякого сомнения, в свете пристального изучения всех многообразных аспектов, подобную версию следует отбросить как несостоятельную во всех отношениях и относиться с осторожностью к мнениям противоположным.

В четвертом томе советской истории дипломатии, выпущенном в 1975 году, без обиняков заявляется, что советскому командованию были известны гитлеровские планы нападения на СССР, в том числе якобы план «Барбаросса». Так же утверждается, что Сталин, по свидетельству Черчилля, говорил ему в августе 1942 года: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я

думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около того».

Начало мифу о внезапности и коварности немецкого нападения положил, как это не звучит парадоксально, сам Сталин в памятной речи от 3 июля. Тем самым, вождь попытался объяснить колоссальные неудачи Красной Армии первых дней войны. Естественно, он не мог предположить, что не слишком удачная попытка списать одним этим просчеты и ошибки руководства в подготовке к войне, впоследствии обернется против него столь существенным образом.

Адмирал Кузнецов свидетельствует, что Сталин неоднократно объяснял и позже причину неудач единственно лишь внезапным и вероломным нападением Германии. Он не берется судить, почему и насколько внезапной оказалась война для сухопутных войск, но флот встретил противника во всеоружии и не потерял 22 июня ни одного судна. При этом нарком упустил из вида, что флоту привести личный состав в боевую готовность не представляло особого труда.

Какова степень личной ответственности Сталина за первоначальный, крайне неудачный, период отечественной войны? Задним числом, после того как событие уже имело место, легче всего обсуждать его последствия.

Что больше всего занимало помыслы вождя в считанные недели, дни и часы до судьбоносного столкновения? Вероятнее всего, прав тот же Кузнецов, немало поразмышлявший и проанализировавший события последних мирных дней и сделавший вывод о том, что Сталин представлял боевую готовность советских Вооруженных Сил несравненно более высокой, чем она была на самом деле.

Однако Кузнецов «забыл» упомянуть о том, что он сам и его чрезмерно самоуверенные коллеги, как наземные, так и воздушные, усиленно внушали Сталину подобные мысли. Вождю и в кошмарном сне не могло предвидеться, что сотни боевых самолетов, дислоцированных на приграничных аэродромах, будут уничтожены на земле, не успев подняться в воздух, вследствие беспечности руководства ВВС страны и округов.

Чисто гипотетически можно попытаться реконструировать основные направления мыслей Сталина.

Страна в целом была подготовлена к обороне довольно основательно и всесторонне. Руководителями государства принимались эффективные меры по организационному укреплению армии и техническому переоснащению. Советская экономика во все возрастающих количествах выпускала новейшие виды вооружения. Числен-

ность Вооруженных Сил неуклонно наращивалась. В районах предполагаемых огневых контактов сооружались укрепрайоны и велась подготовка театров предстоящих военных действий. В глубине страны формировались стратегические резервы. Широким фронтом велась военно-патриотическая работа среди населения страны. Но что может реально произойти в случае нападения немцев? Этого никто знать не мог, что отчетливо представлял себе Сталин. Можно было лишь попытаться спрогнозировать вероятное развитие событий.

Сталин и его ближайшее окружение, не без воздействия советского генералитета, представляло следующий сценарный вариант военных действий. Пограничные войска НКВД общей численностью около ста тысяч человек первыми вступают в бой. Практически одновременно с ними начинали сражаться армии первого эшелона прикрытия западных приграничных военных округов силами примерно 60 дивизий. Далее в бои вступали около 50 дивизий войск второго эшелона, расположенных на незначительном удалении, не превышающем 100 километров, от границы СССР. Этими силами предполагалось задержать продвижение и в значительной степени обескровить ударные группировки вермахта. В резерве оставалось более 60 дивизий, рассредоточенных на огромном по протяженности фронте и глубиною от 100 до 400 километров.

Всего же фронт протяженностью 3375 километров разной степени плотности занимали 170 советских дивизий и две бригады (2680 тысяч человек личного состава). Помимо стрелкового вооружения, у них имелись 37,5 тысячи орудий и минометов, 1475 новых танков КВ, Т-34 и 1540 боевых самолетов новых типов.

Самая сильная группировка войск дислоцировалась на юго-западе, где ожидался главный удар противника. Резервными войсками предполагалось, в крайнем случае, нанести решающее поражение захватчикам. Затем отбросить немецкие армии и перенести военные действия на территорию вражеской стороны.

Существеннейшим отличием от первоначального плана прикрытия государственной границы СССР являлось то, что значительно были удалены от границы резервные дивизии округов, на чем, очевидно, настоял Сталин. Но человек может лишь предполагать, а прожектерские планы выглядят заманчиво лишь на бумаге.

Отдельные наивные историки упрекают Сталина в том, что он не внял искреннему якобы предупреждению Черчилля о грядущем нападении на Гитлера. Между тем, из мемуаров британца отчетливо

прослеживается его, по меньшей мере, индифферентное отношение к германской агрессии на Восток.

А вероятнее всего, Черчилль внутренне радовался уменьшению угрозы непосредственно островам. В начале второй декады июня он временно отозвал из Москвы посла Криппса для инструктажа в связи со столь кардинально изменяющим обстановку обстоятельством. 15 июня Черчилль отправил Рузвельту телеграмму-согласование о совместной британо-американской позиции. В ней, в частности, сообщалось: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, и в том числе из самых надежных (*видимо Черчилль подразумевал под этим Гесса – М.А.*), в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию... Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить – это Гитлер».

Далее, в пятницу вечером 20 июня Черчилль выехал в загородную резиденцию Чекерс, отлично зная о том, что «нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов». Английский премьер даже попытался загодя составить выступление по радио по этому поводу, но, поразмыслив, решил повременить.

Совершенно очевидно следует из действий, предшествовавших 22 июня, что Сталин всеми силами ума и сердца противился наступлению рокового момента по причинам психологическим. Война – весьма специфический вид человеческой деятельности, к которому охотно и легко могут приспособиться только личности с ярко выраженными отклонениями психогенного типа. Любому здравомыслящему человеку, тем более суть миролюбивому, весьма трудно настроиться на воинственный лад.

Для политика, осознающего свою ответственность перед многочисленным народом, особенно трудно принимать решение, судьбоносное для миллионов его сограждан – воевать.

Находившийся в Лондоне посол Майский отмечает, что Запад до 22 июня целый месяц питался слухами о предстоящем нападении Германии на СССР. Весьма симптоматично его высказывание: «Разум говорил мне – и я об этом уже не раз давал знать в Москву, - что нападение гитлеровской Германии близко, вот-вот за углом, но сердце как-то не хотело в это верить...».

Очень интересно свидетельство известного танкиста, дважды Героя Советского Союза Давида Абрамовича Драгунского. В те дни,

будучи молодым курсантом, он находился в Белоруссии. В субботу 21 июня занятия были внезапно отменены, однако в гарнизоне в предвыходной день все шло как обычно. В воспоминаниях Драгунского особенно ярко запечатлелись события той памятной ночи: «.. Последняя предвоенная ночь ничем не отличалась от предыдущих, хотя все, кто находился в Осовце, давно чувствовали приближение грозы. Странно все же устроен человек! Готовишься месяцами к какому-то неизбежному событию, но вот оно наступает, и кажется, что все произошло внезапно. Так случилось и со мной, когда вблизи нашей казармы разорвались тяжелые снаряды, а над городком появились немецкие самолеты…».

Еще с февраля 1941 года немцы начали перебрасывать свои дивизии поближе к советским границам, что, разумеется, не осталось незамеченным советскими разведорганами. Все увеличивавшийся поток войск тщательно фиксировался и анализировался Генштабом. Немецкие самолеты все чаще, в разведывательных и провокационных целях, нарушали воздушное пространство СССР.

Однако Сталин не склонен был поддаваться на данные действия. Преждевременный вывод войск к границам Германии, мог дать немцам шанс объявить русских агрессорами, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сталин, несомненно, помимо прочих, учитывал и этот немаловажный фактор. Война с финнами показала всю невыгодность имиджа агрессора. Кроме того, неспешность с подтягиванием войск из глубины страны впоследствии сказалась самым кардинальным образом. Планом «Барбаросса» предусматривался разгром главных сил русских практически уже в приграничных боях. Немцы предполагали их окружить и полностью уничтожить.

Для нанесения удара утром 22 июня 1941 года в первом стратегическом эшелоне с учетом финских, венгерских и румынских войск было сосредоточено 157 дивизий (из них 17 танковых и 13 моторизованных) и 18 бригад (в том числе 5 моторизованных). 4600 тысяч человек, более 42 тысяч орудий и минометов, свыше 4 тысяч танков и штурмовых орудий, около 4 тысяч боевых самолетов изготовились к бою.

Это была огромная, невиданная в истории человечества армия вторжения.

Резюме раздела. Когда в марте 1939 года Германия в нарушение Мюнхенских договоренностей поглотила остальные части Чехосло-

вакии, Сталину окончательно стало ясно, что этим актом агрессии Гитлер не ограничится. Аппетит у последнего лишь разгорался. Советский Союз, со дня на день усиливавшийся политически и экономически, активно выступал за сохранение мира на планете. Однако политика организации мощного блока миролюбивых держав в качестве реального противовеса милитаристски настроенным государствам терпела сокрушительный крах.

Советские руководители пристально следили за неблагоприятно складывавшейся международной обстановкой. Кремлю становилось совершенно очевидным, что назревает новый всемирный военный конфликт с совершенно непредсказуемыми последствиями. Вследствие этого Сталин берет внешнеполитическое ведомство под личный контроль. Его намерения в отстаивании интересов укрепления обороноспособности страны всеми способами и мерами тверды и непреклонны. Руководствуясь исключительно побуждениями безопасности, Сталин вынужденно идет на заключение пакта о ненападении с потенциальным заклятым врагом – нацистской Германией.

Помимо выигрыша во времени, он присоединяет к СССР территории, которые ранее входили в состав Российской империи и заселены преимущественно славянами. Гитлер сражается и завоевывает другие государства. На другом конце Европы лишь Англия осмеливается противостоять Германии. Советский Союз тем временем реорганизует отрасли промышленности, связанные с ускоренной милитаризацией экономики. Интенсивными темпами осуществляется перевооружение сухопутных войск, Военно-Морского Флота и авиации современными видами ведения огневых контактов. Количественный состав Красной Армии непрерывно увеличивается.

С самого начала 1941 года Сталину и его ближайшему окружению необходимо начинать привыкать к мысли, что военного столкновения с Гитлером не избежать. Последний давал все более явные подтверждения агрессивности своих намерений. Однако по причине явного отсутствия милитаристских наклонностей Сталину весьма трудно было смириться с неизбежностью войны. Этот психологический барьер или своеобразный рубикон в своей душе он не смог преодолеть в полной мере. Именно поэтому Сталин всеми мерами и средствами пытался оттянуть сроки начала войны. Даже в тот период времени, когда духота на западной границе страны стала нестерпимой и немецкие военные громы с минуты на минуту должны были пустить молнии несущие смерть.

X
В начальном периоде германо-российского столкновения

«И началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие...»
Лев Толстой «Война и мир»

Хаос первых дней и ночей

Неужели Гитлер все же осмелился напасть на Россию, мог думать Сталин, когда автомобиль на предельной скорости пожирал расстояние между загородной резиденцией Вождя и мирно спящим городом. Помимо данного соображения его могли беспокоить мысли о том, все ли сделано правильно для наиболее эффективного отражения возможной агрессии.

Несколько часов назад Сталин, вкупе с ближайшими сотрудниками, попытались предугадать возможные осложнения и осуществили дополнительные конкретные меры. В соответствии с ними командующим вновь организованным Южным фронтом со штабом в Виннице, назначался глава Московского военного округа И.В. Тюленев.

Формирование полевого управления фронта, равно как и комплектование войсками, намечено было силами и средствами нескольких округов. Так, к примеру, из Одесского военного округа выделялась 9-армия, прикрывавшая Тираспольское направление.

Командующим четырьмя «армиями второй линии» (несколько позже к этому резерву Главного Командования прибавили еще три армии) утверждался Буденный с местопребыванием штаба в Брянске.

Мерецкову, с выездом на место, планировалось поручить общее руководство Северным фронтом, а Жукову намечалось осуществлять координацию Юго-Западного и Южного фронтов, также с выездом на место. Ввиду образовавшейся вакансии Мехлис был назначен начальником Главного Управления политической пропаганды Красной Армии, «с сохранением за ним должности наркома госконтроля».

Когда главные «виновники переполоха», Тимошенко и Жуков вошли в кабинет Сталина, все спешно вызванные члены Политбюро уже были в сборе. Невыспавшийся генсек сидел во главе стола и как обычно, в случаях плохого настроения, держал в руках нераскуренную трубку.

- Кто-нибудь может разъяснить, что реально происходит на границе? - Чисто риторически вопросил Сталин.

Нарушив тягостное молчание, он дал поручение связаться с германским посольством. Тут же поступило известие о том, что посол фон Шуленбург добивается аудиенции для срочного сообщения. Принять его было поручено Молотову. Рандеву дипломатов оказалось непродолжительным, причем невозможно совершенно точно определить, кто из них был более обескуражен происходящим, фон Шуленбург или Молотов. Быстро возвратившись, последний скороговоркой сообщил: Германия объявила нам войну.

Вновь наступила длительная, тягостная пауза. Военные рискнули нарушить ее предложением: немедленно обрушиться всеми имевшимися в приграничных округах силами на прорывающиеся части противника, задержать и уничтожить.

Сталин незамедлительно подписывает директиву, далекую от реальности по сложившейся обстановке и соотношению сил на отдельных участках фронта. О чем довольно деликатно выразился Жуков в своих мемуарах, скромно умолчав, что продолжал тешить иллюзиями политическое руководство. Согласно извлечений из этой несбыточной директивы, советским ВВС вменялось разбомбить города Кенигсберг и Мемель, а на территорию Финляндии и Румынии до особого распоряжения налетов пока не делать. Наземным войскам также приказывалось впредь до особого распоряжения «границу не переходить». Остается лишь удивляться, что не ставилась задача немедленного штурма Варшавы или Берлина. Первое, хотя и невыполнимое решение, тем не менее было принято, и процесс пусть со страшным скрежетом, но пошел.

В Кремле лично Сталин и его окружение еще не имеют отчетливого представления о событиях, происходящих за сотни километров от столицы.

В Германии в семь часов утра по местному и девять по московскому воззвание фюрера к германской нации зачитывает доктор Йозеф Геббельс. Данное обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что Гитлер не был абсолютно уверен в успехе. А также признание в том, что он последнее время скрывал свои коварные замыслы от народа, суть, обманывал массы.

«Немцы! В этот самый момент начался поход, который по своим масштабам не имел себе равного в мире. Сегодня я снова решил вверить судьбу, будущее рейха и немецкого народа в руки наших солдат.

Обремененный тяжелыми заботами, обреченный на месяцы молчания, я могу ,наконец, говорить свободно. Да поможет нам бог, особенно в этой борьбе»...

Наконец утро 22 июня в Москве полностью вступило в свои права, и советский Генеральный штаб устанавливает, что практически на всем протяжении западной советской границы завязались ожесточенные сражения с наступавшими армиями вермахта.

Германская авиация нанесла сильные бомбовые удары по аэродромам округов, городам и железнодорожным узлам, военно-морским базам Черного моря и Балтики. После сильной продолжительной артподготовки сухопутные части противника в 5-6 часов утра, смяв слабые заслоны, пересекли границу Советского Союза.

Постепенно становится ясно, что разворачивается широкомасштабное немецкое наступление, а не просто крупная военная провокация. Из штабов приграничных округов поступает самая разноречивая информация, некоторая практически провокационного содержания. Со многими соединениями связь у них нарушена. Вести с запада идут преимущественно самые неблагоприятные, натиск противника весьма силен. Вместе с тем, отдельные командиры, не владевшие ситуацией, первоначально слали слишком оптимистичные донесения, вводившие Генштаб и Наркомат обороны в заблуждение.

Советские руководители были предельно обеспокоены случившимся. Несомненно, Сталину психологически трудно свыкнуться с мыслью о войне, с ее неизбежными горестями и разрушениями. Относительно малоподвижный ум вождя не успевает впитывать хлынувшие бурным потоком сведения, не говоря уже об их анализе.

Политические руководители страны некоторый период времени дискутируют о том, как объявить о войне и кто должен выступить со столь прискорбным сообщением. Вождь категорически отказывается, «переведя стрелки» на Молотова, который выступает ровно в полдень по радио с кратким сообщением к народу о состоянии войны с Германией.

После двухчасового совещания с военачальниками, соответственно предварительных договоренностей в тот же день, 22 июня ближе к вечеру, Сталин отправляет начальника Генерального штаба Жукова на Юго-Западный фронт в качестве представителя Главного командования, которого в сущности еще нет, для выяснения обстановки непосредственно на месте. Мерецков отправляется в Питер, где покамест все спокойно. А на Западный фронт посылаются маршалы Шапошников и Кулик.

Вождь фактически гонит ближе к передовой наиболее надежных и компетентных, на его взгляд, военачальников.

Из фрагментов специальных регистрационных журналов, заполнявшихся ответственными дежурными в приемной Сталина, можно сделать вывод о сумятице и растерянности, воцарившейся в Кремле в первоначальный период войны с Германией.

Особенно впечатляет предельно рваный ритм кремлевских совещаний. В 5 часов 45 минут утра 22 июня фиксируются первые посетители – высшие политические и военные иерархи страны. В 16 часов 45 минут пополудни в кабинете вождя никого не остается. Всего Сталина за эти без малого 13 часов посетило около полутора десятка человек, причем иные сделали это неоднократно.

Следующие записи относятся к ночи и утру 23 июня. В период времени с 3 часов 30 минут по 6 часов 25 минут Сталин принимает восемь должностных лиц государства, в основном военных. Затем следует перерыв до 18 часов 45 минут вечера.

С этого момента до 1 часа 25 минут ночи уже фактически 24 июня, практически те же самые люди вновь посещают Сталина, за исключением виднейшего организатора-хозяйственника Н.А. Вознесенского. Последний очень долго находится у вождя, очевидно, обсуждая эвакуационные вопросы.

С 16 часов 20 минут до 21 часа 30 минут 24 июня вождем производится очередной кремлевский прием. Он характерен тем, что у Сталина помимо прочих появляются новые посетители. К военным все больше присоединяются люди штатские, в том числе ответственные за отрасли экономики, связанные с военными действиями.

Если кремлевское руководство было близко к настроениям, похожим на тихую панику, то на пограничных сухопутных рубежах воцарились полнейшие анархия и беспорядок. Немецкие ударные соединения в виде мощнейших бронированных клиньев при сильной поддержке авиации таранили места дислокации подразделений Красной Армии, не сумевших (да и не пытавшихся) должным образом изготовиться к обороне. Командиры и политработники отдельных частей и соединений потеряли голову и вместо организации эвакуации или отпора в панике покинули жилища, в первую очередь, озаботившись своими семьями, а красноармейцы бросились спасаться кто как мог. Отсутствовали не только увязка партийно-советских органов с командованием, но и между отдельными войсковыми подразделениями не было связи и взаимодействия.

На направлениях главных ударов противник имел многократное превосходство в живой силе и технике. Население фронтовых зон обратилось в беспорядочное и неорганизованное бегство на восток, прихватив посильный скарб. Ситуация почти на всех фронтах складывалась для Красной Армии исключительно неблагоприятная.

Особенно большие потери понесла в первые дни войны авиация двух фронтов (Западного и Киевского Особых военных округов), вследствие не принятия должных мер по повышению боевой готовности ВВС в целом. На решающих направлениях немцы завоевали господство в воздухе.

Наиболее организованно встретили войска вермахта Военно-Морской флот и части Одесского военного округа.

Наихудшее положение сложилось в сфере действий войск Западного военного округа под командованием генерала армии Д.Г. Павлова, утратившего управляемость вверенными ему частями.

Война подобно лакмусовой бумаге мгновенно выявила истинные способности каждого военачальника. Немедленно, взамен растерявшихся командиров, на первый план стали выдвигаться полководцы инициативные, смело и нешаблонно мыслящие и не боявшиеся принимать ответственные решения.

В ситуации, когда Москва непрерывно слала директивы, не соответствовавшие реальному положению дел и требовавшие лишь одного – наступать, генералам необходимы были особые мужество, выдержка и находчивость.

Так, доблестный командир 9-го мехкорпуса Константин Константинович Рокоссовский, получив тогда приказ о контрударе, взял на себя смелость более достойно встретить вначале неприятеля в обороне, ввиду явного превосходства его бронетанковых сил. Нанеся на рубеже шоссе Луцк – Ровно сокрушительный удар огнем своей артиллерии накатывавшимся германским частям, Рокоссовский отбросил их и выполнил поставленную задачу. То есть, продвинулся вперед и занял нужные высоты.

Но подобным похвальным образом действовали не все советские военачальники. А их подразделения в основном вынужденно оборонялись, временами предпринимая не совсем осмысленные контратакующие действия, намного увеличивавшие угрозу окружения.

26 июня в войну против СССР вступила Финляндия, сражения начали происходить также от Балтики до Баренцева моря.

Жуков, успевший вернуться на свой пост, свидетельствует, что

29 июня Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку главного командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении. При этом начальник Генштаба стыдливо умолчал о том, что некоторые сведения о продвижении противника вглубь страны руководители государства получили по зарубежному радио, а у него самого случился истерический припадок.

Красная Армия продолжала оставлять противнику территорию за территорией. Но и откатываясь от границы, войска не имели на востоке позиций, пригодных для дальнейшей упорной обороны. Впопыхах советские солдаты первоначально оставляли немцам мосты и переправы. При этом не только и не столько по причине панических настроений, а просто не было соответствующих приказов. Так, начальник генштаба сухопутных войск Германии в тот период времени, генерал-полковник Гальдер, 29 июня сделал следующую запись: «...В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои. Здесь впервые наблюдается массовое разрушение противником мостов...».

Лишь спустя неделю приграничных боев, в Москве окончательно осознали настоятельную необходимость перехода на всем советско-германском фронте к стратегической обороне.

Перед уцелевшими войсками первого стратегического эшелона была поставлена задача остановить противника на линии соответствовавшей старым УРам, выиграв, тем самым, время для подготовки контратакующих мероприятий.

30 июня Жуков по указанию Сталина вызвал в Москву командующего Западным фронтом генерала армии Павлова. По прибытии на следующий день он был арестован как не обеспечивший должное руководство вверенными ему войсковыми соединениями. Вскоре арестовали и группу генералов, вместе с Павловым возглавлявших военный округ, переименованного в Западный фронт. Суд был скорый и неправедный и свидетельствует, в первую очередь, о настроениях отчаяния и паники в верхах, нежели осмысленных действиях.

Репрессиям подвергаются командование ВВС и ПВО страны, а также некоторые генштабисты. Командующим Западным фронтом вместо Павлова был назначен нарком Тимошенко. Перед этим начальником штаба Северо-Западного фронта был отправлен генштабист генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин.

Все еще сказываются последствия растерянности первых часов

войны. Сталин продолжает лихорадочно отправлять на фронт других военачальников, полагая, что корень проблемы лишь в некомпетентности руководящего состава округов.

Между тем поступают и обнадеживающие сообщения. Нападение Германии на Советский Союз вызвало большой резонанс во всем мире. Вечером 22 июня премьер-министр Великобритании Черчилль выступил по радио и в присущем ему стиле заявил о поддержке Советов, почти приравняв их с нацистским режимом. Значительное место в его выступлении заняли рассуждения о десятках «тысяч русских деревень», в которых «смеются девушки и играют дети», на которых якобы внезапно надвинулась «гнусная нацистская военная машина».

Несколько позже английский премьер в личном послании Сталину сделал акцент по поводу «совершенно неспровоцированного и безжалостного вторжения нацистов», одновременно намереваясь воздержаться от активной помощи в борьбе против общего врага. В самом королевстве же наиболее оптимистически настроенные наблюдатели пророчили русским 2-3 месяца до безоговорочной капитуляции.

Тем удивительнее кажется прогноз Бернарда Шоу, опубликованный 23 июня 1941 года в «Ньюз Кроникл»: «.... Еще вчера мы разделяли с Соединенными Штатами неслыханную задачу – раздавить Гитлера, а Россия только поглядывала на нас со стороны да улыбалась в усы. Сегодня благодаря неописуемому идиотизму Гитлера мы сами можем сесть в сторонку и с улыбкой взглянуть на происходящее. Нам нечего больше делать: Сталин раздавит Гитлера. Спета его песенка. У Германии не осталось теперь решительно никаких шансов».

Своим безошибочным прогнозом Шоу лишний раз доказал свою гениальность. Прошло почти десять лет после встречи драматурга со Сталиным. По аналогии с английским диктатором эпохи Возрождения Оливером Кромвелем, Шоу предлагал в ней, уповая на бога, порох все же держать сухим. Сталин в точности придерживался ценного совета и не разочаровал Шоу.

Американские военные аналитики также предрекали скорый крах стране Советов. Однако госдепартамент США объявил о поддержке Советского Союза, не в пример британцам, незамедлительно перейдя от слов к делу. Американское министерство финансов отменило блокирование советских валютных счетов в банках США и решило «не применять к СССР ограничений, предписанных актом о нейтралитете».

Время идет, и постепенно Сталин выходит из состояния некото-

рой растерянности, не решаясь, все же, до поры до времени взять на себя всю полноту ответственности. С обретением Вождем уверенности степень восстановления контроля над ситуацией в стране неминуемо повышается.

Еще 23 июня была образована Ставка Главного Командования под председательством Тимошенко. В нее вошли семь человек, а в числе рядовых членов – Сталин. Получалось два главнокомандующих: Тимошенко – де-юре и Сталин – де-факто. Это весьма осложняло управляемость войсками и приводило к излишней трате столь драгоценного времени на процесс выработки тактических решений и оперативную отдачу распоряжений.

24 июня был образован Совет по эвакуации во главе с Шверником Н.М., просуществовавший полгода.

29 июня Сталин и Молотов подписали совместную директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) «партийным и советским организациям прифронтовых областей». Причем Сталин собственноручно внес весьма существенные коррективы в проект документа, ставшего вскоре одним из базисов его выступления по радио и краеугольным камнем программы по превращению страны в боевой лагерь под лозунгом «Все для фронта, все для победы».

30 июня в стране образуется Государственный Комитет Обороны (ГКО или ГОКО, как выражался его глава) под председательством Сталина. В постановлении, опубликованном в печати 1 июля 1941 года, говорилось, что в этом органе сосредотачивается вся власть в государстве, а все граждане и организации обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО. Статус чрезвычайного органа власти не был регламентирован какими-либо нормативными документами, не разрабатывалось положение о его структуре и функциях. На эти формальности практически не было времени.

Несомненно, Сталин при образовании ГКО руководствовался событиями времен гражданской войны. В то время по инициативе Ленина большевиками был создан Совет Рабоче-крестьянской Обороны, ставший центральным штабом красных и в некоторой степени способствовавший победе над белыми армиями и войсками интервентов.

По мере того как в Кремле приходили в себя и осознавали истинные масштабы войны, начиналась разворачиваться гигантская организаторская деятельность по координации всех усилий страны для всемерного отражения нашествия Германии и ее союзников.

Тяжкое бремя ответственности лидера

Существуют разные версии причин категорического отказа Сталина от выступления перед нацией в первый день нашествия. Вероятнее же всего, он попросту не нашел в себе тогда сил оповестить народ о постигшем страну бедствии, истинные масштабы которого к тому же, еще не были ясны. К тому же фюрер также не рискнул лично обратиться с воззванием к своему народу.

Выручил Вождя безотказный Молотов, бесстрастно зачитавший по радио суть суховато-казенное сообщение, окончательный текст коего, несомненно, отредактировал Сталин. Либо во всяком случае подсказал фразы, превратившиеся затем в легендарный девиз: Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Сталин по праву считается искуснейшим мастером точных и выверенных формулировок. В данном случае, выражение НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ изначально содержало смысловую нагрузку, заключавшуюся в лживости германских притязаний и их эфемерности. Отсюда вытекало, что противник будет неминуемо повержен, то есть ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ. А дабы окончательно расставить все точки над «i», как припечатывалось, прибавлялось: ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ. Перефразируя известное выражение, можно выразиться, что чем больше политик, тем значительнее пауза. Дальше медлить было нельзя, необходимо было внести полную ясность в создавшуюся исключительно тревожную обстановку.

Выдержав наиболее оптимальный промежуток времени, 3 июля 1941 года Сталин обратился по радио с речью, обращенной к населению страны. К тому моменту стало совершенно очевидно, что существованию России в качестве независимого государства может быть положен конец в самое ближайшее время.

Сталин выступил рано утром по московскому времени, его речь предусмотрительно предназначалась преимущественно (учитывая разницу во времени) для населения азиатской части СССР.

Спустя 10 суток после начала немецкого наступления Вождь поведал народу безрадостную истину, которую он сам с большим трудом осознал лишь недавно. Выступил Сталин столь прочувственно, что даже спустя много лет, при прослушивании фонограммы, трудно остаться безучастным к глуховатому маловыразительному голосу, пораженному свалившимся огромным несчастьем. Более всего впечатляют проникновенные интонации, буквально пронизывав-

шие вступительные слова русского лидера. Необычайно низкий голос, тяжелое дыхание явствовали о большом волнении Вождя.

Выступление Сталина огромная страна выслушала, затаив дыхание. У репродукторов собрались толпы людей, с напряженным вниманием вслушивавшихся в каждое слово.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается...»,- говорилось в преамбуле выступления.

Поляк Герлинг-Грудзинский слушал речь советского премьера в качестве заключенного Ерцевского лагеря, расположенного в Архангельской области. По его мнению, говорил тогда сломленный старик. Однако он ошибался.

Сталин выступал в первую очередь как личность и гражданин, на Родину которого обрушилось бедствие невиданной доселе силы. Говорил человек пожилого возраста, перенесший днями сильное нравственное потрясение и в том числе мотивами личного характера. Выступал отец семейства, вынужденный смириться с тем, что его сын-первенец отправился на фронт и подвергся тем самым смертельной опасности.

А в качестве главы государства Сталин отчитывался перед народом. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность, констатировал он. А как вообще подобное могло произойти? Вождь сделал попытку разумного разъяснения происходящего. Он объяснил захват большой части советской территории неожиданным и вероломным нападением фашистской Германии в нарушение пакта о ненападении. Далее Сталин мотивировал необходимость заключения, в свое время, этого злосчастного договора с агрессором. Он сообщил, что премьер Великобритании господин Черчилль, а также правительство США объявили о готовности оказать помощь Советскому Союзу. Сталин поставил цель немедленно перестроить всю работу на военный лад, подчинив все интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Он призвал народ сплотиться вокруг Советского правительства для всемерной поддержки Красной Армии и Флота, для разгрома врага и победы.

Речь Сталина произвела неизгладимое впечатление своей искренностью и точностью указаний о том, каким образом советскому народу необходимо бороться с врагом.

Сталинские монотонно звучащие слова, произнесенные негром-

ким голосом, возымели действие подобные оглушительному набату.

Выступление Вождя, по свидетельствам многих, сыграло огромную мобилизующую роль в слоях советского общества, настроенных патриотически. Оно явилось весьма заметным импульсом для поднятия морального духа нации.

Очень скоро зазвучали устрашающие строки песни «Священная война», написанных А.В. Александровым и В.И. Лебедевым-Кумачом через несколько дней после немецкого нападения.

А в сводках Советского Информбюро несокрушимой уверенностью в победе загремел рокочущий голос Юрия Левитана. Откликнулись самые аполитичные типа Анны Ахматовой, объявившей: «Час мужества пробил отныне для нас. И мужество нас не покинет».

Одновременно с немецким нападением автоматически начал действовать план мобилизации промышленности государства в увязке с действиями Красной Армии. Исходя из развития событий на фронтах, в него вносились коррективы.

В наше время весьма затруднительно представить, что в то время как соединения Красной Армии вели тяжелые, преимущественно оборонительные сражения, ежечасно то попадая в огромные клещи, то вырываясь из них, на территориях, еще не захваченных противником, развернулась гигантская эвакуационная работа. Ее целью было – ничего, что можно использовать, не оставить противнику.

Крайне важно было сорвать планы немцев по использованию экономики захваченных районов СССР. На предприятиях лихорадочно демонтировались и готовились к последующей отправке в глубокий тыл механизмы, станки и прочее оборудование, а также другие материальные ценности. На все это требовались невиданные доселе, огромного масштаба усилия по координации действий всех сил государства. Так как эшелоны с грузами, шедшие на восток, не должны были препятствовать составам с резервными войсками и техникой, движущимся навстречу. Здесь невозможно переоценить мобилизационную роль Государственного Комитета Обороны во главе с его председателем Иосифом Сталиным.

Уже с 24 июня железнодорожный транспорт заработал по специальному военному графику. Он обеспечил более устойчивую работу магистралей и дал возможность максимально использовать их пропускную способность. Зачастую под огнем противника, при больших встречных перевозках в направлении фронта была организована перевозка на восток страны около 1,5 миллионов вагонов различ-

ных грузов и более чем 10 миллионов человек населения. То есть, переместилась целая страна со всем имуществом.

Конструктор Яковлев приводит в мемуарах разговор того периода времени со своим более старшим коллегой Н.Н Поликарповым. Последний рассказал о том, какой катастрофической неудачей завершилась в первую мировую войну эвакуация Русско-Балтийского завода из Риги в Петроград на расстояние всего лишь в 500 километров.

Сталинцам же предстояло решить задачи в тысячи раз труднее и сложнее, но они были выполнены. В июле-ноябре 1941 года были перебазированы заводы и отдельные отрасли промышленности с основными рабочими кадрами и специалистами (около 1500 промышленных предприятий, в том числе свыше 1300 крупных). На новых, зачастую малообжитых местах, преодолевая немыслимые трудности, экстренно выпускалась продукция, необходимая фронту. На временно захваченных же советских территориях экономика была полностью выведена из строя.

В руках правительства немедленно сконцентрировалась основная масса товарных ресурсов, позволившая обеспечить на протяжении всего военного периода устойчивую систему государственного распределения важнейших предметов потребления. Это было в первую очередь продовольствие из государственных резервов, созданных в довоенное время. В качестве крайней меры было введено дифференцированное нормированное снабжение населения самыми необходимыми продуктами и товарами.

Если мобилизацию работы экономики страны в чрезвычайных условиях производили соответственно планам, то дела военные оставляли желать много лучшего. Сталин имел все основания быть недовольным своими военачальниками. Приграничные сражения в основном были начисто проиграны Красной Армией. Довольно поздно в Москве осознали сей прискорбный факт и отдали приказы об отступлении на линию старых укрепрайонов, боеготовность которых была невысокой.

«Мы перед войной, чего греха таить, - признался маршал Иван Христофорович Баграмян, - учились главным образом наступать. А такому важному маневру как отступление, не придавали должного значения. Сейчас мы расплачивались за это… Теперь, на второй неделе войны, нам пришлось, по существу, заново учить самому трудному искусству – искусству отступления».

Максимально используя тактическую внезапность нападения и первоначального упорного нежелания русских использовать возможность оперативного отвода войск, вермахт развивал стратегическую инициативу и в течение первых двух недель войны добился больших результатов.

Его подвижные соединения относительно легко вышли к берегам Днепра и Западной Двины – первому промежуточному рубежу. Отсюда, Гальдер делал опрометчивый вывод в своем дневнике: «... не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней». Справедливости ради, основания у него были к тому времени немалые.

Десятки советских дивизий приграничных округов оказались рассеянными, либо попали в окружение, понеся огромные потери. Большое число военнослужащих безвозвратно вышли из строя (были убиты либо оказались плененными), а часть личного состава неорганизованно скиталась по тылам.

После столь легкого прорыва «линии Сталина» фюрер дал установку по поводу ближайших перспектив вооруженных сил Германии, а Генштаб в деталях стал разрабатывать возращение войск в родной фатерлянд, аналогично предшествовавшим кампаниям...

Ныне совершенно очевидно, что при разработке оперативных планов на 1941 год советскими военными руководителями не были учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Удивительно, но быстротечные и сокрушительные поражения поляков и французов не оказали на русских генералов особого впечатления. Видимо, сработал принцип: у нас это невозможно.

Наркомат обороны и Генштаб посчитали, что война между Германией и Советским Союзом начнется по ранее практиковавшейся схеме: главные силы вступят в сражение через некоторый период времени после приграничных сражений. На самом деле произошло то, чего не предполагали советские военачальники, а именно: широкомасштабное наступление сразу и всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами.

Характеры таких ударов, в таких объемах не просчитывались. Ни Тимошенко, ни Жуков, ни их предшественники и руководящий состав Генштаба не предполагали, что противник сосредоточит непосредственно на границе такую массу бронетанковых и моторизованных сил. А затем направит их в первый же день в бой мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях

с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов и при поддержке авиации. А одной из грубых ошибок советского руководства в первые дни войны (в чем, несомненно, повинен и Сталин) были попытки осуществления контрнаступлений без надлежащего анализа оперативной обстановки.

Однако немецкие политические и военные стратеги также допустили довольно грубые просчеты, помимо основного – рокового решения напасть на потенциально заведомо более сильного противника. Самыми серьезными из них явились неверный подсчет советских вооруженных сил и всего оборонного потенциала огромной страны, а также организаторских способностей Сталина.

Главной же целью плана «Барбаросса», как уже говорилось, в начальный период войны была ликвидация в приграничных сражениях всех главных русских сил. Немцы предполагали их окружить и полностью уничтожить, вследствие чего выйти на оперативный простор. Данному германскому намерению помешал Сталин, инстинктивно препятствовавший преждевременному выводу советских войск к самым пограничным рубежам страны. Гитлер же опрометчиво полагал, что с потерей главных сил Красной армии Советам нечем будет защищать Москву, Ленинград, Донбасс и Кавказ.

С первых часов военных действий немецкие планы начали давать осечки. Во-первых, сил у русских оказалось значительно больше, вовторых, их солдаты сражались гораздо яростнее прочих других. В-третьих, вооружение противника оказалось более качественным, чем предполагали немцы. Очень скоро они столкнутся с русским танком Т-34, от покатой брони которого отдельные артиллерийские снаряды будут отскакивать словно камушки. Немцы также делали в основном ставку на артиллерийские орудия, наподобие укороченных танковых, то есть стрелявших с короткой дистанции и часто с ходу. Тем самым, они не могли успешно противостоять в борьбе с массами советской длинноствольной полевой и противотанковой артиллерии.

Вскоре выявится пагубность невыполнения распоряжения фюрера, внимательно следившего за состоянием своих бронетанковых войск, об установке до начала «Барбароссы», при перевооружении среднего танка T-III длинноствольной пушки. Но, управление вооружения вермахта проигнорировало приказ Гитлера и поставило пушки с меньшей длиной ствола и, следовательно, существенно понизило мощность.

Даже попавшие в окружение русские соединения, преимуще-

ственно, не складывали оружия. Несмотря на стремительное продвижение немецких механизированных частей и успешное завершение операций по окружению, русские преимущественно сохраняли координацию управления войсками и оказывали упорное сопротивление.

Солдаты и офицеры вермахта были неприятно поражены тем, что столкнулись с противником, продолжающим борьбу даже после окружения, о чем единодушно свидетельствуют все немецкие донесения и отчеты о боях в этот период. Особенно настойчиво русские «пытаются отсечь наши танки от наступающей за ними пехоты. При этом русские, в свою очередь, нередко оказываются в окружении. Положение подчас становится таким запутанным, что мы, со своей стороны, не понимаем: то ли мы окружаем противника, то ли он окружил нас», с изрядной долей изумления констатировалось в одном из отчетов.

В результате упорного советского сопротивления уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше двух предыдущих кампаний. Для офицеров и солдат вермахта стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны, являются гораздо более трудными, чем в Польше и Франции. Поляки и французы, попав в окружение, после некоторого периода замешательства и трепыхания, дружно поднимали руки вверх и складывали оружие.

Американский адмирал Уильям Леги (посол в фашистской Франции того времени) получил из надежного источника сведения о том, «что потери Германии в России к концу июля достигли 1 миллиона человек». Он, а также другие военные деятели глубоко усомнились в возможностях нацистов «выдержать подобные темпы потерь в течение длительного времени».

Планы вермахта серьезно начали пробуксовывать ближе к середине июля, то есть по истечении трех недель боев.

К тому времени русская Ставка последовательно развернула только на западном стратегическом направлении в трех эшелонах (на глубину в несколько сот километров) 74 новые дивизии, существенно уравняв соотношение сил.

Вскоре не замедлил разразиться первый кризис «доверия» между фюрером и генералитетом. А в августе месяце Гитлер и оберкомандовермахт (ОКВ) уже не располагали свободой решения, в связи со все возраставшим русским сопротивлением.

По ходу боевых действий советское руководство выяснило, что

ударные немецкие группировки войск действуют в направлениях, острия которых нацелены на Москву, Ленинград и Украину. Причем первый объект являлся приоритетным. На путях к Москве необходимо было создать глубоко эшелонированную оборону, собрав для этого все возможные силы.

В связи со все усложнявшимися задачами организации действенного отпора врагу Сталин вновь возвращается к вопросу о стратегическом руководстве войсками.

10 июля Ставка Главного командования преобразуется в Ставку Верховного командования Вооруженными Силами СССР. Которую вождь решается возглавить, но все еще лишь в качестве председателя этого коллегиального органа. Одновременно для улучшения управления фронтами ГКО образовал три Главных командования войск направлений. Северо-Западное, Западное и Юго-Западное, возглавлявшиеся соответственно маршалами Ворошиловым, Тимошенко и Буденным. Из числа коих, по меньшей мере, двое военачальников не страдали избытком стратегического мышления.

Между тем с созданием подобных Главков предполагалось оказать существенную помощь Ставке в обеспечении возможности улучшения управляемости войсками, повышения организации взаимодействия фронтов с военно-воздушными и военно-морскими силами. Неудивительно, что они не оправдали возлагавшихся на них надежд и были вскоре упразднены.

19 июля состоялось назначение Сталина народным комиссаром обороны. Постепенно все важнейшие государственные посты концентрируются в его персоне. Однако Вождь по-прежнему опасается взять на себя всю полноту ответственности за ход ведения боевых действий на фронтах, хотя положение там обязывало. К третьей декаде июля Красная Армия оставила Латвию, Литву, часть Эстонии, почти всю Белоруссию, Молдавию и большую часть Украины. Немецкие самолеты начинают совершать налеты и бомбить советскую столицу.

Вместе с тем, ценой огромных усилий советским войскам удается временно стабилизировать гигантскую по своей протяженности линию фронта. Однако обстановка на многих его участках оставалась крайне напряженной. Противник спешно перегруппировывал войска с целью создания ударных частей и создания перевеса в живой силе и технике в местах, запланированных наступлений.

Но в то время как Гитлер предполагал несколькими решающими ударами окончательно покончить с воинской мощью СССР, для тя-

желой на подъем России война по-настоящему только начиналась.

Рокоссовскому, переместившемуся на Западный фронт в должности командующего армией к тому же доверили формирование в районе Ярцево, близ Смоленска, боевого соединения, «получившего официальное название «группа генерала Рокоссовского». Полководец свидетельствует, что в тот период времени «пора штабных импровизаций миновала» и он в одночасье почувствовал это с примечательной мелочи – организации завтрака.

«До этого командующий группой войск, как и все, спал под сосной или в машине, ел из солдатского котелка. Вилка и свежая салфетка показались вещами из другого мира» Рокоссовскому. Сей малозначительный как будто факт говорит о том, что русские только начали задействовать свой колоссальный потенциал. И очень скоро бодро-бравурная песенка «Хорст Вессель» в среде немецких солдат сменится заунывно-тоскливой «Лили Марлен».

Ахиллесовой пятой советского государства продолжала оставаться выработка руководством наиболее оптимальных вариантов военного противодействия неприятелю. Эмоции по-прежнему превалируют над доводами рассудка. В последних числах июля месяца начальник Генштаба Жуков в присутствии Мехлиса докладывал Сталину обстановку на фронте. Генерал представлял свои соображения по поводу вероятных действий противника и, соответственно, предлагал принять эффективные контрмеры. Согласно красочному рассказу Жукова, его диалог со Сталиным вскоре принял острую, даже конфликтную, форму. Для общего улучшения стратегической обстановки военачальник предлагал отвести армии Юго-Западного фронта за Днепр. Вследствие чего неизбежно выходило что Киев придется оставить. Сталин вспылил и незамедлительно обрушился на своего оппонента с гневными упреками. Жуков также не смог сдержаться и отвечал сообразно моменту. После некоторой паузы, Сталин овладел собой и загасил едва вспыхнувшую перепалку. Закономерным итогом этого небольшого разбирательства стало перемещение Жукова в Действующую армию. Он назначался командующим Резервным фронтом, оставаясь одновременно заместителем наркома обороны и членом Ставки. Лично Жукову Сталин поручал осуществление его плана – организацию контрударов под Ельней.

С 30 июля на пост главы Генштаба Сталин возвратил маршала Б.М. Шапошникова, несмотря на его слабое самочувствие. Последнего вождь весьма уважал и всегда считался с его мнением. Оче-

видно, именно Шапошников убедил Сталина полностью взять бразды правления в свои руки.

С 8 августа 1941 года и до самого конца войны кавказец становится Верховным Главнокомандующим. Сталин окончательно и бесповоротно становится на вершину государственной пирамиды власти в Советском Союзе времен второй мировой войны. Все бразды политического и экономического, информационно-идеологического, а также военного руководства концентрируются в его руках.

Целый год, даже больше, понадобился Сталину, чтобы основательно изучить и вникнуть в весьма специфический и сложный вид деятельности – оперативное водительство большими массами разных родов войск на гигантских территориях.

В свое время, в августе 1915 года Николай II Романов решил принять на себя верховное командование войсками. Армии и флоту был отдан приказ, в котором после официального текста государь собственноручно приписал: «С твердою верою в милость божию и непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай». Практически без корректировок Сталин мог охотно подписаться под этими словами царя.

В связи с очередной ротацией кадров в орбиту его внимания неизбежно попадают новые генералы, наподобие чрезмерно самоуверенного А.И. Еременко, амбициозного И.С. Конева и других.

С 1 августа генерал Василевский, с подачи Шапошникова, назначается начальником оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. С этого момента он, сопровождая своего непосредственного шефа, начинает очень часто контактировать со Сталиным.

8 августа 1941 года в качестве ответной меры советская авиация совершила первый налет на военные объекты Берлина. А к первой половине августа соединениями Красной Армии были сорваны отчаянные попытки противника овладеть Москвой лобовым ударом с хода.

Ожесточеннейшему и кровопролитнейшему Смоленскому сражению (на подступах к Москве), казалось, не было видно конца. Вследствие этого Гитлер временно меняет направление главного удара и поворачивает 2-ю танковую группировку и 2-ю армию группы армий «Центр» на юг и юго-запад. Соответственно чему обстановка на всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов усложнилась.

К началу сентября угроза непосредственно столице Украине возросла многократно. Однако при одном упоминании о суровой необ-

ходимости оставления Киева Сталин выходил из себя и на мгновения терял самообладание. Его ближайшим подчиненным же не хватало порою необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки гнева и должного понимания всей степени их ответственности за катастрофу, которая неминуемо должна была разразиться.

Необходимо отметить также фактор дипломатический – Сталину лучше всех было известно, что чем упорнее будет сопротивление, тем быстрее и в больших объемах следует ожидать помощи извне.

Под Ленинградом положение также ухудшилось, и Сталин отправляет туда Жукова, отличившегося в локальной операции под Ельней. Вождь посчитал обстановку вокруг Питера исключительно серьезной и не исключал возможности в качестве крайней меры ликвидацию Балтийского флота.

О небезопасной полемике относительно судьбы боевых кораблей с высокой степенью достоверности поведал флотоводец Кузнецов. Из его рассказа следует, что Сталин весьма ответственно, даже не без некоторой боязни, отнесся к решению предельно щекотливого вопроса. Ибо преждевременное уничтожение флота, оснащенного мощнейшими орудиями, могло существенно ухудшить положение Ленинграда. Впоследствии Кузнецов убедился в правильности того, что не подписался один по этому вопросу.

Когда напряжение в Ленинграде ослабло и вопрос об уничтожении флота отпал, на имя Сталина пришла депеша. Автор, не знавший подробностей, обвинял командование флота в паникерстве и преждевременном минировании кораблей. Незаслуженное и весьма серьезное обвинение было легко опровергнуто, так как Вождь был в курсе событий.

Данный эпизод весьма характерен, ибо ярко свидетельствует о том, что Сталин в определенной степени также опасался ответственности. Иначе, подписав директиву о превентивном минировании кораблей Балтийского флота, Верховный непременно отдал бы один экземпляр Кузнецову...

Сокрушение «Тайфуна»

Экономическое и военное положение Советского Союза первой военной осенью оставляло желать много лучшего. Несмотря на большие материальные и людские потери немцы продолжали продвигаться на восток. Войска вермахта по-прежнему владели стратеги-

ческой инициативой, имели превосходство в живой силе и технике, удерживали господство в воздухе. На северо-западе они замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Киев пришлось все же оставить с большими потерями, которых можно было избежать при своевременном отводе войск. Вследствие этого резко ухудшилась обстановка на южном крыле русско-германского фронта, создалась реальная угроза Харьковскому промышленному району и Донбассу. Под ударом оказались отрезанные от своих соседей советские войска в Крыму.

Но основным предметом заботы Ставки и Генштаба являлось Центральное направление, так как 6 сентября 1941 года Гитлер подписал директиву № 35 – план «Тайфун». Ее целями являлись окружение Москвы и разгром советских войск, ее защищавших. Впоследствии фюрер вознамерился полностью стереть с лица земли столицу большевистского государства и уничтожить все население. Для осуществления задуманного немецкое командование подтянуло на московское направление свои лучшие части. Против трех русских фронтов противник сосредоточил 77 дивизий численностью более миллиона солдат, 1700 танков и штурмовых орудий, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 950 боевых самолетов.

30 сентября немцы начали наносить сильные удары по советским войскам, прикрывавшим столицу. Развернулось жесточайшее по накалу Московское сражение.

Первоначально оно складывалось крайне неудачно для обороняющейся стороны. В начале октября войска вермахта окружили под Вязьмой несколько советских армий. Которые, однако, не сложили оружия, значительно сковав немцев. Весь октябрь месяц они вынуждены были заниматься ликвидацией окруженной группировки.

Поскольку под Ленинградом положение стабилизировалось, Сталин вызвал оттуда Жукова и с 11 октября назначил его командующим Западным фронтом. Немецкие войска продолжали рваться к древнему городу. Начиная с 13 октября, разгорелись особенно жестокие бои на всех главных оперативных направлениях, ведущих к Москве. Настроения в столице были неспокойными, но широкомасштабной паники удалось избежать. Ибо в этот решительный момент Сталин не покинул Москву и предпринял чрезвычайные меры для организации ее обороны.

15 октября ГКО принял решение о срочных эвакуационных мероприятиях в столице. В то же время пункт, посвященный лично его

главе, звучит на редкость обыденно, как будто речь идет о рядовом переезде с одной квартиры на другую: «т. **Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке»** *(выделено мной – М.А.)*. Лишь после решения свыше в городе началась ускоренная эвакуация населения и правительственных учреждений, дипломатического корпуса, оборонных заводов, а также научных и культурных учреждений в глубь страны. Москва заметно обезлюдела, но Вождь оставался в ней. Аппарат Генерального штаба во главе с Шапошниковым убыл на запасный командный пункт. С целью оперативного обслуживания Ставки осталось считанное число генштабистов с Василевским. На самый крайний случай для них и Сталина на центральном аэродроме в полной готовности к взлету стоял самолет.

Для строжайшего укрепления порядка и дисциплины с 20 октября в Москве и прилегающих районах было введено осадное положение. Каждое серьезное нарушение пресекалось самыми суровыми карательными мерами, вплоть до ликвидации на месте преступления.

В эти решающие дни и часы Сталин предпринимал личные неординарные и весьма эффективные меры. Исторический приказ, начинавшийся столь непривычно даже в те времена: «Сим объявляется», Верховный Главнокомандующий продиктовал собственноручно, забраковав проект постановления ввиду его неопределенности и расплывчатости. 20 октября он по своему обыкновению внезапно позвонил главному редактору «Красной Звезды» Д.И. Ортенбергу и распорядился напечатать в следующем номере газеты большое фото Жукова. Тем самым, Верховным преследовались, по меньшей мере, две цели. Жукову внушалось, что исключительно с его именем связаны теперь надежды и чаяния всех соотечественников. Одновременно, на него возлагалась гигантская ответственность за оборону Москвы.

Сталин был преисполнен решимости защищать столицу до последней возможности. Самим фактом присутствия в эти невероятно трудные дни в Москве советский лидер на всех оказывал огромное моральное воздействие. Хотя у него не было и не могло быть полной уверенности в том, что столицу удастся отстоять.

Но в самые трудные моменты Сталин уделял повышенное внимание состоянию боевого духа и находил возможность именно в этот период времени поощрять наиболее отличившихся воинов и ближайших сотрудников. Так, к примеру, 28 октября, когда противник из биноклей разглядывал столицу, Василевскому и трем его ближайшим сотрудникам были присвоены очередные генеральские звания.

По инициативе Сталина в начале ноября были проведены собрание и парад войск в ознаменование 24 годовщины Октябрьской революции. Торжественное собрание проходило как обычно, с приглашением не менее 2 тысяч гостей, а члены правительства восседали на трибуне. Мастерами искусств был дан праздничный концерт, и работал буфет с лакомствами. Единственным отличием было то, что собравшаяся публика выглядела менее респектабельно, а само заседание проходило под землей, в зале станции метро «Маяковская». Трансляция доклада Сталина велась на всю страну.

В своем довольно пространном выступлении, сопровождавшемся бурными аплодисментами, Вождь, в частности, заявил: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат. Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!»

Впоследствии, однако, Сталин практически дезавуировал столь кровожадные намерения в завершающей части приказа народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 года. Он категорически опроверг злостные инсинуации о том, «что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить немецкое государство». Советские войска, заявил вождь, имеют своей целью изгнание оккупантов из страны и освобождение своей земли от немецко-фашистских захватчиков.

7 ноября, несколько раньше обычного, в 8 часов утра начался традиционный парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве. Сталин обратился с трибуны Мавзолея к присутствовавшим с краткой напутственной речью. Торжественным маршем наспех сформированные части и соединения сразу отправлялись на фронт. Вся церемония продолжалась чуть больше часа. После небольшой заминки она транслировалась на всю страну, с воодушевлением воспринявшую глас несдающейся столицы.

Жизнь в осажденной Москве, между тем, не замерла полностью. Противовоздушная оборона ее была организована весьма эффективно. Летчики люфтваффе не смогли нанести Москве большого ущерба, о чем засвидетельствовал, в числе прочих и Климковский. Вследствие подписания советско-польского договора он был выпущен на

свободу после 11 месячного пребывания в тюрьме на Лубянке. Причем, исходя из рассказа польского офицера, содержался он в ней в довольно комфортных условиях.

Климковский поражался эффективности действий сил ПВО Москвы, а также восхищался маскировкой города и оперативностью работников служб, мгновенно ликвидировавших самое незначительное повреждение или разрушение.

Хотя не все театры и кино работали, творческие импульсы москвичей не прерывались. Во всех станциях московского метрополитена предоставлялся приют жителям в часы бомбардировок. В метро жизнь также не замирала полностью, люди приспосабливались и чем-либо занимались. Иные читали, другие пели песни, учили детей. Даже под землей исхитрялись устраиваться с некоторым комфортом. Там выступали с концертами артисты, а некоторым женщинам довелось родить детей.

Сталин в свой подземный кабинет спускался при объявлении воздушной тревоги. Под его сводами рождались решения, предвосхитившие поражение гитлеровской Германии. В остальное время Сталин предпочитал находиться во флигеле, отведенном ему во дворе занятого под Генштаб большого дома на улице Кирова. Там он работал и принимал доклады. Станция метро «Кировская» также находилась в распоряжении Генштаба.

В середине ноября начался второй этап немецкого наступления на Москву. Противник медленно прогрызался вперед, сквозь промерзшую почву Подмосковья.

В один из критических дней Сталин позвонил Жукову и прямо вопросил:

- Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

Прямодушный генерал отвечал соответственно:

- Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

Удовлетворенный ответом советский Верховный Главнокомандующий сообщил о готовности предоставить в распоряжение Жукова две резервные армии к концу ноября, но без требуемого количества бронетехники.

Если верить Коневу, однажды Сталин так же в момент наивысшего напряжения звонил ему на командный пункт, причем явно в состоянии близком к душевному смятению.

Но подобные минуты слабости лишь дополнительно свидетельствуют о том, что ничто человеческое не было чуждо Вождю…

В конце ноября, по характеру действий и силе ударов всех немецких группировок, русские почувствовали, что противник выдыхается и для дальнейшего продвижения не имеет ни сил, ни средств.

А вскоре поступило известие, подбодрившее защитников Москвы – немцы были выбиты из Ростова-на-Дону. Контрудар был задуман Баграмяном, одобрен его непосредственным шефом Тимошенко и не без колебаний санкционирован Сталиным. Это был первый значительный отпор, который получила крупная немецкая группировка.

В начале декабря 1941 года, когда наступательный порыв немцев окончательно угас, подтянув свежие войска с востока, Красная Армия перешла в решительное контрнаступление. Под ее массированным нажимом положение немцев становилось все более опасным.

Осознав этот факт, Гитлер неохотно санкционировал отвод войск на оборонительные позиции в тылу. 19 декабря, разъяренный поражением под Москвой, фюрер смещает генерал-фельдмаршала фон Браухича и сам занимает его пост главкома сухопутных войск.

Неделей раньше, в знак солидарности с Японией, напавшей на США, Германия также объявляет войну Америке. Таким образом, война окончательно становится мировой. Неизвестно, чем руководствовался Гитлер, объявляя войну США. Не победив Великобританию и Советский Союз, фюрер ввергал свою страну в состояние войны с еще одной мощной державой. Возможно, он хотел тем самым подтолкнуть Японию к военным действиям против СССР.

Ибо ввод в действие свежих дивизий, переброшенных с Сибири и Дальнего Востока, в конечном счете переломил ход сражения под Москвой.

Выполнение директивы «Тайфун» оказалось не под силу немецким войскам. Вместе с ее сокрушением совершенно несостоятельными оказались и планы реализации молниеносной войны.

Когда Москва стала недосягаемой и окончательно наступила суровая русская зима, леденящие щупальца страха постепенно начали охватывать души немецких офицеров и солдат. Они вспомнили об ужасной участи, которая когда-то постигла французов. Угроза столь же страшной катастрофы, которая постигла некогда армию Наполеона, многократно усилилась.

Крым – Кавказ – Волга

Успех русского контрнаступления в декабре на центральном стратегическом направлении имел огромное значение. Ударным группировкам немецкой группы армий «Центр» было нанесено серьезное поражение. Однако в целом противник являлся еще достаточно могуч. Повсеместно он оказывал сильнейшее сопротивление. Начавшиеся успешно наступательные операции советских войск под Ростовом и Тихвином, не получив должного развития, вскоре приняли затяжной характер.

В связи с разгромом немцев под Москвой, а также другими успехами, Сталин настроился на чрезмерно оптимистический лад. Он посчитал, что на всех фронтах немцы не выдержат ударов Красной Армии при умелой организации прорыва их оборонительных порядков. У Верховного Главнокомандующего появилась идея как можно быстрее начать общее наступление от Ладожского озера до Черного моря. Желание весьма похвальное, но несоизмеримое в тот момент с возможностями.

В начале января 1942 года у Сталина состоялось совещание по обсуждению проекта общего наступления Красной Армии. По мнению русского лидера, немцы пребывали в растерянности от фиаско под Москвой. Они плохо подготовились, вернее, вообще не готовились к зиме. Пока противник не опомнился, мотивировал далее Сталин, необходимо было гнать его как можно дальше на запад. В крайне сжатые сроки он предполагал осуществить переход в общее наступление на всех фронтах. Изложив этот проект, Сталин предложил высказаться присутствовавшим. Однако полноценное обсуждение не состоялось, в том числе по причине пассивности генералитета.

В свою очередь, немецкое командование также, но более активно обсуждало планы грядущей военной кампании. Некоторые немецкие генералы заявляли о целесообразности сосредоточения усилий только для удержания захваченных территорий. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Герт фон Рундштедт даже настаивал на отводе немецких войск на их исходные позиции в Польше. Этой же точки зрения придерживался его коллега по северу генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. После того как Гитлер сместил наиболее оппозиционных военачальников, сопротивление его требованиям возобновить наступление весной 1942 года существенно ослабло.

Фюрер не терял надежды добиться того, что не удалось в предыдущем году. Он глубоко сомневался в возможностях сильного увеличения русскими боевой мощи вооруженных сил. Ему докладывали, что советские заводы за Уралом и в Сибири ежемесячно выпускают по 600-700 танков. Гитлер отказывался верить в то, во что ему не хотелось верить.

Надо отметить, германские промышленно-экономические верхи оказывали на него сильное давление. Они доказывали невозможность дальнейшего продолжения войны без кавказской нефти и украинской пшеницы.

10 января 1942 года войска Западного фронта под командованием Жукова перешли в наступление. Затем начали наступательные действия и другие фронты. Немецкие войска повсеместно упорно и умело защищались. Советские войска, не имея возможности создания ударных группировок, не могли в тот период времени разгромить такого мощного врага, как гитлеровский вермахт. Только продвижение войск Северо-Западного фронта развивалось вполне успешно, так как перед ними не было сплошной линии обороны противника.

В апреле 1942 года зимнее наступление русских армий окончательно заглохло по причине отсутствия необходимых сил и средств для его продолжения. Сталин согласился с предложениями Генштаба о временном переходе к активной стратегической обороне. Одновременно предусматривалось проведение на ряде направлений локальных наступательных операций.

Самым уязвимым местом в плане действий на лето 1942 года, как выяснилось впоследствии, оказалась решимость одновременно обороняться и наступать.

Катастрофической неудачей закончилась попытка Крымского фронта, имевшего большое превосходство в силах над противником, с Керченского полуострова овладеть всем Крымом. 8 мая войска вермахта нанесли удар вдоль побережья Черного моря, прорвали оборону в полосе 44-й армии и вклинились в глубину на расстояние до 8 километров. В течение двух дней почти все войска Крымского фронта были втянуты в бой. Им было приказано отступать с последующей организацией обороны. Однако командование фронта затянуло отвод надвое суток и к тому же не сумело организовать его. В результате противник 14 мая прорвался к окраинам Керчи. Через Керченский пролив на Таманский полуостров с огромными потерями, русские беспорядочно отступили. Необходимо отметить, что часть

ответственности за этот разгром взял на себя Сталин. Он достаточно мягко отнесся к непосредственным виновникам керченской трагедии. Наступление там было предпринято по его предложению и большое количество войск также было сосредоточено по его настоянию. Вкупе с этими неверными решениями Сталин отправил представителем Ставки некомпетентного в военном деле Мехлиса. Тот подмял под себя слабовольного командующего фронтом Козлова Д.Т. и еще больше усугубил катастрофу.

Тяжелое поражение в Керчи серьезно осложнило обстановку для Севастопольского оборонительного района. В течение мая месяца Крымский фронт потерял в боях более 3.4 тысячи орудий и минометов, около 350 танком и 400 самолетов, а также более 176 тысяч человек личного состава. Противник не преминул воспользоваться керченской катастрофой и полностью овладеть Крымом. На других участках фронта советские войска потерпели поражения в районах Барвенково, Воронежа и Донбасса.

Понесшее в кампании предыдущего года существенный урон командование вермахта не располагало в первой половине 1942 года возможностями для наступления на всех стратегических направлениях советско-германского фронта. Поэтому немцы решили реализовать намеченный план путем проведения последовательных наступательных операций в соответствии с имеющимися силами и складывающейся обстановкой.

Максимально воспользовавшись просчетами русских, противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя резервы, начал стремительное продвижение на Кавказ и к Волге, в направлении города с вызывающим названием Сталинград. Наученные горьким опытом советские войска организованно отступали, дабы ответить более достойно на лучше подготовленных рубежах обороны.

В результате шестинедельного наступления танковые колонны войск группы армий «А» генерал-полковника Эвальда фон Клейста прорвались на Кавказ и захватили Майкоп, но пробиться дальше к основным центрам нефтяной промышленности немцы так и не смогли.

Главной целью летних немецких операций был не только захват кавказских нефтепромыслов. С прорывом на Кавказ Гитлер связывал вовлечение в войну на стороне Германии Турции, а также подготовку к вторжению на Средний восток.

Видный советский хозяйственник Байбаков Н.К. рассказал, насколько конкретно и вместе с тем исчерпывающе поставил перед

ним Сталин задачу исключения попадания малейшей капли нефти противнику. Одновременно ему доходчиво и акцентированно, чтобы Байбаков проникся чувством ответственности до предела, была разъяснена невозможность преждевременного уничтожения нефтепромыслов. То есть, если немцы до них не доберутся, а страна останется без горючего, то соответствующего наказания виновному не избежать.

Сталинградскому направлению, согласно планов командования вермахта, отводилась вспомогательная роль. Однако вопреки расчетам и желаниям оно вскоре превратилось в решающее. Само название географического пункта на Волге – «Город Сталина» – выглядело для Гитлера, как вызов на бой. Любой ценой, даже в ущерб основной цели – Кавказу он попытался сокрушить город на великой русской реке.

В самый разгар оборонительных боев советским войскам поступил знаменитый приказ Сталина за № 227. Приказом акцентировалось, что без конца отступать русские армии не могут. Под страхом смерти в нем запрещалось оставлять воинам занимаемые ими позиции без разрешения вышестоящего командования.

Сталинградское сражение состояло для русских из двух ярко выраженных периодов. Оборонительного – на подступах к Сталинграду и в самом городе (с 17 июля по 18 ноября) и наступательного, завершившегося ликвидацией ударной группировки противника (с 19 ноября по 2 февраля 1943 года).

Многомесячная борьба за овладение городом в тактическом плане для немцев свелась к таранным лобовым ударам. Чем глубже они втягивались в жилые районы с их многочисленными жилыми домами, тем медленнее развивалось их наступление.

Весь мир следил за развитием военных действий на Волге.

И для Сталина и для Гитлера владение Сталинградом стало вопросом первостепенной важности. Но исподволь советский лидер, по мере того как немцы вязли близ города на Волге подтягивал резервы своим войскам. При этом непосредственно защитникам помощь оказывалась весьма скупо, в отличие от флангов, где планировался переход в контрнаступление.

К тому времени Вождь практически полностью овладел всеми необходимыми навыками военачальника, командовавшего большими массами войск. Сталин «не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывал военное решение», - вкратце охарактеризовал своего

шефа Василевский. Верховный Главнокомандующий отправил его координировать действия фронтов в районе Сталинграда, окончательно утвердив к тому времени, несмотря на происки недоброжелателей, начальником Генштаба. А в конце августа месяца присоединил к нему Жукова, назначенного решением ГКО заместителем Верховного Главнокомандующего.

В первой половине сентября Василевский совместно с Жуковым предложили Сталину в общих чертах план контрнаступления под Сталинградом. Сталин санкционировал операцию, одновременно обязав своих подчиненных держать замысел в строжайшей тайне. В период осуществления ее подготовки он предпринял еще более радикальные меры для укрепления авторитета командного состава в армии. 9 октября был издан Указ об отмене института военных комиссаров и окончательном введении единоначалия в Вооруженных Силах.

19-20 ноября 1942 года в точном соответствии с планом началось наступление Юго-Западного, Донского и Сталинградских фронтов. 22 ноября 1942 года советские войска замкнули кольцо окружения вокруг войск 6-й армии генерал-фельдмаршала Фридриха фон Паулюса под Сталинградом. Гитлер запретил им прорываться из окружения, рассчитывая на необдуманное обещание рейхсмаршала Германа Геринга обеспечить снабжение окруженных войск по воздуху.

Новой группе армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна предписывалось воссоединиться с армией фон Паулюса. Однако Манштейну это не удалось и ему пришлось лишь вести боевые действия с целью удержания открытым коридора для отступления группы армий «А» с Кавказа. Отход этих войск Гитлер, скрепя сердце, санкционировал 28 декабря.

9 января нового 1943 года по желанию фюрера фон Паулюс отклонил требование о капитуляции. Немецкие войска продолжали сражаться до тех пор, пока не были окончательно разбиты. Лишь 2 февраля оставшиеся в живых прекратили сопротивление. Их осталось немного. Русские взяли 91 тысячу пленными, в том числе около двух десятков генералов во главе с их главнокомандующим. Трехсоттысячная группировка фон Паулюса перестала существовать.

Ужасная катастрофа постигла на Волге войска вермахта. Поражение, которое русские нанесли отборным немецким дивизиям, было мрачным предзнаменованием будущего. По всей Германии зазвучали погребальным звоном траурные колокола по случаю, потрясше-

му страну, и поразившего весь мир, поражения под Сталинградом. В германо-советском военном столкновении явно намечался перелом.

Верховный и генералитет

Крутые военные горки укатали сивку: Сталин мгновенно утратил присущую ему до германского нападения определенную самоуверенность. Весьма вероятно, он мог ожидать в тот период времени своего смещения с поста главы правительства, по аналогии с Даладье и Рейно, а также Чемберленом, не столь давно лишившихся статусов первых лиц в своих странах. Однако никому из его ближайших политических единомышленников не приходит в голову и тени мысли о том, чтобы взвалить на чьи-либо плечи, кроме сталинских, огромной тяжести ответственность.

Справедливости ради, в числе их, а также наиболее высокопоставленных советских военачальниках нет ни одной сколь либо близкой к кавказцу по значимости фигуры для осуществления безболезненной для страны замены лидера.

Наиболее амбициозные из политиков и генералов подверглись незадолго до войны репрессиям, вследствие чего риск «дворцового переворота» практически сводился к нулю. Вследствие данного обстоятельства почти полвека циркулирует по всему свету абсурдный тезис, заключающийся в том, что Сталин якобы намеренно, мотивируясь исключительно дикой жестокостью, обезглавил свою армию буквально накануне войны. И лишь вследствие данного прискорбного деяния страна понесла несравненно более больший урон, чем предполагалось. Некоторые «аналитики» договорились до смешного в своей наивности утверждения о том, что, если бы Тухачевский и другие полководцы остались в живых, то Гитлер вообще не осмелился напасть на СССР.

Фактически же крупными военными специалистами среди них были считанные единицы. Самым ярким деятелем из числа всех погибших считается Иероним Уборевич, действительно обладавший незаурядным военным дарованием. Человек, прекрасно знавший войска, умевший смотреть вперед, воспитывать кадры, пристально и умело занимавшийся боевой подготовкой. Вероятно, лишь после гибели Уборевича Сталину стало известно о том, какого уровня военачальника потеряла страна.

Хотя полководца он знал лично по летней кампании 1920 года.

Уборевич командовал тогда 13-й армией крымского участка фронта, усиления которого Сталин тщетно добивался. И по некоторым данным, Уборевичу Сталин вполне доверял в то время и сменять не собирался…

Остается загадкой объяснение его реплики об Уборевиче, высказанной однажды Мерецкову. Последний рассказал, что уже после гибели командарма на одном из совещаний Сталин настоятельно указал Мерецкову: «Учите войска так, как вы учили их при Уборевиче».

Данная рекомендация вызвала у него тревогу и недоумение. «Как же так? - думал Мерецков. - Человек подвергся репрессиям и, по-видимому, не без ведома Сталина, и именно он, Сталин, предлагает учиться у него. Где же логика? За что погиб Уборевич? Какая на нем лежит вина?» Сколько ни пытался выяснить Мерецков суть дела у близких к Сталину лиц, это ему не удалось. Некоторые лишь давали понять о том, что Уборевич, как и другие военные деятели, был ненадежен: учился в Германии, хорошо знал немецких военных руководителей, а те, в свою очередь, его…

Одним из ключевых моментов репрессий, обрушившихся на красных военачальников в 37 году, возможно, является история с публикацией статьи Тухачевского, напечатанной 31 марта 35 года под названием «Военные планы нынешней Германии» и лично правленой Сталиным. Материал вызвал шумный резонанс во всем мире, а посол Шуленбург посетил наркома Литвинова «с единственной целью выразить недовольство по поводу статьи Тухачевского о германских вооружениях».

Параллельно, германский военный атташе полковник Гартман попросил аудиенции у начальника отдела Внешних Сношений НКО СССР А.И. Геккера. Между ними произошел любопытнейший диалог, из которого следует, что немецкий полковник имел официальное поручение рейхсвера. Вышеуказанная статья, заявил Гартман, вызвала в германском рейхсвере тем более неприятный эффект, что она написана Тухачевским – лицом значительным и в политическом и в военном отношениях, и **особенно уважаемым в Германии** (*выделено мной – М.А.*).

Еще более конкретно о связях германских военных и красных военачальников выразился Геринг в интервью английскому корреспонденту Г. Уорду Прайсу 19 ноября 36 года, месяц спустя ставшему известным Сталину. Говоря о вооружениях России, Геринг посетовал: «Мы знаем, как громадна ее военная промышленность, потому что мы, по глупости, сами помогли ее создать». Он также заявил, что

многие из германских генералов, за исключением Бломберга и Фрича, были бы рады вернуться к политике сотрудничества с Россией, и многозначительно присовокупил. **«Русская армия постоянно предлагает нам похоронить наши идеологические разногласия и разделить мир между нацизмом и большевизмом...»** (*выделено мной – М.А.*). Имеется немало оснований полагать, что под формулировкой «русская армия», Геринг имел некоторое число довольно высоких должностных лиц РККА.

Польская кампания, оказавшаяся легкой прогулкой, незамедлительно вскружила головы отдельным красным военачальникам.

По итогам тяжелой и кровопролитной зимней войны с Финляндией Сталиным были сделаны необходимые оргвыводы.

Согласно майского 1940-го года текста Акта о сдаче-приемке огромного хозяйства Наркомата обороны СССР (с участием Жданова, Маленкова и Вознесенского), войска не только состояли в отвратительной боеготовности. Были самокритично выявлены многие негативные стороны организационной структуры, технического оснащения, подготовки личного состава, тактике действий. Воинская дисциплина и политико-моральное состояние оставляли желать лучшего, «во всей системе пропаганды и агитации хвастовство о непобедимости Красной Армии нашло самое широкое отражение»...

Замену Ворошилова Тимошенко следует признать полностью оправданной, хотя и несколько запоздалой. Перестановки же начальника Генштаба, принявшие за 10 месяцев до войны характер форменной чехарды, сказались самым пагубным образом. При чем не вполне ясными остаются истинные причины, которыми мотивировался Вождь в августе 1940 года, назначая Мерецкова, более молодого и соответственно менее опытного работника, на должность начальника Генштаба – ключевую в системе вооруженных сил любого государства. Вероятнее всего, подлинной причиной перемещения Шапошникова на менее значимый пост замнаркома обороны, ответственного за сооружение оборонительных сооружений (УРов и прочих), явилось его расхождение со Сталиным по вопросу приоритетного направления удара вероятного противника с запада.

Как свидетельствует сам Мерецков, Сталин объяснил причину рокировки состоянием здоровья Шапошникова, в также суть временным характером его новой должности. Действительно, он пробыл на этом посту всего пять месяцев и с подачи Тимошенко был заменен Жуковым. Мерецков, естественно, не успел за непродолжитель-

ное время освоиться должным образом, а Жукову осталось еще меньше времени вникать в курс многогранной деятельности Генштаба. Факт этого назначения говорит о многом.

Жуков признается в своих мемуарах, что отказывался от предложения возглавить Генштаб по причине отсутствия опыта штабной работы. Но Сталин не воспринял жуковской аргументации, так как, очевидно, не представлял различий между офицерами строевыми и штабными. Для него в тот период времени все военные были одинаковы. Беспокоясь о повышении боеспособности армии, Сталин лихорадочно подыскивал наиболее компетентных, по его далекому от профессионализма мнению, командиров.

Жуков отличился в сражениях при Халхин-Голе, а также хорошо зарекомендовал себя командующим округом и в военно-стратегических играх. Существуют две версии более явственного попадания Жукова в поле зрения Сталина в начале японского наступления на Монголию, на первых порах успешного.

По одной из них, его предложил направить туда тогдашний помощник начальника Генштаба Шапошникова М.В. Захаров.

По другой, якобы выведанной и изложенной самим Жуковым, дело как будто обстояло следующим образом. В присутствии секретаря ЦК партии Белоруссии П.К. Пономаренко, командующего тамошним военным округом Тимошенко и наркома Ворошилова Вождь поставил вопрос об обновлении руководства войсками. Нарком замялся, и тогда Тимошенко предложил кандидатуру Жукова, своего заместителя по кавалерии.

- Кто есть Жуков? - осведомился Сталин, что-то не припомню такого военачальника. Тогда Ворошилов напомнил ему, что речь идет о том самом дерзком командире, который в 37 году прислал им телеграмму о несправедливом привлечении к партийной ответственности.

- Ну и чем дело кончилось? - поинтересовался Сталин. Ворошилов ответил, что ничем – оснований для привлечения к ответственности не оказалось.

Так, в самом начале июня 39 года Жуков оказался в Монголии. Он самостоятельно командовал там сначала 57-м особым корпусом, а затем советско-монгольскими войсками, получившими официальное название 1-я армейская группа, и напрямую подчинялся Москве.

Первоначально Жукову было приказано «разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения». Решительные действия военачальника понравились руководству нар-

комата обороны и Жуков был окончательно утвержден. Тогда на Халхин-Гол съехалось много командиров выше его рангом, но Жуков не дал себя подмять. Уже тогда выпукло проявились его основные качества, такие как чрезмерные крутость, упорство и своеволие. Стремление добиться успеха ценой любых потерь, порою совершенно неоправданных. Еще в тот период разгорелись дискуссии о его полководческих качествах, в частности, авторства плана генерального сражения с японцами.

Тогда же, в период решающих боев, у него сложились непростые отношения со Штерном, более старшим по должности и званию. На последнего в качестве командующего особым соединением возлагались «функции фронтового управления с задачей координировать действия советских и монгольских войск». Вмешательство Штерна в оперативные дела Жуков не потерпел и отверг категорически, равно как и ранее распоряжения командарма I ранга Кулика.

За успех в Монголии правительственным указом от 29 августа 1939 года он получил первую звезду Героя Советского Союза. Но Штерн также был награжден подобным образом, что могло усугубить у Жукова чувство неприязни.

В мае 1940 года Тимошенко напомнил Сталину о напористом военачальнике, отличившемся на Халхин-Голе и застрявшем в Монголии. Жуков впервые был ему представлен и получил изрядное повышение по службе – назначен командующим Киевским военным округом. Тогда же получил звание генерала армии. Введение правительством института офицерства, вновь свидетельствовало о повышении внимания к армии и следующего этапа нивелирования былых предубеждений.

Ввиду скоротечного фиаско Франции Сталин более пристально присматривается к высшим должностным персонам своей армии, а также руководителям, причастным к выпуску оружия и боеприпасов. Его мнение при назначениях на тот или иной пост достаточно весомо, но чисто технически они производятся с чьей-либо подачи, как-то наркома и других лиц.

Отсюда, весьма важным моментом является отношение сталинских военачальников друг к другу. Несомненно, многие из них ревностно и даже завистливо относились к чьим-либо успехам, кроме собственных. Не исключены были и служебные трения по причине чисто психологической несовместимости индивидов. К сожалению, редко кто из них высказывался определенно, в подобном случае сыграла

свою роль и партийная цензура. Даже в третье издание мемуаров флотоводца Кузнецова, датированное 1989 годом, не вошла отдельная глава, посвященная его сложным отношениям с Жуковым.

Суть не только в обоюдных амбициях.

Кузнецов отказывался понимать, что вверенные ему военно-морские силы относительно сухопутной армии должны выполнять только подчиненную роль. Отсюда, хотя флотоводец занимал должность наркома, оперативно он подчинялся начальнику Генштаба Жукову. Что Кузнецов и делал, но слишком вынужденно, как бы стиснув зубы.

Уже после смерти Сталина он окончательно разругался с Жуковым (тогдашним министром обороны) и был уволен из вооруженных сил «без права на восстановление» и понижением в воинском звании. Как, не без бахвальства, признавался бравый морской волк, все четыре адмиральские ступени ему покорялись по два-три раза. В итоге контр-адмиралом и полным адмиралом Кузнецов был дважды, а вице-адмиралом и Адмиралом флота Советского Союза – трижды. Случай, надо полагать, беспрецедентный. В полемическом запале Кузнецов существенно приукрасил свои действия в роковые часы 21-22 июня. Местами опустившись в своих мемуарах до прямой лжи, что, впрочем, свойственно и воспоминаниям Жукова.

Определенную известность получила малообоснованная история послевоенной вражды Конева и Жукова.

Отношения последнего со Штерном перед войной также усложнялись. В то время как Жуков поднимался все выше, Штерн столь же ощутимо понижался. Перед самой войной в должности командующего войсками ПВО страны он был и вовсе арестован за плохую работу вверенных подразделений. И, надо полагать, менее всех склонен был замолвить за него словечко начальник Генштаба и одновременно заместитель наркома обороны Жуков. Тем паче, что Штерн напрямую ему подчинялся по линии наркомата обороны.

Аналогично, за неделю до начала войны, должности начальника Главного артиллерийского управления лишился Кулик, замененный ставленником Жукова генералом Н.Д. Яковлевым.

Несколько ранее Главное управление Военно-Воздушных Сил страны возглавил генерал П.Ф. Жигарев, однако его назначение не спасло гибель многих самолетов в первый день войны.

Жигарев добился в самый канун войны специального постановления СНК и ЦК по маскировочной покраске самолетов и аэродромных сооружений в соответствии требованиями современной войны.

Из того же документа следует, что строительство взлетно-посадочных полос, рулежных дорожек и якорных стоянок на полевых аэродромах было далеко от завершения. Ответственным за их сооружение был НКВД и лично Берия.

Непрерывно нараставшая угроза военного нападения принуждала Кремль нервничать и ошибаться, толкая порой на не совсем оправданные кадровые перемещения. Помимо прочего непрестанно шел поиск не только наиболее эффективных образцов оружия, но и оптимальных путей организации их ускоренного выпуска. Была развернута высококонкурентная борьба (иногда нечистоплотная) за каждый новый тип вооружения.

Чтобы максимально приблизить структуры управления к заводам-изготовителям отдельные наркоматы в 39 году были разукрупнены. Так был создан, в числе прочих, наркомат вооружения, главой которого за 10 дней до войны стал молодой управленец Д.Ф. Устинов. А его предшественник Б.Л. Ванников необоснованно подвергся прессингу органов НКВД. Гэбисты, в свою очередь, пристально наблюдали за всеми перипетиями противоборств и нередко, в целях профилактики арестовывали того или иного фигуранта. Естественно, субъект нестойкий в моральном отношении (суть мало виновный) мог существенно пострадать.

Соответственно воспоминаниям советских маршалов, адмиралов и генералов, далеких от конъюнктурных соображений, что делает им честь, представляется возможным реконструировать отношение вождя к высокопоставленным военным, преимущественно, в последний отрезок его жизни. А также, соответственно, их отношение к Вождю и друг другу.

Кузнецов отметил, и Жуков с ним солидарен, что Сталин никого, за исключением маршала Шапошникова, не называл по имени-отчеству. В любой обстановке, почти домашней, он обращался сугубо официально по фамилии с непременным добавлением слова «товарищ». Ему самому также необходимо было говорить только подобным образом: товарищ Сталин. Выражением «товарищ» вождь подчеркивал официальность и одновременно дружественность своего обращения. В то же время Сталин создавал тем самым некоторую дистанцию со своим визави во избежание возможного панибратства.

Сталин, безусловно, стремился всегда учесть сильные и слабые стороны своих генералов, по мере их познания в ходе военных дей-

ствий. Каких-либо особенных любимчиков у Вождя не было, хотя, исходя из своей шкалы ценностей, он выделял некоторых из военачальников.

Сталин был хорошо осведомлен о том, что в силу своих характеров Жуков и Конев весьма нахраписты во многих отношениях. Склонны к самоуправству и самодурству, вплоть до рукоприкладства к подчиненным. Спокойный Василевский являл в этом отношении их полную противоположность. А Рокоссовский вообще был рыцарем без страха и упрека. Еременко же отличался чрезмерной хвастливостью и лучше проявлял себя в оборонительных действиях. Сталин так и величал его «генералом от обороны».

Вместе с тем, никто из генералов и маршалов, даже имевший самые немыслимые заслуги перед страной, в случае провинности не мог рассчитывать на чрезмерную снисходительность Верховного.

Судя по всему, довольно серьезные трения были со Сталиным во время войны лишь у флотоводца Кузнецова (в силу его амбициозного характера), а также у Жукова, но по другим причинам. Последний порою вел себя недостаточно уважительно, о чем поведали конструктор Яковлев и Рокоссовский.

Деликатнейший Рокоссовский даже как-то не выдержал и сделал замечание Жукову, что, по его мнению, не следовало разговаривать столь резко с Верховным Главнокомандующим. На что бравый полководец, не без бахвальства, самодовольно ответил: «У нас еще не такое бывает».

По воспоминаниям Мерецкова можно с достаточной степенью вероятности определить, что у него были сложности с Тимошенко. Из военачальников-мемуаристов практически лишь Кузнецов открыто высказался о том, что Жуков в качестве начальника Генерального штаба держался довольно высокомерно и не пытался вникнуть в дела флота. Он заявлял также, что коллега Жукова начальник Главного морского штаба Исаков тоже не смог найти с ним общего языка. Что характерно, на практически мимоходом пущенные критические стрелы в его адрес, Жуков в своих воспоминаниях отреагировал довольно болезненно.

Предельной «деликатностью» по отношению друг к другу отличаются воспоминания наркома авиационной промышленности Шахурина и его заместителя по опытному самолетостроению конструктора Яковлева. Вне всякого сомнения, их взаимоотношения были достаточно сложными. Приблизительно одинакового возраста, два

этих человека до первой встречи в кабинете у Сталина в начале января 1940 года делали успешные карьеры. Истинный пролетарий по происхождению Шахурин занимал должность секретаря Горьковского обкома партии и не понаслышке был знаком с авиацией.

Однако бывший гимназист Яковлев, с отроческих лет посвятивший себя конструированию самолетов, относительно него совершил уже поистине феерический взлет. В конце апреля 1939 года он был награжден орденом Ленина, автомобилем ЗИС и премией в 100 тысяч рублей за разработку оригинального летательного аппарата, получившего название ближний бомбардировщик (ББ). Далеко не урод внешне, Шахурин и наружностью проигрывал истинному красавцу Яковлеву, ставшему фаворитом Сталина и, вследствие чего, вскоре довольно часто приглашавшемуся в Кремль для консультаций по авиационным делам.

Описания их встречи у Вождя существенно разнятся даже в дате. Яковлев повествует довольно пространно и уверяет, что «9 января 1940 года произошло событие, оказавшее большое влияние на всю мою будущую работу, особенно во время войны». Шахурин более лаконичен и убежден, что судьбоносная во многом для него аудиенция произошла **10 января** (*выделено мной – М.А.*). Оба мемуариста напрямую почти не характеризуют друг друга.

Шахурин лишь говорит: «мне показался он (*Яковлев – М.А.*) волевым и целеустремленным руководителем, умеющим добиваться поставленных перед собой целей» и прочая. Еще меньше высказывались оба по поводу репрессий, учиненных над руководством ВВС в начальный период войны, что косвенно свидетельствует об их причастности.

Потеря сотен самолетов уже в первый день немецкого нападения, детищ, лично выпестованных Сталиным, ошеломила Вождя. Стране был нанесен колоссальный урон, грозивший самыми тяжкими последствиями. Поэтому репрессиям подверглись бывшие руководители ВВС, а также курирующие их деятельность генштабисты и в их числе Мерецков. Последнему вменялось в вину то, что перед самой войной он не самым надлежащим образом проверил состояние авиационных дел. Мерецков действительно побывал в авиационных частях генерала Павлова и Прибалтийского военного округа, но уничтожения самолетов не предотвратил. Все же ему удалось оправдаться, в сентябре 1941 года Мерецков был освобожден и лично получил боевое задание от Сталина.

При этом Верховный, без всяких сантиментов, осведомился о

состоянии здоровья недавнего подследственного и не спеша ввел его в курс дела. Так бывало не единожды, Вождь лишь мысленно извинялся за чрезмерную ретивость своих спецслужб. Очень редко очно и устно говаривая бывшим арестантам: чтобы не было никаких обид.

Следствие по делу руководителей ВВС было завершено уже в Куйбышеве, куда также перебазировался центральный аппарат НКВД. Ввиду тяжести ущерба в конце октября 1941 года генералов авиации расстреляли, невзирая на все их предыдущие достижения, а вместе с ними Штерна, Голощекина и других. Очевидно, следственные органы не сумели или не захотели найти обстоятельств, смягчающих им гибель столь большого числа боеспособных самолетов.

Но такие тяжелые эксцессы более не повторятся. Сталин начинает еще более внимательнее и терпимее относиться к своим, теперь уже ближайшим, сотрудникам. Он не одобрил действия комиссии ГКО во главе с Молотовым, выяснявшей причины окружения армий под Вязьмой. То есть не дал санкцию на предполагавшийся арест Конева и других генералов.

С другой стороны, его старый знакомый еще со времен Царицына Кулик за грубейшие ошибки в руководстве войсками Керченского направления, самовольную сдачу в ноябре 1941 года Ростова и недостойное личное поведение лишается высокого звания маршала, героя Советского Союза и правительственных наград. В дальнейшем Кулик занимал различные генеральские должности и лишь в июне 1946 года был окончательно уволен в отставку. Через полгода подвергся аресту за изменнические и террористические высказывания в числе прочих незадачливых военачальников, и после долгого разбирательства расстрелян... Надо полагать, Кулику припомнили и его некомпетентные действия в должности начальника Главного артиллерийского управления перед самой войной.

Тогда исключительно по его вине преждевременно были прекращены выпуск 45-мм противотанковой и 76-мм полковой и дивизионной пушек. Артиллерийских орудий, столь понадобившихся вскоре фронту.

Постепенно в поле зрения Сталина попадает все больше военачальников, в числе которых оказывается Рокоссовский. Последний, по воле случая и Вождя, оказался свидетелем разговора Сталина с генералом Козловым, уже смещенным с должности командующего Крымским фронтом после керченской катастрофы. Козлов довольно настойчиво напросился на прием, когда память об этом прискорб-

ном действе практически была весьма еще свежа. Сталин встретил его совершенно спокойно, ничем не показал ни гнева, ни неприязни и поздоровался за руку.

Пониженный в звании, помимо должностного ущерба, Козлов в очень взвинченном и истерическом тоне стал доказывать вождю, что с ним поступили несправедливо, ибо он приложил все усилия для выправления положения. Сталин спокойно выслушал, не перебивая, довольно длительный и сбивчивый монолог опального генерала. Засим он возразил:

- Вы хотели сделать все, но не смогли сделать того, что должны были сделать.

В ответ на эту фразу, высказанную по-прежнему очень спокойно, Козлов стал распространяться о Мехлисе, якобы не дававшем возможности командовать фронтом. Все доводы проявившего малодушие военачальника Сталин аргументированно опроверг и оставил в силе свое прежнее решение.

Данный эпизод любопытен прежде всего тем, что, очевидно, по причине своей причастности к крайне неудачной керченской операции Сталин предпочел не слишком сурово наказывать Козлова. Вождь лично настроил Мехлиса на решительные действия, вследствие чего последний подмял под себя Козлова и нанес большой ущерб войскам. В то же время Сталин сделал выводы и ускорил принятие решения по принципиальнейшему вопросу окончательного введения единоначалия в армии.

Всех военачальников изумляла цепкая память Сталина и способность держать в уме многие важные детали военных операций и лиц в ней задействованных. Весьма характерный диалог при участии Сталина состоялся однажды при обсуждении назначения на должность командующего одной из воздушных армий в изложении конструктора Яковлева. Оказалось, что Сталин лично не знал предложенного кандидата, и он поинтересовался:

- Ну а как он – справится? Что из себя представляет?

Заместитель главкома (ВВС М.А.) генерал Г.А. Ворожейкин ответил: - Да, он подходящий человек.

На что Сталин возразил: Что значит подходящий? Дело-то он знает?

Тогда Ворожейкин добавил еще несколько общих данных анкетного характера.

- Я вас спрашиваю: он дело знает?

- Да, товарищ Сталин, он честный человек.

- Бросьте вы эти эпитеты: честный, подходящий. Мало, что честный, одной честности недостаточно, дураки тоже честные бывают. Нам важно, чтобы он был не только честным, но чтобы дело знал, - наставительно и несколько раздраженно заключил Сталин.

Деловитость, компетентность и ответственность были для него важнейшими критериями в оценке любого субъекта.

Совершенно невероятную историю о командире танкового корпуса генерале В.Т. Вольском рассказал Василевский. Последний отмечает, что видел Сталина в разных ипостасях и знаком с ним вдоль и поперек. И если говорить о людях, которые натерпелись от него, то сам он как никто другой страдал от вспыльчивости Вождя. Но Сталин проявлял и мудрость, спокойствие и даже недюжинный такт, вкупе с полной выдержкой и отеческой заботливостью как в случае с Вольским в самый канун русского наступления под Сталинградом.

Вольский отправил Сталину личное послание, в котором высказал глубокое сомнение в успехе операции. Вследствие чего Верховный срочно вызвал Василевского с фронта и в его присутствии ободряюще переговорил по телефону с командиром-танкистом. Окончательно вопрос о Вольском как командире корпуса постановили решить позже по результатам его действий, о чем Василевский обязался доложить отдельно. После разговора со Сталиным танкист, естественно, воспрял духом и действовал успешно. Позже Верховный, разговаривая с Василевским, не забыл осведомиться о Вольском и отдал соответствующее распоряжение.

«Наградите пока от моего имени чем-нибудь, - сказал Сталин, - и скажите, что главные награды впереди». Встретившись с Вольским несколько позже, Василевский поздравил его с успехом, поблагодарил за отменные действия, передал слова Сталина и от его имени пистолет. Они стояли затем молча, смотрели друг на друга, и с Вольским случилось такое потрясение, что он зарыдал в присутствии Василевского, как ребенок.

Эпизод с Вольским, который в глазах Василевского и до этого и в дальнейшем был превосходным танковым начальником и отличным человеком, весьма характерен.

Каждодневные колоссальные психические и физические перегрузки военного лихолетья изматывали многих. На войне были возможны и случались неоднократно и не такие эксцессы, в мирное время казавшиеся дикими. Некоторые военачальники не выдержи-

вали и пытались постоянно расслабиться посредством алкоголя, как это практиковал весьма даровитый военачальник М.М. Попов.

В неординарной ситуации с Вольским Сталин не стал прибегать к скоропалительным оргвыводам. Он совершенно точно оценил его психологическое состояние. В доверительном разговоре с генералом-танкистом Верховный утвердился в мнении, что комкор в одномоментном порыве слабости поделился с ним своими сомнениями.

Существует малообоснованное суждение, заключающееся в том, что Сталин относился ревностно к успехам своих генералов и маршалов. В подобную схему, казалось бы, укладывается случай с Коневым, произошедший в конце августа 41 года.

Верховный соединился тогда с главным редактором «Красной Звезды» Ортенбергом и произнес всего одну фразу:

- Довольно печатать о Коневе.

После чего повесил трубку телефонного аппарата. Естественно, Ортенберг был изумлен до предела и принялся немедленно наводить справки. Но несколько позднее сообразил, что его газета чрезмерно превознесла действия «командира Конева». На фоне в целом неблагоприятно складывающейся обстановки, в то время как тысячи офицеров столь же самоотверженно сражались, «Красная Звезда» создавала иллюзию, что помимо Конева защищать родину некому.

Весьма характерно, много позже Ортенберг уже по иному трактовал данный эпизод, убедив себя в том, что Сталин попросту завидовал Коневу...

Наряду с несомненными ошибками при назначениях на высшие командные посты в Красной Армии были и отдельные удачи, во многом повлиявшие на ход войны. В самом начале 41 года Штерн был смещен с должности командующего Дальневосточным фронтом. Его место занял переведенный из Ташкента (с поста командующего Среднеазиатским военным округом) генерал Иосиф Родионович Апанасенко. Старый знакомый Сталина еще со времен царицынских сражений и Первой Конной армии.

Лишь сравнительно недавно выдающаяся роль последнего в Великой Отечественной войне оценена историками. Благодаря незаурядному мужеству Апанасенко, его стратегическому дарованию, неутомимой деятельности на востоке страна во многом обязана победами на западе. Без отмобилизованных до предела многочисленных подкреплений с Дальнего Востока, несомненно, Москва не устояла

бы зимой 41 года. В то же время Апанасенко отнюдь не оголил восточные рубежи государства. Под свою ответственность, без должного согласования с Центром, который еле как едва отбивался от германцев, бравый генерал организовал пополнение своим частям, не страшась обвинений в самоуправстве и бонапартизме.

По свидетельству Е.А. Боркова, во время войны первого секретаря Хабаровского крайкома, Сталин в критический момент нацистского наступления на Москву пригласил его в Кремль вместе с Апанасенко. Причем предварительно Верховный заручился лояльностью видного партийца, а также договорился с ним вместе воздействовать на склонного к упрямству военачальника. Но Апанасенко, понимая исключительную серьезность ситуации на западе, безропотно согласился в некоторой степени обнажить рубежи на востоке. В то время как позиция Японии была далека от ясности. Вместе с тем его покладистость имела четко очерченные пределы.

Лишь только Сталин вознамерился забрать некое количество противотанковых пушек, как Апанасенко немедленно взорвался и наотрез отказался (к ужасу Боркова) выполнять распоряжение, которое посчитал неправомерным. Верховный вынужден был уступить, причем в довольно примирительной форме, что также было воспринято Борковым с удивлением.

Апанасенко постоянно бомбардировал Сталина просьбами отправить его в действующую армию. И лишь когда в германо-советском конфликте наметился перелом, Верховный исполнил просьбу генерала. В конце мая 1943 года Апанасенко был назначен заместителем командующего войсками Воронежского фронта генерала Ватутина, чтобы очень скоро геройски погибнуть. Апанасенко не успел отличиться в боях и сражениях, но его вклад на Дальнем Востоке в дело общей победы соизмерим с деяниями наиболее виднейших советских полководцев.

Производное недостаточной квалификации военных кадров

Вслед за импульсивным исследователем Ю.И. Мухиным лишь с не слишком существенными поправками можно утверждать, что Сталин и его ближайшее окружение вручили советскому генералитету армию, «практически равную по численности немецкой», до-

вольно прилично вооруженную и оснащенную технически. При этом существенно, почти до минимума, снизив риск ведения боевых действий на два фронта.

Иными словами, в Кремле имелись основания полагать, что красные военачальники с честью незамедлительно исполнят свой долг перед Родиной. В конечном счете, подобное произошло. Хотя уже в первые недели войны Советский Союз в одночасье лишился всех территориальных приобретений – результата почти двухлетних политических усилий Сталина.

Исключительно вследствие инсинуаций Хрущева единственно лишь на последнего возлагается ответственность за первоначальные крупные поражения русских в войне с Германией. По причине спекулятивной акцентированности на данном этапе боевых действий практически нивелируется в целом деятельность Сталина. А иные горе-исследователи договариваются до полного абсурда: война де была выиграна лишь вопреки его участию. Встречаются и такие пассажи, что Сталин абсолютно все делал неправильно.

Но в подобном случае ответ на вопрос, кем персонально был организован германцам столь сильнейший отпор, становится совершенно неразрешимой загадкой.

Полностью игнорируются сокрушительные поражения, нанесенные вермахтом полякам и французам, то есть теоретически Россию могло ожидать нечто подобное, если бы не железная воля ее Вождя.

Не снимая со Сталина определенной части ответственности, следует признать, что причинами начальных тяжелых поражений, помимо чисто психологических факторов, явился целый ряд недоработок и упущений в деле обороноспособности страны.

Главным в комплексе ошибок, несомненно, являлась глубоко порочная концепция высшего военного руководства государства, заключавшаяся в чисто декларативных лозунгах типа: «ни пяди советской земли агрессорам» и прочая, а также чрезмерной уверенности в том, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Планируя грядущие военные действия, красные военачальники фактически упустили из виду главную цель, которая состояла в том, чтобы нанести агрессору максимальный урон, а затем уже переходить в наступление. Советское военное руководство не сумело до середины войны обстоятельно и детально разобраться с проблематикой стратегической обороны. Понятие стратегической обороны как фактора, позволявшего в значительной степени нейтрализовать

ударную мощь противника, практически отсутствовало в оперативных планах развертывания войск советские полководцев.

Их красочные диспозиции на картах означали суть встречное сражение, уместное лет двадцать назад, в период гражданской войны. Когда противоборствующие конные лавы и пешие когорты сходились в яростных схватках в лобовую.

О том, что Красной Армии, возможно, придется отступать, мало кто из русских военачальников задумывался серьезно. Поэтому запасы боеприпасов размещались на складах вблизи дивизий первого стратегического эшелона, что многократно повышало риск их потери в случае отхода войск.

А самолеты приграничных округов дислоцировались на аэродромах, хорошо известных противнику и стали его легкой добычей. Руководство ВВС СССР также проявило беспечность и недальновидность, не сосредоточив технику загодя на полевых и запасных аэродромах, правда, недостаточно готовых к их приему. В чем, вероятно, были повинны войска НКВД, ответственные за их строительство.

К счастью для русских, склады горюче-смазочных материалов (ГСМ) ввиду отсутствия достаточного количества емкостей располагались преимущественно в глубине страны.

По иронии судьбы, на совещании высшего командного состава за полгода до войны тогдашний начальник Главного управления ВВС П.В. Рычагов выступил с докладом с примечательным названием «Военно-Воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе». Он, в частности, совершенно справедливо заявил, что «завоевание господства в воздухе достигается уничтожением авиации противника на аэродромах с одновременным ударом по ее тылам, фронтовым базам, ремонтным органам, складам горючего и боеприпасов», а затем уже уничтожением авиации противника в воздухе над полем боя.

В докладе и в прениях по выступлению Рычагова, тем не менее, не были оценены должным образом действия люфтваффе, быстро разгромивших польские и французские воздушные силы, главным образом посредством внезапных массированных ударов по аэродромам. Резюмировавший совещание Тимошенко обратил внимание на явную разноголосицу среди красных авиаторов. Нарком акцентированно отметил, что у руководящего состава ВВС нет единства взглядов по многим важнейшим вопросам, «а это может быть особенно чревато тяжелыми последствиями».

Данный сигнал (маяк) был проигнорирован многими военачальниками, отсюда «не было уделено должного внимания приведению авиационных частей и соединений в повышенную степень боевой готовности и отражению внезапных массированных ударов вражеской авиации».

Фатальным образом сказалось следующее важное обстоятельство. В начальный период войны командующие ВВС приграничных округов подчинялись Главному управлению ВВС по многим вопросам, но не «в отношении боевого применения авиации». А их непосредственные шефы, командующие округами, не удосужились опять же, в первую очередь, привести в повышенную боевую готовность свои достаточно мощные воздушные силы. Хотя практически, как наиболее мобильные воинские части, их проще всего было бросить первыми в бой. И все же главным образом сказались личные качества руководителей, а не организационные нестыковки двух разных родов войск – наземного и воздушного.

На южном участке фронта (мест дислокации войск Одесского военного округа) авиасоединения успешно отразили в первый день войны воздушное нападение: противник вывел из строя лишь шесть советских самолетов, сам же потерял в пять раз больше.

Причем незадолго до того командующий ВВС округа генерал Мичугин Ф.Г. возражал против передислокации авиации по оперативным аэродромам, мотивируя повышенной вероятностью повреждения самолетов. Лишь после получения письменных приказов генерал-авиатор подчинился, что, очевидно, не спасло его от прессинга НКВД. Многие были отважными летчиками, но посредственными администраторами и плохими стратегами. Наподобие командующего авиацией Киевского военного округа генерала И.И. Копца, покончившего самоубийством после потери 22 июня вверенных ему 387 истребителей и 351 бомбардировщика. Хотя за неделю до войны Мерецков проводил профилактическую беседу на предмет бдительности и боеготовности с Копцом, равно как и с командующим округом Павловым…

По мнению маршала М. В. Захарова, явно ошибочным было решение Центра сформировать полевое управление Южного фронта не на базе Одесского военного округа. В связи с недостатком знаний особенностей театра военных действий, состояния вверяемых войск и пр.

Подобного рода тактических ошибок было допущено немало накануне и в первые дни войны.

Лишь штаб Одесского военного округа (М.В. Захаров) отказался

от запланированных загодя боевых стрельб артиллеристов и зенитчиков. Чего не сделали другие округа, отправившие артполки по полигонам, оставшись в результате в самом начале войны без столь необходимых орудий. Также в ОдВО были отменены намечавшиеся в конце июня учения «Армейская полевая поездка со средствами связи», осуществление которых могло привести к потере управления...

Один из явных просчетов советского командования характеризует и ситуация с так называемыми укрепрайонами (УРами). В ноябре 1939 года в связи с изменением западной границы было решено оставшиеся в тылу УРы упразднить, их боевые сооружения законсервировать и начать строительство новых. С лета 1940 года усиленными темпами началось возведение 20 новых укрепрайонов, к сожалению, незаконченное. К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений (дотов), но из них лишь 1000 получили артиллерию. В остальных устанавливались пулеметы.

Ранней весной 1941 года было решено восстановить старые укрепленные районы как рубеж оперативной обороны и содержать их в боевой готовности. Однако к 22 июня привести старые УРы в полную боевую готовность также не удалось.

Серьезной ошибкой, существенно повлиявшей на действия Красной Армии в первые дни войны, оказалась усиленная переориентация на Юго-Западное направление, неуклонно проводимая Тимошенко. Последний, заступив на пост наркома, солидаризовался со Сталиным, нежели с Шапошниковым, больше ориентированным на Северо-Западное направление. Уже в июле 1940 года из Киевского Особого военного округа в Генштаб были переведены Ватутин и другие генералы. А когда Жуков был назначен начальником Генштаба, он немедленно перетащил с собой Г.К. Маландина и других видных офицеров. Многие из которых внесли немалую лепту в перенацеливание усилий советских войск с Северо-Западного (менее знакомого им предполагаемого театра военных действий) на Юго-Западное направление.

По замыслам Шапошникова, основные силы Красной Армии необходимо было развернуть к северу от Полесья. Фактически по воле Сталина и Тимошенко получилось южнее, однако тому были свои немалые резоны в связи с продвижением сначала итальянцев, а затем и немцев на Балканах, многократно увеличившие угрозу югу России, Украине и Кавказу.

Существенная накладка получилась с делами флотскими, так как Сталин чрезмерно большое внимание уделял строительству мощней-

ших линкоров и тяжелых крейсеров. Он не предполагал (равно как и все его коллеги), что, в конечном счете, России придется воевать исключительно на суше и в воздухе. Наркомат военно-морского флота должен поделить в этом деле ответственность, ибо огромные суда так и остались на стапелях верфей недостроенными в период войны. Программу строительства крупных кораблей свернули перед самой войной для ускорения производства всех видов наземного вооружения.

В начальный период войны самым существенным образом сказалось также несомненное превосходство вермахта в осуществлении оперативно-тактических действий вследствие долголетнего совершенствования немецкой военной доктрины. В отличие от Германии, российскую военную доктрину приходилось создавать практически заново в связи с событиями 1917 года.

Немецкие военные уставы по многим параметрам превосходили русские. Сооружение оборонительных рубежей осуществлялось последними преимущественно в ходе ведения боев (а не заранее), и носило очаговый характер, что создавало некую изолированность отдельных ее элементов. А также затрудняло собственным войскам возможность маневрировать вдоль фронта и в глубину и, напротив, облегчало противнику возможность прорыва.

В пехотных частях применялась, в основном, ячеечная система в виде отдельного окопчика, а неприменение траншейного метода также крайне затрудняло мобильность бойцов и неблагоприятно воздействовало в морально-психологическом плане.

Лишь хлебнув сполна полные горечи чаши поражений, русские извлекли из них необходимые уроки, вспомнили и усовершенствовали заповеди знаменитого Александра Васильевича Суворова. Одна из которых гласит в том смысле, что один битый стоит двух небитых и многократно увеличили усилия, вдохновленные своим Вождем.

Как представляется ныне, идеальным вариантом (которых, как известно в природе не существует) развития событий для русских было бы предельное изматывание сил вермахта до рубежей, приблизительно соответствовавших линии рассредоточения старых УРов, оснащенных до предела новейшими средствами вооружений. На этих бастионах затем предстояло уничтожить сохранившие ударную мощь вооруженные силы Германии, а уже затем переходить в наступление с целью окончательного разгрома противника.

По всей видимости, у Вождя не было помыслов взваливания на себя, неподъемного для рядового штатского человека груза Верхов-

ного Главного командования. Сталин предполагал в случае войны ограничить свою роль как лидера, обеспечением войск всем необходимым для ведения боевых действий и политическим руководством. Он также не ведал о том, что руководство Красной Армии до такой степени малосведуще в современной войне. Ему пришлось учиться у войск вермахта.

Если бы к моменту претворения немцами в жизнь директивы «Барбаросса» русскими были подготовлены оборонительные позиции наподобие тех, которые были изготовлены для сражения на Орловско-Курской дуге, то война, несомненно, закончилась бы намного раньше.

Резюме раздела. В психологическом плане нападение Германии на СССР, несомненно, оказалось неожиданным для Сталина. Не являвшийся по складу характера воинствующим милитаристом, он не склонен был ожидать подобных авантюрных действий от Гитлера. Одновременно Сталин полагал, что даже если фюрер рискнет напасть на Советский Союз, то весьма скоро русские армии отбросят войска вермахта за границу.

Он переоценил боевую мощь Красной Армии и в то же время недооценил вооруженные силы немцев. Оправившись от некоторого первоначального замешательства, Сталин начинает действовать.

В начальном периоде военных действий эмоциональный настрой возобладал в нем над разумным началом. Вождь пытался тогда исключительно волевым усилием переломить неблагоприятно складывающуюся ситуацию на фронтах. Недостаточная компетентность Сталина в делах сугубо военных и скоропалительность его решений увеличили неизбежные хаос и неразбериху как следствие неожиданно мощнейших ударов противника.

Высшее военное руководство также растерялось и не сумело немедленно организовать более эффективный отпор армии вторжения, избежав ненужных потерь.

Тем не менее, общими усилиями в первый год войны удалось сорвать немецкий план молниеносной войны. Сталин отличился тогда, в первую очередь, как организатор перестройки всей экономики страны на нужды фронта, а также всемерной мобилизации патриотически настроенных слоев населения.

По мере того, как гитлеровские войска увязали на бескрайних российских просторах во все более длительную кампанию, Сталин

постигает воинское искусство. Уже в периоде Сталинградского сражения, переломного во всем советско-германском столкновении, он начинает проявлять качества, присущие крупным полководцам. Одновременно Сталин начинает интенсивнее контактировать со своими союзниками, великими мировыми державами – США и Великобританией.

XI
Победитель в глобальном вооруженном конфликте

«Победа никогда не приходит сама, – ее обычно притаскивают»

И. Сталин

От Сталинградского кольца до Орловско-Курского «конца»

Ликвидировав армию фельдмаршала Паулюса, Красная Армия продолжала наступление. 9 февраля 1943 года она достигла Белгорода и Курска, а 15 февраля – Харькова. Однако фронт русских чрезмерно растянулся.

22 февраля фельдмаршал Манштейн предпринял контрнаступление к северо-востоку от Днепропетровска и отбросил советские войска.

14 марта немцы вновь вступили в Харьков, а вскоре в Белгород и восстановили линию обороны по Донцу и Миусу. Приблизительно, это были те самые позиции, с которых войска вермахта начали злополучное наступление в июне прошлого года. Пошли весенние дожди и началась распутица. Маневренные боевые действия с обеих сторон временно приостановились.

А летом 1943 года Германия предприняла последнее крупное наступление вермахта на Восточном фронте. За два года боев против Красной Армии он понес тяжелые потери, но немцы по-прежнему располагали огромной ударной мощью. Гитлер потребовал от своих войск непременного летнего возмещения зимних потерь. Блеск одержанных сразу после вторжения в Россию 22 июня 41 года, побед, неминуемо поблек. Всегерманское ликование сменилось сдержанностью, затем настороженностью, переросшей в тревогу, грани-

чащую с паранойей. Как воздух, нужна была новая внушительная виктория, затмевающая сталинградский ужас.

Независимо от того, что происходило на других театрах военных действий, взор Гитлера был прочно прикован к Восточному фронту. Исход войны решался здесь. Если бы удалось переломить становой хребет русским, все остальные чрезвычайные ситуации германский рейх преодолел бы легко. Крайне необходимо было добиться военной победы в России. Данный триумф позволил бы успешно решить все экономические, политические и прочие проблемы.

15 апреля Гитлер утвердил директиву № 6 о проведении операции «Цитадель». Фюрер провозгласил, что 5 июля немецкие войска нанесут такие сильнейшие удары, что эхо от них разнесется по всему миру.

Конфигурация расположения войск на оперативных штабных картах подталкивала немецкое командование принять следующее решение. Мощнейшими концентрированными ударами прорвать оборону русских в двух местах, у оснований так называемой Орловско-Курской дуги, на фронте протяженностью всего лишь в 150 километров. Затем планировалось окружить и уничтожить попавшие в «мешок» советские армии и выйти на оперативный простор. Наученные горькими опытами предыдущих боев русские не дремали.

Уже 8 апреля заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков представил свои соображения Сталину по поводу предстоящей летней кампании. В Ставке Советского Верховного Главнокомандования с поразительной прозорливостью и точностью предугадали все, что Гитлер и его генералы собирались предпринять в отношении Курского выступа. 12 апреля, еще до утверждения Гитлером «Цитадели», Сталин провел совещание с Жуковым и Василевским, на котором были приняты предварительные решения относительно дальнейших действий Красной Армии.

Основные стратегические резервы предполагалось сосредоточить в районе Курска, хотя Верховный Главнокомандующий продолжал опасаться за безопасность Москвы. Практически до самого конца весны Сталин разрешал дилемму: встретить противника обороной русских войск или нанести упреждающий удар, на чем настаивала часть военачальников.

Он опасался, что советская оборона может не выдержать удара немецких войск, как это бывало не единожды в 1941 и 1942 годах. Одновременно Сталин не был уверен в том, что Красная Армия в состоянии разгромить противника своими наступательными дей-

ствиями. После многократных обсуждений Сталин все же склонился к варианту стратегической обороны. Время постепенно шло и практически во всех деталях становились известны намерения противника.

Вследствие этого фактора оборонительно-инженерные работы русских приобретали все больший размах. Немцам предстояло преодолеть шесть укрепленных рубежей, предельно насыщенных полевыми укреплениями, укрытиями, противотанковыми препятствиями. Подступы к каждой оборонительной полосе были прикрыты обширными минными полями. Длина траншей и ходов сообщений достигали не одну тысячу километров. Делалось все для того, чтобы надежнее организовать оборону. Ничто не упускалось из виду. И даже если немецким войскам удалось бы пробиться через эту перенасыщенную огневыми средствами оборону, их ожидали мощные силы Степного фронта, а за ним находился еще один рубеж оборонительных сооружений на восточном берегу Дона.

В то время как велись эти работы в войсках шла непрерывная учеба и подготовка к предстоящей титанической схватке. Немцы также самым тщательным образом подготовились к сражению. Каждый метр Курского выступа был сфотографирован разведывательными самолетами, а снимки переданы войскам. Офицеры пехотных и танковых подразделений целыми днями изучали в бинокли позиции противника, рельеф местности и наносили на свои оперативные карты траншеи, укрепленные пункты, технику – все. Численностью, без малого в миллион солдат и офицеров, с 3200 танков и САУ, 10 тысячами орудий две немецкие группировки при поддержке 2500 самолетов готовились ринуться в бой. В битве на Курской дуге русским предстояло сразиться с новыми немецкими бронированными машинами, с которыми они ранее не сталкивались, средними танками «пантера» и 60-тонными «тиграми», а также исполинскими самоходными орудиями (САУ) «фердинанд», имевшими 200 мм броню.

Силы русских фронтов, Воронежского и Центрального, составляли свыше 1300 тысяч воинов, около 20 тысяч орудий и минометов, 3306 танков и САУ, а также 2650 самолетов. Позади них сосредоточился, готовый как к обороне, так и к наступлению Степной фронт, имевший почти 600 тысяч бойцов, более 9 тысяч орудий и минометов, 1640 танков и САУ. Предельно отмобилизованные обе воюющие стороны замерли в ожидании надвигавшихся больших событий.

Накануне решающего момента советскому командованию стало известно об ориентировочном времени начала немецкого наступле-

ния – 3 часа утра 5 июля. Приказ о начале операции «Цитадель» предусматривал проведение артиллерийской подготовки ровно в 2 часа 30 минут 5 июля. В течение получаса немецкие пушки и минометы должны были обрушить на русские позиции смертоносный шквал. В 3.00 должны были двинуться первые танки, сопровождаемые «гренадерами», а затем мотопехота на бронетранспортерах. Люфтваффе, с первыми лучами солнца должны были нанести бомбовый удар по передовой полосе русской обороны. План был таков, но с самого начала ему не суждено было сбыться.

Генерал Гот решил улучшить свои исходные позиции перед решающим наступлением и 4 июля, во второй половине дня, немецкие танки и пехота ринулись в атаку. Однако, оттеснив боевое охранение русских, Гот тем самым подставил свои войска под артиллерийский огонь главной линии обороны противника на Воронежском фронте под командованием Ватутина и кураторством Василевского. Последний, также как и Жуков, непрерывно держал связь со Сталиным и периодически докладывал Верховному о малейшем изменении обстановки. Центральным фронтом руководил Рокоссовский, координатором от Ставки там являлся Жуков.

Последний решился начать перед наступлением противника упреждающую артподготовку и доложил Сталину. Вождь находился в достаточно напряженном состоянии, перед звонком Жукова ему отрапортовался Василевский. Одобрив решение Жукова, Сталин приказал чаще его информировать о разворачивавшейся колоссальной битве.

Обе противоборствующие стороны сражались с исключительной силы храбростью и упорством. К 10 июля в секторе Центрального фронта немецкие потери в танках и живой силе достигли таких размеров, что стало ясно: наступление вермахта пробуксовывает. Оборонительная фаза битвы для советских войск на северном фасе Орловско-Курской дуги заканчивалась. Но южнее, на Воронежском фронте, немцы не оставляли надежд переломить ситуацию в свою пользу.

9 июля Сталин позвонил Жукову и, ознакомившись с обстановкой, предложил ввод в действие Брянского и левого крыла Западного фронта, как и было предусмотрено планом. Заслушав аргументы Жукова, вождь санкционировал переход в наступление войск Брянского фронта с 12 августа. В тот же день на южном фасе дуги, не подозревая о намерениях друг друга, и немцы и русские готовились нанести массированные танковые удары.

В величайшем встречном танковом сражении под Прохоровкой

окончательно разрешилась судьба Орловско-Курской битвы. Более 1200 танков и самоходных орудий смешались там в гигантском водовороте, окутанном пеленой дыма и пыли, озаренном вспышками сотен танковых пушек. Адская какофония звуков, невообразимый грохот и лязг разносились на многие километры вокруг.

Согласно личному указанию Сталина, с вечера 9 июля Василевский находился в войсках генералов П.А. Ротмистрова и А.С. Жадова на прохоровском и южном направлениях. В результате встречных танковых сражений, по его личным наблюдениям, поля боев были усеяны горящими немецкими и советскими танками и САУ. Обеспокоенный Сталин позвонил также Жукову на командный пункт Брянского фронта и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять координацию действий Воронежского и Степного фронтов.

Наступал кульминационный момент битвы. Вечером 13 июля Жуков встретился с Василевским, которому вождь поручил выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться вслед за переходом в контрнаступление войск Жукова. Обескровленные и терявшие веру в успех операции «Цитадель» войска вермахта постепенно переходили к обороне. Под Прохоровкой они лишились минимум 350, а возможно, и 400 танков. По меньшей мере половина немецких танков, участвовавших в сражении, была уничтожена, а уцелевшие срочно нуждались в ремонте и обслуживании. Окружить на четвертый день наступления (как это предусматривалось планом) русских немцам не удалось.

Понеся огромные потери, они продвинулись на глубину до 12 километров на северном фасе Орловско-Курской дуги и до 35 километров на южном и вынуждены были прекратить наступление, а затем начать отвод своих войск. Во избежание полного разгрома до 23 июля главные силы немцев были отведены на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление.

Сталин требовал, чтобы русские войска продолжали контрнаступление, на которое у них практически не было сил и средств. Однако как он ни торопил, ему пришлось согласиться с мнением Жукова и Василевского, аргументировавших, хотя и не без труда, необходимость не спешить с продолжением активных действий. А начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне и материально обеспечена, то есть будет произведена необходимая перегруппировка войск.

Скрепя сердце, после многократных переговоров Сталин утвер-

дил решение своих ближайших военных советников по причине его несомненной правильности. И в начале августа, невзирая на ожесточенное немецкое сопротивление, русские возобновили продвижение своих войск вперед.

Сталин весьма внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал нити управления войсками в своих руках. От каждого представителя Ставки он требовал строжайшей дисциплины и порядка. Мотивируясь интересами оперативного руководства вооруженной борьбы, вождь не допускал ни малейшего намека на снисходительность. Не получив в середине августа своевременно донесение от Василевского, Сталин попытался с ним связаться по телефону, но это не удалось сделать. Тогда он продиктовал генералу А.И. Антонову депешу весьма грозного содержания, которая на всю жизнь запомнилась впечатлительному Василевскому.

К концу августа катастрофически осложнившаяся обстановка на фронте группы немецких армий «Юг» вынудила Гитлера прибыть из Восточной Пруссии в полевую ставку на Украине – в Винницу. Манштейн просил подкреплений, однако дальше обещаний фюрера дело не пошло, резервов у немцев оставалось все меньше. Между тем, русские армии продолжали наращивать силу своих ударов, не за горами уж было освобождение Донбасса. Повсеместно они начали перехватывать стратегическую инициативу, а их генералы начали изощряться при планировании наступательных операций. Чему Сталин категорически препятствовал – во главу угла он ставил скорость очищения территории от оккупантов, нежели эффектно проведенную операцию по окружению противника.

Операции «Эврика, «Багратион», «Аргонавт» и другие

Вступление США в войну зимой 1941 года означало, в первую очередь, резкое увеличение сражений на море.

Первоначально немецкие подводные лодки почти свободно рыскали по всей Западной Атлантике, нанося большой урон кораблям противника. Японцы же с поразительной быстротой и без особых усилий стали хозяевами богатых ресурсов Голландской Восточной Индии и Малайского полуострова, обладание которыми, по их мнению, стоило того, чтобы идти на риск войны.

Контингенты американских, а также английских военно-морских сил оказались под чрезмерным напряжением, вызванным ведением боевых действий на двух океанах: Тихом и Атлантическом. Создалось весьма серьезное положение, так как морские коммуникации являлись главными артериями стратегии союзников. Без них Великобритания и Соединенные Штаты не могли использовать свои военные ресурсы на сухопутных театрах.

Между тем, практически все время внимание Гитлера было приковано исключительно к событиям на Востоке, и он требовал наращивания средств вооруженной борьбы в данном регионе в ущерб своим ВМС и другим театрам военных действий. То обстоятельство, что войска Германии были очень сильно скованы боевыми действиями в России, сказалось самым кардинальным образом на исходах сражений в огромных пространствах Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем и в Африке.

Постепенно англо-американцы начали повсеместно теснить своих противников. А два года спустя появилась острая необходимость личной встречи первых персон стран антигитлеровской коалиции для согласования дальнейших действий. Встречу намечено было произвести в конце ноября 1943 года под кодовым названием «Эврика», в столице Ирана – городе Тегеран.

Вне всякого сомнения, Сталин отправлялся для встречи с союзными лидерами в Тегеран в хорошем расположении духа. Обстановка на русско-германском фронте, начиная с лета 1943 года, улучшалась с каждым днем. В военных действиях произошел коренной перелом. Силы Красной Армии возрастали пропорционально тому, как слабели войска вермахта. Они прочно удерживали стратегическую инициативу. Противник на всей протяженности линии фронта перешел к обороне. Советская экономика во все возрастающих количествах снабжала войска превосходными видами оружия, техники и амуниции. 6 ноября была освобождена столица Украины, город Киев. Половина всей территории, захваченной немцами, вновь стали принадлежать Советам.

Перед ними реально появилась возможность одержать победу собственными силами. Однако отправляясь в Иран, русский лидер был полон решимости добиться более решительных действий от своих союзников с целью скорейшего окончания войны в Европе. Второй фронт на европейском континенте к зиме 1943 года был скорее обозначен на карте, чем что-либо значил в реальности.

Когда немцы напали на русских в июне 1941 года, дипломатическая деятельность между СССР и Англией приобрела более интенсивный характер. Она развивалась в русле заявления британского премьера Черчилля, безоговорочно осудившего на словах агрессивное нападение на Советский Союз и предложившего оказание посильной помощи.

8 и 10 июля в качестве письменного подтверждения Сталин получил 2 личных послания Черчилля. 12 июля нарком иностранных дел Молотов и посол Англии Криппс подписали в Москве пакт о военной взаимопомощи, заложивший основы системы англо-советских отношений в годы Второй мировой войны.

Но лишь 18 июля, когда обстановка на фронте несколько стабилизировалась, Сталин в свою очередь ответил Черчиллю. В нем он предлагал британскому лидеру создать фронт против Гитлера на Западе (в Северной Франции) и на Севере (в Арктике). Помимо прочего, Сталин фактически извинялся за то, что занял в свое время западные территории, мотивируя тем, что в противном случае положение немецких войск было бы еще выгоднее.

Медленно, но верно, отношения между союзниками начали налаживаться. В конце июля друг и специальный посланник президента США Рузвельта Гарри Гопкинс посетил Советский Союз с целью политического зондажа намерений Кремля. Он лично убедился в непоколебимой решимости русских сражаться с немцами до победного конца. Встретившись в Москве со Сталиным, Гопкинс всемерно содействовал затем закладке фундамента советско-американского сближения. На основании его отчета, на встрече в бухте Ардженття острова Ньюфаундленд Рузвельт и Черчилль совместно обсудили вопрос о том, каким образом две страны могли бы помочь России, естественно, без ущерба для себя.

31 августа в Архангельск прибыл первый английский конвой с военными грузами, положивший начало совместным действиям советского Северного флота и военно-морских сил союзников.

3 сентября 1941 года Сталин отправил второе письмо Черчиллю, в то время как получил от него восемь посланий, в том числе одно подписанное совместно с Рузвельтом. Советский лидер вновь акцентировал внимание на открытии второго фронта либо на Балканах, либо во Франции. Одновременно он просил помощи в обеспечении Советского Союза алюминиевым сырьем и самолетами, а также танками. Сталин выражал удовлетворение слаженными совместными

действиями советско-британских войск в Иране, но подчеркнул, что это лишь крошечный эпизод на огромном театре военных действий. Союзники выбрали в тот период времени вариант помощи поставками.

С 7 ноября 1941 года США распространили закон о ленд-лизе – поставках товаров в кредит на СССР. Но поставляемые ресурсы недостаточно удовлетворяли потребности русских, к тому же были неритмичными. Параллельно госдепартамент США нажимал на Румынию и Финляндию, дабы заставить их выйти из войны на стороне Германии.

А в начале декабря, соответственно настояниям русских, Великобритания объявила войну Румынии, Венгрии и Финляндии, а затем Болгарии. В знак признания важного значения содействию США в отчаянной борьбе, которую Россия вела против Германии, была произведена смена послов.

Сталин вызволил Литвинова, находившегося в Куйбышеве в глубокой опале, из небытия, по причине личной неприязни к нему Молотова и отправил послом в Америку. Вскоре после его прибытия в США, а именно 7 декабря 1941 года Япония произвела нападение на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор. Соединенные Штаты автоматически вступили в войну.

На англо-американской конференции в Вашингтоне (декабрь 1941 – январь 1942 года) в качестве главного противника союзниками была определена Германия. Ключом к победе являлся вследствие этого тезиса разгром немецких вооруженных сил. Однако открывать второй фронт в Европе союзники явно не спешили.

В феврале 1942 года штаб ВВС Великобритании по прямому указанию премьер-министра принимает директиву о приоритетности бомбардировочного наступления на противника. К тому времени, ценой неимоверных усилий, русские восстанавливают свои военно-воздушные силы, чем облегчают задачу атак на Германию с воздуха. Авиационные рейды на германские объекты становятся более массированными и разрушительными. 30 мая в налете на Кельн участвовало свыше тысячи самолетов британских ВВС.

С 4 по 6 июня 1942 года США взяли реванш за поражение в Перл-Харборе. В морском сражении у острова Мидуэй в Тихом океане, они уничтожили четыре японских авианосца, один тяжелый крейсер и 332 самолета. Несколько тысяч «самураев» упокоились в морских пучинах. Американские потери оказались гораздо меньшими. Японский военно-морской флот начал сдавать свои позиции на огромном Азиатско-Тихоокеанском фронте. Ибо японцам приходилось

оборонять от англо-американцев внешний периметр, протянувшийся от Сибири через Китай и Бирму к Голландской Индии и далее к Соломоновым островам и атоллам Тихого океана.

12 июня 1942 года авиация США с аэродромов, расположенных на Ближнем Востоке, нанесла удар по нефтяным промыслам в Плоешти в Румынии. Летом того же года Молотов совершает вояж в Нью-Йорк и Лондон по вопросу открытия второго фронта в Европе. Западные союзники обещают открытие его уже в 1942 году. Приблизительно в этот период времени британское руководство предельно обеспокоилось, казалось бы, неудержимым продвижением вермахта через Кавказский хребет на Средний Восток.

Черчилль, в первой половине августа 1942 года в самый неподходящий момент разгара тяжелых боев под Сталинградом совершает поездку в Москву. Из советской столицы он возвратился с убежденностью в то, что русские в состоянии удержать немцев на своем южном фронте. Следовательно, не стоило опасаться угрозы интересам англичан за Кавказом.

Между тем, Сталин требовал от английского премьера оказания более действенной помощи. Помимо того, что второй фронт в Европе не открывался, из-за разгрома северного морского конвоя PQ – 17 СССР оставался перед фактом полного прекращения поставок.

Сообщение Черчилля о том, что второй фронт в 1942 году в Европе открыт не будет, было частично сглажено сообщением о планах союзников по проведению во французской Северной Африке операции «Факел». Английский премьер отметил, с какой поразившей его молниеносной быстротой российский лидер оценил стратегические преимущества «Факела». И ответил соответствующим заявлением. Оно показывало, что «русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него, очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми британцы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев», отметил британский премьер.

Кроме того, Черчилль взял на себя обязательство, впоследствии невыполненное, что Великобритания предпримет наступление в Северной Норвегии в ноябре 1942 года (план «Юпитер») совместно с тремя русскими дивизиями. Сталин требовал от Черчилля еще большего, порою небезосновательно упрекая англичан в трусости, каждая дивизия у него была на счету. Черчилль отказывался, расставание могло произойти на ноте острой дисгармонии.

Однако вечером 15 августа, затушив разочарование, русский лидер пригласил Черчилля к себе домой, тет-а-тет. Два премьера сидели почти всю ночь и беседовали на самые разные темы. Затем отдали должное приготовленным закускам и выпивке, уже с присоединившимся к ним Молотовым. В обстановке неформального общения Черчилль не мог не подтвердить обязательства о проведении в 1943 году операции «Раундап» – вторжения союзников в Западную Европу.

По мере того же как Красная Армия добивалась все более впечатляющих успехов и перемалывала львиную долю немецких войск, англичане и американцы также усиливали натиск. Однако не в объемах и направлениях, желаемых русскими. Западные союзники преследовали, в первую очередь, свои интересы и действовали, исходя из возможностей.

С начала 1943 года англо-американская авиация все более интенсивно бомбардирует территорию рейха. А в месяце мае союзники окончательно разгромили итало-германские войска в Африке и стали хозяевами ее берегов, как французской, так и итальянской. Средиземное море стало вновь открытым для союзного судоходства. Основная часть разгромленного некогда французского воинства присоединилась к своим старым партнерам. Это создало предпосылки для вывода Италии из войны на стороне Германии.

9 сентября в районе Салерно близ Неаполя англо-американцы начали осуществление плана «Эвеланж» – высадки войск в Италии. 29 сентября в гавани острова Мальта на борту английского военного корабля «Нельсон» американский генерал Дуайт Эйзенхауэр, в том числе и от имени и по поручению Сталина, с одной стороны, и маршал Пьетро Бадольо, с другой стороны, подписали исчерпывающие условия капитуляции. 13 октября Бадольо от имени правительства Италии объявил войну Германии.

По мере увеличения своего военного могущества Сталин все больше выражает неудовольствие действиями союзников. По его мнению, их армии сковывали слишком незначительную часть мощи вермахта, к тому же материальные поставки продолжали оставлять лучшего.

В апреле 1943 года посла в Америке Литвинова отозвали в Москву, а летом аналогичное решение было принято в отношении Майского. Окончание войны оказывалось не за горами, поэтому главы Англии и Америки серьезно задумались об этом после победоносного для русских Курского сражения. Черчилль сознательно уступил инициативу по выработке дальнейших решений президенту

Рузвельту. Которому, в отличие от переписки с английским премьером, Сталин первым отправил короткое письмо еще 4 августа 1941 года, очевидно, в продолжение встречи с Гарри Гопкинсом.

Из корреспонденции Рузвельта со Сталиным хорошо прослеживается, какие немаловажные уступки сделал американский президент относительно согласования места встречи министров иностранных дел союзных государств, состоявшейся в октябре 1943 года в Москве. А также по осуществлению операции «Эврика» – первой встречи так называемой «Большой Тройки» – лидеров стран антигитлеровской коалиции.

Черчилль с самого начала заявил о своем индифферентном отношении к месту встречи. Вследствие непродолжительной «тяжбы» Рузвельт уступил Сталину и согласился встретиться в Тегеране.

В столице Ирана развернулись весьма продолжительные дискуссии. Впервые встретившись воочию, три союзных лидера «притирались» друг к другу.

После одного из особенно пространных выступлений Черчилля на втором заседаний глав правительств 29 ноября 43 года Сталин иронично осведомился: «Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?» Черчилль немедленно ответствовал в том смысле, что готов не есть, пока директивы не будут разработаны. Британский премьер имел в виду директивы для совместной военной комиссии по выработке предложений по открытию второго фронта. Сталин тут же уточнил, что своим вопросом подразумевает, когда вообще они намереваются закончить конференцию.

Рузвельт сообщил о своем намерении находиться в Тегеране до тех пор, пока там будет находиться маршал Сталин. У него выбора не было, американский президент находился в советской резиденции. Черчилль заявил с присущим ему апломбом, что если будет необходимо, то он готов навсегда остаться в Тегеране. Но его шутовской тон не был воспринят присутствовавшими адекватно.

Сталин исключительно серьезно отнесся к конференции и обязался к моменту начала десантных операций во Франции подготовить сильный удар по немцам. Перед этим он настоял на том, чтобы Черчилль и Рузвельт твердо дали ориентировочную дату начала наступления на западе. Последние не слишком были готовы и первоначально даже хотели уклониться от этого. Но под «давлением» Сталина они решили начать операцию (теперь уже под названием «Оверлорд») в середине мая 1944 года.

Постепенно лед недоверия и некоторой отчужденности между союзными лидерами оттаивал. На четвертом заседании глав правительств Черчилль сказал, в частности: «Что, принимая во внимание нашу слабость в начале войны, мюнхенскую политику и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям Чехословакии, я понимаю, что Советское правительство в этих условиях не могло рисковать своей жизнью». Тем самым британский премьер извинялся за близорукую политику своего предшественника, а также давал своего рода индульгенцию Сталину.

Относительно грядущего послевоенного политического переустройства планеты Сталин склонялся к необходимости создания одной мировой организации, взамен Лиги Наций.

Возвратившись с Тегеранской конференции, Сталин объявил своему ближайшему окружению: «Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию». Черчилль же к тому времени уже все больше выходил у русского лидера из доверия.

Пока Сталин совершал впервые за многие годы свой вояж за границу, советские генералы готовили предложения к очередной кампании. В середине декабря Жуков с Василевским были вызваны Сталиным в Москву для принятия окончательного решения. В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка утвердилась в решении, начиная с нового года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

Десятью сокрушительными, так называемыми сталинскими, ударами в 1944 году Красная Армия отбросила войска вермахта далеко на запад.

Ничто не ускользало от неусыпного ока вождя и его ближайших сотрудников. В разгар тяжелейших комплексных усилий государства по отражению внешнего врага проводились и поразительные по своей эффективности и неумолимости войсковые операции внутри страны.

В недельный срок с 23 февраля по 1 марта 1944 года была осуществлена акция под кодовым названием «Чечевица». 1 марта Берия доложил Сталину об итогах проделанной работы. Тогда было выселено из родных жилищ и погружено в железнодорожные вагоны 478 479 человек: из них чеченцев 387 229 человек и ингушей, соответственно, 91250. Из 177 эшелонов, в которые втиснули почти

полмиллиона сограждан, 154 уже двинулись в путь. С 8 по 9 марта свыше 37 тысяч балкарцев столь же безжалостно подверглись переселению. Еще раньше, в 1941 году было переселено в Сибирь и Казахстан около 800 тысяч немцев. В 1942-1944 годах большинство из их числа, наиболее трудоспособные, были мобилизованы властями, под неусыпным попечительством НКВД, на важнейшие строительства. После освобождения полуострова Крым в считанные майские дни сорок четвертого года выселено было около 200 тысяч крымских татар. Всего же, в общей сложности за годы войны депортации подверглись порядка 2 миллионов человек.

Пока русские неотвратимо продвигались на запад, 6 июня 1944 года союзники осуществили высадку своих десантных войск во Франции. Англо-американцы успешно форсировали пролив Ла-Манш и закрепились на побережье. Наконец-то вожделенный второй фронт, открытия которого Сталин добивался почти три года, был открыт.

Подождав две недели и убедившись, что высадка в Нормандии не окажется неким подобием маломощного Дьеппского рейда, русский лидер отдал приказ об осуществлении акции «Багратион». Одной из крупнейшей наступательной операций второй мировой войны в белорусских болотах.

22 июня 44 года в ознаменование третьей годовщины начала войны русские начали наступление на крупнейшую немецкую группировку войск «Центр». Главные удары наносили армии Рокоссовского, под свою ответственность настоявшего перед Сталиным на своем варианте плана. Спустя три недели группа армий «Центр» перестала существовать. Немцы потеряли почти 400 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Огромные территории, некогда ими захваченные, были освобождены. Досрочно до намеченного срока – 3 июля был возвращен Минск. К концу месяца линия фронта приблизилась к границам Восточной Пруссии, по Висле.

Предвкушая разгром Германии, 17 июля Советы произвели одну из эффективнейших акций воздействия на мировое общественное мнение. 57 тысяч 600 немецких военнопленных понуро продефилировали через Москву перед глазевшими жителями. В их числе имелись 1227 офицеров, включая 19 генералов и 6 старших офицеров. Пленные направлялись в советские лагеря заключения. Замыкали шествие все наличные поливальные машины столицы, демонстративно вымывшие улицы. Марш оказался в ряду самых значительных общественно-политических мероприятий, проведенных Стали-

ным в годы войны. Отчеты о нем опубликовали все крупнейшие газеты мира, а кадры кинохроники вошли в золотой фонд видеолетописи страны Советов.

Все меньше оставалось в Германии тех, кто верил в победу. 20 июля группой высших офицеров и генералов вермахта было организовано покушение на жизнь Гитлера. Фюрер спасся лишь чудом и обрушился с массовыми репрессиями на мятежных подданных.

«Наши силы неисчислимы, - мимоходом веско обронил Сталин в самом начале войны. - Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом».

Он по своему обыкновению не кривил душой. Во второй половине 44 года, помимо других войск, резервов Ставки, непосредственно в Действующей армии находилось 6,5 млн. солдат, 100 тыс. орудий и минометов, около 10 тыс. танков и САУ, 13 тыс. боевых самолетов. Советская армия имела почти двукратное превосходство в живой силе и технике.

Невзирая на погодные условия, предельно отмобилизованные гигантские колонны войск советских фронтов неумолимо продолжали двигаться на запад. Поднимался последний занавес перед завершающим этапом войны, начиналась битва за Германию…

Осенью 1944 года Черчилль в сопровождении немногочисленной делегации вновь посетил Москву. На аэродроме их встретили исключительно сердечно и торжественно Молотов и другие высокопоставленные советские деятели. 9 октября в 10 часов вечера состоялась первая важная встреча в Кремле. Помимо англичан, Сталин и Молотов пригласили посла США в СССР Аверелла Гарримана. Беседа столь узким составом немедленно приняла деловой и конструктивный характер.

После обмена мнениями о делах польских, Черчилль незамедлительно предложил разграничить сферы интересов на Балканах. Пока его тирада переводилась, он быстренько начеркал на листке бумаги в процентном соотношении свои циничные выкладки. Затем Черчилль передал листок Сталину, который уже выслушал перевод. Последовала некоторая пауза, после чего Сталин взял толстый синий карандаш, поставил птичку и вернул лист британскому премьеру. Наступило длительное молчание, которое нарушил Черчилль предложением сжечь бумажку, словно преступник. Однако Сталин запротестовал и сказал нечто вроде: увольте господин Черчилль и оставьте ваши криминальные предложения при себе.

11 октября Сталин прибыл на обед в посольство Великобритании. Впервые английскому послу удалось этого добиться. И здесь не обошлось без вездесущих советских гэбистов. Один из гостей Черчилля, Вышинский, чьи отношения с людьми в форме не были самыми лучшими, проходя мимо вооруженной охраны НКВД, стоявшей на лестнице, бросил ироничную реплику: Красная Армия одержала новую победу, она завоевала английское посольство. Переговоры на всевозможные темы в неофициальной атмосфере велись до поздней ночи.

Перед отбытием английской делегации дочь Сталина Светлана подарила дочери Черчилля Саре ценный сувенир. Сам вождь в день отъезда британского премьера презентовал также весьма ценные вещи - госпоже Черчилль вазу «Рулевой на ладье», а лично ему самому вазу «Охотник с луком против медведя». Подарки с изъявлениями самой сердечной признательности были приняты Черчиллем.

«Мои надежды на будущий союз наших народов, - заявил в ответном послании, в частности, британский премьер. - Никогда не были столь большими. Я надеюсь, что Вам будет дана долгая жизнь для того, чтобы восстановить то, что было разрушено войной, и вывести всю Россию из периода бурь к славным солнечным дням. **Ваш друг и военный товарищ Уинстон Черчилль** (*выделено мной – М.А.*) Москва, 19 октября 1944 года».

Достигнув, казалось бы, взаимопонимания по многим вопросам, два лидера расстались как никогда дружелюбно. Даже неприятный инцидент, произошедший 7 ноября в Югославии, внешне не смог сильно повлиять на их отношения.

Между городами Ниш и Алексинац группа американских военных самолетов атаковала колонну советских войск и завязала воздушный бой с вылетевшими для их прикрытия советскими истребителями. В результате столкновения русские понесли потери, с обеих сторон были сбиты самолеты. В ответ на советское представление американцы признались в ошибочном нападении своих самолетов. Черчилль расценил инцидент как несчастный случай и выразил сожаление Сталину. Реакция последнего никак не нашла своего отражения в посланиях ни Рузвельту, ни Черчиллю.

В декабре месяце Гитлер предпринял последнюю крупную военную акцию на Западном фронте. Наступлением в горно-лесистом Арденнском массиве он надеялся нанести сокрушительное поражение англо-американским войскам и добиться раскола коалиции. Пер-

воначально немцам удалось добиться значительного успеха и едва не перессорить американцев с англичанами. Лишь взвешенная позиция Эйзенхауэра, передавшего командование союзными войсками на севере единолично под командование фельдмаршала Монтгомери, выправила положение. Русские тем временем готовились к завершающим боям на западе.

В первые дни 1945 года Черчилль в сопровождении фельдмаршала Брука посетил фронт. Его результатом явилось послание Сталину от 6 января. Советский лидер без промедления откликнулся на просьбу британского премьера о помощи.

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам», - незамедлительно заверил Черчилля Сталин. Слово свое советский лидер сдержал также как и летом 1944 года.

Взаимопонимание между главами правительств стран антигитлеровской коалиции достигло своего апогея зимой на побережье Черного моря.

С 4 по 11 февраля 45 года в Крыму, в небольшом городке Ялта, состоялась вторая встреча под кодовым названием «Аргонавт» президента Рузвельта, премьера Черчилля и маршала Сталина. При определении места рандеву также не обошлось без некоторых разногласий между Рузвельтом и Сталиным. Черчилль, по своему обыкновению, загодя поспешил заявить, что приедет в любой пункт, назначенный двумя лидерами.

Сталин пригласил Рузвельта и Черчилля на недавно освобожденный полуостров не случайно. Он пожелал, чтобы фронтовые коллеги лично убедились, насколько сильно пострадала вся его инфраструктура от немецкого вторжения.

Делегации разместились в единственных не разрушенных зданиях в Ялте. Все три дворца, расположенные неподалеку друг от друга, в кратчайшие сроки были приведены в порядок. Хозяева сделали все возможное для создания максимально комфортных условий союзникам и любезно принимали к сведению любое, даже слу-

чайное замечание. Рузвельту был предоставлен наиболее роскошный Ливадийский дворец, и именно в нем, с целью избавления американского президента от дополнительных физических неудобств, происходили все пленарные заседания. Обстановка на конференции с первого же заседания приняла конструктивный характер.

Тон задал Рузвельт, председательствовавший по просьбе Сталина на этом саммите. Руководители трех держав, сказал американский президент на первой встрече, уже хорошо уяснили позиции друг друга и взаимопонимание между ними растет. Он, Рузвельт, считает, что беседовать нужно предельно откровенно. 6 февраля члены Большой тройки в полном составе обедали у Сталина в Юсуповском дворце.

Черчилль весьма озабоченно распространялся на нем о состоянии мира после победы над агрессорами. Сталин также произнес довольно большую речь, причем он высказался с откровением, изумившим многих: «Я говорю, как старый человек, вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным. В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: «А почему бы мне не обмануть моего союзника?» Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, может быть потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым, да будем мы как можно более откровенны».

Поскольку атмосферу создают лидеры стран, Сталин желал тем самым предельной искренности и в делах межгосударственных. Более всего на свете русский лидер ненавидел фальшь и обман.

Крымская конференция и принятые на ней руководителями союзных держав решения имели огромное международное значение. На саммите в Ялте восторжествовали, в конечном счете, принципы сотрудничества, направленные на скорейшее окончание второй мировой войны и решения послевоенного переустройства мира на справедливой основе.

Сталин подписался под соглашением о том, что СССР в целях

ускорения завершения Второй мировой войны выступит против Японии уже через 2-3 месяца после капитуляции Германии. Этим же документом предусматривался возврат СССР южной части Сахалина со всеми прилегающими островами, а также передача Курильских островов. Из числа политических вопросов, обсуждавшихся в Ялте, главными являлись о будущем Германии и границах Польши.

Основные разногласия между союзниками выявились, когда начали обсуждаться экономические аспекты германской проблемы. К ним решили вернуться после окончания войны. Было окончательно принято принципиальное решение об образовании международной организации по поддержанию мира на планете – ООН. В целом же саммит в Ялте явился многообещающей прелюдией к берлинской конференции. Но как это обычно случается на такого рода совещаниях, многие серьезные вопросы остались неразрешенными.

Низвержение «Тысячелетнего рейха»

Весной 1945 года положение германского рейха стало практически катастрофическим и ухудшалось с каждым днем. Германия была заблокирована со всех сторон, с запада и юга почти беспрепятственно продвигались англо-американские войска. На севере, в акватории Балтики, хозяйничали советские подводки и британский флот. С востока, с недавних пор ведомые единолично Сталиным, преодолевая яростное сопротивление, неудержимой лавиной надвигались русские. В воздушном пространстве господствовала коалиционная авиация, ежедневно сбрасывая многие тонны бомб.

В Германии воцарился хаос, добраться куда-либо штатскому было неимоверно сложно. Шоссе и даже проселочные дороги заполонили беженцы, поезда почти не ходили. Жизненно важные объекты социальной инфраструктуры функционировали для населения все хуже. Многие крупные города очень сильно пострадали от непрерывных бомбежек.

Прежде чем нанести удар непосредственно по Берлину, взятие которого согласно договоренностей между главами союзных правительств входило в прерогативу Советов, Верховный санкционировал две крупные наступательные акции: одну – в Восточной Пруссии, другую – на варшавско-берлинском направлении.

После относительно успешного завершения их и других операций в начале апреля Сталин окончательно утвердил штурм Берлина. Верховным Главнокомандующим предполагалось взятие столицы

рейха осуществить, в первую очередь, войсками под командованием своего боевого заместителя маршала Жукова.

Час торжества близился, и Сталин заблаговременно принимал меры, стремясь максимально учесть вклад каждого военачальника в общее дело Победы. С этой целью, обладатель ордена №1 с аналогичным названием, Жуков был переставлен Верховным на 1-й Белорусский фронт. Сталин лично и предельно деликатно мотивировал Рокоссовскому необходимость его рокировки на второстепенный, с точки зрения обиженного маршала, участок с главного направления. Василевскому, орденоносцу «Победа» №2, в определенной степени помогло несчастье: смертоносное ранение, полученное командующим 3-м Белорусским фронтом генералом Иваном Даниловичем Черняховским. С присущей ему дальновидностью, упреждая весьма вероятные в будущем нарекания, Сталин поручил Василевскому впервые с времен войны непосредственно руководить войсками – заменить Черняховского. Одновременно он получал еще один знак отличия – юридически назначался членом Ставки Верховного Главнокомандования ВС СССР. Так как за исключением Жукова ни один из командующих фронтами не являлся ни номинально, ни реально членом этого высшего советского военного органа.

Сталин по достоинству оценил культурнейшего и предельно корректного Алексея Иннокентьевича Антонова. Фактический глава Генерального штаба с сорок третьего года генерал Антонов также официально вошел в состав Ставки. За активное участие в разработке важнейших операций завершающего этапа войны Антонов, единственный из советских генералов, был награжден орденом «Победа». Причем без этой наивысшей награды остались два военачальника из числа командующих фронтами: генералы Баграмян и Еременко.

Чуть ли не синхронно со сталинскими заботами о своих виднейших военачальниках доктор Геббельс – комиссар обороны Берлина – затребовал у Генштаба вермахта их досье. Вглядываясь в портреты и прочитав биографии, он записал в своем дневнике: «Эти маршалы и генералы почти все не старше 50 лет. С богатой политико-революционной деятельностью за плечами, убежденные большевики, исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что народного они корня... Словом, приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучших, чем наше, классов...».

Если в военных делах все шло из рук вон плохо, в политическом

отношении у немцев оставались некоторые козыри. Гитлер и Геббельс уже давно продумали тактику последнего шанса: попытаться продержаться до самого конца и разыграть спекулятивную карту идеологических разногласий между западными державами и русскими.

Помимо них отдельные высокопоставленные нацистские деятели довольно давно помышляли о том же. Если верить Шелленбергу, еще в начале августа 1942 года он озадачил рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера предложением всегда иметь наготове запасный вариант решения, даже находясь как будто на вершине могущества. С неумолимой ясностью Шелленберг якобы сознавал, что мирные переговоры возможны лишь в том случае, если предварительно будет остановлена машина нацистского террора, потушены газовые печи и выпущены на свободу узники концентрационных лагерей. Лишь в последние месяцы войны подобное начали понимать и другие предводители германского рейха.

О договоренностях своего ближайшего сотрудника Гиммлера с Шелленбергом фюрер не догадывался, но переговоры, начавшиеся 8 марта 1945 в нейтральной Швейцарии, в Берне, группенфюрером СС Вольфом с западными представителями, несомненно, были им санкционированы. На этой почве между союзниками разгорелись серьезные дискуссии, что было выгодно немцам.

Русская сторона открыто заподозрила США и Англию в том, что они пытаются вести сепаратные политические переговоры с Германией в ущерб военным интересам СССР.

7 апреля Сталин в предпоследнем послании президенту Рузвельту отмечал: «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15-20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столь же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Вынудив оправдываться Рузвельта вкупе с Черчиллем, Сталин затем сбавил тон речи, вследствие чего «Кроссворд» (условное бри-

танское обозначение переговоров в Берне) был посчитан неким малосущественным недоразумением.

13 апреля советский лидер получил от президента Рузвельта последнее послание за его подписью: «Благодарю Вас за Ваше искренне пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия и незначительного недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью скоординированном наступлении, нацистские армии распадутся».

Когда Сталин читал эти строки, президента США уже не было в живых. Получив скорбное известие, он отреагировал немедленно, выражениями самого искреннего соболезнования от себя лично и от имени Советского Правительства. «Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны», - дал самую лестную оценку его личности, отнюдь не склонный к высокопарным выражениям, Сталин. Он явно был искренен в своей печали.

Реакция Гитлера являла собой полную противоположность. Фюрер пришел в состояние неописуемой эйфории. В подземном бункере имперской канцелярии, где последние месяцы безвылазно обитал Гитлер и самые близкие к нему лица, рекой полилось шампанское. И он сам отважился пригубить пенистого напитка. Приближенные фюрера, проникшиеся его настроением, тут же начали сравнивать ситуацию с положением, сложившимся после смерти русской императрицы Елизаветы во время Семилетней войны. Ее уход из жизни буквально спас от гибели уже собравшегося принять яд прусского короля Фридриха II, прозванного Великим.

Аналогия напрашивалась сама собой. Однако чуда не произошло. Кончина Рузвельта ничего не изменила. Хотя заменивший его Гарри Трумэн и особенно Черчилль были больше склонны к сотрудничеству с немцами и даже повернуть оружие против русских.

Но огромная слава Сталина во всем мире и общественное мнение в родных странах не позволяли им высказать столь авантюрные потаенные мысли без риска лишиться премьерских кресел.

16 апреля советские войска приступили к ликвидации армий вермахта, защищавших подступы к Берлину. К дню рождения фюрера

(20 апреля) русские войска соревновались в стремлении первыми поздравить его с личным праздником. Шквал огня из двадцати тысяч орудийных стволов обрушился на немецкие позиции в районе Зееловских высот. Только в один из дней русская артиллерия обрушила на голову противника 2450 вагонов снарядов или около 100 тысяч тонн металла. Грохот орудийной канонады и разрывы от авиабомб были уже слышны довольно хорошо под землей. Фюрер продолжал неистовствовать с требованиями жестокости к своим противникам и отдавать приказы, все более суровые.

Седовласого адмирала Вильгельма Канариса, бывшего шефа военной разведки (Абвер) – внутренне упорного противника нацизма, подвергли особенно мучительной казни в концлагере Флоссенбург. «Его медленно душили проволочной петлей, затем снова возвращали к жизни, снова допрашивали, после чего снова душили, в общей сложности шесть раз».

18 апреля, когда остатки его воинства еще остервенело оборонялись, тешивший себя иллюзиями Гитлер вызвал к себе генерала Вольфа. Он подтвердил категорический запрет на продолжение переговоров о перемирии не только на итальянском фронте, но и вообще с союзниками.

Канонада все усиливалась, советские солдаты вплотную приближались к окраинам Берлина. После празднования дня рождения фюрера, если можно так выразиться, начался великий исход.

Рейхсмаршал Герман Геринг, тщательно маскируя вожделения, улетел самолетом в Оберзальцберг. Рейхсфюрер СС Гиммлер отправился в Любек, где посредством шведского графа Бернадотта и Шелленберга намеревался продолжить тайные переговоры с англо-американцами. Чиновники высшего и среднего звеньев партийно-государственного аппарата под любыми предлогами спешно покидали рейхсканцелярию и Берлин. Из ближайшего окружения Гитлера с ним рядом оставались лишь Мартин Борман и Геббельс, а также Риббентроп.

Внешнему миру Геббельс по радио сообщил, что фюрер находится в Берлине, что он никогда не оставит столицу рейха и будет защищать ее до конца. Гитлер, у которого под ружьем все еще продолжало находиться почти 6 миллионов солдат, едва ли контролировал продвижение хотя бы одного полка. Но сам он не осознавал этого до последнего момента и продолжал отдавать невыполнимые приказы. На совещании 22 апреля Гитлер, сообразив, что его последние указания остались неисполненными, пришел в неописуемую ярость.

В течение трех часов участников бросало в дрожь и трепет, а когда им, наконец, разрешили разойтись, многие ушли навсегда.

Йодль и Кейтель покинули бункер на следующий день и никогда больше туда не вернулись. Последний исхитрился лично разыскать и передать командующему 12-й армией генералу Венку запоздалый приказ развернуться на 180 градусов и направиться на поддержку Берлину. При всем желании Венк не мог оказать реальную помощь.

Вне столицы осажденного рейха верные некогда паладины Гитлера изменили ему. Геринг, собравшись с духом, направил в бункер телеграмму, в которой объявлял себя преемником фюрера. Спустя некоторое время, когда в подземелье узнали о закулисных переговорах Гиммлера, у Гитлера уже не хватало слов излить свою озлобленную горечь. Так же как ранее Геринга, он приказал разыскать и арестовать рейхсфюрера СС, а также его заместителя и представителя в Берлине группенфюрера Отто Германа Фегеляйна. Тот факт, что к тому времени Фегеляйн стал уже не только фактическим, но и юридическим свойственником Гитлера, не остановило фанатика. Свояк фюрера не успел заблаговременно скрыться. Отличившийся крайней жестокостью при проведении карательных акций против словацких партизан, 37-летний Фегеляйн родился в Мюнхене в семье владельца скаковых лошадей и всю свою недолгую жизнь считался великолепным знатоком лошадей. Злые языки поговаривали, что он работал конюхом и Фегеляйну брачным ложем больше подходил сеновал, нежели близость к опочивальне вождя нации.

Младшая сестра Евы Браун, находившаяся на сносях, в одночасье лишилась самых близких и могущественных родичей.

Штурмовавшие Берлин русские войска приближались к рейхсканцелярии. Густой туман из дыма и пыли, озаряемый всполохами пожарищ и разрывами от снарядов, окутал столицу рейха.

В подземелье человек, имя которого недавно наводило трепет на весь мир, сам непрестанно бился лихорадочной дрожью. 30 апреля, днем, обитатели бункера узнали из сообщения Стокгольмского радио о гибели Муссолини. В тот же день, через сутки с небольшим после венчания с Евой Браун, Гитлер покончил вместе с новобрачной самоубийством. Согласно его волеизъявлению их трупы были сожжены дотла.

Противопоставление: Гитлер и Сталин. Многими исследователями безосновательно доказывается идентичность двух вождей и

практически ставится между ними знак равенства. Буллок даже обозначил свой опус как сравнительное жизнеописание. Но в подобном случае, если дуче однозначно можно прислонить к фюреру, то с какого бока необходимо присовокупить к русскому лидеру Рузвельта с Черчиллем.

В действительности, у Гитлера и Сталина имеются некоторые объединяющие их черты, но, преимущественно, политического свойства. Оба возглавляли авторитарные режимы: Гитлер – фашизм или национал-социализм, Сталин – большевизм или интернационал-коммунизм. Вместе с тем, для достижения своих политических целей они вносили коррективы в свои, казалось бы, незыблемые доктрины. Гитлер не исключал категорически сотрудничества с другими расами и народами, включая, на его взгляд, неполноценные. Сталин, в свою очередь, проявлял себя порою махровым русским националистом. И тот и другой успешно доминировали над общественным сознанием в своих странах.

Однако Гитлер хотел не просто властвовать над своим народом, но и полностью переделать его духовные ценности в соответствии со своей расистской идеологией, грубыми пропагандистскими методами. Сталин же добивался своих целей более тонкими и изощренными способами. На этом их сходство заканчивается.

В сущности же, идеологической одержимостью, фанатичностью и некоторыми другими повадками Гитлер больше походит на Ленина и Троцкого, точнее на их некий гибрид. Дело не только в том, что некоторое время его называли немецким Лениным и подобно ему фюрер с отвращением относился к табакокурению, а также не имел детей.

Почти по всем параметрам Гитлер и Сталин были полными антагонистами. Коренным отличием австрийца от кавказца является то, что последний как политик отошел довольно значительно в своей практической деятельности от догматов Маркса, Энгельса и Ленина. В то время как фюрер с упорством маньяка добивался своей цели – владычества своей нации над миром.

То есть как политик и государственный деятель, Сталин мыслил исключительно трезво и реалистично, а как личность выказал более высокие человеческие качества. Если исключить самоубийство своей второй жены, кавказец мог сойти за вполне добропорядочного отца семейства, чего не скажешь о Гитлере, бывшего до последнего момента без официальной супруги.

Рой Говард, имевший прекрасную возможность сравнения двух

вождей, полагал, что «внешняя разница между этими двумя людьми, очевидно, заключается в следующем: Гитлер напряжен, пылок, натянут, встревожен. Сталин спокойный, твердый, уверенный в себе»...

Подобно отдельным неординарным авантюристам и шарлатанам нацистский лидер успешно эксплуатировал своими способностями к внушению. Он мастерски создавал у собеседников впечатление о себе, как человеке, обладающем оригинальным интеллектом и глубокими знаниями. Это впечатление фюрер стремился усилить благодаря умению дискутировать, которое отлично удавалось ему. В полемике он умел переубедить даже весьма опытных специалистов. Контраргументы приходили им в голову лишь гораздо позже, когда, поразмыслив, они обнаруживали, насколько поверхностными были доводы Гитлера.

Выдвигая тезис о том, что по своей природе и мировоззрению народ в подавляющем большинстве сугубо женственен, поскольку в первую очередь руководствуется эмоциями, Гитлер, очевидно, не имел в виду себя. Но если предположить обратное, то становится понятным, почему художнику Сальвадору Дали, скандально известному своим экстравагантным творчеством и эпатажными изречениями, фюрер постоянно являлся в образе неотразимо порочной женщины. Гитлера не сведущий в политике Дали «рассматривал как законченного мазохиста, одержимого навязчивой идеей развязать войну с тем, чтобы потом героически ее проиграть».

Психогенность фюрера, очевидно, усугублялась категорическим отказом от употребления довольно важной составляющей субстанции любого человека – алкоголя.

Немецкий писатель Вернер Мазер в своем исследовании «Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность» с живописными подробностями поведал о том, как находившийся в отроческом возрасте, Адольф Гитлер напился до бесчувственного состояния в первый и последний раз в своей жизни. Представив впоследствии свой непотребный вид, он ужаснулся и категорически решил отказаться от спиртных напитков. Чрезвычайным волевым усилием ему удалось это сделать. Но насилие над психикой и физиологией не могло не обойтись без последствий. Одним способом расслабиться у будущего фюрера стало меньше. С осени 1931 года трезвенник становится еще и последовательным вегетарианцем.

К концу войны из-за огромных умственных и эмоциональных перегрузок Гитлер сдал и физически и превратился в сущую развалину.

Была ли у фюрера иная альтернатива окончить свое земное существование? Он мог, пожалуй, сдаться англо-американским войскам и тем самым сохранить до поры до времени жизнь себе и своей подруге. Однако подобно азартному игроку, Гитлер пошел до самого конца. Он решил, что ни в коем разе не доставит удовольствия Сталину и иже с ними глумиться над его, вкупе с Евой Браун, поверженными телами. Поэтому соответственно своему пониманию патриотизма фюрер отдал приказ самым тщательным образом уничтожить трупы.

После специфической кремации останков очередного «потрясателя вселенной» его преемники продержались совсем недолго. Так как в тот же день над предельно деформированным зданием рейхстага взвились красные стяги, которые символизировали близость конца.

Формальный новый глава правительства гросс-адмирал Карл Дениц непрерывно совещался с Гиммлером. Их позиции разнились. У морского деятеля сохранялись иллюзии на суше – он не хотел сдавать Норвегию без боя. Правда, помимо других сил, войска вермахта в Скандинавии сохраняли боеспособность. А в Чехии соединения фельдмаршала Шернера и генерал-полковника Рендулица, численностью почти в миллион солдат, в состоянии были оказать серьезное сопротивление русским.

Гиммлер же собирался заявить о том, что Германия побеждена западными державами и не считал возможным капитулировать перед Сталиным. Но намерения рейхсфюрера СС не переставать сражаться с Советами до тех пор пока западный фронт не станет полем борьбы с русскими, не осуществились.

В безумном ослеплении Гитлер полагал, что поражение в войне означает конец Германии и гибель немецкого народа. Со смертью фанатика отдельные приближенные в бункере рейхсканцелярии, особенно женщины, избавились от состояния массового психоза. Они внезапно ощутили в себе естественные для нормального человека сильнейшие чувства жажды жизни и желания видеть солнечный свет.

Решив, что нет больше смысла скрывать смерть фюрера, основные правопреемники, Геббельс и Борман, послали к Жукову генерала Кребса для ведения переговоров. Последний, знавший русский язык, при встрече с героем Сталинграда генералом Чуйковым, не нашел ничего лучшего чем сказать, что Первое мая большой праздник для обеих наций. Чуйков, усмехнувшись, ответил в том смысле,

что у нас русских сегодня действительно великий праздник, чего он не может сказать о немцах.

Срочно потревоженный Жуковым сведениями о миссии Кребса и участи некогда всемогущего фюрера Сталин выразил сожаление по поводу упущенной возможности пленения Гитлера. Засим Верховный приказал Жукову никаких переговоров не вести, кроме обсуждения процедуры полной и безоговорочной капитуляции и не беспокоить его более по пустякам.

За многие сотни верст от Берлина, в Москве, Сталин прекрасно владел ситуаций и понимал, что до окончательного крушения владычества нацистов остались считанные дни. Фюрер был для него уже пройденным этапом, он больше заботился грядущим переустройстве Европы, тем паче за день до разговора с Жуковым Черчилль прислал ему длиннейшую петицию с претензиями относительно положения в Югославии и дел польских.

В подземелье превращенной в руины имперской канцелярии, еще теплилась жизнь. Посовещавшись, большинство обитателей бункера решилось на попытку прорыва, пока оставался подобный шанс. Многие из них погибли, и в их числе Борман, попав под шквальный огонь, некоторые оказались плененными, причем женщин сразу отпустили.

Геббельс наотрез отказался покидать столицу рейха. Его жена Магда до последнего момента пыталась переубедить мужа, но при виде его упорства, объявила во всеуслышание, что пойдет с ним до конца. 2 мая, вечером, Геббельс застрелился, а его супруга приняла яд. Перед этим они отравили своих шестерых малолетних детей.

Генералы Кребс и Бургдорф пустили по пуле в висок, предварительно одурманив себя несколькими бутылками вина...

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года представители союзников в полном составе приняли от высших должностных лиц вермахта безоговорочную капитуляцию Германии.

Еще до окончательного завершения Пражской операции Сталин обратился к населению страны, дабы возвестить о наступлении столь долгожданного дня завершения периода войны в Европе. Поскольку заранее с главами союзных государств был согласован день и час объявления о прекращении военных действий на континенте.

Имевший полное право торжествовать Вождь поздравил народ соответствующим образом: «С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы! Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей

победу над врагом! Слава нашему народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!».

Как явствует из текста Обращения, Сталин ни единым словом не обмолвился о роли в войне партии, которую впоследствии ее рьяные функционеры столь непомерно вознесли.

В 22 часа 9 мая во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза И.В. Сталина, в ознаменование полной победы над Германией Москва от имени Родины, салютовала, помимо праздничного фейерверка, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Апофеозы триумфаторов

Две недели спустя после дня объявленного Днем Победы, 24 мая 1945 года в Кремле состоялся большой прием в честь командующих войсками Красной Армии. Военно-политическая элита Советского Союза праздновала тем самым безоговорочную викторию над гитлеровской Германией. Об этом действе, в сущности ознаменовавшем собою апофеоз личного триумфа Вождя, весьма красочно рассказал авиаконструктор Яковлев.

Ровно в восемь вечера в Георгиевском зале появилось руководство страны. Под продолжительные громоподобные приветствия, перешедшие в овацию, оно начало рассаживаться за столом. Когда постепенно зал утих, Маршалы Советского Союза присоединились к нему. Председательствовавший Молотов провозгласил на банкете первый тост за бойцов-красноармейцев, моряков, офицеров, генералов, адмиралов и только после этого последовал тост за партию.

С последним словом выступал Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин. Он встал и попытался говорить, но его слова потонули в громе аплодисментов. Когда они немного утихли, вождь нарочито смиренно попросил:

- Разрешите взять слово мне, можно? Зал вновь разразился овацией и возгласами: «Можно! Просим!»

И Сталин произнес свое знаменитое слово о русском народе. Он провозгласил здравицу за здоровье советского народа с выделением русского, как наиболее выдающегося из всех народов, входящих в состав Советского Союза.

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас мо-

менты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города...»

Данным высказыванием вождь повинился достаточно самокритично. В сущности, в тот момент он мог бы и не напоминать о временах горчайших поражений и разочарований. Однако у него хватило политической воли и мужества прилюдно покаяться в своих прегрешениях. Впрочем, возможно, тем самым вождь сбрасывал с себя лично психологический груз ответственности за свои ошибочные действия в начальный период войны.

Далее Сталин под бурные аплодисменты поведал о кредите всенародного доверия, вследствие чего и была одержана историческая победа: «Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой... Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!».

Речь Сталина была принята особенно восторженно и постоянно прерывалась долго не смолкавшими аплодисментами, поэтому его короткий тост-признание занял весьма продолжительное время. В промежутках между здравицами на эстраде Георгиевского зала выступали лучшие московские артисты. Блистали звезды советского балета и музыкального искусства. Вечер проходил и закончился в обстановке необычайной силы духовного подъема.

А ровно через месяц, 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве, в ознаменование побе́ды над Германией, состоялся парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы. Принять Парад Победы поручалось маршалу Жукову, а командовать – маршалу Рокоссовскому. Это был уже апофеоз триумфа всех народов, населявших Советский Союз.

Несмотря на дождливую погоду настроение у всех собравшихся было более чем приподнятое. Гарцевавший на превосходном белом скакуне Жуков, принял доклад Рокоссовского и отправился затем на трибуну. Он стал там рядом со Сталиным. Лил дождь, войска шли, маршалу захотелось встряхнуть фуражку. Однако, искоса взглянув на Вождя, он не осмелился. Сталин терпеливо и дисциплинированно, учитывая важность минуты, стоял неподвижно, позволяя струй-

кам воды стекать с козырька своего картуза. Загремели барабаны и советские бойцы начали бросать гитлеровские штандарты к подножию усыпальницы Владимира Ленина. Москва вновь ликовала. Вечером и в ту ночь на улицы, возможно, высыпало все население столицы. Народ праздновал победу.

Для дальнейшего урегулирования вопросов, связанных с победоносным окончанием войны, союзники решили не медлить с созывом очередной конференции. Международная обстановка, в которой проходила подготовка к Берлинской (Потсдамской) конференции, значительно отличалась от периода Крымской. Отношения между тремя державами-победительницами после окончания войны в Европе приняли более сложный характер. Международный престиж Советского Союза, а следовательно, и Сталина, внесший основной вклад в разгром гитлеровской Германии, возрос неимоверно.

Кончина Рузвельта, устранявшего трения между своими более старшими по возрасту партнерами, не могла не повлиять на взаимоотношения победителей. Премьер-министр Англии Черчилль своими апелляциями к новому американскому лидеру Гарри Трумэну не исключал возможности прямого военного столкновения с недавним союзником. Он распорядился складировать оружие немецких солдат таким образом, чтобы можно было легко раздать его вновь.

Однако новый президент США не оказал должной поддержки Черчиллю. Позиция американцев определялась заинтересованностью завершения с наименьшими потерями военных действий в Азии. Этого можно было достигнуть лишь с помощью СССР.

Местом очередной конференции трех держав, получившей условное наименование «Терминал», в результате непростых переговоров был избран Берлин. Поскольку, однако, сам город был полностью разрушен, то саммит состоялся в его пригороде – Потсдаме, в уцелевшем во время штурма Берлина дворце «Цецилиенхоф».

Делегации разместились в чудом сохранившихся виллах пригорода Бабельсберг. Вместе с Черчиллем на конференцию приехал лидер лейбористской партии Клемент Эттли, возглавивший с 28 июля делегацию Великобритании вследствие поражения консерваторов на предшествовавших поездке выборах. Практически на всех заседаниях с присутствием Черчилля Сталин вынужденно пикировался с британским премьером. Когда первое из них близилось к завершению, произошел следующий примечательный диалог.

Сталин. Только один вопрос: почему господин Черчилль отказывает русским в получении их доли германского флота?

Черчилль. Я не против. Но раз вы задаете мне вопрос, вот мой ответ: этот флот должен быть потоплен или разделен.

Сталин. Вы за потопление или раздел?

Черчилль. Все средства войны – ужасные вещи.

Сталин. Флот нужно разделить. Если господин Черчилль предпочитает потопить флот, он может потопить свою долю, я свою долю топить не намерен.

Черчилль. В настоящее время почти весь германский флот в наших руках.

Сталин. В том-то и дело, в том-то и дело. Поэтому и надо нам решить этот вопрос.

На шестом пленарном заседании, в частности, произошло следующее.

Сталин. Из печати, например, стало известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? (Смех.) Это очень интересный вопрос.

Черчилль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Трумэн. Все?

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. (Смех.)

Сталин неуклонно и твердо проводил политику выгодную не только своему государству, при явном стремлении не ущемления интересов других стран особенно приграничных, включая Польшу. В сущности, он стремился возместить хотя бы часть материального ущерба нанесенного немцами, но с пониманием относился к позиции союзников.

На девятом заседании советский лидер выразился в том смысле, что не хочет травмировать союзников драматичным описанием бедственного положения своей страны и ее населения вследствие войны с Германией.

Практически во всех сталинских предложениях красной нитью проходила мысль о скорейшей ликвидации последствий войны, обеспечения мира и безопасности народов, а также укрепления их взаимовыгодного сотрудничества. Советский Союз последовательно придерживался достигнутых в Ялте договоренностей.

В то же время США и Англия без согласования с СССР опубликовали 26 июля Потсдамскую декларацию от имени Америки, Великобритании и Китая, в которой призывали правительство Японии провозгласить безоговорочную капитуляцию на предъявленных в этой декларации условиях. Советская делегация получила этот документ лишь для сведения.

Когда Молотов на следующий день подтвердил государственному секретарю США Джеймсу Бирнсу пожелание СССР отложить опубликование ультиматума японцам, последний отказался. Он мотивировал это тем, что текст заявления был уже передан представителям печати. Бирнс объяснил также исключительно политическими соображениями американского президента решение о публикации такой декларации. Она якобы не была представлена Молотову раньше в связи с тем, что Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент не хотел создавать затруднений для советского правительства. Фактически американцы тем самым подчеркивали, что не слишком нуждаются теперь в помощи русских.

Испытания атомной бомбы прошли успешно и Трумэн уже отдал приказ применить новое мощнейшее оружие против японцев в случае их категорического отказа капитулировать. Американский президент проинформировал Сталина о результатах испытания, однако русский Вождь отреагировал спокойно и твердо. Советский лидер держался мужественно и не отказывался от малейшей возможности произвести небольшой демарш.

28 июля на десятом заседании глав правительств Сталин заявил о том, что русская делегация получила новое предложение от Японии. Хотя нас не информируют как следует, - сказал Сталин, - когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях. Затем на английском языке была зачитана нота Японии о посредничестве СССР. В этом документе ничего нового нет, резюмировал Сталин. Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы полагаем ответить им в том же духе, как это было в прошлый раз. То есть отрицательно. Возражений со стороны Трумэна и Эттли, естественно, не последовало.

Япония отвергла Потсдамскую декларацию и гордо решила продолжать войну. Между тем, Сталин уже передислоцировал к августу значительную часть войск с запада на Дальний Восток. Предварительно произведя немаловажные дипломатические процедуры, то

есть денонсировав договор с Японией, Советский Союз объявил ей войну, вследствие чего, утром 9 августа, развернулось широкомасштабное наступление Красной Армии на японские позиции.

Колоссальной мощи удар был нанесен по миллионной Квантунской группировке войск, окопавшейся на континенте. Советское наступление проходило в условиях упорного сопротивления противника и сложного рельефа местности, тем не менее, на всех основных направлениях развивалось успешно.

Между тем, американцы произвели 6 и 9 августа атомные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки, вызвавшие огромные разрушения и неслыханные жертвы среди мирного населения. Японцы были деморализованы, и их дух сопротивления резко понизился.

Вступление СССР в войну произвело на них еще более ошеломляющее впечатление. За пять дней боев на материке и островах, войска трех русских фронтов продвинулись вперед на многие десятки километров, в больших количествах уничтожая при этом живую силу и технику японцев. 14 августа японское правительство вынесло решение о капитуляции.

Пока соответствующие формальности осуществлялись, Красная Армия заняла Южный Сахалин, Манчжурию, Северную Корею, Курильские острова. 17 августа десантники захватили в плен на аэродроме в Шэньяне (Мукден) главу Манчжоу-Го, последнего императора Китая Пу И со всей свитой и сопровождавшими его японскими генералами.

Известие о капитуляции Японии застало генерала Эйзенхауэра, Верховного главнокомандующего союзными войсками, в Западной Европе, в Москве. Генерал находился там по личному приглашению генералиссимуса Сталина и в рамки его визита вошел спортивный праздник, пышно отмечавшийся в СССР. Сталин совершил в отношении Эйзенхауэра беспрецедентный жест, любезно пригласив генерала – видного представителя капиталистического государства вкупе с двумя коллегами по его выбору, на усыпальницу Ленина.

Несколько часов два главнокомандующих стояли плечо к плечу на трибуне Мавзолея и лицезрели грандиозное спортивное представление, дружески разговаривая при помощи переводчика и с некоторыми перерывами.

«Вершиной всех событий, связанных с нашим пребыванием в Москве, стал обед в Кремле с непременным присутствием советского генералитета, – заявлял Эйзенхауэр. - Было провозглашено мно-

жество тостов, и каждый из них отражал дух сотрудничества и совместной работы, какая постепенно сложилась в ходе войны».

Высокопоставленный американский гость пожелал иметь копию документального фильма о взятии Берлина, показанного после торжественной трапезы, а также попросил у генералиссимуса его фотографию. Советский Верховный не забыл просьб своего заокеанского коллеги. Буквально через несколько дней Эйзенхауэр получил в Берлине полную копию фильма и фотографию Сталина с дарственной надписью, которую предположительно он ценил не меньше, чем наивысший советский полководческий орден «Победа».

В «последние месяцы лета и первые месяцы осени 1945 года радушие и готовность к сотрудничеству в Берлине, достигли наивысшего предела, какого мы смогли достигнуть в работе с советскими официальными представителями» – полагал Эйзенхауэр. Причем последнему, в большей степени политику, нежели военному, представлялся неразумным отказ своего правительства от условий ранее достигнутых договоренностей с СССР со всеми вытекающими из этого факта событиями…

2 сентября представителями Японии на палубе флагманского корабля флота США «Миссури» в Токийском заливе, близ Йокогамы, был подписан акт о капитуляции. Ее приняли от США – генерал Макартур и адмирал Нимиц, от Великобритании – адмирал Фрейзер. Также были представители от Советского Союза и Китая. На верхней палубе корабля толпились военные и корреспонденты газет и фотографы. Ослепительно сверкали блицы.

Действо происходило изумительно великолепным для одной, и мучительно прекрасным для другой стороны, утром. Неожиданно перед взорами торжествующих победителей и удрученных побежденных появилась седовласая Фудзияма. Она возвышалась над Токийским заливом, как символ грядущего перерождения Японии.

В тот же день Сталин обратился к народу с многозначительным заявлением. Он сообщил о том, что японскими представителями подписан акт о безоговорочной капитуляции. Таким образом, успешно ликвидирован второй очаг мировой агрессии и, следовательно, мировая война закончилась.

Сталин весьма подробно остановился на том, что у России был свой особый счет к Японии еще с начала века. «Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну

черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил», - торжественно констатировал вождь. Он сполна расплатился с еще одним обидчиком русских.

Положительно, будучи безвестным революционным пропагандистом, Коба Джугашвили не помышлял почти полвека назад о том, что именно на его долю выпадет выполнить эту миссию.

«Пора отомстить», – писал тогда кавказец в прокламации, адресованной своим землякам. Но он не имел в виду мщение японцам. Его призыв относился к «старчески дряблому царскому самодержавию», в том числе и за сдачу Порт-Артура.

За «дистанцию огромного размера» Сталин прошел путь от одного из многочисленных ниспровергателей устоев российского государства до самого ревностного великодержавника.

Неизбежность российской победы и ее цена

Основными причинами тяжелых поражений Польши и Франции во Второй мировой войне, несомненно, являются деструктивные действия их высших руководителей, вернее отсутствие в этих странах ярко выраженного авторитетного лидера.

После смерти Пилсудского в 1935 году, введшего режим так называемой санации (оздоровления) государства, его преемники, както Юзеф Бек, Рыдз-Смиглы проводили двойственную политику, в основном, враждебную СССР. В итоге, Польша оказалась между молотом и наковальней. Но даже после Сентябрьской катастрофы 39 года, военно-политическая элита страны не сумела объединиться и выдвинуть главу, которой повиновались бы беспрекословно. Хотя видные деятели санации, типа генерала Казимежа Соснковского, первое время, опасаясь ответственности за разгром, вели себя в эмиграции смиренно, впоследствии они продолжили свои козни и интриги, о чем убедительно поведал Климковский. Политическая значимость генерала Сикорского, главного оппонента Пилсудского еще до обретения Польшей независимости, мгновенно возросла. Он автоматически становится первым лицом разгромленной Речи Посполитой. Тем не менее, «парижско-лондонская» польская верхушка, формально сплоченная вокруг Сикорского, фактически препятствовала его деятельности как премьер-министра и верховного главнокомандующего.

Тому виною, отчасти, был сам генерал, недостаточно хорошо разбиравшийся в людях. В противном случае, он не отправил бы послом в Москву Станислава Кота, известного ученого-историка, но никудышного политика и организатора. Данного профессора Сталин называл в приватном порядке чуть ли не форменным болваном. Также Сикорский ни в коем случае не поручил бы формирование генералу Андерсу Польской армии в СССР.

Последний, испытывавший к русским неприязненные чувства и не веривший в их победу, воспользовался уступчивостью Сталина и вопреки договоренностям увел войска на Ближний Восток. Тем самым, Андерс упустил реальный шанс покрыть свое имя славой участием в завершающей фазе Сталинградской битвы. Правда, на выводе настаивали союзники, обеспокоенные нехваткой боеспособных частей на Среднем Востоке.

Официальный визит Сикорского в Советский Союз состоялся, когда исход битвы за Москву еще не был ясен. Климковский, занимавший на кремлевском банкете в честь польского премьера весьма почетное место, испытывал на нем весьма странные чувства. Он «видел, какое спокойствие выражали лица членов Советского правительства, хотя враг находился в каких-нибудь двадцати семи километрах от столицы. За Москву беспрерывно велись ожесточенные бои», и в то же самое время Верховный Главнокомандующий Сталин самым спокойнейшим образом «совещается и принимает гостей». Молодой польский офицер вспомнил по аналогии, как вело себя польское правительство и верховный главнокомандующий, когда немцы подходили к Варшаве. Ему было стыдно за своих более титулованных сородичей, произносивших «крикливые, чванливые и надменные речи». Из их хвастливых выступлений могло создаться впечатление, что воюет Польша, а не Советский Союз. И не последняя оказывает помощь с целью восстановления польского государства.

Сикорскому также становилось не по себе от поведения своих соотечественников, он понимал, «что эти люди сводят на нет с таким трудом достигнутое им улучшение польско-советских отношений». До конца своей жизни, преждевременно и столь трагически прервавшейся в результате таинственной авиакатастрофы над Гибралтаром летом 1943 года, Сикорскому не удалось наладить полноценного сотрудничества со Сталиным.

Климковский полагал, что физическое устранение генерала было выгодно не только его недоброжелателям-сородичам, но британцам.

Так как «со смертью Сикорского англичане также получили свободу политических действий в польском вопросе»…

Во время своего нахождения в Париже Климковский отметил, что французы были не слишком гостеприимными хозяевами. Русские вели себя в более поздний период времени совершенно иначе. Французы ошибочно полагали, что «война разразилась из-за Польши», и, по меньшей мере, каждый третий не хотел сражаться. Они пребывали в подобном заблуждении вследствие недальновидной и непоследовательной политики своих руководителей.

Андре Моруа горько сожалел, что не внял в свое время настоятельным советам Черчилля «глаголом жечь» сердца соотечественникам с целью восстановления Францией былой воинской мощи. Позже, в книжке «Трагедия Франции» Моруа скажет, что непримиримая вражда двух наиболее влиятельных политиков: Даладье и Рейно, «которые несмотря на весь свой патриотизм беспрерывно боролись за власть», стали едва ли не главной причиной несчастий французов. «Вместо того, чтобы помогать друг другу и править страной сообща, они только и делали, что ссорились, а когда в дело вмешались женщины, взаимное ожесточение переросло в ненависть», отметил французский писатель.

В период, когда Франция вступила в страшнейшую из войн, доходило до абсурда. Два руководителя воюющей державы не разговаривали между собой.

Добившись полного отстранения, в конечном счете, Даладье от руководства государством, Рейно назначил своим заместителем 84-летнего маршала Пэтена, обретя тем самым в одном лице преемника и судью. Престарелый маршал, прекращая борьбу с Гитлером, очевидно, руководствовался изречением прусского монарха 18 века, но в противоположном смысле. Как известно, Фридрих Великий, получив известие о тяжелом поражении, воскликнул: «Все потеряно, кроме чести». Пэтен, в отличие от именитого пруссака, предпочел бесчестье и унижение, нанесению, возможно, непоправимых разрушений Парижу. Впрочем, возможно, он поступил правильно.

Неправда, писал Моруа, что рядовые французы пали духом еще до немецкого наступления. Народные массы верили в победу, как в 1914 году, вплоть до самого конца. На их сознание не давили, как на правительственную верхушку, многотысячные жертвы, принесенные Францией на алтарь победы в Первой мировой войне.

Цвет британской нации также немалым числом полег на фран-

цузских полях, вследствие чего волны пацифизма захлестнули и Англию. Ее руководители также испытывали гнет моральной ответственности и до последнего оттягивали необходимость посылки своих подданных на фронт – сражаться насмерть с германцами.

Сталин, не понаслышке знавший войну, также испытывал подобное моральное давление, но волевым усилием отбрасывал прочь все сомнения и колебания. В ходе длительного военного противоборства он отшлифовал до блеска стиль своего руководства – КООРДИНАТОРА всех многообразных усилий страны по отражению врага.

Все попытки приписать Жукову решающую роль в германско-российской кампании исключительно неправомерны. Он был лишь первым из советских военачальников, не более того. Сталин использовал Жукова и других генералов и офицеров Ставки, преимущественно, как особый инструмент на местах. Все многочисленные бразды руководства кампании он твердо держал в руках у себя в Москве, силой абстракционного мышления представляя ситуацию и подкрепляя ее точными и достоверными сведениями своих надежных и испытанных полномочных представителей. Безусловно, исключительно благодаря личным качествам Сталина как руководителя, Россия одержала победу в столь суровой и продолжительной борьбе с нацизмом.

В первые летние кампании Красная Армия по меньшей мере дважды попадала в крайне неблагоприятное положение, неблагоприятное до такой степени, что Жуков со знанием дела выразился следующим образом: «никакое военно-политическое руководство любой другой страны не выдержало бы подобных испытаний и не нашло бы выхода». Под «военно-политическим руководством» Жуков имел в виду, кроме себя самого, в первую очередь Сталина, добивавшегося своей требовательностью порой невозможного.

Черчилль, отношение которого к кавказцу оценивается как любовь-ненависть (почитание-зависть), от своего лица и покойного Рузвельта заверял, что Сталин «обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения» и огромным счастьем для России было его премьерство в годину сильнейших испытаний.

Если верить Риббентропу, Гитлер высказался однажды о Сталине с большим восхищением. «Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в

1941 –1942 г.г., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления… Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба».

Очевидно, Сталин исключал категорически даже в самом крайнем случае, в самые напряженные лично для него моменты в 1941 году вариант, избранный Петэном. Вождь отлично сознавал, что в подобном случае он будет немедленно расстрелян без особого суда и следствия как презренный предатель и изменник.

Менталитет подавляющего большинства русских, способных переносить тяготы военных бедствий со стоическим терпением в корне отличался от жителей Запада, в частности французов и англичан. В России, несомненно, посчитали бы неприемлемыми действия, предпринятые англичанами в 1940 году во Франции. То есть поспешную эвакуацию с Дюнкеркского плацдарма, суть бегства, без оружия и прочего снаряжения.

Из высказываний Сталина послевоенного времени ясно, что он имел отчетливое представление о том, насколько эта война была для России жестокой и кровопролитной. Самой ужасной из всех войн, когда-либо пережитых ею в истории. Но уже 9 мая Вождь объявил: «Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончились победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами».

В Потсдаме Сталин в присущем ему предельно мужественно стиле сказал: «Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже. Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России».

Но не были ли эти огромные жертвы и лишения, на которые обрек себя русский народ по воле Сталина чрезмерными и даже напрасными? При несомненной риторичности постановки подобного вопроса он все же требует отдельного рассмотрения.

В 1812 году, как известно, Наполеон Бонапарт во главе вооруженных сил материковой Европы вторгся в Россию. Какие военно-политические цели он преследовал при этом, не совсем ясно. Разрушать самодержавный режим корсиканец не намеревался, равно, как и освобождать русских крестьян от оков крепостничества. Нельзя же считать серьезным намерение Наполеона побить русскую армию на ее территории. Наказав тем самым Россию за несоблюдение континентальной блокады и заставив идти в фарватере политики Франции. Так же, как младший партнер идет за старшим. А затем укротить извечного соперника – Британию. Хотя другого логического объяснения не имеется.

Но в таком случае в качестве политика и дипломата, то есть деятеля истинно государственного, Наполеон показал себя весьма слабым. Адольф Гитлер, которого многие историки сравнивают с императором французов, а Мазер вообще оценил много выше Наполеона, безусловно, постарался максимально учесть негативный опыт последнего. Его цели относительно бонапартовских были более конкретными и отсюда грозили большими последствиями не только для России, но и для всего мирового сообщества.

Русских Гитлер собирался не просто поставить на колени и унизить (чем Наполеон, в крайнем случае, удовлетворился бы). Фюрер собирался уничтожить державную мощь России в корне, истребив и изморив голодом часть населения, а другую часть превратив в неких гастарбайтеров, сиречь рабов.

На совещании 16 июля 41 года он изложил следующие взгляды на будущее оккупированных восточных территорий: «Хотя немецкие цели и методы следует скрывать от остального мира, мы будем предпринимать и, во всяком случае, мы можем предпринимать все необходимые меры – расстрелы, выселения и тому подобное. Порядок действий таков: первое – захватить, второе – править, третье – эксплуатировать».

Лексика нацистского фюрера удивительна схожа с ленинской фразеологией. Столь же беспощадная решимость подавления малейшего сопротивления любой ценой и ничем неутолимая жажда насаждения собственного мировоззрения. Безжалостно расчленив Россию, Гитлер затем хотел подчинить германскому контролю Великобританию и США, что означало мировую гегемонию. Следовательно, вызволяя свою страну от неминуемой гибели, тем самым Сталин спасал весь мир от владычества германского национал-социализма.

Но, может быть, он поступил неправильно?! Вследствие последующей ужасающей хулы…

<u>Резюме раздела.</u> Самый ужасный военный конфликт в истории человечества завершился победой стран антигитлеровской коалиции. Для Советского Союза она была сродни пирровой, вследствие огромных людских потерь и разрушений в экономике.

Поскольку президента Рузвельта уже не было в живых, а Черчилль лишился поста премьер-министра, Сталин к концу 1945 года мог ощущать себя единственным полноправным победителем этой поистине глобальной бойни. После Курского сражения русский лидер начинает более тесно контактировать с президентом США и премьер-министром Великобритании преимущественно по вопросам послевоенного переустройства. Сначала в письменном, а затем и личном общении с ними он раскрывается и как весьма искушенный и талантливый дипломат.

Сталин самым достойнейшим образом завершает не только тяжелейшую для Советского Союза войну. Он рассчитывается практически со всеми обидчиками страны еще со времен владычества в России династии Романовых. Кроме того, по окончании военных действий Сталин, по сути дела, вершит с двумя другими главами союзных государств судьбы всех остальных стран на земле.

Он поднял международный престиж Советского Союза на недосягаемую высоту. Ни один из правителей России ни до, ни после него не добивались подобных впечатляющих результатов.

XII
Осень Пастыря

«Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять…меньше будет зазнайства, больше будет скромности»

И. Сталин

Эскиз портрета, включая особенности антропометрии

Политик-реалист до мозга костей, Сталин до конца своих дней сохранил трезвость мышления. Даже среди всеобщего ликования,

вызванного военными победами, когда все люди вокруг него были предельно возбуждены, он сохранял сдержанность. Только был просто несколько веселее, чаще шутил и улыбался, но к этому и свелись, пожалуй, все перемены в его поведении, допустим в сорок пятом году, по сравнению с сорок первым.

Кавказец явно считал гражданским долгом выдержать свой твердосплавный характер от самого дня рождения до последнего вздоха. Почетнейший титул генералиссимуса, присвоенный Сталину сразу после войны, никоим образом не сказался на его манерах.

Общеизвестно, что на каждом этапе своего развития человек характеризуется своей натурой: физическими данными (внешний вид, пол, голос, здоровье и прочее), интеллектуальным потенциалом (ум, мышление). А также восприятием внешнего воздействия: воспитанием, образованием и личным опытом. Из этих характеристик складывается фундамент личности и в большой степени – вне сознания человека – личностные и трудовые способности.

У каждого хорошего руководителя особенно ярко должны быть выражены: сильный индивидуальный профиль, готовность вступить в конфликтную ситуацию, достаточно прямой характер, чувство уверенности в межчеловеческих отношениях, а также в пространственной и технико-экономической ориентации.

Всем этим качествам Сталин вполне соответствовал. Сталинский стиль руководства характеризуется практически оптимальным сочетанием вертикально-круговых групповых структур, что исключительно ярко проявилось в годы войны. Тогда на совещания в Государственный Комитет Обороны часто приглашались члены Ставки Верховного Главного командования и, наоборот, в Ставке при рассмотрении особо важных вопросов непременно присутствовали представители ГКО. Таким образом, при большой экономии сил и времени достигался наилучший результат – эффект кооперации. Принятые путем совместного обсуждения решения незамедлительно доводились до нижестоящих инстанций.

Из личностных способностей укрепления авторитета Сталина превыше всего способствовали чувства ответственности, пунктуальности и правдолюбия. Главными социально-психологическими особенностями Вождя являлись надежность и сдержанность в эмоциях, а также понимание справедливости. Из способностей активизирующих своих подопечных у Сталина необходимо выделить личный пример, оптимистичность и энергия.

Трудовые способности каждого руководителя должны примерно соответствовать следующим параметрам:

Интеллектуальные способности	Организационные способности	Стратегические способности
-абстракционная и концентрационная способность	- ясные представления задач	- способность к аналитическому и синтетическому мышлению
- хорошая память	- коммуникативность	- интуитивность
- быстрота восприятия	- быстрота обработки и передачи информации	- прозорливость
- креативность	- проработка параллельных задач	- правильная оценка ситуации
	- кооперативность	- широта интересов и знаний

По многим из составляющих данной таблицы Сталин, несомненно, почти идеально подходил в качестве главы огромного государства.

Из стратегического таланта вождя наиболее выпукло проявились его способности не только анализировать, то есть разлагать на неотъемлемые компоненты, но и синтезировать их или складывать в одну целостную картину.

Джилас, несколько раз встречавшийся со Сталиным, необычайно удивился тому, что он оказался не слишком большого роста и далеко не атлетического телосложения.

Описание конструктора Яковлева несколько соответствует характеристикам югослава: «Сталин был немного ниже среднего роста, сложен пропорционально, держался прямо, не сутулился. Я никогда не видел у него румянца, цвет лица – серо-землистый. Лицо в мелких оспинах. Волосы гладко зачесаны назад, черные, - отмечал самолетостроитель, - с сильной сединой. Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он (*Сталин – М.А.*) хотел – добрые даже без улыбки, а с улыбкой – подкупающе ласковые. Иногда, в гневе, - пронзительные. Когда раздражался, на лице появлялись мелкие красные пятна».

В то же время зарисовка Яковлева не производит отталкивающего впечатления, в отличие от портрета Джиласа. Последний меряет Сталина исключительно взглядом закройщика из портновского ателье, либо оценщика на роль супергероя голливудского боевика. Но кавказец – деятель политический, он не исполнитель роли Тарзана

– суператлет того времени Джонни Вайсмюллер. Ему ни к чему рельефные и красивые бицепсы, обладание которыми не всегда говорит о наличии интеллекта.

Помимо самого Сталина югослав довольно мрачными красками обрисовал и ближайших сотрудников вождя. Вне всякого сомнения, Джилас чрезмерно субъективен в своих суждениях, его удивило также определенное пристрастие Сталина и его окружения к пище. С юношеским максимализмом он изобразил их некими сказочными обжорами. Между тем, у людей преклонного возраста, напряженно работавших практически круглосуточно, оставалась почти одна радость в жизни – расслабиться за вкусным обедом в кругу единомышленников. Не исключая категорически попутного разрешения довольно важных вопросов.

Исключительно по недомыслию и бестактности балканец Джилас злоупотребил, оказанными ему доверием и честью – трапезничать совместно с российскими правителями в достаточно интимной обстановке.

Чего нельзя сказать о другом горце, кавказском. «Я думал, - писал Баграмян, - что И.В. Сталин высок ростом, плечист и что внешность его, если можно так выразиться, соответствует тому ореолу величия, которым он был окружен в народе». Он признавался, что его удивило и немного даже разочаровало при первой встрече со Сталиным, что он оказался человеком несколько ниже среднего роста, одетым весьма скромно и неброско. Никакой особенной статью и осанкой Верховный Главнокомандующий не выделялся среди окружающих. Перед аудиенцией Баграмян сильно волновался и, лишь тщательно подготовившись, уделил внимание своему изрядно поношенному обмундированию.

Тот вечер оставил в его памяти неизгладимое ощущение. Баграмян вернулся из Кремля во власти сильнейших впечатлений о том, что во главе державы «стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник».

Он сомкнул веки лишь перед самым рассветом и вскоре был потревожен одним из адъютантов Тимошенко для снятия мерки портным. В тот же день Баграмян облачился в новехонький китель и при вторичном приеме в Кремле, по удовлетворенному взгляду Сталина понял, что главным образом ему обязан столь скорому соответствию своего звания генерала и занимаемой высокой должности. На этот

раз Верховный пригласил Баграмяна в числе группы высокопоставленных генштабистов и генералов с фронта.

«Во время ужина Сталин очень искусно создавал непринужденную, товарищескую обстановку. Его вниманием не был обойден ни один из сидящих за столом, каждому он сумел сказать что-либо существенное и приятное либо в форме краткого тоста, либо остроумной реплики. Тосты произносились, главным образом, в честь сражающихся войск. Сталин при этом показывал свое умение слушать других, тонко вызывая присутствующих на откровенный обмен мнениями, в ходе которого выяснялись взгляды военачальников на развитие боевых действий, их оценки слабых и сильных сторон немецко-фашистских войск и их командования.

Сталин был верен своей привычке: мало сидел, почти все время двигался вдоль стола, не расставаясь со своей трубкой. Он завязывал живые беседы то с одним, то с другим из присутствующих, охотно и подробно отвечал на заданные ему вопросы, вместе с тем, все это время не только был в курсе общей беседы, но и умело руководил ею». Когда в общей беседе возникла краткая пауза, Сталин поднял руку с трубкой в знак привлечения внимания, и засим под общий хохот зачитал знаменитое письмо запорожских казаков турецкому султану.

Вечер закончился, и у Баграмяна сложилось впечатление, что он был организован Сталиным не только для оказания внимания фронтовым военачальникам, но и с целью информирования их о ходе войны и возросших возможностях Красной Армии. Верховный стремился еще более укрепить веру в грядущую победу, показать, что противник достоин лишь презрения и ненависти. Поэтому счел уместным зачитать письмо запорожцев султану.

Общеизвестно, что Сталин отличался крайней неприхотливостью в обыденной жизни, был сущим бессребренником. Его не прельщал ослепительный блеск самих дорогих драгоценных камней или заманчивое мерцание желтого металла. Он был также весьма далек от стремления одеваться вычурно, помпезно и дорого. Генералиссимуса отчасти можно упрекнуть лишь в некоторой расточительности при проведении трапез в своей резиденции. В то же время данный фактор дополнительно свидетельствует не столько о «тоталитарной расточительности» (как выражался Черчилль) Сталина, но о широте души и хлебосольстве кремлевского владыки.

В последние годы жизни Сталина круг его не столь обширных

развлечений сузился до предела. В годы войны, в его квартире в Кремле одна большая комната служила одновременно столовой и кабинетом. Большую часть комнаты занимал длинный обеденный стол. Одновременно, с максимально возможным комфортом, за него могло усесться не более двадцати человек.

Сталина и его гостей обслуживала преданная до самоотверженности Матрена Бутусова. Женщина в возрасте, простая и очень опытная, невероятно сноровистая и исключительно чистоплотная. Ассортимент блюд был не слишком велик и отличался экономичностью и простотой. Из спиртных напитков на столе неизменно присутствовали перцовка, коньяк и разные грузинские вина. Хозяин весьма разбирался в винах и любил комментировать незамысловатые этикетки на бутылках. Сталин с удовольствием угощал своих гостей спиртными напитками. Даже любил напаивать, для него данное действо являлось, одновременно развлечением и экзаменом на прочность. У русских всегда особым уважением пользовался субъект, крепко державший удар большого количества алкоголя. Считалось, отчасти справедливо, что этим определяется его несомненная моральная стойкость.

Любопытный случай произошел однажды на большом обеде в Кремлевском дворце в честь прибытия министра иностранных дел Англии сэра Энтони Идена. Последний посетил СССР сразу после победоносного Московского сражения. Его усадили справа от Сталина, восседавшего во главе стола. Советский посол в Великобритании Майский устроился рядом с Иденом в качестве переводчика. На столе перед министром в числе прочих горячительных напитков стояла большая бутылка перцовки. Желтоватый цвет жидкости несколько напоминал шотландское виски. Иден заинтересовался содержимым загадочной бутылки и спросил Сталина:

- Что это такое? Я до сих пор не видел такого русского напитка.

Сталин едва заметно ухмыльнулся, глаза его заискрились. Он ответил: - А это наше русское виски.

- Вот как? - живо отреагировал Иден. - Я хочу его попробовать.

- Пожалуйста. - Сталин, взяв бутылку, собственноручно налил английскому министру полный бокал. Иден опрометчиво сделал слишком большой глоток. На его лицо явственно отразилась вся мощь спиртного. Когда он отдышался и несколько пришел в себя, Сталин заметил:

- Такой сильный напиток может употреблять только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать.

После обеда иногда играли в городки. Сталин принимал участие в старинной русской забаве, бросая орудие необычно, тычком, но ловко выбивая фигуры. На бильярде он играл хорошо, тихими точными ударами, никогда не бил сильно, тщательно целился.

После войны вождь постепенно организует приемы исключительно на даче. Принимая кого-либо на даче, Сталин вызывал через начальника личной охраны генерала Н.И. Власика и тех лиц, которых приглашал на обед или ужин.

Одевался Сталин весьма просто и непритязательно, в однотонный, неброского цвета китель или френч и такого же цвета брюки.

Духовный мир Вождя не отличался особой многогранностью интересов, был отчасти беден, порою даже примитивен. В мышлении его было мало места разного цвета оттенкам, оно не играло разноцветной палитрой. Сталин очень любил смотреть кинофильмы и живо реагировал на особо задевавшие его сцены. Приглашение посмотреть киносеанс вместе с ним, также было знаком особой милости и доверительности.

Но манера поведения Генералиссимуса отдельным рафинированным европейским политическим деятелям отнюдь не импонировала.

Черчилль полагал, что Сталин выказал повадки больше присущие малообразованным и малокультурным людям.

Шарль де Голль преувеличивал, несомненно, когда рассказывал Мальро, что при совместном просмотре советской патриотической киноленты кавказец наставил ему синяков якобы неумеренным выражением восторга.

В целом, француз генерал де Голль, в 1920 году выполнявший функции офицера-инструктора польской армии, достаточно негативно обрисовал русского Генералиссимуса. Хотя признает, что «взаимопонимание с Рузвельтом у него было хуже, чем со Сталиным»

Вместе с тем, «генерал, характеризовавший Рузвельта как «практика-демократа», так и не дал четкого определения грузину», поскольку не смог разгадать его. По ощущениям де Голля, Сталин в 44 году «превратился во всесильного старого рыжего кота», либо в обаятельного и усатого, но дракона.

Анекдотичный случай произошел на одном из заседаний комиссии, на котором обсуждались правительственные премии по литературе и искусству с участием Сталина. Обсуждались претенденты на награды за актерские работы фильма «Адмирал Нахимов». После основных дебатов Жданов сообщил, что один известный актер, не

включенный в число номинантов, подал своеобразную апелляцию. Причем проситель, игравший роль турецкого паши, умудрился мотивировать тем, что «если ему не дадут премии, то это может выглядеть как неправильная оценка роли нашего противника в фильме, искажение соотношения сил».

Явно нескромную просьбу ухмыляющийся Сталин, тем не менее, предложил удовлетворить. И уже посерьезнев, инициировал награждение другого актера, понравившегося ему в том же фильме, но вообще не просившего премию.

На заседаниях по государственным наградам возникали и такие ситуации. Некто, сославшись на то, что цирковые зрелища любит народ, поставил вопрос о премиях артистам данного жанра. На данную реплику Сталин отреагировал мгновенно, воскликнув:

- Ну и что, народ смотрит и балаган. Что ж, и балаган тоже включать в искусство? Нет, я не возражаю по поводу цирка, над этим следует подумать. В данном случае я возражаю только против вашего довода насчет народа.

В данном случае Генералиссимус выразил свое крайнее неприятие популистско-обывательским подходом в серьезном деле.

Сталин обладал своеобразным чувством юмора. Сам любивший пошутить, он не сразу воспринимал шутки, адресованной ему лично. А может быть, делал вид, что не воспринимает. Поскольку в нем причудливо переплетались преимущественно две ипостаси: рядового гражданина (обычного человека) и деятеля сугубо государственного. При чем, последняя неизменно превалировала: Сталин никогда не забывал, что он глава огромной державы. И посмеяться над ним означало оскорбить государство. Совершенно невозможно было также порою определить, от чьего лица кавказец говорит, лично от своего или государства.

На Ялтинской конференции имел место следующий эпизод. Президент Рузвельт, который давал завтрак, сообщил, что он и Черчилль в секретных телеграммах всегда именовали Сталина «дядя Джо». Черчилль предлагал Рузвельту, чтобы он поделился этим с советским лидером в конфиденциальном разговоре. Но американский президент неосторожно пошутил при гораздо более многолюдном собрании. Сталин возмутился или сделал вид, будто обиделся.

- Кажется, я должен оставить данный дастархан?

Заявил он возмущенно, создав напряженное положение. Ситуацию спас госсекретарь США Джеймс Бирнс, удачно заметивший,

что поскольку в Советском Союзе употребляется выражение «дядя Сэм», не может же «дядя Джо» звучать столь обидно в отношении маршала Сталина. Вождь успокоился, якобы сообразив, что прозвище дано ему дружески в знак симпатии.

Весьма симпатично выглядит Сталин в описании, сделанном Симоновым после его послевоенной встречи с литераторами. В конце разговора Генералиссимус осведомился о мнении в писательских кругах «о Ванде Василевской как писателе». А.А. Фадеев выразил общее мнение, оценив невысоко ее дарование. Сталин взглянул на него, помолчал и, как показалось Симонову, был огорчен подобным суждением.

«Но внешне он ничем это не выразил и ничего не возразил». Затем, поинтересовавшись, нет ли более у писателей вопросов, поднялся со стула. За ним встали все остальные.

- До свидания, - Сталин сделал писателям в знак приязни, известный всему миру, расслабленный жест правой рукой, - полуотдание чести, полупомахивание.

Придя домой, Симонов немедленно записал все свои впечатления. «Сталин был вчера одет в серого цвета китель, в серые брюки навыпуск. Китель просторный, с хлястиком сзади. Лицо у Сталина сейчас довольно худощавое. Большую часть беседы он стоял или делал несколько шагов взад и вперед перед столом. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался…».

Основа культа Генералиссимуса – личный авторитет

Единовластное управление страной в период величайших сражений второй мировой войны явилось вершиной деятельности Сталина, как политического и дипломатического, военного и народнохозяйственного предводителя. Хотя Генералиссимус лично не столь уж часто посещал отдельные участки фронта. Да, собственно, в этом не было особенной необходимости. Даже лишенные возможности лицезреть Верховного воочию советские солдаты всех национальностей шли в атаку на неприятеля с возгласом, ставшим хрестоматийным: «За Родину, за Сталина!».

Традиционный лозунг времен самодержавной России претер-

пел трансформацию с непременной персонификацией личности вождя.

Случай, имеющий мало прецедентов в истории любого государства. Понятие Родины, то есть страны и государства, совмещались для советских граждан с именем кремлевского горца. Миллионы людей в стране Советов поклонялись Иосифу Сталину как божеству. Слава имени победителя Гитлера распространилась по всему миру. После столь долгожданной, практически феерической, победы, колониальные народы на всех континентах увидели в нем Вождя, сулившего скорую надежду на независимость в их странах.

Казалось, пик властолюбивых вожделений Сталина достиг своей высшей точки. Однако насколько велика была в реальности власть Генералиссимуса над народом-победителем? В какой степени возвысился он над соотечественниками и насколько был изолирован от обычных людей и естественного человеческого общения? В сущности, правитель любого, самого демократического государства, лишается общепринятых человеческих норм общения. В силу занимаемой должности первого руководителя страны и бремени властных полномочий, перед ним и народными массами создается определенный барьер.

Сталин не составлял в этом смысле исключения. Однако нижеприводимые высказывания Адама Улама явно следует признать преувеличенными сверх всякой меры. Американский профессор, подобно дельфийскому оракулу, вещает о якобы «...огромной, беспрецедентной власти, которую Сталин сосредоточил в своих руках и которая так возвысила его над соотечественниками, что сделала почти неизбежной изоляцию от обычных людей и нормального человеческого общения».

Засим следует следующий удивительный и совершенно несостоятельный пассаж: «Ни один деспот древней истории, ни один современный диктатор не обладал такой абсолютной властью, не мог до такой степени контролировать своих подданных, как Иосиф Сталин. Не было ни одной значительной области экономики, социальной и культурной жизни страны, которая не подчинилась бы его воле и прихоти».

После победоносного окончания войны завершился и процесс укрепления сталинской системы власти, весьма похожей на диктаторский режим. Диктатором, как известно, обыкновенно именуют человека, оказывающего решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику своей страны и в реальности – а подчас и в соответ-

ствии с законодательством – не отвечающего ни перед какой другой властью. Но если кавказец даже и являлся диктатором, то он ни в коей мере не был ни тираном, ни деспотом, каким его имеют обыкновение преподносить.

Чисто гипотетически власть Сталина казалась беспредельной, однако фактически она имела свои весьма жесткие ограничения. В его случае предпочтительнее будет говорить о магии авторитета личности Сталина, нежели о самой его власти как таковой.

Еще до войны Сталин завоевал колоссальный авторитет в Советском Союзе и коммунистических партиях других стран. Иногда обожествление его личности принимало комические формы, отмечал Джилас. Всерьез считали, что война окончится в 1942 году, ибо так сказал Сталин. «Когда же этого не произошло, пророчество было забыто, причем прорицатель ничего не потерял от своего сверхчеловеческого могущества».

Но в остальном мире о личности Сталина имели довольно смутное представление. Симптоматичны воспоминания адмирала Вильяма Д. Леги о первой встрече глав правительств в Тегеране. После окончания первого заседания американцы немедленно стали обмениваться впечатлениями о Сталине. Большинство из них заочно «считали его бандитским главарем, который пробился на высший пост в своем правительстве». Неким аналогом Аль-Капоне с Кавказа, надо полагать. Американцы сразу поняли, насколько глубоко они заблуждались…

В период тяжелейших сражений с германским вермахтом Сталин подтвердил и еще более упрочил свой авторитет.

На очень многих самых разных людей советский лидер производил весьма сильное впечатление. Черчилль обмолвился как-то, что как он ни пытался сопротивляться, какая-то непостижимая сила заставляла его вместе с другими подниматься, когда Сталин входил в зал заседаний Ялтинской конференции.

Общеизвестно, что понятие авторитета имеет латинское происхождение и дословно переводится как достоинство или сила, а также власть или влияние. Под авторитетностью (личным авторитетом) принято преимущественно понимать социально-психологическое влияние одного человека (руководителя) на подчиненную ему структуру, организацию и прочее.

Весьма точной представляется следующая классификация руководителей:

- подлинно авторитетный, оптимально сочетающий черты еди-

040начала и демократичности;

- преимущественно авторитарный;
- преимущественно либеральный;
- псевдоавторитетный.

Преимущественно авторитарный руководитель отличается тем, что он советуется с близкими ему людьми и старается учитывать общественное мнение. Но в процессе принятия решений их мнения учитывает слабо, больше полагается на свой опыт и интуицию, волевой момент в его решениях превалирует.

Поскольку подавляющему большинству народов СССР личность Сталина импонировала, то он очень соответствует первому варианту классификации.

Виды авторитетов также до некоторой степени условно подразделяются на три категории: авторитет от природы и формальный, а также вследствие деловой самореализации. Относительно персоны Сталина следует отнести последний вид.

Во многом кавказец заработал авторитет самостоятельно и в какой-то степени это сделал его ближний круг. Как гласит поговорка: короля делает его свита.

Если окинуть мысленным взором все деяния вождя, то при его жизни практически все они оказывались успешно претворенными. Определенные неудачи имели место, но они носили временный характер и ответственные за них всегда находились. Большинство акций и мероприятий, предпринимавшихся лично Сталиным, довольно часто просчитывались самым тщательным образом. Как правило, он стремился избежать применения недостаточно взвешенных решений.

Разумеется, исключительно благодаря некоторым сталинским личным качествам образовалась властная система, которая теоретически всеобъемлюще пронизывала все стороны жизни советского общества. В то же время, период его правления отличался беспощадной борьбой с малейшими проявлениями коррупции, этим подлинным бичом государств всех времен и народов, вследствие чего пользовался доверием абсолютного большинства населения страны. А стремлением жесткого пресечения любого злоупотребления служебным положением Сталин нажил себе, несомненно, достаточное число недоброжелателей.

Сталинскому имиджу беспристрастного и разумного правителя в народе способствовало всемерное стремление немедленного исправления, если подобное представлялось возможным, любой несправед-

ливости, допущенной к кому-либо. Причем виновные в ошибке, как правило, в профилактических целях без наказания не оставлялись.

Любой исследователь окажется в тупике без учета такой реальности сталинской эпохи, как существование обратной связи между народными массами и властями всех уровней. Всемерно воздействуя на население, в свою очередь Сталин и его окружение получали весьма часто информацию непосредственно от него самого. В сталинские времена был заведен весьма жесткий порядок обращения с корреспонденцией, адресованной высшим партийным и правительственным инстанциям. Любой достаточно грамотный гражданин мог обратиться с аргументированной апелляцией к любому должностному лицу самого высокого уровня. Послания неукоснительно доставлялись адресатам.

Не составляли исключения также жалобы и просьбы, составлявшиеся людьми, находившимися под следствием или в заключении. Одним из неотъемлемых элементов гуманности, имевших место в сталинскую эпоху по отношению к подследственным, являлось то, что письма, отправленные Сталину и любому из членов Политбюро в обязательном порядке регистрировались и доставлялись в секретариат адресата. Это было нечто вроде последнего слова «осужденного на казнь», обращенного к представителям высших инстанций государства. Своеобразным моментом истины отдельного индивидуума, испытанием его на прочность.

Естественно, единственно лишь горестные сетования и жалостливые просьбы рассматривались не слишком охотно. Если же была допущена явная несправедливость в отношении кого-либо и чего-либо и предоставлялась возможность немедленного ее исправления, то немедленно громоздким структурам государства давался задний ход. Подобные акты, несомненно, способствовали укреплению авторитета державы и лично Сталина. В данном аспекте исключительно важной оказывалась роль тех чиновников, которые в силу своих должностных обязанностей первыми знакомились с подобными депешами.

Особым сектором ЦК ВКП (б) на протяжении многих лет заведовал канцелярист А.Н. Поскребышев. В сущности, долгие годы он исполнял обязанности личного секретаря Сталина. В руки Поскребышеву и находившимся под его началом людям первым попадала кремлевская корреспонденция. Именно от них весьма часто зависели судьбы людские. Именно Поскребышев, руководствуясь в качестве исходной точки своим пониманием психологии вождей, решал

давать дальнейший ход тому или иному посланию. Он был своего рода безгласным «серым кардиналом».

У Поскребышева имелось несколько вариантов, наиболее полярными из них были: ознакомление Сталина или подшивка в многочисленные папки. Сознавал ли сам канцелярист, насколько велико значение его конторской рутинной работы? Очевидно, в полной мере, да. В противном случае он не продержался бы столь долго вблизи такого взыскательного шефа, как Сталин. Ныне приходится лишь сожалеть, что Поскребышев не оставил никаких свидетельств о многих годах своей совместной работы с Вождем и Генералиссимусом.

Авторитет Сталина кардинально отличается от ленинского, во многом искусственного. Фактически Ленин для России не сделал ничего, кроме обустройства величайшей смуты и последовавшей вслед за этим ожесточенной гражданской войны. Культом своей персоны, доходившим до обожествления, он обязан, прежде всего, Сталину. Последний руководствовался при сотворении кумира, помимо соблюдения чисто этических норм, преимущественно партийно-политическими соображениями. По аналогии с канонами христианства генсек учитывал чувства некоторой части экзальтированно настроенных партийцев для превращения трупа Ленина в объект поклонений, сходных с религиозными.

Сохраняя набальзамированное тело Ленина как олицетворение святых мощей, Сталин, с поддержавшими его персоналиями, превращал, тем самым, в новый, своеобразный, Гроб Господень. Являясь же основным жрецом храма под названием ленинизм, всемерно поощрявшим его расцвет, Главным Хранителем первой святыни страны Советов, Сталин при этом не исключал возможности приумножения личного политического капитала. До последних дней жизни Сталин подчеркнуто скромно называл себя учеником великого Ленина.

Следует учесть также, что путь, который был избран большевиками для строительства справедливого общества, не был проторен ранее никем. Максимально поддерживая и укрепляя культ Ленина, Сталин весьма часто, особенно в первое время, действовал с оглядкой на усопшего вождя. Он неустанно черпал из огромного хаотичного рукописного наследия Ильича в надежде найти некое рациональное зерно. Частыми ссылками на его отдельные озарения Сталин, тем самым, поднимал авторитет Ильича. Он весьма преуспел в создании иллюзии о том, что идеи Ленина бессмертны и дело его

живет и побеждает. Но, в конечном счете, благородство и политический расчет Сталина самым пагубным образом сказались на его посмертной судьбе...

Послевоенные тенденции

Радость победы над Германией омрачалась огромными бедствиями, выпавшими на долю народов, населявших СССР. Война принесла на оккупированные территории колоссальные разрушения. Советский Союз потерял значительную часть своего национального достояния. Однако никакие материальные потери невозможно было сопоставить с утратой миллионов человеческих жизней.

Заметно поредевшее население Советского Союза приступило к восстановлению разрушенной части страны. Его воодушевление подкреплялось навеки запечатленным в памяти человечества фактом того, что именно армии страны Советов освободили Европу от гидры фашизма. Восстановлению немедленно был придан стремительный темп, чему поспособствовали сотни тысяч военнопленных из разных стран планеты.

Огромный кредит доверия народа, оказанный во время войны руководству страны и лично Сталину, последний, по мере оставшихся сил, постарался оправдать и после ее окончания. Еще задолго до того как русские армии пересекли границу Германии, вождь поручил соответствующим ведомствам готовить предложения по восстановлению разрушенного хозяйства на территориях, подвергшихся оккупации и перевода на мирные рельсы большинства промышленных предприятий восточной части страны.

Главными помыслами Сталина после войны были: во внутренней политике – скорейшее восстановление полуразрушенной экономики, в следствие чего незамедлительно улучшится жизнь людей; во внешней политике – установление добрососедских режимов в приграничных государствах с явными попытками избегнуть конфронтации с союзными державами.

После окончания войны сдвиг центра власти от партийных (сопоставимых с религиозными) структур к правительственным, то есть советским (практически светским), окончательно закрепляется. Сталин выполняет свои функции лидера страны и опекаемых государств, прежде всего как Предсовнаркома, а с марта 1946 года как Председатель Совета Министров СССР. Вследствие преобразования нарко-

матов в министерства, революционная терминология практически полностью исчезает в наименованиях структур системы управления. Более явственно проявляются признаки «обуржуазивания» общества. Пленумы ЦК происходят крайне редко, даже конференции ВКП(б) не проводятся, не говоря уже о съездах. Вся текущая работа в стране ведется главным образом правительством.

Характерный штрих, сразу после войны, 10 февраля 1946 года, состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а отнюдь не какой-либо партийный синедрион. Накануне выборов Сталин выступил перед избирателями своего округа.

«Наша победа означает, прежде всего, - заявил Генералиссимус, - что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность». Во-вторых, акцентировал Сталин, «победил наш советский многонациональный государственный строй». Вождь подчеркнул, что без экономической базы, существенно увеличившейся за период между двумя мировыми войнами, победа Красной Армии была бы немыслима, а, значит, истинным победителем был народ.

Высказавшись об основных итогах войны, главного момента истекшего периода времени, Сталин практически плавно и незаметно стал отчитываться уже в качестве главы правящей партии и сказал несколько слов насчет планов работы на ближайшее будущее и более дальнюю перспективу. В завершающей фазе своего выступления Сталин, подобно Высшему Арбитру, объявил: «Победителей можно и нужно судить (оживленные возгласы, аплодисменты), можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей (одобрительные возгласы, аплодисменты): меньше будет зазнайства, больше будет скромности (оживленные возгласы, аплодисменты). Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над коммунистической партией нашей страны, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей. (Громкие ободрительные возгласы, аплодисменты). Не многого стоила бы коммунистическая партия нашей страны, если бы она боялась критики, проверки. Коммунистическая партия готова принять приговор избирателей. (Бурные аплодисменты)».

Данные фразы главы государства и одновременно лидера правящей партии звучат, по меньшей мере, двусмысленно. С одной сторо-

ны, они выражают непоколебимую убежденность Сталина в незыблемости личного авторитета, которым он подтягивал безликую когорту партноменклатурщиков до своего уровня. В то же время Вождь ставил аппаратчиков на подобающее им место, то есть подчеркивал их подотчетность перед электоратом.

Во время войны одна цель консолидировала здоровые слои общества и властные структуры сталинского государства. Однако пока одни проливали кровь на фронтах, а вторые всемерно способствовали победе, третьи лишь приспосабливались, а четвертые открыто паразитировали на трудностях военного периода. В стране и подопечных территориях имел место значительный рост преступности: кражи, ограбления, разбойные нападения, сопровождавшиеся убийствами. Бандитские группировки буквально терроризировали городское и поселковое население. Наряду с увеличением чисто уголовных элементов война способствовала и росту экономической преступности, пышным цветом расцветшей на ниве острого дефицита жизненно необходимых товаров.

Пока шли военные действия, не предоставлялось возможности наведения должной дисциплины в городах и селах. Но едва успели отгреметь последние военные залпы, как сталинская система власти практически автоматически начинает принимать меры с целью искоренения наиболее вопиющих нарушений правопорядка. Чему в определенной степени способствуют мероприятия по демобилизации огромной армии. Хотя часть бывших фронтовиков, опаленных войной, трудно адаптируется к обыденной жизни. На войне, отчасти, им было очень просто, по другую сторону окопов был противник. Государство всем необходимым обеспечивало, лишь успевай нажимать на спусковой крючок. В миру жить стало гораздо сложнее…

Вследствие неформального сталинского подхода к решению многочисленных послевоенных проблем страна буквально встает из руин. Львиная доля ресурсов, естественно, вкладывается в восстановление промышленности и городов. Большие трудности вызывались конверсией военной индустрии, однако уже к 1950 году были зафиксированы исключительно высокие результаты от отдачи восстановленной промышленности.

По специально разработанным генеральным планам заново отстраиваются Ленинград, Киев, Минск, Сталинград, Севастополь и

другие крупнейшие и старейшие города СССР. Не остаются в стороне и социальные вопросы. Уже в 1947 году (несмотря на огромные проблемы в сельском хозяйстве) отменяется карточная система на продукты, а в целях укрепления расстроенной финансовой системы государства проводится денежная реформа. Для поддержки рубля его вновь переводят на золотую основу, чему поспособствовали немалые запасы драгоценного металла, достигавшие в тот период времени 1500 тонн.

Каждый год, начиная с 1 марта 1949 года, сталинское правительство неукоснительно проводит снижение розничных цен на продукты повседневного спроса.

Поистине взрывной характер приобретает спортивная и околоспортивная жизнь. Десятки тысяч людей устремляются на стадионы и спортивные площадки для занятий физической культурой и спортом, а также становятся «болельщиками». Одновременно социальная дифференциация общества усиливается, к наиболее высокооплачиваемым группам населения относятся рабочие высшей квалификации и крупные деятели науки и искусства.

Следует учесть однако, что в некоторых других сферах, в действие вступают дополнительные сильнейшие факторы, которым Сталин полностью противостоять не в силах. Вследствие перманентно слабеющего состояния здоровья Генералиссимус принужден преимущественно «выезжать» на «эксплуатации» своего неоспоримого лидерского авторитета и постепенно он все больше и больше теряет контроль над ситуацией в стране.

В правительственных и партийных органах управления тем временем, появляется все больше руководителей, отличающихся стремлением к большему материальному комфорту и карьерному росту. По своему образованию, опыту и жизненным ориентирам новые слои аппаратчиков представляют собой единую среду, без политического сумасбродства и духа революционности. Среди них находится и определенное число корыстолюбцев и морально нечистоплотных личностей, использующих служебное положение в своих целях. Запятнали свои мундиры и отдельные из взлелеянных Сталиным военачальников. Особенно огорчил Верховного Главнокомандующего своим поведением его боевой заместитель Жуков.

На Потсдамской конференции советский лидер чувствовал себя весьма уверенно, как представитель державы, чьи солдаты водрузили знамя Победы в Берлине. Хотя там было принято решение о со-

здании межсоюзнических органов по управлению оккупированными территориями, практически восточная зона находилась в основном в ведении советской военной администрации Германии. Одной из ее задач стало взимание репараций, для возмещения ущерба, нанесенного СССР вследствие военных действий. В то же время снабжение населения Восточной Германии, включая весь Берлин, в условиях полной дезорганизации легло на плечи советской военной администрации.

Первоначально, советское руководство, официально осуждая практику некоторых притеснений в отношении немецкого населения, чаще всего смотрело на них сквозь пальцы, следуя известному принципу «горе побежденным». Его больше волновала проблема репатриации советских граждан, оказавшихся за рубежом в конце войны численностью около 5 миллионов человек. В их числе были и те, кто в силу разных причин не желал возвращаться на родину. Возникала масса разного рода недоразумений и осложнений. Сталинскому правительству пришлось решать множество довольно острых вопросов, при наличии недопонимания со стороны западных союзников.

Помимо представительства от Верховного Главнокомандования советских войск Сталин доверяет маршалу Жукову должность Главноначальствующего советской зоны оккупации Германии. В руках непомерно крутого маршала концентрируется поистине необъятная власть. Увы, но бывший заместитель Сталина не выдерживает испытания ею, а вместе с ним и некоторые его подчиненные.

Еще во время военных действий пересеклись пути-дорожки солдата Жукова и чекиста И.А. Серова, занимавшего должность Уполномоченного НКВД в войсках. Они весьма хорошо поладили. За участие в Берлинской операции последний представляется Жуковым к званию Героя Советского Союза. Сразу после окончания войны Серов становится заместителем Главноначальствующего советской военной администрации в Германии, то есть маршала Жукова. Серов по линии НКВД отвечает за репарации.

В Советский Союз начинает организовываться отправка оборудования германских заводов, научных лабораторий и институтов, материальных и культурных ценностей. В числе последних, оказавшихся «бесхозными» (изъятыми из частных собраний), следуют вагонами, автомашинами, самолетами – мебель, посуда, ковры, картины, меха, золото, драгоценности и прочее имущество. Искушение оказывается весьма большим и отдельные советские офицеры не

смогли устоять перед соблазном, а в их среде особенно отличается Серов. Он зарекомендовал себя в Германии главным воротилой по части мародерства. Серов проводил свои операции не жадничая, весьма искусно. Направляя трофейное имущество (под видом репараций) в Советский Союз якобы для сдачи в фонд государства, Серов под прикрытием данной мотивировки и большого количества вещей присваивал ценности, но не только лишь единственно себе. Он переправлял часть вещей в Москву и Ленинград в виде подарков нужным ему высокопоставленным особам.

В Германии Жуков и Серов часто бывали друг у друга, ездили вместе охотиться и оказывали взаимообразные услуги. Вне всякого сомнения, именно Серов организовал отборку и доставку своему временному шефу – Жукову, на дачу близ Москвы, большого количества награбленного имущества. Маршал отличился в Германии не только склонностью к хищениям, но и изрядным самоуправством. Когда генерал В.С. Абакумов, еще в качестве заместителя Берии, летом 45 года прибыл в Берлин и арестовал некоторых генералов и офицеров, видимо, также за хищения имущества, он вмешался незамедлительно.

Жуков в самой категорической форме опротестовал распоряжения Абакумова и принял меры к выпуску арестованных. Однако подобного рода самодеятельность и мародерство не могли продолжаться долго, хотя Генералиссимус, вероятнее всего, о них еще не знает. Вскоре прозвучал первый сигнал для Жукова, ранней весной 1946 года была арестована целая группа из 74 генералов и офицеров контингента советских войск в Германии.

Параллельно Сталин отзывает оттуда Жукова и назначает главнокомандующим Сухопутными войсками и одновременно заместителем министра Вооруженных Сил СССР, но ненадолго. Всего лишь несколько недель спустя, лишь корпоративная солидарность генералитета, проявившаяся на Высшем военном совете, отчасти спасает Жукова от крупных неприятностей.

На основании показаний арестованного к тому времени главного маршала авиации А.А. Новикова полководцу инкриминируют нелояльность к руководству страны и лично Сталину, а также предъявляют обвинения в непомерных амбициях. Вождь инициирует на совете дискуссию, в которой Жуков подвергается нелицеприятной и жесткой критике, которая все же заканчивается для него сравнительно благополучно. Вероятно, Сталину не ведомы еще все послевоенные подвиги маршала. В то же время, как бы не было ему весьма и весь-

ма досадно, наказывать Жукова строже представлялось нежелательным из политических соображений ввиду его известности. Генералиссимус ограничивается снятием его с должности главкома Сухопутными войсками и оправляет командовать войсками Одесского военного округа.

Различные недуги овладевают Вождем, все больше и неизбежно провоцируют усиление борьбы за первенство в его ближайшем окружении. Персональные чувства причудливо переплетаются среди группировок, ведших борьбу за влияние на Сталина. Реальные интересы никем напрямую не декларировались, поэтому весьма сложно реконструировать подлинную расстановку сил среди наиболее близких к Генералиссимусу лиц. Несомненно одно, изворотливость и хитрость, доходящие до предательства, становятся для большинства из них нормой поведения...

Эффект Фултона

В опубликованном 19 августа 1945 года совместном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР предусматривалось в течение пяти лет достичь полного восстановления «народного хозяйства районов СССР, подвергшихся немецкой оккупации». Осуществить «послевоенную перестройку народного хозяйства и дальнейшего развития всех районов СССР, в результате чего должен быть значительно превзойден довоенный уровень развития народного хозяйства СССР». Большую часть страны необходимо было восстанавливать из руин заново, что больше всего занимало в то время Кремль.

Международная обстановка, между тем, складывалась таким образом, что опасения Сталина и его ближайшего окружения о неминуемости нового вооруженного конфликта возобновились с новой силой. В целях упрочения безопасности своей страны Сталин на территориях подконтрольных его войскам, естественно, стремился установить максимально комфортные взаимоотношения с этими странами.

Великие капиталистические державы с крайней подозрительностью следили за действиями своего недавнего коммунистического союзника. Они имели некоторые основания полагать, что Сталин, осуществивший территориальную экспансию, будет всеми мерами насаждать политические режимы угодные Советам. Вновь начала создаваться своеобразная обстановка «мира-войны» – состояния недоверия и подозрительности, насаждения идеологии, оправдываю-

щей милитаристские устремления и меры репрессивного направления. Иные из чрезмерно прозорливых политических деятелей Запада посчитали, что Сталин не остановится на достигнутом и продолжит расширять свои и без того огромные владения. Они забыли уверенное высказывание покойного президента Рузвельта об отсутствии у Сталина империалистических наклонностей.

Одним из таких деятелей, причем наиболее ярким, зарекомендовал себя Уинстон Черчилль. Последний, хотя и отстраненный от власти, продолжал всей силой своего авторитета оказывать ощутимое влияние на политику западных стран. Черчилль являлся в тот период лидером оппозиции у себя на родине, а обаяние личности и престиж его были достаточно весомы. Уинстон господствовал над мыслями своих современников не только в британском политическом мире, но и в других странах Запада.

На протяжении всей войны Черчилль находился в перманентном вялотекущем конфликте с Рузвельтом по вопросу о том, преимущественно какой стратегии следовало отдать предпочтение в сношениях с советским союзником.

Позиция Рузвельта относительно Сталина была практически безукоризненной, а связи между Соединенными Штатами и Советским Союзом складывались превосходно. Хотя в самом начале «Барбароссы» они развивались темпами, оставлявшими желать лучшего, но по восходящей линии. Американский президент изначально находился под прессом сильнейших факторов: желания избежать непосредственного участия в войне по причине полной неготовности; уже развернувшегося военного сотрудничества с Англией; открытого недружелюбия отдельных влиятельных кругов США к Советам; полной неясности истинных намерений Японии.

Тем не менее, Рузвельт удивительно быстро оценил исключительно сложную ситуацию и уже 10 июля 41 года в присутствии и.о. госсекретаря Самнера Уэллеса заявил тогдашнему послу СССР в США К.А. Уманскому, что «главное для СССР – сохранить … силу сопротивления… примерно до первого октября. Если это удастся, война для нас выиграна, гитлеризм будет сокрушен».

Он был весьма огорчен нападением на Перл-Харбор, однако признал разумность решения Сталина не объявлять войну в тот момент Японии. Рузвельт сказал Литвинову тогда, «что он,об этом решении сожалеет», но на месте русских поступил бы точно так же.

Судя по всему, американский президент не кривил душой, когда

жаловался иногда Литвинову, что ему гораздо легче разговаривать с ним и Сталиным, нежели с Черчиллем и Форин офисом.

С первых же дней президентства Трумэна Черчилль начал склонять последнего к занятию более жесткой позиции в отношении Сталина. Накануне капитуляции Германии он тайно отдал приказ фельдмаршалу Бернарду Л. Монтгомери, не исключавший возможность совместного выступления с немцами против СССР. Однако как бы ни был предубежден против русских новый американский президент, он был вынужден считаться с общественным мнением США.

Одновременно, став президентом, уверяет Генри Киссинджер, Трумэн ощущал в гораздо меньшей степени, нежели Рузвельт, моральную обязанность хранить единство союзников. Он был далек от восторга от военного партнерства с Советами, на которые всегда взирал с величайшей осторожностью. Будучи еще сенатором, Трумэн оценивал оба режима – нацистский и советский – как полностью эквивалентные.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, сенатор рекомендовал Америке поощрять их сражаться друг с другом на смерть: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы обязаны помогать России, а если будет побеждать Россия, то мы обязаны помогать Германии, и пусть, таким образом, они убивают друг друга как можно больше, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них, ни во что не ставит данное им слово». Таким образом, Трумэн был более коварным и беспринципным политиком, чем Рузвельт. Последний, возможно, никогда не решился бы отдать приказ об атомной бомбардировке японских городов, вследствие которой пострадало огромное число мирного населения, особенно женщин и детей.

В начале 1946 года Черчилль совершил длительную поездку по Америке. 5 марта в Вестминстерском колледже города Фултон, штат Миссури, Черчилль обнародовал перед американцами и всей планетой свою политическую платформу. Он избрал для этого весьма «благоприятный» момент. Мир в то время был свидетелем некоторого ухудшения американо-советских отношений вследствие средневосточного кризиса. Русские промедлили с выводом войск, находившихся в Иране с самого начала войны. В то же время Москва не оставляла попыток политического давления на Турцию с целью укрепления своих позиций на Черном море.

Так же, как до войны, Черчилль разоблачал нацистскую угрозу,

он вещал теперь об якобы опасности коммунистической, нависшей над западными цивилизациями.

«От Штеттина на Балтике, - разглагольствовал Черчилль. - До Триеста на Адриатике железная завеса спустилась на континент. За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы. ...Коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся повсюду установить тоталитарный контроль...В значительном большинстве стран, отстоящих далеко от русских границ и разбросанных по всему миру, созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, получаемым от Коммунистического центра. За исключением Британского содружества наций и США, где коммунизм находится в зачаточном состоянии, компартии, или пятые колонны, представляют собой возрастающую угрозу и опасность для христианской цивилизации...».

Одновременно Черчилль заявлял: «Я не верю в то, что Советская Россия желает войны. Она хочет плодов войны и безграничного распространения своей силы и своих доктрин... Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему они питали меньше уважения, чем военная слабость...».

Противоречивость высказываний Черчилля в Америке ощущается довольно явственно. Тем не менее, он неуклонно придерживался принципов английской внешней политики в отношении Европы, которые наиболее ярко выразил в своих произведениях лорд Болингброк в первой половине 18 века. В соответствии с ними Британия на протяжении столетий всячески противодействовала гегемонии какой-либо державы на европейском континенте.

В Кремле расценили озабоченность бывшего официального британского лидера однозначно. У Сталина появились резоны считать пылкие речи «друга и товарища военных лет» Черчилля, как призыв к крестовому походу против СССР. В интервью корреспонденту «Правды», через неделю после «фултоновского набата», вождь в частности заявил: «...что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах (*Восточной Европы – М.А.*) существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу?»

Оскорбленный в своих лучших чувствах Сталин также обмол-

вился о том, что часть речи господина Черчилля «представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности».

Вне всякого сомнения, антисоветская речь в Фултоне не самое лучшее достижение британца, надолго охладившая политический климат на планете. В Москве ее оценили как натравливание США на СССР, при размахивании не принадлежащей Англии ядерной дубинкой.

Отчасти Черчилль был прав, однако форма его выступления оставляет желать лучшего. В отличие от многократно избиравшегося президентом Рузвельта, сразу после войны он лишился поста главы правительства. Уязвленное самолюбие бывшего английского премьера искало выхода, и он разразился гневными эскападами о советском «железном занавесе». К тому же положение некогда несокрушимой Британской империи явственно пошатнулось после войны – она стремительно теряла статус колониальной супердержавы.

Противопоставление: Черчилль и Сталин. Уинстон Леонард Спенсер Черчилль родился приблизительно на пять лет раньше Сталина в весьма именитой и далеко не бедной семье. Уже одним этим островитянин существенно разнился с горцем, сыном сапожника. Получивший приличное образование молодой кавалерийский офицер Уинстон участвовал в ряде колониальных военных экспедиций в последнем пятилетии 19 века. Он быстро понимает, что искусное владение пером более верный способ прославиться, к тому же значительно безопаснее меча. Заслуживает внимания тот факт, что британец серьезно повредил случайно однажды руку, правда, в отличие от Сталина, правую.

В качестве журналиста Черчилля быстро замечают определенные круги страны, о чем свидетельствует его избрание в 1900 году в парламент от консервативной партии. Спустя четыре года Черчилль переходит в ряды либеральной партии, затем вновь возвращается в лоно консерваторов. Этот деятель всегда был прагматиком в политике, то есть не имел стойких убеждений, кроме одного. Черчилль всегда отличался непримиримой враждебностью к коммунистической идеологии. Его политическая карьера изобиловала взлетами и падениями и в графическом изображении носит весьма причудливый характер. В то время как у Сталина линия графика постоянно и неуклонно шла вверх, пусть даже незначительно.

В 1908 году Черчилль уже возглавлял первый значительный британский правительственный пост – министра торговли в кабинете

Асквита. В течение двадцати лет с небольшими перерывами он занимал различные министерские должности.

В 1917 году положение простолюдина Кобы (Сталина) и аристократа Черчилля (министра военного снаряжения в правительстве Ллойд-Джорджа) практически уравнялось.

Усилия британца любой ценой подавить смуту на востоке Европы обратили внимание Ленина, объявившего Черчилля «величайшим ненавистником Советской России».

В 1929 году (когда Сталин уже развернул свою грандиозную программу преобразования страны) Черчилль лишился очередного правительственного поста и на долгие годы ушел в тень, поскольку не имел поддержки общественного мнения страны. Он был в числе немногих политиков Запада, сравнительно рано осознавших германскую угрозу. Хотя первоначально британец восторгался Муссолини и Гитлером, у него было с ними практически полное родственное единодушие.

В Черчилле поразительно проявились черты присущие им, а также Троцкому. Непоседливость, огромные апломб и аффектация, журналистское дарование и способности в живописи.

Лишь когда фашизм стал серьезно угрожать интересам Англии, Черчилль был вынужден выступить против него. Его степень ответственности за огромное усиление Гитлера с середины 1940 года также достаточно велика. Вскоре после назначения королем на пост премьер-министра Черчилль патетически заявил в палате общин о решимости сражаться с Германией до победного конца. В то же время он полагает, «что в качестве меры предосторожности» срочно необходимо провести операцию «Динамо» – экстренную эвакуацию английских войск с побережья. При этом Черчилль категорически утверждает в своем фундаментальном труде «Вторая мировая война» о том, что никогда «не возникал вопрос об оставлении французов на произвол судьбы». Но как еще иначе можно назвать скоропостижную эвакуацию боеспособного британского контингента через Ла-Манш?

Черчилля чрезмерно превозносят за важнейший якобы в его политический жизни шаг – решимость продолжать войну против Германии один на один. Но в данном случае он выполнял волю нации, настроенной на дальнейшую борьбу. Спасуй Черчилль в тот момент – и его постигла бы участь своего предшественника.

Мимоходом британец сообщает, что Риббентроп в свое время дважды приглашал его посетить Гитлера. Но как частное лицо, он отказывался, хотя «охотно встретился бы с Гитлером, если бы был

уполномочен на то Англией». Данным признанием Черчилль выразил свое жизненное кредо, которое заключается в том, что для деятеля государственного исключительно важны не личные симпатии и антипатии, а политические интересы.

Сходство позиций Черчилля и Сталина здесь, несомненно, просматривается. И все же островитянин принадлежал к типу людей, особенно не жалуемых горцем, вследствие их явной психологической несовместимости. Впрочем, за непомерные амбиции и позерство Черчиллю не слишком доверяли и на родине. Поэтому он проиграл выборы в июле 1945 года. Черчилль с горечью вспоминал о том, с какой уверенностью Сталин предсказывал в Москве победу на грядущих выборах именно его консервативной партии. Однако сторонники Черчилля оказались тогда в меньшинстве. Английские избиратели не пожелали учесть тот факт, что их лидер являлся одним из творцов победы над фашистской Германии. Они руководствовались принципом: «Мавр сделал свое дело, теперь он должен уйти».

Если балканцу Джиласу (и не только ему одному) великоросс Молотов по сравнению с кавказцем Сталиным представлялся верхом невозмутимости и чопорности, то истый британец Черчилль по его же воспоминаниям выступает довольно импульсивным и даже несерьезным малым.

До и в период первой встречи со Сталиным Черчилль изрядно волновался за успех визита и поделился своими сомнениями с Молотовым. Последний исключительно серьезно объявил своему визави: Сталин настолько мудр, что, будьте уверены, он понимает все, каковы бы ни были внешние проявления его поведения. Неугомонный бритт, тем не менее, не успокаивался и во время официального обеда в Кремле не замедлил осведомиться у горца, простил ли он его за ярую активность в организации интервенции двадцатилетней давности. Сталин улыбнулся и благодушно ответил: «Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу».

Счастливое супружество, несомненно, поспособствовало политическим победам Черчилля и смягчало горечь от поражений. «Его дорогая Клементина», урожденная Хозье, была женщиной незаурядной, не просто красивой, но и хорошо образованной и воспитанной. Супруга Черчилля обладала живым и острым умом, а также тонким, истинно английским, чувством юмора.

Своими славословиями и высокопарными выражениями, Черчилль, надо полагать, неоднократно раздражал Сталина вкупе с

бесстрастным Молотовым. Они никогда не применяли фразеологию «высокого штиля» и избегали изъясняться выспренно и замысловато. В переписке Сталин предпочитал придерживаться сугубо делового, но достаточно вежливого, без излишней сухости, тона. Превыше всего на свете русский лидер ценил искренность и порядочность. Практически всегда в делах межгосударственных он придерживался данному им слову.

Получившему сообщение о фултоновских излияниях Черчилля Сталину, очевидно, сразу вспомнились строки из его посланий. Сравнительно недавним заверениям британца, что он друг Сталина и военный товарищ, оказывалась грош цена. Следовательно, Черчилль всегда считал Советы смертельным врагом и ввиду крушения фашистской Германии (наибольшего из зол) вознамерился сражаться с другим. О том, чтобы методами дружеского увещевания и убеждения препятствовать московским «экспансионистским» планам, весьма и весьма изощренному обширными литературными изысками Черчиллю не приходило в голову.

Его многостраничные работы являются преимущественно панегириками в честь Англии и англоязычных наций, а также самого достопочтимого лорда Уинстона. Полотна большинства его псевдоисторических сочинений ставят в центр событий его родную страну, а себя самое Черчилль довольно искусно представляет решающей силой.

Сталину с его прямолинейными и бесхитростными летописями очень далеко до предельно замысловатых творений знатного британца.

С 1947 года мир окончательно разделился на два разнополюсных блока: с одной стороны располагались страны, находившиеся под американским влиянием; с другой – государства под советским контролем. Начинают применяться диаметрально противоположные способы восстановления подорванных экономик, каждая сторона руководствуется своей логикой. Начало периоду, получившему впоследствии название «холодной войны», положено.

Не без прямого влияния Черчилля, Трумэн решил учредить Центральное Разведывательное Управление (ЦРУ) в качестве **постоянно** (*выделено мной – М.А.*) действующего правительственного органа. Американский конгресс дал на это свое согласие, и с единодушного одобрения представителей обеих партий принятый в 47 году Закон о национальной безопасности санкционировал создание ЦРУ. Официально наделенное полномочиями добывать секретную инфор-

мацию за рубежом. Если раньше США полностью свертывали разведывательные структуры с окончанием войны, то теперь, наоборот, резко их усиливали. Был одобрен и утвержден эскиз герба ЦРУ с изображением головы белоголового орлана и розы ветров с шестнадцатью лучами.

Толкование его нижеследующее: «Американский орел – национальный символ и символ силы и бдительности. Лучи розы ветров показывают, что разведывательные данные стекаются со всех районов мира в центральную службу». Американские секретные службы мгновенно и неимоверно увеличились, спровоцировав образование Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности сенатора Маккарти. Незамедлительно начавшей так называемую «охоту за ведьмами» – преследование нестандартно мыслящих соотечественников. А в 1950 году был создан разведывательный консультативный комитет, впоследствии преобразованный в Разведывательное бюро США, часто именуемое целым разведывательным сообществом.

Сталин стремится в зонах территориального влияния максимального обеспечения безопасности страны. В Кремле вновь убеждаются в изначальной враждебности капиталистического мира, а также возможном атомном нападении со стороны США. Своим бесцеремонным выступлением в Фултоне Уинстон Черчилль утвердил Сталина в этом мнении. Тем паче, США не только мало пострадали от войны, но и их промышленность получила сильнейший импульс развития вследствие милитаризации.

5 июня 1947 года американский генерал Джордж С. Маршалл предложил план дифференцированной экономической помощи всем европейским государствам, пострадавшим от второй мировой войны. По мнению его создателей, он должен был в сжатые сроки обеспечить экономический подъем на континенте и в немалой степени способствовать политической интеграции стран Европы. Одновременно этим планом преследовалась цель дальнейшего укрепления американских экономических позиций в Старом Свете. Сталин отказался от участия Советского Союза в плане Маршалла и склонил к данному решению руководителей восточноевропейских государств. В свою очередь, им усиленно буддируются вопросы политического и экономического взаимодействия со странами Восточной и Центральной Европы. Взамен окончательно почившего в бозе во время войны Коминтерна, в сентябре 47 года создается Информационное Бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ), перед ко-

торым ставилась задача осуществления тесных связей между коммунистическими государствами. Под руководством Жданова Бюро становится рупором коммунистической обособленности. Оно разоблачает западных империалистов как поджигателей войны, подчеркивает преимущества советской модели, прославляет Сталина и нещадно ругает отступников наподобие Тито.

Югославский лидер маршал Иосип Броз Тито, пользовавшийся у себя на родине изрядным влиянием, стремился поддерживать с 1945 года равноправные отношения с Советским Союзом. Неудачно согласованные с Кремлем инициативы «Иосифа младшего» к межэтническим переустройствам на Балканах не замедлили раздражить Сталина. Маршал Тито малодушно не использовал возможности в очном порядке объясниться с Генералиссимусом и не поехал в Москву, что, несомненно, сильно поспособствовало конфликту.

В марте 1948 года Советский Союз отозвал своих советников из этой балканской страны, углубив тем самым югославо-советский кризис. Амбициозное и деструктивное поведение Тито несло в себе угрозу для советской внешней политики, однако русский лидер благоразумно воздержался от применения силы.

Яростное сопротивление замыслам Советов оказывают в Чехословакии, где существует коалиционное правительство и кипят страсти по отношению к плану Маршалла. В конце февраля сорок восьмого года коммунисты полностью завладевают положением в стране.

Однако наиболее болезненным яблоком раздора становится в стане бывших союзников немецкая проблема и в особенности, статус Берлина, разделенного на зоны оккупации. Переговоры в Москве в марте-апреле 1947 года не приводят ни к какому результату. Три западные державы решают затем создать единую германскую валюту – немецкую марку, что вызывает недовольство СССР, ответившего блокадой Берлина. Она длится почти год, с 23 июня 1948 года по 12 мая 1949 года.

Одним из следствий Второй мировой войны явилось также существенное ослабление западноевропейских колониальных держав. Соединенное Королевство Великобритания вынуждено осуществлять деколонизацию. В 1947 году Индия получает независимость и делится на два государства: Пакистан и Индию. Раздел не обходится без межнационального кровопролития. Англичане вынуждены также уйти из Греции, раздираемой кровопролитной гражданской войной.

Из идеологических соображений Советский Союз благосклонно

относится к процессу ликвидации колониальной системы (деколонизации), которая ослабляет западные страны. В глазах народов, стремящихся к независимости, он является единственным оплотом антиколониальных сил.

Атомный гриб над Семипалатинском

Отдав приказ сбросить на города Хиросиму и Нагасаки в 1945 году атомные бомбы, помимо чисто локальной задачи – нейтрализации Японии, правители США преследовали цель глобальную: укрощение возрастающего политического и военного могущества Советского Союза. Поскольку совместно с британцами они владычествовали на морях, статус обладателя ядерного оружия должен был перевесить русский фактор: владения Москвой самыми сильными сухопутными вооруженными силами в мире. По подсчетам аналитиков Пентагона, Кремль безнадежно отстал в разработке необыкновенно разрушительной атомной бомбы.

Между тем в Москве создание атомной бомбы считалось практически осуществимым проектом уже с начала 1939 года, после публикации в Германии результатов исследований Отто Гана и Фрица Штрассмана, описавших явление распада ядер урана-235.

А в первой половине 1942 года Сталину популярно излагают, что собой представляет атомная бомба, и почему Германия и США могут овладеть новым мощным оружием в не столь отдаленное время. Вождь сразу оценил важность данной информации и распорядился о разработке проекта. 28 сентября 1942 года в разгар тяжелых боев на Волге Сталин подписал секретное распоряжение ГКО № 2352 «Об организации работ по урану». Со второй декады февраля 1943 года научным руководителем данных работ назначается сравнительно молодой физик-атомщик И.В. Курчатов. Сталин наделил последнего определенными полномочиями по мобилизации человеческих и материальных ресурсов, необходимых для решения атомной проблемы.

Успешно проведенный американцами опытный взрыв, а также бомбардировка японских городов, вызвавшая массовые жертвы мирного населения, принуждают Сталина ускорить собственные разработки.

С 20 августа 1945 года кремлевские руководители усиленно форсируют деятельность у себя в стране над расщеплением ядерной реакции в военных целях. Создается Специальный Комитет по атомному оружию СССР во главе с Берия, с необычайно широкими пол-

номочиями. Вследствие чего всем работам по проекту был быстро придан столь необходимый размах и динамизм.

Назначение Берии, по ходатайствам видных советских ученых Курчатова и А.И. Иоффе, явилось далеко не случайным. В годы войны именно Берия, помимо обеспечения должного внутреннего порядка в стране, внес большой вклад в организацию производства отдельных видов вооружения и боеприпасов для нужд фронта. Он становится ключевой фигурой в числе руководителей военно-промышленного комплекса государства.

Берия обладал невероятной энергией и работоспособностью. Многие специалисты при соприкосновении с ним ощущали целеустремленность, волю и ум кавказца. Берия являлся первоклассным организатором, умевшим доводить начатое дело до конца. Проводившиеся им совещания были деловыми, всегда результативными и никогда не затягивались. В процессе создания первой советской атомной бомбы роль Берии несоизмерима ни с кем из остальных руководителей страны. Он приложил все усилия и в полной мере воспользовался предоставленными возможностями для успешной координации всех видов и направлений отраслей промышленности, а также научно-технического потенциала страны в целях создания ядерной индустрии.

26 августа 1949 года Берия прибыл на полигон, располагавшийся в Казахстане, на расстоянии около 100 километров от Семипалатинска, города на трансграничной реке Иртыш. К этому времени были собраны два заряда (боевой и резервный) изделия РДС. Эта аббревиатура, придуманная помощником Берии генералом Михневым, расшифровывалась как «Ракетный двигатель Сталина». Испытания были назначены 29 августа на 8 часов местного времени. В 6 часов 18 минут того знаменательного дня подрывники прибыли на командный пункт с докладом Берие и Курчатову о полной готовности изделия к подрыву, а начальник полигона о подготовленности территории. В связи с наметившейся тенденцией ухудшения климатических условий Курчатов с согласия Берии принимает решение о смещении времени взрыва на один час раньше.

Ровно в 7 часов 00 минут окрестности малолюдной казахстанской степи озарились ослепительным светом. Атомный монстр показал свой апокалиптический норов. В месте установки заряда на 30-метровой стальной башне в центре полигона произошла вспышка атомного заряда, многократно превосходившая по своей яркости

солнечные лучи. В течение считанных секунд вспышка приняла форму полушария, увеличившегося до размеров 400-500 метров в диаметре. Одновременно с ярчайшим световым излучением образовалось грибовидное багрово-темное зарево взрыва, достигшее в течение 2-3 минут высоты нескольких километров и прорвавшееся затем в обычные дождевые облака, которые покрывали в момент испытания небо. Вслед за визуальными эффектами взрыва в разные стороны обрушилась колоссальной силы ударная волна, сметавшая на своем пути все, что имелось в радиусе нескольких километров.

На следующий день Берия вручил Сталину предварительные данные, полученные при испытании атомной бомбы. Согласно им мощность взрыва составила 10 килотонн. Позднее выяснилось, что занижена она была минимум раза в полтора. Первое атомное испытание было признано успешным. Сообщение о нем, однако, появилось в советской периодике лишь почти месяц спустя. К этому времени печать других стран уже успела раструбить на весь мир о сенсационном взрыве атомной бомбы в СССР.

23 сентября президент США Трумэн объявил, что по данным правительства США в одну из последних недель в Советском Союзе произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами.

Вследствие поистине вселенского переполоха 25 сентября было опубликовано весьма многозначительное заявление Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС), несомненно, подредактированного лично Сталиным. Скрывать далее прецедент атомного испытания на территории СССР не оставалось никакой возможности. Однако Советский Союз постарался из факта взрыва извлечь по максимуму политические дивиденды.

ТАСС уполномочен был заявить нижеследующее. Как известно, – вещало агентство – в СССР ведутся строительные работы больших масштабов, как те сооружения гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ, с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то, возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС сочло необходимым напомнить о заявлении, сделанном министром иностранных дел Молотовым еще 6 ноября 1947 года, относительно от-

сутствия для страны Советов секрета атомного оружия. Научные и военные круги США посчитали данное высказывание Молотова блефом. Однако они ошиблись, ибо СССР действительно овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Относительно тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для нее нет никаких оснований. Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия стоит и намерено стоять на своей старой позиции безусловного запрещения применения этого смертоносного орудия.

Данным предельно ироничным сообщением дядечка Джо постарался всеми средствами успокоить дядечку Сэма, однако затруднительно выяснить, насколько ему это удалось.

Обладание атомной бомбой, безусловно, укрепило позиции Советского Союза в соперничестве с США. Осенью 1949 года было провозглашено образование Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзе-дуном, что свидетельствовало об огромном успехе в деле дальнейшего распространения социалистической идеологии в Азии. Победа народной революции в Китае явилась ярким примером для борьбы колониальных и полуколониальных народов за суверенность их стран. Ареал распространения социализма в Азии неуклонно расширяется.

В Индокитае молодая Вьетнамская республика, возглавляемая коммунистом Хо Ши Мином, сражается за свою независимость с французами. Корейский полуостров также становится вскоре ареной кровопролитной гражданской междоусобицы.

В Европе самым драматическим образом разрешается немецкий вопрос. 7 октября 1949 года создается Германская Демократическая Республика (ГДР), в ответ на образование в мае месяце на основании Вашингтонских соглашений Федеративной Республики Германии (ФРГ). В качестве противовеса военному североатлантическому альянсу капиталистических государств (НАТО), организованному в том же 49 году, Советский Союз пытается сколотить мощный блок из дружественных евроазиатских стран. Возникает заколдованный круг, порождающий все новые и новые витки напряженности и сопутствующие им гонки вооружений.

Проблема выбора преемника

Оборотной, исключительно негативной, стороной огромного сталинского авторитета, перешедшего в культ личности со всеми его уродливыми атрибутами (отчасти по вине Генералиссимуса), было стремление многочисленного разномастного чиновничества немедленно интерпретировать любое его самое незначительное шевеление, либо высказывание. Тем самым, предельно услужливыми толкователями раздувался порою до невероятных размеров какой-нибудь совершенно малозначащий инцидент. Можно привести множество примеров, но остановимся лишь на одном.

Так, жертвой подобного подобострастного подхода в некоторой степени стал писатель Симонов. Началом неприятностей явилась аудиенция, данная Сталиным совместно с Молотовым и Ждановым трем литераторам, в числе которых был и Симонов, прекрасным майским вечером сорок седьмого года в Кремле. При этом литератор мало догадывался об этих неприятностях. Но главным виновником своих «злоключений», как выяснилось впоследствии, был сам Симонов. Положительно решив все заданные писателями вопросы материального плана, Генералиссимус поставил перед ними задачу полнее изображать в их творениях тематику советского патриотизма. И, в частности, написать произведение на тему ликвидации духа самоуничижения, чрезмерного преклонения перед заграничной культурой.

Во время беседы с писателями Сталин «часто улыбался, но когда говорил о главной, занимавшей его теме – о патриотизме и о самоуничижении, лицо его было суровым, и говорил он об этом с горечью в голосе, а два или три раза в его вообще-то спокойном голосе в каких-то интонациях прорывалось волнение». В момент, когда Генералиссимус мотивировал писателям пожелание написать роман с целью искоренения духа самоуничижения, у Симонова непроизвольно вырвалось, «что это скорее тема для пьесы».

Казалось бы, Сталин, продолжавший монолог, а также Молотов и Жданов не обратили особого внимания на симоновскую реплику. Фактически же они, а также коллеги Симонова, Фадеев и Горбатов, восприняли его неосторожное восклицание как обязательство написать пьесу на поднятую Генералиссимусом проблематику.

Позже Симонов терзался сомнениями, он «понимал, что попал в двусмысленное положение, проклинал себя за свою неосторожную реплику, но... в конце концов, убедил себя, что все как-нибудь да

обойдется» и продолжал работать над ранее задуманным. Ибо не получал прямого поручения и не брал на себя прямых обязательств. Однако так легкомысленно отнесся к пожеланию Сталина и своему необдуманному восклицанию лишь он один...

Очень скоро Симонову пришлось браться за перо и писать произведение на тему патриотизма. С некоей натужностью Симонов сотворил искомую драму «Чужая тень» в начале сорок восьмого года и «сделал то, что не делал никогда ни до, ни после этого. Не отдавая ее ни в печать, ни в театры, послал экземпляр пьесы Жданову» и поставил в известность Сталина через Поскребышева о своих действиях. Засим с чувством исполненного долга принялся за другие дела. Финиш сего марафонского довольно трагикомического драматургического опуса случился почти через год, когда Жданова уже не было в живых. Сталин связался с Симоновым и предложил практически концептуальную «программу переделки ее финала», что автору предстояло срочно переделать. Литератор немедленно и охотно сделал поправки в конце пьесы, исходившие от Генералиссимуса, что обошлось ему в дополнительные неприятности. Сотоварищи Симонова незамедлительно начали сурово бичевать его за гнилой либерализм финала, не подозревая об истинном авторе концовки пьесы... Как засвидетельствовал Симонов, Сталин в самом начале разговора, объявив, что прочел пьесу, «довольно раздраженно добавил:

- Только вчера получил и прочел, полгода не сообщали, что она там у них лежит, и вообще...». Здесь он остановился и перестал распространяться на тему нерадивости своих ближайших подчиненных.

История, рассказанная Симоновым о пьесе «Чужая тень», а также частично другие его наблюдения, из которых он сделал неверные выводы, и другие источники наводят на определенные размышления. Судя по всему, в послевоенный период времени ввиду преклонного возраста в действиях Сталина превалировала озабоченность за судьбу страны после его неминуемого ухода из жизни. А постоянно ухудшавшееся здоровье не позволяло ему полноценно концентрироваться на функциях созидательских. И Сталин предпочитал с большим удовольствием заниматься распределением благ. Государство фактически управлялось по инерции от имени Сталина его самыми ближайшими сотрудниками, но в некоем подобии соответствия с жизненным стилем Генералиссимуса.

Неожиданная смерть Жданова, бывшего одно время вторым человеком в стране ввиду того, что он подписывал от ЦК партии

основные государственные ордонансы, нарушила баланс сил в окружении Сталина.

В «ближнем круге» было две наиболее мощные группировки. Одну из них составляли бывшие партийные и хозяйственные работники Ленинграда под покровительством Жданова, влияние которого на Сталина, особенно в области идеологии и руководства коммунистическим движением, было ощутимым. Сразу после войны Жданов фактически становится вторым секретарем ЦК партии. Секретарем ЦК ВКП(б) избирается и бывший ленинградец А.А. Кузнецов, возглавивший не только Управление кадров, но и получивший кураторство над органами юстиции, МВД и МГБ. Большими полномочиями был наделен Вознесенский. Будучи заместителем Председателя Совета Министров он одновременно возглавлял Госплан СССР, то есть занимал ключевой пост в руководстве советской экономикой.

Этот триумвират явно стал доминировать в области идеологии и общественных наук, а также экономике.

Берия и Маленков составляли костяк другой группировки. Берия всегда оказывал всемерную поддержку Маленкову. В годы войны они оба, с первого и до последнего дня существования ГКО, являлись его членами. Персонально Маленков курировал авиапромышленность и отвечал за формирование новых авиационных частей.

Некоторый период времени он подвергся опале по так называемому делу авиапрома. Без снятия с должности секретаря ЦК партии его отправили в Ташкент. «Ссылка», однако, длилась недолго. Особенно большие усилия для полной реабилитации и возвращения в Москву Маленкова приложил Берия. Впоследствии он будет «отблагодарен» за свое милосердное деяние сполна. Постепенно позиции Маленкова вновь укрепляются, он становится секретарем ЦК, курирующим сельское хозяйство.

Между Ждановым и Маленковым всегда имели место натянутые отношения. Предположительно, Маленков затевает сложную интригу, направленную на компрометацию Жданова. Последнему, однако, не довелось испить чашу унижения, связанного с явной опалой. Страдавший сердечно-сосудистым заболеванием Жданов скончался у себя на даче в возрасте 52 лет, при не вполне выясненных обстоятельствах в конце августа 1948 года.

К тому моменту Маленков руководит заседаниями Оргбюро и секретариата партии. Между тем, в частных беседах Сталин высказывал предположение о том, что в качестве своего преемника по

партийной линии он желал бы видеть Кузнецова, а по правительственной линии – Вознесенского.

Кончина Жданова облегчила заинтересованным лицам, и в том числе Хрущеву, возвратившемуся на пост первого секретаря Московского горкома партии, уничтожение опаснейших конкурентов в борьбе за власть. Как оказалось впоследствии, от их гибели выиграл в первую очередь Хрущев.

Веские доводы нашлись, к несчастью, равно как и предлоги для дискредитации ленинградского руководства. Сталину было доложено о существовании в Ленинграде враждебной антипартийной и антиправительственной группировки. Одновременно развернулось наступление на Вознесенского, чье самоуверенное до заносчивости поведение привлекало особое внимание.

Симонов поведал об одном заседании Политбюро, состоявшемся в июне 1947 года, на котором одновременно обсуждались премии по науке и технике, а также премии по литературе и искусству. Докладчиком от ЦК по литературе и искусству был Жданов, по науке и технике – Вознесенский. Самым памятным того действа оказалось воспоминание, связанное с Вознесенским.

«Это было бы неправдой, - свидетельствует Симонов, - если б я сказал, что этот человек, которого я видел впервые, мне понравился, как говорится, лег на душу. Было другое: он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня, видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники, как несколько раз настаивал на своей точке зрения – решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, – и это мне запомнилось».

13 августа 1949 года в Москве, в кабинете Маленкова, Кузнецов был арестован и с ним еще четверо других лиц. А 27 октября аресту подвергся Вознесенский. В Ленинграде Маленков рекомендовал на посты первого секретаря обкома и горкома привезенного с собой партфункционера В.М. Андрианова, встреченного на пленуме неодобрительным шумом, который, несомненно, отозвался болью в сердце нового владыки Питера и вдохновил на личные злобу и месть, теперь уже к своему аппарату. Как будто намеренно, 12 января 1950 года была восстановлена высшая мера наказания в виде лишении

жизни, принят Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

Следствие велось довольно продолжительное время, очевидно, Сталин весьма сомневался в виновности арестантов, ему требовались более веские доказательства. Наконец, 4 сентября 1950 года министр госбезопасности Абакумов и Главный военный прокурор А.П. Вавилов представили Сталину служебную записку с предложением приговорить к расстрелу Вознесенского и Кузнецова, а также еще четверых ближайших их сотрудников.

До самого последнего дня продолжалась борьба против подобной постановки вопроса и лишь 30 сентября, когда судебный процесс подходил к концу, кровожадные инициативы гэбистов и судейских были окончательно приняты Политбюро ЦК ВКП(б). 1 октября в 0 часов 59 минут был оглашен приговор по делу Вознесенского, Кузнецова и других. Председательствующий по делу отдал распоряжение о немедленном приведении приговора в исполнение. Через час осужденные на смерть были расстреляны, остальные водворены в камеры заключения. После явного фиаско с Вознесенским и Кузнецовым Вождь не заикался больше о правопреемниках.

Новые сведения о Жукове по-прежнему огорчали Сталина. Маршал продолжал находиться «под колпаком» органов безопасности. Но Сталин не позволил уничтожить Жукова несмотря на все старания Абакумова. В начале января сорок восьмого года он доложил вождю о результатах негласного обыска, произведенного на даче Жукова в поселке Рублево под Москвой, где хранилось огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Полководец тем временем практически оказывается не у дел и подвергается госпитализации якобы ввиду подозрений на инфаркт миокарда. После слезного обращения Жукова к Сталину он получает своего рода индульгенцию и назначение на должность командующего Уральским военным округом.

Советский лидер, между тем, все больше ослабевал особенно физически, он все реже и реже появлялся на людях. Участие Сталина в управлении государством становится практически минимальным. Данное обстоятельство усиливает борьбу за власть среди ближайшего сталинского окружения, которое претерпевает существенные изменения. К более молодым Берии и Маленкову присоединяется связка их сверстников из Хрущева с Булганиным.

Вопрос о преемнике Сталина в руководстве государством возни-

кал и ранее, когда последнему предоставлялся отпуск для отдыха и лечения. В разные годы его замещали Молотов, Каганович, Куйбышев. Полным доверием вождя пользовался также Киров. После его злодейского убийства первым лицом в Ленинграде становится Жданов, по некоторым данным, немало способствовавший политическим «зачисткам».

В тридцатые годы наиболее близкими к Сталину людьми являлись, кроме названных, Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе, Ежов. В живых из них к началу Второй мировой войны, оставались лишь четверо. Наибольшее влияние оказывал на Сталина в тот период времени, несомненно, Молотов, являвшийся одним из не слишком многочисленных деятелей, позволявших себе оспаривать Вождя.

Он все больше проявлял качества довольно ограниченного и бездушного исполнителя, без искры вдохновения и конструктивной инициативы. Отдаление Молотова от Сталина было неизбежно и происходило постепенно. В качестве министра иностранных дел он внес свою немалую лепту в кризисы с Югославией и блокаду Берлина. Но больше всего пострадала репутация Молотова из-за так называемого дела Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). По нему привлекался, в частности, к ответственности С.А. Лозовский (Дридзо), работавший заместителем Молотова. Оказалась замешанной в дела ЕАК и супруга Молотова, Полина, еврейка по национальности.

В первой половине сороковых годов постепенно сформировался обновленный состав лиц, приблизившихся к вождю. К несчастью, в мае 1945 году умер совсем молодой А.С. Щербаков, пользовавшийся во время войны исключительным доверием Сталина за свою порядочность и деловитость. Еще до войны падает влияние Кагановича, вследствие обнаружившейся его некомпетентности решения перманентно усложнявшихся управленческих задач. В результате взаимодействия Сталина с новыми фигурантами в период войны руководящее ядро партии и правительства, естественно, видоизменяется.

После войны старые соратники вождя еще со времен дооктябрьских как-то Молотов, Ворошилов и другие все больше уходят на второй план. Ближайшие сотрудники из числа военачальников также незаметно отодвигаются из числа приближенных. Сталиным решительно выдвигаются на ответственнейшие государственные посты относительно молодые партийцы, хорошо проявившие себя в годы войны. В своей деятельности новые кремлевские руководители проявляли определенную инициативу, стремились к самостоя-

тельности в решении хозяйственных и организационных задач.

Одряхлевавший правитель оставался верен себе, он не препятствовал скрытому соперничеству, развернувшемуся среди своих сотрудников. Ближайшие сподвижники Сталина не отличались большой сплоченностью. Но Генералиссимус и не пытался заставить их дружить. Они были старательными и энергичными функционерами, а также умели заставить работать своих подчиненных.

Соратники Вождя очень часто спорили друг с другом, и Сталин поощрял эти диспуты, не только следуя принципу «разделяй и властвуй». Он искренне полагал, что в спорах рождается истина. Поэтому Вождь допускал определенный плюрализм мнений и в своем окружении, одновременно пытаясь извлечь из данного обстоятельства политическую выгоду. Оно, несомненно, позволяло ему лучше формулировать свои собственные идеи и предложения.

Однозначно, Сталин не доверял в полной мере никому из своего ближайшего окружения. Однако весьма сомнителен тезис о том, что Вождь, объявив во всеуслышание о своих предпочтениях правопреемства, преследовал какие-то далеко идущие определенные цели. В немалой степени он сам стал заложником той системы власти, которую создал. Поэтому не следует искать в умерщвлении Вознесенского и Кузнецова заведомого умысла со стороны Сталина. В первую очередь, они стали жертвами своих властолюбивых и жестоких одноуровневых собратьев, а также чрезмерной ретивости гэбистов.

Между тем проблема преемственности в руководстве страной приобретала все большую и большую актуальность. Разочаровавшись окончательно в поисках преемника в последний год своей жизни Сталин вновь обратился к ленинскому опыту.

Заветы Сталина

Здоровье Сталина сильно ухудшилось к концу сороковых годов, что стало заметно невооруженным взглядом, в первую очередь, его ближайшим сотрудникам. Его хронические заболевания, прежде всего ревматические боли в мускулах, способствовали болезням сердечно-сосудистой системы. Как известно, «ревматизм лижет суставы и кусает сердце».

А избыточно усиленная насосная работа сердца при излишне большом объеме крови, участвующем в обращении, вызывает гипертензию – повышенное внутрисосудистое давление жидкости (кро-

ви, лимфы). Обильное питание, вкупе с малой двигательной активностью (гиподинамией) и курением способствовали атеросклерозу сосудов головного мозга и повышали риск инсульта.

Серьезные неполадки в организме Сталина – прямое следствие его весьма неупорядоченной жизни начали сказываться еще до завершения гражданской войны. В начале двадцать первого года, высказывая Ленину мнение о плане ГОЭЛРО, кавказец мимоходом упоминает, что нашел время и «имел возможность прочесть сборник» вследствие своего недуга:

«Болезнь помогла (нет худа без добра!)».

Как это свойственно волевым натурам, Сталин всегда скептически относился к медицине и врачам. Малопродуктивные действия эскулапов при лечении Ленина увеличили его недоверие. Тем не менее, он внял советам коллег-приятелей и стал периодически в отпусках ездить на юг лечиться. Вплоть до тридцать седьмого года, Сталин почти каждый год месяц, а то и два, проводил на черноморских курортах. Ревматизм, который он приобрел в ссылке в Сибири, не отступал. Болезнь оказалась практически неизлечимой, лишь временами заглушаемой. Но изначально крепкий организм все же дал себя знать. Ближе к шестидесяти годам состояние здоровья Сталина стабилизировалось. И он оказался достаточно крепок физически и духовно, дабы достойнейшим образом встретить вражеское нашествие.

В годы военного лихолетья у Сталина появились признаки новых проблем с состоянием здоровья, он весьма ощутимо сдал физически и, отчасти, морально. Сказались четыре года тяжелейших испытаний и сверхчеловеческого напряжения.

16 ноября 1943 года Молотов сообщил Авереллу Гарриману, что Сталин «был не совсем здоров» и даже одно время не покидал апартаменты, чтобы не сорвать поездку в Тегеран.

Ближе к осени 44 года Сталин не смог принять из-за болезни американского генерала П. Хэрли для получения информации «о намечаемых американским правительством планах сухопутной войны в Китае против Японии».

Состояние его здоровья все ухудшалось. Генералиссимус ощутимо занедужил уже в период проведения Потсдамской конференции и вынужден был извиняться перед Трумэном «за то, что он опоздал на один день,… хотел лететь, но врачи не разрешили».

После десяти заседаний глав союзных правительств подряд (с 17 по 28 июля), в последующую неделю состоялось три.

29 июля Сталин вновь приболел, поэтому не смог принять приглашение Трумэна и отправил к нему в гости Молотова. Естественно, в тот день и следующий за ним заседания глав правительств не проводились.

Гораздо сильнее Генералиссимус заболел осенью. Предположительно, между 10 и 15 октября 1945 года у Сталина произошел первый микроинсульт. Однако никаких медицинских свидетельств о характере заболевания не сохранилось. Не исключено, что это не был инсульт как таковой, а гипертоническая энцефалопатия, то есть определенное расстройство мозгового кровообращения, вследствие которой у человека нарушается координация движений.

Впервые после 1936 года Сталин уехал лечиться и отдыхать на юг страны. Медики рекомендуют Генералиссимусу уменьшить объем работы и больше времени уделять отдыху – он вынужден прислушаться к их мнениям. Сталин постепенно и неуклонно все меньше и меньше времени принимает участия в делах государства.

Начиная с 1946 года, вождь даже в Кремле стал появляться достаточно редко и старался не оставаться там надолго. Британский фельдмаршал Монтгомери, посетивший Москву в январе сорок седьмого года, отмечал в своих мемуарах: «Мне показалось, что с тех пор, как я его увидел в первый раз в Потсдаме в июле 1945 г., он как-то уменьшился в размерах и похудел. Казалось и то, что он не так твердо держался на ногах. За обедом он говорил мало, но он быстро подхватывал разговор, если вы его начинали».

Монтгомери, равно как и Эйзенхауэр, награжденный орденом «Победа», оценил почести, с которыми его принимал Сталин. Он нарядился в подаренную ему Василевским форму Маршала Советского Союза и сфотографировался со Сталиным, отдавая ему честь как военному иерарху выше на порядок – Верховному Главнокомандующему и Генералиссимусу СССР.

За семь с небольшим послевоенных лет Сталин выступил публично лишь два раза. Он не смог даже, вопреки ожиданиям, поблагодарить в ответ за многочисленные поздравления в его адрес во время торжественного празднования своего 70-летнего юбилея – 21 декабря 1949 года.

Неожиданно обострилось положение с дыхательными путями, в связи с чем Сталин был вынужден бросить курить. Конец приближался, но былое предубеждение Генералиссимуса к медикам усилилось вследствие инспирированного отдельными сверхбдительными

сотрудниками Министерства государственной безопасности (МГБ) так называемого дела о врачах-вредителях (стоившее Абакумову должности, а позже и жизни).

Впрочем, оно родилось не на пустом месте. Виднейшие деятели партии и государства Щербаков и Жданов явно умерли сравнительно молодыми из-за неполной компетентности медиков Лечебно-санитарного управления Кремля.

Как известно, врачебные ошибки не стали большой редкостью и в 21 веке. Живший и творивший много лет тому назад Эразм Роттердамский ставил медиков на первое место среди шарлатанов всех мастей. Он уверял, что «медицина в том виде, в каком многие ею теперь занимаются, не что иное, как искусство морочить людей». А «среди врачей – кто невежественнее, нахальнее, безрассуднее остальных, тому и цена выше даже у венчанных государей».

Относительно участи монархов весьма красочно и с высокой степенью достоверности поведал герцог Сен-Симон, оставивший уникальные воспоминания о временах правления Людовика XIV и его преемника. Сен-Симон подробно рассказал, в частности, о последних днях «короля-солнца». По мнению наблюдательного придворного, Фагон – первый лейб-медик французского монарха в последнее время «не принимал ничьих доводов и возражений, продолжал относиться к здоровью короля так, словно тот был не в столь преклонном возрасте, и тем самым, медленно убивал его».

Король первым заметил возраставшую слабость, но Фагон всегда умело разубеждал его и ничего не предпринимал. Монарх вынужденно удовлетворялся тем, что говорил ему эскулап, и хотя и не верил особенно, но сдерживался из-за чувства приязни к нему. К тому же из корыстных соображений другие лица, близкие к королю, не говорили Людовику XIV ни слова правды о его истинном состоянии. В итоге, французский монарх умер намного раньше отпущенного ему природой срока, полагал Сен-Симон, так как вскрытие показало, что все жизненно важные органы оказались в отличном состоянии. Любопытно свидетельство мемуариста о реакции двора на перемены в состоянии здоровья короля. Как только прошел слух о близкой кончине монарха, как пустота в приемной герцога Орлеанского, наиболее вероятного регента королевства, немедленно заполнилась. Но едва пришли вести о том, что король как будто поправляется, придворные мгновенно наперегонки бросились в его покои, оставив сконфуженного претендента одного...

Сталин превосходно осознавал, насколько значителен его личный вклад в дело сохранения Россией суверенитета и увеличения державной мощи государства. Он также отчетливо представлял, какое всемирно-историческое значение имеет победа во Второй мировой войне над агрессорами, поставивших «человечество и его цивилизацию на край гибели». Поэтому как бы не резали ему до невозможности слух «дифирамбы в честь Сталина», Генералиссимус был вынужден мириться. Правда, как отмечал Молотов, немножко вся эта шумиха ему все же нравилась.

Сразу после окончания войны начинает выходить многотомное собрание сочинений Сталина тиражом в полмиллиона экземпляров. Автор счел необходимым снабдить первый том предисловием, из содержания которого следует, что остальные фолианты также должны были предварять его замечания. Однако подобное не произошло. Очевидно, Сталин ввиду непрерывно ухудшавшегося состояния здоровья отступился от первоначального замысла.

Тем более, что первоначально книги буквально выстреливались, то есть выходили одна за другой. В предисловии ко всему изданию объявлялось, что оно будет состоять из шестнадцати томов. А по выходным данным книг хорошо прослеживается динамика их выпуска, а также, чисто гипотетически, снижение заинтересованности соответствующих структур и должностных лиц в этом, то есть института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) и его сотрудников, весьма искушенных политиканов.

Позже, именно директор данного вуза, к которому ненадолго прибавится имя Сталина, секретарь ЦК партии, академик и прочая Поспелов Н.Н., возглавит специальную комиссию по «детальному изучению» всех документов и материалов, репрессированных из числа партийно-политического руководства страны. Первые семь томов вышли стремительно в течение полутора лет. После приличной паузы, очередной по счету – восьмой, поступает в набор 14 июля сорок восьмого года, а через три года увидел свет 13 том, последний при жизни Сталина. Создается впечатление в том, что издатели искусственно стопорили выпуск книг в полном объеме. То есть они достаточно хорошо были осведомлены обо всех замысловатых перипетиях предельно скрытного противоборства вокруг все больше выпускавшего бразды правления Генералиссимуса.

После преждевременных смертей Щербакова и Жданова, непривлекательного поведения Жукова, а также уничтожения одаренных и

амбициозных Кузнецова и Вознесенского, круг лиц достойных правопреемства Сталина значительно сузился.

Между тем, Сталин практически до самого последнего вздоха оставался ответственным руководителем. Оставив поиски официального правопреемника, он постарался принять превентивные меры для ослабления эффекта последствий своей неминуемой кончины.

Наиболее уязвимым местом социалистического государства Сталин совершенно справедливо считал экономику. К началу сороковых годов страна развивалась динамично, невзирая на большие финансовые вливания в оборонные отрасли промышленности.

Еще в самый разгар военных действий Верховный Главнокомандующий отчетливо представлял масштабы восстановительных работ.

15 октября 43 года Сталин навскидку гарантировал представителю деловых кругов США Д. Нельсону «заказы на 10 тыс. паровозов, 50 тыс. железнодорожных вагонов и платформ, 30 тыс. километров рельсов, паровых и гидравлических турбин общей мощностью в 300 тыс. киловатт»…

Но после войны особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве вследствие катастрофической нехватки рабочих рук. Многие деревни остались без работоспособного мужского населения. В городах положение было несколько лучше, в связи с занятостью мужчин на военных заводах. С целью дальнейшего кардинального улучшения экономики страны Генералиссимус решил перевооружить преемников теоретически, дабы затем использовать на практике.

Поэтому Сталин поручил подготовить учебное пособие коллективу авторов из виднейших экономистов страны на заданную тематику. При этом он замыслил проведение широкомасштабной дискуссии по экономическим вопросам. И не остался в стороне по своему обыкновению. Свою позицию Сталин изложил в небольшой книжке под названием «Экономические проблемы социализма в СССР», ставшую его последней теоретической работой и письменным завещанием. Данный труд состоит из двух частей: замечаний по экономическим вопросам, связанных с ноябрьской дискуссией 51 года и ответам отдельным экономистам, включавшим анализ послания некоего Л.Д. Ярошенко. Не вдаваясь в подробности работы Сталина, преимущественно ставшей архаичной, нетрудно заметить, что он до конца своих дней сохранил ясность мысли и терпимость к другому мнению, даже самому глупому.

«Нужно сказать, что такой несусветной тарабарщины не разво-

дил еще у нас ни один свихнувшийся «марксист»», в частности, вроде бы свирепо отозвался Генералиссимус о притязаниях Ярошенко (письма членам Политбюро ЦК, суть жалобу и предложение единолично написать учебник в сжатые сроки).

Тем не менее, кавказец счел необходимым подробно и аргументированно разобрать его претензию, не забыв в заключение сделать выводы о том, что «жалоба т. Ярошенко на руководителей дискуссии лишена смысла», а настоятельную «просьбу т. Ярошенко поручить ему написать Политическую экономию социализма – нельзя считать серьезной, хотя бы потому, что от нее разит хлестаковщиной». Из нижеследующего вытекает, насколько большое внимание уделял Сталин реализации проекта улучшения учебника политической экономии.

«Я думаю, что для улучшения проекта учебника следовало бы назначить немногочисленную комиссию с включением туда не только авторов учебника и не только сторонников большинства участников дискуссии, но и противников большинства, ярых критиков проекта учебника.

Хорошо бы включить в комиссию также опытного статистика для проверки цифр и внесения в проект новых статистических материалов, а также опытного юриста для проверки точности формулировок.

Членов комиссии следовало бы освободить временно от всякой другой работы, обеспечив их полностью в материальном отношении, с тем, чтобы они могли целиком отдаться работе над учебником.

Кроме того, следовало бы назначить редакционную комиссию, скажем, из трех человек для окончательной редакции учебника. Это также для того, чтобы добиться единства стиля, которого нет, к сожалению, в проекте учебника. Срок представления готового учебника в ЦК – 1 год», завершал Генералиссимус свои Замечания, датированные 1 февраля 52 года.

Весьма характерно, что Сталин решительно рекомендовал: «главу «Марксистское учение о социализме. Создание В.И. Лениным и И.В. Сталиным политической экономии социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника».

Коллеги по Политбюро Генералиссимуса меж тем не поняли его озабоченности и отнеслись несерьезно к последним изысканиям своего прозорливого премьера. Сталин утвердился во мнении, что они мало пригодны для исполнения лидерских функций в управлении

государством и предпринял другие меры. Он воспользовался для этого съездом партии, тем паче, что они давно не проводились. Сталин совершил то, что не удалось в свое время Ленину – лично и изустно ознакомил ЦК партии со своим политическим завещанием.

XIX съезд партии состоялся в первой половине октября 1952 года, на котором с Политическим отчетом ЦК выступил Маленков. То есть выполнил функции Сталина. Конечно, это было признаком особого доверия. Однако сам Генералиссимус в то время был уже довольно слаб, чтобы в течение длительного периода времени произносить Отчетный доклад перед большой аудиторией. Этого обстоятельства не знал никто, кроме самого близкого окружения. К которому, помимо Маленкова, относились тогда Берия, Булганин и Хрущев.

На съезде был избран новый состав ЦК партии, получившей новое название. Достаточно неожиданными стали, однако, итоги первого Пленума нового ЦК, на котором избирали руководящие органы Центрального Комитета. Сталин лично в конце своего выступления зачитал список Президиума ЦК из 25 членов и 11 кандидатов. Большинство фигурантов при этом не относилось к числу лиц, близких к нему ранее.

Весьма пространное выступление Вождя на пленуме изумило некоторых свежеиспеченных членов ЦК. Сталин не стал подобно Ленину давать письменные характеристики своим ближайшим вассалам. Говорил он экспромтом от начала и до конца все время достаточно сурово, без тени юмора. Во время речи вождь внимательно, цепко и как-то особенно всматривался в зал, так, словно пытался проникнуть в мысли людей, сидящих перед ним и сзади, и отыскать среди них достойного правопреемника.

Тоном и содержанием своего выступления, а также глазами, буквально пронизывавшими зал, он привел всех в состояние некоего оцепенения. В основном Сталин не говорил прямо о себе, он говорил о Ленине и его бесстрашии перед лицом любой опасности.

Главное в контексте сказанного Вождем сводилось к тому, что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать выполнять заветы Ленина.

Сталин связывал тему собственной старости с неизбежностью ухода из жизни. Обстановка в мире продолжает оставаться сложной и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая. И самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Он выполнил свою миссию, теперь это предстоит делать другим. Все негодование по поводу несостоятельности некоторых деятелей испол-

нять роль его правопреемника Сталин высказал в адрес Молотова, Микояна и Ворошилова, тем самым пытаясь внушить собравшимся, дабы они не заблуждались относительно их деловых качеств.

Тем не менее, штрафники оказались в составе Президиума ЦК партии. Но не в составе довольно малочисленного Бюро, который должен был играть ведущую роль в Президиуме. Очевидно, Сталин задним числом выразил крайнее неудовольствие их действиями, но подразумевал при этом и других членов своей команды. Однако поскольку Вождь прямо не объявил об этом, то не был понят большинством цэкистов. Зато самый «ближний круг» (Маленков, Берия, Хрущев, Булганин) прекрасно сообразил, что их практически неограниченные полномочия существенно урезаются по воле Сталина.

И, хотя последний прямо не выразил им своего порицания в отличие от их более старших коллег, рикошетом он бил и по этой четверке. Все персоны ее состава почувствовали себя задетыми и соответственно обиженными. Таким образом, этот квартет оказывался самым заинтересованным в скорейшем уходе Сталина из жизни.

Помимо публичного политического волеизъявления Сталин решил юридически закрепить изменившийся фактически статус партии и скорректировать структуру ее руководства. При этом Вождь предполагал, видимо, достигнуть определенного баланса в расстановке основных политических сил.

Переименованием ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС) Сталин официально подчинял ее интересам государства, а не «пролетариям всех стран» и народов. Оргбюро и Политбюро упразднялись, а Секретариат практически растворялся в Президиуме, вновь созданном коллегиальном органе «для руководства работой ЦК между пленумами». Тем паче, что пост генсека ликвидировался, впрочем, задолго до этого Сталин подписывался просто как «секретарь» ЦК.

Весьма характерно для Сталина то, что он вновь, как и четверть века назад, попросил на пленуме ЦК освободить его по состоянию здоровья от руководства партией. Данное действо, несомненно, явилось бы первым шагом к постепенному официальному отходу Генералиссимуса от первенства в стране. Однако председательствовавший Маленков сделал все возможное, дабы истово дезавуировать заявление. Сталину пришлось нести свой неимоверно тяжкий крест еще долгие сто сорок дней и ночей, до самого конца.

Финал, исключавший забвение

6 марта 1953 года СССР и весь остальной мир был ошеломлен смертью советского премьера, генералиссимуса Иосифа Сталина, настолько неожиданными оказались известия о его болезни и скоропостижной кончине. Вопреки многочисленным спекуляциям и домыслам Вождя, по всей видимости, внезапно постиг апоплексический удар, то есть инсульт. Однако это не снимает полноты ответственности, в первую очередь, со старших офицеров личной охраны Генералиссимуса за непринятие эффективных мер по оказанию экстренной помощи умиравшему человеку.

Сталин, как ни парадоксально звучит, всю жизнь нещадно боровшийся с формализмом и безответственностью, бездушием и бюрократизмом, стал, тем не менее, жертвой именно подобного подхода к делу.

Последний февральский день пятьдесят третьего года и последовавшая за ним ночь стали для него роковыми.

27 февраля Сталин смотрел в любимом Большом театре балет «Лебединое озеро». В отличие от Ленина он с удовольствием слушал чарующую музыку и наслаждался пленительными танцами. Не забыв наказать руководству театра поблагодарить артистов от его имени за филигранную отточенность спектакля, Генералиссимус уехал на Ближнюю дачу.

В субботу вечером, 28 февраля, Сталин вместе с некоторыми членами Президиума посмотрел в Кремле кинофильм. Затем предложил присутствовавшим приехать к нему в загородную резиденцию. Ближе к полночи гости съехались парами: Маленков с Берией, Хрущев с Булганиным. Остальные предпочли проигнорировать приглашение…

Обыкновенно Вождь ближе к полудню давал знать стражникам о своем пробуждении. 1 марта все было иначе, но охрана исключительно по-халатности не придавала значения тому обстоятельству, что он необычайно долго не подает признаков жизни.

Для охранников Сталин давно не был ни Вождем, ни Генералиссимусом, ни тем более тираном и деспотом. Он был для них обычным добродушным человеком преклонного возраста, накануне засидевшимся допоздна с более молодыми приятелями-соратниками, которого необходимо было почему-то тщательно охранять.

Поскольку Сталин к закрепленным дежурным и другим служащим резиденции относился просто и дружелюбно, они платили ему той же монетой. То есть относились преимущественно почти паниб-

ратски. Согласно инструкций, стражникам вменялось в обязанность лишь оберегать Сталина от внешних посягательств, а также не докучать ему без особой на то надобности. Все прочее, что не относилось непосредственно к служебным обязанностям, их совершенно не волновало.

Все комнаты на так называемой Ближней даче Сталина и примыкавших к ней подсобных помещений были оборудованы, помимо других средств сообщения, внутренней телефонной связью – домофонами. По ним Генералиссимус заказывал еду и питье, а также просил принести почту, газеты и т.д.

Старшими дежурными офицерами были в тот злополучный для Сталина день некие Старостин и Лозгачев, приступившие к исполнению своих обязанностей в 10 часов утра. Что делают обыкновенно люди, заступившие на дежурство в довольно ранний час? Естественно, пьют чай, затем лузгают семечки, одновременно обмениваясь новостями. Одним словом, убивают время.

Меж тем, часы пробили полдень, а Сталин, вопреки обыкновению, не подавал признаков жизни. И Старостин с Лозгачевым невольно переключают внимание на свой объект, которой к тому времени, очевидно, уже лежит без движения в полубессознательном состоянии в своей незамысловатой постели. Вследствие внезапно постигшего его во время сна острого нарушения мозгового кровообращения (инсульта), случая не столь уж редкого в медицинской практике.

Офицеры первоначально, несомненно, посмеиваются: вот, мол, старый одр перебрал накануне сильно вина и не может встать теперь. Но чем больше проходило времени, тем сильнее овладевало ими беспокойство. Но не за жизнь старого человека, а за свои звездочки на погонах. Ситуация складывалась непонятным образом и служивые не знали как поступить. Звонить вышестоящему начальству в подобном случае воскресным днем означало нарваться на неприятности. Тем более, что их тревога могла быть преждевременной.

Таким образом, старшие по субординации дежурные офицеры Старостин и Лозгачев, смертельно боясь, в первую очередь, своего начальства, в неординарной ситуации не сумели сделать элементарного – организовать экстренную помощь больному человеку, находившемуся в тяжелом, но не безнадежном, положении. В момент, когда была дорога каждая минута, они надеялись неизвестно на что и ожидали указаний свыше. Впрочем, не следует исключать полностью тот вариант, что Старостину и Лозгачеву некто свыше настоятельно посоветовал не суе-

титься. Хотя к вечеру 1 марта серьезно волновался уже весь обслуживающий персонал и вся довольно многочисленная охрана дачи.

А два старших офицера, меж тем, препирались, кому идти прояснять ситуацию. Чего они страшились? Они боялись, что вдруг старик уже успел «дать дуба» и с них будет учинен спрос за его летальный исход. До бросания жребия дело все же не дошло, так как привезли пакет из ЦК, а передавать почту обязан был Лозгачев.

Примерно в 22 часа 30 минут 1 марта офицер вошел в апартаменты Сталина и увидел его лежащим на полу в довольно плачевном состоянии. Предположительно, Генералиссимус пролежал в подобном состоянии несколько часов. Вероятно, неимоверным усилием он все же встал с постели, но не удержался на ногах и упал, не успев подать сигнал о помощи.

Следовательно, больному приблизительно полусуток не оказывалось никакой помощи, но (факт вопиющий), примерно столько же времени ему практически не была оказана и помощь медицинская.

Кликнув подмогу, Лозгачев сотоварищи перенесли Сталина в другую комнату, положили на диван и укрыли пледом. Генералиссимус был частично парализован, но пытался нечленораздельно говорить, глаза его были открыты.

Взволнованный персонал дачи требовал экстренного вызова врачей, но старшие по субординации чины охраны, решили иначе. То есть начали звонить по инстанциям. Их непосредственный начальник министр госбезопасности С.Д. Игнатьев немедленно «отфутболил» их земляку Сталина Берии…

Было уже далеко за полночь, когда объявились «соратники» Сталина – Берия и Маленков. Небрежно взглянув на, казалось бы, крепко заснувшего Вождя, они приказали Лозгачеву не беспокоить его, а заодно и их. Засим спокойно разъехались по домам. Хрущев и Булганин вообще не удосужились удостоить Сталина даже взглядом. Приехав на дачу намного раньше Берии и Маленкова, они проявили редкостную «деликатность». Ограничились беседой с охранниками в дежурном помещении возле ворот и уехали, не дав никаких указаний. Хрущеву и Булганину, видите ли, стало неловко за Сталина, у которого произошло непроизвольное мочеиспускание.

Их поведение, особенно Берии с Маленковым, не на шутку разъярили обслугу и нижних чинов охраны дачи, требовавших немедленного вызова врачей… Но только около девяти часов утра уже 2 марта, в понедельник, у постели больного появились первые врачи, и

началась неизбежная в таких случаях суматоха. Самым срочным образом у высочайшего пациента собирается консилиум из светил советской медицинской науки.

К тому времени Сталин лежал уже совершенно недвижно, лицо его было перекошено, правые конечности лежали как плети. Вождь тяжело и прерывисто дышал, давление было весьма высоким, анализ крови показывал большое содержание лейкоцитов. Отмечалась высокая температура больного. Диагноз представлялся ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза.

Как будто было назначено соответствующее лечение и врачи наладили дежурство у постели больного. Постоянно находился рядом и кто-нибудь из членов Президиума ЦК.

Слух о недуге Сталина мгновенно распространился по всей стране, резонанс был огромен. Вносились самые радикальные предложения для оказания помощи, так как состояние больного оставалось весьма тяжелым.

Пятого марта стало окончательно ясно, что скорый летальный исход неизбежен. Медики механически впрыскивали лекарства, писали дневник, составляли бюллетени. Иными словами, готовились писать официальное заключение о смерти. Тем временем собрались члены Президиума и ЦК, некоторые подходили к умирающему. Деятели рангом пониже смотрели через дверь, не решаясь подойти ближе к полумертвому хозяину. Больной еще дышал, но смерть его ожидалась с часу на час.

Не дожидаясь столь судьбоносного события, на 20 часов 00 минут 5 марта было назначено совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета страны. Это свидетельствовало о завершении закулисных переговоров высшими руководителями страны.

Писатель Симонов пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя какие-то 10 минут пришли все. Всего несколько человек появились меньше чем за полчаса до начала.

«И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, - написал Симонов, - **знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось,**

что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале была такая тишина, что, не пробыв сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут так молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания» (*выделено мной – М.А.*).

Данными строками Симонов запечатлел свои ощущения того памятного вечера, которые врезались ему на всю оставшуюся жизнь. Наконец признаки жизни появились в этой ужасающе гнетущей тишине. Из задних дверей Свердловского зала вошли и сели за стол легитимные члены Бюро Президиума плюс Молотов с Микояном. Таким образом, воля еще живого Сталина подверглась корректировке.

Председательствовал на форуме высокопоставленных партийцев Хрущев. Маленков обратился к присутствующим с краткой вступительной речью. После этого он предоставил слово Берии, спустившемуся к трибуне. Последний предложил назначить на пост Председателя Совета Министров предыдущего оратора. Голосование оказалось положительным. Берия пошел обратно к столу президиума, а Маленков поспешно начал спуск к кафедре. В какой-то момент они встретились и с трудом разминулись в узком проходе, ввиду упитанности телосложений.

Добравшись, наконец, до вожделенной трибуны, Маленков стал вносить свои предложения. В числе своих важнейших заместителей он первым назвал Берию, а уж затем Молотова, Булганина и Кагановича. Ворошилов становился Председателем Президиума Верховного Совета. В Секретариате ЦК партии ключевая роль предлагалась Хрущеву. Секретарем ЦК, курирующим воссоединенное МВД (главой которого вновь стал Берия), избирался Игнатьев. Микоян, а также Молотов восстанавливались в министерских креслах. Все действо длилось сорок минут.

Затем вожди поехали на последний акт драмы под названием кончина лидера. Они приехали на удивление своевременно. После долгой агонии смерть Сталина наступила в 21 час 50 минут 5 марта. Это был в высшей степени знаменательный момент.

Как только было установлено, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось – в просторную комнату бесшумно вошли руководство страны, сын Василий и дочь Светлана. Все стояли недвижно в торжественном молчании так долго, что это время показалось некоторым целой вечностью. Свершилось великое

историческое событие. Ушел из жизни Вождь, перед именем которого испытывала трепет вся страна (но не люди из ближнего круга), а в определенной степени и весь мир.

Несколько позже вошли люди из персонала по обслуживанию вождя и рядовые охранники. Их лица были омрачены подлинной печалью, они искренне считали, что ушел из жизни самый лучший из людей. В самом деле, никто правильнее прислуги не может вернее оценивать человеческие качества.

На следующий день, 6 марта, ближе к полудню, состоялось вскрытие тела Сталина. Предварительный диагноз подтвердился, у вождя оказался сильный склероз мозговых артерий.

Беспрецедентное в мировой истории всенародное и официальное прощание с телом Иосифа Сталина продолжалось четверо суток. Помимо СССР многие страны мира объявили о траурных мероприятиях. Похороны русского лидера состоялись 9 марта в обстановке, напоминающей внезапное массовое умопомешательство в стране. Скорбь многих жителей была настолько велика, что не обошлось без трагических инцидентов. В дни, предшествующие похоронам, власти Москвы не сумели организовать должных мер безопасности. Множество людей погибло или оказались покалеченными в результате ужасающей давки.

Нечто подобное произошло в конце 19 века в день коронации последнего русского царя из династии Романовых. Однако тогда произошла катастрофа на Ходынском поле, предназначенном для массовых народных гуляний. Пострадали люди, исключительно стремившиеся воспользоваться подарками нового монарха, преимущественно съедобного назначения.

Траурную церемонию открывал и закрывал Хрущев, бывший председателем комиссии по организации похорон Сталина. Выступающими были Маленков, Берия и Молотов. Лишь в голосе последнего очевидцы почувствовали подлинную скорбь по усопшему вождю. Засим под звуки оглушительного артиллерийского салюта набальзамированное тело Иосифа Сталина начали водружать рядом с его наставником Владимиром Лениным.

Жизнь практически замерла в тот момент на всех пространствах необъятной России. Повсеместно люди прекратили работу и всякое шевеление: на заводах и фабриках, фермах и колхозах, школах и вузах.

За многие тысячи верст, в малолюдной и многоснежной Сибири остановились поезда и долго протяжно гудели в знак безутешной скорби...

Главные ошибки последнего отрезка жизни

«При всем видимом благополучии своем государи представляются мне несчастливейшими из смертных, потому что никто не говорит им правды и вместо друзей имеют они только льстецов», - проницательно отметил мудрейший Эразм. Данный тезис, при всей его некоторой натянутости, с полным основанием можно применить к Сталину.

Личное несчастье Генералиссимуса заключалось в его глубоком одиночестве, на которое он обрек себя сам исключительной до чрезмерности взыскательностью.

С самыми близкими ему людьми, сыном Василием и дочерью Светланой, Вождь не то чтобы рассорился, однако общался очень мало. Изрядная дистанция возникла по причине взаимного непонимания, что отнюдь не редкость даже (и особенно) среди самых близких родственников.

В последний год жизни он лишился многолетнего начальника своей охраны генерала Н.С. Власика за злоупотребления служебным положением. Незадолго до смерти от него был удален другой многолетний ближайший сотрудник – личный секретарь Поскребышев. Но хуже всего было то, что на Ближней даче рядом с Генералиссимусом не оказалось в критический момент близкого друга либо подруги с достаточно высоким статусом. Ибо, к примеру, многолетняя экономка Вождя Валентина Истомина, не чаявшая в нем души, не имела никакого влияния, а также, самое главное, не имела доступа, так сказать, «к телу».

Сталин глубоко заблуждался, полагая, что вопрос состояния здоровья является преимущественно его личным делом. Как глава одной из двух супердержав планеты Земля, он давно уже стал персоной вселенского значения. Поэтому Сталин не принадлежал единственно самому себе, а являлся суть достоянием России и всего мирового сообщества. Вождь напрасно сомневался также в практически всеобщей к нему любви российских народов. Видимо, руководствуясь подобного рода побуждениями, Вождь допустил выпуск на экран отдельные кадры из кинофильма «Падение Берлина», в заключительных сценах которого Верховный Главнокомандующий якобы прилетает в столицу поверженного «Третьего рейха» и встречается с ликующими народными массами.

Сталин, видимо, осознавал, что его миссия на белом свете заканчивается, но он имел некоторые основания сомневаться во всена-

родной любви к нему. Поэтому изображение самое себя на экране при массовых проявлениях явных и неоспоримых признаков любви согревало душу кремлевского старца. О стороннем восприятии Сталин, по причине ослабевавших умственных способностей попросту не задумывался.

Но главную ошибку Сталин совершил, не оставив официально более менее достойного правопреемника. Вождь не решился передать гипотетическому новому лидеру даже малой толики своего авторитета и наделить, тем самым, отчасти полномочиями общепризнанного и правомерного политического главы.

Правда, никто из партийных и правительственных ближайших сотрудников Сталина не мог даже отдаленно сравниться с ним авторитетом, что, одновременно и несомненно, было не совсем справедливо. Более молодой Берия имел все основания полагать, что он, по крайней мере в последние десять лет, внес решающий вклад в повышение обороноспособности страны. Скрываясь при этом, так же как и все его собратья по Совету Министров и Президиуму ЦК в огромной сталинской тени. Подобными мыслями, несомненно, были обуреваемы и тщеславный Хрущев, а также апатичный Маленков.

Повторилось положение почти тридцатилетней давности, когда в связи со смертью Ленина ЦК объявил партию (стоявшую тогда фактически над государством) его коллективным воплощением и продолжением. Символически наделяя одновременно всех партийцев харизматическими свойствами.

Сталин практически спроекцировал, воспроизвел ситуацию в несколько более конкретизированном виде. С той лишь разницей, что наделил собственноручно данными свойствами Президиум ЦК партии в количестве 36 человек. Сей довольно многочисленный и, казалось бы, хорошо сбалансированный ареопаг состоял из представителей всех ветвей власти: партийной, правительственной, советской. То есть отражал реалии того времени.

Генералиссимус не просчитал несколько важных обстоятельств. В его окружении были люди с тайными, до поры до времени, честолюбивыми устремлениями, и к тому же очень скоро (раньше, чем полагал Сталин) выявилась необходимость занять ставшее вакантным кресло лидера. В силу давних традиций и вновь возникавших проблем стране требовался новый политический руководитель, не способный раскалывать нацию (советский народ) и вразумительно объяснить задачи на предстоящий период.

Сталин, очевидно, полагал, что из числа членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, в большинстве своем людей новых, постепенно впоследствии выявится новый, явный и наиболее достойный советский премьер. Он запамятовал о том, насколько длительную и отнюдь не бескровную борьбу вынужден был вести, дабы окончательно утвердиться на российском престоле.

Сталин, вне всякого сомнения, по натуре был все же субъектом доверчивым и в какой-то степени даже наивным. Во всяком случае, не считал подобно французскому философу Жоржу Батаю, порочность сердцевиной человека. Данная версия, как ни тяжело ее признать, полагал Батай (хотя со времен ветхозаветных внушается изначальная греховность человеческой сути), «предполагает наличие в людях непреодолимой тяги к разрушению и фундаментальное допущение постоянного и неизбежного стремления к уничтожению»...

Очень скоро потомкам усопшего вождя на собственном «опыте пришлось убедиться, что нет предела испорченности человеческой природы», как обмолвился мимоходом историк Прокопий Кесарийский, очевидец многочисленных деяний, не всегда высоконравственных, эпохи императора Византии Юстиниана и его супруги Феодоры.

Вместе с тем, ошибка с неназначением правопреемника проистекала из характера Сталина, а отнюдь не осознания собственной незаменимости, как полагают некоторые. Вождь вполне серьезно подавал в отставку на последнем партийном форуме, но не стал сильно настаивать, дабы не создалось впечатление, что он в последний момент смалодушничал и отказывается работать. Правда, Сталин не назвал никаких имен, вернее ему попросту не дали этого сделать.

Симонов превосходно описал, до какой степени напугался Маленков перспективе стать лидером партии при жизни Генералиссимуса. Побелев от ужаса, он начал немедленно жестикулировать, апеллируя к залу.

«Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно поднятые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе... Когда зал загудел и закричал, что Сталин должен остаться на посту Генерального секретаря и вести Секретариат ЦК, лицо Маленкова», заверял Симонов, было лицом человека, чудом избежавшего явной и прямой смертельной угрозы. Однако как и во многих случаях, писатель сделал неверные выводы из поведения Маленкова. Последний до смерти испугался, в первую очередь, ответственности и сопряженной с нею опасности. Одно дело быть дублером титана и, в случае чего, кивать на него. Мол, он так решил.

И совсем другое, единолично нести полноту ответственности. Маленков, как председательствовавший на пленуме и делавший основной доклад, а также проводивший большинство заседаний секретариата ЦК, инстинктивно забоялся не столько самого Сталина, сколько своих коллег, как-то Берию, Хрущева и других. В случае положительного решения вопроса со сталинской отставкой он становился естественной официальной кандидатурой на пост. При одной мысли о такой, казалось бы, радужной перспективе, малодушный и трусоватый Маленков явно покрылся холодным потом. Он хорошо знал своих любезных «конфидентов» и имел все основания опасаться, в первую очередь, их...

Резюме раздела. В последний период жизни Сталин в связи с возрастными изменениями в состоянии здоровья фактически самоустраняется от управления государством. Сила его авторитета невероятно велика, а система власти настолько налажена, что проводится минимальное количество существенно значимых общественных мероприятий.

Имя Вождя и Генералиссимуса становится своего рода фетишем для широких народных масс, но не для его ближайших сотрудников. Некоторые из них втайне полагают, что имеют достаточно большие заслуги, дабы занять первое место в стране. В подобной ситуации, несомненно, под прикрытием имени Сталина скрытно проводятся, в том числе, и акции, бросающие тень на его имидж.

По результатам войны, а также вследствие непрерывных интриг и заговоров, Сталин производит переоценку способностей своих соратников. Постепенно он все больше и больше дряхлеет умственно и физически, однако в созданной им властной системе практически невозможна безболезненная смена лидера.

Сталин становится заложником собственного огромного авторитета, к тому же непомерно раздутого подхалимами. Наиболее близкие к нему деятели пристально наблюдают за ним, пытаясь угадать мысли и пожелания вождя. Шевеление одного мизинца Сталина вызывают у них телодвижения, которые шумным резонансом отдаются в стране и влияют на международную ситуацию на планете.

Едва лишь Сталин вознамерился официально назначить правопреемников, как посредством наветов и козней они немедленно подвергаются физическому уничтожению их конкурентами.

Тогда Вождь, предчувствуя неизбежный конец, вновь обращает-

ся к ленинским заветам. Он созывает съезд партии и делает попытку устраниться от руководства ею на Пленуме ЦК. Одновременно, Сталин усиливает принцип коллегиального руководства страной для чего добивается увеличения количественного состава членов ЦК и его руководящей верхушки. Его намерение отлично понято самыми ближайшими властолюбивыми сотрудниками.

Смерть Сталина означала, что созданную им государственную структуру, а также саму систему власти, ожидают серьезные испытания на прочность. Главным образом это зависело от лиц, к которым перейдут его полномочия.

XIII
Обреченный на бессмертие

«Люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других»

Никколо Макиавелли

«Руководствоваться высокими моральными принципами и ставить интересы страны превыше любого лица, партии или правительственного учреждения»

Выдержка из кодекса поведения сотрудника ЦРУ

Судьбы прямых потомков

Отношения Сталина к своим детям было под стать его мужественной до суровости натуре. Всецело погрузившийся после самоубийства супруги в государственные дела, вождь практически не находил возможности уделить им внимания. Его отпрысками занимались люди, не имевшие представления о воспитании детей столь высокопоставленного государственного лица. Впрочем, осуждать их невозможно.

С тех пор как наперсница Екатерины Второй княгиня Екатерина Дашкова мимоходом обмолвилась, что предмет воспитания, «столь важный, столь решающий для благополучия человечества», вместе с тем весьма плохо познан, положение не изменилось кардинально, даже на заре третьего тысячелетия.

Дети Сталина не обладали никакими особенными привилегия-

ми, тем не менее, они доставляли ему достаточно хлопот. Генсек имел определенные основания быть недовольным своими детьми, ибо они не отличались кротостью и покладистостью. Проявляли непослушание и в том числе в делах семейных.

Его старший сын от первого брака Яков в отроческом возрасте был перевезен в Москву и присоединен к новой семье отца. Первоначально, по причине плохого знания русского языка, он испытывал психологический дискомфорт, однако со временем адаптировался и достаточно успешно учился. Яков Джугашвили окончил Московский институт инженеров транспорта, затем работал на разных предприятиях. Еще во время учебы в вузе Яков вознамерился жениться. Отец не одобрял скороспелой свадьбы, но сын поступил по-своему, что явилось причиной конфликта и временного разрыва отношений. Молодожены уехали в Ленинград, но вскоре «разбежались».

В тридцать пятом году Яков сошелся с Ольгой Голышевой, от которой у него родился сын Евгений. Их отношения вскоре разладились, и через некоторое время Яков женился вторично на танцовщице Юлии Мельцер. В 1938 году у супругов Джугашвили родилась дочь Галина, вероятно, поспособствовавшая сближению Сталина со своим старшим сыном.

Яков добровольно, а может быть, не без влияния отца, выбрал военное поприще. В том же тридцать восьмом он поступил на 4 курс I факультета Артиллерийской академии РККА. В мае 1941 года старший лейтенант Джугашвили стал командиром артиллерийской батареи и с первого дня войны без колебаний отправился на фронт. Практически Яков не попрощался должным образом ни с отцом, ни со своей семьей.

Уже 27 июня 1941 года его батарея в составе 14-го гаубичного артполка вступила в боевые действия и спустя неделю попала в окружение соединений немецкой группы армий «Центр». Яков Джугашвили оказался затем в плену, а о том, что он старший сын Сталина стало известно в результате предательских действий его сослуживцев.

В сутолоке первых дней войны генсек не подумал о возможности пленения своего сына и возможных последствиях, иначе он постарался бы воспрепятствовать порыву Якова. В середине августа 1941 года Вождю становится известно о том, что его сын находится в немецкой неволе.

К огромным неприятностям государственного масштаба прибавляется драма личного характера. Учитывая характер Сталина, можно с уверенностью сказать, что факт пленения сына он перенес весь-

ма и весьма тяжело. Сущей занозой впилась в сердце мысль о возможном предательстве сына, так как немецкая пропаганда усиленно муссировала данную версию.

Огромными тиражами разбрасывались в расположениях частей Красной Армии листовки, утверждавшие о якобы добровольной сдаче в плен сына Сталина. Распространялись и весьма искусно сфабрикованные фотоматериалы с изображением Якова, а также его «факсимиле».

До сих пор неизвестны с высокой степенью достоверности все обстоятельства поведения Якова Джугашвили (Сталина) в немецком плену. Одно несомненно – он не посрамил чести имени отца и своего, не поддался на самые заманчивые неприятельские посулы и погиб смертью героя.

Старший сын Сталина был убит 14 апреля 1943 года в особом концентрационном лагере под литерой «А» – Заксенхаузене. И несмотря на все его могущество, Сталин не узнал доподлинно всех обстоятельств гибели Якова, чему немало поспособствовала недружелюбная позиция американских властей после войны.

Психика Якова подверглась двойному прессингу: внешнему и внутреннему. С одной стороны, немцы искушали узника самыми заманчивыми предложениями, с другой – как сына самого влиятельного человека в СССР, Якова не могли не терзать мысли о его незавидной участи.

Дети Сталина от второго брака Сталина, между тем, получились персонами неуравновешенными и не сумели отстоять его достоинство. Самоубийство матери, несомненно, самым пагубным образом воздействовало на их психику. К сожалению, рядом с малолетними детьми-сиротами не оказалось близких людей, способных внушить им правильные и прочные жизненные ориентиры. Отец же, по своему обыкновению, был всецело поглощен делами огромной державы. Он лишь грозился время от времени брать строптивого и хулиганистого Василия «за шиворот» и приводить в чувство «шантажиста». Но сердобольные родственники по материнской линии оказывали ему плохую услугу, грудью становясь на защиту от праведного гнева родителя.

Второй сын Сталина, Василий учился неровно, спустя рукава, и с грехом пополам закончил среднюю школу. В 1939 году он поступил в Качинское авиационное училище, которое окончил перед самой войной. Василий, простой до открытости в общении, больше всего любил быструю езду и различные компании, которые отец пло-

хо переносил и всегда внушал сыновьям, а также Светлане, чтобы они старались быть разборчивее в своих знакомствах. Различали и избавлялись от тех двуногих особей, которые были не прочь использовать детей Вождя в корыстных целях. Но они преимущественно оказывались глухи к увещеваниям своего высокопоставленного родителя...

После пленения Якова в самом начале войны Василия не рискнули отправить на фронт из политических соображений. Младший сын в качестве инспектора ВВС «маялся от безделья и пристрастился к спиртному». На даче в Зубалово, где проживало семейство Аллилуевых, начались многолюдные шумные застолья, переходившие в оргии, в которых оказалась замешанной Светлана. Василий покусился на жену кинооператора Романа Кармена, а кинодеятель Каплер А.Я., по прозвищу Люся, завел дела амурные с несовершеннолетней Светланой. Слухи об этом дошли до Сталина, и разразился грандиозный скандал, в результате которого воздали по заслугам и бражникам и прелюбодеям, а также другим лицам.

Тяжелейшие сражения с Германией продолжались, а сын Верховного Главнокомандующего не оставлял своих художеств. На рыбной ловле, организованной с боевыми снарядами, погиб его сослуживец, а сам Василий получил таки «боевое крещение» – серьезное ранение в ногу. В начале 1943 года он добился своего – отправки на фронт. Очевидно, своевременно, иначе молодой авиатор мог выкинуть фортель похуже, подобно сыну наркома авиационной промышленности Шахурина.

Весной сорок третьего года Шахурин-младший убил среди бела дня из «вальтера», принадлежащего его однокласснику Ване Микояну, дочь переведенного послом в Мексику Уманского. Затем новоявленный Ромео застрелился сам. Как выяснилось позже, пылкий юноша был «фюрером подпольной организации», в которую входили дети отдельных высокопоставленных деятелей. Все подростки вскоре оказались за решеткой и в их числе два сына Микояна...

Василий принимал участие в воздушных сражениях на фронте, однако за ним уже на всякий случай постоянно присматривали. Вспыльчивый, но отходчивый, он «дослужился» до звания генерал-лейтенанта авиации. Рядом с ним всегда крутились в немалом количестве далеко не бескорыстные личности, использовавшие возможности сына Сталина в своих целях и немедленно испарившиеся после смерти Вождя.

Василий прибыл в резиденцию отца утром 2 марта. После разго-

вора с искренне опечаленными представителями персонала он уразумел суть происходящего и устроил шумный скандал. Очевидно, Василий не понимал тогда, что с этого момента в его жизни произошел крутой поворот. «Соратники» Вождя никогда не простят отпрыску Сталина обвинений в несвоевременном оказании медицинской помощи.

Он и его сестра Светлана незамедлительно ощутили кончину отца. От них немедленно отвернулись все знакомые и друзья. Собственно, преданных друзей у них практически и не было, наличествовали лишь своекорыстные прихлебатели.

Генерал Василий Сталин уже 26 марта 1953 года был уволен из кадрового состава Советской Армии в запас, без права ношения военной формы одежды. Через месяц он был арестован. Сыну Сталина инкриминировали факты превышения власти, растрат денежных средств. Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила его на 8 лет. Никто из бывшего сталинского окружения не озаботился судьбой добродушного и безалаберного, но слабовольного второго сына, некогда, казалось бы, всесильного диктатора. Без малого семь лет Василий был лишен свободы, затем два с половиной месяца провел на воле. В апреле 1960 года его вернули в Лефортовскую тюрьму, «досиживать» свои восемь лет. Через год совершенно больной Василий вышел из заключения и был отправлен в ссылку в Казань, где и умер 19 марта 1962 года. Его похоронили на местном кладбище с более чем умеренными почестями. На мраморном обелиске выбили скромную надпись: «Джугашвили Василий Иосифович 24.III.1921 – 19.III.1962. Единственному от М. Джугашвили».

В отличие от брата, прожившего лишь неполные сорок один год, Светлана Сталина застала времена горбачевской перестройки, в период которой новые ушаты помоев вылились на имя Генералиссимуса. В 1962 году она не присутствовала на похоронах Василия, хотя обращалась с просьбой разрешить похоронить его на Новодевичьем кладбище рядом с матерью.

Довольно эгоистичная и сумасбродная от природы, талантливая писательница, Светлана Аллилуева со времен ранней молодости вела образ жизни, мало приличествовавший дочери Сталина. Семнадцати лет от роду она увлеклась тридцатидевятилетним Каплером, студенткой вышла замуж за сына коммерческого директора Московской парфюмерной фабрики. Затем Светлана вышла замуж за сына Жданова, но и этот брак вскоре распался. Смерть Сталина была для своенравной дочери, по-своему почитавшей отца, тяжелым испытанием.

Развязанная Хрущевым антисталинская кампания, несомненно, явилась для нее еще одним жестоким ударом.

В шестидесятые годы Светлана вышла замуж в третий раз, за коллегу – индийского журналиста. Смерть мужа и его похороны на родине, в Индии, способствовали ее сенсационному невозвращению в СССР. После сего решительного поступка Светлану лишили советского гражданства.

Первоначально за рубежом она пользовалась изрядным вниманием, чему в немалой степени способствовал феноменальный успех ее книги. В Америке она вновь вышла замуж за некоего Питерса, но брак оказался недолговечным и в 1972 году был расторгнут. Время шло, Советский Союз постепенно менялся, и после почти восемнадцатилетнего отсутствия, Светлана вернулась на родину. Однако непредсказуемая дочь Сталина не ужилась, вернее, не пыталась ужиться в России, вскоре опять покинула родину и вновь поселилась на Западе…

Жертва друзей-заговорщиков

Хотя кончину Генералиссимуса в определенной степени можно было спрогнозировать, она, тем не менее, застала врасплох большинство наиболее высокопоставленных сталинских сотрудников. Быстрее всех оправился от судьбоносной перемены земляк Сталина Берия. Он трезво рассчитал некоторую ограниченность своих возможностей. О втором пришествии кавказца на российский престол в обозримом будущем не могло быть и речи. Поэтому Берия и не помышлял об этом. Его вполне устраивала должность второго или даже третьего человека в стране.

Однако фактически энергичный и деятельный кавказец, естественно, выходил порою за рамки этих ролей. Берия развивает бурную деятельность, преимущественно направленную на дальнейшую гуманизацию общественных отношений в постсталинском государстве.

Уже 13 марта в качестве главы объединенного министерства внутренних дел им подписывается приказ по пересмотру следственных дел, проводившихся бывшим ведомством государственной безопасности.

Только с 18 марта по 6 июня за подписями Берии в Президиум ЦК партии и Верховный Совет СССР направляется множество материалов. Ввиду достаточной объемности некоторых из этих документов, очевидно, они разрабатывались еще при жизни Сталина и едва не затерялись в недрах его кабинета. Бумагам был придан лишь новый импульс.

Берия энергичен и целенаправлен, в результате его маневров куратор органов госбезопасности Игнатьев лишается не только секретарской должности. Его исключают даже из членов ЦК партии на состоявшемся 28 апреля пленуме.

Чрезмерная напористость Берии в отношении Игнатьева, очевидно, стала первым звеном цепи событий, приведших к его скорому последующему падению. Так как несмотря на все ничтожество опального партийца у него имелись влиятельные приятели, к которым он незамедлительно апеллирует.

Помимо целенаправленного проведения внутренней политики Берия активно вмешивается и в дела, разрешение которых является прерогативой внешнеполитического и других ведомств. Он чрезмерно увлекается и недооценивает своих коллег, с тревогой наблюдающих за его решительными действиями. Берия забывает, что чрезмерная инициатива практически всегда наказуема в стране, покрытой туманом авторитаризма.

«Друзья» Берии в одночасье превращаются в его злейших врагов. Тем паче, свежеиспеченный реформатор в пылу усердия имел неосторожность задеть лично каждого из них.

Заговор инициировал непоседливый Хрущев, которого Сталин в минуты особенно хорошего расположения полушутя называл на украинский лад Микитой. Последнего абсолютно не устраивало, что, заняв первое место в партийной иерархии, в делах государственных он оттеснен на вторые роли. Хрущев сговаривается с Маленковым об устранении конкурента, якобы рьяно рвущегося к власти. Маленков по недомыслию соглашается, не понимая, что тем самым лишается важнейшего и, пожалуй, единственного сильного союзника. С остальными персоналиями Хрущеву договориться значительно легче по причине неприязненности их отношений к Берии.

18 июня ЦК партии и Совмин страны командируют «любезного друга Лаврентия» в Восточную Германию. Ровно через неделю после успешного завершения миссии по устранению антикоммунистического выступления немецких рабочих Берия возвращается из ГДР. За этот период происходит окончательное вызревание заговора против него практически всей руководящей верхушки страны.

Подготовка к нейтрализации Берии происходит самым серьезнейшим образом. Заговорщики опасаются возможности применения главным гэбистом страны подведомственных его министерству войск. Они опираются в свою очередь на «человека с ружьем».

Министр Вооруженных Сил СССР Булганин четко и энергично проводит первую и последнюю в своей жизни войсковую операцию. Он приводит в состояние боевой готовности не только наземные войска Московского военного округа, но и авиацию и подразделения системы ПВО. Из зенитчиков Булганин осуществляет подбор группы боевых офицеров, энергичных и исполнительных, в количестве пяти человек. В ней три генерала, в том числе один полный, и два старших офицера. Но и этого недостаточно.

Для вящей убедительности Булганин предлагает маршалу Жукову присоединиться к группе «спецназа». Именитый военачальник, не колеблясь ни секунды, рапортует о готовности выполнения «особо опасного задания» партии и правительства. С именем Берии Жуков связывал многие из напастей, обрушившихся на него после войны. Маршалу, ненавидевшему Берию всеми фибрами души, представилась прекрасная возможность поквитаться.

Отдохнувший и не имевший ни малейшего представления об ожидающей его участи утром 26 июня Берия отправляется в Кремль. Его заместители по министерству внутренних дел С.Н. Круглов и Серов для подстраховки также вызываются туда Хрущевым. Серов, вообще, со времен совместной работы на Украине, являлся доверенным лицом Никиты Сергеевича.

Арест Берии произошел в кабинете заседаний правительства, возможно, без ожидавшихся эксцессов и осложнений. Его надежно изолировали затем от общества в бункере штаба ПВО Московского военного округа. Затем срочно созывается Пленум ЦК партии для рассмотрения персонального вопроса о Берии. Синедрион, то бишь партийный форум, продолжается со 2 по 7 июля, то есть почти неделю. Планировались выступления более сорока человек, однако выступило лишь чуть более половины записавшихся. Большинство обвинений, предъявленных Берии, совершенно смехотворны, если не сказать, абсурдны. Выступавшие говорили о чем угодно, только не о сути дела. Берии вменялось в вину то, что «он всякими способами втирался в доверие товарища Сталина», а после его ухода в небытие исподволь чернил умершего. Отдельные выступавшие немало высказались в том смысле, что покойный Генералиссимус «имел такую слабость излишней доверчивости». В конечном счете, главное, что инкриминировалось Берии, заключалось в дестабилизации внутренней обстановки вследствие инициированной им широкомасштабной амнистии.

Между прочим, на этом пленуме было решено в кратчайший срок

созвать сессию Верховного Совета, на которой рассмотреть отчеты об исполнении бюджета страны за 2 последние года и утвердить оный на 1953 год. Что убедительнее всего свидетельствует о недееспособности Сталина в последние годы.

Берия оказался обреченным на смерть еще до суда. Однако существует мнение, что он был убит еще до начала июльского партийного пленума. Версия, заслуживающая внимания, поскольку нет абсолютно достоверных свидетельств обратного. Во всяком случае, ввиду личных качеств Хрущева, можно предположить что угодно.

Незамедлительно началась активная чистка тех органов власти, с которыми Берия соприкасался на протяжении тридцатилетней деятельности. Преследованиям подверглись и его ближайшие родственники.

Исходя из осознания того факта, что Берия так просто и быстро дал уничтожить себя, всего через сто с лишним дней после смерти Сталина напрашивается следующий вывод: кавказец был далеко не таким монстром, каким имеют обыкновение его изображать много лет. Далеко не последнюю роль сыграли и такие обстоятельства, что Берия не был славянином, а также его внешние данные.

Когда Джилас впервые увидел Берию, то якобы «жабий взгляд сквозь пенсне» кавказца поразил его как громом. Настолько Берия походил на «одного из начальников белградской королевской полиции, особым пристрастием которого было мучить коммунистов».

По впечатлениям же Симонова, своим мрачно-целеустремленным видом и широкополой шляпой, надвинутой по самое пенсне, Берия более всего походил «на главаря какой-нибудь тайной мафии»...

Земляк Сталина, несомненно, был одним из самых даровитых его министров, если не самым. Берия остановил маховик репрессий, неосмотрительно запущенный своим предшественником, и в его бытность работа руководимого им НКВД стала гораздо осмысленней и результативней. Своеобразным экзаменом на зрелость для советских спецслужб и лично Берии явилась операция по физическому устранению Троцкого летом 1940 года.

Последний, возможно, не оказал бы особого влияния на ход германо-советского конфликта. Но как политически значимая фигура, Троцкий не переставал давать о себе знать, и вынесенный ему заочно смертный приговор оставался в силе. Принцип Дзержинского, приблизительно гласящий: «то, что преступник не обезврежен, заслуга не его, а недоработка органов госбезопасности», соблюдался неукоснительно.

В конце апреля 1940 года Троцкий обращается из Мексики к советским гражданам с посланием с красноречивым заголовком «Вас обманывают». Весьма сомнительно, достигло ли оно своих адресатов. Возможно, данная акция Троцкого становится последней каплей в терпении Сталина. К тому же посол Франции в Германии Кулондр совершенно безосновательно заявлял тет-а-тет Гитлеру, что в результате столкновения последнего со Сталиным в выигрыше может оказаться Троцкий. «Демон революции» тем временем окончательно испортил отношения с художником Диего Риверой. Троцкий поселяется в Койоакане, в отдельном особняке, превращенном в осажденную крепость. За ним ведется форменная охота. Другой знаменитый мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос организует нападение на Троцкого, как на дикого зверя. Налет оказывается безрезультатным, но три месяца спустя другой иностранец Рамон Меркадер убивает Троцкого сильнейшим ударом ледоруба в голову.

В довоенный период Берии удалось в кратчайший срок восстановить почти полностью разваленный участок работы – направление внешней разведки.

Сталин находился в вечном поиске наиболее эффективной работы своих спецслужб при одновременном стремлении не допущения их чрезмерного усиления. В начале февраля 41 года было осуществлено разделение наркомата на две структуры. Во главе одной из них, собственно НКВД, остался Берия. Другую, названную наркоматом государственной безопасности (НКГБ), возглавил его заместитель Меркулов В.Н. Оставаясь наркомом внутренних дел, Берия становится вскоре заместителем председателя Совнаркома и куратором, помимо НКГБ, еще нескольких важных ведомств.

Он вошел в состав ГКО в качестве члена с первого дня существования этого чрезвычайного органа, а затем стал заместителем председателя. Берия сыграл исключительно важную роль в деле организации производства вооружения и боеприпасов и особенно танков в годы войны, и был удостоен звания Героя Социалистического труда. При этом он обеспечивал должный порядок не только на всей неоккупированной территории страны, но и в прифронтовой полосе. Его люди также осуществляли контроль над военнослужащими в подразделениях Красной Армии, невзирая на чины, за что и были ненавидимы отдельными чрезмерно властолюбивыми военачальниками.

Особую страницу в деятельности Берия составляли депортации народов, проведенные исключительно организованно и в предельно

сжатые сроки, что также не прибавило ему популярности в некоторых кругах. С 20 августа 1945 года функции Берия в качестве ведущего руководителя военно-промышленного комплекса (ВПК) страны сильно усложняются. На его плечи взваливается атомная проблема, с которой кавказец успешно справляется. В том же году Берия передает кресло наркома внутренних дел своему заместителю Круглову и утрачивает прямой контакт со спецслужбами. Мало того, он забирает к себе Меркулова, а курируют органы по линии ЦК партии другие лица.

Тем самым, концентрируясь исключительно на ядерном оружии, Берия, несомненно, мало влиял на ряд самых громких процессов послевоенных лет.

Как бы ни произошел фактически уход Берии из жизни и, следовательно, из большой политики, ясно одно, с ним расправились весьма свирепо его недавние ближайшие приятели, в первую очередь Хрущев и Маленков. Мотивация их предельно ясна, они побоялись и позавидовали наиболее одаренному из сталинских министров.

Кроме того, и Хрущеву, и Маленкову померещилось, что Берия стремится к единоличному овладению властью в стране. У страха глаза велики, гласит народная мудрость, поэтому они решились на физическое уничтожение конкурента. К тому же Берия был «лицом кавказской национальности», что в данном случае явилось отягчающим его «вину» обстоятельством. Хрущев и Маленков, несомненно, приходили в ужас при одном намеке на мысль о гипотетической возможности появления второго Сталина. Дуумвират, всемерно способствовавший сталинскому культу, принял решительные и превентивные меры во избежание этого. Помимо страха их обуревало, к тому же, еще одно сильнейшее чувство – зависть.

«Зависть – неприязненно-враждебное чувство по отношению к успехам, популярности, моральному превосходству или преимущественному положению другого лица», - сказано в «Словаре по этике».

Никакая страсть так не завораживает людей как зависть, утверждает английский мыслитель Френсис Бэкон. «Человек, - говорит Бэкон, - лишенный достоинств, неизменно завидует им в других, ибо душа человеческая питается либо собственным благом, либо чужим несчастьем; кому не хватает первого, тот будет упиваться вторым; кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию». Далее Бэкон добавляет, что «зависть также есть гнуснейшая из страстей», иссу-

шающих человека. Что она «...из всех страстей самая упорная и неугомонная. Для других страстей есть час и время; о зависти же недаром сказано: «Invidia festos non agit», то есть зависть праздников не соблюдает и всегда бодрствует.

Застрельщик восстановления гегемонии партаппарата

Хрущев искусно воспользовался жгучей неприязнью части генералитета и партаппаратчиков, небезосновательно ущемленных Берией. Ликвидируя в лице последнего опасного конкурента, он действовал исключительно спонтанно и интуитивно, нежели по здравому размышлению. В первую очередь, Хрущеву явно померещились контуры фигуры второго Сталина, тем паче, что Берия был земляком усопшего титана.

Побуждаемый личными и, следовательно, корыстными соображениями, он наносит тактически верный целенаправленный удар. Так как Берия, присовокупив к реноме сильного организатора имидж гуманиста, усиливался не по дням, а по часам. Поэтому предельно лукавый Хрущев торопится, а чтобы физически устранить кавказца, организовывает также кампанию по его всемерной дискредитации. Вполне резонно полагая, что чем больше будет испачкан Берия, тем лучше для него.

На «синедрионе», который подверг Берию всеобщему поношению, Микита выказал себя заводилой. Неугомонный, он развивает бурную деятельность, инициируя один партийный форум за другим, благо должность секретаря ЦК позволяла.

В течение года проводится четыре пленума ЦК партии, из которых три посвящены положению в сельском хозяйстве. Его позиции в партии неуклонно укрепляются, о чем свидетельствует введение должности Первого секретаря ЦК КПСС, которую получил Хрущев на сентябрьском 1953 года пленуме ЦК.

Возглавляемый им партаппарат все увереннее и прочнее начинает контролировать советские, партийные и общественные учреждения в стране. Из Обращения ЦК КПСС к избирателям по поводу очередных выборов в Верховный Совет от 11 февраля 1954 года с новой силой проявилась тенденция, впоследствии ставшая доминантой, обособления правящей партии от «Советского правительства и всего народа». А также чрезмерная декларатив-

ность, воплотившаяся в звонкой, но утопической фразе: «Под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии – вперед, к полной победе коммунизма!».

В Советском Союзе события, произошедшие после смерти Сталина и низвержения Берии, нарастают как снежный ком. Массовая амнистия и выход из заключения отдельных лиц, занимавших крупные посты в партийных и правительственных структурах, вызывают шквал заявлений и просьб о рассмотрении других дел. Бывший глава «СмерШ» и МГБ Абакумов со своими ближайшими сотрудниками продолжает находиться под следствием. Неминуемо создается иллюзия, что главными виновниками репрессивной политики государства являются преимущественно «негодяи-гэбисты». Данное обстоятельство весьма выгодно партийным органам и другим ведомствам, составлявшим неразрывную цепь карательной системы, както судам и прокуратуре.

Происходит множество заседаний в ЦК КПСС, Прокуратуре СССР, коллегиях Верховного суда, а также самих органах госбезопасности. В апреле 1954 года с преобразованием в Комитет государственной безопасности при Совмине СССР официально существенно урезаются полномочия некогда «всемогущих» гэбистов. Первым председателем комитета становится пресловутый Серов, перед самой войной орудовавший вместе с Хрущевым на Украине.

Полтора года спустя после смерти Сталина выпускается уже не одна тысяча заключенных, главным образом из числа разного рода ответственных работников. Во всех партийных и правительственных инстанциях находятся десятки тысяч заявлений о реабилитации, игнорировать которые почти невозможно. Практически каждое освобождение из мест лишения свободы, меж тем, приводит в движение всех заключенных, волнуется и администрация лагерей, беспрекословно приводившая к повиновению до сего времени, свои контингенты.

В декабре 1954 года в Ленинграде организуется показательный судебный процесс над предпоследним сталинским министром госбезопасности Абакумовым и группой близких к нему сотрудников. Большинство бывших генералов приговаривается к расстрелу. Аналогичные политические процессы проходят в Баку и Тбилиси. Никаких заметных публикаций на эту тему не производится, исчерпывающих объяснений общественность не получает, что порождает на воле разного рода толкования.

Шатается и здание ГУЛАГа. В 1955 году в отдельных крупных лагерях происходят восстания, жестоко подавленные властями. Ни в Советском Союзе, ни за границей об этих событиях практически ничего не известно. Но высшее партийно-советское руководство знает об этих эксцессах, и оно весьма обеспокоено происходящим. Неминуемо на повестку дня встает вопрос о персональной ответственности за осуществление политики репрессий, в которой якобы совершенно безвинно пострадало множество людей.

И возвысившийся к тому времени Хрущев совершает гениальный, по его мнению, ход в целях вывода из-под удара партии и себя лично. Избавившись от Берии, Микита в значительной степени расчистил себе путь к единоличной власти.

Постепенно Хрущев, энергичный сверх всякой меры, начинает теснить по многим позициям вяловатого и аморфного Маленкова. Усиление же роли общественного значения и функций партии, параллельно означало ослабление функций правительства.

Хрущев выдвигает большую часть важнейших предложений по вопросам внутренней и внешней политики. Казалось, что только Микита знает тогда, какие следует предпринять управленческие мероприятия для дальнейшего продвижения вперед громоздкого корабля советской державы. Он опирается преимущественно на среднее поколение партаппаратчиков подобных недалекому Игнатьеву, недовольных вторыми ролями в стране. Уже во время партийного судилища над Берией Игнатьев восстанавливается в членстве ЦК, а затем направляется сначала секретарем Башкирского, а затем Татарского обкома КПСС. С 1960 года в возрасте 56 лет он отправляется на пенсию, за особые заслуги, надо полагать, перед страной и почти четверть века живет еще тихо-мирно, чтобы упокоиться на Новодевичьем кладбище, неподалеку от своего незабвенного патрона.

Совершенно безграмотный во многих отношениях Хрущев начинает искать причины в создавшейся ситуации в стране в «преступлениях» сталинского периода правления. Поиск виновных становится для него все в большей степени основным козырем в устранении политических соперников. Когда, в том числе, за организацию «ленинградского дела» был казнен Абакумов, тень вины за уничтожение Вознесенского, Кузнецова и других руководителей искусно наводится главным образом на Маленкова, что серьезно расшатывает его позиции.

Очень скоро, на январском 1955 года пленуме партии впервые

публично Маленкову инкриминируется сотрудничество с Берией и ответственность за политические репрессии. Он освобождается от должности Председателя Совета Министров СССР – ключевого поста в тогдашней политической системе. Номинальным главой страны становится Булганин, человек еще более слабохарактерный, давний приятель Хрущева. Министром обороны становится властолюбивый и ограниченный маршал Жуков.

В делах международных Хрущев также незамедлительно отличается очень быстро, показывая свой предельно переменчивый норов. В сопровождении свиты из числа высших руководителей государства он динамично колесит по земному шару, непрерывно и неприятно изумляя всех своей чересчур непринужденной манерой общения и стремлением любой ценой «ущемить» Америку. Хрущев предпринимает разного рода буквально сногсшибательные инициативы.

Если в 1953 году попытка нормализовать отношения с Югославией фигурировала в деле Берии как одно из основных обвинений, то в конце мая – начале июня 1955 года, Хрущев, Булганин и Микоян прибывают в Белград, тем самым как бы являясь с повинной к Тито. В ответ на принятие ФРГ в блок НАТО, СССР создает так называемую Организацию Варшавского Договора.

В то же время по свидетельству А.А. Громыко, Хрущев напрашивается на Женевском совещании глав правительств Советского Союза, США, Великобритании и Франции в члены НАТО.

Данный саммит явился первой после Потсдамской конференции встречей такого высокого уровня. Состав советской делегации был довольно внушительным. В нее входили Хрущев, Булганин, Молотов, Жуков, а также Громыко. Дискуссии по вопросам европейской безопасности, разоружения и развития контактов между Востоком и Западом носили, в основном, в Женеве бесплодный характер. Главы западных держав утверждали, что военный блок НАТО – это важнейший фактор мира, особенно в Европе, тем самым, попрекая Советы в агрессивности. Тогда, подстрекаемый Хрущевым, Булганин в качестве Председателя Совета Министров, озвучивает жгучее якобы намерение СССР стать членом НАТО – для совместной защиты дела мира на планете. Естественно, столь эпатажное высказывание привело в замешательство руководителей западных делегаций, особенно президента Эйзенхауэра с госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом.

Но все же обсуждение в Швейцарии центрального вопроса – германской проблемы, принесло определенные плоды. Два месяца спу-

стя, в сентябре 1955 года, в ходе визита в Москву первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра были установлены дипломатические отношения между СССР и Федеративной Республикой Германией, что означало юридическое прекращение состояния войны с Германией.

А в следующем году Советским Союзом восстанавливаются дипломатические отношения с Японией.

Во внутренней политике Хрущев продолжает разыгрывать карту процесса реабилитации и восстановления прав лиц, подвергшихся разного рода наказаниям, преимущественно партаппаратчиков и военных. При этом совершенно игнорируются аспекты ответственности деятелей, подвергшихся репрессивным мерам. Спекулируя на естественной для большинства людей жалостливости, их внимание акцентируется, в первую очередь, на страданиях якобы совершенно безвинно пострадавших деятелей.

Вскоре неугомонный и предельно завистливый Хрущев полностью раскрывает свою истинную физиономию. Физически уничтожив Берию и существенно потеснив Маленкова, то есть практически взяв власть в свои руки, он не успокаивается, однако, на достигнутом. Он задается поистине «стратегической» целью полной дискредитации усопшего премьера, то есть Сталина, и перевод единственно на него одного всей ответственности за практически все те ошибки, злоупотребления, искривления и недоразумения, которые имели место в бытность его главой страны. Соответственно, чем больше «преступлений» Хрущев инкриминирует Сталину, тем лучше для постсталинской партноменклатуры и его самого.

Задача оказалась далеко не столь легко выполнимой. Миките понадобилось целых десять лет, чтобы исполнить задуманное и то не полностью. Однако и добившись выноса набальзамированного тела Сталина из Мавзолея, Хрущев не успокаивается.

До XX партийного съезда он не пытается дискредитировать Сталина столь явно. Но исподволь Хрущев готовится, собирая «компромат» на Генералиссимуса, а заодно уничтожая, либо фальсифицируя уличающие себя материалы и документы.

Кульминационный момент наступил 25 февраля 1956 года, уже после завершения партийного форума. На последнем закрытом заседании Хрущев выступает в открытую с поистине сенсационным докладом, с сильнейшими инсинуациями в отношении Сталина.

Однако этому довольно гнусному действу предшествовала весьма продолжительная борьба в среде кремлевского руководства. Во

избежание фиаско Хрущев предварительно инспирирует выступление Микояна в первые дни работы съезда, явившееся разведкой боем. Большая речь последнего изобиловала критическими замечаниями в адрес усопшего вождя. Она стала центральным событием съезда тех дней и вызвала оживленные комментарии международной прессы. Хитроумец Микоян выступал с тем же пафосом, с которым он публично и безудержно славословил Сталина двадцать лет назад.

Реакция делегатов, большинство из которых составляли новые партаппаратчики, не могла быть однозначной, очевидно, они встретили выступление Микояна, в основном, с недоумением. Тем не менее, Хрущев вдохновился и вновь заявил своим ближайшим коллегам о решимости выступить самому. После тяжелой дискуссии противоборствующие стороны пришли к компромиссному решению – зачитке доклада Хрущевым на последнем закрытом заседании съезда, уже после выборов руководящих органов партии и официального закрытия съезда.

Наконец настает вожделенный «звездный» час Хрущева, и он взрывает свою «нейтронную бомбу», – обвиняет Сталина в многочисленных преступлениях против государства, страны, народа, партии и прочая и прочая.

Противопоставление: Хрущев и Сталин. Вне всякого сомнения, Хрущев всегда завидовал Сталину, опасался и ненавидел его. Он осознавал свое ничтожество, вследствие чего, по свидетельству простодушного Василевского, избегал во время войны даже телефонных контактов со Сталиным. И не гнушался посредничеством военачальника для поездок в Москву, якобы по делам государственной важности. Хотя был по партийному статусу много выше Василевского.

Вследствие комплекса неполноценности Хрущев пресмыкался в свое время перед Вождем, разыгрывая из себя простачка и рубаху парня. Когда же Сталин умер, страх за собственное благополучие, вследствие вопиющей некомпетентности по многим вопросам, у Хрущева исчез. Однако остался страх разоблачения за те неблаговидные деяния, которые он сотворил совместно с некоторыми своими подручными типа Серова в годы «Большого Террора». Вкупе с завистью и ненавистью они составили сильнейшую гамму чувств, перманентно толкавших Микиту к поискам выхода.

Хитрый и изворотливый Хрущев понимал, что когда-нибудь его «подвиги» вскроются, поэтому избрал нападение, которое, как из-

вестно, является наилучшим из видов обороны. Ангельским добродушием Хрущев никогда не отличался, а его некоторые, казалось бы, гуманные деяния необходимо отнести на счет его исключительно непостоянного характера и открытости, доходившей до сумасбродства.

Он был достаточно жесток и в тридцатые годы натворил немало дел. Именно таким тупым, бездушным и сверх всякой меры ретивым исполнителям обязана Россия большим количеством невинных жертв.

Вследствие скудости своего мышления, а также непоседливого темперамента Хрущев не внес абсолютно никакого вклада в дело укрепления государственного строительства. Его вообще трудно назвать политическим, общественным или даже партийным деятелем. Своими спонтанными действиями Хрущев всюду вносил сумятицу и разброд. Он не был ни партийным теоретиком, ни полноценным практиком.

За десять лет, которые Хрущев возглавлял Советский Союз, ни одна из его внутренних и внешнеполитических инициатив не достигла успеха. В его актив не следует записывать даже некоторые послабления режима, поскольку в последние годы жизни Сталина давление общества в отношении либерализации снизу вверх непрерывно нарастало.

Берия первым уловил данную тенденцию, но поторопился с реализацией, за что и поплатился жизнью.

Годы правления Хрущева также отмечены проявлениями гонений на творческую интеллигенцию, наподобие жестокой травли Бориса Пастернака.

Все достижения страны и народа за десять лет его правления стали следствием огромных наработок еще сталинских времен.

У Хрущева начисто отсутствовали даже зачатки стратегического мышления, без которых немыслим подлинный государственный ум.

Своими манерами скомороха он шокировал весь цивилизованный мир. Хрущев не понимал, что «разоблачая» Сталина, тем самым он разоблачает созданную им систему. Все, чего Сталин добился за много лет, он едва не разрушил в одночасье. Хрущеву совершенно недоставало сталинского рационализма и обстоятельности, в его действиях всегда прослеживается, в первую очередь эмоциональное начало, нежели элементарный расчет или здравый смысл.

Он не сумел достойным образом исполнить даже представительские функции, не говоря уже об управлении государством.

В отличие от Сталина также, Хрущев был невероятно тщеславен. Он не замедлил наградить самого себя множеством высших на-

град и не успокоился, пока не «выжил» тело Генералиссимуса из Мавзолея. Надо полагать, Микита непременно представлял себя в этом своеобразном паноптикуме.

Сталину никогда не пришло бы в голову вытащить труп Ленина из Мавзолея без особой необходимости. Как известно, в самом начале немецкого нападения, его останки как величайшая ценность страны, были заботливо отправлены в районы, находившиеся в глубоком тылу Советского Союза. Чисто гипотетически, если бы даже Сталина вдруг внезапно осенило избавиться однажды от трупа Ленина, ему можно было списать на военные действия утрату мощей большевистского пророка. Однако Сталин не позволял себе даже тени подобной мысли. Настолько он был выше и чище субъектов, подобных Хрущевым.

Удивительно, но выступление Хрущева на XX съезде КПСС некоторыми лицами до сего времени трактуются как «акт его личного мужества», главная заслуга перед страной. Хотя опорочить мертвого человека еще у древних римлян считалось деянием весьма зазорным. Однако даже не учитывая этическую сторону дела, совершенно неясно о каком особенном мужестве может идти речь. Ибо к тому времени Хрущев усилился достаточно для того, чтобы практически безнаказанно лопотать о чем угодно. Тем более, непрерывно афишируя личной преданностью партии.

Если рассуждать о мужественности, то скорее подобное определение больше подходит югославу Джиласу, который имел смелость или глупость (дело вкуса) схватиться с Тито и его окружением в момент их прижизненного могущества.

Также бытует еще одно, весьма далекое от истины, мнение, заключающееся в том, что «речь идет о шаге талантливого политика, предпринятого на грани риска». Но, по сути, данная версия лишь слегка закамуфлированный вариант хрущевского «акта личного мужества».

Последствия и этапы хрущевских «разоблачений»

Хрущев, по причине абсолютного отсутствия дара предвидения, не предполагал о возможных последствиях своих инсинуаций. Между тем, его выступление явилось сильнейшим потрясением для делегатов, практически всех членов КПСС, числом более 7 миллионов, большинства граждан страны, которые сумели ознакомиться с тек-

стом первоначально секретного доклада. Наиболее болезненно отреагировали на родине Сталина. В первой декаде марта 1956 года в Грузии произошли массовые манифестации, перешедшие в крупные беспорядки и столкновения с войсками и милицией. Даже по официальным данным МВД Грузии в ночь на 10 марта в Тбилиси было убито 15, а ранено 54 человека. По неофициальным данным, число убитых достигло 300 человек, а ранено было не менее тысячи.

Сугубо «секретный» доклад Хрущева очень скоро по разным каналам довольно скоро распространился по всему миру. Его влияние на международное коммунистическое движение, на отдельные мировые события было огромным и неоднозначным.

Догматам марксизма-ленинизма, вкупе со сталинскими теоретическими изысками, являвшимися официальной идеологией государства, был нанесен смертоносной силы удар.

Сальвадор Дали записывал в своем дневнике: «Маленков физиономией, телосложением и характером похож на резинку для стирания с фирменной маркой, на которой изображен Слон».

«А Сталин, - тот, кого уже напрочь стерли, - кто же он?.. Сейчас стирают коммунизм!?»

Во многих компартиях немалое число ее членов заявило о выходе из этих партий. Но наибольший ущерб своими «разоблачениями» Микита нанес государственным интересам России (СССР), поскольку в глазах мирового сообщества с именем Сталина ассоциировался облик страны Советов. Выходило, что если он, суть лишь жестокий тиран, то и государство было подстать Сталину, то есть ужасным и кровожадным.

О том насколько большое значение на Западе придали докладу Хрущева, засвидетельствовал тогдашний глава ЦРУ Аллен Даллес.

«После выступления Хрущева на XX партийном съезде в 1956 году с его закрытым докладом, в котором он осуждал Сталина, - писал Даллес, - из сообщений газет и других источников было ясно, что где-то должен иметься текст этого выступления. Доклад был слишком большим и детальным, чтобы его мог сделать без предварительной подготовки даже Хрущев, известный своими длинными импровизированными выступлениями».

Даллес немедленно организовал охоту за текстом доклада, «поскольку он, так и не опубликованный в СССР, имел огромное значение для свободного мира. В конце концов, текст был найден, но за много миль от Москвы. В этом случае штабу пришлось мобилизовать самые различные источники и проследить за тем, чтобы ни один

из них не был упущен. «Я всегда рассматривал это дело как одну из наиболее крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке», - не без гордости признавался Даллес.

Детонатором «бомбы», взорванной Хрущевым в Москве, явился глубокий кризис в отношениях со странами народной демократии в Восточной Европе и большой рост антисоветских настроений. Взрывоопасный доклад неминуемо спровоцировал ухудшение внутриполитического положения в стране, а также серьезное обострение международной обстановки. Прямым его следствием явились антикоммунистические выступления в Польше и Венгрии во второй половине 1956 года.

В результате чрезвычайно острых двусторонних переговоров на высшем уровне в Варшаве было достигнуто компромиссное решение, что расценивалось некоторыми наблюдателями победой поляков. Эхом польских событий стали массовые антисоветские выступления в Венгрии, на подавление которых были брошены войска с бронетехникой. В ходе советской интервенции погибло 2,5 тысячи венгров, и около 20 тысяч человек было ранено. Погибли 720 и оказались ранеными 1540 советских граждан.

Имиджу СССР как миролюбивого государства был нанесен урон, от которого он так никогда и не оправился. Ухудшились и отношения с дружественным Китаем, руководство которого открыто осудило доклад Хрущева.

Напуганный колоссальным резонансом от своего опрометчивого выступления Хрущев делает резкий поворот кругом, и летом 1956 года в ряде публичных выступлений начинает вновь славословить Сталина и кричать, что партия не позволит отдать его имя врагам коммунизма. Но это лишь временные тактические ходы. При этом Микита явно лукавит при ответах на вопросы о своей личной ответственности, мотивируя несерьезными для общественного деятеля, отговорками: боязнью и страхом.

В 1957 году Хрущев настаивает на реабилитации большой группы военачальников во главе с Тухачевским и Якиром, арест и расстрел которых был санкционирован в 1937 году Политбюро. Сам он в то время не входил еще в данный партийный ареопаг, следовательно, интриган одновременно, помимо Сталина, целился по Молотову с компанией. Периодически Хрущев продолжает публично заявлять о том, что советский народ и партия будут всегда помнить Сталина и воздавать ему должное. Тело вождя продолжает покоиться в Мавзолее.

Самыми сильными защитниками Сталина, меж тем, оказывают-

ся зарубежные политические деятели. Весьма высоко оценивает Генералиссимуса в качестве государственного деятеля его недавний оппонент маршал Тито. Черчилль вообще разразился панегириком в адрес Сталина, выступая по поводу его юбилея в палате общин в конце декабря 1959 года. Правда, лукавый британец, преимущественно, защищал самого себя.

В первую очередь, расколотой кризисом оказывается руководящая верхушка государства. Ожесточенная борьба «реформаторов» с «консерваторами» велась вплоть по третью четверть 1961 года. Особенно бурные дебаты разгорелись на Пленуме ЦК КПСС, состоявшегося в период с 22 по 29 июня 1957 года. Ему предшествовали трехдневные заседания Президиума ЦК. На них по инициативе Молотова, Маленкова и Кагановича было предъявлено требование о смене состава руководящих органов партии и, в том числе, отстранение Хрущева с поста Первого секретаря ЦК. Ультиматум поддержало большинство членов Президиума, тем не менее, Хрущев отказался его выполнить. Он апеллировал к решениям Пленума, рассчитывая на поддержку большинства членов Центрального Комитета партии.

Сильную поддержку Хрущеву недальновидно оказал министр обороны маршал Жуков, организовавший оперативную доставку в столицу членов ЦК силами войсковой авиации.

Страсти на Пленуме накалились до предела, однако победа осталась за Хрущевым, причем иные из недавних рьяных оппонентов не замедлили переметнуться на его сторону. Помимо армии Молотов сотоварищи не пользовались поддержкой также КГБ, во главе со ставленниками Хрущева. Большинство же членов ЦК опасались, что с приходом к власти правоверных сталинцев начнется возврат к временам более ответственного отношения к делам и снижения руководящей роли партии.

Хрущев своеобразно «отблагодарил» недалекого военачальника, оказавшего ему огромную поддержку, ровно через четыре месяца отправив Жукова в отставку. Несколько ранее он руками Жукова выпроводил первого заместителя министра обороны Василевского на «заслуженный отдых».

Абсолютно достоверно, что каждый из тех, кто пользовался малейшим благоволением Сталина, невзирая на деловые качества, автоматически вызывал неприязнь Хрущева. К тому же Жуков, помимо ненависти ко всем гэбистам, также не слишком жаловал и партаппаратчиков.

К внутрипартийным оппозиционерам Хрущев отнесся довольно

благодушно. Их вывели из состава Президиума и исключили из ЦК КПСС. Молотов был назначен послом в «шестнадцатую советскую республику» – Монголию. Маленкова отправили немного поближе, в Казахстан – директором Усть-Каменогорской ГЭС, а затем перевели верховодить Экибастузской ГРЭС. Каганович же был направлен в Свердловскую область управляющим трестом Союзасбест.

Булганин до поры до времени сохранил свой пост, однако в марте 1958 года Хрущев инициирует не только его отставку, но и занимает одновременно должность Председателя Совета Министров СССР. Тем самым, Хрущев совершенно подминает под себя правительственный аппарат. Своим «триумфом» он целиком и полностью обязан был партаппарату и номенклатуре, что во многом определяет его дальнейшую политическую линию, если таковая имела место и определенное приспособление к интересам этого слоя.

На XXI съезде КПСС, проходившем с 27 января по 5 февраля 1959 года и продекларировавшем о «полной и окончательной победе социализма в СССР», о «преступлениях» Сталина совершенно не упоминается. Ближе к концу 1961 года обстановка, казалось бы, резко и неожиданно меняется, но в этом наблюдается своя закономерность.

Чем больше проходит времени со дня смерти Сталина, тем неувереннее чувствует себя Хрущев практически по всем вопросам внутренней и внешней политики. Вследствие вопиющей некомпетентности его неуемная энергия ищет выхода в поисках виновного провалов, которые следуют один за другим.

На XXII съезде КПСС Хрущев, казалось бы, окончательно празднует победу над сторонниками более твердого просталинского курса. Он включает в свой доклад специальный раздел, посвященный критике «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и других оппозиционеров. Кроме того, Хрущев подстрекает других докладчиков и делегатов съезда на открытые выступления против Сталина с осуждением его деятельности как исключительно негативной для государства. На съезде Хрущев выступил пять раз в течение двух недель.

Ниже следует характерный пассаж из отчетного доклада Хрущева на форуме:

«Многие западные политические деятели иной раз говорят:

- В достижения вашей промышленности мы верим, но не понимаем, как вы выправите положение с сельским хозяйством.

Беседуя с ними, я говорил:

- Обождите, мы вам еще покажем кузькину мать и в производстве сельскохозяйственной продукции. (Бурные, продолжительные аплодисменты!)».

30 октября он добился своего – принятия съездом специального постановления об усыпальнице Ленина. В соответствии с которым было признано «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина» и прочая. Завершился съезд 31 октября 1961 года. В тот же день, вернее, глубокой ночью, тайно, по-воровски, тело Сталина было вынесено из Мавзолея и наглухо замуровано под мощнейшими железобетонными блоками рядом, у Кремлевской стены. Во избежание эксцессов Красная площадь была заблаговременно надежно оцеплена войсками.

С Генералиссимуса сорвали не слишком многочисленные знаки наград и отличий, а также не забыли срезать золотые пуговицы с мундира. Видевший столь явное надругательство над мертвецом, а, в сущности, над великой страной, Шверник не сумел сдержать слез...

После окончания съезда Молотова, Маленкова и Кагановича исключили из партии и отправили на пенсию, их политические карьеры окончательно завершились.

Одержав «многотрудную» викторию над мертвым титаном, Хрущев торжествует и самоуспокаивается, практически почивая на лаврах. Однако недолго. Протрубив на весь мир о победе социализма в Советском Союзе, Хрущев, стараясь затушевать катастрофические ошибки в экономической политике, возвращается к антисталинскому жупелу и пытается обмануть все более зреющее общественное сознание.

Вновь и вновь, в последние три года своего правления Хрущев на многочисленных партийных форумах поднимает вопрос о культе личности Сталина, тем самым, расписываясь в полной беспомощности в деле налаживания мало-мальски осмысленного руководства страной. Как у всех неграмотных персон у него постоянно путаются понятия причинно-следственной зависимости, а порою Хрущев сознательно, как гласит народная поговорка, «наводит тень на плетень». Но бесконечно долго такое положение продолжаться не может...

Крен в сторону «проскрипционности»

Убийства Берии с Абакумовым и другими были последними всплесками, уже чисто хрущевскими отрыжками, далеких от человеколюбия методов борьбы с политическими противниками.

После сорокалетнего существования, сначала чисто большевистского, а затем советского государства, функции органов карательно-репрессивной системы, постоянно изменявшихся в лучшую сторону, приближаются к нормам более цивилизованных стран. То есть они складываются в некий правоохранительный конгломерат и начинают придерживаться в свой работе определенных рамок.

Уже в декабре 1958 года принимается общая концепция нового уголовного законодательства СССР. В качестве основополагающего принципа судопроизводства была признана презумпция невиновности. Подозреваемый считался теперь невиновным до установления его вины в судебном порядке и не должен был непременно доказывать свою непричастность к какому-либо деянию. Доказательствами вины обязаны были заниматься уполномоченные на то органы, начинал применяться метод состязательности сторон.

Вне всякого сомнения, процесс дальнейшей гуманизации общественных отношений в России, избавления от революционного экстремизма, затормозили тяжелейшая война и ликвидация ее последствий, а также неполная работоспособность Сталина в последний период его жизни. Когда он окончательно утвердился у власти, смертная казнь действительно становится исключительной мерой наказания, а после войны некоторый период времени (почти три года) не применяется вовсе.

Кремлевский арсенал средств борьбы с потенциальными противниками режима становится более многообразным и изощренным. Не применяется единственно политика подавления любой ценой карательно-репрессивными мерами, в первую очередь, проводятся акции, напоминающие своеобразные проскрипции. То есть публично осуждаются в средствах массовой информации, подвергаются остракизму, без применения крайних мер, виновные якобы в непатриотичности, аполитичности, космополитизме и прочая и прочая. При этом, естественно, не обходилось без перегибов и извращений.

Видный ученый Н.П. Дубинин оставил воспоминания, свидетельствующие о прямой непричастности Сталина не только к делам биологическим, но и к трагической судьбе другого известного ученого Николая Вавилова. Об одном разговоре с последним, во время первых ожесточенных дебатов по биологии, он поведал следующим образом. Вавилов почему-то был убежден, что Сталин им недоволен и поддерживает Т. Д. Лысенко. Дубинин заявил Вавилову, что сталинская поддержка является серьезным фактором, заметив одновре-

менно, что вождь «молчит, а это можно понять как приглашение к продолжению дискуссии».

«Да, возможно, вы правы, - продолжал Н.Н. Вавилов, - но у меня все же создается впечатление, что, я, вы и другие генетики часто спорим не с Т.Д. Лысенко, а с И.В. Сталиным. Быть в оппозиции к взглядам И.В. Сталина, хотя бы и в области биологии, - это вещь неприятная».

Данным утверждением Вавилов охарактеризовал самого себя личностью со слабыми бойцовскими качествами. Он понятия не имел о том, что Сталин обычно не руководствовался личными симпатиями и антипатиями, а исходил из интересов дела.

К тому же Вождь органически не переносил мелких дрязг и склок, особенно характерных для околонаучной и псевдотворческой среды. Сталин не вникал в большинство научных диспутов, хотя, несомненно, был в курсе событий, для него, пожалуй, главным критерием ученого было гражданское мужество.

Подвергшийся аресту в 1940 году вследствие доноса своего сотрудника Вавилов проявил малодушие и слабость. Находясь под следствием и не выдержав психологического давления следователей, он оговорил не только себя, но других. Вавилов признал во вверенном ему Институте растениеводства наличие вредительской группы, что, естественно, обернулось мучениями и страданиями совершенно невиновных людей.

Лысенко же резко отличался от Вавилова не только другим научным подходом, но и убежденностью в своей правоте. Он даже под угрозой четвертования не оговорил бы себя, ни тем более других. У Лысенко была железная воля и стойкие моральные принципы, сбить с которых этого человека не представлялось возможным – утверждал И.А. Бенедиктов, занимавший должности наркома и министра сельского хозяйства во времена Сталина и некоторое время после его кончины.

Особая, довольно сумрачная страница в истории России (СССР), массовые депортации некоторых наций в период второй мировой войны, инициированная, возможно, Берией вследствие его долговременных командировок на Кавказ в период немецкого наступления.

Ныне довольно сложно даже представить, как можно было объявить политически неблагонадежными целые народы и лишить их родных очагов. Переселение этнических немцев, а также финнов, румын и венгров с запада на восток еще поддается логическому объяснению, так как Советский Союз находился в состоянии войны с их родственными государствами. То есть Сталин предпринял тем са-

мым превентивные меры по воспрепятствованию малейшей возможности образования в СССР пятой колонны.

Может показаться, однако, странным до дикости, но депортация отдельных народов Кавказа, а также крымских татар (отдельные представители которых желали отделения от СССР) и других наций, может объясняться лишь следующим образом. Она вполне укладывается в сталинскую схему проскрипций. То есть руководство страны посчитало возможным и целесообразным наказать некоторые народы за их якобы рьяное пособничество врагам, либо за пассивность при неприятельской оккупации. Что в момент, когда страна прилагала неимоверные усилия, дабы выстоять, было признано Кремлем совершенно недопустимым.

Когда Генералиссимус на единственной послевоенной встрече с избирателями объявил, что будет неправильным не проверять, не критиковать и не судить зарвавшихся победителей, он не имел в виду конкретно кого-либо. Он лишь предупреждал, что никакие заслуги и ссылки на чрезвычайность обстоятельств не помогут, если будет обнаружен и доказан явный умысел нарушителей, тем более повлекший тяжкие последствия.

Поэтому в апреле сорок шестого года на основе материалов, собранных Главным управлением военной контрразведки (СмерШ), во главе с Абакумовым были арестованы нарком авиационной промышленности Шахурин, главком ВВС Красной Армии Новиков А.А. и целый ряд руководящих работников, в том числе кадров ЦК ВКП(б). Им инкриминировалось нанесение вреда посредством поставок на фронт некачественных самолетов и моторов, вследствие чего погибла некоторая часть летного состава ВВС. Поскольку прямодушный Шахурин в своих мемуарах ни единым словом не обмолвился о своих тюремных мытарствах, а сидел он почти семь лет, фактически нарком признал свою вину.

Руководство наркомата авиапрома, ВВС, отделы ЦК, надеясь на авось, попросту закрывало глаза на отдельные недоработки самолетов...

Понятное для властных структур практически любого государства стремление контролировать духовную жизнь общества приобретало порой абсурдные формы.

Ныне в самой «демократической» стране мира – США, тамошняя администрация явно «рекомендовала» своим СМИ не возбуждать общественное мнение кампанией в Ираке.

В СССР же того времени пытались подвергнуть идеологическому воздействию всю творческую интеллигенцию, вплоть до представителей точных наук.

Летом сорок шестого года по инициативе главного идеолога Жданова, было принято знаменитое постановление правительства о журналах «Звезда» и «Ленинград», повлиявшее на судьбы литераторов Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. За ним последовали выдержанные в том же духе рескрипты о драматических театрах и кино.

Периодически ожесточенным нападкам подвергается Пастернак, ему инкриминируются отрыв от народа и непризнание советской идеологии. Апофеозом гонений становится присвоение поэту Нобелевской премии по литературе, уже во время владычества Хрущева, от которой Пастернак принужден отказаться.

Довольно жесткие формы принимает так называемая борьба с космополитизмом и раболепием перед буржуазной культурой Запада.

Трудности в области продовольственного обеспечения играют решающую роль в организации очередной дискуссии по биологии. Первую скрипку в ней сыграл знаменитый Лысенко, выступивший с погромным докладом на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) в начале августа сорок восьмого года. Сессия, посвященная вопросу «О положении в биологической науке», завершилась драматически для последователей советской генетики. Третью главу своего выступления Лысенко назвал «Два мира – две идеологии в биологии», искусно подведя классовую подоплеку под чисто научный диспут.

«Как будто земля разверзлась у меня под ногами, - поделился впечатлениями при известии о разгроме видный биолог-генетик Дубинин, - сердце наполнилось нестерпимой щемящей болью..».

Весьма характерно то, что кто бы ни находился во главе страны, с таким же усердием, как и при его предшественнике, Дубинина все равно пытались уничтожить как ученого.

Одним из абсурднейших штампов, которым в числе многих прочих наградили Сталина после его смерти, является ярлык ярого антисемита. Но если обратиться к конкретным фактам, то подобное не выдерживает никакой критики. Так как независимо от мотивации Генералиссимус был человеком, спасшим евреев от практически полного уничтожения во время Второй мировой войны.

Далее, в сталинском окружении всегда фигурировали лица семитского происхождения, как-то Каганович, Мехлис, Землячка и

другие. Обласканными властями в сталинские времена в сфере науки и культуры всегда являлось достаточно большое число лиц еврейской национальности.

И, наконец, если бы Сталин был ярым антисемитом, он никогда не допустил бы воссоздания «Царства Иудеи», либо оказал сильное противодействие. Однако подобных фактов отдельным исследователям оказывается недостаточно.

Надо полагать, в 1928 году большая часть советских евреев сочла издевательством представившуюся возможность строительства автономии на Дальнем Востоке. Евреи так и не заселили, как следует, тамошние территории, а некоторые безудержно интриговали в пользу отвода им лучших земель страны, вплоть до создания на территории Крыма Еврейской социалистической республики.

В начале 1942 года в СССР был образован Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) для содействия в деле мобилизации мирового общественного мнения против фашистской Германии. Сталиным преследовалась сугубо локальная цель – организация любых видов помощи Советскому Союзу в его борьбе с Гитлером. Однако в ЕАК, председателем которого стал народный артист СССР С.М. Михоэлс, мыслили по-разному.

Сразу после окончания войны стал, естественно, вопрос о роспуске этой общественной организации под эгидой государства. Почти одновременно МГБ и отдел внешней политики ЦК ВКП(б) проверили деятельность ЕАК. В результате, осенью 1946 года, они направили Сталину предложения о ликвидации ставшей анахронизмом структуры. Так как деятельность комитета вышла далеко за пределы его компетенции, «приобрела несвойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой».

Но Генералиссимус не торопился распускать ЕАК, ибо после разгрома Германии, одним из важнейших послевоенных вопросов стал «еврейский». Который в конце ноября 1947 года СССР и США при формальной поддержке других стран решили, вопреки яростному сопротивлению арабских государств.

Трагическая смерть Михоэлса, погибшего в Минске в начале 1948 года в результате наезда автомобиля, озадачила многих евреев. Весной того же года было провозглашено государство Израиль, а в начале сентября 48 года (во время похорон Жданова) в Москву прибыло его посольство во главе с Голдой Меир.

Вскоре после ее приезда наступил еврейский Новый год. И что-

бы поприветствовать живые символы Израиля перед синагогой собралась пятидесятитысячная толпа евреев со всех концов Советского Союза. Через десять дней ситуация повторилась.

Несомненно, в Кремле были обескуражены подобными демаршами, нацеленными, в конечном счете, на раскол страны по национальным признакам и организованных ЕАК. Свою солидарность с Голдой Меир оказала и жена Молотова – Полина Жемчужина, на приеме по случаю очередной годовщины Октябрьской революции.

20 ноября 1948 года в Политбюро ЦК придается мощный импульс инициативам по роспуску так называемого «Еврейского антифашистского комитета». Через три месяца большинство его активных членов подверглось аресту.

Голда Меир написала в своих мемуарах: «20 апреля 1949 года я вернулась в Израиль». При этом за семь с половиной месяцев, что она была послом в Москве, Меир дважды ездила в Израиль. Вероятнее всего, ее, уроженку Киева, посылали, дабы намеренно взбудоражить «добрых и храбрых евреев» Советского Союза, не осознавая последствий.

Всего по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета, за период с 1948-1952 год было привлечено к ответственности 110 человек, из них десять человек было приговорено к высшей мере наказания, остальные к различным срокам заключения.

В 1955 году дело за отсутствием якобы состава преступления было прекращено и всех его подлинных обстоятельств, очевидно, не узнает никто и никогда.

Интриги в высоких инстанциях МГБ стали, в том числе, причиной так называемого дела о кремлевских врачах-вредителях. Ответственность за фабрикацию, а также за то, что оно приобрело разнузданный антисемитский характер, также взваливают исключительно на Сталина.

Началу дела врачей-вредителей положила преждевременная смерть Жданова. Спустя почти три года сверхбдительного гэбиста-самоучку подполковника Рюмина М.Д. осенила мысль обвинить отдельных врачей-евреев в убийствах высокопоставленных пациентов. Тогда же всплыло письмо кремлевского кардиолога Лидии Тимашук, сигнализировавшей в свое время разные инстанции о неверной диагностике состояния здоровья Жданова. Для Рюмина и заинтересованных лиц сообщение Тимашук, работавшее на их версию, было истинным подарком. Оно явилось одной из причин ареста Абакумо-

ва летом 1951 года, и некоторое время кресло министра госбезопасности оставалось свободным.

Рюмин однако до него не добрался, хотя занимал некоторое время должность заместителя министра. Его деловые качества Сталин еще смог оценить и 12 ноября 1952 года распорядился уволить из МГБ вчистую вследствие полной некомпетентности.

Подстать Рюмину был и его непосредственный шеф Игнатьев, занявший пост Абакумова. Несомненно, Игнатьеву принадлежит главная роль в шабаше, сиречь шумной и оголтелой кампании в советских СМИ в январе 53 года в связи с арестом нескольких ведущих врачей Лечсанупра Кремля. В числе которых были лица еврейского происхождения, что и предопределило сионистский оттенок.

Разобраться в профессионализме Игнатьева Сталин уже не успел...

Вкратце о лагерниках

Согласно извлечениям из «Отчета о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с октября 1952 по 1 января 1956 года» якобы выяснялось, что в «результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС банды Берия - Абакумова и его сообщников», последние, «злоупотребляя властью, творили вопиющий произвол, грубо нарушали социалистическую законность – без всяких оснований зачисляли в ряды врагов народа честных и преданных партии работников, пытались поставить органы государственной безопасности над партией».

Хрущева не удовлетворяла данная постановка вопроса, в своем нашумевшем докладе на XX съезде партии он переносит акцент, как уже было сказано, персонально на Сталина и задается там, помимо прочих, сугубо корпоративной задачей – выяснения, прежде всего, нанесения урона интересам партии. В то же время для него самого все было предельно ясно.

«Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства», – вещает Хрущев.

С 1954 года по настоящее время (*по февраль 1956 года – М.А*), говорит он, Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, делая упор на то, что «причем многие из них реабилитированы посмертно».

Для Хрущева вопрос о том, какой урон нанес Сталин стране,

государству, является в сущности второстепенным. Помимо собственно дискредитации генералиссимуса, партийные интересы, вернее горстки партийно-советских номенклатурщиков, превалировали у него над народными.

На XXII партийном форуме с удовлетворением констатируется: «За истекшее после XX съезда КПСС время реабилитированы в партийном отношении 30954 коммуниста (многие посмертно). Среди них 3693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, 4148 руководящих работников советских органов, 6165 руководящих хозяйственных работников, 4394 командира и политработника Советской Армии».

Вне всякого сомнения, большинство из этих функционеров не напрасно подверглось репрессиям, но проверить данное обстоятельство не представлялось возможным уже в то время.

Так как со второй половины 1956 года, по предложению Хрущева было создано около сотни специальных комиссий, наделенных чрезвычайными полномочиями. Эти комиссии работали на местах несколько месяцев. Дела заключенных разбирались стремительно и носили формальный характер, как правило, достаточно было одной беседы членов комиссии с ним самим и непродолжительного знакомства с его делом. Сами дела, хранившиеся в особых отделах лагерей, немедленно уничтожались. Зафиксировано ничтожно малое число случаев привлечения к ответственности следователей НКВД - МГБ, проводивших расследования, а также других деятелей, кроме «банд Берии – Абакумова», якобы особо рьяно способствовавших проведению карательной политики государства. Случаи «разборок» недавних узников с конкретными виновниками своих мытарств также весьма редки. Отнюдь не случайно мало кто распространяется о лагерных злоключениях, тем более публично.

Но все же некоторые из бывших лагерников начинают писать и публиковать свои воспоминания, а также художественные произведения на тему лагерей и репрессий.

В 1962 году в журнале «Новый мир» печатается повесть небезызвестного Солженицына А.И. «Один день Ивана Денисовича» основанный на личных впечатлениях, рассказ о жизни политического заключенного в сталинских лагерях. Так, публично начиналась «солженициниана» – многотомная эпопея психически смертельно уязвленного лагерным пребыванием человека и малодаровитого писателя.

Пожалуй, Солженицын является наиболее известным графома-

ном, настолько многочисленны его разного рода литературные опусы. Будущий нобелевский лауреат был арестован в звании капитана в расположении Действующей армии и этапирован в Москву в начале 1945 года. Надо полагать, он достаточно добросовестно относился на фронте к своим довольно специфическим обязанностям – командира подразделения звуковой разведки. Однако, одновременно, дважды орденоносный офицер и несостоявшийся писатель злобствовал особенно в отношении политики руководства страны, причем совершал подобные выпады систематически и в письменном виде.

В следственном протоколе Солженицын собственноручно подписался: «В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю». То есть признавался в клевете на Сталина и антисоветских помыслах, а также намерениях формирования группы единомышленников «в столичных литературных и студенческих кругах».

В связи с фронтовыми заслугами, в сущности по расстрельным статьям, Солженицын получил всего 8 лет заключения (его доверчивые респонденты, по некоторым данным, пострадали сильнее). В июне 1947 года, уже находясь в московской тюрьме для военных на Матросской тишине, он пишет на имя Генерального прокурора жалобу-заявление.

Поразмыслив в тиши узилища, бывший крупный специалист по шумовым эффектам неудачно пытается дезавуировать признательные показания, мотивируя сложностью фабулы своего дела. Имея в виду под этим «неправильные действия следователя», а также те обстоятельства, что «допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам и неправильно критиковал отдельных писателей и наши литературные издательства. Однако во всем этом не было контрреволюционного умысла, а действовал человек, опьяненный самомнением молодости, увлеченный диалектическим материализмом и переоценивающий свои способности. Пытался поскорее иметь свои собственные оригинальные суждения и впал в горькое и тяжелое заблуждение…».

После отбытия положенного срока Солженицын был отправлен в административную ссылку в село Борли на юге Казахстана, где работал учителем в средней школе. В сентябре 1955 года он написал заявление, адресованное Хрущеву, где указал, что его, героя-фронтовика, подвергли наказанию совершенно несоразмерно содеянному. А также указал, что смертельно болен раком. Вследствие чего в начале февраля 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Солженицына.

Подобный поворот совершенно не устраивал бывшего акустического контрразведчика, и он затевает бурную деятельность, которая венчается весомым «успехом».

В первую очередь, из политиканских соображений, осенью 1970 года Солженицыну присуждается Нобелевская премия по литературе. Необходимо отметить, что своеобразным колоритом отличается текст и его Нобелевской лекции, написанный хаотично и вообще маловразумительно.

В феврале 1974 года после выхода на Западе книги «Архипелаг Гулаг», Солженицын высылается из СССР. Тем самым, он предавался анафеме за предательство, по большому счету, национальных интересов России.

По словам Солженицына, оказавшись там, он с удивлением обнаружил, что задолго до появления его «Архипелага», на Западе уже существовала целая литература на эту тему. Десятки книг, в том числе и очень яркие, но они полностью игнорировались, почти никому не были известны. Следовательно, исключительно из пропагандистских соображений личность Солженицына и тематика его произведений искусственно раздувается кругами, враждебными Советскому Союзу.

А общественное мнение Запада, изменившееся вследствие хрущевских «разоблачений», еще более радикализуется по отношению к стране Советов. В отличие от опусов Солженицына, «зацикленных» на лагерной тематике, произведения Густава Герлинга-Грудзинского и особенно Виктора Франкла вызывают совершенно другое мироощущение.

Последний познал кошмары нескольких нацистских концлагерей и в общем-то чудом остался жив. Франкл прошел через сущий ад, сохранив себя, свою личность, зарекомендовав человеком, способным не ломаться под ударами судьбы, обрушивающимися на тело и душу. В концлагерях получил проверку и подтверждение его взгляд философа на человека и свою психологическую концепцию личности, который Франкл лично выстрадал и оплатил весьма дорогой ценой. В ужасных условиях нацистских лагерей он озаботился, в первую очередь, сохранением рукописи своей первого труда по психологии, что, несомненно, поспособствовало избавлению от невроза и его последующему выживанию.

Конец сороковых годов отмечен ярким всплеском творческой активности Франкла. Его книги – философские, психологические, медицинские – появляются одна за другой, а вскоре к Франклу приходит мировая известность.

Герлинг-Грудзинский издал свои впечатления о предвоенном пребывании в тюрьмах и лагерях под названием «Иной мир: советские записки» в 1951 году. Он разделил судьбу десятков тысяч поляков, оказавшихся на территории Советского Союза в начале Второй мировой войны, и не проникся, тем не менее, чувством озлобленности против советского народа в целом и русских в частности.

«Мир иной» Герлига-Грудзинского по силе воздействия сравнивают с книгами великого Достоевского. Подобное ощущение усиливается благодаря неоднократному цитированию польским автором его «Записок из Мертвого дома».

Трудно сопоставить в целом творчество польского литератора с одним из общепризнанных русских классиков. Но несомненно другое. Как писатель и человек Герлинг-Грудзинский значит много выше пресловутого Солженицына, чья персона и творчество непомерно раздуты исключительно из политических соображений.

Небольшая книжка поляка «Мир иной» перевешивает все тома сочинений Солженицына, так как она перекликается по духу с прочувственными словами другого, истинного Нобелевского лауреата, американца Уильяма Фолкнера.

Фолкнер объявил при вручении ему премии, что во власти литератора «помочь человеку выстоять, возвышая его дух и напоминая ему о мужестве, чести, надежде, гордости, сострадании и милосердии, которыми он был славен в былые времена», а не концентрироваться эгоистически всецело на собственных злоключениях.

Свои мытарства в сталинских тюрьмах и лагерях Герлинг-Грудзинский «описывает с чрезвычайной простотой, трезвым пониманием действительности и безукоризненным художественным вкусом». Лагерная «специфика» придает произведению польского литератора своеобразный аромат. В нем присутствует вся многообразнейшая палитра людских страстей. От любви платонической до разнообразных сексуальных совокуплений, а также проявления высочайших актов человеческого милосердия, вкупе с оставляющими не менее сильное впечатление эпизодами, рассказывающими о случаях предательства и жестокости, ненависти, разоблачения и отмщения.

Это был действительно «мир иной» большинством заключенных переносившийся довольно тяжело, но в то же время и в нем можно было приспособиться и более-менее сносно просуществовать.

Главная трудность, по мысли Герлинга-Грудзинского, заключалась в том, чтобы не опуститься в лагере окончательно, не перейти

черту, после которой уже человек терял право именоваться таковым. В этом пафос его произведения, особенно подчеркнутый в финальных сценах. Но на воле практически тот же вопрос стоит также всегда, может быть, правда, не столь остро.

Об этом лучше всего свидетельствует история о том, как зимой 1941 года вполне легально, лишь незначительно нарушая лагерный закон, заключенные насмерть замучили работой одного из своих «коллег» в одной из лесных бригад.

Через месяц после прибытия Герлинга-Грудзинского в Ерцево, туда прибыл некто Горцев, крепкий парень с туповатым лицом изувера, сразу направленный на лесоповал. О нем немедленно пошли странные слухи, поскольку, вопреки общепринятым обычаям он ни единым словом не упоминал о своем прошлом. Вскоре зэки прознали, что, вероятнее всего, Горцев до ареста работал в органах и с тех пор не скрывали своего враждебного к нему отношения. Последний же держался довольно вызывающе и во всеуслышание заявлял порою, что попал в лагерь по ошибке и скоро вернется вновь на свой ответственный пост.

Кульминационный момент наступил неожиданно, но вполне закономерно. Перед католическим Рождеством через Ерцево проходил этап в Печорские лагеря и зэки три дня проводили на пересылке в ожидании завершающего «марш-броска». Вечерами они заходили в ерцевские бараки, разыскивая знакомых.

Вдруг один из них, проходя мимо нар Горцева, внезапно остановился и побледнел как полотно. Он узнал в нем своего мучителя – следователя из Харьковской тюрьмы, печально «прославившегося» жуткими истязаниями. Горцев отреагировал адекватно ситуации, то есть тоже побледнел и отодвинулся к самой стенке.

Этапник с ужасающими воплями ринулся на него, и завязалась яростная потасовка. Более сильный Горцев с лицом, искривленным от страха, сумел высвободиться и побежал к выходу из барака. Но лагерники не позволили ему ускользнуть и подвергли избиению до потери сознания. На следующий день Горцеву дали освобождение на день от работы, но этим все и ограничилось. В лагере всем стало ясно: энкавэдешники отдавали в жертву одного из бывших своих коллег. Началась необычайная игра, в которой преследователи заключили молчаливое соглашение с преследуемыми.

После открытия этого обстоятельства Горцеву поручили в лесной бригаде самую тяжелую работу – пилку сосен без перерыва по

одиннадцать часов в день подряд. Не однажды, приходя в отчаяние, он бросал инструмент в сторону, хватая воздух глотками, как утопленник. Но тут же к нему подходил бригадир и спокойным голосом говорил: «Не дури, работай, а то вечером тебе не жить». И Горцев вновь и вновь брался за работу. Зэки глядели на эти пытки с тем большим удовольствием, чем дольше они тянулись. Они действительно могли его прикончить за один вечер – теперь, когда получили негласную санкцию свыше.

Но они любой ценой хотели бесконечно оттянуть его смерть, ибо хотели, чтобы следователь сполна испытал то самое, на что он когда-то посылал множество людей. Горцев пытался временами бороться, хотя, конечно же, понимал, что борьба его также напрасна, как напрасна когда-то была борьба его жертв на следствии. Он пошел к врачу за освобождением, но ничего не добился. Один раз Горцев отказался выйти на работу, и его посадили на двое суток в изолятор на одну воду, а на третий день выгнали силой в лес.

Соглашение работало – обе стороны исправно исполняли свои обязательства. Чтобы забава продлилась дольше, жертву даже подкармливали. Горцев еле-еле ходил уже, тащился грязный, полувменяемый, в жару, по ночам ужасающе стонал, харкал кровью и плакал как ребенок, днем скулил, чтобы над ним сжалились. Наконец в последних числах января, по прошествии месяца, он потерял сознание на работе, и возникло опасение, что на этот раз, как ни крути, его все же отправят в больницу.

Водовоз, который каждый день привозил дополнительный паек для передовиков и дружил с бригадой лесорубов, должен был забрать Горцева в зону по окончании рабочего дня.

Вечером бригада неспешным шагом двинулась к лагерю, а за ней на расстоянии нескольких сот метров, волочились сани с лежащим без сознания бывшим следователем. Водовоз мурлыкал себе под нос незатейливую мелодию, под монотонное поскрипывание саней. Ослепительно белый снег подчеркивал безжизненность и величавость Полярного безмолвия. В условиях полного штиля громадного роста сосны также не издавали ни звука….

Горцев так и не доехал до зоны – на вахте обнаружилось, что сани пришли пустые. Возница объяснил, что он все время сидел на передке и не слышал, как тело упало в мягкий сугроб, видимо, зацепившись за снег, валами стоявший по обе стороны дороги. Далеко не сразу на розыски пропавшего отправилась спасательная экспеди-

ция. Горцева нашли в двухметровом сугробе, завалившем ручей. Было решено, что он зацепился свисавшей с саней ногой за поручни мостков. Тело, смерзшееся в сосульку, было отправлено прямо в ерцевский морг. Но еще долго после смерти Горцева зэки жили воспоминаниями об этом сладостном для них реванше. Очевидно, он был из тех представителей органов государства, которые понимали свой долг как исключительно карательный, с наличием садизма, да еще и использовавших служебное положение в своекорыстных интересах.

В бытность Ежова наркомвнуделом именно подобные горцевы подвергли репрессиям немалое количество людей, повинных разве что в неосторожном поведении и несдержанности в речах. Вследствие чего возник стойкий и не совсем правомерный стереотип, заключающийся в том, что чекист, энкавэдешник, гэбист, особист и прочие стали практически именами нарицательными, чуть ли не символами жестокости и коварства, бездушия и тупости…

Из числа наиболее высокопоставленных сталинских военных деятелей, подвергшихся репрессиям, лишь генерал армии А.В. Горбатов довольно подробно поведал о крутом витке своей биографии. Воспоминания крестьянского сына нельзя не признать уникальными.

Как ни в какой другой книге советского военачальника в ней раскрывается характер ее автора: одновременно искренний и простодушный, лукавый и предприимчивый, неробкий и неосторожный. Последних качеств в Горбатове было с лишком, равно как и простоты, которая, как известно, порою хуже воровства.

На всю жизнь бравый военачальник остался простым как медные пятаки, которые он умудрился в детстве «позаимствовать» из бесхозной часовенки. Как представляется, в командирах подобных бесхитростному Горбатову особенно нуждались военачальники-заговорщики. Отнюдь не случайно М.Д. Великанов в мае 1936 года так не хотел отпускать его из ТуркВО на Украину к Якиру на равноценную должность командира дивизии.

Небезынтересный штрих – до службы в Средней Азии Горбатов получил назначение в Белоруссию под непосредственное подчинение Тимошенко. Однако уже в Слуцке, где располагался штаб дивизии, вдруг выявилась «досадная ошибка». И вскоре Горбатов находился в Ташкенте у тогдашнего командующего войсками округа Дыбенко… Он был ошеломлен публичным извещением о раскрытии заговора группы Тухачевского, Якира.

Тем же летом был арестован непосредственный шеф и приятель

Горбатова – командир корпуса П.П. Григорьев по обвинению окружной партийной комиссии в связях с врагами народа.

Через месяц аналогичное деяние инкриминировалось самому Горбатову. Приказом командующего округом он был освобожден от командования дивизией, соответственно исключен из партии и отчислен «в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны». Спустя полгода положение отщепенца изменилось, Горбатов был назначен заместителем командира кавалерийского корпуса под водительством Жукова. Однако последний вскоре получил другое назначение и новым комкором стал Еременко. Еременко, очевидно, не захотел иметь в своем подчинении сомнительного, с его точки зрения, кадра и отправил комиссара корпуса в Москву. Очень скоро оттуда поступил приказ об увольнении Горбатова в запас. Он был вынужден вновь искать объяснений в Наркомате обороны…

Горбатова взяли ночью в гостинице Центрального Дворца Красной Армии (ЦДКА). Несколько суток его продержали на Лубянке, затем отправили в Лефортовскую тюрьму, где следователи взялись за арестанта всерьез, подвергнув моральному и физическому воздействию. Горбатов держался в Лефортово тактически грамотно, не поддавшись, в том числе, на провокационные уговоры сокамерников, которые либо умышленно, либо по малодушию уговаривали его подписать признательные показания. Аргументируя тем, что в подобном случае подследственному гарантируется снисхождение. В их числе особенно усердствовал некто «комбриг Б.», судя по всему, типичная «подсадная утка». Горбатов продержался на следственном этапе практически безупречно, но сплоховал (о чем впоследствии горько сожалел) перед судом военной коллегии. Ошеломительный приговор тройки гласил: «пятнадцать лет заключения в тюрьме и лагере плюс пять лет поражения в правах». В тот же день комбриг был переведен в Бутырскую перевалочную тюрьму и начались мытарства заключенного: путь через Урал и Сибирь на Дальний Восток.

Между тем, супруга Горбатова, удрученная тем, что очередной денежный перевод вернулся обратно, начала действовать более активно. В справочном бюро НКВД на Лубянке ей сообщили, что Горбатов «осужден, как не раскаявшийся и не разоружившийся преступник, но с правом переписки». Женщина с помощью юриста составила и послала жалобу в Верховный суд, добилась свидания с Главным военным прокурором. Последний развел руками, но «подачу жалобы одобрил».

Колымские злоключения Горбатова (порою трагикомические)

продолжались целый год. Большую часть этого времени его жена неустанно оббивала пороги всевозможных инстанций. И добилась таки отмены (или приостановления) приговора пленумом Верховного суда и повторного рассмотрения дела заново…

5 марта Горбатов до самого последнего вздоха считал своим вторым днем рождения. В тот день, вернее глубокой ночью 1941 года, вежливый и предупредительный следователь НКВД привез его к знакомым домой, предварительно предприняв меры, необходимые для приведения недавнего лагерника в более человеческий вид.

История, поведанная Горбатовым, для него же характерна. В начале войны он умудрился невзначай вызвать гнев Мехлиса, что было весьма небезопасно. Лишь два года спустя они объяснились, и Мехлис перестал смотреть зверем на Горбатова.

Он даже обрисовал его (довольно точно) следующим образом: Мехлис «был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, – вот почему его энергия не всегда давала хорошие результаты».

Сам Горбатов также придерживался своего амплуа. В боях за освобождение Польши он намеренно допустил серьезный проступок, если не сказать больше. Естественно, с ним вновь разбирались компетентные органы, но Верховный Главнокомандующий защитил командарма, поскольку не усмотрел в нарушении правительственного постановления (суть преступления государственного) корысти.

Сталин сказал буквально следующее: «Да, это на него похоже. Горбатова только могила исправит». Подразумевая под этим, что еще можно взять с этого олуха царя небесного.

Горбатов не упоминал в воспоминаниях, писавшихся в период владычества Хрущева, о встречах со Сталиным, но и не опустился до злобных выпадов в его адрес. Чем, к примеру, отличился маршал-артиллерист Н.Н. Воронов, выпустивший свой опус в 1963 году.

Правда, на Воронова, возможно, оказывалось давление. Поскольку его книга была сдана в набор 31 марта 1961 года, а подписана к печати почти 2,5 года спустя…

Закрепление стереотипов

Добившись удаления тела Сталина из Мавзолея, Хрущев окончательно распоясался, вследствие чего многократно усугубляется

действие провалов практически во всех направлениях.

Огромное количество ресурсов поглотило спонтанное и форсированное освоение целинных земель в Казахстане. В результате бездумной распашки там было нарушено экологическое равновесие и произошла эрозия почвы. Несчетное количество плодородной земли буквально улетучилось в атмосферу, а положение с зерном в стране не улучшилось.

Неугомонный Хрущев инициирует затем кукурузную эпопею, ставшую притчей во языцех. В марте 58 года был принят закон о реорганизации (ликвидации) МТС и продаже в обязательном порядке устаревшей техники колхозам по сильно завышенным ценам. Колхозы в одночасье практически становятся банкротами, в связи с чем, их не спросся начинают преобразовывать в совхозы.

Между тем, совсем недавно Сталин в своей последней работе предупреждал, что осуществление намерения продать технику колхозам вгонит их в большие убытки и разорит, подорвет механизацию сельского хозяйства, снизит темпы колхозного строительства.

Но это лишь часть проблемы, Генералиссимус прекрасно понимал, что колхозы распоряжаются выделенной им землей как своей собственностью, за исключением права отчуждения, либо аренды.

Отсюда, заполучив средства производства (мощную технику в виде тракторов и комбайнов), они, с одной стороны, лишались подконтрольности государству, с другой стороны, чрезмерно усиливались (капитализировались), что грозило непредсказуемыми последствиями.

В то же время усиленное превращение колхозов в совхозы резко понижало заинтересованность сельчан в результатах своего труда, что усугубляло кризисные явления в аграрной отрасли.

Но Хрущева ничто не смущало. Им применяются меры, похожие на репрессии, и в отношении личных подсобных хозяйств всех граждан страны поголовно. Сначала городских и поселковых, а затем и колхозных. Постоянно ломаются органы управления всех направлений, при явном доминировании партийного аппарата. Хрущев ведет себя все более и более беспардонно, оскорбляя самых ближайших сотрудников.

На вопрос аграрного чиновника В.В. Мацкевича, смиренно осведомившегося о том, читал ли Хрущев его записку о тяжелом положении сельского хозяйства, грозящем незавидной перспективой покупки зерна за границей, последний вызывающе заявил: «Нет, не читал, а использовал взамен туалетной бумаги» (*ответ существен-*

но смягчен, ввиду его шокирующей грубости для деятеля такого уровня – М.А.).

Хозяйственные трудности меж тем продолжают стремительно увеличиваться, прилавки продовольственных магазинов все больше пустеют, на часть продуктов вводятся карточки. На казахстанской Магнитке, в городе металлургов Темиртау вспыхивает бунт, сурово подавленный властями.

Не спасает положение, а скорее усугубляет его, очередная денежная реформа, проведенная с первого января 1961 года. Недовольство практически всех слоев населения во всей стране перманентно увеличивается.

Ужасной трагедией оборачиваются события в Новочеркасске в самом начале июня 1962 года. С санкции Хрущева стихийный митинг рабочих жестоко подавляется войсками с применением танков. Имелись многочисленные жертвы среди трудового люда. Факт немыслимый в сталинское правление. Более того, были арестованы десятки человек и привлечены к судебной ответственности, а семеро, якобы зачинщиков, приговорены к смертной казни.

Большой резонанс в обществе вызвал громкий скандал, разразившийся в декабре 1962 года, при посещении Хрущевым художественной выставки в Москве.

В следующем году страну потрясает так называемый «хлебный кризис», который удается снять лишь благодаря продаже большого количества золота, накопленного еще Сталиным. Лишь огромные наработки времени сталинского периода правления, покамест, спасают страну от полного краха.

В международных отношениях кризис также следует за кризисом. Резко ухудшаются отношения со странами социалистической ориентации – Китаем и Албанией.

Символом противостояния двух систем надолго становится сооружение печально знаменитой Берлинской стены.

Авантюра следует за авантюрой, одна опаснее другой. Кубинский революционер Фидель Кастро подбивает Хрущева разместить ракеты с атомными боеголовками на так называемом острове Свободы, под самым носом у Америки. Благоразумие и выдержка, проявленные тогдашним президентом США Джоном Ф. Кеннеди, спасли мировое сообщество от термоядерной катастрофы. За что, по-видимому, он заплатил жизнью в ноябре 1963 года.

СССР становится пугалом практически для всего мира, «импе-

рией зла», как позже назовет страну Рональд Рейган. Совершенный крах внутренней и внешней политики Хрущева был очевиден.

Существенная потеря международного престижа и угроза полной внутриполитической дестабилизации заставляет партийно-правительственную верхушку страны действовать.

Последним толчком, сигналом к созыву Пленума для снятия Хрущева послужила его инициатива, которую он затеял перед отлетом на отдых. В ней шла речь об очередной реорганизации: разделении всей отрасли сельскохозяйственного производства на главки, по видам животных – птицам, овцам, коровам и тому подобное. Своими сумасбродствами Хрущев восстановил к тому времени против себя практически всех. На октябрьском 1964 года, пленуме ЦК партии, он согласился добровольно уйти в отставку со своих многочисленных постов. Следует отдать должное его смирению, в глубине своей низкой души Хрущев, очевидно, сознавал, что управляет государством неправильно, и без особого ропота покорился воле своих коллег.

Так, без особого шума закончился десятилетний период его владычества в России, дипломатично и неправомерно названный высшей партийной инстанцией волюнтаризмом. Или, проще говоря, завершилась эпоха самого неприглядного и вульгарного самодурства. Хрущев нанес огромный урон СССР (России), от которого страна, по сути, так и не оправилась и надолго дискредитировал имя Сталина.

Академик Арбатов Г.А. уверяет, что смещение Хрущева было самым настоящим «дворцовым переворотом», то есть действом незаконным. При этом произошла якобы одна странная вещь, о которой он не раз потом думал.

«В партии и стране, - поражается сей псевдоученый, - практически не ощущалось недовольства этой, в общем-то, демонстрацией произвола. Наоборот, почти повсеместно решение пленума было встречено с одобрением, а то и радостью».

О том, что Хрущев абсолютно исчерпал кредит народного доверия и уже задолго до формальной отставки являлся политическим инвалидом первой группы, достопочтимому академику не приходит в голову.

Недавний возмутитель спокойствия проживет еще в полном забвении некоторый период времени, что лишний раз свидетельствует о его абсолютном политическом убожестве.

По иронии судьбы в день, когда менялась власть в Москве, Советский Союз одержал очередную «выдающуюся» победу в космосе: В Казахстане, на космодроме Байконур, приземлился корабль

«Восход» с тремя космонавтами на борту. На данной акции, связанной со смертельным риском для ее участников, настоял из пропагандистских соображений Хрущев.

Отправив его в отставку, советские партийные боссы в очередной раз провозглашают лозунг о необходимости «коллективного руководства» и недопустимости какого-либо нового «культа личности», а также совмещения высших партийных и правительственных постов.

Первым, а с 1966 года Генеральным секретарем ЦК КПСС избирается Ильич Второй – Леонид Брежнев.

Последний отнюдь не был полным ничтожеством, каким имеют обыкновение изображать его некоторые бывшие сотрудники, сначала раболепствовавшие перед ним, а затем облившие грязью. Брежнев хорошо осознавал заслуги Сталина в истории России (СССР) и стремился превзойти их. Отсюда его страсть к наградам и чинам, превратившаяся впоследствии в болезнь. Манию, которой, впрочем, потворствовали приближенные к нему лица из корыстных соображений. А затем сами же первыми дружно осудили.

В период правления Брежнева имя Сталина отчасти реабилитируется. С середины шестидесятых годов начинают появляться мемуары сталинских маршалов и наркомов, а также других деятелей, находившихся при Хрущеве в глубокой опале. Последнему удалось привлечь к сотрудничеству лишь считанное число военачальников. Абсолютное большинство маршалов и генералов, а также виднейших хозяйственников категорически не одобрило попытки Микиты полностью зачеркнуть имя Сталина из анналов государства.

Спустя два десятилетия после того как отгремели последние залпы Второй мировой войны, за рубежом вышло уже множество разного рода изданий. Одна за другой печатались книги бывших военачальников вермахта. Длинной вереницей следовали мемуары представителей союзников по минувшей войне. При этом многие из книг переводились на русский язык. Поток зарубежных мемуаристов отличался более хорошей организованностью и мощностью, чем тонкая цепочка книг советских авторов.

Создалось существенно деформированное представление о минувшей войне и лично Сталине. Немецкие военачальники главными виновниками своих поражений считали фюрера и русскую природу.

Англо-американцы в условиях, когда в СССР практически молчали, все лавры победителей не преминули присвоить самим себе.

«Мемуары, изданные в 1956-1964 годах, заметно отличались от

мемуаров второй половины 60 - начала 80-х годов», - отметил как-то о воспоминаниях советских военачальников некий академик Самсонов А.М. Разумеется, отличались, поскольку Хрущев всячески пытался вытравить имя Сталина из истории России. При этом докатился до полного абсурда, из многих книг тех лет, полностью обезличенных, совершенно не ясно, кто находился во главе страны в годы войны.

В связи с идеологическим противостоянием Западу, естественно, был более выгоден исключительно негативный образ Сталина, нежели правдивый. Поскольку считалось доказанным, что он суть лишь диктатор и тиран, отношение к нему стало тем индикатором, по которому судили о степени демократизации общественных отношений в СССР и подопечных ему странах.

Смерть Сталина вызвала изрядное «землетрясение» в политических кругах Запада. Англичанина Идена, находившегося в трансатлантическом круизе, весть застала на борту лайнера при подходе к Нью-Йорку. Не дав никаких комментариев поджидавшей его на берегу толпе журналистов, глава Форин офиса немедленно вылетел в Вашингтон, где принял участие в поспешно созванном в тот же день совещании в Белом доме. На нем Иден, президент Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес «обменялись мнениями о будущем России», после чего опубликовали соответствующее коммюнике.

Симптоматична реакция одряхлевшего Черчилля, незадолго до этого вновь избранного премьер-министром Англии. Когда стало известно о недуге Сталина, он проявил живейший интерес и просил советское посольство регулярно информировать его о состоянии здоровья больного. Однако на весть о кончине, Черчилль «публично никак не реагировал», что явно свидетельствует о его комплексе неполноценности по отношению к Сталину. К тому же британец вдруг загорелся идеей встречи бывших союзников в верхах, полагая, что никто лучше его не сможет «навязать Советскому правительству выгодное для Запада решение важнейших международных проблем».

Такая встреча состоялась уже после бесславной отставки Черчилля с поста премьера. Надо полагать, он окончательно смирился с тем, что не сможет превзойти деяния Сталина. Неясно лишь, чем руководствовался Черчилль, когда признался, предельно шокировав общественность Великобритании, что в 45 году втайне замышлял повернуть против него оружие.

Очень скоро Хрущев дал блестящие козыри в руки недоброжела-

телей Сталина и Советского Союза своим сенсационным докладом.

Еще до начала Второй мировой войны на зарубежном «информационном рынке» делались попытки запустить в оборот слух о связях якобы Сталина с царской охранкой, тем самым опорочив его. Но он был встречен скептически даже самыми непримиримыми политическими соперниками Вождя.

С началом «холодной войны» на Западе снова начинает подниматься мутная волна публикаций, направленных против Сталина, усилившаяся после смерти Генералиссимуса...

18 апреля 1956 года в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция проживавшей в эмиграции дочери Льва Толстого, Александры. Она дала новый толчок версии «связей» Сталина с охранкой. В тот же день на страницах журнала «Лайф» появились материалы, также порочащие усопшего.

А чуть позже, летом, некто Исаак Дон Левин опубликовал книжку «Великий секрет Сталина», в которой доказывал, что «большая чистка» 30-х годов в России имела целью ликвидировать всех, кто мог знать о прошлых связях Джугашвили с царской секретной полицией». В зарубежной прессе развернулась бурная дискуссия, в которой приняли участие и настоящие ученые, а также подключился госдепартамент США. В результате никаких веских доказательств в пользу версии о связях Генералиссимуса с царской охранкой приведено не было. Однако главная цель была достигнута: на имя Сталина была наброшена изрядная тень.

В условиях, когда на Родине его практически предали анафеме, постепенно изменили свои позиции даже наиболее непредвзятые ученые. В первых томах «Истории Советской России» одного из наиболее известных английских советологов Карра, вышедших до смерти Сталина, он упоминается с вполне ощутимым пиететом. Но в более поздней и краткой работе некоего резюме его фундаментального труда, Сталин вдруг становится исключительно «жестоким и мстительным», презирающим народ монстром. Жестокостью Сталин якобы превзошел всех русских царей, а своими поступками вызвал «отвращение у историков, которые впоследствии изучали его биографию». Тем не менее, успехи «во внедрении в примитивную Россию материальных достижений современной цивилизации» вынудили как будто историков, «хотя и неохотно, признать его право на величие», сделал одолжение Карр. Любопытно, что в лекциях, прочитанных в Кембриджском университете в 1961 году, Карр фактически сделал

саморазоблачающее признание: «Не только события постоянно меняются. Сам историк постоянно меняется. Когда вы берете историческое сочинение, недостаточно посмотреть имя автора на титульном листе: посмотрите также на дату публикации или написания работы – иногда это имеет большое значение».

Здесь уместно будет также проследить, какими путями шли к восприятию Генералиссимуса отдельные индивиды, благо они сами достаточно подробно поведали об этом. На примерах двух иноземцев и одного соотечественника Сталина хорошо прослеживается генезис (происхождение и развитие) их негативного к нему отношения.

Американец Такер пишет, что «много лет провел в Москве», «возглавляя небольшое переводческое бюро» из членов посольств трех англоязычных стран. Именно в те «далекие годы» у него зародилась мысль «написать книгу о Сталине». Сразу после войны Такер женился на москвичке, студентке Евгении Пестрецовой.

В следующем, 1947 году, в СССР вышел закон, запрещавший браки советских граждан с иностранцами. Данным указом власти пытались воспрепятствовать миграции населения, грозившей еще более усугубить демографическую ситуацию в стране. О чем заокеанский гость, всецело поглощенный своей молодой супругой, очевидно, не имел никакого понятия.

Вторая жена Пастернака, Зинаида, упоминала о том периоде, как о времени некоего повального падения нравов. Когда мужчины почти поголовно бросали своих законных подруг и обзаводились более молодыми женами. Юные девушки же практически вешались на шею первому встречному мужчине.

Лишь после смерти Сталина Евгения Пестрецова, наконец, получила выездную визу, и чета Такеров уехала в США.

Работая в СССР редактором переводческого бюро и малообоснованно считая Сталина единственным виновником его «мытарств», Такер много размышлял о внешних проявлениях почитания Генералиссимуса в стране. По молодости и недомыслию он «долго не мог понять его причин». Книга психолога Карена Хорни «Невроз и человеческое развитие» явилась для Такера откровением. Он вообразил, что ключом к разгадке фантастического авторитета и славы Сталина является синдром параноидального раздвоения личности. Гипотеза Такера, естественно, не нашла поддержки, за исключением его жены, так как в то время «на Западе не было принято придавать серьезное значение феномену культа личности Сталина».

То есть Генералиссимус не считался деспотом и диктатором, а признавался в мире человеком, остановившим тиранию Гитлера. «Но, к счастью, - говорит Такер, - с появлением на Западе в 1956 г. текста доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда, я, наконец, получил большое количество авторитетных свидетельств», подтверждавших как будто его выкладки. Исходя из ложной и глубоко неверной концепции, американец приступил к биографическому труду о Сталине. Работе весьма обстоятельной и крепко сколоченной, но базирующейся на ложном посыле и, преимущественно, на малодостоверных материалах. Профессор фактически находится в плену собственных заблуждений. В поле зрения Такера автоматически попадали лишь сведения, работавшие на его версию. Все прочие он попросту не принимал во внимание. Таким образом, без явного умысла, ввиду стечения жизненных обстоятельств, совершенно недостаточного знания и понимания российских реалий и дезориентированный свой супругой, иностранец Такер пошел по ложному пути.

Но «клинический» случай американца довольно прост. В отличие от Такера, во многом «писавшего вилами на воде», «черногорец из Сербии» Джилас несколько раз встречался со Сталиным. «Черногорский» темперамент», как по сути признавался Джилас в предисловии к однотомнику произведений на русском языке, во многом повлиял на полярность его оценок Генералиссимуса. Он приехал в составе югославской военной миссии в Москву в возрасте 33 лет весной сорок четвертого года с чрезмерно идеализированными «представлениями о советской власти и Советском Союзе, с одной стороны, и с собственными насущными нуждами – с другой».

«Обожествление личности Сталина, - признавался Джилас, - и безусловное принятие всего, происходившего в Советском Союзе, приобретало иррациональные формы и масштабы». Одновременно, на уровне подсознания, южный славянин фактически созрел для развенчания своих кумиров, поскольку югославские «специфические условия борьбы и существования революционного движения уже неоднократно вызывали недоразумения с Москвой».

В Белокаменной, всецело поглощенной бескомпромиссной и смертельной борьбой с вермахтом, исключительно нервно реагировали на любое упоминание о сепаратных переговорах с немцами. Между тем, в марте 1943 года Верховный штаб Тито во избежание полного разгрома крайне нуждался в любой передышке своих подразделений. Тогда Кремлю было лаконично сообщено, что перего-

воры с местным немецким командованием ведутся по поводу взаимного обмена пленными, но, тем самым, была скрыта истинная их причина. В тот момент Джиласу, отправленному на переговоры с немцами, впервые пришла в голову мысль, «что не может быть речи о полном согласии с Москвой», если югославы хотят «выжить в смертельной схватке враждующих миров».

Тем более что руководство Советского Союза не желало сильно раздражать западных союзников, особенно Великобританию следующим обстоятельством. А именно, тем якобы, «что СССР через свои коммунистические филиалы извлекает выгоду из бедствий военного времени в оккупированных странах, расширяя революцию и свое влияние».

В первый приезд Джиласа Генералиссимус удостоил его аудиенции дважды. Причем во второй раз произошла «более значительная и интересная встреча» на ужине у Сталина в загородной резиденции. Щепетильный до ханжества Джилас испытал чувство разочарования оттого, что Сталин оказался вполне земным человеком. Даже некоторыми повадками произведший на молодого ригориста отталкивающее впечатление.

Степень предубежденности Джиласа против лично Сталина возросла вследствие недисциплинированного поведения отдельных красноармейцев в Югославии. Но Сталин простил необдуманные и политически незрелые выпады черногорца против Красной Армии, о чем явственно дал понять ему персонально в апреле 1945 года вновь в достаточно доверительной обстановке на ужине на Ближней даче, куда Джилас был приглашен вместе с Тито.

В тот приезд (весьма характерно), уже в Киеве, Джилас «не заметил у Хрущева никакого возмущения Сталиным или Молотовым. О Сталине он говорил с почтением и подчеркивал свою близость с ним».

Накануне полного разрыва отношений между двумя странами в 1948 году Джилас в составе югославской делегации вновь встречался со Сталиным. Но на этот раз Генералиссимус не пригласил их на ужин в свою резиденцию.

«Должен признаться, - писал Джилас, - что я почувствовал из-за этого печаль и горечь, настолько во мне была еще сильна человеческая, сентиментальная привязанность к этому человеку». Однако она не помешала ему очень скоро облить Сталина ушатами помоев. Вскоре после его смерти Джилас стал также конфликтовать со своими коллегами по партии и правительству из-за «превращения компартии в правящий класс страны» и якобы морального ее разложения.

Доклад Хрущева на двадцатом съезде партии окончательно утвердил черногорца в том, что Сталин единственно лишь «мрачная, коварная и жестокая личность». Хотя по его признанию, для Джиласа так и осталось загадкой, как такой якобы монстр мог **«руководить одной из величайших и мощных держав – не год, не два, а тридцать лет»** (*выделено мной – М.А.*).

Данным примечанием черногорец ответил на свой вопрос – Генералиссимус не был той сумрачной и злой персоной, которую нарисовало ему его излишне пылкое воображение.

Гораздо сложнее и порою не без мучений шло формирование негативного восприятия Сталина у многих его соотечественников, вполне дееспособных и достаточно добропорядочных, наподобие писателя Симонова. Последний, возможно, размышлял о нем до последних дней своей жизни. Но многое в личности Вождя так и осталось для писателя загадкой вследствие неполноты информации и искаженности восприятия.

Первые три года после смерти Генералиссимуса отношение к нему Симонова невозможно «точно сформулировать: оно было очень неустойчивым». Писателя как будто «метало между разными чувствами и разными точками зрения по разным поводам». Следовательно, Симонов психологически был готов для последующего преимущественно отрицательного восприятия Сталина.

Первым, основным побуждением литератора было то, что страна лишилась великого человека. Чувство грандиозной потери долго не покидало Симонова, «а в первые месяцы оно было особенно сильным». Руководствуясь им, писатель вкупе с еще одним бумагомарателем, «любившим демонстрировать всю жизнь решимость своего характера, но в данном случае при возникновении опасности, немедленно скрывшимся в кустах», сочинил передовую статью, опубликованную в «Литературной газете» 19 марта 1953 года. Она именовалась «Священный долг писателя», в соответствии с чем, первейшая обязанность советского литератора заключалась в том, «чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина». Учитывая свежесть потери, ничего особенного в тексте передовой не было, однако она сильно разъярила Хрущева.

По словам коллеги Симонова А.А Суркова, «Хрущев был крайне разгорячен и зол» на авторов передовицы. Следовательно, уж тако-

вы гримасы судьбы, Хрущев, проводивший совсем недавно траурный церемониал похорон Вождя и Генералиссимуса, уже тогда невольно выдал себя. Выказал ненароком свои потаенные мысли и невзлюбил крепко Симонова надолго, на годы, вплоть до появления в печати романа «Живые и мертвые», считая его одним из наиболее заядлых сталинистов в литературе.

Симонов уверяет, что «не был заядлым сталинистом ни в пятьдесят четвертом, ни при жизни Сталина». «Приходить же к критическому отношению к деятельности Сталина» он стал якобы тогда, когда «решился, наконец, писать роман о войне и начинать его первыми днями войны». Симонов признается, что психологически оказался вполне подготовленным к тому, чтобы выдержать сильнейший «нравственный удар», нанесенный Хрущевым на XX съезде партии, в том числе, очевидно, и из соображений конъюнктурных.

Последовавшее вскоре самоубийство Фадеева укрепило, несомненно, уверенность писателя в виновности Генералиссимуса.

Но Симонов в определенной степени лукавил, когда уверял, что окончательное отношение к Сталину складывалось постепенно, почти четверть века. Для него инсинуации Хрущева явились решающим аргументом для оценки.

Не удивительно, что пинок, которым наградили последнего его коллеги в октябре 64 года, не поколебал симоновской позиции. Предельно ядовитые хрущевские миазмы продолжали оказывать на писателя свое тлетворное воздействие. Правда, с другой стороны, на него воздействовали сталинские маршалы, с которыми Симонов временами общался. Высказывания и суждения отдельных из них далеки от безупречности. В некоторых моментах излияний ближайших сталинских сотрудников времен войны помимо их воли проскальзывают откровения, характеризующие их с далеко не лучшей стороны.

Жуков, к примеру, вдруг выдает следующий примечательный пассаж, выдающий его с головой. «Я старательно пытался досконально изучить Сталина. Но было очень трудно понять его. Он очень мало говорил и коротко формулировал свои мысли».

Отсюда следует, что несмотря на все его потуги Жукову очень часто не удавалось проследить за ходом мыслей Сталина. Последний же старался говорить короче, поскольку считал интеллект полководца много выше, чем он таковым являлся фактически.

Ничтоже сумняшеся, причем не без определенной гордости, Василевский рассказал о печальной участи своего отца-священно-

служителя, брошенном им, вкупе со своими братьями, на произвол судьбы. «Сталина и членов Политбюро» чрезвычайно удивил факт их, по сути, отречения от родителя мужского пола. Вождь настоятельно обязал Василевского позаботиться об отце и даже спустя изрядный промежуток времени вновь вернулся к этому вопросу.

20-летие Победы над Германией и четверть века, прошедшие со дня Сталинградского сражения, явились теми фишками, с которых советская (российская) военная мемуаристика начала отсчет заново. Выходят книги Конева, Кузнецова, Яковлева и других авторов. Имя Сталина в них уже не замалчивается столь явно, но мемуаристы впадают в другую «крайность». В первую очередь стараются выпятить свои личные заслуги и (о ужас!), что совершенно недопустимо для официальной историографии, забывают о роли партии.

Так поступил, к примеру, а партийная цензура прозевала, маршал Конев, выпустивший в 1966 году небольшую книжку «Сорок пятый». В которой доблестный военачальник мимоходом преувеличил свои заслуги в проведении Берлинской операции.

Кузнецов, воспользовавшись преимуществом литературного первенства, создал иллюзию своей исключительной бдительности в предвоенные дни и часы. Из его мемуаров исходило, что никто, помимо наркома ВМФ, не озаботился тогда повышением обороноспособности страны.

Молчали, покамест, лишь первые заместители Сталина в военную пору, Василевский и Жуков. Наконец, последний выпускает весной 69 года объемистый однотомник с претенциозным названием «Воспоминания и размышления». Однако обладатель двух орденов «Победа» разочаровал многочисленных читателей, жаждавших правдивого и пространного описания деятельности Сталина.

Очень скоро Василевский повторил ошибку своего чуть более именитого коллеги. Очевидно, замысловатые перипетии мирной жизни принудили боевых заместителей Сталина стать гораздо осторожнее. За что им пришлось дополнительно поработать. Во вторых изданиях своих мемуаров они более обстоятельно осветили деятельность Ставки и своего Верховного Главнокомандующего.

Второе пришествие антисталинских инвектив

В период брежневского правления, небезосновательно прозванного «застойным», хотя можно применить и другой термин, напри-

мер – «стабильность», официально полноценной реабилитации Сталина не произошло.

Любопытно, что вопросом о стабилизации и застое задавался генсек-кавказец при подведении итогов работы XIV конференции РКП(б).

«Но, что такое стабилизация? – Риторически вопрошал Сталин – Не есть ли это застой, и, если стабилизация является застоем, можно ли ее применить к советскому строю. Нет. Стабилизация не есть застой. Стабилизация есть закрепление данного положения и дальнейшее развитие».

К сожалению, второго не произошло во времена Брежнева. Не представлялось возможным также в его эпоху выступить с более взвешенной оценкой вклада Сталина в историю СССР (России). Хотя из воспоминаний военачальников и других деятелей, близко соприкасавшихся со своим Верховным Главнокомандующим в годы войны, вырисовывался гораздо более привлекательный образ, нежели «заданный» Хрущевым.

Но никто в мире особенно не пытался полностью реабилитировать Генералиссимуса. Его взбалмошная дочь Светлана публично заявляла за рубежом, что отец непременно велел бы расстрелять ее за столь легковесное поведение. Тем самым, она способствовала укреплению представления о Сталине, единственно как о кровожадном деспоте.

В СССР, дабы обелить правящую партию, ее функционеры возлагали вину на все перегибы и извращения исключительно на одного Сталина. В изданной в 1983 году книжке «У Кремлевской стены», в частности, после перечисления всех титулов и заслуг, **но у единственного без поименования правительственных наград,** говорится: «В деятельности Сталина наряду с положительной имелась и отрицательная сторона. Находясь на важнейших партийных и государственных постах, он допускал теоретические и политические ошибки, нарушения ленинских принципов коллективного руководства и норм партийной жизни, нарушения социалистической законности. **Партия решительно покончила** (*выделено мной – М.А.*) с чуждым марксизму-ленинизму культом личности Сталина, проделала большую работу по преодолению его вредных последствий по восстановлению и развитию ленинских принципов руководства и норм партийной жизни во всех областях партийной, государственной и идеологической работе».

Небезынтересно, что пятое издание об обитателях революционного некрополя у Кремлевской стены было предпринято в связи со

смертью главного партийного идеолога М.А. Суслова, одного из послевоенных сталинских выдвиженцев.

Причем Суслова Жорес Медведев невесть почему считал секретным наследником Сталина. Именно его, предчувствуя скорый и неизбежный конец, Генералиссимус якобы прочил своим правопреемником. Весьма сомнительная версия, учитывая личные качества Суслова.

Типографский набор пришлось вскоре перебрать по причине кончины еще одного преимущественно аппаратного титана – самого Брежнева Леонида Ильича. Маршала Советского Союза, орденоносца «Победа», четырежды Героя Советского Союза, трижды героя НРБ, ГДР, ЧССР и прочая и прочая. Судя по всему, завершись афганская кампания быстро и без особых потерь, Ильич Второй удостоился бы титула генералиссимуса.

Личные взгляды генсека партии, несомненно, влияли на официальную оценку личности Сталина. Брежнев не препятствовал трактовке образа Генералиссимуса, запечатленных, к примеру, в кинофильмах «Освобождение» и «Победа». В последней ленте, кстати, он не отказывается от удовольствия лицезреть и себя. Тщеславный и суетный Ильич Второй, втайне восхищаясь деяниями Сталина, мечтает о том, чтобы превзойти последнего. Вновь и вновь награждает он самое себя высшими воинскими званиями и знаками отличия.

Доходит до полного абсурда. В мае 1981 года на склонах Днепра в Киеве торжественно открывается громадный мемориальный комплекс, посвященный минувшей войне. На большом митинге по случаю открытия столь помпезнейшего комплекса выступил специально прибывший по этому поводу в столицу Украины Брежнев. Среди множества сооружений и залов мемориала, надо полагать, особое внимание генсека привлекли мраморные полотнища, на которых по инициативе соорудителей памятника золотыми скрижалями были запечатлены имена многих тысяч героев тех суровых дней и ночей.

Имя Верховного Главнокомандующего и Генералиссимуса Иосифа Сталина (лишь единожды отмеченного звездой Героя Советского Союза) стоит там на 98-м месте, а совершенно неизвестного в годы войны Брежнева – на первом.

К тому периоду времени он уже совершенно недееспособен, однако партийно-советскую номенклатуру и отчасти некоторую часть населения маразматический лидер устраивал. В течение предельно короткого промежутка времени, после смерти Брежнева, потребовалось похоронить еще двух старцев, прежде чем высшая партномен-

клатура осознала совершенную нетерпимость подобного положения. Возможности ее выбора были довольно ограничены, поэтому на российский престол заступил пышущий здоровьем М.С. Горбачев.

Ко времени его прихода к власти в СССР в 1985 году особенно плохо обстояло дело в экономике. В частности «темпы экономического роста сокращались, технология производства все больше устаревала по сравнению с другими индустриальными странами, качество промышленных товаров оставалось, по западным стандартам, низким».

Иными словами, многие предприятия работали лишь на склад и получали не заработанные деньги. В стране явственно ощущался повальный дефицит качественных и высокотехнологичных товаров. Часть населения не могла нужным ему образом потратить даже вполсилы заработанные ими денежные знаки. Другая часть надрывала свое здоровье непосильным трудом и не получала соразмерной оплаты. Государство, в качестве единственного работодателя, было на грани банкротства. Ситуация была серьезная, но далеко не безнадежная.

Горбачев немедленно задался двумя тривиальнейшими, со времен царя Гороха, и особо мучительными, вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответ на первый вопрос он знал еще давно, чуть ли не сто тридцать лет тому назад, еще, когда факт появления его на свет не был столь очевиден. Виноват во всех безобразиях был Пушкин, пардон, то бишь Сталин.

Предельно ироничная народная присказка гласит, что в затруднительных случаях необходимо сопоставить детородный орган с выпуклостью на челе. А затем действовать, исходя из полученных выкладок. Если серьезно, данной рекомендацией руководствоваться не следует ни в коем разе. Но, судя по всему, Горбачев действовал именно подобным образом.

Поднатужившись, генсек, получивший на Западе ласковое прозвище «Горби», ответил и на второй вопрос. Нужно делать «перестройку», посредством «гласности» и «нового мышления». Иными словами, продолжать Октябрьскую революцию. Один из его опусов так и назывался: «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Между тем, Горбачеву следовало перевернуть данные положения, то есть задать себе следующие вопросы: «Кто прав?» из советников, и «Что не нужно делать?», дабы не попасть в глупое и опасное положение. И лишь после выбора оптимальных вариантов демонстрировать решимость действовать.

Но ошалевший от свалившейся в одночасье власти Горби опери-

рует еще более «успешно», чем некогда Хрущев. Последний лишь открыл чрезмерно резко люки и иллюминаторы огромного судна, под названием СССР. Горбачев же не замедлил затронуть и кингстоны. Вследствие чего, во избежание катастрофы, отдельные представители громадного агрегата предпочли отчалить в национальные акватории. Генсека Горби не смутило, что даже Хрущев в свое время опасался осечки с утверждением ставленников Кремля в Казахстане.

Бесцеремонно заменив в декабре 1986 года многолетнего казахского лидера Динмухамеда Кунаева русским Геннадием Колбиным, Горбачев посеял в стране взрывоопасные семена межэтнической розни. Через несколько месяцев ситуация повторилась в Азербайджане...

Горби, естественно, не желал распада Советского Союза, в том числе по причинам личного характера. Только человек совершенно лишенный разума добровольно отказался бы от поста главы ядерной супердержавы.

Он типичнейший пример управленца-неудачника, не сумевшего справиться с нелегкими функциями первой персоны государства. Дилетантски придавший чрезмерно резкий характер неизбежным реформациям и заработавший, тем самым, сомнительную славу первого и последнего президента СССР.

Не ясно окончательно, какими соображениями «Михал Сергеич» руководствовался, затевая вторую антисталинскую кампанию, принявшую оголтело-разнузданный и конъюнктурный характер.

Горбачев лично весьма способствовал тому, что имя Сталина подверглось еще более возмутительному поношению, нежели в хрущевские времена. Атаки оказались удачными, поскольку люди жаждали объяснения причин кризисных явлений повседневной жизни. А в условиях дальнейшего «обуржуазивания» общественных отношений, естественной смены поколений, антисталинским жупелом успешно размахивали силы, желавшие, в том числе, уничтожения Советского Союза.

Судя по всему, клеймя Сталина, Горби желал заработать дополнительные баллы перед Западом в качестве деятеля исключительно демократической ориентации. В поисках «социализма с человеческим лицом», он забыл о главном – необходимости приобретения авторитета прежде всего у себя в стране.

Но у «Михал Сергеича» собственная гордость. Его нисколько не интересовал пример великого соседа Китая, в том числе, и в отношении своих бывших лидеров. Последний император «Поднебесной

империи» Пу И в своих мемуарах весьма живописно описал свои страхи перед возвращением на родину после пятилетнего интернирования в СССР. Пу И полагал, что его немедленно казнят, как только он окажется на территории Китая в 1950 году. Однако Мао Цзэдун решил иначе, ибо даже являвшийся никчемным правителем Пу И тем не менее, оставался в некотором роде живым символом Китая. Последний китайский император умер своей смертью в октябре 1967 года в возрасте 60 лет, о чем лаконично сообщило агентство «Синьхуа». У Пу И было мало оснований обижаться на председателя Мао в отличие от немалого числа других его собратьев. Однако преемники «Великого кормчего» не позволяют усомниться в его значимости в целом для государства. Впрочем, таким образом, отчасти, они прозорливо планируют и свое дальнейшее, уже посмертное, будущее.

Резюме раздела. Являвшиеся едва ли не самыми главными творцами культа Генералиссимуса лица из его ближайшего окружения одновременно тяготились оным. За небольшим исключением они не замедлили предать Сталина.

Берия погиб, не в последнюю очередь, вследствие данного обстоятельства. А уничтоживший кавказца Хрущев возвысился благодаря исключительно хитрости и изворотливости, неуемной энергии и плебейской смекалки.

Руководствуясь первоочередно чувством ненависти и зависти, он инициирует в Советском Союзе шумную кампанию по дискредитации личности Сталина. Которая особенно широкое распространение получает на Западе ввиду дальнейшей идеологической конфронтации. За рубежом из политических соображений имидж Генералиссимуса выгоднее представлять исключительно негативным. Схожими побуждениями руководствовались и правители СССР – преемники Хрущева, не осуществившие официальной реабилитации имени Сталина...

Эпилог. Долг России

С присущей лишь ему одному поразительной прозорливостью Сталин спрогнозировал неизбежность крутых поворотов оценки своей личности. Однажды Горец обмолвился следующим образом: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее».

Ныне создались все условия для очищения лика Сталина от все-

го наносного и клеветнически лживого. Аргументированного опровержения многочисленных стереотипов, сложившихся в результате многолетних голословных обвинений, подтасовок и фальсификаций.

При этом личность и деяния Сталина необходимо рассматривать исключительно сквозь призму национальных (государственных) интересов России. Генералиссимусу никогда не пришло бы в голову одним росчерком пера отписать Крым даже самому родственному народу. Слишком много было пролито русской крови за выход к Черному морю.

Лишь после смерти Сталина была упразднена союзная Карело-Финская республика и возобновлены нормальные отношения с Турцией. Данные обстоятельства ему обычно зачисляются недоброжелателями в пассив. Но, вне всякого сомнения, Горец преследовал российские интересы.

«Сомневаться в том, что Сталин был убежденным марксистом, все же не приходится», - уверяет Жорес Медведев в материале «Сталин как русский националист». Не имея, вне всякого сомнения, отчетливого представления, что сей термин означает.

«В 14 лет, задолго до того как я услыхал о Марксе, я был законченным марксистом», - без особой иронии, заявлял вполне консервативно-буржуазный Герберт Уэллс. Выражая данным суждением бунтарские настроения, присущие большинству подростков.

Очень многих исследователей вводят в заблуждение чисто внешние, формальные аспекты феномена Сталина. Поскольку он постоянно декларировал, что является суть марксистом, учеником великого Ленина, интернационалистом и прочая.

В реальности же Сталин всегда, в первую очередь, неустанно пекся о могуществе России. Одним этим он принципиально отличается от Троцкого, Каменева, Зиновьева и других большевистских вожаков, которые в отличие от Сталина никогда не были российскими патриотами. В свете данного обстоятельства становится понятным, почему Сталин считал репрессивные меры в отношении большевиков, казалось бы, коллег по одной партии, нужными и даже необходимыми.

Становится ясным, почему Коба в 1917 году первоначально был склонен сотрудничать с Временным правительством. Он не разделял устремлений экстремистски настроенных сотоварищей крушить все подряд.

По мнению отдельных ученых, последующие за тем события 1918-20 годов повлекли в России:

- огромную социальную перетряску и демографическую деформацию;

- разрыв экономических связей и колоссальную хозяйственную разруху;

- изменение психологии, менталитета широких слоев населения.

Кроме того, Россия на долгие десятилетия оказалась оторванной от мирового сообщества. Последствия от этих катаклизмов ощущаются до сего времени.

Сталин внес весомый вклад в закрепление режима, неистово проповедуемого Лениным. Но впоследствии с избытком искупил свою вину. У него сразу же выявилась разность позиций с последним относительно державного места России.

Великоросс Ленин, длительное время обитавший за границей, также никогда не был русским патриотом, что до сего дня игнорируется многими. И является, вкупе с Троцким, первопричиной всех неисчислимых бедствий, постигших Россию в минувшем веке, обескровивших нацию.

Общепризнано, что в мире все взаимосвязано. Следовательно, величайшая смута, затеянная в России в 1917 году Лениным и Троцким, отозвалась затем сильнейшим резонансом в Германии, дабы бумерангом ударить уже по СССР спустя без малого четверть века – походом Гитлера с целью искоренения еврейского большевизма.

К счастью для России, во главе ее стоял лидер, сумевший восстановить державную мощь и организовать достойный отпор поползновениям немецких национал-социалистов.

Сталин отстоял независимость России и поднял престиж страны как никто высоко. И ныне, и присно, и вовеки веков Сталинград стал немеркнущим символом российской (русской) воинской стойкости и мужества, затмившим Полтаву и Бородино.

Величайшее в мировой истории военной противоборство Германии и России наглядно показало всю эфемерность попыток добиться гегемонии отдельной нации, страны, государства над всем остальным сообществом.

После его окончания Сталин был главным зодчим планетарного переустройства. Имя Генералиссимуса золотыми скрижалями вписано в историю одного из его детищ – ООН. Оно никогда не изгладится из памяти благодарных индивидов.

Вместе с тем, представляется весьма несуразным, если не сказать больше, что в России, которая столь многим обязана Сталину, до сих пор его имя не очищено от грязи.

Официально не восстановлен ни один из его некогда многочис-

ленных памятников, не решается положительно вопрос с названием города, должным именоваться единственно лишь Сталинград.

А Мавзолей на Красной площади должен быть лишь усыпальницей Сталина.

В истории любой нации, любой страны, любого государства есть моменты, которые не делают ей чести.

Вместе с тем, кое-где данным эпизодам уделяется гипертрофированное внимание. Достойно сожаления, но в России еще не изжита подобная порочная практика. В незапамятный, чисто большевистский, период клеймили позором русских царей и поместное дворянство.

Ныне столь же неистово (отдельными рьяными представителями российской интеллигенции) ругают всю последующую эпоху и, особенно, первых лиц.

Постижению объективного, взвешенного вклада Сталина в историю России (очищению от наветов и клеветы) весьма препятствует позиция многих отечественных ученых, находящихся в плену заскорузлых представлений и стереотипов.

Как представляется, исходя из новейших документальных фильмов, как-то «Сталин: личная жизнь в революции», «Неизвестный Берия. Полвека после расстрела», российские историки не могут силой абстрактного мышления, как говорится, подняться над ситуацией.

А пока ученые, если их можно назвать таковыми, дискутируют и не желают прийти к общему знаменателю, деятели литературы и искусств продолжают вносить очередные порции очернения Сталина и не только его одного, а, по большому счету, России в целом.

Если привести в качестве примера (редкого, к сожалению) кинематографический шедевр режиссера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», то фильм захватывает не столько остросюжетной фабулой, сколько тщательным воссозданием колорита сталинской эпохи, точностью зарисовок деталей быта и убедительностью подачи жизненных коллизий всех персонажей без исключения. Краткие сцены картины Говорухина, повествующие о трагической судьбе штрафника Левченко (актер Виктор Павлов) не могут не покорить своей правдивостью.

Но вот выходит на телеэкраны «Штрафбат» Н. и В. Досталей, вкупе со сценаристом Э. Володарским и малоискушенный зритель введен в заблуждение. Поскольку отдельные реалии суровых военных лет искусно переплетаются (невесть из каких соображений) с

явно надуманными, даже лживыми, эпизодами. Подобным же образом обстоит дело с другим новым фильмом – «Дети Арбата», поставленному по произведению Анатолия Рыбакова.

Нашумевший в свое время роман явно и безнадежно устарел. Тем не менее (на безрыбье и рак рыба), воспроизводство его на экране режиссером А. Эшпаем в авторской концепции вызвало новую волну внимания. В фильме «Дети Арбата» выведен своеобразный Сталин, с чисто художественной точки зрения в чем-то даже интересный.

С позиции же исторической достоверности, трудно представить каким образом подобный субъект (постоянно закутанный в шарф и говорящий весьма сиплым голосом, неизвестно, чем занимающийся) смог организовать столь сокрушительный отпор германскому нашествию. Завоевать почет и уважение во всем мире, восхищение и зависть таких гигантов как Рузвельт и Черчилль.

Решение проблемы восстановления исторической справедливости в отношении Сталина и, тем самым, объективной оценки всего периода России, именуемого советским, распадается на две главные составляющие.

Политической воли правительства В.В. Путина, а также его преемников, и способности российской научно-культурной элиты бесстрастно (без эмоций, руководствуясь исключительно логикой) осмыслить непростые реальности века минувшего.

Основная сложность заключается в том, что Сталин полагал неизбежным (необходимым) подавление отдельных индивидов наиболее эффективными карательными мерами для благополучия государства и нации в целом. Отсюда имеются пусть и не слишком многочисленные (относительно всего электората) группировки ярых противников усопшего титана, предки которых пострадали в периоды «зачисток» и депортаций.

Затрудняет положение наметившаяся в России в политике государства, точнее правительства, стойкая тенденция приоритетности личностного подхода перед коллективистским. Реальную поддержку правительству должны и могут оказать лица творческие посредством выражения художественными методами, в первую очередь, литературными средствами. При всем уважении к умельцам других сфер, искусникам слова следует безоговорочно отдать прерогативу.

«Зри в корень», - говаривал, как известно, Козьма Прутков.

Сам Сталин некогда, при обсуждении художественных досто-

инств киноленты с громким названием «Закон жизни», преимущественно неодобрительно отозвался лишь о сценаристе (писателе Авдеенко А.О.). Совершенно справедливо усмотрев, что исключительно вследствие неграмотного подхода писателя фильм получился политически незрелым.

Когда присутствовавшие попытались сместить акцент критики на двух сидевших там же режиссеров (А. Столпер и Б. Иванов), Сталин не поддержал их, аргументировав тем, что операторы и режиссеры только воплощают на экране главную идею, заложенную в рукописном тексте...

Существует поговорка, что-то вроде: если выстрелить в прошлое из пистолета, то будущее отзовется громом артиллерийских орудий. Долг России и русских: восстановить попранное имя Сталина и воздать должное его деяниям. Перенять лучшие черты Генералиссимуса и счесть неприемлемыми отдельные методы, как несоразмерно жесткие. Прямолинейные до примитивизма, хотя разве не примитивны до кретинизма высказывания современных американских высокопоставленных лиц, стремящихся истребить каких-то мифических плохих парней в Ираке.

Иными словами, настало время извлечь из исторических уроков, связанных с именем Сталина, максимально полезное для страны. Одновременно официально увековечив память о нем.

Фарватер России (вместо заключения)

Сто лет тому назад, дабы умиротворить вздыбленную Россию, император Николай II вынужденно учредил Государственную Думу – институт народного представительства во власти.

К несчастью, за десяток лет (1906-1917 годы) в России не сумела образоваться, в противовес агонизировавшему самодержавному режиму, политическая прослойка, способная безболезненно для страны перенять власть не только номинально, но и реально. В этом обстоятельстве заключается истинная беда россиян.

Сталин, равно как и его преемники, не сумел сформировать должным образом элитную группу управленцев.

Более чем полувека спустя, перед нынешним главой России – президентом Владимиром Владимировичем Путиным стоит, в первую очередь, данная поистине стратегическая задача.

Как представляется, никакие Ленин и Троцкий (несмотря на всю

их феноменальную наглость) не сумели бы захватить власть в роковом для России 1917 году, если бы был выдвинут более достойный лидер, нежели князь Г.Е. Львов, кадет П.Н. Милюков, адвокат Керенский и прочие. Но подобного рода вожак определяется преимущественно стаей, то бишь политической партией, пользующейся устойчивой поддержкой наиболее зрелых в гражданском отношении слоев населения.

Почти сто лет тому назад Витте возмущенно писал: «Но для иностранного и русского кредитора важно, чтобы установился такой образ правления, при котором были бы, если не невозможны, то маловероятны подобные авантюры, как ужасающая японская война, по личным капризам, потакающим авантюристам, и был бы невозможен такой порядок вещей, при котором величайшая нация находится в вечных экспериментах эгоистичной дворцовой камарильи». Тирада Витте не утратила актуальности по сей день.

Опасность прихода к власти в России каких-либо деструктивных сил, выдвигающих демагогически-дерзкие и красноречиво-популистские лозунги вполне реальна. Страна только начинает, благодаря осмысленному правлению президента Путина, оправляться от потрясений, обусловленных действиями его предшественников.

К чести Бориса Ельцина, осознавшего невозможность своего дальнейшего пребывания во власти, был создан прецедент, исключительно безболезненный для государства и рядовых россиян, передачи высших должностных полномочий.

В течение первого срока президентства Путин подтвердил свое реноме мужа с государственным складом мышления и заслуженно завоевал доверие у подавляющего большинства электората.

Впервые после премьерства Сталина (в его лучшие годы) в России появился лидер полностью дееспособный и обладающий изрядной политической решимостью и хладнокровием. Что означает для нее не «кризис либерализма», а завершение периода политического безволия и слабоумия на властном Олимпе. Вместе с тем, лично для самого Владимира Путина следующий этап правления явится более серьезным экзаменом – испытанием незыблемости авторитета.

Поскольку после стабилизации, для дальнейшего движения вперед необходимо прибегнуть к непопулярным мерам вроде монетизации льгот, кардинального реформирования жилищно-коммунальных отношений и другим.

Как представляется также, президент Путин в отношениях меж-

государственных придерживается весьма взвешенной позиции, предпочитая концентрироваться на проблемах внутренних. Территория страны весьма велика, дабы чрезмерно завязнуть при разрешении некоторых неоднозначных вопросов. К примеру, нынешний Калининград в свое время отошел к России исключительно благодаря непреклонной решимости Сталина.

«Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт Кенигсберг, как незамерзающий порт, отошла Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем». Писал Сталин Черчиллю 4 февраля 1944 года. С той поры минуло свыше шестидесяти лет и ситуация в Европе и мире изменилась кардинально.

Сталин, завладев Кенигсбергом, как незамерзающим портом, замышлял, тем самым, увеличение безопасности подступов к сухопутным границам. Калининградский плацдарм давно превратился в утративший военно-стратегическую весомость анклав и сохраняет для России лишь экономическую значимость. Само название города стало анахронизмом. Уже давно исчезли с карты обозначения Молотов, Жданов, Свердловск, Ворошиловград, не говоря уже о Сталинграде и Ленинграде.

Отношения России с Германией, как на уровне государств, так и личностных: президента Путина и канцлера Шредера отличаются дружелюбием. Их не портят даже ура-патриотические всплески, наиболее ярко проявляющиеся каждой весной, благодаря неумеренным, порою, излияниям СМИ.

Сегодня мало кто задумывается о том, что главный творец Победы – генералиссимус Сталин, вполне осознавая ее значимость, не придавал, тем не менее, данному фактору преувеличенное внимание.

Известна неодобрительная оценка, данная Сталиным отдельным книгам, выпущенным сразу после войны. Он заявил тогда, «что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано». Ибо в данных произведениях не будет должной объективности.

Сталин также не склонен был кичиться одержанной победой. Для него день 9 мая был прежде всего памятной датой, а не праздничной. Не случайно, красным днем календаря в СССР этот день стал лишь в правление Брежнева... Нынче времена совершенно иные, причем столь бесславный распад СССР Сталин отчасти предвидел.

Весьма знаменательно, что на церемонии, посвященной 60-ле-

тию высадки в Нормандии, присутствовал глава германского правительства наряду с лидерами стран антигитлеровской коалиции.

В информационном сообщении о Берлинской (Потсдамской) конференции трех держав 2 августа 1945 года в разделе «О Германии», в частности, говорилось: «германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался». Причем завершающую часть фразы (выделенную) окончательно отредактировал Сталин на последнем заседании глав правительств. Он однозначно осознавал, что Гитлеры и Геббельсы, равно как ранее Карл XII и Наполеон, приходят и уходят.

Народам же не следует их забывать, одновременно, прилагая определенные усилия дабы простить друг друга...

Высочайшее предназначение главы любого государства всегда быть чуточку выше (не путать с высокомерием) людской обыденности. Не искать популистскими жестами благосклонности отдельных каст, слоев, категорий, а твердо отстаивать интересы всей страны, всего населения в целом. Избегать обывательского подхода в решении задач общегосударственного масштаба.

Фарватер, избранный президентом Путиным, нынче вполне определился. Он удачно маневрирует между Сциллой авторитаризма и Харибдой вседозволенности, ошибочно принимаемой некоторыми за демократию.

Выявилась и главная задача, по меньшей мере полувековой давности – окончательное формирование политической элиты государства, уже на демократической основе. Слишком много в России разного рода политических течений, групп, персоналиев, громогласно декларирующих те или иные ценности, фактически же преследующих своекорыстные интересы.

В данном аспекте высказывание президента Путина о предпочтениях правопреемства необходимо лишь приветствовать...

г. Семипалатинск, апрель 2005г.

Выборочная библиография

1. Документы и материалы

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.т. 4-8, М. Политиздат, 1984-1985 гг.

Собрание законодательства Казакской автономной Советской Социалистической Республики (1920-1936 годы). Алма-Ата, 1969 г.

Материалы XXII съезда КПСС.М, Госполитиздат, 1961.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав –СССР, США и Великобритании. М. Политиздат. 1984 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М.Политиздат, 1984 г.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2 томах, М. Политиздат, 1984 г.

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Том II. Архив Дирксена (1938-1939 гг.). Госполитиздат, 1948 г.

2. Основная литература

Сталин И.В. Сочинения, т.т. 1-13. ОГИЗ. М, 1946 – 1951 гг.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ, Москва – 1947.

Сталин И. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. ГПИ – 1950.

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. Политиздат, 1953.

Ленин В.И. Биографическая хроника. Т.т. 7-8, Политиздат. Москва – 1977.

Ленин В.И. ПСС т.т. 38, 43-45, 50-54. Политиздат. Москва, 1958-1975.

Карр Эдвард. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923. Тома 1-2. М, Прогресс –1990.

Карр Э.Х. Русская революция: От Ленина до Сталина (1917-1929). М. «Интер-Версо» - 1990.

Такер Роберт. Сталин: Путь к власти 1879-1929. М. Прогресс –1991.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПБ, Издательский дом Нева. М, Издательство Олма-Пресс. 2003.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849-1911г.г. М. Мысль – 1991.

Гапон Георгий. История моей жизни. М. Книга –1990.

Николаевский Борис. История одного предателя.М. Высшая школа – 1991.

Палеолог Морис. Царская Россия во время мировой войны. М. Международные отношения – 1991.

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. Минувшее. М. ДЭМ – 1991.

Наленч Дарья и Томаш. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М. Политиздат – 1990.

Коэн Стивен. Бухарин – политическая биография 1888-1938. М. Прогресс – 1988.

Рабинович Александр. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. Прогресс – 1989.

Мальков П. Записки коменданта Кремля. Молодая гвардия – 1967.

Дзержинский Ф.Э. Избранные промзведения в двух томах. М. Политиздат – 1977.

Бунин Иван. Окаянные дни. М. Молодая гвардия – 1990.

Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918/28 августа 1923 г. М. Политиздат – 1991.

Гуль Роман. Красные маршалы. М. Молодая гвардия – 1990.

Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель.М. Политиздат – 1989.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М. Международные отношения – 1991.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. том первый 1917 – 1918 г.г. М. Политиздат – 1990.

Милюков П.Н. Воспоминания. М. Политиздат – 1991.

Кони А.Ф. Собрание сочинений том 2. Воспоминания о деле Веры Засулич. М. Юридическая литература – 1966.

О Феликсе Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. М. Политиздат – 1987.

Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 г.г. ОГИЗ – 1945.

Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М. Прогресс – 1968.

Ковригина М. Д. В неоплатном долгу. М. Политиздат – 1985.

Викторов Б. А. Без грифа “секретно”: Записки военного прокурора. М. Юридическая литература – 1990.

Реабилитация: Политические процессы 30-50х годов. М. Политиздат – 1991.

Фейхтвангер Лион. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Художественная литература. М – 1937.

Пирсон Хескет. Бернард Шоу. М. Искусство 1972.

Гессе Герман. Письма по кругу. М. Прогресс – 1987.

Мальро Андре. Зеркало лимба. М. Прогресс – 1989.

Моруа Андре. Надежды и воспоминания. М. Прогресс – 1983.

Ларина (Бухарина) Анна. Незабываемое. М. АПН – 1989.

Война и политика. 1939 – 1941 М. Наука – 1999.

Фляйшхауэр Ингеборг. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938 –1939. М. Прогресс – 1991.

Климковский Ежи. Я был адъютантом генерала Андерса. М. МЭИ – 1991.

Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М. Воениздат – 1964.

Симонов Константин. Глазами человека моего поколения. М. Правда – 1990.

От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М. Политиздат – 1992.

От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М. Политиздат – 1988.

Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. Политиздат – 1990.

Риббентроп, Иоахим фон. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск. Русич – 1998.

Шелленберг Вальтер. Мемуары. М. Прометей – 1990.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами во время Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. М. Политиздат – 1986.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В трех томах. М. АПН – 1984.

Маршал Жуков. Каким мы его помним. М. Политиздат – 1989.

Василевский А. Дело всей жизни. М. Политиздат – 1975.

Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М. Воениздат –1989.

Мерецков К.А. На службе народу. М. Политиздат – 1971.

Рокоссовский. Солдатский долг. М. Воениздат – 1984.

Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М. Воениздат – 1977.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М. Воениздат - 1971

Кузнецов Н. Г. Накануне. М. Воениздат – 1967,1989.

Горбатов А.В. Годы и войны. М. Воениздат – 1989

Устинов Д.Ф. Во имя победы. М. Воениздат - 1988

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М. Воениздат – 1987.

Шахурин А. И. Крылья победы. М. Политиздат – 1984.

Яковлев А. Цель жизни. М. Политиздат – 1972.

Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925 – 1945 г.г. М. Международные отношения – 1987.

Дубинин Н.П. Вечное движение. М. Политиздат – 1989.

Громов Евгений. Сталин: искусство и власть. М. Эксмо – 2003.

Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. Крымский мост – 9Д. Форум. Москва – 2003.

Джилас Милован. Лицо тоталитаризма. М. Новости – 1992.

Даллес Аллен. Искусство рзведки. М. Международные отношения и МП Улисс - 1992.

Мазер Вернер. Адольф Гитлер. Минск. Попурри – 2000.

Топтыгин Алексей. Неизвестный берия. СПБ – Нева. М – Молодая гвардия. 2002.

Аллилуев Владимир. Хроника одной семьи: Аллилуевы Сталин. М. Молодая гвардия – 2002.

Медведев Рой, Медведев Жорес. М. АСТ – Фолио. 2002.

Емельянов Ю. В. Сталин: На вершине власти. Путь к власти. М. Вече – 2003.

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. М. Воениздат – 1980.

Дневник Елены Булгаковой. М. Книжная палата – 1990.

Булгаков М. А. Собрание сочинений, том 5. М. Художественная литература – 1990.

Пастернак Борис. Собрание сочинений, том 4. М. Художественная литература – 1991.

История Европы. Минск – Вышэйшая школа, Москва – Просвещение. 1996.

Трифонов Юрий. Собрание сочинений, том 4. М. Художественная литература – 1987.

Два взгляда из-за рубежа. А. Жид. Возвращение из СССР. М. Политиздат – 1990.

Абрамов Алексей. У кремлевской стены. М. Политиздат – 1983.

Буллок Алан. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописа-

ние. Смоленск. Русич – 1994.

Ионг де Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М. Издательство иностранной литературы – 1958.

Новейшая история: подробности 1945-1999. М. Олимп Астрель. 2000.

Меир Голда. Моя жизнь: автобиография. Социнвест – Алматы. Горизонт – Москва. 1993.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль: политическая биография. М. Мысль – 1968.

Трухановский В. Г. Антони Иден. М. Международные отношения 1983.

Дали Сальвадор. Дневник одного гения. М. Искусство – 1991.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л. Наука – 1977.

Бэкон Фрэнсис. Сочинения в двух томах. М. Мысль 1972.

Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941 – 1945. М. Наука-1985

3. Издания специализированного назначения

Маслоу Абрахам. Мотивация и личность. СПБ. Питер – 2003.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М. Прогресс – 1990.

Райх Вильгельм. Психология масс и фашизм. Университетская книга – АСТ. СПБ – М. 1997.

Макконнелл Р. Кэмпбелл, Брю Л. Стэнли. Экономикс. Том 1. Реферто. Таллин – 1995.

Основы среднего технического менеджмента. Дрезден - 1994.

Военная психология. М. Воениздат – 1972.

Популярная медицинская энциклопедия. М. Советская энциклопедия – 1991.

4. Публикации в периодике

Нагловский Александр. Зиновьев, Троцкий. Смена 1990 год № 9.

Улам Адам. Гипноз Сталина. Известия от 29 мая 1991 г.

Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву. Новый мир. 1889 год № 7.

Вернадский В. И. Дневник 1938 года. Дружба народов, 1991 год №№ 2 - 3.

Вернадский В. И. Дневник 1939 года. Дружба народов, 1992 год №№ 11 – 12.

Лакер Уолтер. Главы из книги “Россия и Германия”. Иностранная оитература, 1991 год № 5.

Хаммер Арманд при участии Нейла Линдона. Главы из книги. Иностранная литература, 1988 год, №№ 2 – 3 .

Пастернак Зинаида. Воспоминания. Нева, 1990 г. №№ 2 - 4.

Известия ЦК КПСС. 1989 – 1991 г.г. Москва

Кроме того, в книге использованы документы и материалы Центра документации новейшей истории ВКО города Семипалатинска.

Оглавление

Ахметов
Марат Муханович

СТАЛИН. РАЗГАДКА СФИНКСА

Редактор *П.В. Косович*
Компьютерная верстка *Е.Г. Котлярова*
Корректор *С. Сарманова*
Дизайн обложки *«Учебная книга»*

Издательство ТОО *«Учебная книга»*
Республика Казахстан
100011, г. Караганда, 13 мр, д. 34-9
E-mail: uch_kniga_kar@mail.ru

Подписано в печать 24.08.06. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Физ. п. л. 36,5 + 0,25 вкл.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3211

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: ippps@atnet.ru

Марат Ахметов родился в 1954 году в Семипалатинске. Он – профессиональный журналист, один из самобытных и талантливых казахстанских литераторов-исследователей и является автором ряда исторических публикаций и миниатюр, книг и пьес.

Представленное здесь исследование впервые было опубликовано в 2002 году под названием «Слово о Сталине – последнем императоре России». Вы держите в руках новый вариант, значительно дополненный и исправленный. Автор искренне убежден, что давно назрело время для окончательной реабилитации одного из крупнейших государственных деятелей всех времен и народов.

В книге Генералиссимус изображается не всесильным диктатором или несусветным монстром, а правителем необычайной силы политической воли, персоной с неформальным подходом к решению любой проблемы. Читатель сможет убедиться, насколько нестандартно подается автором Иосиф Сталин и его грандиозные деяния; также интересно представлен минувший век – во всем величии и несовершенстве, трагизме и достижениях.

М. АХМЕТОВ

СТАЛИН • РАЗГАДКА СФИНКСА